Министерство культуры, печати
и по делам национальностей Республики Марий Эл

Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

II ЎПЫМАРИЙ ЛУДМАШ (II ВАСИЛЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ): АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции
с международным участием
(Йошкар-Ола, 9–10 декабря 2022 г.)

Йошкар-Ола
2023

УДК [08+80/81+94](470.343)
ББК 94+81.2+83.3(2 Рос. Мар)
В 27

Издание подготовлено в рамках реализации государственной программы Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2025 годы»

Печатается по решению Ученого совета Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Рецензенты:
Л.С. Матросова, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
О.В. Титова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

Редакционная коллегия:
Л.Я. Григорьева, М.Т. Ипакова (*отв. ред.*), **С.С. Сибатрова**

Составитель: **М.Т. Ипакова**

В 27 **II Ӱпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики:** материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Йошкар-Ола, 9–10 декабря 2022 г.). – Йошкар-Ола, 2023. – 496 с.

ISBN 978-5-94950-120-7

В сборнике публикуются материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «II Ӱпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики», состоявшейся 9–10 декабря 2022 г. в г. Йошкар-Оле. В них освещаются актуальные проблемы языка, литературы, фольклора, истории и культуры народов Урало-Поволжья. Выпуск посвящен Дню марийской письменности.

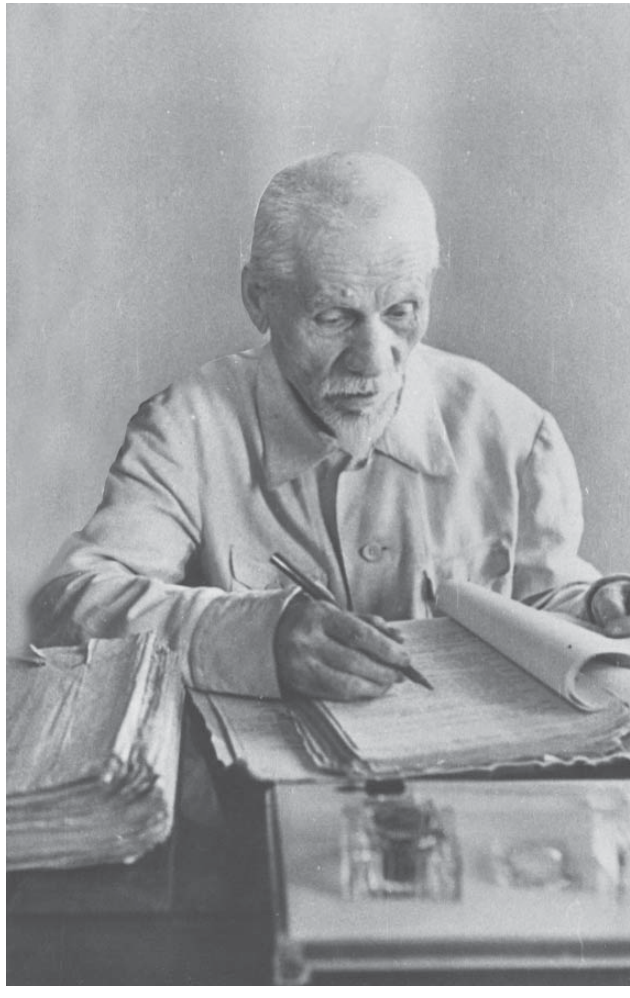
Издание адресовано преподавателям вузов, аспирантам и студентам, учителям родного языка и литературы, специалистам по финно-угроведению, тюркологии, а также тем, кто интересуется языками, литературой и устным народным творчеством.

УДК [08+80/81+94](470.343)
ББК 94+81.2+83.3(2 Рос. Мар)

Мнения, высказанные в материалах сборника, не обязательно совпадают с точкой зрения редакционной коллегии.

ISBN 978-5-94950-120-7

© Коллектив авторов, 2023
© МарНИИЯЛИ, 2023

ВАСИЛЬЕВ Валериан Михайлович
(1883–1961)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 8

Вступительное слово врио директора Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева ***Л.Я. Григорьевой*** 12

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Абукаева Л.А. Материалы по этнической религии мари в словаре В.М. Васильева «Марий мутэр» 14

Гильмитдинова Е.М., Байгузина С.А. Дом-музей В.М. Васильева: от истории к практике 25

Сафин Ф.Г. Этноязыковые проблемы марийского населения в Башкортостане на современном этапе 31

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Языкознание

Беленов Н.В. Возвращаясь к вопросу о лимнониме *Каль* на Самарской Луке 46

Водясова Л.П. Организация сложного синтаксического целого с динамичным зачином в повести М.И. Брыжинского «Набат» 51

Водясова Л.П., Иванова Г.С., Иванова Н.В. Фонетические явления в области вокализма в переходном диалекте мокшанского языка 57

Душенкова Т.Р. Трансформация образа солнца в удмуртской лингвокультуре 65

Ипакова М.Т. Наречия, указывающие на соотнесенность времени действия с настоящим моментом речи, в марийском языке ... 76

Кадерова С.А. Семантическая характеристика посессивных глаголов в мокшанском и английском языках 84

Кашкин Е.В. Сложные глагольные комплексы в татышлинском говоре удмуртского языка: ареальная перспектива 90

Кельмаков В.К. Первая печатная грамматика удмуртского языка и удмуртская письменность 104

Ключева М.А. Об экспериментах В.М. Васильева по музыкальной нотации марийской речи и современных технических возможностях анализа речевой интонации 117

Кузнецов А.В., Кузнецова Н.М. Топонимы марийского происхождения в системе географических названий Янтиковского района Чувашской Республики 130
Матросова Н.В., Матросова Л.С. В.М. Васильевын шанче пашалаштыже глаголын видовой классше-влак 142
Матросова Н.В., Матросова Л.С. В.М. Васильевын шанче пашаштыже наречий 146
Мосина Н.М. Семантика глаголов речи в эрзянском и финском языках 150
Некрасова Г.А. Статус пролативных суффиксов в пермских языках: падеж или форма 157
Некрасова О.И. Разговорники в коми лексикографической практике 169
Пекшеева Э.И. Заимствованный компонент в лексике пчеловодства марийского языка 175
Пекшеева Э.И. Из истории изучения ремесленной лексики марийского языка 186
Понарядов В.В. Общие иранские заимствования в финно-угорских и славянских языках 196
Сергеев О.А. Йылмын кугезе улмыжым тоштемше але йомын шушо мут дене аклат 202
Сибатрова С.С. Адъективные словосочетания с местоимениями в марийском языке 214
Теуш О.А. Наименования сырых, заболоченных мест в вятских говорах русского языка в сравнительно-историческом аспекте 227
Цыплакова О.Ю., Шугаева Т.В. Фитонимическая лексика в прозе Е.В. Четвергова 232
Эрцикова Г.А. В.М. Васильев и марийская диалектология 242

Фольклористика и литературоведение

Батяев В.Ф. Еврейские праздники зимнего цикла в Беларуси 251
Бояринова Г.Н. Драматург С.Г. Чавайнын сӱретлыме тӱняже 261
Бояринова Г.Н. Н. Игнатьевын «Шык» драмыжын йылме могырым семантике рӱдыжӧ 268
Глухова Н.Н. Символика чисел песен финно-угров Урало-Поволжья 281

Зайцева Т.И., Петрова Е.Н. Жанр баллады в творчестве удмуртских писателей-фронтовиков 293
Иликаев А.С. К проблеме образа мирового древа в финно-угорской и марийской мифологии 300
Максимова О.М. Творческое наследие удмуртского публициста-фронтовика М. Лямина 313
Михайлов В.Т. Виталий Петуховын «Пӱркыт ден курныж-влак» романже: тематике, проблематике да жанр ойыртем 322
Пенькова М.В. Сказки в издании «Марла календарь»: к вопросу об идейно-художественном своеобразии 329

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

Акшиков А.Г. Из истории добычи и обработки марийцами известняка в Уржумском уезде Вятской губернии в XIX – начале XX в. 342
Епанешникова М.О. Опыт театрализации в образовательном процессе (на примере культурно-образовательного проекта «Уроки литературы в театре») 349
Забышная Г.В. О творческой деятельности Владимира Пирадова в большом театре Беларуси 359
Зеленеева Г.С. Функционирование национальных языков в Республике Марий Эл в современный период (по материалам социологических исследований) 368
Земскова Е.В. О новых формах хоровой практики (на материале белорусского концертно-исполнительского искусства) ... 376
Кленов А.М. Документы личного происхождения видных представителей марийского народа как бесценные материалы культурного наследия Марий Эл (по документам Государственного архива Республики Марий Эл) 382
Костина К.Г. Проектная деятельность как способ мотивации обучающихся к изучению родного языка 390
Мокшина Е.Н. Митрополит Антоний (Вадковский) – миссионер и просветитель, реформатор русской православной церкви 396
Молотова Т.Л. Традиционный застольный этикет у марийцев 404
Низамова Л.Р. Языковые процессы в восприятии лидеров мнения республик Поволжья 411

Орлова О.В. Население Республики Марий Эл о языковой ситуации (по материалам социологических исследований) 417
Рябинина Е.С., Ключева М.А. Марийская гусельная традиция: от фольклора к шедеврам музыкальной классики..... 425
Свечников С.К. Вопрос об этнониме «черемис» в источниках XVI–XVII вв. 431
Сираэтдинов К.О. Этнодемографический аспект идентичности марийского населения в Башкортостане (1979–2010 гг.) 443
Тяпкова А.И. Роль фестивалей в сохранении культурного наследия Беларуси 453

СООБЩЕНИЯ

Ключева М.А. Об открытии мемориальной доски Анне Романовне Сидушкиной 467
Макарова Е.В. История деревни Шайтаново в устных рассказах и дневниковых записях сельчан: военная летопись 473
Пчёлкина А.П., Андрианова Е.М. Яков Элексейнын сылны-мутыштыжо вашлиялтше вершӧр лӱм-влакын структур-семантике ойыртемышт 479
Сулейманова А.Н. Проблемы сохранения языкового разнообразия в эпоху глобализации (на примере Республики Дагестан) ... 484
Сведения об авторах 488

ПРЕДИСЛОВИЕ

26 апреля 2019 г. в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева открылись «I Васильевские чтения» («I Ӱпымарий лудмаш») в целях раскрытия неизвестных страниц в изучении наследия марийских просветителей, их роли в истории Марийского края. I Васильевские чтения были посвящены 90-летию известного финно-угроведа и тюрколога Николая Исанбаевича Исанбаева, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Марий Эл, зарубежного члена Финно-угорского общества, и связаны с его научными интересами.

9–10 декабря 2022 г. в г. Йошкар-Оле в рамках мероприятий, приуроченных ко Дню марийской письменности, прошла Всероссийская научно-практическая конференция «II Ӱпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики». Мероприятие продолжило проблематику I Васильевских чтений. Организатором выступил Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при поддержке Правительства Республики Марий Эл, Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Марийского государственного университета, Марийского регионального комитета финно-угроведов и Марийского национального конгресса. В современных условиях глобализации актуальным является изучение вопросов традиционных областей компаративистики, развития сравнительного и сопоставительного языкознания, сравнительного литературоведения, сравнительной культурологии, обсуждение проблем диалога в поликультурном образовании. Сравнительные, сопоставительные и типологические исследования как в синхронном, так и диахронном аспектах необходимы для выявления тенденций развития систем,

возможностей и пределов заимствования достижений других культур, путей сохранения собственных традиций, норм и ценностей.

Торжественно конференцию открыла врио директора Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева Л.Я. Григорьева. С приветствиями в адрес участников конференции обратились заместитель Председателя Государственного Собрания Республики Марий Эл Наталья Николаевна Козлова, заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Игорь Геннадьевич Садовин, директор института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета Родион Иванович Чузаев, председатель Всемарийского Совета – Мер Канаш, Оньыжа, директор Общественно-политического центра Республики Марий Эл Эдуард Васильевич Александров. Приветственный адрес поступил от министра образования и науки Республики Марий Эл Ларисы Анатольевны Ревуцкой.

В рамках конференции под руководством заместителя Председателя Государственного Собрания Республики Марий Эл Натальи Николаевны Козловой состоялась торжественная церемония возложения цветов к мемориальной доске выдающегося марийского учёного Валериана Михайловича Васильева. В работе пленарного заседания и четырех секций рассматривались актуальные проблемы сравнительного и сопоставительного языкознания и литературоведения, взаимодействие культур, языков, литератур в современных условиях, сравнительной культурологии в XXI в., социокультурные и исторические аспекты исследования регионов России, обсуждались перспективные направления развития современной компаративистики.

На пленарном заседании были заслушаны три научных доклада. Первый пленарный доклад «Материалы по этнической религии мари в словаре В.М. Васильева «Марий мутэр» был прочитан главным научным сотрудником МарНИИЯЛИ, доктором филологических наук Л.А. Абукаевой, которая отметила: «Мари мутэр» В.М. Васильева является культурологической ценностью, источником, в котором представлены концепты, культурные коды марийского языка и жизненные ценности народа, репрезентирующие языковую

картину мира мари. Материалы словаря позволяют понять значение и значимость ритуалов марийской этнической религии, смысл сакральных текстов». Следующий доклад «Этноязыковые проблемы марийского населения в Башкортостане на современном этапе» был представлен главным научным сотрудником, заведующим отделом этнополитологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева (г. Уфа), доктором исторических наук, профессором Ф.Г. Сафиным. По мнению Фаиля Габдулловича, несмотря на ряд проблем, этноязыковая идентичность представителей марийской национальности в Республике Башкортостан остается высокой. Наиболее существенным фактором, влияющим на высокий уровень признания родным языка своей национальности, на взгляд профессора, выступает сохранившаяся тенденция обучения и изучения родного марийского языка в школах, которые находятся на территориях с компактно проживающим марийским населением. Сохранению и развитию этноязыковой идентичности марийцев в Башкортостане, кроме того, способствуют издаваемые в двух районах на республиканском уровне газеты «Чолман» («Кама») и «Келшымаш» («Дружба») на марийском языке. Участники пленарного заседания заслушали также онлайн-доклад заведующей Домом-музеем В.М. Васильева Е.М. Гильмитдиновой «Дом-музей В.М. Васильева: от истории к практике», в котором была представлена современная деятельность музея, связанная со сбором, обработкой и введением в научный и общекультурный оборот материальных и нематериальных объектов творческого наследия ученого.

Работа участников конференции проходила в четырех секциях: «Актуальные проблемы финно-угорского языкознания», «Сравнительно-историческое и сопоставительное изучение языков народов Урало-Повожья», «Сохранение языкового и культурного наследия как важнейшая задача современного общества», «Взаимосвязи и взаимодействия национальных культур». В рамках форума состоялись два круглых стола на темы: «Язык – языкознание – языковеды», посвященный видным марийским языковедам Г.Г. Кармазину (140 лет) и Д.Е. Казанцеву (90 лет) и «Марийская общественность: вчера, сегодня, завтра», приуроченный к 20-летию Регионального общественного движения Республики Марий Эл «Марийский национальный конгресс».

В формате круглого стола «Язык – языкознание – языковеды» обсуждены следующие вопросы: жизнь и научно-педагогическая деятельность известного марийского языковеда первой половины XX в. Г.Г. Кармазина, его вклад в развитие образования и лингвистики в Марийском крае; жизнь и научно-педагогическая деятельность крупного современного марийского лингвиста Д.Е. Казанцева, его выдающиеся заслуги в марийской описательной и исторической диалектологии и лексикологии, сравнительно-историческом и историко-типологическом изучении языков, русских говоров в Республике Марий Эл.

В работе круглого стола, посвященного марийской общественности, активное участие принял Первый заместитель Председателя Правительства Республики Марий Эл М.З. Васютин, который выразил слова благодарности за вклад в развитие институтов гражданского общества. О 20-летнем пути развития общественной организации, достижениях и результатах работы с молодежью, населением республики, о партнерстве между властью и общественными организациями рассказал председатель Марийского национального конгресса Э.А. Иманаев. С опытом работы в этом направлении поделились главы муниципальных образований Л.Л. Михеева (Параньгинский район), Е.В. Небогатиков (Новоторъяльский район), В.И. Сергеев (Волжский район). На мероприятии также обсудили вопросы о партнерских отношениях между марийскими общественными организациями и о молодежном движении в Марийском крае.

В данном издании представлены основные итоги II Васильевских чтений, приоритетными направлениями работы которых стали актуальные проблемы языкознания, фольклористики и литературоведения, социологии, этнической истории и культуры.

Редакционная коллегия благодарит всех авторов и надеется на дальнейшее научное сотрудничество.

Вступительное слово врио директора Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева Л.Я. Григорьевой

Поро кече, пагалыме йолташ-влак!

Марий Эл Республикын кугыжаныш пайремже дене чыландамат шокшын-шокшын саламлем! Марий йылмышанчылан негызым пыштыше, кумдан палыме финн-угровед В.М. Васильев лӱмеш эртаралтше конференцийна Марий тиште кечылан пӧлеклалтеш да тиде поро йӱлашке савырна манын, ӱшанена. Пагален толмылан пеш кугу тау! Чылалан вий-куатым, пеҥгыде тазалыкым, тыныс илышым, волгыдо ончыкылыкым тыланена.

Добрый день, уважаемые гости, участники конференции, дорогие коллеги, друзья!

От имени Организационного комитета конференции и коллектива Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева разрешите приветствовать вас и открыть Всероссийскую научно-практическую конференцию «II Ӱпымарий лудмаш (II Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики», посвящённую Дню марийской письменности.

Термин «компаративистика» мы применяем в широком смысле этого слова: сравнительное, сопоставительное и типологическое исследование регионов, языков, литератур, культур, религий и других социально-гуманитарных знаний.

Искренне рады, что конференция, названная в честь выдающегося сына марийского народа В.М. Васильева, объединяет нас, уважаемых ветеранов, учёных, государственных служащих, специалистов учреждений образования и культуры, общественных деятелей, журналистов, аспирантов и студентов. Надеемся, что нам удастся

создать дискуссионную площадку для обмена исследовательским опытом в различных областях гуманитарного познания, опытом общественных движений, что позволит выделить перспективные направления совместной деятельности, отвечающие требованиям времени.

В работе конференции примут очное и онлайн-участие более 80 специалистов по гуманитарным наукам. География участников конференции расширяется: отрадно, что к 14 регионам России присоединились и представители Республики Беларусь. Назовём города: Екатеринбург, Ижевск, Йошкар-Ола, Казань, г. Кызыл Республики Тыва, Махачкала, Москва, Самара, Санкт-Петербург, Саранск, Сыктывкар, Уфа, Ханты-Мансийск, Чебоксары, а также Параньгинский и Советский муниципальные районы Республики Марий Эл.

Желаем всем участникам конференции плодотворной работы, творческой результативной дискуссии, активности и оптимизма.

Уверены, что результаты исследований и обсуждений будут полезны всем участникам конференции, а предложенные рекомендации найдут применение в дальнейшей практической деятельности каждого из нас. Всем крепкого здоровья, благополучия и новых научных свершений!

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 811.511.15+299.4

Л.А. Абукаева
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ МАРИ В СЛОВАРЕ В.М. ВАСИЛЬЕВА «МАРИЙ МУТЭР»

Словарь В.М. Васильева «Марий мутэр», помимо лингвистических сведений, дает обширную информацию о духовной культуре народа мари. В нем представлены номинативные единицы (слова и составные наименования) – номинации персонажей марийского пантеона, названия молений, предметов культа. Иллюстрации из текстов марийских молитв отражают особенности культовой практики.

Ключевые слова: *лексикография, лингвокультурология, В.М. Васильев, словарь, марийская этническая религия.*

The Марий Мутэр Dictionary compiled by V.M. Vasiliev in addition to linguistic information provides extensive facts about the spiritual culture of the Mari people. The dictionary contains nominative units (words and compound nominations) – nominations of the Mari pantheon characters, names of prayers and objects of worship. The peculiar features of the cult practice are illustrated by the Mari prayers texts.

Key words: *lexicography, cultural linguistics, V.M. Vasiliev, dictionary, Mari ethnic religion.*

Исследование языка, религии и культуры как единого целого позволяет выявить и изучить явления, характерные для отдельного

этноса. Лексикографические источники могут служить своеобразной энциклопедией духовной и материальной культуры народа. К таким работам, безусловно, относится словарь В.М. Васильева «*Марий мутэр. Тӱрлӧ вэрэ илыӹшэ марийын мутшыӹм таҥастарэн нэргэлыӹшэ кнага*». Словарь вышел в свет в Москве в Центральном издательстве народов СССР в 1926 г. [5]. Следует отметить, что издательство было образовано по рекомендации XI съезда РКП(б) с целью обратить особое внимание на публикацию литературы народов национальных меньшинств. Миссией издательства стало содействие культурному развитию всех народов и народностей Советского Союза.

К этому времени В.М. Васильевым уже были составлены и изданы «Черемисско-русский словарь» (1911) [6] и «Марий мутэр. Маро-русский словарь» (1924) [4]. К тому же опыт, приобретенный в результате перевода книг и брошюр различного содержания с русского на марийский язык, сбора и издания фольклорных материалов, издания марийских календарей, книг, составления записок по грамматике марийского языка [3] – словом, практически вся его предшествующая жизнь и деятельность позволили В.М. Васильеву достичь своих целей, которые он ставил при издании «Марий мутэр». Не случайно в начале словаря В.М. Васильев помещает автобиографию, где перечисляет наиболее значимые свои труды: «*Мыйыӹн шкэ возыӹмо кнагам-влак молыӹн возыӹмаж гыӹч погэн лукмыӹжгэ кугуракшэ тыӹгайэ улыӹт: 1. Вэсь марла кнага. 2. Марла чот. 3. Тӱрлӧ чэр порэмдыӹмэ. 4. Марий мут. 5. Почэла мут (кок кнага). 6. Тӱрлӧ марийын кумалтыӹш мутыӹшт. 7. Марий муро (кок кнага). Руш йыӹлмэ дэнэ лукмо тыӹгайэ: 1. Марий йыӹлмыӹн законжым ончыӹктыӹмо. 2. Мужедше, йӱзо, мужо-гожыӹм ойлыӹмо кокла. 1917 ий годсэкак тӱрлӧ-тӱрлӧ марла кнагам савыӹктыӹмаштэ тӧрлатыл илыӹшым*» [5, с. IV]. Здесь и далее сохранена орфография источника, тексты на марийском языке выделены курсивом.

Одной из задач «Марий мутэр» названо обеспечение понимания «книжного языка». В.М. Васильев пишет, что при внимательном рассмотрении «различие между наречиями не столь существенное

(оно относится более к выговору и провинциализмам, чем к корням и формам языка) и что, при ближайшем взаимном ознакомлении представителей их с наречиями и говорами, устранение указанных различий вполне возможно, так как всякое взаимоознакомление в конечном счете сглаживает различия, делая их общим достоянием, нивелирует и объединяет язык» [5, с. IX].

В предисловии от издательства указывается, что в книгу вошли слова и выражения марийского языка в многообразии его наречий. Материалы были собраны почти из всех местностей, «где только обитают марийцы, именно из территорий, числящихся в следующих <…> республиках и автономных областях: Татреспублике, Башреспублике, Марийской и Вотской автономных областях и из не вошедших в эти административные деления местностей Кунгурского округа Уральской области (бывший Красноуфимский уезд) и Уржумского, Яранского и Малмыжского уездов Вятской губернии» [5, с. IX].

О разнообразии и богатстве материалов словаря В.М. Васильев пишет, что они «представляют: во-первых, печатные произведения на марийском языке, а именно: художественные рассказы, учебники, учебные пособия и книги по прикладным знаниям, во-вторых, печатные труды по этнографии мари на русском и немецком языках, в-третьих, словари маро-русские и маро-немецкие и, в четвертых, рукописи – произведения устной марийской народной словесности, как то: песни, сказки, загадки, рассказы, легенды, поговорки приметы, молитвенные тексты, заклинания, заговоры и, кроме того, рукописи в виде специальных записей для словаря, именно: названия зверей, птиц, растений, слова отпечаточные и детские и технические слова, относящиеся к самым разнообразным видам человеческого труда» [5, с. X]. При этом В.М. Васильев подчеркивает, что в словарь включены и новообразования, которые созданы взамен слов из другого государственного языка (*вес кугыжаныш йылме гыч*), т.е. русского. Он также особо отмечает, что ранее марийский язык отличался чистотой.

В сбор материалов были вовлечены информанты-патриоты. В предисловии В.М. Васильев благодарит И.Н. Коведяева (Умшар),

И.Я. Бурдакова (Пуртак Й.), Г.Л. Леонтьева (Икумарий), Н.В. Васильеву, А.А. Казанского, Г.Г. Кармазина (Эвайын), Н.Г. Яковлева, Б.И. Исанбахтина, Л.Я. Мендиарова, Н.Ф. Бутенина, М.С. Герасимова (Микай), М.Г. Полатын, Н.С. Тоймурзина, А.А. Пашаева, Н.И. Иванова, В.И. Вайтина, Д.Ф. Бушкова, Н.С. Мухина, С.Г. Чавайна, Т.Е. Евсевьева, В.М. Иванова (Эпатын) П.И. Вавилова (Монарын), А.И. Афанасьева, Е.П. Ермакова, П.П. Глезденева, Ф.Е. Егорова, А.П. Шумелеву, Т.М. Короткова (Ямбос), А.К. Эшкинина, В. Ямбердина, В.А. Андреева, А.М. Денисова, Я.Л. Лукина, И.К. Кириллова, П.П. Платонова, Г.Е. Ефремова и Н.М. Орлова (Акрэй).

Наибольшую ценность для современных читателей и пользователей словаря имеют завершенные в смысловом отношении фрагменты песен, заговоров, заклинаний, молитв, например: *Амы̆л* (ӱ. м.) – предопределение. *“Йумы̆н амы̆л дэнэ илэна” маны̆т* [5, с. 22] ‘Божьим предопределением живем, говорят’ (здесь и далее перевод иллюстраций в марровских кавычках наш. – *Л.А.*); *Анты̆м ы̆штэм* (ӱ. м.), *йумы̆м налам, товатлэм, товаласэм* (о. м.) – божусь, клянусь [5, с. 23]; *Йумы̆што шӱдӹр шуко уло; ший тэҥгэ лийы̆н вэлгэчэ* [5, с. 48] ‘На небе звезд много, вот бы упали, превратившись в серебряные рубли’; *Кишкэ чӱҥгалмыла* – отговор против укуса змеи. *Кӱкшӱ курык вуйы̆што шӧртньӧ сондык, шӧртньӧ сондык кӧргы̆ыштӹжӧ шӧртньӧ тэркэ, шӧртньӧ тэркэн кӧргы̆штӹжӧ порсы̆н мундыра; кишкэ тушко мийэн, чӱҥгалы̆н налы̆н кочкы̆н-йӱӹн, пы̆тарэн кунам кэртэш гы̆н ик сатыштэ, тунам ижэ мы̆ньы̆м чӱҥгал кэртшэ!* [5, с. 68] ‘На вершине высокой горы золотой сундук, в золотом сундуке золотая тарелка, в золотой тарелке шелковый клубок; змея, когда сможет заползти туда и съесть за один час, пусть только тогда меня сможет укусить’.

В «Марий мутэр» богато представлены материалы, относящиеся к марийской этнической религии, среди них: номинативные единицы (слова и составные наименования), устойчивые выражения, иллюстрации из текстов марийских молитв с пометами *рел.* (*религиозное*), *божеств*. (*божественное*), *к. м. гы̆ч, к. мут гыч – кумалтыш*

мут гыч ‘из текстов молитв’, например: «*Тӱнчӓ пэркэ* – рел. термин, вселенская благодать; *Ший-вундо казна сура-вочӹш* – рел. терм. источник благ» [5, с. 216]; *Ший-вундо казна сура-вочӹш, ший-вундо казнадым почӹлтарэ (к. м. гӹч)* [5, с. 260] ‘Ключ от источника благ серебра, открой свой источник серебра’. Дословный перевод примеров из словаря позволяет реконструировать фрагменты религиозных воззрений мари, например, как в случае с последней иллюстрацией. Однако в словаре «Марий мутэр» перевод таких примеров В.М. Васильевым не дается.

Объяснение следует искать в целях, которые ставил В.М. Васильев, создавая свой труд, и в историческом контексте. «Задача настоящего словаря в том именно и заключается, чтобы, во-первых, представить все наречия и говоры марийского языка в целях взаимоознакомления <…> говорящих масс друг с другом; во-вторых, дать ключ к чтению литературы на марийском языке и удовлетворить хотя бы в некоторой степени потребности в руководстве для пишущих на марийском языке (специальным в последнем отношении руководством является русско-марийский словарь) и, наконец, в-третьих, дать необходимый материал для проведения во всей широте вопроса о реализации марийского языка и выработки в конечном счете единого общепонятного для всех марийцев литературного языка», – так В.М. Васильев сформулировал по сути свою миссию при создании великого труда [5, с. IX].

Исторические условия, в которых шла завершающая часть работы над словарем, были следующими. В 1921 г. в целях координации антирелигиозной борьбы при подотделе пропаганды Агитпропотдела ЦК РКП(б) была создана Антицерковная комиссия, в 1922 г. было образовано общество «Атеист», а в 1925 г. на основе Общества друзей газеты «Безбожник» основана общественная организация «Союз воинствующих безбожников» [2]. И все же В.М. Васильев не только иллюстрирует словарные статьи примерами из текстов молитв, но и посвящает религиозной терминологии отдельные словарные статьи: *Йумӹн-айар кон-кэчэ* – суббота в праздник Кугече; *Йумо ужатым̈е кече, шочмо* – понедельник,

конец праздника Кугече, ‘букв. день проводов Бога’; *Йумо пӱрыкшӧ* – бог творец; *Йумыӹлан-пумаш* – название молитвенной рощи и самое моление; *Йумыӹн-ава* – божья мать; *Йумыӹн-амыӹр* – божья воля; *Йумыӹн витньыӹзэ* – докладчик бога [5, с. 311]; *Йумыӹн пий-амбар* – пророк божий; *Йумыӹн пӱйыӹршӧ* – творец божий; *Йумыӹн саус* – божий распорядитель; *Йумын-шочыӹн* – божеств. Жизнедатель (?); *Йумыӹн шукчо* – ангел божий; *Йумын пэркэ* – благодать божества [5, с. 312] и др.

Лексемы, обозначающие персонажей марийского пантеона, представлены также в отдельной словарной статье, *Мэр куго йумо* – назв. божества, великий бог вселенной [5, с. 131]. Причем при составлении таких словарных статей ученый принимает во внимание их иерархию и приводит все «семейство» бога (*Юмын ешыже. – Л.А.*): *Кугэчэ кугу-йумо, кугэчэ кугу-йумыӹн пэркаважэ, кугэчэ кугу-йумыӹн ашыӹжэ, кугэчэ кугу-йумыӹн шочыӹнжо, кугэчэ кугу-йумыӹн пӱршыӹжӧ, кугэчэ кугу-йумыӹн аважэ* – названия божеств великого дня [5, с. 82]; *Тӱньӓ кугу йумо* – назв. божества, великий бог вселенной. *Тӱньӓ кугу йумыӹн ашыжэ. Тӱньӓ кугу йумыӹн онжо. Тӱньӓ кугу йумо оныӹн аважэ. Тӱньӓ кугу йумыӹн пӱршыӹжӧ. Тӱньӓ кугу йумыӹн пэркаважэ. Тӱньӓ куго йумыӹн шочыӹнжо* [5, с. 216] ‘Успех (Изобилие?) великого бога вселенной, Владыка великого бога вселенной, Мать владыки великого бога вселенной, Создатель великого бога вселенной, Мать изобилия великого бога вселенной, Зиждитель великого бога вселенной’; *Тӱҥ Тӱҥалтыш, тӱҥ ыӹлыӹкш кугу йумо, кугу пуйыӹршо* – начало начал, великий бог первожизни, великий создатель; *Тӱҥ Тӱҥалтыш, тӱҥ ыӹлыӹкш кугу ава* – начало начал, великая мать первожизни [5, с. 217].

Сведения об иных персонажах марийского пантеона представлены в иллюстративных материалах: *Илан* – жизненный. *Мыӹландэ илан йумо* – (назв. божества) жизнедатель [5, с. 53].

Тематическая группа «Религия» в словаре представлена также названиями молений, например: *Кугэчэ кумалтыӹш когыльо чоклыӹмо кэчэ, рушарньан лийэш* – моление великого дня с пирогами [5, с. 82] ‘бывает в воскресенье’; *Арньа-кэчэ кумалтыӹш* – моление

в недельный день, в пятницу [5, с. 25]; *Пасу кумалтыш, пасу кӧргӧ кумалтыш* – полевое моление [5, с. 154]; *Йӱр пучумыш дэнэ кумалмаш, корак пучумыш* – моление по случаю бездождия [5, с. 314] ‘букв. моление с дождевой кашей, воронья каша’; *Шошо ага-пайрам кумалтыш* – моление после весенней пашни [5, с. 270]; *Мэркӱсӧ кумалтыш* – общественное моленье, совершаемое несколькими деревнями в июне месяце [5, с. 131].

К числу важных сведений, позволяющих расшифровать в текстах марийских молитв культурный код, следует отнести наименования объектов культа: *Ото, йумото = йумо + ото, йумын ото* – место для молений. *Ото, лӱмдэн кумалаш кодымо изи чодра* – молитвенная роща [5, с. 148]; *Мэр-кӱсӧ – йыр йал калык дэнэ кумалмэ ото* – молельная роща для нескольких деревень или прихода; *Миргӱсӧ, кумалмэ ото* – общественная молитвенная роща [5, с. 119]; *Кӱш-сакымэ шовыч, кумалмэ годсо* – флаг во время моления [5, с. 92]; *Уна-пу, онапу* – дерево, пред которым становятся для моления. *Йэш вуйа кумалмэ годым онапу йэш йэда лийэш* [5, с. 229] ‘Во время семейных молений священное дерево бывает у каждой семьи’; *Путул = пу + тул* – живой огонь, добываемый трением дерева. *Путулым отыштo кумалмаштэ луктыт* [5, с. 169] ‘Живой огонь добывают в роще во время моления’.

Будучи профессионалом высочайшего уровня, В.М. Васильев, лингвист, фольклорист, этнограф в одном лице, подает материал так, чтобы он был информативно насыщен, и приводит сведения об особенностях молений в честь бога или божества: *Кудо-водыж, изи-кудо-водыж* (о. м.) – дух шалаша. *Кудо-водыжлан пучумышым, ньэмырым чоклэн изи ужашым эртньэш пыштэн изи-кудо пусакэш торгаш сакат улмаш* [5, с. 82]. ‘Оказывается, духу шалаша небольшую часть намоленной каши вешали в берестяном туесе в углу кудо’.

Представляя обрядовую лексику, к примеру названия жертвенных даров и их частей, В.М. Васильев в иллюстрациях дает сведения об особенностях совершения ритуалов: *Шылшопшар, кумалмаштэ вошtырэш кэрэдымэ индэш шыл падраш; тудым унапуэш*

ӱштыӹш кэрыӹт – прутик с девятью частиц (кусочками. – *Л.А.*) мяса от жертвенных животных [5, с. 283] ‘его прикрепляют к поясу на священном древе’; *Шӱвӧ, йумыӹлан пушаш парчакла* – жертвенные кусочки. *Шӱвыӹлӓн тыӹгыӹдэмдыӹмэ мэлнам онайэҥ кидыӹшкыӹжэ налэш* [5, с. 277] ‘Кусочки жервенных блинов служитель культа берет в руки’; *Мама-окса, кумалмэ годыӹм онайэнлан пумо окса, пашадаржэ* – плата жрецу за труд при молении [5, с. 117]; *Надыӹр* (ол. м.) – *кумалаш пыӹштыӹмэ окса* – жертва, денежная жертва. *Таҥастарэ: мама окса* [5, с. 132]; *Ньэмыӹр, ньэмэр – кашица. Ньэмыӹрыӹм кумалмаштэ уржа ложаш дэнэ ыӹштат* [5, с. 139] ‘Кашицу на молениях готовят из ржаной муки’; *Вуй-вольыӹк* – глава животных; так называемое одно или группа домашних животных, из числа приносимых в жертву по языческому обряду. *Кок ий лийэш ыӹндэ мэ отыӹшто вуй-вольыӹк дэн кумалыӹн онаул* [5, с. 40] ‘Вот уже два года, как мы не молились в роще с жертвенными животными’; *Пӓк (ӱ. м.), йыӹтыӹра, йандар* – чистый. *Ош тувыӹр йалаш чийэн, пӓк могыӹр дэнэ ӧтыӹнэн кумалыт* [5, с. 155] ‘Надев белые одежды, с чистыми телами истово молятся’.

В словаре без пояснения лексических значений, со знаком вопроса, но с иллюстрациями даны: *Йӱмыӹнаш (?)* [5, с. 311]; *Йумыӹн-кӱслэ (?)*; *Йӱмыӹн Тӱтыра* божий туман (?) и др. Следует отметить, что значение этих слов можно прояснить, обратившись к другим словарным статьям. Так, например, лексема *аш* дается как омоним со значениями «польза», «успех», «прогресс» [5, с. 29]. Все это свидетельствует о бережном отношении ученого к собранному материалу, его стремлении максимально полно представить сочетательные и выразительные возможности слов и в целом ресурсы, богатство марийского языка, а также обеспечить информативность иллюстративных материалов.

В лексикографическом труде В.М. Васильева в качестве иллюстраций использовано значительное количество примеров из текстов молитв (по нашим подсчетам, всего 97 иллюстраций). Это неудивительно, поскольку среди источников указана книга «Тӱрлӧ марийын кумалтыш мутышт. – Молитвенные тексты марийцев»,

изданная в Казани в 1918 г. В.М. Васильевым. В словаре примеры из текстов молитв представлены следующим образом: *Кум. м. гы̆ч* (2 примера), *К. мут гы̆ч* (2 примера), *К. м. гы̆ч* (91 пример), *Км. м. гы̆ч* (1 пример*): Кумалты̆ш мут гы̆ч* – Из молитвенных слов [5, с. 323], а также с пометой в молитв. яз. (1 пример). Например, на первой же странице собственно словарной части работы при междометии *а* приводится иллюстрация из текста молитвы: *А-ӓ* – междом. при некоторой задержке мысли. *А... мы̆й ы̆рвэзэ да, ы̆рвэзэ шикш йы̆мал копшангэ улам* (кум. м. г.) [5, с. 15] ‘А… я молодое да, молодое поддымное насекомое’. Ср. также: *Алалэшак* – в угоду. *Алал кумалы̆на, алалэшак йӧрӓтэн нал* [5, с. 20] ‘В угоду молимся, любя, прими наше моление’; *Ашнэм* (ол. м.) – содержу, владею, воспитываю. *Каван йолжо шӱйӹ̆н йӧрӓлтмэш ашнаш пуйы̆ры̆гэчэт маньӹ̆н сӧрбӓлэнӓ* (к. м. гы̆ч) [5, с. 28] ‘До той поры, когда подстожие сгниет, о сохранении (урожая) молимся’; *Куку* (о.м.) *кӱкӧ* (ӱ.м.) – кукушка. *Шы̆шы̆м родо кӱкӧ ганьэ лийы̆н, ваш палласэн илаш кужо ӱмӱрым пугэчда ильэ* (к. м. гы̆ч) [5, с. 83] ‘Молимся о долголетии, чтобы жить, общаясь с самой дальней родней, букв. словно семь поколений чужих кукушек’; *Кумултам, йы̆вы̆ртэм* – радуюсь. *Шиште ганьэ кумулт илаш* (к. м. гыч) [5, с. 84] ‘Жить, радуясь (отделяясь, т.е. расширяясь), словно шелк’.

В названном лексикографическом труде В.М. Васильева находим сложные слова и составные наименования с корнем *юм-*: *Йумы̆ндӱр* “горизонт”, букв. ‘божий / бога край’; *Йумо волгалтмаш* “северное сияние”, букв. ‘божье сияние’, *Йумо пӓрӹмӓш* “удар молнии”, букв. ‘удар Бога’, *Йумо онцы̆л, йумо ончы̆л* “божница”, букв. ‘перед Бога’, *Йӱмы̆н шӧрлы̆к* “киот, божница”, *Йумпундаш* “небо”, букв. ‘Божье дно’, *Йумы̆н-кӱй* “осколок метеора”, букв. ‘Божий камень’, *Йумы̆н-комты̆ш, Йумы̆н-кы̆шкар, кэчэ кы̆шкар, тӱнӓ* “мир”, букв. ‘Божий предел, солнечный каркас, остов’, *Йумы̆н тага* “бекас”, букв. ‘Божий баран’; *Йумы̆н-товат*, *йумончы̆лно* “ей богу”, а также устойчивые выражения со словом *юмо* ‘бог’: *Йумы̆м налам, товатлем* “клянусь”, букв. ‘Бога беру’, *Йумэт-порэт* “о напрасной надежде”, букв. ‘Бог твой – добро твое’. Многие из лексических единиц, к сожалению, вышли из активного употребления.

На сегодняшний день «Марий мутэр» В.М. Васильева – это богатейший источник, который позволяет расшифровывать смысл текстов молитв при обращении к толкованию значений слов и выражений. Например, слово *юмо* (горномарийское *йымы*) в десятитомном словаре марийского языка дается как многозначное: 1. *рел.* бог; верховное существо, управляющее миром, или одно из таких существ. *Мланде юмо* бог земли; *сандалык юмо* бог вселенной <...>. 2. *перен.* небо; видимая над землёй атмосфера. *Юмышто шӱдыр пешак шуко*. *МФЭ* <...>. В небе очень много звёзд. 3. *в поз. опр.* божий, бога; относящийся к богу, связанный с богом; божественный, религиозный. *Юмо йӱла* религиозные традиции; *юмо лӱм дене леведалташ* прикрываться именем бога. 4. *межд.* боже, бог мой, боже мой; выражает удивление, восхищение, негодование, огорчение [7, с. 174]. В дополнительном томе этого же словаря представлено пятое значение слова *юмо* ‘гром’ «гром» с пометой диалектное со следующей иллюстрацией: *Таче кече мучко юмо кӱдырта да йӱр йӱреш.* МДЭ. Сегодня целый день гремит гром и идёт дождь [8, с. 553]. Следует отметить, что попытки описания значения слова *юмо* предпринимались не только лингвистами, но и этнографами, которые изучали религиозные воззрения мари. Так, Т. Семенов в этнографическом очерке «Черемисы» пишет: «Верховного Бога черемисы называют Юмо. Этим же словом еще называется небо. Это обстоятельство заставляет предполагать, что черемисы в древности под именем *юмо* обоготворяли небо. В последующем развитии религиозных представлений черемис слово *юмо* стало выражать понятие вообще бог» [9, с. 19]. Необходимо сказать, что в словаре марийского языка В.М. Васильева в иллюстрации из текста молитвы имеется сложное слово *юмо-кава*: *Кондэн кэртдымыжым корэм мучан кэркэлэн кодэн, ончыл тичмашыжым йумылан-кавалан пэлэштэн* [5, с. 101] ‘То, что не смог принести, припрятал в овраге, а с тем, что принес (букв. первое, полное / непочатое), молился богу-небу’.

Материалы словаря «Марий мутэр» В.М. Васильева позволяют осуществить лингвокультурологический анализ текстов молитв,

выявить элементы религиозной картины мира марийского народа, смысл и значимость которых была утрачена в годы антирелигиозной пропаганды или затемнена в силу их забвения.

«Марий мутэр» В.М. Васильева является культурологической ценностью, источником, в котором представлены концепты, культурные коды марийского языка и жизненные ценности народа. Материалы словаря позволяют понять значение и значимость ритуалов марийской этнической религии, смысл сакральных текстов, поэтому следует осуществить репринтное издание этого лексикографического труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абукаева Л.А.* Тексты марийских молитв: архаика и современность // Вестник Марийского государственного университета. Т. 15. № 1. 2021. С. 59–65.

2. *Варакин С.А.* Союз воинствующих безбожников накануне и в годы Великой Отечественной войны (на материалах Горьковской области) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=16577 (дата обращения: 02.12.2022).

3. *Васильев В.М.* Записки по грамматике марийского языка. Казань: Первая центр. гос. тип., 1919. 78 с.

4. *Васильев В.М.* Марий мутэр. Маро-русский словарь. Краснококшайск, 1924. 112 с.

5. *Васильев В.М.* Марий мутэр. Тӱрлӧ вэрэ илы̆шэ марийы̆н мутшы̆м тан̆астарэн нэргэлы̆шэ кнага. Моско: СССР калы̆к-влак рӱдӧ савы̆ктты̆ш, 1926. 348 с.

6. *Васильев В.М.* Черемисско-русский словарь: Пособие при изучении черемисского языка: В словарь вошли слова восточного и лугового наречий черемисского языка. Казань: Центральная типография, 1911. 27 с.

7. Словарь марийского языка. Т. X. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. 256 с.

8. Словарь марийского языка. Дополнительный том. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. 560 с.

9. *Семенов Т.* Черемисы. Этнографический очерк. М.: Тип. А.Н. Снегиревой, 1893. 36 с.

УДК 069 (470.57)

Е.М. Гильмитдинова,
С.А. Байгузина
Дом-музей В.М. Васильева
(с. Сусады-Эбалак, Янаульский район,
Республика Башкортостан)

ДОМ-МУЗЕЙ В.М. ВАСИЛЬЕВА: ОТ ИСТОРИИ К ПРАКТИКЕ

Статья посвящена истории и деятельности Дома-музея В.М. Васильева в селе Сусады-Эбалак Янаульского района Республики Башкортостан. Музей известен как культурный центр, который выполняет социально значимые и культурно-просветительские функции в Янаульском районе.

Ключевые слова: *музей, проекты, экспонаты, этнография, культура марийского народа.*

The article describes the activity of The V. Vasiliev House-Museum in Susadu-Ebalak of Yanaul district, Bashkortostan as a cultural centre, which performs socially significant, cultural and educational functions in Yanaul district.

Key words: *Museum, projects, exhibits, ethnography, culture of the Mari.*

Если завтра мой язык исчезнет,
То готов я сегодня умереть.

Расул Гамзатов

Янаульский район – многонациональный район, где в дружбе и согласии проживают 36 национальностей. Преподавание в школах района ведется на пяти языках: русском, башкирском, татарском, удмуртском, марийском [4, с. 4].

Если говорить о марийском народе, то, по данным переписи 2010 г., в Янаульском районе проживает 3320 представителей народа мари (7 % от общего числа населения района).

Вопрос сохранения родных языков является ключевым, поскольку без знания родного языка немыслимо сохранение традиционного уклада жизни, духовной культуры народа. К духовным ценностям относятся родной язык, мудрые жизненные устои предков, художественные промыслы, праздники, обряды и фольклор. О развитии того или иного народа можно говорить только тогда, когда развивается его культура, когда чтят свои традиции и обычаи, когда помнят и почитают своих народных героев и, самое главное, когда подрастающее поколение разговаривает на родном языке. С уверенностью можно сказать, что народ, чьи дети не говорят на родном языке и не знают традиций, обычаев предков, обречен на духовную гибель. В современном обществе мы наблюдаем, что во многих марийских семьях родители общаются с детьми только на русском языке. Такое «воспитание» – отчуждение молодого поколения от родных корней, которое нередко ведет к пренебрежительному отношению к национальной культуре, традициям и прошлому народа.

Говоря об истории и культуре народа, нельзя оставлять в стороне имена тех деятелей, которые составляют предмет национальной гордости, в жизненном пути которых в определенном смысле заключена и отражается судьба народа. Яркой личностью, оставившей глубокий след в народной памяти, является первый марийский ученый, профессор, доктор филологических наук Валериан Михайлович Васильев (Ӱпымарий – уфимский мариец). Он осуществлял многогранную и поистине энциклопедическую научно-исследовательскую деятельность. Являлся языковедом, этнографом, фольклористом, музыковедом, литературоведом, педагогом-методистом, кропотливым и неутомимым собирателем материалов по языку, духовной и материальной культуре марийцев.

В память о выдающемся марийском ученом и его наследии 12 июня 1997 г. в селе Сусады-Эбалак Янаульского района Республики Башкортостан был открыт Дом-музей В.М. Васильева. Это решение было принято после третьего съезда мари, проходившего в октябре 1992 г. в городе Йошкар-Оле.

Интерес к этому великому человеку все более возрастал. В небольшое марийское село стали приезжать гости, в т.ч. из-за рубежа,

в частности из Финляндии, Венгрии. В конце 80-х гг. XX столетия в селе Сусады-Эбалак кроме дома, где родился и вырос В.М. Васильев, ничего не было. Дом был в ветхом состоянии и использовался как школьный интернат для девочек. И гостям, в т.ч. зарубежным, кроме школьного музея показывать было нечего. Под руководством директора школы Б.Д. Иванова ранее был открыт школьный музей. Преподавателями родного языка Т.И. Пашкиной, Н.З. Сайфуллиной был собран богатый материал и создан уголок, посвященный ученому В.М. Васильеву. В этом музее находился ценный экспонат – макет дома Васильевых, сделанный местным фельдшером В.М. Тойгузиным, родственником В.М. Васильева. Позже, в 1997 г., на основе макета дома было построено новое бревенчатое здание специально для музея. В открытии и оформлении музея большую помощь оказала директор национального музея г. Йошкар-Олы Мария Байрамовна Матукова (уроженка с. Рабак Янаульского района). Ею преподнесены в дар экспонаты в виде фотографий, книг самого В.М. Васильева [2, с. 20].

Торжественное открытие музея состоялось 12 июня 1997 г. В день открытия собралось большое количество гостей из соседних районов, артистов, писателей. На открытии присутствовали глава администрации города Янаул и Янаульского района Н.З. Зиязова, заместитель главы администрации по социальным вопросам Р.Т. Габдулхакова, делегация из г. Йошкар-Олы под руководством Первого заместителя Главы Правительства Республики Марий Эл Н.Г. Гаврилова. Первым заведующим музея был назначен Валериан Михайлович Тойгузин, родственник В.М. Васильева. Позже домом-музеем заведовала Светлана Аркадиевна Байгузина.

Следующим знаковым событием в истории дома-музея явилось торжественное открытие бюста В.М. Васильеву 4 июля 2009 г. Бюст установлен за счет благотворительных пожертвований от общественных деятелей и других активных представителей марийского народа. Автором бюста является известный уфимский скульптор Владимир Александрович Дворник [2, с. 48].

Ядро музейного фонда составляют материалы, посвященные Валериану Михайловичу Васильеву. Среди раритетов: рукопись

автобиографии (1957 г.), макет дома Васильевых (авт. В.М. Тойгузин), фотографии из семейного архива, родословная и др.

Следующий зал посвящен этнографии народа мари, его культуре и быту. Это предметы марийского быта, национальные костюмы.

Третий зал – зал краеведения, где содержится информация о земляках – участниках Великой Отечественной войны и воинах-интернационалистах, именитых уроженцах района, а также о природе края [1, с. 17].

Дом-музей В.М. Васильева в селе Сусады-Эбалак ведет активную работу по сохранению и развитию языка и культуры народа мари. Перед нами стоят две задачи: 1) сохранение и развитие этнической идентичности марийского народа, национального колорита; 2) увековечивание памяти выдающегося марийского ученого, «патриарха» марийского языкознания нашего земляка Валериана Васильева.

Какая же ведется работа по сохранению и развитию культуры марийского народа? Дом-музей В.М. Васильева активно сотрудничает с марийской общественной организацией «Эрвел марий» Янаульского района (руководитель – Александр Яковлевич Гайсин). Совместно проводятся различные мероприятия, организуются выставки и реализуются проекты. Благодаря участию и победам в конкурсах на средства грантов нам удалось провести целый ряд мероприятий, направленных на сохранение самобытности народа мари, на развитие его языка, образования, национальной культуры. Всего реализовано три проекта и выиграно четыре гранта – проекты, ставшие победителями в конкурсах на предоставление грантов Президента РФ на развитие гражданского общества в 2018, 2019 и 2020 гг. и на предоставление гранта Главы Республики Башкортостан на развитие гражданского общества в 2019 г.

Проект «Путешествие с «Марий Мутэр»: наследие Ӱпымарий» (руководитель – Е.М. Гильмитдинова) реализован за счет средств Фонда Президентских грантов. Цель проекта – создание детского сообщества наследников Валериана Васильева, великого ученого народа мари, уроженца Янаульского района, а также повышение

интереса местного сообщества к сохранению, развитию и популяризации материального и духовного наследия Валериана Васильева с помощью инновационных форм организации детского досуга в пространстве Дома-музея В.М. Васильева. В рамках проекта нами разработана и проведена квест-игра «Путешествие с «Марий Мутэр». Основой для данного мероприятия стал «Сравнительный словарь наречий марийского языка» (М., 1926; на обложке: 1928), созданный Валерианом Васильевым. Отличительной особенностью словаря является отражение лексики трех наречий марийского языка (лугового, восточного, горного). На первом этапе игры из общего числа обучающихся школы сформировали команды, которые под руководством волонтеров участвовали в игровых тренингах, направленных на выявление и сплочение творческого «ядра» проекта. Далее согласно маршрутам команды проходили конкурсные задания квест-игры по поиску слов из данного словаря. За каждый пройденный этап команды получали листья со словами марийских наречий. Маршруты квест-игры включали следующие направления: «Дом» (поиск слов, связанных с домом и домостроительством), «Мир» (поиск слов, связанных с духовной жизнью марийского народа), «Человек» (поиск слов, связанных с человеком, – названий органов человеческого тела, различных видов одежды, продуктов питания). Каждый маршрут рассчитан на три дня. Итоговым мероприятием стало заполнение Древа Познания листьями. Древо Познания, созданное местным художником, установлено в Доме-музее В.М. Васильева; оно имеет три ветви, символизирующие три диалекта марийского языка [3, с. 21]. После прохождения квеста каждый участник получил копию словаря «Марий мутэр», сертификат участника и памятный значок. Участниками проекта стали 83 обучающихся школы с. Сусады-Эбалак.

По итогам реализации проекта выпущена брошюра с материалами о нашем районе, об общественной организации «Эрвел марий», о Валериане Васильеве – земляке с мировым именем. Также обновлены экспозиции Дома-музея В.М. Васильева: создано Древо Познания, установлены новые экспозиционные шкафы и прилавки, оформлен уголок и т.д. 31 мая 2019 г. в селе Сусады-Эбалак

состоялось торжественное мероприятие с приглашением представителей администрации Янаульского района, общественных деятелей района, учителей родного языка и литературы. По итогам 2019 г. проект «Путешествие с «Марий мутэр»: наследие Ӱпымарий» вошел в число 700 лучших практик России в сфере культуры, реализованных за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и (или) иных средств, включая средства крупнейших грантодающих негосударственных организаций, полученных на конкурсной основе. В ноябре 2019 г. данный проект стал дипломантом III степени Республиканского конкурса «Мой музей» в номинации «Музейная инновация».

Проект «Васильевские чтения» реализован за счет средств двух грантов: гранта Главы Республики Башкортостан в форме субсидий на развитие гражданского общества и Гранта Президента Российской Федерации. В рамках проекта проведены республиканская научно-практическая конференция «Васильевские чтения» среди обучающихся и учителей родного марийского языка (с выпуском сборника материалов конференции в количестве 100 экземпляров) и конкурс-фестиваль чтецов на марийском языке. В связи со сложившейся ситуацией в стране и мире реализация проекта прошла в дистанционном формате. На страницах в социальной сети Вконтакте опубликованы видеоматериалы участников конференции. В проекте приняло участие свыше 100 человек – представители Янаульского, Калтасинского, Балтачевского, Караидельского районов. Все участники награждены памятными подарками, дипломами, всем им вручены сертификаты участника.

Наша работа по реализации проектов высоко оценена коллегами, и мы охотно делимся своим опытом разработки и реализации проектов. Так, в январе 2021 г., выступив в качестве спикера на обучающем онлайн-семинаре «Упаковка грантовой заявки», мы были награждены Благодарственным письмом Министерства культуры РБ.

Дом-музей В.М. Васильева – это не только центр марийской культуры, это храм, в котором бережно собираются и сохраняются памятники материальной и духовной культуры народа мари.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильевские чтения: сб. материалов Респ. науч.-практ. конф. обучающихся общеобразоват. учреждений Республики Башкортостан / под общ. ред. Е.М. Гильмитдиновой. Уфа: Первая тип., 2020. 106 с.

2. *Гайсин А.* От благодарных потомков: науч.-попул. изд., посвящ. патриарху мар. языкозн. В.М. Васильеву. Калтасы: Заря, 2010. 55 с.

3. *Гильмитдинова Е.М.* Путешествие с «Марий мутэр»: наследие Ӱпымарий. Уфа: Первая тип., 2019. 30 с.

4. *Муллакаев М.* О малой родине с большой любовью. Уфа: Сармат, 2010. 320 с.

УДК 81’27(=511.151:470.57) “20”

Ф.Г. Сафин
Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (г. Уфа)

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАРИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

Рассматриваются проблемы языкового развития марийского населения в Республике Башкортостан. Установлено, что, несмотря на компактное расселение, численность марийцев и их доля с родным марийским языком из переписи в перепись имеет тенденцию к сокращению. Однако при этом этноязыковая идентичность марийцев в республике остается высокой.

Ключевые слова: *марийское население, этноязыковая идентичность, родной язык, школьное образование, масс-медиа.*

The problems of language development of the Mari population in the Republic of Bashkortostan are considered in the article. It has been

* Статья подготовлена в рамках проекта «Сохранение и развитие этнокультурного и языкового многообразия республик как условия укрепления российского федерализма».

established that despite the compact settlement, the number of the Mari speaking their native Mari language from census to census is tending to decrease. Despite this, the ethno-linguistic identity of the Mari in the republic remains high.

Key words: *Mari population, ethno-linguistic identity, native language, school education, mass media.*

Возрождение этничности, ее языка и культуры в многонациональной России в постсоветский период занимало особое место. В этом смысле представители ряда этнических групп, расселенные компактно и составляющие солидную численность в этнической структуре регионов, тоже ставили вопросы по удовлетворению своих этнокультурных потребностей. Такой этнической группой в Башкортостане выступало марийское население с численностью более 103 тыс. чел.

Численность марийцев в Республике Башкортостан до Всесоюзной переписи населения 1989 г. имела тенденцию роста. С 2002 по 2010 г. она по стране уменьшилась почти на 57 тыс. чел., наблюдалось сокращение не только по всей России, но и в одноименной республике – на 21 тыс. чел., а также и в Башкортостане – более чем на 2 тыс. чел. [3, с. 87]. Вместе с тем в целом по стране среди марийского населения, как и у многих нерусских народов, идет сокращение доли лиц, признающих родным язык своей национальности. Если в 1979 г. из всех марийцев, проживающих в России, 87,7 % отметили в качестве родного марийский язык [6, с. 293], то по переписи 2010 г. данный показатель сократился до 71,6 % [3, с. 232]. В самой Республике Марий Эл также наблюдалась тенденция постепенного сокращения численности титульной национальности. Если между переписями 1979 и 1989 гг. численность марийцев в одноименной республике увеличилась более чем на 17 тыс. чел. [6, с. 293], то с 1989 по 2010 г. она сократилась на 33 486 чел. [3, с. 15].

Иными словами, марийское население как в своей республике, так и по стране в целом за рассматриваемый период заметно сократилось. Исключение, видимо, составили Тюменская область,

республики Чувашия и Татарстан, в которых численность марийского населения между переписями 2002 и 2010 гг. практически оставалась на одном уровне.

Из 547 605 чел. марийского населения в 2010 г. по России лишь немногим более половины проживало в Республике Марий Эл – 53,1 % [3, с. 270].

Второй по численности с марийским населением регион России, по данным переписи 2010 г., – это Республика Башкортостан, в которой проживает 18,9 % всех марийцев страны. Это единственный субъект в стране, в котором численность марийцев превышает более 103 чел. В Башкортостане также самым высоким остается уровень признания марийцами родным языка своей национальности (88,3 %) [5, с. 80], даже выше, чем в одноименной республике (72,0 %) [8, с. 437]. Численность марийского населения в Башкортостане начиная с 1926 по 1970 г. имела тенденцию роста. Самый высокий показатель был отмечен в 1970 г. – 109 638 чел., при их удельном весе в структуре населения в 2,9 % [4, с. 64].

Всесоюзная перепись населения 1979 г. в Республике Башкортостан зафиксировала сокращение марийского населения почти на 3 тыс. чел., при незначительном уменьшении их доли. При этом почти на 5 тыс. чел. сократилась доля марийцев, признавших родным марийский язык, при снижении их доли до 94,0 %. Более чем на 2,5 тыс. чел. увеличилась численность марийцев с родным русским языком (5772 чел., или 5,4 %; тогда как в самой Марий Эл – 6,3 %). Существенно (на 11 030 чел.) выросла численность марийцев, свободно владеющих русским в качестве второго языка. Показатель признания марийцами татарского и башкирского в качестве родного языка также вырос, составив соответственно 596 (0,6 %) и 49 чел., но при этом показатели свободно владеющих этими языками в качестве второго заметно снизились: на татарском – до 11 220 чел. (10,5 %) и на башкирском – до 326 чел. (0,3 %) [4, с. 142–143]. При этом 82 русских, 73 татар, 21 удмурт и 16 башкир в качестве родного признали марийский язык. 921 чел. из представителей других этнических групп в качестве второго языка, которым свободно владеют, отметили марийский, в том числе 617 – русских, 166 – татар,

68 – удмуртов и 40 – башкир [8, с. 440]. Прошедшая через десять лет перепись 1989 г. показала снижение как абсолютной, так и относительной численности марийцев в республике. При этом уменьшились численность и доля марийцев, признавших родным язык своей национальности. Если численность марийцев уменьшилась всего на 1 тыс. чел., то их численность с родным марийским языком – почти на 4 тыс. Видимо, одной из причин столь существенного снижения доли марийцев, признавших родным марийский язык, заключается в проводимой языковой политике партии и союзного правительства, направленной на улучшение изучения русского языка в школах национальных республик [18, с. 88–103].

Иными словами, языковая политика дала свои определенные «положительные» результаты в сторону укрепления позиции русского языка в ущерб национальным. В 1989 г. уже 8470 марийцев, или 8,0 %, в качестве родного отметили русский язык. Удельный вес марийцев с родным языком продолжал снижаться и составил 91,2 %. При этом в незначительной степени выросла численность и доля с родным татарским – 710 чел. (0,7 %) и башкирским – 81 чел. (0,08 %) языками, при сокращении показателей о свободном владении в качестве второго татарским – 8863 чел. (8,4 %) и башкирским – 147 чел. (0,1 %). Численность марийцев, свободно владеющих русским языком, увеличилась на 10 тыс. чел. и составила 72 422 чел. (68,5 %), при росте признавших родным русский язык в 1,5 раза [4, с. 170–171].

В 2010 г. 101 126 марийцев, или 97,5 %, отметили о своем владении русским языком [4, с. 216], тогда как родным язык материнского этноса признали 91 559 чел. (88,3 %).

В самой Республике Марий Эл 285 722 марийцев, или 98,2 %, отметили о своем владении русским и 72,9 % признали родным марийский язык. О высоком уровне владения русским языком отмечено марийцами в Республике Татарстан. Из 18 848 чел. марийской национальности 97,3 % признали о своем достаточно высоком уровне владения языком межнационального общения, тогда как в качестве родного язык материнского этноса отметили 82,3 % марийцев [3, с. 270].

Иными словами, следует признать, что процесс приобщения марийцев, как и других нерусских народов региона, к русскому языку приобрел более масштабный характер, ведущий к языковой ассимиляции.

Таблица 1

Этнодемографические и языковые показатели марийского населения в Республике Башкортостан*

	Численность	%	Родной язык	%	С родным рус. язык	Городское население	%	Сельское население	%
1926	79 298	2,8	78 264	98,7	214	242	0,3	79 056	99,7
1939	90 163	2,9	89 335	99,1	нет свед.	1727	1,9	88 436	98,1
1959	93 902	2,8	91 771	97,7	1595	7239	7,7	86 663	92,3
1970	109 638	2,9	105 654	96,4	3422	15 827	14,5	93 811	85,5
1979	106 793	2,8	100 354	94,0	5772	23 581	22,1	83 212	77,9
1989	105 768	2,7	96 481	91,2	8470	35 146	33,2	70 622	66,8
2002	105 829	2,6	94 563	89,4	нет свед.	37 074	35,0	68 755	65,0
2010	103 658	2,6	91 550	88,3	11 450	34 915	33,7	68 743	66,3

Одним из основных факторов, влияющих на сохранение родного марийского языка в республике, остается система школьного образования. В 1970-е гг. в Башкирии в контексте общей государственной языковой политики по переводу национальных школ на

---

* Таблица составлена по: Народы Башкортостана в переписях населения: в 2 ч. Уфа: Китап, 2016. Ч.1 [4]; Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: статист. сб.: в 2 ч. Уфа: Башкортостанстат, 2013. Ч. II [5]; Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан, XX в.: Этностатистика. Уфа, 1995. С. 45–47 [17]; Текущий архив Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по РБ: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Население по национальности и родному языку. Табл. 34 С (Абсолютные данные) [14].

русский язык, численность и доля учащихся с обучением на марийском языке существенно сократились.

Если в 1970/71 учеб. году в республике было 125 школ с марийским языком обучения, то в 1978/79 учеб. году их осталось только 70, т.е. сокращение произошло в 1,8 раза. К 1988/89 учеб. году, т.е. через 10 лет, данный показатель снижается до 32, при этом сокращение произошло в 2,2 раза. Иными словами, с 1970 по 1989 г. количество школ с марийским языком обучения сократилось немногим менее чем в 4 раза. Если в 1970 г. доля марийских школ в общей численности составила 3,2 %, то к концу 1980-х гг. она упала до 1,0 % [7, с. 355].

В 1970/71 учеб. году число учащихся с марийским языком обучения в республике составило более 15 тыс. чел. Буквально через восемь лет, т.е. к 1978/79 учеб. году, данный показатель существенно снизился, сократившись до 5401 ученика, т.е. почти в 3 раза [7, с. 356]. Это при постоянном демографическом росте марийского населения, т.к. рождаемость среди марийцев в республике была самой высокой [8, с. 442–443]. Спустя десять лет (в 1988/89 учеб. году) общее количество детей с обучением на марийском языке сократилось еще на 2 тыс. чел., составив 3390 чел. Перевод школ с марийского на русский язык обучения с 1972/73 по 1978/79 учеб. год в основном осуществлялся в районах, в которых марийское население проживало компактно и имело высокий удельный вес в их этнической структуре.

Наибольшая численность учащихся с родным марийским языком обучения в 1972/73 учеб. году была отмечена в Мишкинском (4361 ученик), Калтасинском (3069), Шаранском (1250) и Краснокамском (1142) районах. Особое место среди этих районов занимали Мишкинский и Калтасинский, в которых доля учащихся с марийским языком обучения составила 44,2 % и 32,2 % [7, с. 350].

В свете нового постановления партии и правительства (31 августа 1978 г.), направленного на «дальнейшее улучшение изучения и преподавания русского языка в союзных республиках», значительная доля национальных школ с обучением на родном языке, в том числе и на марийском, была переведена на русский язык

Таблица 2

Динамика учащихся школ с обучением на марийском языке* (чел. / %)

Районы	1972/73 учеб. год	1978/79 учеб. год	1984/85 учеб. год	1988/89 учеб. год
1. Бакалинский	196	96	нет	нет
в %	1,7	1,1	сведений	сведений
2. Балтачевский	468	267	138	122
в %	4,6	3,4	2,8	3,0
3. Бирский	284	469	308	187
в %	4,3	9,8	9,1	4,7
4. Благовещенский	19	25	22	86
в %	0,2	0,3	0,3	1,2
5. Бураевский	42	52	61	нет
в %	0,3	0,5	0,6	сведений
6. Дюртюлинский	464	191	186	459
в %	3,1	1,6	2,0	5,2
7. Илишевский	263	103	233	0
в %	2,1	1,0	3,6	–
8. Калтасинский	3069	863	636	429
в %	32,2	11,4	12,3	9,7
9. Караидельский	204	132	0	45
в %	1,6	1,5	–	0,9
10. Краснокамский	1142	430	1500	262
в %	12,1	6,2	30,2	4,9
11. Мишкинский	4361	2113	1069	1471
в %	44,2	25,8	17,7	27,7
12. Нуримановский	119	161	0	33
в %	2,2	2,7	–	0,9
13. Татышлинский	43	19	17	25
в %	0,4	0,3	0,3	0,5
14. Шаранский	1250	165	0	114
в %	13,9	2,4	–	2,7
15. Янаульский	841	295	250	117
в %	6,4	3,1	3,4	1,9

* Таблица составлена по: Архив МО РБ. Ф. 798. Оп. 9. Д. 4883, 6208, 6358 [1].

обучения [8, с. 358]. К 1978/79 учеб. году численность учащихся с родным марийским языком обучения сократилась в Мишкинском районе до 2113 чел. (в 2,1 раза), Калтасинском – до 863 (в 3,5 раза), Шаранском – до 165 (в 7,6 раза) и Краснокамском районе – до 430 (в 2,7 раза) [8, с. 358]. Не избежали такого резкого сокращения марийские школы и в других районах компактного проживания марийцев. Например, численность учащихся с обучением на марийском языке в Янаульском районе с 841 чел. в 1972/73 учеб. году сократилась до 295 чел. в 1978/79 учеб. году, т.е. в 2,8 раза, в Балтачевском районе – соответственно с 468 до 267 (в 1,7 раза), в Дюртюлинском районе – с 464 до 191 (в 2,4 раза) [7, с. 350]. Аналогичная тенденция наблюдалась в Бакалинском и Караидельском, Илишевском и Татышлинском районах, соответственно – с 196 до 96 чел. (в 2 раза), с 204 до 132 чел. (в 1,5 раза), с 263 до 103 чел. (в 2,5 раза), с 43 до 19 чел. (в 2,3 раза) [7, с. 350].

Исключение составили Бирский, Благовещенский, Бураевский и Нуримановский районы, в которых, как ни парадоксально, количество учащихся с обучением на марийском языке увеличилось: в Бирском – с 284 до 469 учащихся (рост в 1,6 раза), в Благовещенском – с 19 до 25 чел. (в 1,3 раза), в Нуримановском – с 119 до 161 чел. (в 1,3 раза) и в Бураевском – с 42 до 52 чел. (в 1,2 раза). Главный парадокс, связанный с количеством детей, обучавшихся на марийском языке, видимо, связан с Краснокамским районом, в котором в последующий период, с 1978/79 по 1984/85 учеб. год, количество учащихся с родным марийским языком обучения увеличилось с 430 до 1500 детей и составило 30,2 % от всей численности учащихся района.

К 1988/89 учеб. году снова произошло масштабное сокращение – до 262 детей, т.е. в 5,7 раза [7, с. 350]. С 1972/73 по 1988/89 учеб. год в результате систематического перевода школ с марийского на русский язык обучения общая численность детей марийской национальности, обучавшихся на родном языке, сократилась в Балтачевском районе почти в 4 раза, в Калтасинском и Янаульском – в 7 раз, в Шаранском – в 11 раз. В 1984/85 учеб. году в Караидельском, Нуримановском и Шаранском районах вообще прекратили обучение на родном марийском языке [7, с. 350].

Все эти меры по переводу с национального языка обучения на русский осуществлялись согласно новой партийной директиве от 26 мая 1983 г. «по дальнейшему улучшению изучения русского языка в школах и учебных заведениях союзных республик», которая лишь форсировала данный процесс и стала одним из этапов фактического закрытия школ с национальным языком обучения, особенно в автономных республиках РСФСР. По следам данного постановления Башкирский обком принял свой документ, направленный «на дальнейшее совершенствование изучения русского языка», и с этой целью предполагалось качественное улучшение учебно-методических пособий для всех классов и намечались определенные рамки по его реализации [18, с. 104–107].

Однако начавшаяся перестройка ввела свои коррективы в языковую сферу в национальных республиках. В связи с взятым курсом по возрождению родных языков в перестроечный период в населенных пунктах с марийским населением в начальных классах снова вернулись к обучению на родном языке, а в остальных – родной язык преподавали только как предмет, при обучении на русском.

В связи с требованиями национально ориентированных организаций о необходимости возрождения родных языков партийные и государственные органы в республике стали больше уделять внимания данной проблеме. Министерством образования республики в 1988 г. были приняты «дополнительные меры по изучению родных языков». При этом подчеркивалось, что в ряде городов, например, в Нефтекамске, несмотря на значительное количество школьников марийской национальности (11 %), ни в одной школе родной марийский язык не изучался [18, с. 109].

Несмотря на некоторый рост численности детей марийской национальности в конце 1990-х гг. (21 178 чел.), общий охват учащихся с родным языком обучения оставался практически на прежнем уровне. Например, из 21 178 учащихся в 1998/99 учеб. году на марийском языке обучалось всего 25,4 % детей. Как и в 1993/94 учеб. году – 26,5 % [9, с. 358].

Показательными являются статистические данные по ряду районов. Например, 2009/10 учеб. году в Балтачевском районе лишь

11,2 %, в Бирском – 13,5 %, Краснокамском – 23,0 % марийских детей обучались на родном марийском языке, а в Мишкинском районе такая категория учащихся составила 69,3 %. Кроме того, более 20 % детей изучали марийский язык в качестве предмета. В Балтачевском, Бирском, Краснокамском и в ряде других районов было наоборот: в них учащиеся родной язык изучали больше как предмет [9, с. 358].

В 2009/10 учеб. году из 13 976 учащихся марийской национальности на родном языке обучалась лишь одна пятая часть (20,7 %), тогда как родной язык изучали немногим менее половины – 6321 детей. Общий охват марийских школьников, в той или иной степени изучающих родной марийский язык, составил 67,3 %. Например, чувашский язык изучали всего 58,0 % детей чувашской национальности [9, с. 358].

В городах северо-западного региона, в которых марийское население составляет существенную долю, вопросу изучения марийского языка стали уделять значительное внимание. Например, если в г. Нефтекамске в 1994/95 учеб. году марийский язык изучали лишь в четырех школах около 100 учащихся, то в последующие годы их количество имело тенденцию постепенного роста. Общий охват учащихся, изучающих марийский язык как родной, составил в 2009/10 учеб. году 37,6 %. А в г. Бирске данный показатель достиг более 80 % [9, с. 358–359].

Хотя в 1990-е гг. подобные школы в г. Бирске отсутствовали, а в одноименном районе в 13 школах 688 учащихся марийской национальности в той или иной степени изучали родной язык [16, с. 145].

Принятые Министерством образования и администрациями районов меры по развитию национальных языков в Башкирии в течение 1990-х и в начале 2000-х гг. «носили позитивный характер и способствовали дальнейшему этнокультурному развитию народов, проживающих в республике» [2, с. 85], а также в отношении миноритарных языков [19, с. 76].

Всего количество школ в республике, в которых изучался марийский язык, в 2017/18 учеб. году составило 125. Наибольшее их число насчитывалось в Мишкинском районе – 30 школ, в Бирском – 17,

в Краснокамском – 11, в Шаранском – 10, в Калтасинском – 9, в Балтачевском и Дюртюлинском – по 8 школ, в Благовещенском и Янаульском – по 4, в Бакалинском и Илишевском – по 3, в Караидельском, Нуримановском и Татышлинском – по 2. В г. Нефтекамске имелась одна школа с изучением марийского языка [9, с. 359].

В 2020/21 учеб. году в Мишкинском районе из 3092 детей школьного возраста марийцы составили 1849 (59,8 %) учеников. Изучением марийского языка и литературы было охвачено 1704 обучающихся (92 % от числа учащихся марийской национальности) [9, с. 359]. В 2020/21 учеб. году учащихся, изучающих марийский язык как предмет, отмечено в Краснокамском районе – 674 чел. [12], Бирском – 493 и в Шаранском – 313 [10]. В Калтасинском районе из 1472 (47,1 %) детей марийской национальности родной марийский язык изучали в 6 школах всего лишь 245 учеников, что составило 16,6 % [11].

Обучение на родном языке и изучение марийского языка требовали постоянной подготовки учителей-филологов. В 1994 г. в школах республики при потребности 120 учителей по преподаванию марийского языка и литературы работали 104. Более 80 % из них были выпускниками педагогических институтов с филологическим образованием. Оставшуюся часть составили учителя без филологического и педагогического образования [9, с. 359].

Потребность в специалистах с высшим филологическим образованием покрывалась в основном за счет выпускников вузов из Республики Марий Эл, куда ежегодно целевым приемом направлялись 10–15 абитуриентов. Подготовка учителей со средним педагогическим образованием осуществлялась в Благовещенском педагогическом техникуме, который впоследствии был переведен в разряд колледжа.

С 1993 г. на филологическом факультете Бирского государственного педагогического института начали подготовку учителей по марийскому языку и литературе с ежегодным приемом абитуриентов по данному направлению в количестве 25 чел. В первом десятилетии 2000-х гг. практически удалось ликвидировать нехватку учителей в общеобразовательных школах, в том числе и по марийскому языку и литературе. В 2009/10 учеб. году марийский язык преподавали уже

186 учителей. Существенно повысился их качественный состав, достигнув более 87 % с высшим образованием. Прокатившаяся оптимизация, затронувшая в основном сельские школы, также привела к сокращению учителей марийского языка, их количество в 2010 г. составило 162 педагога [10].

В рамках поддержки изучения родных языков, повышения мотивации у учащихся к их изучению и в целях стимулирования труда учителей ежегодно 3–4 учителя марийского языка и литературы получают грант Министерства образования республики.

Среди учителей марийского языка и литературы в 2016 г. высшую категорию имели 28 учителей, первую – 53, звания «Заслуженный учитель РБ», «Заслуженный учитель РФ», «Отличник образования РБ» и другие имели 29 педагогов. Около 80 школ республики имели кабинеты родного марийского языка [9].

В связи с переходом к рыночной экономике полномочия по закупке учебников, учебных пособий и оборудования передавались в школы и отделы народного образования. Учебные материалы для марийских школ поставляли из Республики Марий Эл. Например, в 2006 г. из Республики Марий Эл было получено 6030 экз. учебников и учебных пособий на 271 740,00 руб. [9]. В 2021 г. Мишкинским РОНО было получено из Марий Эл 223 экз. учебников по марийскому языку для 2 класса [13].

В 2016 г. издательство Института развития образования РБ выпустило учебно-методическое пособие, подготовленное учителем марийского языка и литературы из Мишкинского района А.Л. Юзукбаевой, «Изучаем родной язык и литературу» на марийском языке [13].

Другим важным фактором, определяющим языковую компетенцию, является подписка на периодические издания.

Особым спросом среди марийского населения пользуется республиканская общественно-политическая газета «Чолман» («Кама») на марийском языке. Годовой тираж данного издания в 2004 г. составил 248 079 экз., что на 32 982 экз. больше по сравнению с подпиской 2009 г. [15, 2010].

Если рассмотреть динамику подписки в районном разрезе, то самое большое количество подписчиков зарегистрировано

в Мишкинском районе республики (839 экз.). Чуть меньше, 797 экз., – в мариязычном Калтасинском районе. Примечательно, что за последние пять лет в Калтасинском районе подписка на газету «Чолман» сократилась лишь на 42 экз., тогда как в Мишкинском районе – в 2,5 раза [15, 2010].

Отметим, что в Мишкинском и Калтасинском районах издаются свои газеты на марийском языке, которые восполняют выявленное сокращение подписки на республиканские газеты. В 2009 г. годовой тираж общественно-политической газеты «Келшымаш» («Дружба») Мишкинского района, которая выходит 3 раза в неделю, составлял 135 061 экз., в то время как годовой тираж аналогичной мариязычной газеты «Калтаса ӱжара» («Калтасинская заря»), судя по отчету почтового отделения Калтасинского района, – 93 877 экз., что почти на 22 тыс. экз. меньше по сравнению с подписными данными 2004 г. [15, 2009].

В целях удовлетворения национально-культурных потребностей марийское население республики обращается к периодическим изданиям, выходящим в Республике Марий Эл.

Например, в Бирском районе разовый тираж (по числу подписчиков) общественно-политической газеты «Кугарня» («Пятница»)», по данным 2010 г., составил 215 экз., газеты «Марий Эл» («Марийский край») – 109 экз., газеты «Ямде лий» («Будь готов») – 80 экз., журнала «Ончыко» («Вперед») – 42 экз. [15, 2010].

Иные мариязычные издания, выписываемые, например, из Республики Марий Эл, также претерпели существенное сокращение. Например, если общий разовый тираж периодических изданий, выписываемых из Республики Марий Эл, в 2005 г. по Нефтекамскому почтовому отделению связи составлял 445 экз., то в 2010 г. – 337 экз. [15, 2005].

На 1 января 2015 г. такой общий тираж из Марий Эл составил 580 экз. Если на 1 января 2017 г. общий тираж был на уровне 529 экз., то во втором полугодии он уже снизился до 358 экз., сократившись в 1,5 раза. А на 1 января 2018 г. общий тираж сократился до 323 экз. [15, 2015, 2017, 2018].

Таким образом, анализ этноязыковых процессов среди марийского населения показывает, что, несмотря на ряд проблем, высокой остается этноязыковая идентичность представителей данной национальности в Республике Башкортостан. Наиболее существенным фактором, влияющим на высокий уровень признания родным языка своей национальности, выступает сохранившаяся тенденция обучения на родном языке и изучения родного марийского языка в школах районов компактного проживания марийцев. Газеты на марийском языке (одна республиканского уровня, две – районного) также способствуют сохранению и развитию этноязыковой идентичности марийцев в Башкортостане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Министерства образования Рспублики Башкортостан (Архив МО РБ). Ф. 798. Оп. 9. Д. 4883, 6208, 6358.

2. *Дерябина С.Р.* Этноязыковая политика России в современный период // Этнопанорама. 2008. № 3–4. С. 81–89.

3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. – Москва: Статистика России, 2012. Т. 4, кн. 2: Национальный состав и владение языками, гражданство. 1256 с.

4. Народы Башкортостана в переписях населения: в 2 ч. Уфа: Китап, 2016. Ч. 1. 332 с.

5. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: статист. сб.: в 2 ч. Уфа: Башкортостанстат, 2013. Ч. II. 189 с.

6. Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М.: Респ. информ.-изд. центр, 1990. 747 с.

7. *Сафин Ф.Г.* Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке: социолингвистический аспект. Казань: Магариф, 2004. 542 с.

8. *Сафин Ф.Г., Сиразетдинов К.О.* Марийцы Башкортостана в 1970–2010 годы: демографические и лингвистические аспекты этнического развития // Научный диалог. 2020. № 6. С. 434–452.

9. *Сафин Ф.Г., Идрисова Э.Ф., Халиулина А.И.* Тенденции развития малочисленных языков в сфере школьного образования в многонациональном регионе (на примере марийского языка в Башкортостане) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, вып. 2. С. 357–363.

10. Текущий архив Министерства образования РБ. Отдел национального образования. Сводные отчеты за 1990/91 учеб. год, 1993/94 учеб. год, 1996/97 учеб. год, 1998/99 учеб. год, 2005–2010 учеб. годы, 2012–2021 учеб. годы. 1997 г. Приказы по основной деятельности. Д. 01-01. Л.190–191 (Текущий архив МО РБ).

11. Текущий архив отдела образования муниципального района Калтасинский район РБ (ТА Калтасинского РОНО РБ).

12. Текущий архив отдела образования муниципального района Краснокамский район РБ (ТА Краснокамского РОНО РБ).

13. Текущий архив отдела образования муниципального района Мишкинский район РБ (ТА Мишкинского РОНО РБ].

14. Текущий архив Территориального органа федеральной службы государственной статистики по РБ: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Население по национальности и родному языку. Табл. 34 С (Абсолютные данные).

15. Текущий архив Уфимской федеральной почтовой связи РБ филиал ФГУП «Почта России». Отчеты за 2004, 2005, 2009, 2010, 2015, 2017, 2018 гг.

16. *Халиулина А.И.* Этничность и язык в современном мире: региональный аспект (на примере Республики Башкортостан, 1979–2010 гг.). Уфа: Диалог, 2017. 280 с.

17. *Юлдашбаев Б.Х.* Башкиры и Башкортостан, XX в.: Этностатистика. Уфа, 1995. 104 с.

18. Языковая политика в Башкортостане в XX веке: Сб. док. и материалов / авт.-сост.: Ф.Г. Сафин, Р.М. Миргалеев, З.А. Хакимов. Уфа: Гилем, 2008. Т. 2. 352 с.

19. *Trudgill P.A.* Glossary of Sociolinguistics / Peter Trudgill. Oxford University Press, 2003.148 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 94(09)(=17/=05.3)

Н.В. Беленов
Самарский государственный
социально-педагогический университет
(г. Самара)

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ВОПРОСУ О ЛИМНОНИМЕ *КАЛЬ* НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ

В статье на основе новых фактических материалов, полученных в полевых экспедициях, рассматривается вопрос о происхождении лимнонима ***Каль*** *– его языковой принадлежности и семантике. Автор пересматривает этимологию лимнонима, предложенную им в предыдущих своих публикациях на данную тему.*

Ключевые слова: *топонимика, лимноним, этимология, мордва, мокша-мордовский язык, эрзя-мордовский язык, Каль.*

*The article, based on the new results obtained in field expeditions, examines the origin of the limnonym Kal (****Каль****): its linguistic affiliation and semantics. The author has reviewed the etymology of the limnonym proposed by him in his previous publications on this topic.*

Key words: *toponymy, etymology, limnonym, Mordva, the Moksha-Mordovian language, the Erzya-Mordovian language, (Kal)* ***Каль****.*

В данной статье мы возвращаемся к этимологии лимнонима Каль на Самарской Луке, который относится к топонимическому пространству мокша-мордовского села Торновое.

Прежде чем перейти непосредственно к теме статьи, необходимо сказать несколько слов о мокшанских говорах Самарской Луки и истории их носителей. Присутствие мордовского населения, прямых предков современной самаролукской мордвы, на этом волжском полуострове документально фиксируется с XVI в. [6, с. 3], а археологические материалы, однозначно интерпретируемые как мордовские, в ближайших окрестностях Самарской Луки датируются XIV в. [1, 8, 9]. Связь современного мокша-мордовского населения Самарской Луки с мордовским населением данной территории ордынского времени остаётся дискуссионной [3].

В XVII–XVIII вв. в официальных документах и отчетах участников академических экспедиций появляются сведения о современных мокшанских сёлах полуострова, а также о ряде исчезнувших к настоящему времени мокшанских и мокшанско-чувашских деревень.

В наше время мокшанский язык на Самарской Луке представлен тремя говорами: бахиловским, торновским и шелехметским, между которыми также наблюдаются значительные различия. При этом надо отметить, что общение между их носителями возможно без привлечения русского языка, а их общение с мордвой-мокшей, проживающей за пределами Самарской Луки, как правило, происходит на русском языке (ПМА – полевые материалы автора, Самарская область, Ставропольский район, Бахилово, 2018 г.).

Заметное языковое своеобразие, длительное развитие в условиях относительной изоляции от носителей других мордовских диалектов, с одной стороны, и в тесном взаимодействии с русскими и чувашскими этническими группами на Самарской Луке, с другой, обусловило повышенный интерес к различным аспектам языка мокшан данного региона, в том числе к бытующей в них топонимии.

Лимноним *Каль* оказывался в фокусе нашего внимания неоднократно [3, 4] в связи с исследованием мокша-мордовской топонимии на Самарской Луке.

В последней работе на данную тему мы были склонны относить рассматриваемое название к субстратному пласту топонимического

пространства села Торновое, поскольку торновская мордва его никак не этимологизировала, а в языках, которым с большой степенью вероятности принадлежит местный субстрат, допустимые соответствия имеются. Более того, лексема *каль* в настоящее время в торновском говоре мокша-мордовского языка отсутствует. Впрочем, в той работе мы оставляли оговорку, что из всех топонимов окрестностей Торнового, относимых нами к субстратному слою, именно *Каль* имеет больше всего шансов оказаться, в конце концов, мокшанским, но деэтимологизированным в настоящее время у местного населения географическим названием.

На такое предположение указывали следующие факты. Во-первых, в мордовской географической лексике термин *каль* нередко встречается в ряде значений (‘пойма’, ‘заосоченное место’ [10]), и, хотя ни в одном из них в наше время данный термин в торновском говоре не фиксируется, мы не можем однозначно утверждать, что он не присутствовал здесь ранее. Во-вторых, в бахиловском говоре мокша-мордовского языка лексема *каль* сохранилась до настоящего времени в составе сложных названий, чаще всего орудий труда и кухонной утвари. Здесь её значение (которое также утрачено) можно восстановить как ‘палка’, например, *пифтькаль* – ‘палочка для пахтания’ (ПМА, Самарская область, Ставропольский район, Бахилово, 2018 г.).

Дополнительный фактический материал по данному вопросу был получен нами в нынешнем, 2022, году во время экспедиции в эрзянское село Старая Малыкла Новомалыклинского района Ульяновской области, в связи с чем возникла необходимость еще одной публикации на эту тему. К топонимическому пространству села Старая Малыкла принадлежит лимноним *Ведьгаль*, относящийся к озеру, расположенному у его восточной окраины.

Информанты уверенно и однозначно этимологизировали нам данный лимноним так: «Ну *ведь* – это вода, а *каль* – это кусты. Это сейчас берега у него расчистили, и то кое-где уже опять начинает зарастать. А раньше там к нему не подойти было, весь берег в кустах и только там, в середине, вода» (ПМА, Ульяновская область,

Новомалыклинский район, Старая Малыкла, 2022 г.). Характерно, что под данное описание хорошо подходит и озеро Каль на Самарской Луке. Более того, в топонимии Самарской Луки и устья реки Самары относительно широкое распространение имеют лимнонимы с подобной семантикой: *озеро Кустоватое, Вороний Куст, Кустовая Яма.*

Наконец, следует сказать о значениях лексемы *каль* в говорах мордвы Самарского Поволжья и прилегающих территорий. В большинстве из них *каль* известна в единственном значении – ‘дерево ива’. Однако в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка *каль* – это все древесные породы [5], а в сиделькинском говоре эрзянского языка *кальбуло* – ‘заболоченный овраг’ (в литературно-письменном эрзянском языке эта лексема имеет значение ‘ивняк’). В первом случае, вполне возможно, мы сталкиваемся с известным в финно-угорской флоронимии семантическим переходом от общего наименования типа деревьев с общими характеристиками к названию конкретного вида. В качестве примера можно привести эрзянский диалектный флороним *уксо* ‘вяз’, который ранее, по всей видимости, относился к ветвистым деревьям вообще; сравните: *укс* ‘сук, ветвь’ в калтасинском говоре марийского языка (общемарийское литературное *укш*) [7, с. 27], *oksa* ‘ветвь’ в финском языке, *oks* – в эстонском, с тем же значением. Как представляется, к этой же лексеме восходит и другой флороним в мордовских языках *укштор/укшторо* ‘клён’.

В сиделькинском говоре семантический переход обусловлен тем, что заливаемые водой при разливе реки Большой Черемшан низины в окрестностях Сиделькино в основном поросли ивняком, что с течением времени привело к переносу названия *кальбуло* с затопленных ивовых зарослей на овраги со стоячей водой вообще.

Также нельзя не отметить, что имеются языковые факты, в свете которых географический термин *каль* может рассматриваться в мордовских языках как архаизм. В селькупских и хантыйских диалектах имеются близкие термины: *kaldsˇ* ‘сырое низкое место’, *kal* ‘болото’ [2, с. 157]; также нельзя не учитывать и русский диалектный

материал – слова с близкой семантикой, содержащие основу *кал*: *кальджа, калтус, калужина*.

Однако, полагаем, что рассмотренные выше примеры из нашего полевого материала всё же восходят к флороним*у каль*, этимология которого, в свою очередь, всё ещё остаётся нерешённым вопросом.

Таким образом, с учётом полученных в последних полевых сезонах данных считаем наиболее вероятным относить лимноним *Каль* на Самарской Луке к собственно мокшанскому топонимическому пласту, причем с реконструируемым значением ‘Кустовое озеро’.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алихова А.Е.* Отчёт о раскопках и разведках, проведённых в Куйбышевской области в Шигонском районе по р. Усе летом 1950 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 477.

2. *Аникин А.Е., Хелимский Е.А.* Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М.: Языки славян. культуры, 2007. 256 с.

3. *Беленов Н.В.* Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки. Самара: Порто-принт, 2018. 200 с.

4. *Беленов Н.В.* Субстратная топонимия окрестностей села Торновое на Самарской Луке // Журнал фронтирных исследований. 2020. № 4. С. 85–105.

5. *Беленов Н.В.* Географическая лексика клявлинского говора эрзя-мордовского языка // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 1. С. 28–35.

6. *Гераклитов А.А.* Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Журнал Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького. Саратов, 1932. С. 2–12.

7. *Исанбаев Н.И.* О происхождении гласного переднего ряда *ӓ* в калтасинском говоре марийского языка // Вопросы финно-угорского языкознания. Ленинград: Наука, 1964. С. 27–33.

8. *Поливанов В.Н*. Муранский могильник. М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1896. 42 с.

9. *Сташенков Д.А.* Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования // Известия Самарского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 326–329.

10. *Цыганкин Д.В.* Память, запечатлённая в слове: слов. географ. названий Респ. Мордовия. Саранск: Тип. «Крас. Октябрь», 2005. 432 с.

УДК 811.511.152.2

Л.П. Водясова
Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева (г. Саранск)

ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО С ДИНАМИЧНЫМ ЗАЧИНОМ В ПОВЕСТИ М.И. БРЫЖИНСКОГО «НАБАТ»

В статье рассматривается организация основной единицы текста – сложного синтаксического целого (ССЦ) – на материале повести М.И. Брыжинского «Половт» («Набат»). Основное внимание обращено на ССЦ с динамичным зачином, специфика построения которого зависит от коммуникативных намерений автора.

Ключевые слова: *сложное синтаксическое целое, зачин, динамичный, коммуникативное намерение.*

The article deals with the main unit of the text – a complex syntactic whole (CSW) – based on the story «Polovt» («Tocsin») of M.I. Bryzhinsky. The main attention is paid to the CSW with a dynamic beginning, the specifics of the construction of which depends on the communicative intentions of the author.

Key words: *complex syntactic whole, beginning, dynamic, communicative intention.*

Повесть известного мордовского писателя М.И. Брыжинского «Половт» («Набат›) относится к жанру исторической прозы и рассказывает о борьбе мордовского народа с татаро-монголами [2, с. 27–29].

С точки зрения языка художественная ткань произведения насыщена сложными синтаксическими целыми (ССЦ), построение которых отличается спецификой. В структурном и семантическом отношении среди компонентов ССЦ наибольшую самостоятельность имеет первое предложение, выполняющее роль зачина,

который, как указывает Г.Я. Солганик, служит «средством введения новой мысли или поворота в ее развитии и в то же время одним из средств организации» ССЦ [3, с. 101]. Исходя из его организующей роли, все сложные целые подразделяются на два типа: 1) ССЦ со статичными зачинами и 2) ССЦ с динамичными зачинами. Каждый тип, в свою очередь, имеет свои разновидности.

Целью нашего исследования является рассмотрение специфики построения ССЦ с динамичными зачинами на материале повести М.И. Брыжинского «Половт» («Набат»). Анализ текста произведения позволил выделить следующие их разновидности:

1. ***ССЦ с зачином, имеющим прямой порядок слов и начинающимся с подлежащего.*** Построение М.И. Брыжинским ССЦ с зачинами этого типа объясняется, прежде всего, соответствием их структуры задачам, характеру высказывания. Предложение, построенное по схеме *подлежащее – сказуемое – дополнение (обстоятельство)*, наиболее характерно для мордовского синтаксиса, так как обладает широкими возможностями предельно лаконично выразить смысл практически любого сообщения (субъект – действие – объект). Подлежащее морфологически обычно выражено именем существительным или субстантивированным словом, при этом использоваться может форма любого склонения – основного, указательного или притяжательного: *Каль атя лоткавтызе ракшанзо Чемаень кудонть вакс пачкодезь…* [1, с. 51] ‘Старик Каль (букв. Ива) остановил свою лошадь около дома (букв. дойдя до дома) Чемая’. Для повышения тональности произведения писатель часто использует распространенное подлежащее, вводя для этого в текст имена прилагательные, причастия, имена существительные в форме генитива, вторичного склонения и пр.: *Азаргадозь* (прич.) *Батый цютъ а чийнезь чийни эсь юртаванзо...* [1, с. 112] ‘Взбесившийся Батый чуть не бегом носится по своей юрте...’; *Пургасонь* (сущ. в форме ген.) *ушмозо аштесь овсе Аргалеенть чиресэ…* [1, с. 97] ‘Войско Пургаса стояло совсем на берегу Аргалея’.

2. ***ССЦ с зачином, начинающимся со сказуемого.***

А. С глагольного сказуемого. В отличие от других мордовских авторов, М.И. Брыжинский часто вводит в канву повести зачины

с препозитивными глагольными сказуемыми. Обычно они употребляются в начале фрагментов или же встречаются в какой-либо более или менее самостоятельной части, изображая общий фон, на котором развертываются дальнейшие события: *Эзь кирде Каль атянь седеезэ телень вирентъ лангс ванозь. Ливтизе налчирькензэ...* [1, с. 37] ‘Не выдержало сердце деда Каля от вида на зимний лес. Вынес [он свой] лук...’; *Эзь кенере модась солавтомадо мейле допрок коськемеяк, кода Чемай ушодсь анокстамо килангов…* [1, с. 47] ‘Не успела земля после таяния до конца просохнуть, как Чемай начал готовиться в дорогу…’.

В функции препозитивных глагольных сказуемых М.И. Брыжинский часто использует глаголы с семантикой бытия, становления, протекания действия. В контексте лексическое значение таких глаголов становится заметно ослабленным, поэтому при введении знаменательного имени существительного они начинают играть вспомогательную, полуслужебную роль. Чаще всего это зачины типа *Ульнесь уш чопоньпелькс, но манеель…* [1, с. 37] ‘Были уже сумерки, но было ясно…’; *Матедевсь Каль атя паро ежосо...* [1, с. 60] ‘Заснул старик Каль в хорошем настроении...’; *Кадовсь ней кудос ... вежензь тейтерезэ...* [1, с. 44] ‘Осталась теперь дома ... младшая дочь...’; *Марязевсть сядонь пряваттнэнь вайгелест...* [1, с. 129] ‘Послышались голоса сотников…’; *Аштесь атясь чоподасонть...* [1, с. 41] ‘Стоял старик в темноте...’; *Ютасть колмо читъ…* [1, с. 144] ‘Прошло три дня…’ и т.п.

Б. С именной части неглагольного сказуемого. ССЦ, в зачинах которых инверсировано неглагольное сказуемое (или его именная часть), в повести единичны. Все они относятся к ССЦ описательного типа. ССЦ такого типа М.И. Брыжинский использует для создания динамичности произведения, повышения его эмоциональности, т.к. инверсия неглагольного сказуемого является важным средством энергичного начала высказывания: *Сэтьме. Анськ кой-косто каяты кшнис кшнинь кальцядема – те монголтнэ пурныть маштовозтнень кедьенксост...* [1, с. 144] ‘Тихо. Только иногда слышится лязгание железа о железо – это монголы собирают оружие убитых...’;

А берянь, нама, а берянь тесэ эрямозо Виртяноньо... [1, с. 83] ‘Не плоха, конечно же, не плоха здесь жизнь у Виртяна...’.

3. ***ССЦ с объектным зачином.*** М.И. Брыжинский достаточно часто использует ССЦ, в зачинах которых в препозиции находится дополнение. Порядок слов обычно следующий: дополнение (чаще всего прямое) – сказуемое – подлежащее. Построенный по такой схеме зачин оказывается наиболее приспособленным для сообщения информации с четко обозначенной темой: *Кипчактнень ютксо аламо Борхононь кондят сюпав хант...* [1, с. 76] ‘Среди кипчаков немного похожих на Борхона богатых ханов...’; *Велетнень ды оштнень таркас ... ней кадовсть ансяк тонолт* [1, с. 95–96] ‘Вместо сел и городов ... теперь остались одни головешки’. Встречаются зачины, в которых после дополнения (прямого) следует подлежащее и только после него стоит сказуемое: *Васенце латктнень монголтнэ вализь куроксто, пелевидьс пачкодезь жо, тевест лоткась. Молемс савкшнось састо...* [1, с.136] ‘Первые ямы монголы завалили быстро, дойдя же до половины, дело [у них] остановилось. Идти приходилось медленно…’. Для усиления выразительности текста автор обычно делает дополнение распространенным, что позволяет ему точнее, при этом еще и эмоциональнее, передать свою мысль, повысить накал произведения: *Викшнезь палясо авакс неяви сексень виресь, чевте седей авакс...* [1, с. 77] ‘Женщиной в вышитом платье кажется осень, женщиной с добрым сердцем...’.

4. ***ССЦ с обстоятельственными зачинами.***

А. С обстоятельством места. ССЦ с зачинами, начинающимися с обстоятельств места, достаточно распространены в повести. Они имеют повествовательный характер. Находящееся в самом начале обстоятельство места не имеет характера инверсии, так как препозиция этого второстепенного члена является обычной, и значение зачина создается его семантикой, предполагающей указание на место, где происходит действие. Средством выражения зачина чаще всего служит имя существительное с послелогом пространственной семантики: *Чувтонть экшстэ лиссь татар, мельганзо – омбоце, колмоце...* [1, с. 120] ‘Из-за дерева вышел татарин, за

ним – второй, третий...'. Обстоятельство часто является распространенным, что позволяет писателю четче конкретизировать пространственный фон высказывания: *Палыця толпандятнень вакссо паро ежосо аштиця монголтнэ веньперть раксесть, морсесть...* [1, с. 161] 'Вокруг горящих костров с хорошим настроением сидящие монголы всю ночь смеялись, пели...'.

Б. С обстоятельством времени. ССЦ этого типа М.И. Брыжинским используются чаще всего. Они имеют спокойный характер и свойственны подробному, детальному рассказу. После обстоятельства времени в зачине обычно следуют подлежащее, сказуемое. Кроме того, в семантике любого конкретного обстоятельства времени заложено значение начала (с обозначения времени совершения действия начинается, как правило, сообщение о любом факте, событии, явлении). Именно такая структура предложения в нашем сознании ассоциируется с началом повествования: *Омбоце тарго Каль атя церанзо марто керить вирь – анокстыть од ума...* [1, с. 42] 'Вторую неделю старик Каль с сыновьями рубят лес – готовят новый участок...'; *Те нурька шканть перть Виртян кармась содамо...* [1, с. 41] 'За это короткое время Виртян узнал...'; *Зярыя чинь перть анокстазель, соказель ды видезель сатышка пакся…* [1, с. 155] 'За несколько дней было приготовлено, вспахано и засеяно немаленькое поле… Для того чтобы временной фактор сделать более конкретным, автор иногда строит целую цепочку обстоятельств времени: *Омбоце чинть чопоньбелев Чемай сыргась велень кувалт...* [1, с. 41] 'На другой день к вечеру Чемай пошел по селу...'. После обстоятельства времени автор может использовать и обстоятельство места. Таким образом, уже в начале ССЦ есть указание и на время, и на место действия: *Мелят Велеземсэ, покштояк покш, кезэрень пингестэ уш путозь велесэнть, ... сынь вастовсть мартонзо васенцеде...* [1, с. 61] 'В прошлом году в Велеземе, очень большом, уже в ревности построенном селе, ... они встретились с ним впервые...'.

В. С обстоятельством образа действия. ССЦ такого типа в повести немногочисленны: *Таймазкадозь аштесь Пургас икелест. Эзь сода, кода улемс тензэ...* [1, с. 85] 'Оцепенело стоял перед ними

Пургас. Не знал, как быть ему...'; *Кеместэ аштесть болгаронь ошtне...* [1, с. 95] 'Крепко стояли булгарские города...'; *Аламонь-аламонь эрзя-мокшонь енксось яла ванськадыль монголтнэде...* [1, с. 155] 'Понемногу эрзянско-мокшанская сторона очищалась от монголов...'.

Г. С обстоятельством причины. ССЦ такого типа в повести единичны: *Шкантъ тевтеме ютавтомадонть Пургасонь пряс совильть эрьва кодат арсемат* [1, с. 120] 'Из-за пустого времяпровождения в голову Пургаса приходили разные мысли...'; *Виртянонь мереманзо коряс пявттнэ явсть эсь каност эйстэ ломантъ, конат ялго мольсть...* [1, с. 119] 'По требованию Виртяна вожди выделили из своих родов людей, которые пешком шли ...'.

Д. С обстоятельством меры и степени. ССЦ такого типа в повести также единичны. Средством выражения зачина обычно служит или количественно-именное сочетание (*Вете чить эрясь Виртян тетянзо кудосо...* [1, с. 90] 'Пять дней прожил Виртян в отцовском доме...'), или количественное наречие (*Ламо сельведть правтсь Лияна аванок кисэ ды эсенек кисэяк...* [1, с. 100] 'Много слез пролила Лияна по [нашей] матери да и по нам...').

Е. С обстоятельством цели. В тексте повести обнаружено только одно ССЦ с обстоятельством цели в начале зачина. Средством выражения такого обстоятельства выступает инфинитив: *Варштамо кучозельть колмосядт ластеть. Пижнезь, сеерезь, тороcост аволязь, сынь лиссть вирьстэнть...* [1, с. 128] 'На разведку (букв. посмотреть) было послано триста седоков. Крича, вопя, размахивая мечами, они вышли из леса...'.

Отметим, что в ССЦ с обстоятельственными зачинами (разновидности В, Г, Д, Е) употребление обстоятельства образа действия (В), причины (Г), меры и степени (Д), цели (Е) в препозиции предложения носит инверсионный характер и служит средством их семантического выделения. Такой нестандартный порядок слов автором используется с целью привлечения внимания читателя.

Таким образом, в повести М.И. Брыжинского представлено несколько разновидностей ССЦ с динамичными зачинами. Их построение

зависит от коммуникативных намерений писателя и диктуется его задачами речетворчества. Тему и структуру ССЦ в большой степени определяет зачин, играющий роль организующего центра.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брыжинский М.И.* Половт: повесть // Кочказь произведеният: в 2 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2013. Т. 1. С. 33–167.

2. *Жиндеева Е.А., Водясова Л.П.* Авторская стратегия изображения исторической личности в мордовской прозе (на примере повести М.И. Брыжинского «Ради братий своих») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–1 (60). С. 27–29.

3. *Солганик Г.Я.* Синтаксическая стилистика. М.: Высш. шк., 1973. 216 с.

УДК 811.511.152.2

Л.П. Водясова
Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева (г. Саранск),
Г.С. Иванова
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (г. Саранск),
Н.В. Иванова
Морская техническая академия им. адмирала Д.Н. Сенявина (г. Санкт-Петербург)

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ВОКАЛИЗМА В ПЕРЕХОДНОМ ДИАЛЕКТЕ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

В статье описываются фонетические явления в области гласных переходного диалекта мокшанского языка. Согласно исследованию, их специфику определяют междиалектные и внутридиалектные чередования, на появление которых оказали влияние

фонетические процессы, происходящие в языке вообще и внутри того или иного диалекта в частности.

Ключевые слова: *мокшанский язык, переходный диалект, вокализм, фонетический процесс, изоглосса.*

The article describes phonetic phenomena in the vowels, functioning in the transitional dialect of the Moksha language. It is indicated that their specificity is determined by inter-dialect and intra-dialect alternations, the appearance of which was influenced by phonetic processes occurring in the language in general and within a particular dialect.

Key words: *the Moksha language, transitional dialect, vocalism, phonetic process, isogloss.*

Переходный (иначе смешанный) диалект (англ. *transitional dialect*) – это диалект, который занимает промежуточное положение между другими и совмещает в себе характерные черты двух или более диалектов. Он является недостающим звеном между аутентичными диалектами, сохранившими особенности праязыка, и современными, в фонетической и морфологической системах которых произошли глубокие изменения.

Следует отметить, что при диалектном членении особое внимание уделяется принципам отбора наиболее существенных для той или иной группы говоров типичных изоглосс, так как изоглоссы разных языковых явлений, относящиеся ко всем уровням языка, могут членить одну и ту же территорию самым различным образом. Так, говоры, входящие в переходный диалект мокшанского языка, различаются: по количеству и составу гласных и согласных фонем, звуковой реализации одной и той же фонемы, специфике проявления фонетического закона гармонии гласных, употреблению отдельных падежных форм имени, наличию определенных словоизменительных форм глагола [1; 3]. Кроме того, они растянулись от западной части республики до центральной, расположены на территории трех районов Республики Мордовия – Ковылкинского, Рузаевского и Торбеевского, образуя границы с разными диалектами. Учитывая

все эти факторы, говоры, относящиеся к переходному диалекту мокшанского языка, дифференцируются на три группы: 1) переходные говоры ковылкинского ареала (пгКа.) – с. Алькино [al'kina, al't'e], пос. Красная Поляна [jangata·j], с. Мордовское Вечкенино [mokšən' v'ečkən'e], с. Парапино [porapa], Старое Дракино [s'ər'draka], Новое Дракино [od draka] (расположены на территории Ковылкинского района Республики Мордовия и занимают пограничные территории с юго-восточным и западным диалектами); 2) переходные говоры торбеевского ареала (пгТа.) – с. Варжеляй [varžə-l'äj], д. Вязовка [v'äzofka], с. Куликово [kul'ikofka], с. Старая Пичеморга [s'irə p'ičəmorga, s'irə v'el'ä], с. Новая Пичеморга [od p'ičəmorga, od v'el'ä], с. Носакино [nosak-v'el'ä], с. Малышево [malîšu], с. Савва [sava-v'el'e], с. Салазгорь [salaz-g'är'g'ä], д. Мазилуг [maz'iluk] (расположены на территории Торбеевского района Республики Мордовия и занимают пограничные территории с западным, центральным и юго-восточным диалектами); 3) переходные говоры рузаевского ареала (пгРа.) – с. Сузгарье [suzger'ge], с. Палаевка [palaj-v'el'e, ciftamas], с. Болдово [boldu-v'el'e], с. Трускляй [tərksl'ej], с. Старая Муравьевка [s'ir'e muravjofka], с. Куликовка [od vel'e], с. Новый Усад [od usad], с. Мордовское Баймаково [mokšən' pajmak], с. Пушкино [puškina] (расположены на территории Рузаевского района Республики Мордовия и занимают пограничные территории с юго-восточным и центральным диалектами).

В переходном диалекте мокшанского языка широкое распространение имеют междиалектные чередования гласных, когда гласному одного говора в другом соответствует другой гласный, и внутридиалектные чередования, когда внутри одного диалекта в одном слове в разных фонетических позициях выступают разные гласные. На появление междиалектных и внутридиалектных чередований оказали влияние фонетические процессы, происходящие в языке вообще и внутри того или иного диалекта в частности.

Среди фонетических процессов в системе вокализма переходного диалекта мокшанского языка большое место занимает *сужение* гласных переднего ряда нижнего и среднего подъемов в позициях перед мягким парным согласным или твердым непарным

согласным – (*ä // e*) < **ä*: в говорах ковылкинского и рузаевского ареалов общемокшанский гласный переднего ряда нижнего подъема *ä* сузился до гласного среднего подъёма *e*, подобное явление свойственно также юго-восточному диалекту мокшанского языка, в торбеевском ареале гласный *ä* сохранился [1; 2]: пгКа., пгРа., ю.-вст. *ked'n'e* ‘ручонка’ // пгТа. *käd'n'ä*, цнтр. *käd'n'ä*; пгКа., пгРа. *k'ežî*, ю.-вст. *k'ež'i* ‘злой, сердитый’ // пгТа. *k'äž'i*, цнтр. *k'äžî*; пгКа., пгРа. *pešt'e,* ю.-вст. *peš't'e* ‘орех’ // пгТа. *päš't'ĕ*, цнтр. *päšt'ä*. Если в переходных говорах рузаевского ареала процесс сужения на этом остановился, то в говорах ковылкинского ареала он охватил также общемокшанский гласный среднего подъёма **e*, который перешел в гласный верхнего подъёма *i* – (*i // e*) < **e*: пгКа., ю.-вст. *vil'ĕ* ‘село, деревня’ // пгТа., цнтр. *vel'ä*; пгКа., ю.-вст. *vi* ‘ночь’ // пгТа., цнтр. *ve*; пгКа., ю.-вст. *t'iv* ‘дело’ // пгТа., цнтр. *t'ev*.

К внутридиалектным чередованиям относится *перенос артикуляции* к переднему или заднему ряду, связанный с конкретной фонетической позицией. Во всех говорах переходного диалекта происходит перенос артикуляции гласного заднего ряда *a* к переднему ряду в позиции между двумя палатальными или палатализованными согласными: в говорах торбеевского ареала гласный *a* чередуется с гласным переднего ряда *ä*, рузаевского и ковылкинского ареалов – с *e* < *ä*, но в то же время наблюдается междиалектное чередование – *e // ä*: пгКа., пгРа., пгТа. *tapuja-ms* ‘залохматиться’ // пгТа. *tapujä-n'*, пгКа., пгРа. *tapuje-n'* ‘он стал лохматым’; пгТа. *tapujä-t'*, пгКа., пгРа. *tapuje-t'* ‘ты стал лохматым’; пгТа. *tapujä-s'*, пгКа., пгРа. *tapuje-s'* ‘он стал лохматым’; пгТа. *tapujä-d'ə*, пгКа., пгРа. *tapuje-d'ĕ* ‘вы стали лохматыми’ (ср.: пгКа., пгРа., пгТа. *tapuja-za* ‘да пусть он залохматится’, *tapuja-st* ‘да пусть они залохматятся’, *tapuja-k* ‘ты залохматься’). Наблюдается и обратный процесс, когда на морфемном шве перед твердым согласным гласный переднего ряда (в торбеевском ареале *ä*, в рузаевском и ковылкинском – *e*) переходит в гласный заднего ряда *a*: пгТа. *pun'ä,* пгКа., пгРа. *pun'e* ‘пуговица’ – пгТа., пгКа., пгРа. *lam pun'a-dă* ‘много пуговиц’, *pun'a-t* ‘пуговицы’, *pun'a-să* ‘в пуговицах’, *pun'a-ftəməl'* ‘был без пуговиц’ (ср.: пгТа. *pun' ä-z'ä,* пгКа., пгРа. *pun'e-z'ĕ* ‘моя пуговица’; пгТа. *pun'ä-t',* пгКа.,

пгРа. *pun'e-t'* ‘этой пуговицы’; пгТа. *pun'ä-s',* пгКа., пгРа. *pun' e-s'* ‘эта пуговица’). Это явление носит массовый характер.

В говорах торбеевского ареала, как и в западном диалекте мокшанского языка, широкие гласные *a, ä* в позиции ауслата *редуцируются*. Здесь мы сталкиваемся с междиалектными чередованиями *ă // a, ä // ä.* Это связано с особенностями ударения – в указанных говорах он не может падать на конечный открытый слог слова: пгТа., зпд. *ki·z(ə)ndă* ‘летом’ // пгКа., пгРа., цнтр., ю.-вст. *kizənda·*; пгТа., зпд. *tu·ndă* ‘весной’ // пгКа., пгРа., цнтр., ю.-вст. *tunda·*; пгТа., зпд. *s't'i·r'n'ə* ‘девушка’ // пгКа., пгРа., ю.-вст. *s't'ir'n'e·,* цнтр. *s't'ir'n'ä·*.

В торбеевских говорах находит отражение такая особенность западного диалекта мокшанского языка, как *сохранение гласного* общемокшанского периода в инфинитивном суффиксе *-məda*: пгТа., ср.-вд. *šačəməda* ‘родиться’ – пгКа., пгРа., ю.-вст., цнтр. *šačəmda*; пгТа., ср.-вд. *kasəməda* ‘расти’ – пгКа., пгРа., ю.-вст., цнтр. *kasəmda*; пгТа., ср.-вд. *koRtamədа* ‘говорить’ – пгКа., пгРа., ю.-вст. цнтр. *koRtamda*; пгТа., ср.-вд. *jaRcamədа* ‘кушать’ – пгКа., пгРа., ю.-вст., цнтр. *jaRcamda*. В ковылкинском ареале в сохранении гласного в велярных формантах *-nək, -nənt* проявляется особенность юго-восточного диалекта: пгКа., ю.-вст. *maRtənək* ‘с нами’ – пгРа., пгТа., цнтр. *maRtənk*; пгКа., ю.-вст. *maRtənənt* – пгРа., пгТа., цнтр. *maRtənt*; в палатальных формантах *-n'ək, -jən't'* – западного диалекта: пгКа., зпд. *kandîn'ək* ‘мы их принесли’ – пгРа., пгТа., цнтр. *kandəs'k*; пгКа., зпд. *kandîjən't'* ‘вы их принесли’ – пгРа., пгТа., цнтр. *kandəs't'*; пгКа., зпд. *putîn'ək* ‘мы их поставили’ – пгРа., пгТа., цнтр. *putəs'k*; пгКа., зпд. *putîjən't'* ‘вы их поставили’ – пгРа., пгТа., цнтр. *putəs't'*. Отсутствие гласного в других диалектах мокшанского языка – явление инновационное.

В переходном диалекте имеет место и такой фонетический процесс, как *выпадение* гласного, отличное от закономерного выпадения, свойственного мокшанскому литературному языку. Так, в говорах торбеевского ареала, как и в говорах западного диалекта, выпадает редуцированный гласный перед сонорным согласным: пгТа., зпд. *put-m'en't'* ‘он меня поставил’ – пгРа., пгКа., цнтр.

putə-man'; пгТа., зпд. *put-m'ejt'* ‘ты меня поставил’ – пгРа., пгКа., цнтр. *putə-majt'*; пгТа., зпд. *put-m'es't'* ‘вы меня поставили’ – пгРа., пгКа., цнтр. *putə-mas't'*; пгТа., зпд. *put-m'ez'* ‘они меня поставили’ – пгРа., пгКа., цнтр. *putə-maz'*; пгТа., зпд. *s'ävə-m'en'* ‘он меня взял’ – пгРа., пгКа., цнтр. *s'ävə-man'*; пгТа., зпд. *s'äv-m'ejt'* ‘ты меня взял’ – пгРа., пгКа., цнтр. *s'ävə-majt'*; пгТа., зпд. *s'äv-m'es't'* ‘вы меня взяли’ – пгРа., пгКа., цнтр. *s'ävə-mas't'*; пгТа., зпд. *s'äv-m'ez'* ‘они меня взяли’ – пгРа., пгКа., цнтр. *s'ävə-maz'*.

В говорах ковылкинского ареала в формах номинатива, генитива и датива притяжательного склонения перед суффиксальным согласным *n'* имеет место *вставка* гласного: *val* ‘слово’– *val-ə-n'ĕ* ‘мои слова’, *val-ə-n'ən'* ‘моих слов’, *val-ə-n'ən'd'i* ‘к моим словам’ (в других диалектах: *val-n'ə, val-n'ən', val-n'ən'd'i*). Можно предположить, что таким образом восстановилась (сохранилась) историческая двусложная основа, которая оканчивалась на гласный.

Распространение имеет такое фонетическое явление, как палатально-велярная *гармония гласных* (сингармонизм), – уподобление гласного непервого слога качеству гласного первого (основного) слога по переднему или заднему (не переднему) ряду. Из трех типов переходных говоров она шире проявлена в говорах ковылкинского ареала, где наблюдается развитие палатализованных согласных *š', ž'*, за которыми в последующих слогах выступают гласные переднего ряда, как в юго-восточном диалекте: пгКа., ю.-вст. *š'aR'kəd'əms* ‘понять, понимать’ (ср.: пгРа., цнтр. *šaR'kəd'əms*); ю.-вст. *k'eš'əms* ‘спрятаться’ (ср.: пгРа., цнтр. *käšəms*). В говорах торбеевского ареала в основах с переднерядным вокализмом палатализация согласного *m* в составе субъектно-объектного суффикса и передвижки артикуляции последующего гласного *а* > *ä* в глагольных формах 2 и 3 лица ед. и мн. числа ряда *мон'* ‘меня’ гармония гласных охватывает всю словоформу: пгТа., с.-зпд. *s'ävm'ejt' maRtət* ‘ты меня взял с собой’, пгКа., пгРа., ю.-вст. *s'evəmajt',* цнтр. *s'ävəmajt'*; пгТа., с.-зпд. *s'äv(ə)m'es't' maRtənt* ‘вы меня взяли с собой’, пгКа., пгРа., ю.-вст. *s'evəmas't',* цнтр. *s'evəmas't'*; пгТа., с.-зпд. *s'ävm'en' maRtəndzə* ‘он меня взял с собой’, пгКа., пгРа., ю.-вст. *s'evəman',*

цнтр. *s'ävəman'*; пгТа., с.-зпд. *s'ävm'ez' maRtəst* ‘они меня взяли с собой’, пгКа., пгРа., ю.-вст. *s'evəmaz',* цнтр. *s'ävəmaz'*; пгТа., с.-зпд. *andəm'en'* ‘он меня накормил’, пгКа., пгРа., ю.-вст. *andəman',* пгТа., с.-зпд. *andəm'ez'* ‘они меня накормили’, пгКа., пгРа., ю.-вст. *andəmaz'*. В переходных говорах ковылкинского и торбеевского ареалов, как и в говорах юго-восточного и западного диалектов, гармония гласных распространяется и на падежные формы: а) пролатива, где наряду с заднерядно-велярными аффиксами развились переднерядно-палатальные (*-ga / -ka* и *-g'ä / -k'ä, -g'e / -k'e*): ю.-вст., зпд., пгКа., пгТа.: *val-ga* ‘по слову’, *palf-ka* ‘по палу’ – пгКа., ю.-вст., зпд. *l'ej-g'e* / пгТа. *l'äj-g'ä* ‘по реке’, пгКа., ю.-вст., зпд. *p'ir'f'-k'e* / пгТа. *p'ir'f'-k'ä* / ю.-вст. *pər' f-k'e* ‘по двору’ (ср.: пгРа., цнтр. *val-ga*, *palf-ka*, пгРа. *l'ej-g'e* / *l' ej-ga*, цнтр. *l' äj-g'ä* / *l'äj-ga*, пгРа. *p'ir'f'-k'e* / *pirf-ka*, цнтр. *p'ir'f'-k'ä* / *pir'f-ka*); б) аблатива – пгКа., пгТа., ю.-вст., зпд. *kal-dă* ‘от рыбы’, *kotf-tă* ‘от сукна’ – пгКа., ю.-вст., зпд. *k'el'-d'ĕ* / пгТа. *k'äl'd'ə* ‘от языка’, пгКа., пгТа., ю.-вст., зпд. *p'ir'f-t'ə* ‘от двора’ (ср.: пгРа., цнтр. *kal-dă* ‘от рыбы’, *kotf-tă, kel' -dă* ‘от языка’, *pir'f-tă*); в) абессива – пгКа., пгТа., ю.-вст., зпд. *kal-f-təmă* ‘без рыбы’ – пгКа., зпд. *p'ij-f't'əmă* / пгТа. *p' ej-f't' əmă* / ю.-вст. *p'ij-f't'əm'ĕ* ‘без зубов’ (ср.: пгРа., цнтр.: *kal-ftəmă, p'ej-ftəmă*). Отметим, что многие послелоги и наречия представляют собой застывшие падежные формы аблатива, латива, пролатива, в которых сохранилась ещё двухвариантность падежных аффиксов: *ftaldă* ‘из-за, сзади’, но *iŋ'g'əl'i* ‘перед; вперёд’; *ftalga* ‘за; сзади’, но *iŋ'g'əl'g'e* ‘перед; спереди’ и др. Подобное явление наблюдается также в глагольных формах, где, несмотря на переднерядный вокализм корневой морфемы, присоединяется заднерядно-велярный аффикс: пгКа., пгРа. *k'el'ə-dă* / пгТа. *k'äl'ə-dă* ‘вы идите вброд’, но пгКа., пгРа. *k'el'ə-d'ĕ* / пгТа. *k'äl'ə-d'ĕ* ‘вы шли вброд’; пгКа., пгТа., пгРа. *l'ijə-dă* ‘вы летите’, но пгКа., пгРа., пгТа. *l'ijə-d'ĕ* ‘вы летели’ (в данном случае суффиксы *-dă / -d'ĕ, -ga / -g'e, -u / -i* являются смыслоразличителями).

Таким образом, переходный диалект мокшанского языка, занимая пограничное положение между центральным, юго-восточным

и западным диалектами, является носителем общих признаков с соседними диалектами. Большинство этих признаков имеют приобретенный характер – они появились в результате действующих в диалектах фонетических процессов. В области вокализма таковыми являются: сужение узких гласных переднего ряда перед палатализованными согласными в переходных говорах рузаевского и ковылкинского ареалов и сохранение общемордовского гласного *ӓ* в говорах торбеевского ареала; редукция конечных широких гласных в безударной позиции в большинстве говоров ковылкинского ареала и передвижка артикуляции гласных к переднему или заднему ряду в зависимости от фонетического окружения, и, конечно, в говорах торбеевского и ковылкинского ареалов большое значение имеет палатально-велярный сингармонизм, который распространяется также на суффиксальные элементы.

СОКРАЩЕНИЯ

зпд. – западный диалект мокшанского языка; пгКа. – переходные говоры ковылкинского ареала; пгРа. – переходные говоры рузаевского ареала; пгТа. – переходные говоры торбеевского ареала; с.-зпд. – северо-западная группа говоров; ср.-вд. – средневадский диалект; цнтр. – центральный диалект мокшанского языка; ю.-вст. – юго-восточный диалект мокшанского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Водясова Л.П., Иванова Г.С., Иванова Н.В.* Гласные фонемы среднего подъема в переходном диалекте мокшанского языка // Филология и филологическое образование в поликультурном пространстве России XXI века: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «58-е Евсевьевские чтения» (г. Саранск, 25–26 апр. 2022 г.) / редкол.: М.В. Антонова, Л.П. Водясова (отв. ред.), Н.А. Нестерова, Н.И. Швечкова; Мордов. гос. пед. ун-т. Саранск: РИЦ МГПУ, 2022. С. 12–15.

2. *Иванова Г.С., Бутылов Н.В.* Репрезентация финно-угорского **ӓ* непервого слога (на материале мокшанских диалектов) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 25–32.

3. *Feoktistov A.P.* Dialects of Mordovian languages // H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1990. Bd. 1. Pp. LXXI–LXXXVI.

УДК 81.51’373.6

Т.Р. Душенкова
Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
(г. Ижевск)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА СОЛНЦА В УДМУРТСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается образ солнца в удмуртском языке и культуре. Уделяется внимание мифологическому образу солнца, этимологии, лексике и словообразованию. Фольклорные тексты также становятся средоточием образа: паремия, загадки, приметы, сказки, молитвы-куриськоны, лечебная магия. Образ солнца нашел отражение в прикладном искусстве, художественной литературе и т.п.

Ключевые слова: *культурный код, образ солнца, удмуртский язык.*

The article examines the image of the sun in the Udmurt language and culture. Attention is paid to the mythological image of the sun, its etymology, vocabulary, and word formation. The focus of the image is also reflected in folklore texts: paremia, riddles, omens, fairy tales, prayer-curies and healing magic as well as applied art, fiction, etc.

Key words: *cultural code, image of the sun, Udmurt language.*

Солнце – это не только астрономический объект, но и универсальный символ жизни, рождения, роста, пробуждения. Как источник света оно символизирует знания, интеллект.

«К космическим телам, особенно солнцу, удмурты относились с особым благоговением. Солнце в мировоззрении удмуртов занимает важнейшее место как один из могущественных покровителей и основных божеств. Очень многие обряды связаны с солнцем. Во всех молельных обрядах, связанных с живыми людьми и с этим белым светом – *югыт дунне,* – действия, повороты согласованы с движением солнца. В обрядах, связанных с умершими и потусторонним миром, повороты совершаются против движения солнца.

Несоблюдение этого правила считается дурным, недоброжелательным тоном и пожеланиями неприятностей окружающим людям и участникам обряда» [5, с. 39].

Удмуртские этнографы В.Е. Владыкин и Л.С. Христолюбова описывают древний обряд *вылэ мычон* ‘вверх возносимое’, связанноый с культом Солнца. Во время молений удмурты поднимали на верхушку дерева каравай с маслом или жёлтые яичные блины – символ солнца и жертвенный ему дар [7, с. 117].

Примечательно, что удмурт клялся именем солнца и луны. Называя солнце и луну, он не мог обмануть. Очевидно, и не было случаев обмана. Никто не смел и не считал возможным ложью запятнать священное слово ШУНДЫ ‘солнце’ и ТОЛЭЗЬ ‘луна’. Клялись, чтобы убедить собеседника в своей правоте именем солнца, луны и Инмара ‘бога’: «*Та шунды понна, öй басьты*! ‘Солнце свидетель, не взял’ [5, с. 39]; *Шунды понна!* ‘Честное слово!’; *Шундые-толэзе!* ‘Клянусь солнцем и луной!’.

Шунды понна,	Солнцем клянусь,
Толэзь понна,	Луной клянусь,
Нянь понна,	Хлебом клянусь,
Тыл понна,	Огнём клянусь,
Лёгоно музьем понна,	Землёй, по которой ступаю, клянусь,
Азь улонэ понна – та ужез öй кар!	Днями, отведёнными мне, клянусь – Этого я не делал!

[13, с. 96].

Многие представления о солнце нашли отражение в языке и фольклоре. Рассмотрим образ солнца в паремиях и загадках, где народные знания были зашифрованы в виде когнитивных метафор, сравнений и т.п.

Шунды-Мумы **‘Мать-Солнце’.** В удмуртской культуре оно связано с женским началом и персонифицируется в образе богини *Шунды-Мумы* [см. работы Т.Г. Владыкиной о преобладании женских божеств в удмуртском пантеоне]. (Ср.: в русской культуре солнце мужского рода – Ярило. В христианстве – Бог-Отец, правитель вселенной, излучающий свет и любовь, божественное начало в человеке.)

Владыкин В.Е. приводит свидетельства о двойственности восприятия удмуртами богини *Шунды-Мумы*. С одной стороны – это божество женского рода, которое в виде некой черной чаши должно было показывать путь солнцу, с другой стороны, под *Шунды-Мумы* понимали само солнце [6, с. 70].

Широко известны височные подвески-серьги с изображением *Шунды-Мумы*, впервые найденные при раскопках Иднакара. Вряд ли сегодня мы можем проникнуть во все тайны содержания, вложенного древними мастерами в это украшение. Не исключено, что оно отражает древнеудмуртские верования, связанные с образом *Шунды-Мумы*, возможно, оно имеет и более глубокий смысл, являясь одним из вариантов воплощения представления народа о мироздании, отражением первобытно-философских размышлений о движении солнца вокруг земли. В этом плане она соотносится с космологическими символами. Изделие представляет собой серебряные с позолотой кольцевидные серьги с привесками, декорированные зернью и сканью, внешне напоминающие женскую фигуру с поднятыми над головой руками. По свидетельству этнографов, она являлась олицетворением солнца, живительного света и тепла, призванная заботиться о том, чтобы солнце вовремя всходило и заходило. Удмурты молились *Шунды-Мумы* в случаях заболевания оспой и при детских болезнях. В жертву приносили утку или белую овцу. В начале XX в. известны случаи, когда в жертву приносили и белую лошадь*. Части жертвы, предназначенной *Шунды-Мумы*, бросали в огонь [12, с. 132–133].

Этимология, семантика, словообразование. В коми языке *шонді* ‘солнце’, удмуртское *шунды* ‘тж’ < общепермское слово **šo̲ndi* [18, с. 322].

От лексемы *шунды* ‘солнце; солнечный’ образовались свободные и несвободные словосочетания: *шунды пиштэ* ‘солнце сияет’; *шунды жӟужа (потэ)* ‘солнце всходит’; *шунды пуксе* ‘солнце заходит’; *шунды васькe* букв. ‘солнце опускается’; *шундылы пумит* ‘против солнца’, *шундылань/шундыя* ‘по солнцу’. Лучи – *шунды*

* Конь также соотносится с солярным символом.

сиос ‘солнечные лучи’; диалектное метафорическое выражение *шунды кук (пыд)** букв. ‘солнечная нога’. Семена подсолнечника и масло выгнанное из них нежно называются *шунды тысь* ‘подсолнечное семя; семечки’ и *шунды вöй* ‘подсолнечное масло’. Солнечная сторона на удмуртском звучит как *шунды пыжон шор (инты)* или *шунды бам* букв. ‘солнечная щека’.

Ласковое обращение метафорически связано со светилом : *шундыые тон мынам!* ‘солнышко ты моё!’; переносное выражение, которое сравнивает рыжеволосого человека с солнцем – *шундыпи* букв. ‘дитя солнца’. Главным эпитетом солнца является прилагательное золотой: *зарни шунды* ‘золотое солнце’. О выгоревшей, выцветшей** вещи мы говорим *шунды басьтэм* букв. ‘солнце забрало’.

Разные части речи: а) прилагательное *шундыё* ‘солнечный’; глаголы – *шундыны* диал. ‘согреться’, *шундыяськыны* ‘стать солнечным, выглянуть (о солнце)’ (*куазь шундыяськиз* ‘погода стала солнечной’), *шундэктыны* диал.‘нагреться, стать тёплым’ (*куазь шундэктэ* ‘погода становится тёплой’). От последнего образовалось существительное *шундэктон* 1. сущ. от *шундэктыны*; 2. ‘оттепель’. Интересное слово *шундэм*, которое обозначает плотную корочку на головке новорождённого [27, с. 783].

Интересны лексемы *шунданы* ‘обварить (обжечь) кипятком’ и *шундаськыны* ‘обвариться (обжечься) кипятком’ [27, с. 783; 2, с. 351] – их происхождение не выяснено. Тем не менее здесь прослеживается корень *шун+д+аны*, где значение *шун-* связано с теплом.

Диалектное *шундан-мендан**** ‘кое-как; аляповато; аляповатый’ букв. с татарского (переносное неодобротительное) ‘так-сяк’ [24, с. 665]. Ср: *шундан-мендан уж* ‘аляповатая работа’.

---

* Сравните изображения солярных символов у древних славян (Коловрат, Колядник, Ладинец, Свитовит, Светоч, Яроврат и др. [9, с. 118–52]), египтян и даже обычную свастику, где лучики изображены в виде человеческой ступни или ноги.

** Бездэм.

*** *Шундап-мендап* ‘аляповато; кое-как’: *шундап-мендап вераз* ‘аляповато сказал’ [2, с. 351].

При помощи компонента *шунды* ‘солнце’ образованы:

а) астрономические наименования: *шунды* ‘солнце; солнечный’; *шунды берытскон (сылон)* ‘солнцестояние’ (*толалтэ шунды берытскон* ‘зимнее солнцестояние’; *гужем шунды берытскон* ‘летнее солнцестояние’); *шунды виштыос* ‘солнечные пятна’; оптическое явление в виде цветного и блестящего круга около Солнца – гало в удмуртском языке называется *шундыугы* букв. ‘солнечная серьга’ или *шундыкенер* ‘солнечный забор/изгородь’; *шундыкенераськон* ‘появление ореола вокруг Солнца’; *Шундыдоркизили* ‘Меркурий (планета)’; *шунды ӧоксаськон (ӧоктаськон, пеймыт луон)* ‘затмение солнца’; неол. *шунды сӧзнэт* ‘солнечная система’;

б) названия сторон света: *шундыпуксён* ‘запад; западный’, *шундыпуксёнпал* ‘тж’ (*шундыпуксёнпал тӧл* ‘западный ветер’); *шунды жужан* ‘восход солнца’; *шунды пуксён* ‘заход солнца, закат’; *шундыжужан* ‘восток’ (*тӧл шундыжужанысь пельтэ* ‘ветер дует с востока’); *шундыжужанпал* ‘восток; восточный’ (*шундыжужанпал тӧл* ‘восточный ветер’); *шунды палыз* ‘солнечная сторона’;

в) названия растений: *шундыйӧлтурын* ‘молочай; солнцегляд’; лит. *шундыберган** ‘подсолнух’ и многочисленные диалектные варианты подсолнечника – *шундыберыг, шундынялтас, шундынялтэс, шундынялтэ, шундыпужет, шундыпумет*;

г) одно из названий божьей коровки – *шундымумы*, которое может встречаться в детских закличках;

д) медицинский термин: *шунды шуккем* ‘солнечной удар’;

е) название узора: *шундыкирос* ‘солярный знак (символическое изображение солнца в виде креста)’.

Паремия. Народная мудрость хранит множество пословиц и поговорок, в которых зафиксированы знания и наблюдения за солнцем, метафорические сравнения: *Шунды – выллань, нунал – азьлань*

---

* *Шундыберган* – движется по солнцу, т.е. по часовой стрелке. Это символ жизни и света. (Против часовой стрелки – свастика.) На подсолнухе линии, на которых расположены семена, образуют рисунок-спираль – это формула Фибоначчи. Подобным образом устроены многие вещи в мире: семена, плоды, звёздные системы, и даже у младенца на темечке есть такая спираль, которая в удмуртском языке называется *шундыберган* ‘солнцеворот’.

‘Солнце – выше, день – вперёд’; *Шундыез уин адзыны уг луы* букв. ‘Ночью солнца не видать’ (т.е. во время горя и солнце чёрным кажется); *Шунды ке потэ, толэзь но кысэ* ‘Когда солнце всходит, и луна гаснет’; *Шундыез толэзен эн сура* ‘Солнце от луны различай’.

С одной стороны, дневное светило едино для всех – *Шунды котькытын одйг* ‘Солнце везде одно’; а с другой стороны, оно может быть разным: *Шунды но огкадь уг жужа* букв. ‘И солнце не одинаково всходит’ (т.е. и в жизни всякое бывает), *Шунды но огкадь уг шунты* ‘И солнце не всех одинаково греет’. Его нельзя спрятать: *Шундыез мешоке уд куты* ‘Солнце в мешок не поймаешь (не загонишь)’. Образное выражение – *Шунды кукъёссэ лэзьям* букв. ‘Солнце ножки развесило (о солнечных лучах перед восходом и заходом’ [10, с. 122–123].

Загадки. В традиционных загадках отражены исходные представления о мироустройстве, которые участвуют в формировании у детей взгляда на окружающий мир. Загадка помогала ребёнку классифицировать основные принципы организации мира, его состав; она выстраивала защитные механизмы человека от случайного, непредвиденного и страшного [25, с. 29]. Загадка была хранительницей верований, а потом стала лишь поддерживать народную любознательность. Осталась её иносказательная, аллегорическая форма, уцелел образный сильный язык, прежний смысл затерялся. В загадках даётся нарочито усложнённое описание одного предмета посредством описания другого предмета на основе установления отдалённого сходства между ними. Рассмотрим примеры, какое место в этом мире занимало солнце.

А) Оно сравнивалось с корытцем (ведь именно в нём хранились зимой важные в питании продукты) масла или крови в зависимости от цвета заката: *Корка сигын (корка берын) вöй (вир) тусь* ‘На чердаке (за домом) корытце с маслом (кровью)’.

Б) Блинами и лепёшками, которые пекли в честь солнца (например, на масленицу): *Нуназе табань*, жыт кыстыбей*** ‘днём лепёшка, вечером кыстыбей’.

---

* *Табань* – толстые блины из кислого (дрожжевого) теста.

** *Кыстыбей* – блинчики из пресного теста с кашей или картофельным пюре.

В) Красный цвет восходящего и заходящего солнца может подчёркиваться в сравнении с коровой или пуговицей: *Горд скал султэ, вань изисез сайкатэ* ‘Красная корова встаёт, всех спящих будит’ или *Горд бирды шоры учкыны уг луы* ‘На красную пуговку смотреть нельзя’. *Быдэс дуннелы горд юбо* ‘Для всего мира красный столб’ – ассоциация с мировым столбом.

Г) Золотистый или жёлтый цвет: *Ингур* улын зарни бугор* ‘Под небосводом золотой клубок’; *Луд шорын зарни шыкыс* ‘Посреди поля золотой сундук’; *Гур улын ӟуж чипы (ветлэ)* ‘Под сводом жёлтый цыплёнок (похаживает)’; *Липет вылтӥ ӟуж кур гылӟе* ‘По крыше жёлтый лубок катится’.

Д) Перемещается солнце совершенно беззвучно, не оставляет никаких следов, нет ему никаких преград: *Мыноз, мыноз – пытьыез уз кыльы* ‘Идёт, идёт – следов нет’; *Пыдыз ӧвӧл, киыз ӧвӧл, корка пыроз, шулдыртоз* ‘Ног нет, рук нет, в дом войдёт, развеселит’; *Шырт-шарт куз кар, корка пыроз, шулдыртоз* ‘Не стукнет, не брякнет, развеселит’; *Шырт уз шу, шарт уз шу, корка пыроз, сэндрае тубоз* ‘Не стукнет, не брякнет, в дом проникнет, на полати заберётся’.

Е) Передвижение солнца по небу по одному заданному курсу, соблюдение природного ритма: *Нуналлы быдэ одӥг сюрестӥ мынэ* ‘Каждый день по одной дороге ходит’; *Нуназе ветлэ, уин изе* ‘Днем ходит, ночью спит’. *Котьмалэсь но вылын, котьмарлэсь югыт, со изьыку, ми изиськом, со султыку, ми султӥськом* ‘Теплее всех, светлее всех, оно спит – мы спим, оно встаёт – мы встаём’.

Ж) Солнце не спрятать и не повесить на одно место – оно неуловимо: *Шыкысэ мае пытсаны уг лу?* ‘Что в сундук не запрёшь?’; *Котьмае ошод но, сое уд ошы* ‘Все повесишь, а его не повесишь’.

З) Намеренно подчёркивается его теплота: *Ачиз лултэм – инкуазез шунтэ* ‘Сам неживой, а весь мир согревает’; *Котьмарлэсь шуныт, котьмалэсь но матын* ‘Теплее всех, ближе всех’.

Оно сродни мягкости и нежности материнских рук: *Кытчы ке но мынӥ – одӥг анай* ‘Куда ни пойду – всюду я мать’ [29, с. 214–215].

---

* *Ингур* –1. *букв.* небесная печь 2. Небесная мелодия.

Приметы. *Шунды жужан пал куазь гордэктйз ке, куазь зороз* ‘Если восточная сторона зардела, дождь будет’ [2, с. 351].

Шунды берзэ учкыса пуксе ке, … ‘Если солнце заходит/опускается оглядываясь назад, то…’. При этом явлении запад весь окрашен в красный цвет.

Фольклор. С солнцем связаны солярные мифы. Широко известна сказка «Зять солнца».

Шунды но жужа но,	Солнце всходит,
Шунды но пуксе но…	Солнце заходит…

(*народная песня*)

Культ солнца зафиксирован и в фольклорных жанрах, например, в закличках*, которые являются рудиментами древнего мифа:

Пот, пот, шундые,	Выйди, выйди, солнышко,
Ачим вöёк нянь сётo…	Хлеба с маслицем я дам…
Шунды-мумы, пот, пот,	Солнце-матушка, выйди, выйди
Пилем дядя, кошкы –	Облако-батюшка, уйди, уйди,
Гольык пиосыд кынмо.	Голые твои ребятки мёрзнут.
Пилем дядяй, кош, кош,	Облако-батюшка, уйди, уйди,
Шунды мемей, пот, пот,	Солнце-матушка, выйди, выйди.
Потйд ке, чебер сяська сётo.	Выйдешь, красивый цветок дам
	[28, с. 30].

Молитвы-куриськоны. *Шундые-мумые! Тыныд синпель сётэм понна вöсяськом* [26, с. 61] ‘Солнце-матушка! Тебе ради подарка молимся’. *Гудыри-мумые, Шунды-мумые! Ӟеч шыдэн-нянен буре*

---

* «…мифы постепенно превращались в народный героический эпос и сказки, ритуал загадывания космогонических загадок – в состязание находчивости, остроумии, словесной бойкости и в конце концов стал развлечением, детской забавой; молитвы, гимны, погребальные плачи трансформировались в песенную и лирическую поэзию; аграрные календарные обряды – во фразеологию, народные приметы, детские игры, в пейзажную лирику; заговоры – в те же приметы, считалки да в приговорки с забытыми мотивировками» [19, с. 87].

ваиськом [26, с. 62] ‘Гром-Матушка, Солнце-матушка! Хорошим супом-хлебом вспоминаем/молимся’.

Лечебная магия: *Шунды-мумы кутон* – так называется глазная болезнь – воспаление, раздражение слизистой глаз от ярких солнечных лучей [20, с. 86]. «Под *Шунды-мумы* вотяки «разумеют самое солнце… Богине Шунды-мумы вотяки молились во время оспы и детских болезней» [12, с. 132].

Прикладное искусство. Удмурты осмысляли окружающее пространство и широко использовали в декоративном искусстве. Например, солярную символику размещали на столбах ворот, орнамент которых отличался большим разнообразием – это круги, овалы, ромбы, полукружия, а иногда сильно стилизованная человеческая личина. Истоки этой традиции восходят к искусству пермского звериного стиля (V–IX вв. н.э.). В технике трёхгранно-выемчатой резьбы выполнялся основной солярный мотив: символическое изображения солнца. Солнце, дающее все блага жизни, изображалось в виде круга, полукружия и ромба с отходящими от него радиально лучами. Считалось, что ворота – лицо дома хозяина. По воротам судили о благосостоянии и достоинстве хозяина. Солнце – высшее божество, которому поклонялись люди, оно отгоняло злых духов. Солярные знаки имели охранительный смысл [17, с. 25].

Художественная литература. В удмуртской поэзии образ солнца является самым распространённым и значимым в поэзии поэта-просветителя Кузебая Герда. Данный вопрос исследован в работах [3; 4; 11; 1 и др.]. Он характерен и для русской поэзии начала XX в. Ряду стихов из сборника «Крезьчи» (1922) характерно обращение, заклинание, просьба, мольба к солнцу. Все они связаны с эпохальными изменения в истории – Великой Октябрьской революцией.

Образ величественного светила – *шунды* – как природной стихии – встречается в творчестве К. Герда 251 раз [3]. Он включает целый спектр традиционных и авторско-оригинальных значений, а также выполняет разнообразные поэтические функции. Оно является символом счастья (счастливой жизни и благополучия) [1, с. 9]. Архетип восходящего солнца рассмотрен в монографии С.Ф. Васильева и В.Л. Шибанова [4, с. 42].

Удмуртский гимн начинается с солнца, а припев рефреном поддерживает и объединяет его с образом *Быдӟым Инмара*:

Шунды сиос жуато палазез,	Солнечные лучи обагряют рябину,
Юг ӟардон вуэ музъемам…	Яркий рассвет приходит на землю.

Припев:

Югдыты, Быдӟым Инмаре,	Освети, Великий Бог,
Кыдёкысь инвисъёсмес,	Далёкие горизонты,
Кыдаты выль шудбурмес,	Укрепи новое [наше] счастье,
Эрико, йӧн бурдъёсмес!	Свободные, сильные [наши] крылья!

(*Гимн Удмуртии*)

На сцене Удмуртского драматического театра в 2003 г. поставлена пьеса Г. Романовой «Шунды-мумы». Здесь *Шунды-мумы* – символ мироздания. Ни сюжет, ни действие не раскрывают, на мой взгляд, того смысла, что заложено в названии пьесы, которое более глубокое.

Выводы. Таким образом, образ солнца в удмуртской лингвокультуре трансформировался на разных уровнях. В языке с компонентом *шунды* образовано множество слов (прилагательные, глаголы и т.п.). Лексемы обозначают не только астрономические явления, но и названия растений, сторон света, названия узоров и др. Мифологически солнце персонифицировалось в образе богини *Шунды-мумы*. В народных сказках, загадках, молитвах-куриськонах, детских закличках, обрядах и ритуалах, пословицах и поговорках, приметах, народной медицине также можно встретить образ дневного светила. Образ солнца активно используется в художественной литературе и поэзии, является излюбленной темой прикладного и ремесленного искусства.

СОКРАЩЕНИЯ

букв. – буквально;

лит. – литературный

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арекеева С.Т., Кондратьева Н.В.* Образ солнца в поэзии К. Герда // Ижевск, 2021. С. 8–14.

2. *Борисов Т.* Удмурт кыллюкам. Ижевск: Удмуртия, 1991. 384 с.

3. *Бусыгина Л.В.* «Временем помечен, Поэт и Человек...»: размышления о слове и эпохе Кузебая Герда: Монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский ун-т», 2009. 248 с.

4. *Васильев С.Ф., Шибанов В.Л.* Под тенью зэрпала (дискурсивность, самосознание и логика истории удмуртов). Т. 1 Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1997. 302 с.

5. *Виноградов С.* Элементы традиционного мировоззрения удмуртов // Вестник Удмуртского университета. 1992. № 6. С. 37–39.

6. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

7. *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С.* Этнография удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 117 с.

8. *Владыкина Т.Г.* Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал. Ижевск: Изд-во «МонПоражён», 2018. 298 с.

9. *Гардин Д.* Руны и амулеты от А до Я. Магическая символика современного мира. М., 2021. 512 с.

10. *Дзюина К.* Средства образной выразительности удмуртского языка. Ижевск, 1967. 96 с.

11. *Домокош П.* История Удмуртской литературы. Ижевск: Удмуртия, 1993. 445 с.

12. *Емельянов А.И.* Курс по этнографии вотяков; Вып 3. Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань: Изд. Каз. вотского изд. подотд., 1921. 156 с.

13. Зарни крезь = Золотые гусли: Удмурт калыклэн визь-нод шыкысысьтыз = Из сокровищницы народной мудрости удмуртов / сост. Т.Г. Владыкина-Перевозчикова. Ижевск: Удмуртия, 2015. 304 с.

14. *Зыков С.Н.* Воплощение традиционного финно-угорского образа *великой матери* в артефактах и современных объектах женского обихода // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=14189 (дата обращения: 22.11.2022).

15. *Измайлова А.С.* Символика Солнца в лирике Кузебая Герда // Вордскем кыл. № 4. 2001. С. 33–36.

16. *Ильин А.С.* Солярная символика в деревянном зодчестве удмуртов и ее применение в контексте современного дизайна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31). Ч. 2. С. 67–69.

17. *Климов К.* Удмуртское народное искусство. Ижевск: Удмуртия, 1988. 200 с.

18. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.

19. *Мечковская Н.Б.* Язык и религия. М.: Агентство «ФАИР», 1998. 352 с.

20. *Никитина Г.А.* Мифологические представления в народной медицине удмуртов // Удмуртская мифология / под ред. В.Е. Владыкина. Ижевск, 2003. С. 84–96.

21. *Романова Г.* «Шунды-мумы». Ижевск: Шелест, 2015. 463 с.

22. Русско-удмуртский словарь. Т. 2. Ижевск, 2019. 1016 с.

23. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. 728 с.

24. Татарско-русский словарь. М., 1966. 1037 с.

25. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Изд. группа «Прогресс»: Культура, 1995. 621 с.

26. Удмурт оскон: вашкала куриськонъёс, вӧсяськонъёс, статьяос = Удмуртская вера: древние молитвы-заклинания, статьи / [авт. предисл. С.Н. Виноградов]; сост. В.Е. Владыкин, С.Н. Виноградов. Ижевск: Удмуртия, 2010. 198 с.

27. Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008. 926 с.

28. Удмуртский фольклор: Песенки, потешки, считалки, дразнилки / сост. Л.Н. Долганова. Ижевск: Удмуртия, 1981. 132 с.

29. Удмуртский фольклор: загадки / сост. Т.Г. Перевозчикова. Ижевск: Удмуртия, 1982. 252 с.

УДК 811. 511. 151

М.Т. Ипакова

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

НАРЕЧИЯ, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА СООТНЕСЕННОСТЬ ВРЕМЕНИ ДЕЙСТВИЯ С НАСТОЯЩИМ МОМЕНТОМ РЕЧИ, В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена описанию наречий, указывающих на соотношение времени действия с настоящим моментом речи. В современном марийском языке существует огромное количество лексических единиц, которые позволяют отметить самые разнообразные

временные параметры. Соотнесенность действия с настоящим моментом речи определяется содержательной структурой высказывания.

Ключевые слова: *марийский язык, наречие, время, соотнесенность времени, структура высказывания.*

The article is devoted to the description of adverbs indicating the correlation of the time of action with the moment of speaking. In the modern Mari language, there is a large number of lexical units marking a wide variety of time parameters. The correlation of the action with the moment of speaking is determined by the content structure of the utterance.

Key words: *the Mari language, adverb, time, correlation of time, structure of utterance.*

В современном марийском языке существует огромное количество лексических единиц, которые позволяют отметить самые разнообразные временные параметры. На данный момент нами проанализированы более 400 односложных наречий, указывающих на те или иные временные отношения. По нашему мнению, наречия времени в марийском языке по значению можно подразделить на 9 подгрупп [12, с. 147].

В настоящей статье предметом рассмотрения является одна из подгрупп темпоральных наречий – наречия, указывающие на соотнесенность времени действия с настоящим моментом речи. К этой группе относятся наречия типа ***шанге***, Г. ***лешӓнгы*** ‘недавно; некоторое время тому назад; незадолго перед этим’, ***шанҥак,*** Г. ***лешӓнгок*** ‘давно; уже некоторое время назад, задолго до настоящего момента’, ***шукерте***, ***шукертак***, ***токанак***, ***икечак***, Г. ***шукерды***, ***икечок*** ‘давно, давным-давно, много времени тому назад’, ***шукерте огыл***, Г. ***шукерды агыл*** ‘недавно’, ***тока***, ***токан***, ***токанак*** ‘недавно, в прошлый раз, несколько времени (дней, недель) назад’ (надо обратить внимание, что одно и то же наречие имеет разные значения, например, ***токанак*** «давно и недавно»), Г. ***токо*** разг. ‘недавно, давеча; незадолго; за несколько дней, за довольно ограниченное время

до момента разговора', ***тилошты*** Г. 'на днях; в эти дни, недавно, в ближайший из прошедших дней', ***икече, кодшын***, Г. ***икечы*** 'в прошлый раз; прошлый раз, предшествующий настоящему; не очень давно, недавно', ***вашке***, Г. ***вашке*** 'скоро, в скором времени'; ***теве-теве***, ***вот-вот*** 'вот-вот, в самом скором времени, сейчас', ***ӱмаште***, Г. ***имештыӱ*** 'в прошлом году', ***ончылий***, Г. ***анзыли*** 'в позапрошлом году' и др.

Соотнесенность действия с настоящим моментом речи определяется содержательной структурой высказывания. Рассмотрим их на примерах (примеры взяты из электронной картотеки МарНИИЯЛИ), ср.: ***шанге***, Г. ***лешӓнгыӱ*** 'недавно; некоторое время тому назад; незадолго перед этим', ср.: ***Шанге*** кузе ыле, тугак тошто вержым айлыш [19, с. 45] '**Недавно** как было, он также занял свое прежнее место'; *– Секретдам ала кызытат почын ынеда пу? – икмыняр жап мутланен шинчымеке, Анук акай* ***шанге*** *сӧрымем ушештарыш* [22, с. 10] '– Свой секрет до сих пор не хотите раскрыть? – посидев некоторое время и поговорив, сестра Ану напомнила **недавно** мною обещанное'; *– А кӧ* ***шанге*** *пурыш гын, укес алят, – кычкырат* [6, с. 98] '– А кто **недавно** зашёл, до сих пор же нет его, – кричат'.

Шангак, Г. ***лешӓнгок*** 'давно; уже некоторое время назад, задолго до настоящего момента', ср.: *– Ачаже, имньым кычкашет ок лий ыле мо? –* ***Шангак*** *каласышым вет – яра огыл, адак мо кӱлеш* [32, с. 5] '– Отец, нельзя было запрячь лошадь? – Я ведь **давно** сказал – занят, что надо опять'; *– Кочкаш* ***шангак*** *шуын, а те юватыл кошты́да! – ӧпкелышыла шыргыжале ӱдырамаш* [25, с. 4] '– Кушать **давно** готово, а вы где-то пропадаете! – жалобно улыбнулась женщина'; *– Шонышым, нунет алят каен огытыл. – Каеныт.* ***Шангак*** *каеныт* [29, с. 18] '– Думал, они до сих пор не ушли. – Ушли. **Давно** ушли'.

Шукерте, ***шукертак***, ***токанак***, ***икечак***, Г. ***шукердыӱ***, ***икечок*** 'давно, давным-давно, много времени тому назад', ср.: *Ава дечын сай еҥ уке тӱняште, кеч шке* ***шукерте*** *икшыван улат* [4, с. 52] 'Лучше матери нет на свете человека, хоть ты и сама **давно** имеешь детей'; *Иленыт* ***шукерте*** *ака-шӱжар-влак ты тӱняште* [14, с. 62] '**Давным-давно** жили на этом свете сёстры'; *Тыге незер-влак туареныт ойгым.* ***Шукерте*** *тиде лийын. Акрет годсо акыр мон-*

далтын [7, с. 39] ‘Так бедные переживали горе. **Давно** это было. Древность забыта’; – *Эпатай ачай* ***шукертак*** *колен, авай лийшыжым ок шинче – ала ила, ала уке* [10, с. 40] ‘– Отец Эпатай умер **давным-давно**, мачеху не помнит – то ли жива, то ли нет’; – *Йышт лий, ыште пашатым, мый* ***токанак*** *ит кусаре маньым вет!* [30, с. 155] ‘Замолчи, делай свою работу, я **давно** ведь сказал, не переводи!’; – *Йӧра, йӧра, Хасан, лудаш темлыметым* ***токанак*** *колынам ыле, тый адак ойлет. – Библиотекыш кечын кошташ тӱҥалмешкет ом чарне* [30, с. 77] ‘– Ладно, ладно, Хасан, твой совет почитать я **давно** слышал, ты опять говоришь. – Пока каждый день не будешь ходить в библиотеку, я не перестану повторять’; – *Павел Ларионыч, мый* ***икечак*** *йоднем ыле да сӱсанышым. Ынде йодамак: тыйын уна шӱргет кок вере чотак коралтын... – Кузе тиде лийын, йоднет? – Ларивон Пагул шке ешарыш* [28, с. 28] ‘– Павел Ларионыч, я **давно** хотел спросить да постеснялся. Теперь точно спрошу: у тебя вот лицо с обеих сторон сильно поцарапано… – Как это случилось, хочешь спросить? – Ларивон Пагул сам добавил’; – *Коштна, – ышталеш Епрем. –* ***Икечак*** *ойленам ыле, делянкым налнена. Кызыт ончаш мийышна. Налын кертына гын, коктын руаш каена. Полшет вет?* [17, с. 100] ‘– Ходили, – сказал Епрем. – Давно говорил, что хотим купить делянку. Сейчас ходили смотреть. Если сможем купить, вдвоем пойдем рубить (деревья). Поможешь ведь?’.

Шукерте огыл, Г. ***шукердӹ агыл*** ‘недавно’, ср.: *Мемнам ӱжат гын, ме шукерте огыл аваж дене Йошкар-Олашке миен толна* [21, с. 26] ‘Если ты нас приглашаешь, мы **недавно** только с его матерью съездили в Йошкар-Олу’; *Эше бронзо курымыштак колым авыртыш, коршака дене шуралтен кученыт. Эше,* ***шукерте огыл*** *Юл воктен илыше калык коршака дене кучен, авыренже кызытат кучат* [20, с. 95] ‘Еще в бронзовый век рыбу ловили сетью и острогой. Еще **недавно** жившие около реки Волги ловили рыбу острогой, а сетью и сейчас ловят’; *Колхоз пасушто гына тӱредме кылта шога, ӱденжат* ***шукерте огыл*** *пытареныт* [27, с. 468] ‘Только на колхозном поле лежат сжатые снопы, и посев завершили **недавно**’.

Тока, ***токан***, ***токанак*** ‘недавно, в прошлый раз, несколько времени (дней, недель) назад’, Г. ***токо*** разг. ‘недавно, давеча; незадолго; за несколько дней, за довольно ограниченное время до момента разговора’, ср.: *Мый* ***тока*** *пуымо книжкатым лудам* [15, с. 54] ‘Я читаю **недавно** данную тобой книгу’; *– Юмо гай лийза, Любовь Анатольевна, вуеш ида нал, – мане шоҥго кува. – Мый йӱдыгаш тӱҥалынам ала-мо… А кешырже* ***тока*** *кондымыдат уло, пытарен омыл* [1, с. 86] ‘– Будьте добры, Любовь Анатольевна, извините, – сказала старуха. – Я с ума схожу, что ли… А морковь, которую **недавно** принесли, еще есть, не использовала’; *Эртыше жап кум кыдежлан шелалтеш:* ***тока****, икече, ожно* [13, с. 18] ‘Прошедшее время делится на три части: **недавно**, давно, давным-давно’; *Эликов* ***токан*** *ола гыч Кома ялыш толын, викок уна пӧртыш пурыш* [31, с. 9] ‘Эликов **в прошлый раз**, приехав из города в деревню Новое Комино, сразу зашёл в гостиный дом’; *Теве* ***токан*** *гына каникуллан Аля мӧҥгыжӧ пеш вашкыш, ынде тудлан (Алялан) олаш уэш вашкаш кӱлеш* [9, с. 8] ‘Вот только **недавно** Аля спешила домой на каникулы, теперь ей (Але) снова надо спешить в город’; ***Токанак****, рушарнян Сокольник садыште коштмӧҥгӧ, Рашитов дене коктын ӱдыр-влакым ужатен толмо йӱдым, ты кӱвар воктен хулиган-влак авырышт* [30, с. 84] ‘**Недавно**, в воскресенье после прогулки в Сокольниках, когда с Рашитовым ночью провожали девушек домой, возле этого моста нас окружили хулиганы’.

Тилошты Г. ‘на днях; в эти дни, недавно, в ближайший из прошедших дней’, ср.: *тилошты толын* ‘прибыл недавно’, *тилошты лин* ‘случилось в эти дни’.

Икече, ***кодшын*** (ср.: *кодшо гана*, Г. *кодшы гӓнӓ*), Г. ***икечы*** ‘в прошлый раз, прошлый раз, предшествующий настоящему; не очень давно, недавно’, ср.*:* ***Икече*** *тыгай случай лийын. Корамас гычын эрден эрак ик марий кудал толын. Ватем азам ышташ тӱҥалын, но нигузе ыштен ок керт, мане* [24, с. 64] ‘**Недавно** был такой случай. Из деревни Карамас рано утром приехал один мужчина. Он сказал, что жена рожает, но никак не может родить’; *– Каврии, – шуйдарен пелешта Овой. –* ***Икече*** *кӱштыметым алят шуктен от керт* [26, с. 117] ‘– Каври-и, – протяжно промолвила Овой. –

Прошлое свое обещание до сих пор не можешь выполнить’. ***Кодшын*** *миенам Унай дек да шинчам денак когыньыштым ужынам* [21, с. 75] ‘**В прошлый раз** я ходила к Унай и своими глазами видела их двоих’.

Вашке, Г. ***вäшке*** ‘скоро, в скором времени’, ***теве-теве***, ***вот-вот*** ‘вот-вот, в самом скором времени, сейчас’, ср.: *Авай, йöратымем, вучо,* ***вашке*** *мием, курымешлан пеленет лиям* [8, с. 22] ‘Мама, любимая, жди, **скоро** приду, навеки буду с тобой’; *Мыят* ***вашке*** *тушко мием, тушто оружийым налмек, адак Пермь олашке* [3, с. 67] ‘Я тоже **скоро** приду туда, получу там оружие, и опять в город Пермь’; ***Вашке*** *толеш, авай толеш, папалте! Авай, мамам кондо, маньым вет. Авай, шöрым вашке кондо, маньым вет. О-о-о, аза папа, аза папа, папалта* [32, с. 28] ‘**Скоро** придет, мама придет, поспи! Мама, принеси вкусненькое, сказала ведь. Мама, молока быстрей принеси, сказала ведь. О-о-о, ребенок спит, ребенок спит, засыпает’; *Качырий кува: Мом шогылтат, ӱдырем?* ***Вот-вот*** *толын шушаш улыт. Вашлияш ямдылалт* [5, с. 29] ‘Бабка Катерина: Что стоишь, доченька? **Вот-вот** должны прийти. Готовься встретить’; ***Вот-вот*** *тиде вӱтат йӱлаш тӱҥалеш манын, шӱмышт пырткен* [18, с. 130] ‘Сильно беспокоились, что **скоро** и этот хлев загорит’.

Жапыште, Г. ***жепӹштӹ*** ‘вовремя; своевременно, когда это нужно; в назначенное время’; ***жапыште ышташ*** ‘сделать вовремя’; ***жапыште толаш*** ‘прийти вовремя’; ***Жапыште*** *ыштен от шукто – осал шомак логалеш…* [2, с. 11] ‘Не сделаешь **вовремя** – осудят…’; *Вет шуын шогалше шурно вучаш ок йöрате:* ***жапыште*** *поген налат – модын налат, вараш кодат – йомдарет* [23, с. 59] ‘Ведь созревший урожай не будет ждать: уберёшь **вовремя** – выиграешь, опоздаешь – потеряешь’; – ***Жапыште*** *толынат, – тупем гыч вӱчкалтен, мане Петрович, – эрла мокшынчым кучаш каена* [16, с. 87] ‘– **Вовремя** пришел, – похлопав по спине, сказал Петрович, – завтра пойдем ловить налима’. Слово ***жапыште*** в сочетании с другими словами также указывает на время, ср.: ***мемнан жапыште*** ‘в наше время’, ***тудо жапыште*** ‘в то время’, ***пытартыш жапыште*** ‘в последнее время’; ***ик жапыште*** ‘в одно время’, ***шке жапыште*** ‘в своё время; когда-то, в прошлом, в известный период; когда необходимо (будет),

своевременно’, ***лишыл жапыште*** ‘в скором времени, в ближайшее время’; ***первый жапыште*** ‘в первое время, вначале’. А также указывает на срок действия, ср.: ***кӱчык жапыште*** ‘за короткий срок, быстро’; на длительность и продолжительность действия, ср.: ***кум кече жапыште*** ‘в течение трех дней’; ***арня жапыште*** ‘в течение недели’. Ср.: *Те кажне письмамлан вашмутым пуыза.* ***Арня жапыште*** *мом ыштеда – возыза* [11, с. 68].

Подводя итог вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что временные наречия, указывающие на соотнесенность времени действия с настоящим моментом речи, в марийском языке представлены достаточно широко. Нами выявлено и проанализировано более 20 таких наречий. К данному классу относятся наречия со значениями: ‘недавно; некоторое время тому назад; незадолго перед этим’; ‘недавно, в прошлый раз, несколько времени (дней, недель) назад’; ‘недавно, давеча; незадолго; за несколько дней, за довольно ограниченное время до момента разговора’; ‘на днях; в эти дни, недавно, в ближайший из прошедших дней’; ‘давно; уже некоторое время назад, задолго до настоящего момента’; ‘давно, давным-давно, много времени тому назад’; ‘в прошлый раз, предшествующий настоящему; не очень давно, недавно’; ‘скоро, в скором времени’; ‘вот-вот, в самом скором времени, сейчас’; ‘в прошлом году’; ‘в позапрошлом году’ и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Г.В.* Лиза тӧрлана: ойлымаш [Лиза поправится: рассказ] // Эрвий. Литературно-художественный сборник. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. С. 74–88.

2. *Березин А.П.* Немда воктене: повесть [На берегу Немды: повесть] // Ончыко. 1961. № 1. С. 4–29.

3. *Васильев И.В.* Кӱдырчан йӱр: повесть ден ойлымаш [Гроза: повесть и рассказ]. Йошкар-Ола, 1966. 112 с.

4. *Вишневский С.А.* Тыйын лӱмеш: почеламут-влак [В честь тебя: стихи]. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1962. 88 с.

5. *Волков А.А.* Ксения: пьеса. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1952. 72 с.

6. *Галютин Ю.И.* Авамланде: роман. Кокымшо книга. [Родина: роман. Вторая книга]. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. 169 с.

7. *Девин И.М.* Ӱжарам ылыжтыше: почеламут [Пробуждающий зарю: стихи] // Ончыко. 1970. № 2. С. 39.

8. *Дмитриев В.Д.* Айдемылан ӱшанет гын: ойлымаш-влак [Если веришь человеку: рассказы]. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1971. 79 с.

9. *Евсеева М.Т.* Аваж ден ӱдыржӧ: повесть [Мать и дочь: повесть] // Ончыко. 1967. № 6. С. 8–26.

10. *Евсеева М.Т.* Илыш савыра: повесть да ойлымаш-влак [Жизнь возвращает: повесть и рассказы]. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1968. 164 с.

11. *Иванов В.М.* Вӱдшӧ келге, серже тура: повесть [Река глубока, берега крутые: повесть]. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1968. 100 с.

12. *Ипакова М.Т.* Наречия, указывающие на начало действия с определенного периода, в марийском языке // Этнокультурные ценности в современном информационном обществе: материалы VII респ. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Республики Марий Эл и Сернурского района, «Йыван Кырла лудмаш» (п. Сернур, 9 апр. 2021 г.) / отв. ред. С.К. Свечников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. С. 146–154.

13. *Кармазин Г.Г.* Марий йылмылончыш II [Марийская грамматика II]. М.: СССР Калык Рӱдӧ савыктыш, 1926. 119 с.

14. *Колумб В.Х.* Кум энер: почеламут [Три реки: стихи] // Ончыко. 1958. № 4. С. 62.

15. *Конаков А.Ф.* Тулык ӱдыр: пьеса-влак [Сирота: пьесы]. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1976. 176 с.

16. *Краснов В.В.* Келшымаш: ойлымаш [Дружба: рассказ] // Ончыко. 1956. № 6. С. 32–41.

17. *Лекайн Н.* Кугезе мланде: роман [Земля предков: роман]. Книга 1. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1955. 344 с.

18. *Лекайн Н.* Кугу сарын тулыштыжо: роман [В огне великой войны: роман]. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1974. 408 с.

19. *Микишкин В.Т.* Ӱмырсер: ойлымаш [Берег судьбы: рассказ] // Ончыко. 1985. № 5. С. 42–52.

20. *Патрушев В.С.* Курым кыша: очерк [Следы эпохи: очерк] // Ончыко. 1974. № 1. С. 91–95.

21. *Рыбаков Н.Ф.* Ачамын йӧратыме мурыжо: ойлымаш-влак [Любимая песня отца: рассказы]. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1968. 120 с.

22. *Тыныш Осып*. Анук акай: роман. Икымше книга. [Сестра Анук: роман. Книга первая]. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1961. 167 с.

23. *Федоров А.Ф.* Вашке паша важык кая: рассказ [Поспешишь, людей насмешишь] // Ончыко. 1954. № 4. С. 58–59.

24. *Чавайн С.Г.* Элнет: роман. Моско: Сылнэ литэратур кугыжаныш савыктыш, 1936. 176 с.

25. *Чемеков Г.А.* Куку пиалым сӧра: лирический повесть [Кукушка сулит большое счастье: лирическая повесть]. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1972. 153 с.

26. *Шкетан М.* Эренгер: роман. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1933. 188 с.

27. *Шкетан М.* Ойлымаш ден очерк-влак. 2-шо том [Рассказы и очерки. 2-й том]. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1962. 552 с.

28. *Юксерн В.С.* Кӱсле: роман [Гусли: роман] // Ончыко. 1976. № 4. С. 15–44.

29. *Юксерн В.С.* Кӱсле: роман [Гусли: роман]. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1978. 224 с.

30. *Ялкайн Я.Я.* Ола: повесть [Город: повесть]. М.: Гослитиздат, 1936. 216 с.

31. *Ялкайн Я.Я.* Онго: роман [Круг]. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1958. 272 с.

32. *Ялкайн Я.Я.* Кечан кече: ойырен налме произведений-влак [Солнечные дни: избранные произведения]. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1959. 188 с.

УДК 811.511.1

С.А. Кадерова
Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва
(г. Саранск)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЕССИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В МОКШАНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье дается общая характеристика универсальной понятийной категории посессивности. На примере глагола мокшанского языка ‘улемс’ «быть» и английского ‘to have’ «иметь» рассматриваются случаи выражения посессивных отношений в данных языках, и проводится сопоставительный анализ отмеченных глаголов.

Ключевые слова: *мокшанский язык, английский язык, категория посессивности, глагол, посессивные отношения.*

The article gives a general description of the universal conceptual category of possessiveness. Using the examples of the Moksha verb 'ulems' and English 'to have', the article deals with the cases of expressing possessive relations in both languages. In addition, the article provides a comparative analysis of the verbs.

Key words: *category of possessiveness, possessive relations, verb, the Moksha language, the English language.*

Невозможно построить успешную коммуникацию, пользуясь только отвлеченными понятиями. При общении мы довольно часто описываем различные ситуации, где участники состоят в определенных отношениях, которые необходимо показать. Поэтому в каждом языке имеются средства для выражения тех или иных ситуаций.

Категория посессивности является одной из важнейших и универсальных категорий языка, основное значение которой – название предмета через указание его связи с другим предметом или явлением. В основе понятия посессивности (принадлежности, владения) лежат отношения между различными сущностями. Эти отношения могут быть официально установленными и иметь институциональный характер. Наряду с развитием института собственности также развивались средства выражения понятия в языке.

Категорию посессивности можно рассматривать как в узком, так и в широком смысле, тем самым показывая ее сложность и неоднозначность. Большинство лингвистов относят к этой категории только значения принадлежности, собственности, то есть отношение между объектами, связанное с идеей обладания одного из них другим. Обладателя называют посессором, а обладаемое – коррелятом. В основном посессором является человек, поэтому владение каким-либо предметом является центральным для посессивного отношения, например: *мамино платье* (платье, принадлежащее маме), *документ учителя* (документ, владельцем которого является учитель) и т.д.

Посессивность является актуальным исследованием и широко освещается в работах многих отечественных и зарубежных лингвистов. Однако до сих пор невозможно высказать единого мнения относительно данного термина. Подходы к ее изучению сильно различаются, так как в разных работах понятие имеет разный объем.

Так, например, советский лингвист А.В. Бондарко считает, что «посессивность, как семантическая категория, представляет собой языковую интерпретацию широкого круга отношений обладания и принадлежности, включая соотношение части и целого. Поле посессивности охватывает систему взаимодействующих средств языка, служащих для выражения вариантов посессивных отношений» [2, с. 99].

Российский лингвист А.Е. Кибрик ввел термин когнитивной сопряженности, который обозначает «связывание человеком каких-либо концептов и понятий между собой» [3, с. 35].

В своей статье М.В. Милованова рассматривает посессивность как «часть категории релятивности», где отношение собственности является одним из центральных отношений посессивности [4, с. 27].

В своих исследованиях Б. Хайне отмечает прототипические случаи выражения посессивности, которые представляют собой набор определенных составляющих свойств: посессор – это одушевленный объект, как говорилось ранее, обладающий правом использовать объект посессивности, то есть собственность; пространственное приближение между посессором и объектом; отсутствие временных ограничений [5].

В данной статье мы подробно рассмотрим мокшанский *улемс* «быть» и английский глагол *to have* «иметь» в качестве основных лексических средств выражения посессивности в разноструктурных языках.

Известно, что глагол *to have* «иметь» не находит соответствия в языке-основе в современных индоевропейских языках. Таким образом, лингвисты отметили, что лексема «иметь» является более поздним приобретением для индоевропейских языков и закрепилась как широкозначный глагол, использовавшийся для передачи отношений обладания и бытия.

Глагол «иметь» устанавливает посессивные отношения (принадлежности) между двумя: субъектом (посессором или обладателем) и объектом (обладаемым). Согласно французскому лингвисту Э. Бенвенисту, глагол «иметь» является перевернутым вариантом глагола «быть». Различие состоит лишь в том, что в предложении с глаголом *have* посессор является подлежащим [1, с. 203].

С точки зрения семантики этот факт объясняется тем, что глагол «быть» – лексикализованное значение категории бытия, которое устанавливает отношения между языком и реальностью. Глагол «иметь» появился для обозначения отношений обладания, но со временем потеснил глагол «быть» даже в том случае, когда не было ни единой связи с идеей обладания.

Относительно финно-угорских языков можно утверждать, что ни один из них не имеет подобного посессивного глагола, в связи с чем можно предположить, что в финно-угорских языках глагол со значением «иметь» появился вследствие контактов с нефинно-угорскими языками.

В последние десятилетия особое внимание уделяется сопоставительному изучению семантических и структурных свойств посессивных конструкций, их взаимосвязи с экзистенциальными и локативными конструкциями на материале английского, русского, романских, германских, балтийских и славянских языков. Конструкции данного типа представляют собой столь существенное явление в языках разных систем, что была выдвинута гипотеза о возможности деления языков мира на две типологические группы, *H*-языки и *E*-языки, в зависимости от глагола, участвующего в выражении категории посессивности: *habeo* или *est*.

Проиллюстрируем способы выражения понятия посессивности в структуре предложения на материале мокшанского и английского языков:

Мокш. *Монь **ули** мазы паляц.*

Англ. *I **have** a beautiful dress.*

‘У меня **есть** красивое платье’.

Обладателем в примере на мокшанском языке служит местоимение первого лица «я», выраженное генитивной формой *монь*, во втором предложении – номинативом местоимения *I*.

Что касается предиката, то в первом предложении в его роли выступает форма глагола *улемс* в 3 л. ед. числе – *ули*, на материале английского языка глагол «иметь» *have* выступает в форме 1 л. ед. числа.

Обладаемое выражено в мокшанском примере словосочетанием *мазы паляц*, в английском – *a beautiful dress*, они оба имеют форму номинатива, однако, что касается выражения синтаксических функций в случае с мокшанским языком – это субъект, а в английском же языке – это объект, на который направлено действие глагола *have*.

Многие исследователи выделяют критерии отбора посессивных значений, а именно:

1. Принцип разграничения понятий внутреннего и внешнего обладания и связанных с ними понятий отчуждаемой и неотчуждаемой собственности (М.А. Журинская, В.В. Иванов, Л.И. Илия, М.А. Кумахов, Ch. Fillmore и др.).

2. Принцип разграничения понятий временного и невременного обладания (Н.Д. Арутюнова, Дж. М. Грин).

В первом случае обладаемое является неотчуждаемой собственностью обладателя только в том случае, если первое имеет тесную связь со вторым. Утратив обладаемое, обладатель тем самым перестает быть тождественным самому себе. К неотчуждаемой собственности, как правило, относятся черты характера человека, его части тела и тому подобное. Например:

Сонь *равчт* ***шияренза***.

Не *has dark* ***hair***.

‘**У него** темные **волосы**’.

С помощью второго принципа локативные и посессивные значения одного глагола могут дифференцироваться. В случае временного обладания связь между обладателем и обладаемым носит временный характер, и эти отношения относятся к пространственным. В данном случае акт принадлежности является нерелевантным. Что касается невременного обладания, его можно определить как отношение между обладателем и обладаемым, где второе находится в относительно длительном владении и является собственностью обладателя. Например:

Монь *ульс* ***машиназе****.*

I *had* ***a car****.*

‘**У меня** была **машина**’.

В этих случаях глагольные формы *ульс* в мокшанском и *had* в английском в прошедшем времени выступают в большей степени в локативном значении, так как обозначают временное обладание.

Монь ***ули*** *машиназе.*

I ***have*** *a car.*

‘У меня есть машина’.

Здесь мы видим случай посессивного значения, поскольку глагол обозначает невременное обладание, которое указывает на наличие имущественных отношений в настоящем.

В конструкциях с рассматриваемыми посессивными глаголами также возможно расширение локативного содержания за счет конкретизации месторасположения объекта. Например:

Монь ули эряма вастозе ***Моску ошса****. I have a flat in* ***Moscow***
‘У меня есть квартира **в Москве**’.

В этом случае объект определяется относительно субъекта при помощи посессивного глагола и относительно другого места посредством падежной формы в мокшанском языке и предлога в английском. Получается, что Москва является местом, где находится «моя квартира». Таким образом, глагол устанавливает отношения не только между субъектом-объектом, но и между субъектом-объектом-местом. Субъект занимает главную позицию по отношению как к объекту, так и к месту.

Подводя итоги вышесказанному, отметим тот факт, что интерес исследователей к выражению категории посессивности, несмотря на ее универсальность и всеобщность, вполне закономерен в связи с недостаточной изученностью данной категории в сопоставительном аспекте.

Предложенный в статье анализ понятия посессивности в мокшанском и английском языках, имеющиеся концепции лингвистов относительно статуса понятия и структуры посессивного предложения, сопоставительный подход к описанию посессивного глагола – все это свидетельствует об актуальности изучения

посессивных отношений методом сопоставительного анализа на материале неродственных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бенвенист Э.* Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Общая лингвистика: пер. с франц. М.: Прогресс, 1974. С. 203–224.

2. *Бондарко А.В., Гак В.Г.* Посессивность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. 229 с.

3. *Кибрик А.Е., Леонтьев А.П.* Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. М., 2006. № 1. С. 16–45.

4. *Милованова М.В.* Категория посессивности в русском и немецком языках в лингвокультурологическом освещении: Монография. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2007. 408 с.

5. *Heine B.* Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 292 p.

УДК 811.51

Е.В. Кашкин
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)

СЛОЖНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА: АРЕАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА*

Статья посвящена сложным глагольным комплексам, состоящим из деепричастия лексического глагола и грамматикализованного глагола. Обсуждается материал татышлинского говора

* Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285, выполняемый в МГУ имени М.В. Ломоносова).

удмуртского языка в сопоставлении с другими языками Волго-Камского ареала. Рассматриваются примеры ареальной вариативности в семантике таких конструкций.

Ключевые слова: *уральские языки, языки Волго-Камского ареала, удмуртский язык, татышлинский говор, сложные глагольные комплексы, семантика, типология.*

The article deals with complex predicates which include the converb of a lexical verb and a grammaticalized verb. I discuss the data of Tatyshly Udmurt in comparison with other languages of the Volga-Kama area. Examples of semantic variation in these constructions within the area are considered in the article.

Key words: *the Uralic languages, languages of the Volga-Kama area, Udmurt, Tatyshly subdialect, complex predicates, semantics, typology.*

1. Введение

Под сложными глагольными комплексами, о которых идет речь в статье, понимаются морфосинтаксически слитные конструкции, состоящие из деепричастия лексического глагола и грамматикализованного глагола, добавляющего в конструкцию те или иные семантические компоненты. В удмуртском примере (1) представлен лексический глагол *kə̂rʒ'anəˆ*‘петь’ в форме деепричастия на *-sa* и грамматикализованный глагол *lez'ə̂nəˆ*‘пустить, послать, бросить’, в данном случае привносящий инхоативную семантику (т.е. значение начала действия).

(1) удмуртский (татышлинский говор)

maša	***kə̂rʒ'a-sa***	***lez'-i-z.***
Маша	петь-CVB	пустить-PST-3SG

‘Маша запела’.

Такие конструкции изучались на материале многих языков Волго-Камского ареала (см., например, [1, 4, 5, 9, 12]). Ряд авторов обращали внимание на сходства в моделях их устройства [4, 12 и др.]. Наряду с такими сходствами, между сложными глагольными комплексами в разных языках ареала наблюдаются микровариации, когда от глаголов со сходной семантикой образуются на

первый взгляд аналогичные конструкции, однако при более внимательном рассмотрении свойства таких конструкций не оказываются тождественными. Подобные случаи мы и обсудим в статье, остановившись на нескольких конструкциях в качестве иллюстраций.

Основным рассматриваемым нами идиомом станет татышлинский говор удмуртского языка*. Ранее сложные глагольные комплексы в этом говоре, серьезно отличающемся от литературного удмуртского и подверженном тюркскому влиянию, исследованы не были (ср. лишь краткую справку в [11, с. 99, 104]). Существующие публикации [4, 7, 14] опираются на материал других вариантов удмуртского языка. Помимо этого, мы будем привлекать данные горномарийского языка, также собранные нами в полевых условиях**, и использовать сведения, доступные из описаний других языков ареала. Примеры, записанные нами в экспедициях, приводятся в фонологической транскрипции. В том случае, если пример получен методом анкетирования, специальных помет при нем не дается. Корпусные примеры сопровождаются указанием на название текста. При цитировании из источников система записи сохраняется. В нотации примеров используются пометы, указывающие на степень их грамматичности: * – пример неграмматичен для опрошенных носителей; ? – пример грамматичен для большей части (но не для всех) опрошенных носителей; ?? – пример грамматичен для меньшей части опрошенных носителей. Примеры, грамматичные для всех опрошенных носителей, помет не получают.

---

* Данные собраны в 2019–2022 гг. в экспедициях ОТиПЛа МГУ в с. Нижнебалтачево, Старый Кызыл-Яр, Ивановка, Новые Татышлы, Старокальмиярово, Уразгильды Татышлинского района Республики Башкортостан. Мы проводили анкетирование носителей, а также использовали корпус, доступный на странице http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/. Подробнее о проекте см. https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/.

** Изучались говоры с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл и окрестных деревень, см. подробнее https://hillmari-exp.tilda.ws/

2. Глаголы зрительного восприятия и семантика попытки

В татышлинском говоре удмуртского языка глагол *aʾʒ'ə̂nə̂* ‘видеть’ используется в конструкциях с семантикой попытки-«эксперимента» (2)–(3), ср. также недопустимость этого глагола в ситуации попытки с акцентом на приложение усилий (4).

(2) удмуртский (татышлинский говор)

vas'a	*ȯs-ez*	***u̇s'tə̈-sa***	***aʾʒ'-i-z.***
Вася	дверь-ACC	открыть-CVB	видеть-PST-3SG

‘Вася попробовал открыть дверь’.

(3) удмуртский (татышлинский говор)

və̂də̂-sa	***aʾʒ'-em***	*baʾʒ'ə̂m*	*kojka-je.*
лечь-CVB	видеть-PST2	большой кровать-ILL	

kel'šə̂-mte.

нравиться-PST2.NEG

‘Попробовала лечь на большую кровать. Не понравилось’. [Корпус: ShZA_03072019_EK_tri_medvedja].

(4) удмуртский (татышлинский говор)

nə̂laš		*ə̈jbə̈t*	*ukə̂-nə̂*
девочка		хорошо	учиться-inf
tə̂rš-i-z	/	****ukə̂-sa***	***aʾʒ'-i-z.***
стараться-PST-3SG		учиться-CVB	видеть-PST-3SG

‘Девочка (по)старалась хорошо учиться’.

Такое значение распространено у конструкций с глаголами зрительного восприятия и в других языках (см. о горномарийских данных [2] и о материале алтайских языков [1, с. 88–89; 15]). В то же время по языкам варьирует исходная семантика используемого в такой конструкции глагола – ‘видеть’ или ‘смотреть’. Так, для выборки алтайских языков зафиксированы обе возможности [1, с. 88–89]. В собранном нами горномарийском материале семантика попытки характерна для комплексов с глаголом *анžаš* ‘смотреть’ (5), но не с глаголом *ужаš* ‘видеть’. То же наблюдается в луговом марийском языке [12, с. 196–198].

(5) горномарийский

vas′a	*amasa-m*	***pač-ə̑n***	***anž-en***.
Вася	дверь-ACC	открывать-CVB	смотреть-PRET

‘Вася попробовал открыть дверь’.

В татышлинском говоре удмуртского языка глагол *aʾʒ′ə̑nə̑* используется в первую очередь в значении ‘видеть’ (6), тогда как значение ‘смотреть’ базово выражается глаголом *uč′kə̑nə̑* (7).

(6) удмуртский (татышлинский говор)

tin′i	*bes′erman′-n′os-ə̑z*	*no*
вот	бесермянин-PL-ACC	ADD
aʾʒ′-i-m	*ižefsk-e*	*veʾlə̑-sa*.
видеть-PST-1PL	Ижевск-ILL	ходить-CVB

‘Вот и бесермян видели, когда ездили в Ижевск’ [Корпус: GRG-072019_VI_moscow].

(7) удмуртский (татышлинский говор)

anaj	*ukno-je*	***uč′k-e***	/***aʾʒ′-e***.
мать	окно-ILL	смотреть-PRS.3SG	видеть-PRS.3SG

‘Мама смотрит в окно’.

Однако глагол *aʾʒ′ə̑nə̑* встречается в нашем материале и в некоторых контролируемых контекстах, присущих значению ‘смотреть’, как в примерах (8)–(9). См. также фиксацию в удмуртских диалектах значений ‘видеть’, ‘высмотреть’, ‘усмотреть’ [16, с. 2], а в немецкой части словарной статьи – ‘sehen’ и ‘ansehen’. Аргументировать, значимо ли это для возникновения семантики попытки, достаточно сложно, учитывая, что типологически она может развиваться и на базе значения ‘видеть’.

(8) удмуртский (татышлинский говор)

mon	*t′el′evizə̑r*	***aʾʒ′-is′ko-ø***.
я	телевизор	видеть-PRS-1SG

‘Я смотрю телевизор’.

(9) удмуртский (татышлинский говор)

č'užaj	***aʾʒ'-e***	*nâlpi-jos-âz*.
бабушка_по_матери	видеть-PRS.3SG	ребенок-PL-ACC

‘Бабушка смотрит за детьми’.

3. Глаголы позиции и семантика множественности

Конструкции с глаголом *kâl'l'ânâ* ‘лежать, находиться’* используются в татышлинском говоре удмуртского языка в контекстах, относящихся к зоне глагольной множественности. Во-первых, это контексты прогрессива, в которых конструкция описывает срединную фазу протекания ситуации (10)–(11).

(10) удмуртский (татышлинский говор)

mon	*korka*	*pârâ-kâ*	*anaj*
я	дом	войти-CVB.SIM	мать
vâž	***mis'kâ-sa***	***kâl'l'-e***	***val***.
пол	мыть-CVB	лежать-PRS.3SG	быть.PST

‘Когда я вошел в дом, мама мыла пол’.

(11) удмуртский (татышлинский говор)

kuaz'	*kâk*	*sägät*	***zorâ-sa***	***kâl'l'-e***	*in'i.*
погода	два	час	дождь-CVB	лежать-PRS.3SG	уже

‘Дождь идет уже два часа’.

Во-вторых, это хабитуальные контексты, в которых идет речь о регулярно происходящих действиях, см. (12)–(13). При этом предполагается, что действие осуществляется часто (ср. пример (14), где конструкция с *kâl'l'ânâ* неприемлема для большинства опрошенных носителей. Схожие примеры из кукморского диалекта удмуртского языка,** также относящегося к южному наречию, приводятся в статье В.К. Кельмакова, ср. *вис'ъса къл'л'ънъ* ‘быть болезненным,

---

* В литературном удмуртском соответствующий глагол *кыллыны* означает ‘лежать’. В татышлинском говоре он покрывает более широкий набор локативных ситуаций (см. подробнее [3]).

** В некоторых источниках этот идиом обозначается как кукморский говор. Мы сохраняем терминологию автора цитируемой работы.

постоянно болеть’, *жӱгис′къса кол′л′ънъ* ‘драться (часто, постоянно)’ [4, с. 97].

(12) удмуртский (татышлинский говор)
vas′a ***ǯ′üə-sa*** ***kə̂l′l′-e,*** *so-in* *so-je*
Вася пить-CVB лежать-PRS.3SG тот-INS тот-ACC
už-is′t-ə̂z *pot-t-i-zə̂.*
работа-EL-POSS.3SG выйти-CAUS-PST-3PL
‘Вася пьет, поэтому его с работы уволили’.

(13) удмуртский (татышлинский говор)
kʊ̯az′ *zor* *käzər* *nunal-lə̂*
погода дождь сейчас день-DAT
bə̂de ***zorə̂-sa*** ***kə̂l′l′-e.***
по идти_о_дожде-CVB лежать-PRS.3SG
‘Дождь сейчас идет каждый день’.

(14) удмуртский (татышлинский говор)
??kʊ̯az′ *zor* *käzər* *tolez′-a-z* *odig*
погода дождь сейчас месяц-LOC/ILL-POSS.3SG один
pol *gəne* ***zorə̂-sa*** ***kə̂l′l′-e***
раз только идти_о_дожде-CVB лежать-PRS.3SG
na, ǯ′ü *kʊ̯as′m-e.*
PTCL зерно сохнуть-PRS.3SG
‘Дождь сейчас идет только раз в месяц, урожай гибнет’.

Кроме того, в конструкции с *kə̂l′l′ə̂nə̂* невозможны предикаты индивидного уровня (15)–(16), т.е. такие, которые описывают не ситуацию, имеющую место в ограниченный период, а сущностное свойство участника (‘знать удмуртский язык’, ‘верить в Бога’, ‘любить белые розы’ и т.п. [13]).

(15) удмуртский (татышлинский говор)
nə̂loška *udmurt* *kə̂l-ez* *äjbät* *tod-e* /
девочка удмурт язык-ACC хорошо знать-PRS.3SG
****todə̂-sa*** ***kə̂l′l′-e.***
знать-CVB лежать-PRS.3SG
‘Девочка хорошо знает удмуртский язык’.

(16) удмуртский (татышлинский говор)

mə̂nam	*pes'aj-e*	*bə̂gat-i-z*	/
я.GEN	бабушка_по_отцу-POSS.1SG	уметь-PST-3SG	
****bə̂gatə̂-sa***	***kə̂l'l'-i-z***	*derem*	*vurə̂-nə̂.*
уметь-CVB	лежать-PST-3SG	платье	шить-INF

‘Моя бабушка умела шить платья’.

В исследованных нами горномарийских говорах похожим образом обособляется семантика часто происходящего действия: в этом случае могут использоваться конструкции с глаголом *šalgaš* ‘стоять’ (17). Эти конструкции, кроме того, не допускают предикатов индивидного уровня (18), что мы наблюдаем и в татышлинском говоре удмуртского языка.

(17) горномарийский

vara	*šošə̂m*	*ul'a-štə̂*	*t'emp'eraturə̂-m*
потом	весна	улей-IN	температура-ACC
kuz-ə̂kt-at		*dä*	*postojannə̂*
подниматься-CAUS.DIST-NPST.3PL		и	постоянно
kə̂mlə̂	*nəl*	*gradus*	*närə̈-m*
тридцать	четыре	градус	APPR-ACC
kə̂č-en	***šalg-at***.		
держать-CVB	стоять-NPST.3PL		

‘Потом весной поднимают температуру в улье и постоянно поддерживают примерно 34 градуса’ [Корпус: «Зимовье пчел», 21].

(18) горномарийский

vas'a	*mat'emat'ikə̂-m*	*jažo-n*	
Вася	математика-ACC	хороший-ADV	
päl-ä /	****päl-en***	***šalg-a***.	
знать-NPST.3SG	знать-CVB	стоять-NPST.3SG	

‘Вася хорошо знает математику’.

В то же время между удмуртскими конструкциями с *kə̂l'l'ə̂nə̂* и горномарийскими конструкциями с *šalgaš* имеются различия, во-первых, в исходной семантике подвергающихся грамматикали-

зации позиционных предикатов (‘лежать, находиться’ в удмуртском и ‘стоять’ в горномарийском); во-вторых, в контекстах прогрессива, допускающих рассматриваемую конструкцию в татышлинском говоре удмуртского языка, но (для большинства опрошенных носителей) не в горномарийском, ср. (19).

(19) горномарийский

toma	*liš-kə̑*	*mi-mə̈k-em,*	
дом	окрестность-ILL2	приходить-CVB.ANT-POSS.1SG	
leväš	*gə̑c*	*və̑d*	*pat'k-en* /
крыша	EL	вода	капать-PRET
??***pat'k-en***	***šalg-en***.		
капать-CVB	стоять-PRET		

‘Когда я подошел к дому, с крыши капала вода’.

По данным П.В. Гращенкова, в алтайских языках развитие значений из зоны глагольной множественности характерно для конструкций как с лексемой ‘стоять’, так и с лексемой ‘лежать’ (в т.ч. для татарских конструкций с глаголами *тор* ‘стоять’ и *ят* ‘лежать’) [1, с. 59–61]. То же верно и в более широкой типологической перспективе [см.: 6, с. 273–278, 289–292].

4. Глаголы приобретения и семантика низкой степени

В татышлинском говоре удмуртского языка конструкции с глаголом *bas'tə̑nə̑* ‘взять’ характеризуют непродолжительные ситуации (20), ср. также допустимость такой конструкции (21) и недопустимость (22), где описывается продолжительная ситуация. Похожие примеры зафиксированы в кукморском диалекте удмуртского языка, см. *из'ъса бас'тынъ* ‘поспать немного’, *д'ал каръса бас'тынъ* ‘отдохнуть немного, сделать передышку’ [4, с. 102].

(20) удмуртский (татышлинский говор)

mon	***və̑də̑-sa***	***bas't-i-ø.***
я	лечь-CVB	взять-PST-1SG

‘Я прилег [отдохнуть ненадолго]’.

*‘Я лег спать [на ночь]’.

(21) удмуртский (татышлинский говор)

mon	*so-in*	*kə̂k*	*minut*
я	тот-INS	два	минута

vera-s'kə̂-sa ***bas't-i-ø***.
говорить-DETR-CVB взять-PST-1SG
‘Я поговорил с ним две минуты’.

(22) удмуртский (татышлинский говор)

**mon*	*so-in*	*žə̂ŋə̂*	*nunal*	***vera-s'kə̂-sa***	***bas't-i-ø***.
я	тот-INS	половина	день	говорить-DETR-CVB	взять-PST-1SG

Ожидаемое значение: ‘Я проговорил с ним полдня’.

Имеются примеры, в которых конструкции с этим глаголом указывают на низкую степень других релевантных для ситуации параметров, например, на степень замерзания (23), на неполное открытие двери (24)* или на невнимательное восприятие радиопередачи (25).

(23) удмуртский (татышлинский говор)

mon	*ȯžə̈t*	***kə̂nmə̂-sa***	***bas't-i-ø***.
я	немного	мерзнуть-CVB	взять-PST-1SG

‘Я не сильно замерз’.

(24) удмуртский (татышлинский говор)

mon	*ȯs-ez*	***u̇s'tə̈-sa***	***bas't-i-ø***.
я	дверь-ACC	открыть-CVB	взять-PST-1SG

‘Я открывал дверь на время [а потом закрыл]’.
‘Я приоткрыл дверь [не настежь]’.

(25) удмуртский (татышлинский говор)

mon	*rad'io-is'*	*peredač'a*	***kə̂ld-is'kə̂-sa***
я	радио-EL	передача	слушать-DETR-CVB

bas't-i-ø.
взять-PST-1SG
‘Я послушал передачу по радио [не очень внимательно, занимаясь чем-то еще параллельно]’.

---

* Еще одна интерпретация данного примера предполагает упомянутую ранее семантику небольшой продолжительности ситуации.

Различные типы кратковременных действий описываются конструкциями с глаголом ‘брать’ и в чувашском языке (26) [10].

(26) чувашский (низовой диалект)
ivan ***šivăr-sa*** ***il-č-ĕ***.
Иван спать-CVB брать-PST-3
‘Иван немного поспал’ [10, с. 40].

Такая же семантика отмечается у татарских конструкций с глаголом *ал-* ‘брать’ [1, с. 66]. Она может выражаться и аналогичными конструкциями в луговом марийском языке [8, с. 211], что иллюстрируется примерами (27)–(28).

(27) луговой марийский
Ӱмба-кы-же *шем* *мыжер-ым* *сакы-ш,*
верх-ILL2-POSS.3SG черный кафтан-ACC вешать-AOR
йол-ышкы-жо *пушкыдо* *межгем-ым* *чийы-ш*
нога-ILL2-POSS.3SG мягкий валенок-ACC надевать-AOR
да пӧрт *кумдык-еш* *мӧҥгеш-оньыш*
и дом пространство-LAT обратно-дальше
кошт-ед-ен ***нал-е***.
ходить-ITER-CVB брать-AOR.3SG
‘Накинув на себя черный кафтан, [дед Павел] надел мягкие валенки и прошелся туда-сюда по комнате’ [8, с. 211].

(28) луговой марийский
Ик *кугу* *паша-м* ***терг-ен***,
один большой работа-ACC проверять-CVB
ойл-ен ***нал-аш*** *кӱл-еш* *ыле*.
говорить-CVB брать-INF быть_нужным-NPST.3SG RETR
‘Надо поговорить об одном большом деле’ [8, с. 211].

В горномарийском языке, по нашим данным, значение малой продолжительности не выражается конструкциями с глаголом *näläš* ‘брать’, ср. пример (29), где эта семантика выражается с помощью аттенуативного суффикса, но не сложного глагольного комплекса.

(29) горномарийский

mä-län-nä	*šajə̑št-al-aš*	/	***šajə̑št-ø***
мы-DAT-POSS.1PL	говорить-ATT-INF		говорить-CVB
näl-äš	*kel-eš*.		
брать-INF	быть_нужным-NPST.3SG		

‘Нам надо поговорить’.

В то же время в горномарийском языке продуктивно описываются этими конструкциями действия, совершаемые в интересах субъекта, см. (30)–(31). Такие употребления характерны и для лугового марийского языка [8, с. 210–211], а также для многих алтайских языков [1, с. 65–66]. Однако для татышлинского удмуртского они, по имеющимся данным, не свойственны, это подтверждает невозможность конструкции с *bas'tə̑nə̑* в примере (32).

(30) горномарийский

tən'kontrol'nə̑j	*päšä-m*	*malə̑n*	*paškudə̑*
ты контрольный	работа-ACC	почему	сосед
gə̈c-ə̈n	***sir-en***	***näl-ə̈n-ät***?	
EL-FULL	писать-CVB	брать-PRET-2SG	

‘Ты почему списал контрольную работу у соседа?’

(31) горномарийский

ekskurs'i-štə	*šukə̑*	*u-m*	***päl-en***
экскурсия-IN	много	новый-ACC	знать-CVB
näl-ə̈n-nä.			
брать-PRET-1PL			

‘На экскурсии мы узнали много нового’.

(32) удмуртский (татышлинский говор)

mon	*tros*	*vil'-ze*	*tod-i-ø* /
я	много	новый-ACC.POSS.3SG	знать-PST-1SG
****todə̑-sa***	***bas't-i-ø***.		
знать-CVB	взять-PST-1SG		

‘Я узнал много нового’.

5. Заключение

В статье рассмотрено употребление сложных глагольных комплексов в татышлинском говоре удмуртского языка в сопоставлении с некоторыми другими языками Волго-Камского ареала. Приведенные иллюстрации демонстрируют, с одной стороны, сходство некоторых моделей: обозначение попытки-«эксперимента» конструкциями с глаголом зрительного восприятия; выражение значений из зоны глагольной множественности (в особенности хабитуальных ситуаций, происходящих с высокой частотой) с помощью конструкции, включающей грамматикализованный глагол позиции; использование глагола с исходным значением ‘брать’ / ‘взять’ в конструкции, обозначающей малую продолжительность ситуации. С другой стороны, в устройстве рассматриваемых конструкций в языках ареала есть случаи варьирования в исходной семантике подвергающегося грамматикализации глагола (‘видеть’ / ‘смотреть’, ‘лежать, находиться’ / ‘стоять’), а также в наборе употреблений в сложных глагольных комплексах (ср., например, различную приемлемость конструкций с позиционными предикатами в контекстах прогрессива, разный набор значений у конструкций с глаголом ‘брать’ / ‘взять’). Дальнейшее исследование подобного варьирования с расширением как набора рассматриваемых глаголов, так и языковой выборки представляется типологически значимой задачей.

СОКРАЩЕНИЯ

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ACC – аккузатив; ADD – аддитивная частица; ADV – адвербиализатор; AOR – аорист; APPR – показатель с семантикой приблизительности; ATT – аттенуатив; CAUS – каузатив; CAUS.DIST – дистантный каузатив; CVB – деепричастие; CVB.ANT – деепричастие с семантикой предшествования; CVB.SIM – деепричастие с семантикой одновременности; DAT – датив; DETR – детранзитивизатор; EL – элатив; FULL – полная форма; GEN – генитив; ILL – иллатив; ILL2 – второй (непродуктивный) иллатив; IN – инессив; INF – инфинитив; INS – инструменталис; ITER – итератив; LAT – латив; LOC – локатив; NEG – отрицание; NPST – непрошедшее время; PL – множественное число; POSS – посессивность; PRET – претерит; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PST2 – второе прошедшее время; PTCL – частица; RETR – ретроспективный сдвиг; SG – единственное число.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гращенков П.В*. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. М.: Яз. славян. культуры, 2015. 264 с.

2. *Кашкин Е.В*. Грамматикализация глагола *anžaš* ‘смотреть’ в горномарийском языке // Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2020. М.: Буки Веди, 2020. С. 91–98.

3. *Кашкин Е.В., Синицына Ю.В*. ‘Лежать’ или не ‘лежать’: вот в чем вопрос (к анализу глаголов позиции в татышлинском удмуртском) // Малые языки в большой лингвистике. Вып. 4. М.: Буки Веди, 2022. С. 126–142.

4. *Кельмаков В.К*. Спаренные глаголы в удмуртском языке (на материале кукморского диалекта) // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3. Ижевск: УдНИИ, 1975. С. 90–105.

5. *Лебедев Э.Е*. Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 164 с.

6. *Майсак Т.А*. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Яз. славян. культур, 2005. 480 с.

7. *Пишлёгер К*. Еще раз об аналитических деепричастных конструкциях в удмуртском языке. Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2017. С. 250–261.

8. Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.

9. *Чхаидзе М.П*. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1960. 108 с.

10. *Шлуинский А.Б*. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 1. 2006. С. 32–46.

11. *Baidoullina A*. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Magistritöö. Tartu: Tartu ülikool, 2003. 160 c.

12. *Bradley J*. Mari converb constructions: productivity and regional variance. PhD Thesis. Vienna: University of Vienna, 2016. 316 pp.

13. *Carlson G*. Reference to kinds in English. PhD dissertation. Amherst: University of Massachusetts, 1977. 311 pp.

14. *Horvath L*. On the aspectual markers of the Udmurt language: expressions of aspect in dialects // Grammatika és kontextus – új szempontok az uráli nyelvek kutatásában III (Urálisztikai tanulmányok 20). Budapest: ELTE BTK Finnugor Tanszék, 2013. P. 108–123.

15. *Voinov V*. ‘Seeing’ is ‘trying’: the relation of visual perception to attemptive modality in the world’s languages // Language and Cognition, 5 (1), 2013. P. 61–80.

16. *Wichmann Y*. Wotjakischer Wortschatz / Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987. XXIII + 421 S.

УДК 811.511.131’0(045)

В.К. Кельмаков
Удмуртский государственный университет
(г. Ижевск)

ПЕРВАЯ ПЕЧАТНАЯ ГРАММАТИКА УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА И УДМУРТСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Автор статьи, вопреки мнению многих исследователей, утверждавших, что удмуртская письменность возникла [1] после Октября 1917 г. или, [2] в лучшем случае, в год издания первой удмуртской грамматики (1775), присоединяется к мнению тех немногих специалистов, которые считают годом возникновения письма на удмуртском языке 1726, когда были зафиксированы первые удмуртские лексемы; причем не на кириллице, как пишут некоторые, а на латинской графической основе.

Ключевые слова: *удмуртская письменность, первая удмуртская грамматика, кириллица, латиница.*

The author of the article, contrary to the opinion of many researchers who claimed that the Udmurt writing originated [1] after October 1917 or, [2] at least, in the year of publication of the first Udmurt grammar (1775), joins the opinion of those few experts who consider the year of 1726 to be the year of writing emergence in the Udmurt language; the time when the first Udmurt lexemes were registered; and not in Cyrillic, as some scholars consider, but on a Latin graphic basis.

Key words: *the first Udmurt grammar, Udmurt writing, Cyrillic alphabet, Latin alphabet.*

1. Вплоть до 70-х гг. XX в. в партийно-правительственных документах и краеведческих публикациях, а порою даже в научной литературе, муссировалась мифологема о том, что «удмуртская письменность появилась после Октября»; «удмуртская письменность возникла после 1917 года» [19, с. 43, 44], например: «До Великой Октябрьской социалистической революции удмуртский народ ни своей письменности, ни тем более художественной литературы не имел» [35, с. 144]; <...> удмуртский народ был «лишен царизмом печатного слова» [37, с. 206]; «До революции удмурты не имели письменности. Миссионерские и приходские школы, чрезвычайно малочисленные, не могли удовлетворить даже те слои удмуртского населения, которые имели материальные возможности. Трудовая масса удмуртского народа была сплошь неграмотной, несмотря на то что в ней жила тяга к знаниям. Советская власть, создавшая все условия для быстрейшего роста материального и культурного уровня, дала удмуртам письменность, покрыла целую сеть начальных и средних школ по всей Удмуртии» [18, с. 141]; «У финского и эстонского языков письменность на основе латинского алфавита; у марийского и мордовских – издавна на основе русского алфавита; у коми-зырянского, удмуртского и коми-пермяцкого – на русской основе (с 30-х годов XX в.)» [27, с. 422; 28, с. 425]; и т.д.

2. Подобные утверждения были обусловлены различными причинами, что особенно заметно в цитатах из трудов известных ученых Н.П. Кралиной и А.А. Реформатского:

1) неосознанным (интуитивным) стремлением предельно возвысить роль Октябрьской революции в развитии культуры малых народов, порою даже за счет явно ошибочного отрицания у них письменности до революции, хотя великая роль последней вполне (была) очевидна и безотносительно к письменности. Ибо существенная роль революции для некоторых малых народов, каким является и удмуртский, заключается не в том, что она обусловила создание письменности (к примеру, удмуртской), а в том, что она (революция) существовавшую уже задолго до Октября 1917 г. письменность сделала достоянием широких масс населения и превратила ее в важнейшее средство развития духовной культуры народа;

2) отсутствием осведомленности (или, возможно, нежеланием получить сведения) о наличии рукописных и печатных письменных источников, созданных еще в XVIII – начале XIX в. По данным Б.И. Каракулова [11, с. 118–200], в настоящее время известно свыше 400 рукописных и печатных письменных памятников на удмуртском языке или с использованием последнего. Разумеется, хотя бы некоторая часть из них уже могла быть в наличии с начала 20-х гг. в книгохранилищах как Национальной библиотеки Удмуртской Республики (ее прообраз Центральная городская библиотека была открыта в 1918 г.), так и библиотек Удмуртского государственного педагогического и Удмуртского научно-исследовательского институтов, открытых в 1931 г., и ученые республики вполне могли пользоваться имевшимися в них материалами. Так, Н.П. Кралина, перед тем как письменно сообщить об отсутствии письменности у удмуртов до революции, могла бы догадаться о возможном наличии первоначальных учебников и учебных пособий на удмуртском языке, изданных хотя бы для тех «чрезвычайно малочисленных миссионерских и приходских школ», которые – по ее словам – функционировали в Удмуртском крае [18, с. 141]. Ей также было невдомек обратиться к публикациям ряда удмуртских филологов, писавших в 1930–90-е гг. о наличии ранних (с конца XVIII в.) письменных памятников удмуртского языка как до, так и после появления ее работы об удмуртских загадках, напр.: «Письменность и литература <...> начала свое существование с конца 1700 годов...» [7, с. 171]; «Первое удмуртское «стихотворение» было написано в 1767 г.» [4, с. 36]; «Первые печатные книги на удмуртском языке появились еще в начале XIX века» [6, с. 162]; «Удмуртская письменность возникла сравнительно недавно. Начало ее относится ко II половине XVIII в.» [30, с. 149]; «В Ленинграде в архиве Академии наук СССР и в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в настоящее время хранятся рукописные словари и другие работы по удмуртскому языку, относящиеся к концу XVIII и началу XIX столетий» [31, с. 330]; и др. Ученые же из Москвы пользовались, как правило, лишь теми сведениями, которые они могли получить из трудов местных исследователей;

3) незнание многими учеными дореволюционных памятников письменности на своем языке провоцировалось еще и господствовавшей в обществе, активно строящем коммунизм, атеистической (антирелигиозной) идеологией, в угоду которой подальше от читающей публики прятались в особенности в периферийных – библиотеках и книгохранилищах наиболее ранние издания переводной литературы конфессионального содержания (другой-то еще не было!). К примеру, лишь в 2003 г. в воспроизведениях дошли до удмуртского читателя пять первых книг на удмуртском языке, изданные еще в 1847 г.: Азбука, Евангеліе отъ Матѳея и Марка на «глазовскомъ нарѣчіи», Азбука и Евангеліе отъ Матѳея на «сарапульскомъ нарѣчіи» [24; 25], давно ставшую раритетом первую удмуртскую грамматику (1775) ученые получили в свои руки лишь к ее 200-летию – в 1975 г. [23, с. 1–113] и т.д.

На абсурдность «официозного мифа, господствовавшего еще полтора-два десятилетия назад» в удмуртской общественности, о том, что «удмуртская письменность появилась после Октября», в свете приведенных фактов обобщенно выразил А.Г. Красильников: «В 1975 году вдруг обнаружилось, что научной грамматике удмуртского языка два столетия, а первые фиксации удмуртской лексики, предпринятые усилиями российских академических экспедиций, относятся к началу XVIII столетия (Страленберг, Миллер, Фишер)» [19, с. 43].

Также и другие исследователи духовной культуры удмуртов (языковеды, историки, политики, преподаватели и др.) конца XX – начала XXI в. сочли, разумеется, нужным «перенести» возникновение удмуртской письменности из послеоктябрьских времен XX столетия в XVIII в., впадая при этом в другое заблуждение, не изжитое вплоть до последних лет – многие из них бездумно увязали появление письма на удмуртском языке с конкретной датой издания первой печатной грамматики удмуртского языка 1775 г., важнейшего феномена в истории удмуртской духовной культуры, напр.: «Грамматика 1775 года – это неоценимый дар передовой русской филологической науки удмуртскому народу, до этого не имевшему своей письменности» [1, с. 14]; «Выход в свет «Сочинений,

принадлежащих к грамматике вотского языка» – это начало удмуртского языкознания, начало удмуртской письменности» [2, с. 21]; «...издание в 1775 году Петербургской Академией наук первой грамматики удмуртского языка <...>, которая положила начало удмуртской письменности»; «Появление грамматики 1775 года ознаменовало собой не только возникновение письменности, но и начало удмуртского языкознания» [26, с. 6: 5, 6]; «началом удмуртской письменности мы считаем 1775 год – год издания «Сочинений, принадлежащих к грамматике вотского языка» [8, с. 83]; «В 1775 году в Санкт-Петербурге была издана первая научная грамматика удмуртского языка, созданная под руководством В.Г. Пуцека-Григоровича, которая положила начало удмуртской письменности...» [5, с. 295]; «Та книга бордысен кутскиз удмурт письменность»* [38, с. 5]; «Она (т.е. книга «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ Вотскаго языка». – *В. К.*) имеет большое лингвоисторическое значение как первый печатный письменный памятник...» [33, с. 76]. И пр.

3. В данной работе речь идет, разумеется, о «начертательном письме», которое «прямо соотносится с языком, отражая в графике языковые формы» [27, с. 351]. «Собственно письмо, т.е. начертательное письмо, – это письмо, связанное с использованием графических (от греч. *graphikos* ‘письменный, начертательный’) знаков (картинок, букв, цифр) для фиксации и передачи звукового языка» [22, с. 20]. Следовательно, хронологически возникновение письменности в любом языке соотносится с тем отрезком времени, когда впервые была произведена фиксация *слышимой устной речи* на этом языке *видимыми знаками*, соотносимыми с формами языка, на каком-либо материальном носителе (напр., на куске дерева, бересте, кости, камне, глиняной поверхности, папирусе, пергаменте, ткани, бумаге и т.п.); причем временем возникновения письменности у любого народа считается, как правило, та дата, когда была произведена первая запись слов на его языке, независимо от того, была ли уже создана/издана грамматика этого языка или еще нет (см., также: [12, с. 6; 13, с. 12; 14, с. 115; 15, с. 30]). Исходя из этого

---

* ‘С этой книги (т.е. «Сочиненій принадлежащіхъ къ грамматикѣ Вотскаго языка»’) и началась удмуртская письменность’.

постулата, современный исследователь ранних письменных памятников удмуртского языка Л.М. Ившин относит начало удмуртской письменности «к первой трети XVIII века, а точнее – к 1726 году, когда удмуртские слова впервые были зафиксированы в исследованиях путешественников-естествоиспытателей Д.Г. Мессершмидта и Ф.Й. Страленберга на основе латинской графики» [9, с. 19; см. также: 48].

Разумеется, письменно составленная (рукописная или печатная) грамматика языка и письменность на этом языке, как важнейшие факторы духовной культуры его носителей, теснейшим образом связаны друг с другом, однако их «взаимосвязь», как представляется, односторонне направленная: скорее наличие письменности на каком-либо языке могла/может стать основой для создания его грамматики (хотя и не всегда, и не обязательно), нежели имеющееся уже (!) описание грамматического строя некоего языка спровоцирует возникновение письменности на этом языке. Иными словами, письменность, как правило, предшествует созданию грамматики, и порою между этими событиями может наблюдаться значительный временной разрыв.

Так, например, письменность на Руси существует уже с X–XI вв., однако первая грамматика русского языка – «Грамматика словенския правилное синтагма» Мелетия Смотрицкого – была написана лишь в 1619 г. [29, с. 210, 60]. Среди финно-угорских языков наиболее древней письменностью обладает венгерский: первоначально венгерские слова были вкраплены в текстах на латинском и греческом языках; причем самым известным текстом, в котором отмечена наибольшая концентрация венгерских лексем, является грамота об учреждении Тиханьского аббатства (1055 г.). Первый связный текст на венгерском языке – «Надгробная речь и молитва» – составлен около 1200 г., а древнейшее переводное с латинского языка стихотворение «(Древневенгерский) плач Марии» зафиксировано около 1300 г. Однако первая грамматика венгерского языка была составлена по образцу латинской грамматики того времени Яношем Сильвестером (Эрдеши) в первой половине XVI в. (1539 г.) [3, с. 18, 38]. Письменность на коми(-зырянском) языке, созданная

в конце XIV столетия Стефаном Пермским, на много веков опередила появление первой грамматики этого языка – рукописи книги «Зырянская грамматика, изданная от главного управления училищ» Ф. Козлова и А.Ф. Флёрова (1813) [Коми яз. 17, с. 183–185, 525]. Также и коми-пермяцкое письмо возникло на десятилетия раньше, нежели была создана первая рукописная грамматика коми-пермяцкого языка под названием «Краткія Грамматическія Правила Принадлежащія къ Знанію Пермятскаго Языка Составленныя Города Соликамска Свято Троицкаго Собора Протоіереемъ Теодоромъ Любимовымъ 1838 года Февраля 8го дня» [36, с. 5, 111]. Письменность на мордовских языках «развивается с сер[едины] 18 в. и связана с распространением христианства» [Морд. яз. 2012: 159], а первая «Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы-мокши» была опубликована П.П. Орнатовым лишь в 1838 г. [21, с. 59] и т.д.

Потому-то и нет ничего удивительного в том, что и первые записи удмуртских слов и предложений, ознаменовавшие собой возникновение и первоначальное развитие удмуртской письменности, несколько предшествовали выходу в свет первой печатной грамматики – «Сочиненій принадлежащихъ къ грамматикѣ Вотскаго языка» (1775 г.), ибо: «Первые попытки фиксации удмуртских слов <...> были сделаны в 20-е гг. XVIII в. И.Ф. Страленбергом. Д.Г. Мессершмидт, в 1718 г. направленный в Сибирь «для разыскания всяких раритетов и аптекарских вещей», вел во время своего длительного путешествия сбор самых разнообразных материалов, в том числе и в области истории, этнографии и языков народов Сибири. Зимой 1726 г. <...> зафиксировал около 350 удмуртских слов северного наречия с переводом на русский язык» [10, с. 212]. Впервые в 1730 г. 29 удмуртских слов увидели свет в печатном виде в книге Страленберга [42]. Первое удмуртское стихотворение в четыре строки было напечатано в 1756 г. И пр. Так что для «возникновения» удмуртской письменности не было никакой необходимости ждать появления в 1775 г. первой грамматики удмуртского языка. В этой связи вполне естественно звучат слова современного исследователя ранних письменных памятников удмуртского языка Л.М. Ившина о том,

что начало удмуртской письменности относится «к первой трети XVIII века, а точнее – к 1726 году, когда удмуртские слова впервые были зафиксированы в исследованиях путешественников-естествоиспытателей Д.Г. Мессершмидта и Ф.Й. Страленберга на основе латинской графики» [9, с. 19; см. также: 48].

4. В связи с возникновением и первоначальным развитием удмуртской письменности отнюдь не праздным является также и вопрос о том, на какой графической основе она возникла. Хотя ответ на него уже прозвучал в вышеприведенной цитате из монографии Л.М. Ившина, однако это отнюдь не означает отсутствия и других мнений относительно этой проблемы. Поскольку в русском обществе XVIII столетия применялись преимущественно две графические системы письма: (1) почти во всех сферах жизни издавна *кириллическая* и (2) преимущественно в научных исследованиях и чаще всего учеными западноевропейского происхождения – *латинская*; при этом обе из них имели прямое отношение к зарождающейся удмуртской профессиональной культуре и науке об удмуртах. Следовательно, удмуртская письменность с самого начала могла базироваться преимущественно на одной из этих систем или, что отнюдь не исключено, параллельно на обеих.

По не совсем верно высказанному мнению некоторых исследователей, удмуртское письмо изначально возникло и начало развиваться на кириллице; этого мнения придерживаются, кажется, отдельные историки, конкретно не занимавшиеся историей удмуртского письма, как, напр., М.В. Гришкина: «Первые попытки фиксации удмуртских слов кириллицей были сделаны в 20-е гг. XVIII в. И.Ф. Страленбергом»; к таковым она относит также и Д.Г. Мессершмидта, Г.Ф. Миллера [10, с. 212].

Большинство же исследователей-языковедов, которые вплотную занимались/занимаются рассматриваемой проблемой и не соотносят возникновение удмуртской письменности с датой выхода из печати «Сочиненiй принадлежащихъ къ грамматикѣ Вотскаго языка» в 1775 г., графическую основу самых ранних памятников удмуртской письменности видят, напротив, в латинице.

По этому поводу И.В. Тараканов пишет: «По дошедшим до нас печатным письменным памятникам (середина XVIII в.) известно, что первые удмуртские слова фиксировались при помощи *латинской азбуки* (Д. Мессершмидт, Ф. Страленберг, Г. Миллер, И. Фишер, П. Фальк и др.)» [33, с. 77]. Вторя ему, Л.М. Ившин отмечает: «В данном разделе исследования (т.е. монографии «Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века». – *В. К.*) рассматриваются удмуртские материалы исследователей Д.Г. Мессершмидта, Ф.Й. Страленберга [42. – *В.К.*], Г.Ф. Миллера [41. – *В. К.*], Й.Э. Фишера [39; 40. – *В. К.*] и перевод молитвы «Отче наш» на удмуртский язык. Все эти памятники ранней удмуртской письменности схожи в том, что были составлены на основе латинской графической системы...» [9, с. 27]. И еще: «Как было отмечено выше <...>, *первые памятники удмуртской письменности – списки слов и небольшие словари – были составлены с помощью латинской графики* (Д.Т. Мессершмидт, Ф.Й. Страленберг, Г.Ф. Миллер и Й.Э. Фишер)» ([9, с. 48]; см. также: [16, с. 15]; и др.). И лишь несколько позднее (преимущественно в конце XVIII в.) удмуртские лексические материалы, первоначально включенные в дневниковые записи и обобщающие труды этих исследователей-путешественников западноевропейского происхождения, которые были составлены на латинской графике, в связи с переводами их трудов на русский язык*, были транслитерированы на кириллический шрифт.

А первый оригинальный удмуртский текст в кириллической записи – четырехстрочное стихотворение, – составленный в 1767 г., был опубликован в книге «Духовная церемонiя, производившаяся

---

* К таковым относятся, к примеру, следующие издания: (1) книга Ф.Й. Страленберга «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...» (Stockholm, 1730) была опубликована в русском переводе под названием «Историческое и географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии» в 1797 г.; (2) работа Г.Ф. Миллера из «Sammlung russischer Geschichte» (1758) на русском была издана отдельной книгой в 1791 г. [20]; (3) лексические материалы П. Фалька (37 слов), записанные среди казанских удмуртов, изначально уже были опубликованы на кириллице в 1824 г. [34, с. 116; 9, с. 51]; и пр.

во время всевожделеннейшего присутствія Ея Императорскаго Величества Великой государыни Премудрейшей Монархини Попечительнейшей матери Екатерины Второй въ Казани, с приложеннымъ при томъ словомъ о несравненномъ великодушіи августейшей Императрицы самодержицы Всероссийской, получившей благополучное отъ прививанія оспы выздоровленіе» в 1769 г. [34, с. 225; 11, с. 120]. Это, по всей вероятности, и есть первая запись удмуртского текста с использованием кириллической графики ([33, с. 77; 9, с. 49] и др.).

Латиница, кстати, частично сохранилась до наших дней в научной жизни удмуртского народа: в некоторых публикациях удмуртских диалектных текстов как зарубежными учеными, так порою и удмуртскими исследователями; для записи удмуртских материалов в научных работах, публикуемых преимущественно в зарубежных изданиях как иностранными, так и – иногда – удмуртскими лингвистами и пр.

5. Как явствует из вышеизложенного, не первая грамматика удмуртского языка («Сочиненія принадлежащія к грамматикѣ Вотскаго языка», 1775) спровоцировала создание письменности для удмуртов – она возникла за полвека до ее издания (1726) на латинской графической основе в рукописных записях удмуртских лексем, произведенных зарубежными путешественниками-естествоиспытателями. Первый письменный удмуртский текст на кириллице – первое четырехстрочное стихотворение на удмуртском языке – был составлен в 1767 г. и опубликован в 1769 г. Однако огромное значение первой удмуртской грамматики заключалось в том, что она способствовала закреплению кириллицы в качестве основной графической системы удмуртского письма на последующие века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алатырев В.И.* Введение // Первая научная грамматика удмуртского языка. Введение и примечания В.И. Алатырева. Ижевск: Удмуртия, 1975. С. 3–15.

2. *Алатырев В.И.* Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности: Сб. ст. / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: УдНИИ, 1976. С. 15–36.

3. *Балашша Й.* Венгерский язык. М.: Изд-во иностран. лит., 1951. 376 с.

4. *Бутолин А.*[*С.*] Вопросы развития удмуртской поэзии // Записки / Удм. НИИ ист., яз., лит. и фольклора при СНК Удм. АССР. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1941. С. 35–61.

5. *Ванюшев В.М.* Литература // Удмурты: историко-этнографические очерки / Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Ижевск: УИИЯЛ, 1993. С. 295–301.

6. Двадцать пять лет Советской Удмуртии (1920–1945). Ижевск: Удмуртгосиздат, 1945. 210 с.

7. 10 лет Удмуртской Автономной Области: Хозяйственное и культурно-социальное строительство. Ижевск: Изд. ОПК, 1931. 191 с.

8. *Ермаков Ф.К.* Характеристика дореволюционных удмуртских изданий // 200 лет удмуртской письменности: Сб. ст. / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: УдНИИ, 1976. С. 83–87.

9. *Ившин Л.М.* Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века / РАН. УрО. Удм. ин-т ист., яз. и лит. Екатеринбург–Ижевск: УрО РАН, 2010. 236 с.

10. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. Ижевск: Удм. ин-т ист., яз. и лит., 2004. 549 с.

11. *Каракулов Б.И.* Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс=История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века. Ижевск: Удмуртия, 2006. 208 с.

12. *Кельмаков В.К.* Удмуртское языкознание: Зарождение. Этапы истории. Современное состояние: Препринт / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Ижевск: Удм. ун-т, 2001а. 140 с.

13. *Кельмаков В.К.* Очерки истории удмуртского языкознания (= Удмурт вераськетъёс 4) / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Ижевск: Удм. ун-т, 2001б. 232 с.

14. *Кельмаков В.К.* К истории удмуртского и пермского языкознания: Хрестоматия по курсу «История изучения удмуртского языка» / (= Удмурт вераськетъёс 5) / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Ижевск: Удм. ун-т, 2002. 445 с.

15. *Кельмаков В.К.* Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / (= Удмурт вераськетъёс 8) / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Ижевск: Удм. ун-т, 2008. 420 с.

16. *Кельмаков В.К*. Вехи истории удмуртского языковедения / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкозн. Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 518 с.

17. Коми язык: Энциклопедия / Мин-во образов. и высш. школы Респ. Коми. РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. М.: ДиК, 1998. 608 с.

18. *Кралина Н.* [*П*]. Загадки удмуртского народа // Записки / Удм. НИИ ист., яз., лит. и фольклора при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1954. С. 123–194.

19. *Красильников А.Г.* Культурологические исследования удмуртского этноса: язык, фольклор, литература: монография. Удм. гос. ун-т; Ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования УР. Ижевск: Изд-во ИПК и ПРО УР, 2009. 104 с.

20. *Миллер Г.Ф.* Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то черемисъ, чувашъ и вотяковъ... СПб., 1791. 101 с. (Вновь перепечатана в качестве приложения к кн.: Г.Ф. Миллер и изучение уральских народов. – Hamburg, 2005).

21. Мордовские языки: Энциклопедия / науч. ред. А.Н. Келина, А.В. Чернов; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2012. 384 с.

22. *Павленко Н.А.* История письма: Учеб. пособие для филол. фак. вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Высш. шк., 1987. 239 с.

23. Первая научная грамматика удмуртского языка / введение и примечания В.И. Алатырева. Ижевск: Удмуртия, 1975. 14, [2], 113, 15, [2] с.

24. Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН / сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Л. Карпова, предисл. – Л.М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003 (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). 559 с.

25. Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН / сост. Л.М. Ившин, отв. за вып. Л.Е. Кириллова, предисл. – Л.М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. Ижевск, 2003 (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). 439 с.

26. *Пономарев К.А.* Двухсотлетие удмуртской письменности и развитие науки и культуры в Удмуртской АССР // 200 лет удмуртской письменности: сб. ст. / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1976. С. 5–14.

27. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение / Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1967. 542 с.

28. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение / Изд. 5-е, испр. М.: Аспект Ресс, 2006. 536 с.

29. Русский язык: Энциклопедия / Науч.-ред. совет изд-ва «Советская энциклопедия». Ин-т рус. яз. АН СССР. М.: Сов. энцикл., 1979. 432 с.

30. *Тараканов И.В.* О первой научной грамматике удмуртского языка // Записки / Удм. НИИ ист., экон., лит., и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. Вып. 19. С. 149–166.

31. *Тараканов И.В.* О старинных рукописных словарях удмуртского языка // Тараканов И.В. Исследования и размышления об удмуртском языке: сб. ст.: пособие для высш. учеб. заведений. Ижевск: Удмуртия, 1998. С. 330–338.

32. *Тараканов И.В.* Памятники удмуртской письменности // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск: Удмуртия, 2000. С. 539–540.

33. *Тараканов И.В.* Удмуртский язык: становление и развитие: сб. ст. Ижевск: Удмуртия, 2007. 288 с.

34. *Тепляшина Т.И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века / АН СССР. Ин-т языкознания. Вып. первый. М., 1965. 324 с.

35. Тридцать лет Советской Удмуртии. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1950. 164 с.

36. Труды Ин-та яз., ист. и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 5: Памятник культуры. Лингвистическое наследие: Краткія Грамматическія Правила Принадлежащія къ Знанію Пермятскаго Языка Составленныя Города Соликамска Свято Троицкаго Собора Протоіереемъ Теодоромъ Любимовымъ 1838 года Февраля 8го дня / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2007. 240 с.

37. Удмуртия за 40 лет советской власти. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1957. 260 с.

38. Удмурт кыл 2005 – *Никольская Г. Н., Тараканов И. В.* Удмурт кыл: 6–7 классъёслы / 3-тц изд. Ижевск: Удмуртия, 2005. 264 б.

39. *Fischer J.E.* Vocabularium Sibiricum. 1747 (рукопись).

40. *Fischer J.E.* Vocabularium Sibiricum (1747). Der etymologisch-vergleichende Anteil. Bearbeitet und herausgegeben von János Gulya. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien; Lang, 1995. 247 S.

41. *Miller G.F.* Sammlung russischer Geschichte. T. III. SPb., 1759.

42. *Strahlenberg Ph.J.* Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und grossen Tataren in sich begreiffet... Stockholm. 1730. 431 S.

УДК 811.511.151

М.А. Ключева
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва)

ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАХ В.М. ВАСИЛЬЕВА ПО МУЗЫКАЛЬНОЙ НОТАЦИИ МАРИЙСКОЙ РЕЧИ И СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ АНАЛИЗА РЕЧЕВОЙ ИНТОНАЦИИ

Статья посвящена актуализации наследия В.М. Васильева, его опытам музыкальной нотации марийской речи (1948 г.). Мы переводим цифровые записи В.М. Васильева в традиционную пятилинейную нотацию и оцениваем возможности анализа его результатов с помощью современных программ работы со звуком.

Ключевые слова: *марийский язык, марийская речь, речевая интонация, ударение, В.М. Васильев, интервал тритон, экспериментальная фонетика, Praat.*

The article is devoted to V.M. Vasiliev's heritage actualization and his experiments with the musical notation of the Mari speech (1948). To analyze his results we transfer V.M. Vasiliev's obsolete numbered musical notations into the traditional five-line notation and assess the potential of modern sound processing programmes.

Key words: *the Mari language, Mari speech, speech intonation, stress, V. M. Vasiliev, tritone interval, experimental phonetics, Praat.*

В 1948 г. были опубликованы две статьи В.М. Васильева, в которых он исследует марийскую речевую интонацию. Одна статья – «Семантические и логические связи речи в интонационном ее преломлении в марийском языке» – опубликована в «Учёных записках сектора языка и письменности» МарНИИ. В ней содержится 16 образцов музыкальной нотации В.М. Васильевым слов, фраз и пред-

ложений на марийском языке средствами цифровой музыкальной нотации [3, с. 18–29]*.
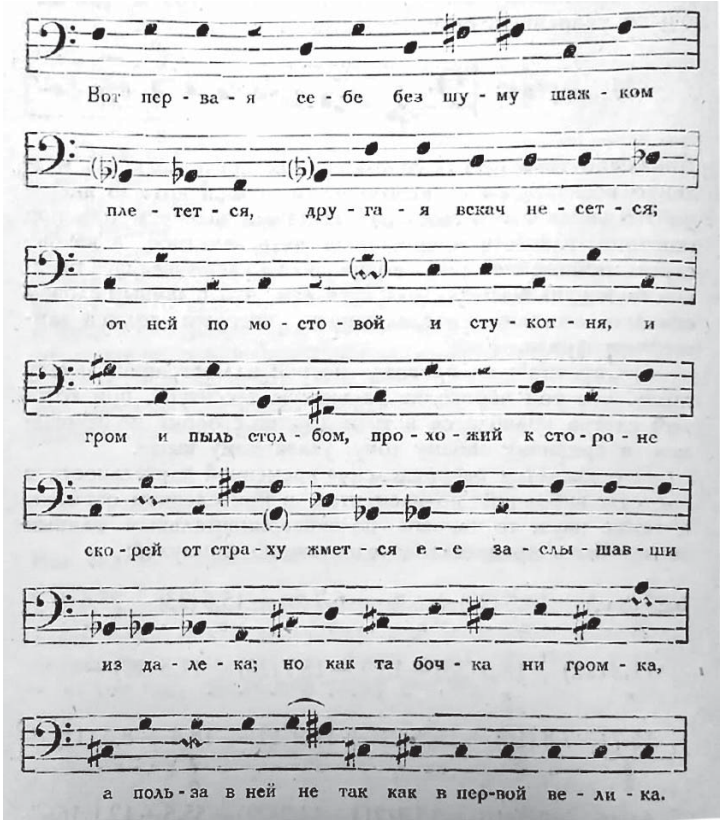
Вторая статья В.М. Васильева – «Роль ударения в марийском языке» – вошла в его монографический сборник статей «Некоторые вопросы марийского языкознания» [2, с. 49–68], она содержит девять нотных образцов записи марийской речи (некоторые из этих образцов включают по несколько изолированных слов, фраз). Нотный материал двух статей В.М. Васильева отчасти пересекается, но не совпадает.

Данные опыты музыкальной нотации марийской речи считаются уникальными в истории марийского языкознания, целью нашей статьи является актуализировать и продолжить данные исследования «зрелого» В.М. Васильева (1882–1961). В них Валериан Михайлович словно возвращается к началу своего творческого пути, годам учёбы в Казанском университете (1914–1918), где в те времена работал основатель Казанской лингвистической школы, уроженец г. Царевококшайска (ныне Йошкар-Ола), создатель первой в мире лаборатории экспериментальной фонетики профессор В.А. Богородицкий (1857–1941). В.А. Богородицкий занимался экспериментальной фонетикой русского, татарского и других языков, с ним дружил и сотрудничал В.М. Васильев. «Работая в лаборатории Богородицкого, Валериан Васильев вместе с певцом Митаевым записал песни восточных марийцев на 50 фонографических валиках, принял участие в их расшифровке и переводе на русский язык» [4, с. 51]. Среди методов, которыми пользовался проф. В.А. Богородицкий, исследуя фонетику, была и музыкальная нотация слов, фраз и предложений [см.: 1, с. 318]:

---

* Цифровую систему нотации В.М. Васильев ранее применял и для записи марийских мелодий [10] и в периодическом издании *Марла календарь* (Марийский календарь) на 1909 и 1910 гг. Цифровая система записи нот (французского музыкального теоретика Э. Шеве) широко применялась в российских школах и церковной практике XIX в., но сейчас она совершенно не употребительна, не знакома современным музыкантам.

Нотный пример 1
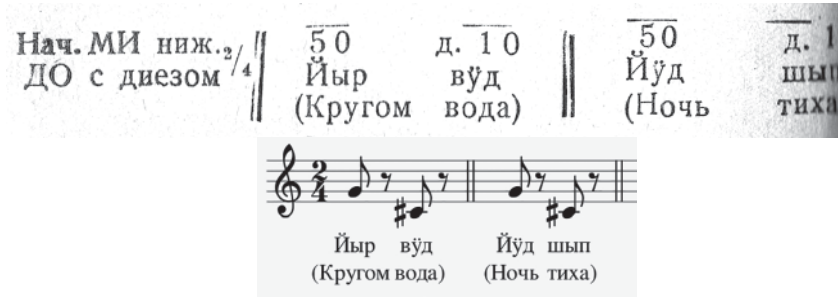

Как видим, В.А. Богородицкий нотирует высоту звуков русской речи (исполнение басни И.А. Крылова «Две бочки») без ритма. Статьи В.М. Васильева 1948 г., которым посвящена наша статья, продолжают эту традицию, причем ученый нотирует не только высоту, но и ритм, т.е. относительную длительность звуков. Неизвестно, был ли В.М. Васильев знаком с фундаментальным трудом петербургского театроведа В.Н. Всеволодского-Гернгросса (1882–1962) «Теория русской речевой интонации», в которой значительное место занимает точное музыкальное описание интонаций речи, интервалов при интонировании, дан обзор музыкальных нотаций русской

речи других исследователей [5]. Методологические принципы, терминология и результаты этой работы Всеволодского-Гернгросса актуальны по сей день для исследования тональных аспектов речи.

Васильев В.М. начинает первую статью [3] с нотного представления фраз из двух односложных слов: *Йыр вӱд* ‘Кругом вода’ и *Йӱд шып* ‘Ночь тиха’. В них в перепаде высот автор фиксирует достаточно неожиданный резкий интервал – нисходящий тритон [3, с. 18]:

Нотный пример 2

Также тритон В.М. Васильев видит в нисходящей интонации после ударного слога при изолированном произношении двусложных слов с ударением на первый слог (например, *ко́рно* ‘дорога’) и трехсложных слов с ударением на первый или второй слог (например: *те́рыште* ‘на санях’, *оля́ште* ‘в городе’).

Резкий диссонанс тритон* – очень специфический интервал, средневековые музыкальные теоретики называли его «дьяволом

* В теории музыки интервалы (т.е. сочетания двух звуков) делятся на консонансы (благозвучные) и диссонансы (резко звучащие). Характер звучания интервалов определяется объективными акустическими свойствами звукосочетания: чем меньше совпадают обертоны двух звуков, тем диссонантнее, резче звучит их сочетание. Тритон является самым резким диссонансом. Он делит октаву (тоновая величина октавы – 6 тонов) пополам. Кроме того, тритон (иначе говоря, уменьшенная квинта = увеличенная кварта) – это единственный симметричный интервал, который обращается сам в себя (т.е. если нижний звук тритона перенести на октаву выше, тоже получится тритон).

в музыке». Символика этого симметричного интервала в европейском музыкальном искусстве – соответствующая, см. яркое сопоставление тритона и чистой квинты в вальсовой теме солирующей скрипки в симфонической поэме Danse macabre («Пляски смерти») Камиля Сен-Санса (1879 г.), «риф» со скачком на октаву вверх и на тритон вниз в начале дебютного альбома Black Sabbath (1970 г.) и т.п. Тритон – это и выражение дьявольской зловещности (в европейской музыке), и средство «изгнания дьявола». Так, в русской музыкальной классике традиционным приемом имитации колокольного звона является сопоставление двух доминантсептаккордов, находящихся в тритоновом соотношении (например, в прологе оперы «Борис Годунов» М.П. Мусоргского, см. начало 2-й картины).

Вопрос о тритоне в марийской музыке долгое время был предметом дискуссии в среде казанских музыковедов-мароведов (О.К. Егорова, А.Л. Маклыгин). Доказательство существования тритона в марийской музыке было одним из положений, которое О.К. Егорова* выносила на зищиту своей диссертации «Фолькорные традиции в творчестве марийских композиторов» (1978):

«При анализе ладовых разновидностей, существующих в марийской песне, автор стремится акцентировать многообразие сложившихся способов ладообразования, полемизируя со сложившимся в литературе мнением об исключительном преобладании в марийской песне пентатоники. В частности, отмечается роль пятизвучных и шестизвучных ладов, включающих полутоновые и тритоновые образования. При этом особо подчеркивается своеобразие ладовых структур, основанных на соподчинении главного и побочного зве-

---

* Ольга Константиновна Егорова (1927–2010) – музыковед, кандидат искусствоведения, яркий представитель потомственной марийской национальной интеллигенции, дочь марийского художника Константина Егорова (1897–1937), внучка марийского историка, священника Федора Егоровича Егорова (1866–1937). Всю свою долгую жизнь Ольга Константиновна Егорова преподавала в Казанской государственной консерватории, подготовив в том числе целые поколения музыковедов марийских и других народов Поволжья. Автор данной статьи имела честь быть семидесятой «дипломницей» О.К. Егоровой.
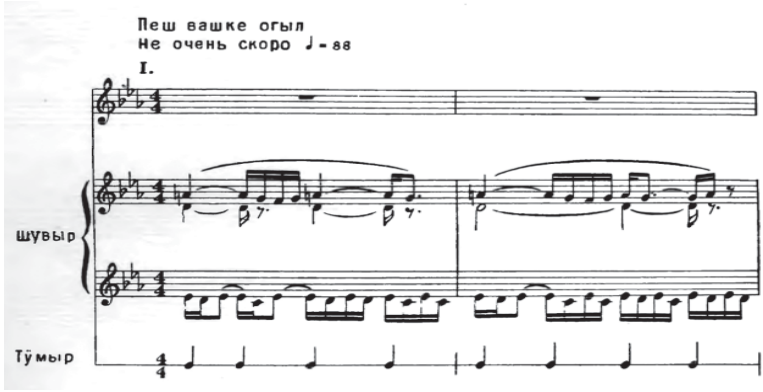
ньев. По мнению автора, именно особенности, присущие процессу образования лада, придают песням с тритоном **неповторимый национальный оттенок** (выделено нами. – *М.К.*). В дальнейшем изложении анализируются те случаи, когда композиторы игнорируют интонационное своеобразие марийских тритоновых песен, не расслышав в них национальной неповторимости ладообразования и приспосабливая их к привычным нормам «европоцентрического» мышления» [6, с. 5–6].

Тема тритона в марийской музыке была важна для О.К. Егоровой на протяжении всей ее жизни и продолжается в ее поздней монографии «Миф. Фольклор. Творчество: марийская музыка в аспекте мифологизма XX века» (2005). См. там ладо-интонационный анализ песни *Аланет* ‘Твоя полянка’ [7, с. 120–121; 156–157], песни *Шокте шӱдыр* ‘Плеяды (букв. созвездие Решето)’ [7, с. 142–143, 161]. О.К. Егорова подчеркивает, как скрытые в народных звукорядах «виртуальные тритоны» раскрываются при гармонизации в композиторских обработках марийских народных песен, например, Эриком Сапаевым в его опере «Акпатыр». О.К. Егорова слышит в тритоновых созвучиях ритуальный инструмент *шӱвыр* (марийскую волынку), что совершенно справедливо. См., например, тритоновое созвучие (ля-бекар – ми-бемоль) в основе марийского свадебного мотива, исполняемого на волынке (*шӱвыр*) и барабане (*тӱмыр*) (нотный пример 3).

Егорова О.К. всячески подчеркивает «архетипическую природу» тритона в марийской музыке и сущностное значение этой интонации для марийского музыкального мышления. Казанский музыковед-маровед Александр Львович Маклыгин в статье, посвященной 80-летнему юбилею О.К. Егоровой, комментирует ее воззрения следующим образом:

«Вспоминается упорная «ловля тритонов» Ольгой Константиновной в марийском песенном фольклоре. Ей всячески хотелось доказать (и до сих пор доказывается), что этот жесткий интервал есть рудимент архаических ладовых форм. Я же как истовый последователь «главного пентатониста» Я.М. Гиршмана взывал к музыкальной совести Ольги Константиновны, требуя признать, что в редчайших случаях тритонового интонирования марийскими бабушками

Нотный пример 3. *Сӱан муро сем* ‘Свадебный мотив’

(Записал Я. Эшпай в 1937 г. в д. Нужъял ныне Советского р-на Республики Марий Эл [9, с. 280–283, 327].)*

проявляется элементарная фальшивость пения. Иными словами, пентатонику не трожь! Сегодня можно признать, что права скорее обаятельная Ольга Константиновна. Торжественно объявляю, что длительная полемика по поводу «музыкальных тритонов» фактически закончена!» [8, с. 2].

Вероятно, идея о тритоне в марийской музыке зародилась у Ольги Константиновны именно из прочтения статей В.М. Васильева 1948 г., которые, безусловно, были ей знакомы, см. их в списке литературы [7, с. 168–169]. Это говорит о глубокой актуальности и определенном резонансе опытов В.М. Васильева по нотации марий-

---

* В дни, когда мы работали над данной статье (октябрь-ноябрь 2022 г.), вышел альбом «Отречение Петра» современной шугейз-группы «Луговые мари» (Йошкар-Ола, Казань), и композиция «Бесы» из этого альбома строится на бассо остинато: у гитары чередуются звуки ми-си, и на эту кварту накладывается долгий звук фа марийской трубы (*пуч*), создавая мало-секундово-тритоновый диссонанс со звучанием гитар. В этом приеме музыканты интуитивно воссоздают волыночный тритон марийской аутентичной музыки, как в Нотном примере 3 (низкая вторая ступень внутри тонической квинты).

ской речи не только и не столько для марийской лингвистической фонологии, сколько для музыковедения, установления связей между марийской речевой и песенной интонацией (в самом широком смысле и разнообразном контексте).

К сожалению, статьи В.М. Васильева 1948 г. остались непонятыми и незамеченными марийскими лингвистами последующих десятилетий по банальной причине не владения ими нотной грамотой. Да и в целом развитие лингвистики, фонологии в XX в. шло своими путями, так что музыкальное нотирование речи на фоне развития звуковых технологий стало казаться своего рода исторической экзотикой и «тупиковой ветвью» в развитии науки. Но вряд ли это справедливо, ведь существенного увеличения знаний по марийской речевой интонации, несмотря на научно-технический прогресс, после В.М. Васильева мы так и не получили, и этот пробел должен быть восполнен. Также важно иметь в виду, что развитие технических средств фиксации и анализа высоты звуков человеческого голоса не отменяет самостоятельной ценности их перевода в музыкальную проекцию, поскольку за музыкальными интервалами стоит определенная содержательность, символика, обусловленная развитием музыкальной культуры. За символикой интервалов стоят и объективные факторы, связанные с физиологией человеческого голоса и законами акустики, так и конвенциональные смыслы, сформировавшиеся в развитии конкретно-исторических музыкальных культур. Так, например, если средствами программы Praat мы фиксируем в звукозаписи слова *пӱтӧ* ‘пост’ (в произношении Э.И. Пекшеевой) частоту первого слога 207,1 Гц и частоту второго слога 196,8 Гц, эти цифры для нас ничего не говорят, кроме того, что второй слог несколько ниже первого. Если же перевести эту разницу частот в музыкальное измерение, обнаруживается нисходящая малая секунда (ля-бемоль – соль малой октавы), которая в мировом музыкальном искусстве имеет семантику стона, вздоха, плача (т.н. интонация lamento). Другой пример – произношение звательного *ачи* от *ача* ‘отец’ (в произношении А.В. Чемышева) на частотах 80,63 Гц в первом слоге и 109 Гц во втором соответствует ходу вверх на чистую кварту (от чуть заниженного ми к ля большой октавы),

что является в музыке типичной интонацией призыва (см. также сказанное выше о музыкальной символике тритона.) Таким образом, музыкальная нотация речи, в отличие от фиксации чисто технических показателей, надстраивает к слышимому семантические коннотации, насыщает восприятие речи пониманием этико-эмоциональных культурных подтекстов конкретной интонации. Сказанное является обоснованием теоретической значимости исследования звуковысотных аспектов речи методологическими средствами теории музыки. В настоящее время, когда развиваются звуковые технологии синтеза речи, в том числе марийской, четкое понимание, описание интонационных моделей марийской речи имеет и прикладное значение, например, для коррекции «акцента» роботов и т.п. В полном объеме мы планируем опубликовать наше исследование отдельной брошюрой. Основное его содержание (и содержание нашей статьи) заключается в следующем:

1. Описание опытов нотации марийской речи В.М. Васильева. Его цифровые записи мы переводим в традиционную пятилинейную нотацию, чтобы сделать их доступными широкому кругу читателей. В части примеров автора, где отсутствовали русские переводы слов, фраз, предложений, мы их сделали. Нотный набор осуществили в программе Musescore. Весь материал из нотированных примеров учёного рассматривается как своего рода интонационный словарь-конкорданс с фиксацией, как интонируется каждое марийское слово (интервалы, т.е. разница высоты слогов слова выражается в тонах*). Модели интонирования В.М. Васильева сводятся в таблицу, где представлены интонационные волны для двухсложных, трехсложных и многосложных слов (с ударением на разных слогах) в изолированном произношении и в потоке речи.

2. Представление нашего исследования по экспериментальной фонетике: от носителей моркинско-сернурского говора лугового наречия марийского языка были записаны двухсложные и трехсложные

---

* Тон – это 1/6 октавы. Октава – интервал между двумя звуками, частота которых различается ровно в два раза, например, ля первой октавы – 440 Гц, ля второй октавы – 880 Гц.

слова (только в изолированном произношении). Интонационные волны в них были расшифрованы и пронотированы, причем не только и не просто на слух, но с верификацией данных через фиксацию реальной физической частоты звучания слогообразующих гласных в этих словах в Герцах (при помощи программы Praat). Полученные результаты сопоставляются с идеальными моделями произношения подобных слов, заданными В.М. Васильевым. Они и совпадают (например, подтверждено наличие тритона в марийской речи), но в чем-то и расходятся с моделями учёного. В частности, в наших записях марийских слов весьма обильно представлено тяжелое ударение (гравис)*, тогда как у В.М. Васильева в записях-нотациях изолированных слов только острое ударение (акут). Наибольшее совпадение с моделями В.М. Васильева оказалось в произношении нашими информантами двусложных слов и трехсложных слов с ударением на первый слог, а наибольшие расхождения – в произношении трехсложных слов с ударением на второй и третий слог. Также проведено ориентировочное сопоставление марийских данных с произношением двусложных и трехсложных слов на русском языке (в наших записях лишь от одного русского и одного марийского информанта). Этот материал указывает на существенные различия и в направлении, и в величине интервалов марийской и русской речи, а также выявляет специфику марийского акцента в русской речи.

В целом надо отметить, что современные технические средства показали себя как удивительно точный инструмент и богатые возможности анализа звука, которые предлагает, в частности, программа Praat, несомненно, следует использовать для дальнейшего изучения интонационности марийской речи, в том числе природы марийского ударения. Работа с аудиоматериалом также показала, что в интонировании носителями языка можно выявить общие
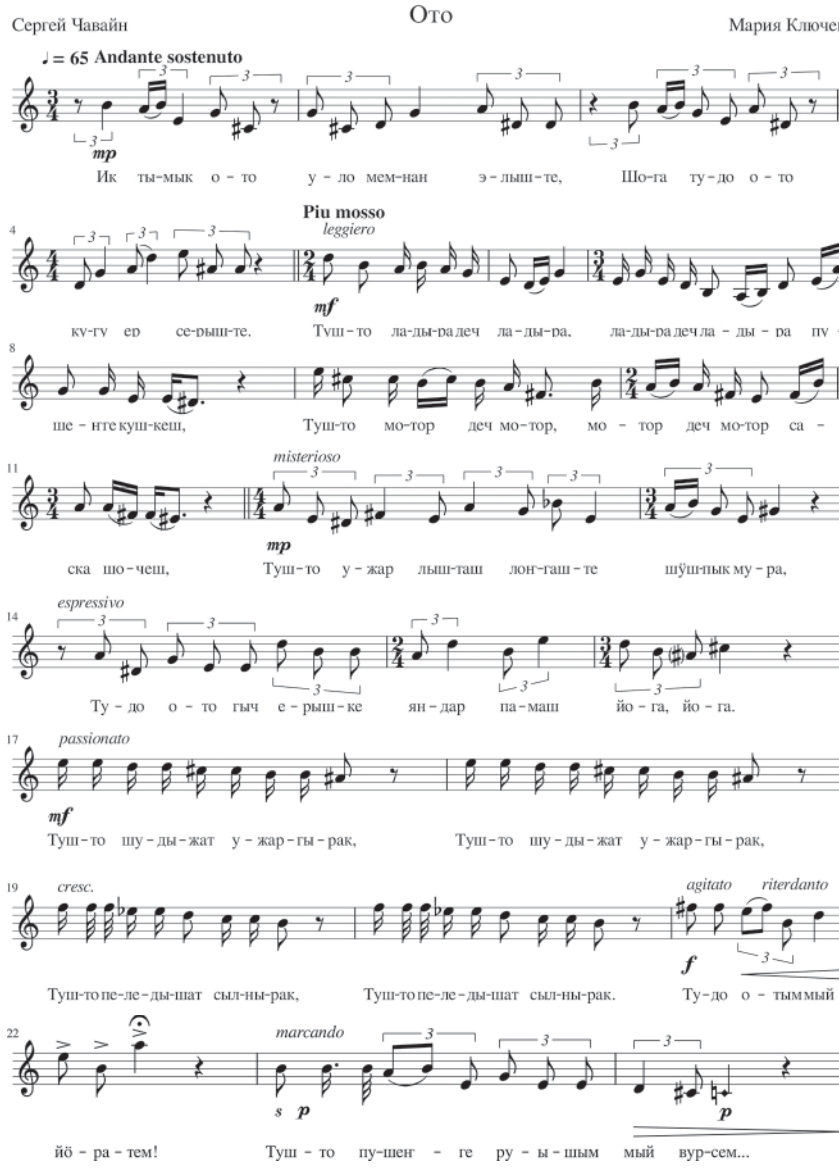
---

* Гравис – это тип ударения, когда ударный слог ниже соседних безударных по высоте, акут – ударный слог выше соседних безударных по высоте.

и индивидуальные черты, гендерные, социально-психологические особенности и т.д. Самостоятельное значение полученные данные имеют для исследований в области музыковедения, изучения связей марийской речевой и песенной интонации, которые, как оказалось, в значительной степени коррелируют. Практическое значение исследование марийской интонации имеет для преподавания и изучения языка. Чистая речь (без акцента) предполагает не только безошибочную артикуляцию, но и правильное интонирование (направленность и глубину интервалов, соотношения в длительности и силе звуков). Именно нарушения в интонировании образуют акцент в речи, когда, на одном языке (изучаемом) говорят по интонационным моделям другого языка (родного). В педагогической практике корректировку произношения на интонационном уровне сложно осуществлять именно из-за отсутствия культуры объективной фиксации интонирования. Важно также понимать, что интонирование отличается в диалектах. На уровне наречий марийского языка эти отличия очень существенны, учитывая, что в них даже сильно отличающиеся система гласных звуков и система ударений (ср. в горном и северо-западном наречии, в луговом и восточном наречиях). Таким образом, поле дальнейших исследований марийской интонационности в речи (в том числе диалектной, половозрастной, социально обусловленной, индивидуальной) является практически безграничным. Наше небольшое исследование является начальным пробным проектом в этой области, его результаты, которые будут раскрыты в отдельной полномасштабной публикации, носят ориентировочный характер.

Позволим себе заключить статью творческой проекцией изученного материала нашим оригинальным сочинением 2021 г., музыкальной композицией для сопрано соло *Ото* (‘Роща’) на слова классика марийской литературы Сергея Чавайна (стихотворение 1905 г.). Здесь мелодические ходы в основном конструируются на основе моделей интонации марийской речи В.М. Васильева, описанных в данной статье, хотя связующее композиционное значение имеет и чисто музыкальная логика развертывания материала (повторы, секвенции, пентатонные обороты).

Нотный пример 4. *Ото* ‘Роща’:

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богородицкий В.А.* Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань: Изд. Дома Татар. Культуры, 1930. 356 с.

2. *Васильев В.М.* Роль ударения в марийском языке // Некоторые вопросы марийского языкознания: сб. ст.. Козьмодемьянск: Горно-Мар. фил. Мар. Гос. Изд-ва, 1948. С. 49–68.

3. *Васильев В.М.* Семантические и логические связи речи в интонационном ее преломлении в марийском языке // Ученые записки сектора языка и письменности. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1948. Т. 1. Вып. 1. С. 17–33.

4. *Востриков В.Г.* В.М. Васильев – ученый и просветитель. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. 176 с.

5. *Всеволодский-Генгросс В.Н.* Теория русской речевой интонации. Петербург: Гос. изд-во, 1922. 128 с.

6. *Егорова О.К.* Фольклорные традиции в творчестве марийских композиторов: автореф. дис. ... канд. иск. М., 1978. 16 с.

7. *Егорова О.К.* Миф. Фольклор. Творчество: Марийская музыка в аспекте мифологизма XX века. Казань: Каз. консерватория, 2005. 184 с.

8. *Маклыгин А.Л.* С юбилеем // Камертон. 2007. № 14–15. С. 2.

9. Марий калык муро [Марийские народные песни] / под ред. В. Коукаль. М.-Л.: Гос. музык. изд-во, 1951. 338 с.

10. Марий калыкын мурыжы, туштыжы да йомакшы [Марийские народные песни, загадки и сказки] / Издание В.М. Васильева. Казань: Центр. тип., 1908. 16 с.

К 95-летию со дня рождения
Ольги Константиновны Егоровой
К 100-летию выхода книги
В.Н. Всеволодского-Гернгросса
«Теория русской речевой интонации»

УДК 811.512.111

А.В. Кузнецов
Чувашский республиканский институт образования (г. Чебоксары),
Н.М. Кузнецова
Средняя общеобразовательная школа № 60 города Чебоксары (г. Чебоксары)

ТОПОНИМЫ МАРИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ЯНТИКОВСКОГО РАЙОНА ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Многие топонимы Чувашской Республики имеют финно-угорское происхождение. В чувашском языке произошло фонетическое и семантическое видоизменение, поэтому сложно воссоздать их первоначальный облик и значение. В статье сделана попытка интерпретировать ряд топонимов с помощью марийского языка.

Ключевые слова: *чувашский язык, марийский язык, гидроним, ороним, комоним, топоним.*

Many toponyms of the Chuvash Republic are of the Finno-Ugrian origin. As phonetic and semantic modifications had taken place in the Chuvash language it is difficult to recreate their original appearance and meaning. The article attempts to interpret a number of toponyms based on the Mari language.

Key words: *the Chuvash language, the Mari language, hydronym, oronym, homonym, toponym.*

Топонимика Янтиковского района Чувашской Республики, расположенной на юго-востоке региона, разнообразна. Здесь соседствуют географические названия родственных и неродственных языков. Данная территория была заселена людьми еще во времена палеолита. По словам археологов, первым открытым и изученным в Чувашии археологическим памятником позднего (верхнего) палеолита является Уразлинская стоянка ‘Улянкă’. В 1929 г. один из жителей деревни Уразлино Янтиковского района доставил в Государственный исторический музей кости мамонта, найденные им

в овраге около деревни. Изучение геологических условий позволило установить возраст стоянки в 30–40 тыс. лет, т.е. отнести стоянку к середине верхнего палеолита. Находящиеся вблизи д. Уразлино курганы археолог А.Я. Брюсов отнёс к памятникам абашевской культурно-исторической общности [3]. Абашевская культурно-историческая общность некоторыми лингвистами относится к протогермано-балто-славянской общности, другими – к протоиндоиранской. Если хронологические рамки памятников абашевской культурно-исторической общности определяются последними веками III тыс. до н.э. – XVII – начало XVI в. до н.э., то наиболее вероятной датировкой абашевских древностей называется первая половина II тыс. до н.э. Археологи до сих пор ведут дискуссию о «хронологической позиции средневолжской абашевской культуры в системе абашевской культурно-исторической общности, одни считают ее наиболее ранней, другие – позднейшей, производной от южноуральской» [14]. Таким образом, племена, говорившие, предположительно, на протоиндоиранском языке, на данной местности обитали десятки веков назад. Исследователями на территории современной Чувашской Республики выделяются такие пласты топонимов, как: 1) индоиранский; 2) финно-угорский; 3) булгаро-чувашский; 4) татаро-кыпчакский; 5) русский [20, с. 32]. К индоиранским в качестве гипотезы можем отнести только гидроним *Черемшан.* Мы склоняемся к тому, что впервые упоминаемый Ахмедом ибн Фадланом в Повольже в 921–922 гг. гидроним *Джарамсан* происходит из иран. *джарм* ‘течь; текущий, проточный’ [4], хотя есть мнение, что он может иметь отношение к другим иранским племенам, сарматам, и означать ‘сарматская река’ [4].

Есть версия, связывающая *Черемшан* с марийцами: гидроним, означающий ‘река черемисов, черемисская река’ [17, с. 219–241].

Существует множество других версий его происхождения, в том числе тюркские: гидроним *Джарамсан* тюркского [17, с. 219–241] или же, конкретно, татарского происхождения и означает или ‘реку масляного (смолистого) леса’, или ‘место сбора войск’, или в форме *Чиру Мемшен* ‘предводитель войска’ [4].

Не обошлось и без славянских версий: *Черемшан* – гидроним от славян. *черемша* – растение (от народов Именьковской археоло-

гической культуры) [17, с. 219–241] или же русск. *черемша* ‘дикий лук’ [24, с. 179] и др.

Топонимы финно-угорского происхождения (марийские – часты на севере, реже – на юге; мордовские часты на юге, реже – на севере; встречаются и пермские) наблюдаются на всей территории Чувашии.

В исторических документах XVI в. на территории современного Янтиковского района Чувашской Республики упоминаются «мордовские выти», «мордовские пустоши», «пустоши порожжие мордовские», «мордовская земля» на реке Уте, на реке Норваше и т.д. [19]. Из них следует, что поселения *Яншихово-Норваши*, *Гришино*, *Можарки* и *Подлесное* были основаны на бывших мордовских землях. На реках Норваш (Нороваш) и Турмуш зафиксированы населенные пункты *Нороваш* (совр. Русские Норваши), *Яншанка* (совр. Яншихово-Норваши), *Турмуш* (совр. Турмыши) [22]. В следующем фрагменте упоминаются деревни *Новая* (совр. Яншихово-Норваши (?), *Нороваш* (совр. Русские Норваши), *Темяшева* (совр. Янтиково), *Турмуш* (совр. Турмыши) [22] и т.д. Не удивительно, что в топонимике Янтиковского района проявляются, предположительно, мордовские *Инсер, Печер, Пшенер*, марийские *Паснер, Псенарь, Тӹмер, Норваш,* венгерский *Мучар* (< *мадьяр* ‘венгр’) и, вероятно, пермские *Тӑрмӑш* (< *Турма вож* (?), *Палмата* (< *piele ma ta* (?) и др. топонимы (подр. см.: 12, с. 112–117; 13, с. 196–204 и т.д.).

Рассмотрим подробнее слой топонимов, указывающих на марийский язык.

Гидронимы. *Норваш* (чуваш. *Нӑрваш*) < *энгер вож* ‘начало речки’. По мнению чувашских лингвистов Л.П. Сергеева и Ю.Н. Исаева, гидроним *Нӑрваш* от мар. *нор, нар, нер* ‘не очень большая речка; начало речки’ и мар. *ваш ~ вож* ‘болото’, ‘болотистое место’, ‘начало ручья’ [18, с. 177; 11, с. 6] (в трудах по марийской топонимике некоторые значения данных гидроформантов не встречаются, в основном указывают следующие: 1) *-нер, -енер, -ангер, -енгер, -ингер* восходят к мар. *энгер, ӓнгӹр* ‘река, водный поток’. На территории Татарстана и Чувашии имеет еще форму *-нар*: р. Шинар, р. Куганар [5, с. 16]; 2) *-вож, -важ* восходит к мар. *вож, важ* «корень, развилка»

[5, с. 16]). Следует, что гидроним и комоним *Нӑрваш* тождественны марийскому отгидронимному комониму *Энӧервож* (Энервож) – названию деревни в Звениговском районе, состоящему из двух марийских терминов: *энӧер* ‘река’ + *вож* ‘корень’, т.е. ‘деревня у истока реки’ [5, с. 394]. Формант *вож* этимологически тождествен с мар.Г. *важ*, мар.Л. *вож* ‘корень, основание, источник’ [5, с. 35], этимологически связан с коми *вож* ‘ответвление, развилка’, ‘приток реки’ [5, с. 46].

Паснерка (чуваш. *Паснер*) < *пасу энӧер* ‘речка, протекающая в поле’ (?). Вероятно, от мар. *пасу* ‘поле’ + *энӧер* ‘река’, название речки, протекающей на землях д. Тюмерево и с. Чутеево Янтиковского района, ср.: *Пасу куп* ‘болото на поле’ или ‘полевое болото’ < мар. *пасу* ‘поле’ + *куп* ‘болото’ [5, с. 259], значит, *Паснер* – ‘полевая река’ или ‘река, протекающая в поле’. Так как у компонента *пасу* наблюдается значение ‘поляна’ [5, с. 28], то *Паснер* может иметь значение ‘река, протекающая по поляне’. В свою очередь, *пасу* может быть заимствованием из чувашского языка, где *пусӑ* ‘поле; нива’; *ыраш пусси* ‘ржаное поле’ [8, с. 167], а в диалектах встречаются варианты *пус/пос, пусӑ/посӑ, пусу/посу* ‘поле; нива’ [26, с. 451]. М.Р. Федотов указывает на тюркское происхождение мар.Л. *пасу* ‘поле (хлебное)’, мар.Г. *пасо, пасе, посо, пошо* ‘пустое поле; выгон’ / удм. *бусы* ‘поле’ (< тюрк.) [26, с. 451]. В других тюркских языках функционируют: башк. *бағыу*, тат. *басу* ‘засеянное поле; нива’ [8, с. 167]; каз. *басау* ‘пашня’, башк. *бағыу* ‘поле, нива; посев’ [26, с. 451] и др.

Псенарь [24, с. 17] < *писе энӧер* ‘быстрая река’ (?). Название реки Турмышка, отмеченное на картах XVIII в. Возможно, искаженное от *Писенер.* Происхождение топонима объясняется так: 1) *Пиҫенер* < мар. *писе* ‘быстрый; стремительный’ + *энӧер* = ‘быстрая река’. Гидроним перешел в комоним [10, с. 137]; 2) *Пиҫенер* (д. Пизенеры Аликовского района) < мар. *писе* ‘быстрый’ + *энӧер* ‘река’ = ‘быстрая река’ [21, с. 126]. Напрашивается параллель с марийским гидронимом *Писинер(ка).* По мнению марийских исследователей, официальное название речки *Писе вӱд – Писинерка*. Оба варианта ее названий имеют марийское происхождение: 1) *писе* ‘быстрая’ + *вӱд* ‘вода; река’; 2) *писе* ‘быстрая’ + *энӧер* > *инер* ‘река’ + суффикс *-к(а)* в результате

русской адаптации [5, с. 266]. Оба названия имеют одинаковое значение и идентичны чувашскому отгидронимному комониму *Пиçенер* и, возможно, *Псенарь*. Вероятно и мордовское происхождение от *Пшенер* [24, с. 17] < *пяше нярь* ‘липовая коса леса’ (?). Название реки Турмышка, отмеченное на картах XVIII в. (искаженный вариант морд. *Пяшнярь/ Пяшенярь* (*пяше* ‘липа’ + *нярь* перен. ‘выступ; коса’ (лесная)(?) [подр. см. 2, с. 274], означающий ‘выступ леса, где растут липы’, ‘липовая коса леса’. Также может происходить от мар. *пушан энгер* ‘тухлая река’ < *пушан* ‘пахучий; с запахом’ + *энгер* ‘река’, ср.: *Пушанар* < мар. *пушан* ‘пахучий; с запахом’ + *энгер* ‘речка’ = ‘пахучая речка’. Или *пушангаш* ‘тухнуть’, ‘делаться затхлым’ + *энгер* ‘речка’ = ‘тухлая речка’ [9, с. 237] (о переходе мар. *ш* > чуваш. *с*, см. ниже).

Славаш ‘Словаш’. В Чувашской Республике речка *Славаш* ‘Словаш’, левый приток реки *Тăм* ‘Соломинка’, протекает в основном по территории Янтиковского района, хотя берет начало в лесу, расположенном южнее села Малые Кибечи Канашского района. Также имеется деревня *Словаши* в Цивильском районе. Расстояние от истока речки *Словаш* до деревни *Словаши* – 17 км. Данный гидроним не имеет ясной этимологии, на материале чувашского языка необъясним. Можем предположить, что он состоит из двух компонентов: гидроформанта *ваш* < мар. *вож, важ* «корень, развилка» [5, с. 16] и форманта *сла* (ни в одном труде по топонимике региона подобный формант не зафиксирован). Формант *сла*, возможно, имеет связь с марийским *шоло* ‘вязь’, ср.: мар. *шоло* > *шола* > чуваш. *сола* > *сăла* > *сла* (следовательно, могла произойти следующая трансформация: *Шоло вож* > *Шолаваш* > *Солаваш* > *Сăлаваш* > *Славаш*. Выпадение гласных в среднем диалекте чувашского языка в любой позиции частое явление). Примеров перехода марийских *ж*, *ш* в чувашский *с* наблюдается немало и в любой позиции: чуваш. *сий, си* < мар.Л. *ший,* мар.Л. *шый* ‘годичный слой древесины’ [25, с. 314]; чуваш. *йосо, йосу, юсу* ‘хороший, изящный, приличный’ < мар.Г. *яжо*, мар.Л. *яжу* ‘хороший, стройный’ [25, с. 301]; чуваш. *лапăстан, лапăштан, лопăстан* ‘репейник, лопух’ < мар.Г. *лапштан*, мар.Л. *лопшудо* (*лоп* ‘низина’ + *шудо* ‘трава’, букв.: ‘трава, растущая на

низменных местах’) ‘лопух, листья репейника’[25, с. 307]; чуваш. *ленкес* < мар.Л. *леңеж*, мар.Г. *лӓнгы̆ш* ‘кадка (деревянная); ведро’ [25, с. 308]; чуваш. *сӑвӑс*, *сус* ‘клещ’ < мар.Г. *шукш* ‘червяк, червь’ [25, с. 314]; чуваш. *сӑсӑл* ‘отруби; пористая гниль внутри древесины’ < мар.Г. *шышыл*, мар.Л. *шушыл* ‘отруби, высевки’ [25, с. 314] и т.д.

Разных топонимов, связанных с *шоло* ‘вязом’, на территории Республики Марий Эл немало: *Шолангуп* болото в Волжском районе. Марийский сложный гелоним, состоящий из двух слов: *шолан* ‘с вязом, с вязами; имеющий вязы’ + *гуп* < *куп* ‘болото’, т.е. ‘болото с вязами’; *Шолангуш* (*Шалан гуш*) – деревня в Звениговском районе. Сложный комоним, состоящий из двух слов: *шолан* ‘с вязами; имеющий вязы’ + *гут* < *кути* < *куж* ‘поляна, луговина’, т.е. ‘поляна, луговина с вязами’; *Шолерлан куп* болото в Моркинском районе, где *шолерлан* – имя прилагательное от *шолерла* ‘вязовые рощи’, т.е. ‘болото с вязовыми рощами’ и т.д. [5, с. 375–376].

Считаем справедливым замечание А.Л. Пустякова относительно гидроформанта *вож* ~ *вош* ~ *ваш*. Он указывает на то, что «в имеющейся научной литературе этот компонент обычно переводится как ‘корень, развилка’, ‘исток, развилина’, ‘корень, исток’, но сам мотивационный признак остается неясным» [16, с. 20]. А.Л. Пустяков предлагает выделить следующие мотивационные признаки:

1) если *важ*- используется в качестве атрибута, то указывает на наличие источников: д. Важинерь от *важ* ‘источник’ и *инерь* < *эҥер* ‘река, речка’; д. Важйӓл от *важ* ‘источник’ и *йӓл* ‘село’; <…> Важоты от *важ* ‘источник’ и *оты* ‘мелкий лес’;

2) если лексема выступает как топонимический формант или собственно топоним, то она может иметь следующие значения: а) ‘приток, ответвление’ – вероятно, это значение лежит в основе подавляющего большинства гидронимов: Кликваж, Кожваж, Перчваж, Шимваж и др.; б) ‘место слияния нескольких составляющих реки, речки’: д. *Эҥервож* (Энервож) < *эҥер* ‘река’ и *вож* ‘место слияния ответвлений’; в) ‘источник’: рч. *Пӱгӧвож* (Пиковожка), правый приток р. Талмань, берет начало в овраге из родника» [16, с. 20].

У *шола* имеется и другое значение – ‘левый’. Так как *Славаш* является левым притоком реки *Тӑм (шывӗ)* ‘Соломинка’, не можем

обойти вниманием и эту версию: *Славаш* < *Шолаваш* < *Шола вож* ‘левый приток’. Для сравнения: *Шола куп* болото в Советском районе. Гелоним-ориентир в переводе на русский язык означает ‘Левое болото’, что указывает на объект, т.е. деревню, по отношению к которой находится болото. С подобным же названием есть болото в Звениговском районе; *Шола Чисола* (оф. *Нижнее Читово, Левая сторона*) деревня в Сернурском районе. Ойконим составной, где атрибут *шола* ‘левый’ указывает на наличие другого объекта с подобным названием с правой стороны – Нижнее Читово, Правая Сторона. Так назывались две стороны одной деревни [5, с. 375–376].

Хотя к форманту *Сла-* близко по звуковому составу топоформант *сола* ‘село’, на наш взгляд, в период формирования данного гидронима слово *село* в языки народов Поволжья еще не попало. К тому же маловероятно, что общеслав. *selo* ‘жилье’ (< старослав. *selo* ‘жилище, шатер, местопребывание, селение, поле, село, луг, земельный участок’ < инд.-евр. *sel* ‘жилое помещение’), которое известно с древнерусской эпохи (XI в.) [15], могло стать компонентом гидронима.

Тӑм (шывĕ) ‘Соломинка’ (букв. ‘глиняная река; раствор глины’). Турмышка является правым притоком данной реки. Можно предположить, что такое название река получила потому, что протекает по глинистой местности. Но в окрестностях Турмышей все реки протекают по глинистой местности. Ввиду этого, связывание с глиной названия реки кажется не совсем удачной.

Вероятны и другие версии: 1) название реки связано с марийским *тым* диал. ‘спокойствие’. По исследованиям С.Я. Черных, древнемарийское мужское имя *Тымбай* может быть образовано так: теленгитское *тымы* ‘быть тихим, молчаливым’ + бай(к) = *Тымбай* ‘Тихоня, смиренник’ [27, с. 489]; 2) имеет связь с названием озера *Тамъер* и состоит из гидроосновы *Там* неясного происхождения, возможно, тюрк. *там* ‘капать’, и апеллятива *ер* ‘озеро’, т.е. ‘Озеро Там’ [5, с. 315]; 3) может иметь отношение к мар. *тумо* ‘дуб’ и означать реку, протекающую по местности, где растет дуб или была дубрава. В окрестностях Турмышей до сих пор растет смешанный лес с преобладанием дубов. Встречается немало гидронимов, оронимов,

комонимов и др., в названии которых встречается дуб – *тумо/тӳмо*. Например, в Волжском районе Республики Марий Эл имеется овраг с названием *Тумо корем* – отфитонимный ороним, указывающий на растительный мир оврага: *тумо* ‘дуб’, *корем* ‘овраг’, т.е. ‘овраг, где растут дубы’ [5, с. 330–331]; название реки *Тӳмшо* (оф. *Тюмша*) – гидроним домарийского происхождения с гидроформантом *-шо (-ша)*, топооснова которого *Тӳм-*, может представлять собой фонетический вариант топоосновы *Тум-*, отсюда *Тӳмшӧ* < *Тумшо* ‘Дубовая’ или ’река, на берегу которой растут дубы’ [5, с. 332].

Комонимы. Из чувашских ойконимов на территории района предположительно встречаются следующие комонимы ф.-угор. происхождения: *Можарки* (чуваш. *Мучар*), *Турмыши* (чуваш. *Тăрмăш*) (по одной из версий), *Яншихово-Норваши* (чуваш. *(Енĕш) Нăрваш*), *Норваш-Кошки* (чуваш. *Кушкă*), *Русские Норваши* (чуваш. *Нăрваш сали*) и *Тюмерево* (чуваш. *Тĕмер*).

К марийским относим следующие:

Норваш-Кошки. Компонент *Кошки* < чуваш. *Кушкă*, дохристианское имя мужчины, теперь стало названием ряда селений в Чувашии и Татарстане [1, с. 62–63].

Русские Норваши (русское село, местные по-чувашски называют просто *Сала* ‘Русское село’, официально – *Нăрваш сали*).

Яншихово-Норваши. Компонент *Яншихово*, вероятно, связан с именем основателя села *Яншейк* (Яншикай, Яншанк), который упоминается в писцовых книгах XVI в. [22].

Первый компонент *Нăрваш* ‘Норваш’ названий вышеназванных населенных пунктов буквально означает ‘исток реки’, следовательно, получаем ‘деревню у истока реки’.

Тюмерево ‘Тĕмер’ < мар. *тумер* ‘дубняк, дубрава’ [5, с. 329].

На территории Республики Марий Эл аналогичных названий географических объектов немало, поэтому в марийском происхождении данного комонима сомнений нет: *Тумер* – деревни в Медведевском и Моркинском районах, ныне не существующий выселок в Оршанском районе, *Тумер* (оф. Дубовский) – рабочий поселок в Горномарийском районе. Отфитонимный ойконим указывает на растительный мир, где расположена деревня: дубняк, дубрава, дубовая роща

[5, с. 329–330]. Имеется ряд ойконимов, в названии которых содержится формант *тумер*: *Тумер куп* – болото в Звениговском районе. Гелоним характеризует растительный мир, где расположено болото, т.е. ‘болото у дубняка, дубравы’; *Тумерсола* название деревень в Сернурском, Медведевском и Новоторъяльском районах. Отфитонимный сложный ойконим, состоящий из двух марийских слов: *Тумер* ‘дубняк’ + *сола* ‘селение, деревня’, т.е. ‘деревня в дубняке или у дубняка, у дубравы’; *Тумеръял* (оф. Дубовляны) – деревни в Оршанском и Новоторъялъском районах. Ойконим возник по характеру местности. На месте, где расположена деревня, росли дубы, по-марийски *тумер* ‘дубняк, дубрава’ + *ял* ‘деревня’ [5, с. 330].

Оронимы. *Шапан тӑвайкки* (< *Шапан* + *тӑвайкки* ‘склон горы, косогор’). Место на крутом, высоком левом берегу речки *Вӗре*. Краеведы связывают название со словом *шапа* ‘жаба, лягушка’. По их мнению, на берег выходили греться на солнышке многочисленные лягушки, которые в большом количестве и шумно прыгали в воду при приближении людей [24, с. 180]. На наш взгляд, лягушкам нелегко запрыгивать на почти отвесный многометровый берег быстротечной речки. Связь названия косогора с данными земноводными маловероятна. Предлагаем финно-угорскую версию происхождения названия *Шабан тӑвайкки*: исследователями отмечается, что в марийском языке встречается гидроним *Шаба*, восходящий к хант. *сяв, сап* ‘ручей, являющийся протоком между озерами и реками’ и манс. *сав, саав* ‘омут’ [5, с. 357], а *гидроформант -ан* – суффикс, образующий имена прилагательные [5, с. 18], встречается в названиях рек, например, *Шукшан (Шӱкшан)* [5, с. 15]. Учитывая, что на данной территории немало топонимов марийского, эрзянско-мокшанского происхождения, вполне вероятно, что данный ороним образовался следующим образом: *Шаба* + *-ан* > *Шабан* ‘находящийся на ручье, являющемся протоком между озерами и реками; находящийся у омута’. К тому же *Шаба* – название деревни в Сернурском районе Республики Марий Эл, отгидронимный комоним [5, с. 357].

Существует мнение, что *Шабан* – широко распространенное мусульманское имя [7]: *Шабáн* < арабск. *sab’an* ‘сытый, удовлетворённый’ (переносно ‘богатый’) [23, с. 185.].

Можно предположить, что *Шабан* – русская фамилия, произошедшая от прозвища. Косогор *Шапан тăвайкки* расположен рядом со старинным русско-норвашским кладбищем. Название места связано с именем (прозвищем, фамилией) *Шабан* (*Шибан, Шибай*) какого-либо русского, восходящим к глаголу *шибать* ‘кидать, метать, швырять’, и изначально могло принадлежать человеку, любящему подраться. Вероятно, могло произойти от отчества, по роду деятельности отца: *шибай* ‘рассыльный в суде и в волостной конторе’ или ‘перекупщик, барышник’ [6, с. 552]. Можно предложить несколько версий, все имеют право на жизнь, но мы придерживаемся марийского происхождения оронима.

Таким образом, даже поверхностный анализ ономастикона Янтиковского района указывает на марийское происхождение ряда **гидронимов** (*Черемшан* ‘*река черемисов*’ *(?), Норваш, Паснер, Псенарь, Славаш, Тăм*), **комонимов** (*Енĕш Нăрваш* ‘Яншихово-Норваши’, *Кушкă* ‘Норваш-Кошки’, *Нăрваш сали* ‘Русские Норваши’, *Тĕмер* ‘Тюмерево’), **оронимов** (*Шапан тăвайкки*) и т.д. Дальнейшие исследования могут дать новые сведения о топонимиконе современной Чувашии.

СОКРАЩЕНИЯ

башк. – башкирский, инд.-евр. – индоевропейский, иран. – иранский, каз. – казахский, манс. – мансийский, мар. – марийский, мар.Г. – горномарийский, мар.Л. – луговомарийский, общеслав. – общеславянский, оф. – официально, официальный, русск. – русский, славян. – славянский, совр. – современный, старослав. – старославянский, тат. – татарский, тюрк. – тюркский, удм. – удмуртский, ф.-угор. – финно-угорский, хант. – хантыйский, чуваш. – чувашский.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка: В 17 т.: Т. 7. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1933. 336 с.

2. *Бабушкина Р.В.* Топонимы в словообразовательной системе современного мокша-мордовского языка // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. Вып. 3. С. 272–276.

3. *Березина Н.С.* Уразлинская стоянка «Улянкă» [Электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия [сайт]. URL: http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=1980 (дата обращения: 12.10.2022).

4. Большой Черемшан (река) [Электронный ресурс] // Академик [сайт]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/816328#.D0.AD.D1.82.D0.B8.D0.BC.D0.BE.D0.BB.D0.BE.D0.B3.D0.B8.D1.8F (дата обращения: 23.09.2022).

5. *Воронцова О.П., Галкин И.С.* Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграф-комбината, 2002. 424 с.

6. *Ганжина И.М.* Словарь современных русских фамилий. М.: Астрель: АСТ, 2001. 672 с.

8. Достоинства месяца Ша‘бан [Электронный ресурс] // Исламский образовательный портал IslamDag [сайт]. URL: https://islamdag.ru/vse-ob-islame/8084 (дата обращения: 11.11.2022).

9. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1964. 355 с.

10. *Егорова А.С.* Марийский пласт чувашской гидронимии // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев; ЧГИГН, МарНИИЯЛИ. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 235–240.

11. *Егорова А.С.* Чувашская гидронимия. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. 198 с.

12. *Исаев Ю.Н.* Поволжский топоним «Шигали» (этимолого-фольклорные сюжеты) // Развитие образования. 2018. № 1. С. 5–8.

13. *Кузнецов А.В., Кузнецова Н.М.* О неисследованных пластах географических названий (на примере топонимики Янтиковского района Чувашской Республики) // Ашмаринские чтения: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 21 октября 2022 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2022. С. 112–117.

14. *Кузнецов А.В., Кузнецова Н.М.* Онимы финно-угорского происхождения на территории Янтиковского района Чувашской Республики // Актуальные проблемы удмуртоведения в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков, литератур и фольклора: сб. ст. Ижевск: Удм. ун-т, 2022. С. 196–204.

15. *Михайлов Е.П.* Абашевская культурно-историческая общность [электронный ресурс] // Чувашская энциклопедия [сайт]. URL: http://enc.cap.ru/?t=publ&lnk=106 (дата обращения: 12.10.2022).

16. Происхождение слова *село* [Электронный ресурс] // Этимологические онлайн-словари русского языка [сайт]. URL: https://lexicography.online/etymology/c/село (дата обращения: 12.10.2022).

17. *Пустяков А.Л.* К проблеме разграничения марийских и пермских топонимов в Ветлужско-Вятском междуречье // Вопросы ономастики. 2014. № 2 (17). С. 7–34.

18. *Сенатор С.А., Беленов Н.В., Сидякина Л.В.* Словарь топонимов Среднего Поволжья от Петера Симона Палласа // Самарский край в истории России. Вып. 7: материалы Межрегион. науч. конф., посвящ. 195-летию со дня рождения П.В. Алабина. Самара: СОИКМ им. П.В. Алабина, 2020. С. 219–241.

19. *Сергеев Л.П.* О марийских лексических изоглоссах в чувашском языке // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск: Удмуртия, 1967. Вып. 4. С. 177–185.

20. Следы проживания мордвы и мари в топонимии Чувашии [Электронный ресурс] // Чебоксары – столица Чувашии [сайт]. URL: http://www.workshome.ru/karty-chuvashii/sledy-prozhivaniya-mordvy-i-mari-v-toponimii-chuvashii/ (дата обращения: 01.11.2022).

21. *Сосаева А.А.* К вопросу о мордовском пласте топонимов Чувашии // Чтения по вопросам этимологии и ономастики, посвященные 60-летию со дня рождения академика Г.Е. Корнилова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. С. 32–34.

22. *Сосаева А.А.* Структурные типы топонимических названий в чувашском языке (на материале ойконимов) // Материалы по чувашской диалектологии. Чебоксары: Руссика, 1997. Вып. 5. С. 121–145.

23. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 гг.). Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1909. XIII. 143 с. [Электронный ресурс] // Сувары [сайт]. URL: сувары.рф/ru/content/spisok-s-piscovoy-i-mezhevoy-knigi-goroda-sviyazhska-i-uezda-pisma-i-mezhevaniya-nikity (дата обращения: 11.10.2022).

24. *Суперанская А.В.* Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.

25. *Ушаков Э.С.* Турмыши. Из истории села: [Янтиковского района] / предисл. В.П. Станьяла. 2-е доп. изд. Чебоксары: [б. и.] (Тип. № 7), 2013. 445 с.

26. *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / под ред. И.С. Галкина. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. 336 с.

27. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт.: Т. 2: С–Я. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. 509 с.

28. *Черных С.Я.* Словарь марийских личных имен. Ок. 16 120 имен. Марий ең лӱм-влак мутер. Йошкар-Ола: МарГУ, 1995. 626 с.

УДК 811.511.151

Н.В. Матросова
Марий кугыжаныш университет
(Йошкар-Ола)
Научный руководитель: ***Л.С. Матросова***
Марий кугыжаныш университет
(Йошкар-Ола)

В.М. ВАСИЛЬЕВЫН ШАНЧЕ ПАШАЛАШТЫЖЕ ГЛАГОЛЫН ВИДОВОЙ КЛАССШЕ-ВЛАК

Статья посвящена изучению лексико-грамматической категории видового класса глаголов в марийском языке. Автор статьи анализирует видовые классы составных глаголов, суффиксальные видовые классы в трудах В.М. Васильева, опираясь на теорию о категории вида и видовых классах в традиционной марийской грамматике. В работе большое внимание уделяется видовым значениям глаголов, а также проблеме существования категории вида глагола в современном марийском литературном языке.

Ключевые слова: *лексико-грамматическая категория вида, совершенный вид, несовершенный вид, видовые классы глаголов, суффиксы, составные глаголы, морфология, время, залог.*

The article is devoted to the study of the lexical and grammatical category of the aspectual class of verbs in the Mari language. The author analyzes aspectual classes of compound verbs, suffix aspectual classes in V.M. Vasiliev's works, based on the theory of aspectual category and aspectual classes in the traditional Mari grammar. The research pays great attention to the aspectual meanings of verbs, as well as the problem of the existence of the category of verb aspect in the modern Mari literary language.

Key words: *lexical and grammatical category of aspect, perfective, imperfective, aspectual classes of verbs, suffixes, compound verbs, morphology, tense, voice.*

Марий йылмышанчыште видовой класс нерген йодышым ятыр шанчыен тарватен. Кумдан палыме ученый-влакын шымлы-

машыштым ончалаш гын, палемдыме йодыш дене науко паша-влак тӱҥ шотышто йӱла почеш ончымо грамматикылан энгертен возымо улыт. В.М. Васильев [1; 2], З.В. Учаев [4] видовой класс але вид категорий улмо нерген йодышлан кугу тӱткышым ойыренат.

Мутлан, З.В. Учаев школышто марий йылмым туныктышовлаклан возымо учебный пособийыштыже, марий глаголын вид категорийже нерген ойлаш ок лий манын, умылтарен сера [4, с. 57]. Шанчыеҥ 1985 ийыште, Б.А. Серебренниковын [3] вид да жап категорий-влак нерген возымо пашажлан энгертен, марий йылмыште видовой класс нерген гына ойлаш лиеш манын, негызла [4].

Чынак, марий глагол суффикс але вес мут полшымо дене действийын пытаралтмыжым, шуйнымыжым, пытаралтдымыжым, ик гана але шуко гана ышталтмыжым ончыктен кертеш. Лачак глаголын тыгай ойыртемлажым шотыш налын, ВМ. Васильев марий глаголым руш глагол дене таҥастара да вид категорий шотышто тудо жаплан келшышын шке шонымашыжым марий йылме грамматике дене возымо книгалашкыже пурта [1; 2].

Палемдыман, В.М. Васильев шке грамматикыштыже вич тӱрлӧ вид категорийым палемден: совершенный, несовершенный, однократный, многократный да «продолженного действия» [2, с. 53]. Шанчыеҥ глаголын кызытсе жапшым да тиде морфологий категорийын иканаште совершенный ден несовершенный видым ончыктен кертмыжым умылтарен серен, мутлан: *Изе гынай самовар, ший самовар, и ямле. Тулде-вӱдде* ***шолылда,*** *ай шонет мо?* ‘Маленький самовар, серебряный самовар, это приятно. Думаешь ли, что закипает он без огня и без воды?’. ***Шолылда*** глагол совершенный да несовершенный видым ончыкта да ‘закипает, закипит’ значенийлам почеш манын, сера [2, с. 52].

Эртыше жапыште глаголын иканаште совершенный да несовершенный видыште лийын кертмыжым тыгай пример-влак дене пенгыдемда, мутлан:

Йӧыдалем ***тӱганыш****, жалат огыл,*
Керемже ***кодо****, пешат жал.*
Ватемже ***колыш****, жалат огыл,*
Шочшыжо ***кодо****, пешат жал.*

‘Лапти мои износились, (этого) не жаль,

Веревочки остались, очень жаль.

Жена моя умерла, (этого) не жаль,

Дитя от нее осталось, очень жаль’. (Из дореволюционного фольклора). [2, с. 52].

Але вес примерыште:

*Язужым **серальым** ноймешке,*

Вич парням-влак-лай шуммешке [2, с. 52].

‘Писала письмо я до устали,

До онемения пяти моих пальцев’.

Серальым иканаште кок (совершенный да несовершенный) видшымат ончыктен кертеш манын, воза В.М. Васильев.

Марий шымлызын шонымыж почеш, койыш мутын (глаголын) вид да вид оттенкыже-влак действийын, состоянийын койышыжым палемдаш полшат.

Однократный вид ик гана але писын ышталтше действийым ончыкта, палемда автор. Тиде видын ышталтме йӧнжылан *-ал* суффиксым шотла, мутлан: *кычкырем* ‘*кричу*’ – *кычкыралам* ‘*крикну*’; *удырем* ‘*царапаю*’ – *удыралам* ‘*царапну*’; *шӱкем* – ‘*толкаю*’ – *шӱкалам* ‘*толкну*’ да т.м. [2, с. 53].

Тыгак шанчыең действийын шуко гана ышталтмыжым ончыктышо видым палемден да ышталтме йӧнжылан тыгай суффикс-влакым ончыктен: *-ед*, *-эд*, *-ыл*, *-кал*, *-ышт*. Мутлан: *мием* ‘иду (туда)’ – *миедем* ‘иду многократно’; *пуэм* ‘даю’ – *пуэдем* ‘раздаю’ и т.д. Шуко гана ышталтше действийын аффиксше пешак кугун ок кучылталт манын, науко пашаште палемдыме [2, с. 53].

Визымше видшым В.М. Васильев «вид продолженного действия» лӱмден. Тиде видын значенийжылан кужун шуйналтше, пытаралтдыме ыҥым ончыктен, мутлан: *Клава шӱртыжым эрсек йолден шогылтеш* ‘Клавдия с утра навивает нитки на мотовило’. *Тайра таче кечыгут пӧртым мушкын кия* ‘Дарья сегодня весь день моет пол’ [2, с. 54].

Палемдаш кӱлеш, шанчыең 1927 ийыште савыкталтше грамматикыште понудительный видымат ойырен. Шӱдымаш гоч мо ышталтеш гын, автор тудым грамматикыште понудительный вид манаш келыштарен [1].

Ученый, понудительный вид кызытсе жап мут тӱҥыш тыгай мут мучаш-влак ешаралтме дене лиеш манын, воза: *-ктем*, *-ыктем*, *-дэм*, *-тэм*, *-дарем*, *-тарем*, *-ыктарэм*, *-тарыктэм*. Мутлан: *йӱам* ‘пью’ – *йӱктем* ‘напою, (заставляю пить)’; *ончем* ‘смотрю’ – *ончыктэм* ‘показываю (заставляю смотреть)’, *корањам* ‘сторонюсь’ – *корањдэм* ‘заставляю сторониться’ и т.д. [1, с. 44].

Кызытсе марий литератур йылмыште ме тиде ойырымо категорийым субъект ден объект дек действийын отношенийжым ончыктышо грамматике категорийлан шотлена.

Марий грамматикым шымлымаште тиде негызлымашат залогым умылымаште посна сай лектышым пуэн.

Марий койыш мут иканаште совершенный ден несовершенный видым ончыктен кертеш манме нуным ойыркалаш полшышо нимогай йӧн укелык нерген шижтара. Тидын нергенак воза З.В. Учаев [4]. Тугеже, марий йылмыште тачысе кечын нине кок видым руш йылмысе семын ме ончыктышаш огынал.

Руш йылмыште чыла койыш мутым совершенный ден несовершенный видлан шеледен кертына. Тыште койыш мут жап дене вашталтме гаяк вид денат вашталтеш. Марий йылмыште гын тыге ышташ ок лий.

Марий йылмыште В.М. Васильевын ончыктымо суффикс-влак чыла глаголыш ешаралт огыт керт але полшышо глагол-влакат чыла койыш мут пелен огыт каласалт.

Кӱшнӧ ончыктымо суффикс ден полшышо глагол-влак посна глагол тӱшкаште гына пытаралтше але кужун шуйналтше, кӱчык жап але писын ышталтше, шуко гана ышталтше ыҥ-влакым почыт.

Палемдыман, В.М. Васильев марий йылмышанчыште действийын кузе ышталтмыжым, койыш мутын ыҥжым умылтарымаште кугу негызым пыштен. Суффикс да полшышо глагол-влакын действий значенийын вашталтмаштыже кугу сомылым шуктымыштым келгын умылтарен серен.

Вет лач нине ойыртем-влакым шымлаш тӱҥалмылан кӧра ме таче вид да видовой класс нерген умылымаш-влакым марий йылмышанчыште чын ойырен моштена.

ЛИТЕРАТУР

1. *Васильев В.М.* Элементарная грамматика марийского языка. Пособие при изучении марийского языка. Краснококшайск: Изд. Мар. Обл. отд. нар. образования, 1927. 76 с.

2. *Васильев В.М.* Материалы по грамматике марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1958. 88 с.

3. *Серебренников Б.А*. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 300 с.

4. *Учаев З.В.* Марий йылме. Кокымшо ужаш. Факультатив. занятийым эртарыме учеб. пособий. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 183 с.

УДК 811.511.151

Н.В. Матросова
Марий кугыжаныш университет
(Йошкар-Ола)
Научный руководитель: ***Л.С. Матросова***
Марий кугыжаныш университет
(Йошкар-Ола)

В.М. ВАСИЛЬЕВЫН ШАНЧЕ ПАШАШТЫЖЕ НАРЕЧИЙ

Статья посвящена изучению наречия в марийском языке. Автор статьи анализирует данную морфологическую категорию в трудах В.М. Васильева, опираясь на теорию о знаменательных частях речи в традиционной марийской грамматике. В работе большое внимание уделяется семантическим, морфологическим, синтаксическим особенностям, а также проблеме словообразования данной морфологической категории.

Ключевые слова: *наречие, морфологическая категория, суффиксы, морфология, части речи, обстоятельственные наречия, определительные наречия.*

The article is devoted to the study of adverbs in V.M. Vasiliev's works. The author analyzes this morphological category based on the theory of notional parts of speech in the traditional Mari grammar. The work

pays great attention to semantic, morphological, syntactic features, as well as the problem of word formation of this morphological category.

Key words: *adverb, morphological category, suffixes, morphology, parts of speech, circumstantial adverbs, determinative adverbs.*

Кызытсе марий литератур йылмыште наречий нерген ятыр шанчыең йодышым тарватен. Туге гынат кумдан палыме ученый-влакын шымлымашыштым ончалаш гын, тӱҥ шотышто йӱла почеш ончымо грамматикылан энертен возымо улыт. В.М. Васильев [1], «Современный марийский язык. Морфологий» [3] книган авторжо-влак, З.В. Учаев [2] наречий теме дене ятыр у шанче шонымашым возеныт.

1927 ийыште савыкталтше книгаштыже моло ойлымаш ужашвлак дене пырля В.М. Васильев [1] наречийымат шымлен, тиде морфологий категорийын умландарыше член семын вашлиялт кертмыжым тудо палемден. Кызытсе марий литератур йылмыште наречий тӱҥ шотышто синтаксис пале дене келшышын умландарыше член семын вашлиялтеш.

Палемдыман, тачысе кечын наречий предложенийыште моло тӱрлӧ членат лийын кертеш:

– определений, мутлан: *Тыште* ***марла*** *книгам ужалат.* ***Рушла*** *капкам почын пурем.* ***Ваштареш*** *пӧртыштӧ ковам ила* да т.м.;

– сказуемый, мутлан: *Чылажат тыште* ***ӱяк-мӱяк****. Толам –* ***шкетын****, каем –* ***шкетын****.*

Лӱм мут семын кучылталтше наречий подлежащий ден дополненият лийын кертеш. Тидын нерген З.В. Учаев возен [2, с. 112].

«Элементарная грамматика марийского языка» пашаштыже В.М. Васильев падеж нерген йодышым тарвата да, «верым умылтарыше умландарыше член наречий» южо падеж дене вашталт кертеш манын, сера. Авторын шонымыж почеш, *тыште* да *тушто* наречий-влак падеж дене вашталтыт. Мутлан, местный падеж: *кушто*? – *Тыште*. Обстоятельственный падеж: *кушан*, *кушак*, *кушагын*, *кужаг*, *кужагын*? – *Тышан, тышак, тышагын, тыжак, тыжакын*; вход-

ный: *кушко*? – *Тышке* [1, с. 52]. Исходный: *кушеч*(*ын*), *кужеч*(*ын*), *кувэч*(*ын*)? – *Тыжэч*(*ын*), *тышэч*(*ын*), *тывэч*(*ын*) [1, с. 53].

Мутат уке, локативный падеж-влакым умылтарыме годым автор ятыр шомакым эрвел диалект гыч пуртен: *кушак*, *кушагын*, *кужаг*, *кужагын*, *тышак*, *тышагын*, *тыжак*, *тыжакын*, *кужеч*(*ын*), *кувэч*(*ын*), *тыжэч*(*ын*), *тышэч*(*ын*), *тывэч*(*ын*). Исходный падежым ме кызыт отдалительный (отделительный) манына. Ученыйын ончыктымо шомакше-влак олмештыш мут гыч наречийыш вонченыт, ожно нуно падеж формо лийынат.

Кызытсе марий литератур йылмыште нине наречий-влак падеж дене огыт вашталт, нунын падеж мучашыштат уке.

«*-лно*, *-лнӧ*, *-лнэ*, *-но*, *-нӧ*, *-шнӧ*, *-шне*» мучашан наречий-влак *ончылно*, *ӱлнӧ* наречий-влак семын падеж дене вашталтыт манын, палемда шанчыен, мутлан, местный падеж: *ончылно*, *ӱлнӧ*; обстоятельственный падеж: *ончылан*, *ӱлан*; входный падеж: *ончыко*, *ончылко*, *ӱлкӧ*; исходный падеж: *ончыч*(*ын*), *ӱлыч*(*ын*) [1, с. 53]. Нине наречий-влакат локативный падеж формыла гычак лийынат. Кызыт нунат обстоятельственный наречий тӱшкашкак пурат. Падеж морфеме-влак грамматике формым огыл, а у шомакым ыштышылан шотлалтыт.

Дательный, местный да обстоятельственный падеж-влакын мучашыштым жапым умылтарыше наречий налын кертеш, тыгай наречий пуйто нине падеж-влак дене вашталтеш манын, сера ученый. Мутлан: ***вараш*** *кодын* ‘опоздал’; ***кызытэш*** *сита* ‘на этот раз достаточно’; ***кунамлан*** *толыда* ‘к какому времени придете?’; ***эрлалан*** *шуына* ‘к завтрашнему дню поспеем’; **ик канаште** пыта мо ‘кончится ли за раз?’ [1, с. 53].

Кызытсе марий литератур йылмыште наречий-влакын виянгме корныштым умылтараш, ойлымаш ужаш-влакым чын палемдаш, тӱшкалаш кугу надырым марий шымлызе В.М. Васильев пыштен.

Нине темпоральный значениян шомак-влак наречий тӱшкаште улыт. Лӱм мут ден олмештыш мут-влак, ожнысо падеж формышт дене кӱэмалт шинчын, наречийыш кусненыт. Тыгак посна наречийлашке падеж морфеме-влак ешаралтын, жап значенийым утларак палемден почын пуаш полшат.

Действийын кузе ышталтмыжым, жапым да верым ончыктышо наречий-влакын танастарыме да превосходный степеньышт уло:

– простой танастарыме степень: *Таче тунемаш* ***ондакрак*** *каена. Йоча* ***сайынракын*** *лудаш тӱналын. Ковам* ***чулымракын*** *тарванылеш;*

– сложный форман танастарыме степень: *Ынде* ***утларак келгын*** *тунемаш тӱнальым. Тунемше таче* ***утларак сайын*** *вашештен. Йолташем* ***утларак порын*** *мутланен;*

– превосходный степень: *Ече дене танасымаште рвезе* ***эн писын*** *мунчалтен. Йоча таче* ***эн моторын*** *куштен. Почеламутым* ***эн сылнын*** *каласкаленам.*

Васильев В.М. эше 1927 ийыште верым да жапым ончыктышо кок наречийын простой танастарыме степеньыштым чын ончыктен, мутлан: *мӱндырнӧ – мӱндырнырак – пэш мӱндӱрнӧ*; *вашке – вашкерак – пэш вашке* [1, с. 53].

Палемдаш кӱлеш, ***пеш*** шомак – мера да степень наречий, признакын шуко але шагал, действий але состоянийын виян але лушкыдо улмыжым умылтара. Кызытсе марий литератур йылмыште ***пеш*** мут наречийын танастарыме степеньжым ышта манын огына керт.

Иктешлен каласаш гын, В.М. Васильев марий йылмышанчыште наречийым семантике, морфологий, синтаксис да мут ышталтме пале-влак негызеш умылтараш моткоч сай шанче материалым серен коден.

ЛИТЕРАТУР

1. *Васильев В.М.* Элементарная грамматика марийского языка. Пособие при изучении марийского языка. Краснококшайск: Изд. Мар. Обл. отд. нар. образования, 1927. 76 с.

2. *Учаев З.В.* Марий йылме. Кокымшо ужаш. Факультатив. занятийым эртарыме учеб. пособий. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 183 с.

3. Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 324 с.

УДК 811.511.1

Н.М. Мосина
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва
(г. Саранск)

СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В ЭРЗЯНСКОМ И ФИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена исследованию глаголов речи эрзя-мордовского и финского языков на основе их семантических характеристик, описанию особенностей их функционирования на материале текстов различных жанровых и функциональных стилей. Несмотря на значительное количество исследований в этой области, глагольная лексика говорения все еще остается недостаточно изученным фрагментом языковой картины мира, особенно в сравнительном контексте.

Ключевые слова: *семантика, глаголы речи, эрзянский язык, финский язык.*

The article is devoted to the verbs of speech study in the Erzya-Mordovian and Finnish languages on the basis of their semantic characteristics and the description of their functioning in the texts of various genres and functional styles. Despite a significant amount of research in this area, the verbal vocabulary is still an insufficiently studied fragment of the linguistic view of the world, especially in a comparative context.

Key words: *verbs of speech, semantics, the Erzya language, the Finnish language.*

Глаголы говорения – это лексические единицы, используемые для обозначения различных процессов речевой деятельности человека. В художественном тексте эти глаголы сопровождают реплики героев или используются для описания особенностей их речи. Они могут указывать на жанр высказывания, определять характер

прямой речи и при этом выполняют в тексте ряд важных функций – информационную, эмоциональную, апеллятивную (директивную). Научная новизна данной работы заключается в том, что несмотря на наличие большого количества работ, посвященных изучению лексико-семантической группы глаголов речи в различных языках, в том числе в сравнительном и сопоставительном планах, отмеченные лексические единицы не становились объектом сравнительного анализа на материале эрзянского и финского языков. Кроме того, многие аспекты данной лексико-семантической группы еще окончательно не решены и остаются дискуссионными. В данной работе мы посчитали возможным провести сравнительный анализ глаголов говорения в эрзянском и финском языках, а именно проанализировать семантические значения глаголов речи, выявить оттенки выражаемой ими речевой деятельности.

Несмотря на значительное количество исследований в этой области, глагольная лексика говорения все еще остается недостаточно изученным фрагментом языковой картины мира, особенно в сравнительном контексте. Актуальность изучения глаголов с речевой семантикой определяется недостаточно полным описанием функционирования данных единиц в эрзянском языке. Также в силу сложности и специфичности функционирования глагольной лексики речевой деятельности существует ряд вопросов, требующих дополнительного подтверждения языковыми примерами на материале финского языка.

В лингвистике исследование глаголов говорения (глаголов речи, коммуникативных глаголов) проводилось по разным направлениям, отечественные и зарубежные ученые ставили перед собой разные задачи. Данный класс глаголов изучался с точки зрения их лексической и грамматической семантики, с точки зрения исследования синтаксических свойств данных глаголов, на функциональном уровне, в аспекте соотношения мышления и речи, с точки зрения логико-семантических свойств глаголов речи [2, с. 132].

Лексико-семантическая группа глаголов говорения достаточно широко представлена во многих языках, так как именно эти глаголы отражают важнейшую потребность человека – потребность

в общении. Данная группа глаголов обладает сложной семантической структурой, глаголы чаще всего многозначны, и с этой их особенностью связаны так называемые «оттенки значений» и употребление в текстах различных стилей [2, с. 105]. Основная функция глаголов речи – введение чужой речи в конструкциях с сентенциальными актантами – показывает главное свойство данного класса глаголов: они являются типологически широко распространенным источником грамматикализации [5, с. 99].

По подсчетам лингвистов, общее количество ядерных и периферийных глаголов речевой деятельности, функционирующих в современном русском языке, составляет около тысячи единиц. На периферии рассматриваемой группы глаголов находятся единицы, образованные путем метафоризации глаголов, обозначающих: крики животных; шум, грохот, журчание и т.п.; движение и механические действия.

Проблема лексико-семантической группы глаголов говорения в общем языкознании освещена на сегодняшний день достаточно полно. Этой теме посвящено множество научных трудов на материале различных языков. Наиболее известные имена ученых, работающих в этой области: Л.М. Васильев, А. Вежбицкая, З.В. Ничман и др. [3; 4; 9]. Почти все исследователи данной микросистемы затрагивают проблему классификации глаголов говорения. Ввиду разнородности данной группы глаголов ее классификация представляет определенные трудности. Эти трудности объясняются, в частности, многообразием связей с целым рядом других соприкасающихся семантических групп глаголов, а также тем, что она не имеет единого общего формального признака [10, с. 166].

Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению глаголов речи на материале индоевропейских языков, данная лексико-семантическая группа недостаточно глубоко раскрыта в финно-угорских языках. Так, в частности на материале мордовских и марийского языков, глаголы речи исследуются в работе А.П. Кочеваткиной [6] и др. [8]. А.Е. Беликова в своей работе «Глаголы звучания в финском языке» составляет классификацию, в которой среди

прочих выделяет группу глаголов, обозначающих звуки, издаваемые человеком. Всего классификация насчитывает три группы глаголов [1, с. 18].

Материалом исследования послужили тексты различных жанровых и функциональных стилей, в т.ч. печатные средства массовой информации, издания научного и учебно-методического характера, разнообразные диалектные и фольклорные тексты, включенные в состав лингвистических корпусов Korp [11] и MokshEr [14]. Также источниковой базой послужили вербальные единицы и иллюстративные примеры, полученные в результате сплошной и частичной выборки из толковых и двуязычных словарей эрзянского и финского языков [12; 13].

Проведенный анализ исследований данной группы глаголов и отсутствие универсальной классификации глаголов говорения позволяют нам предложить собственную классификацию, на основе которой представляется возможным изложить глаголы речевой деятельности эрзянского и финского языков. Классификация включает пять групп, отражающих как основную семантику речевой деятельности, так и различные оттенки рассматриваемой семантической категории. Содержащиеся в представленных примерах глагольные единицы эрзянского и финского языков обладают максимально близкой семантикой речевой деятельности.

1. Глаголы, характеризующие внешнюю сторону устной или письменной речи: глаголы, обозначающие акт говорения в его общем виде; глаголы, отражающие особенности, манеру, способ произнесения речи; глаголы звукоподражания, глаголы жестикуляции и мимики.

1) *Кувать* ***кортнесть*** *ялгатне мезде-бути салава* [14] ‘Долго **говорили** друзья о чем-то тайно’.

2) *Дегустатортнэ, кода бу теть* ***меремс****, мездеяк истямодо а ярсыть: а чапамодо, а сэпейде, а саловдо* [14] ‘Дегустаторы, как бы тебе **сказать**, ничего такого не едят: ни кислого, ни горького, ни соленого’.

3) *Siksi voidaan **puhua** esimerkiksi valtion, kotitalouksien, kuluttajien ja itsen ohjauksesta* [11] ‘Поэтому можно **говорить** об управлении государством, домохозяйствами, потребителями и, например, самим собой’.

4) *Voidaan **sanoa**, että maat, joissa oli dynaamiset taloudelliset rakenteet ja instituutiot, pärjäsivät paremmin kuin maat, joissa oli sosiaalisesti painottunut jäykkä järjestelmä* [7] ‘Можно **сказать**, что страны с динамичными экономическими структурами и институтами жили лучше, чем страны с жесткой социальной системой’.

2. Глаголы, характеризующие содержание мысли, выражаемые посредством устной или письменной речи.

1) *Кинень лиянень седей ризксэнзэ **ёвтасы**, бути а шабранстэнь?* [14] ‘Кому другому сердечную боль **выскажет**, если не соседу (своему)?’.

2) *Ды кинень **кардамс**?* [14] ‘Да кому **запрещать**?’.

3) *Tässä tutkielmassa tarkastelen heidän ehdotuksiaan ja **esitän**, että molempiin liittyy joitakin ongelmia* [11] ‘В этой диссертации я рассматриваю их предложения и **излагаю**, что есть некоторые проблемы’.

4) *Minun käytöstäni saat paheksua mutta sinä et voi **kieltää** minua ajattelemasta* [11] ‘Вы будете возмущены моим поведением, но вы не можете **запретить** мне думать’.

3. Глаголы, характеризующие коммуникативную сторону речи, речевое взаимодействие и контакт. В этот класс входят глаголы, которые в своем значении предполагают наличие не одного, а как минимум двух лиц-собеседников, обмен информацией. В семантику глаголов входит указание на взаимодействие речевых действий в составе речевого акта.

1) *Авам натой авардсь, тетямгак **сёвнось** эйсэст* [14] ‘Мама (моя) даже плакала, и отец (мой) тоже **ругал** их’.

2) *Секс сон **кенгели** теть, бутo мон а ознан тензэ* [14] ‘Поэтому он **врет** тебе, будто я не молюсь ему’.

3) *En ollut ihan varma, mutta en halunnut **riidellä** kaupassa* [11] ‘Я не был уверен, но не захотел **спорить** с ней посреди магазина’.

4) *Не eivät voi **valehdella** siitä kaikkien edessä* [7] ‘Они никогда не смогут **лгать** об этом на глазах у всех’.

4. Глаголы со значением волеизъявления. Эта подгруппа содержит глаголы со значением приказания, побуждения, просьбы.

1) *Мон **а кармавтан** тонь цёрынень марто аштеме* [14] ‘Я **не заставляю** тебя с этим мальчиком сидеть’.

2) *Вешнесть-тейсть, кинь **аравтомс** тарказонзо* [14] ‘Искали, кого **назначить** на его место’.

3) *Silloin heitä ei voisi **pakottaa** työhön* [11] ‘Поэтому их нельзя **заставить** работать’.

4) ***Määrää**, että leiri puretaan ja miehet lähtevät marssiin* [11] ‘**Прикажи**, чтобы разбили лагерь, и мужчины отправятся в поход’.

5. Глаголы со значением эмоционального отношения и оценки. Сюда входят глаголы, обозначающие эмоции, чувства, ощущение говорящего, выражающие при этом эмоциональное отношение субъекта речи к какому-либо другому лицу.

1) *...**сёвнынь** эсь прям* [14] ‘… я **ругал** самого себя’.

2) *Саты теть мекев-васов чийнемс, – чевтестэ **музгордезевсь*** [14] ‘Хватит тебе бегать туда-сюда, – мягко **заворчал**’.

3) *Se on teidän syynne, neiti, että isäni minua **toruu*** [11] ‘Из-за вас, сударыня, батюшка **бранит** меня’.

4) *Tällä kertaa ämmä kuuli ja alkoi **jupista*** [11] ‘На этот раз старуха услышала и стала **ворчать**’.

Проведенный анализ глаголов речи позволил нам предложить собственную классификацию данной лексико-грамматической группы, а также выявить глагольные лексемы с наиболее близкой семантикой в эрзянском и финском языках.

Результаты исследования позволяют наметить некоторые перспективы дальнейшего изучения глаголов речи в близкородственных языках с целью выявления их отличительных свойств и оттенков значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беликова А.Е.* Семантика глаголов звучания в финском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 47 с.

2. *Братчикова Н.С.* Финский язык: справочник по грамматике. М.: Живой яз., 2010. 224 с.

3. *Васильев Л.М.* Семантические классы русского глагола чувства, мысли, речи: очерки по семантике русского глагола. Уфа: изд-во Башкир. гос. ун-та, 1971. 310 с.

4. *Вежбицка А.* Речевые жанры. Саратов: Ин-т рус. яз. и рус. лит. при филол. фак. Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 1997. С. 99–111.

5. *Зализняк А.А.* Глагол говорить: три этюда к словесному портрету. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 402 с.

6. *Кочеваткина А.П.* Глаголы речевой деятельности в контексте одушевленности-неодушевленности в мордовских и марийском языках // Интеграция образования. 2004. № 2. С 175–177.

7. *Мосина Н.М.* Структура финского языка (Фонетика и морфология имён). Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2004. 87 с.

8. *Мосина Н.М., Еремочкина Л.А.* Актантная структура и семантика глаголов речевой деятельности в эрзянском и финском языках // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Новосибирск. 2020. Т. 1 (51). № 12. С. 204–207.

9. *Ничман З.В.* Глаголы речевого общения в современном русском языке // Лексико-семантические группы современного русского языка: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1985. 189 с.

10. *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.

11. *KORP*: Kielipankki The Language Bank of Finland (The Concordance Search Tool): Helsinki, 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kielipankki.fi/ (дата обращения: 09.09.2022).

12. *Sanakirja.org*: онлайн-словарь. Helsinki, 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sanakirja.org/ (дата обращения: 24.09.2022).

13. *SuomiSanakirja.fi*: онлайн словарь финского языка: сайт. Helsinki, 2019. URL: http://www.suomisanakirja.fi/raha (дата обращения: 24.09.2022).

14. *Syatko*: лит.-худож. и обществ.-полит. журн. 2008. № 1–12. [Электронный ресурс]. URL: MokshEr. Turku, 2010.

УДК 811.511.13

Г.А. Некрасова
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН
(г. Сыктывкар)

СТАТУС ПРОЛАТИВНЫХ СУФФИКСОВ В ПЕРМСКИХ ЯЗЫКАХ: ПАДЕЖ ИЛИ ФОРМА*

Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования пролативных суффиксов в коми и удмуртском языках. Выявлено, что в коми-зырянском языке пролативные суффиксы различаются по морфологическому выражению, ареалу распространения, семантически. Определены основные тенденции употребления и факторы выбора пролативных суффиксов в удмуртском языке.

Ключевые слова: *пермские языки, падеж, пролатив, транзитив, просекутив.*

The paper discusses the features of prolative suffixes functioning in the Komi and Udmurt languages. It is revealed that in the Komi-Zyryan language, the prolative suffixes semantically differ in their morphological expression and distribution area. The main trends of usage and factors of choice of prolative suffixes in the Udmurt language are determined in the research.

Key words: *the Permian languages, case, prolative, transitive, prosecutive.*

При установлении статуса падежного суффикса важным является определение его семантики, сложность которой нередко затрудняет интерпретацию и терминологическое описание спорной языковой единицы, особенно, если в составе падежей имеются конкурентные формы и за их выбором стоят отдельные семантические

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

различия. Решение вопроса, являются ли два падежных суффикса с отсутствием явных различий в их семантике вариантами одного падежа или показателями двух отдельных падежей, зависит от их семантической совмещенности. В описаниях падежей пермских языков обращают на себя внимание два обстоятельства: неоднозначная интерпретация статуса ряда суффиксов и различие в семантической структуре суффиксов одного и того же падежа (подробнее см.: [12–16]). Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования пролативных суффиксов в коми и удмуртском языках.

Источником материала исследования послужили тексты из Корпуса коми языка* (далее – ККЯ) и Корпуса удмуртского языка** (далее – КУЯ). Статья состоит из двух частей: в первой излагаются пролативные суффиксы коми-зырянского языка, во второй – пролативные суффиксы удмуртского языка.

1. В коми-зырянском языке параллельно функционируют два форманта, выражающих траекторию движения: суффикс со структурой CV (*-mi)* и суффикс со структурой VC (*-öд*), различающийся в диалектах огласовкой. Суффикс со структурой VC распространен в большинстве коми диалектов (типично для северо-западных: нижневычегодского, удорского, ижемского, вымского, а также лузско-летского), спорадически представлен в верхнесысольском диалекте. Суффикс со структурой CV характерен для центральных и южных диалектов, последовательно функционирует в верхнесысольском диалекте [1, с. 117–118; 17, с. 122–123]. В вымском и ижемском диалектах суффикс *-mi* содержится в составе послелогов [6, с. 56; 19, с. 44]. В древнекоми текстах пролатив представлен суффиксами *-öд*, *-ыд: лэбанöд, лэбаныд* (Е 36) ‘по воздуху’; суффикс *-mi* обнаруживается только в послелогах: *ас вэрид* ***вылти*** *ин мун* (Тр. 3) ‘не мини раба своего (‘через раба (по рабу) своего не иди’)’ [10, с. 105].

В пермском языкознании не существует общепринятого синхронного истолкования пролативных суффиксов коми-зырянского языка: они трактуются как показатели одного падежа (при этом

* http://www.komicorpora.ru/

** http://udmurt.web-corpora.net

иногда указывается некоторое различие в их употреблении [2, с. 53; 12, с. 145; 16, с. 134–140; 13, с. 127]) и как показатели двух самостоятельных падежей – транзитива (суффикс *-mi*) и просекутива (суффикс *-öд*), что типично для зарубежного финно-угорского языкознания [9, с. 89–90; 21, с. 125; 22, с. 107; 26; 27, с. 99–102; 28; 29, с. 152–159], в некоторых работах приводится только один из пролативных суффиксов (*-öд*) [18, с. 19, 109; 23, с. 22; 25, с. 10]. Основанием для неоднозначной интерпретации суффиксов являются наличие структурно различных суффиксов и их семантическое сходство. Согласно Д. Лако, различие между суффиксами заключается в следующем: «Предложения с просекутивом выражают курсивное действие, временные и пространственные границы которого являются неопределенными. В предложениях с транзитивом выражается терминативный аспект действия. Просекутив имеет пролативное значение, транзитив обозначает протекание действия в определенном пункте или на ограниченном пространстве, а также действие, ограниченное в пространственном и временном отношении. Он часто употребляется как простой местный падеж и выражает определенное направление» [26, с. 219–243]. Э. Васойи полагал, что пролативные суффиксы коми-зырянского языка различаются по морфологическому выражению и ареалу распространения [28, с. 47–85].

В целях определения статуса пролативных суффиксов – являются ли они в современном языке вариативными суффиксами одного падежа или формантами двух отдельных падежей – на материале ККЯ были проверены два фактора, которые, согласно предыдущим исследованиям, регулируют выбор суффиксов: лексическая сочетаемость суффиксов и их связь с глаголом.

Для уточнения сочетаемости суффиксов были выбраны наиболее характерные контексты их употребления – существительные со значениями ‘путь сообщения’, ‘проем, отверстие’, ‘ограниченный участок пространства’, которые, согласно типологическим исследованиям, являются типичными контекстами пролативных падежей со значениями маршрута движения, прохода и сцены [3]. Как показывает материал из ККЯ (результаты продемонстрированы в табл. 1–3; дата обращения: 17.10.2018), оба суффикса могут сочетаться со

всеми взятыми для рассмотрения существительными, значит, могут употребляться в значениях маршрута движения, прохода и сцены, но частотность их употребления значительно различается.

Таблица 1

Частотность употребления пролативных суффиксов с существительными со значением ‘трасса’

Существительное	Суффикс *-öд*	Суффикс *-ті*
Туй ‘дорога’	1903	101
Пос ‘мост’	221	22
Ордым ‘тропа’	197	35
Улич(а) ‘улица’	128	96
Ю ‘река’	90	19
Всего	2539 (90 %)	273 (10 %)

Таблица 2

Частотность употребления пролативных суффиксов с существительными со значением ‘отверстие, проем’

Существительное	Суффикс *-öд*	Суффикс *-ті*
Öшинь ‘окно’	875	10
Öдзöс ‘дверь’	554	43
Розь ‘щель’	168	22
Труба ‘труба’	45	10
Всего	1642 (95,1 %)	85 (4,9 %)

Таблица 3

Частотность употребления пролативных суффиксов с существительными со значением ‘ограниченный участок пространства’

Существительное	Суффикс *-öд*	Суффикс *-ті*
Вöр ‘лес’	483	313
Парма ‘тайга’	113	211
Сикт ‘село’	100	11
Тундра ‘тундра’	89	145
Нюр ‘болото’	61	12
Всего	846 (55 %)	692 (45 %)

При выражении значений маршрута движения и прохода суффикс *-mi* заметно уступает суффиксу *-öд* (табл. 1–2); при выражении значения сцены, т.е. при указании на ориентир, в пределах которого происходит движение, суффиксы могут свободно варьировать (табл. 3). Однако подавляющее большинство существительных оказывается оформленным с суффиксом *-öд*, исключение составили единичные имена со значением ‘ограниченный участок пространства’ – ‘тундра’, ‘тайга’, с которыми чаще использован суффикс *-mi.*

Для уточнения семантической совмещенности суффиксов проверено также употребление пролативных суффиксов в значении точки приложения. Поиск по ККЯ показал, что это значение в коми-зырянском языке выражается суффиксом *-öд* (табл. 4).

Таблица 4

Частотность употребления пролативных суффиксов в значении точки приложения

Существительное	Суффикс *-öд*	Суффикс *-mi*
Ки ‘рука’	1895	8
Пельпом ‘плечо’	728	8
Юрси ‘волосы’	447	4
Бöж ‘хвост’	227	5
Голя ‘шея’	222	11
Мыш ‘спина’	121	22
Гез ‘веревка’	28	–
Всего	3668 (98,4 %)	58 (1,6 %)

Одним из факторов, определяющих выбор падежного суффикса, согласно Д. Лако, является аспектуальная характеристика глагола: просекутив употребляется при глаголах, выражающих курсивное действие, транзитив – при терминативных глаголах. Поскольку существует различное истолкование терминов *курсивные* и *терминативные глаголы* [11, с. 389–390], необходимо отметить, что *курсивным* является глагол, который выражает действие, не направленное на достижение предела, не содержащее в своей семантике указания на завершение действия. *Предельным* является глагол, который в своей семантике содержит указание на реальное достижение

предела, «предел может мыслиться либо как достигнутый <…>, либо как «маячащий в перспективе», хотя реально в данном акте действия еще не достигаемый» [11, с. 389]. Ввиду того что пролативные суффиксы используются без ощутимого количественного преимущества в ту или другую сторону, примерно одинаково при выражении значения сцены, для определения того, влияет ли на выбор падежного суффикса аспектуальная характеристика ситуации, были проанализированы контексты (558 предложений), в которых траектория движения выражается существительными ‘тайга’ и ‘тундра’ (табл. 5). В таблицу включены глаголы, которые были использованы более трех раз [дата обращения: 17.10.2018].

Таблица 5

Глагол и выбор пролативных суффиксов при оформлении существительных ‘тайга’ и ‘тундра’

Глаголы	Суффикс *-ӧд*	Суффикс *-mi*
Мунны ‘идти’	28	25
Ветлӧдлыны ‘ходить’	22	50
Ветлыны ‘ходить’	18	76
Кытшлавны ‘обходить’	14	9
Шӧйтны ‘бродить’	12	12
Восьлавны ‘шагать’	10	16
Писькӧдчыны ‘пробираться’	9	6
Котравны ‘бегать’	7	5
Новлӧдлыны ‘носить’	7	6
Келавны ‘бродить’	5	22
Уявны ‘бродить’	4	5
Визувтны ‘течь’	3	18
Лэбавны ‘летать’	–	10
Собавны ‘бродить’	–	7
Всего	139	267

Выяснилось, что при описании траектории движения оба суффикса употребляются преимущественно при глаголах, не содержащих в своей семантике указания на достижение предела. Это

глаголы, выражающие движение, которое совершается в разных направлениях либо регулярно повторяется в одном направлении: *ветлӧдлыны* ‘ходить’, *келавны* ‘бродить’, *котравны* ‘бегать’, *кытшлавны* ‘ходить, обходить вокруг’, *павъявны* ‘болтаться’, *ризъявны* ‘носиться вскачь, резвиться’, *собавны* ‘бродить’, *шавъявны* ‘болтаться, шататься’, *шӧйтны* ‘бродить’, *уявны* ‘бродить’. В количественном отношении оба суффикса используются примерно одинаково при глаголах *котравны* ‘бегать’, *новлӧдлыны* ‘носить’, *мунны* ‘идти’, *шӧйтны* ‘бродить’, *уявны* ‘бродить’. При глаголах *ветлӧдлыны* ‘ходить’, *ветлыны* ‘ходить’, *визувтны* ‘течь’ употребительнее оказывается суффикс *-mi*, чем суффикс *-ӧд*; более того, при глаголах *лэбавны* ‘летать’, *собавны* ‘бродить’ использован только суффикс *-mi*. Несмотря на отмеченные различия, выбор падежного суффикса не регулируется строгими грамматическими правилами. Таким образом, в современном коми-зырянском языке пролативные суффиксы различаются по морфологическому выражению, ареалу распространения, а также семантически. В литературном языке суффикс *-ӧд* употребляется в значениях маршрута движения, прохода, сцены и точки приложения, суффикс *-mi* – в значении сцены. Случаи употребления суффикса *-mi* в значениях маршрута движения, прохода и точки приложения можно объяснить смешением употребления пролативных суффиксов или сокращением функционирования суффикса *-mi.* Основываясь на полученных результатах, представляется возможным выделение в современном коми-зырянском языке двух морфологически самостоятельных падежей – пролатив I с суффиксом *-ӧд* и пролатив II с суффиксом *-mi.*

2. В удмуртском языке пролатив имеет вариативные суффиксы, различающиеся наличием/отсутствием инициального гласного и его качеством – *-тӥ, -этӥ*/*-етӥ, -ытӥ.* В парадигме единственного числа представлены все формы, во множественном числе – только формант *-тӥ.* В грамматических описаниях удмуртского языка все пролативные суффиксы рассматриваются как вариативные формы одного падежа, не имеющие семантических различий [4, с. 110; 5, с. 124; 7, с. 100–101; 22, с. 78]. Ш. Чуч подметил, что в значении

точки приложения употребителен только суффикс *-тӥ* [24, с. 187–187]. Н.В. Кондратьева указала на лексическую сочетаемость пролативных суффиксов: формант *-ытӥ* принимают единичные существительные, подвергшиеся в синхронии лексикализации (*нюлэс* ‘лес’, *сэрег* ‘угол’, *кус* ‘талия’ и др.), суффиксы *-тӥ, -этӥ/-етӥ* употребляются с лексемами, оканчивающимися на гласный и согласный [7, с. 194–195].

Для уточнения сферы употребления пролативных суффиксов удмуртского языка были выбраны те же контексты, что и при исследовании пролативных суффиксов коми языка – существительные со значениями ‘путь сообщения’, ‘проем, отверстие’, ‘ограниченный участок пространства’. Полученные результаты отражены в табл. 6–8.

Таблица 6

Частотность употребления пролативных суффиксов с существительными со значением ‘трасса’

Существительное	Суффикс *-тӥ*	Суффикс *-этӥ/-етӥ*	Суффикс *-ытӥ*
Сюрес ‘дорога’	219	24	–
Урам ‘улица’	82	80	–
Коридор	7	17	–
Шур ‘река’	5	4	–
Всего	313 (71,5 %)	125 (28,5 %)	–

Таблица 7

Частотность употребления пролативных суффиксов с существительными со значением ‘отверстие, проход’

Существительное	Суффикс *-тӥ*	Суффикс *-этӥ/-етӥ*	Суффикс *-ытӥ*
Укно ‘окно’	17	59	–
Капка ‘ворота’	12	10	–
Ӧс ‘дверь’	3	46	–
Пась ‘дыра, отверстие’	1	17	–
Всего	33 (20 %)	132 (80 %)	–

Таблица 8

Частотность употребления пролативных суффиксов с существительными со значением ‘участок пространства’

Существительное	Суффикс *-тӥ*	Суффикс *-этӥ/-етӥ*	Суффикс *-ытӥ*
Гурт ‘деревня’	7	41	–
Корка ‘дом’	7	5	–
Бусы ‘поле’	4	36	–
Луд ‘поле’	–	4	–
Тэль ‘лес’	–	7	–
Всего	18 (16,2 %)	93 (83,8 %)	
Нюлэс(к) ‘лес’	13 (20,6 %)	1 (1,6 %)	49 (77,8 %)

Как показал поиск по КУЯ, в современном удмуртском языке при выражении значения траектории движения активно используются суффиксы *-этӥ/-етӥ, -тӥ*, к определенным существительным привязан суффикс *-ытӥ*. С существительными со значениями ‘отверстие, проем’ и ‘ограниченный участок пространства’ предпочтительно употребление суффикса *-этӥ/-етӥ*; с существительными со значением ‘путь сообщения’ соотношение суффиксов колеблется. Так, например, суффиксы находятся в отношении свободного варьирования с существительными ‘река’ и ‘улица’, ‘ворота’, а со словом ‘дорога’ значительно реже используется суффикс *-этӥ/-етӥ*, но четкой последовательности в употреблении того или иного суффикса при выражении значения траектории движения не обнаружено. В отличие от коми-зырянского языка, в удмуртском наблюдаются сходство морфологического выражения значений прохода и сцены (суффиксы *-этӥ/-етӥ, -ытӥ*) и вариативность суффиксов при выражении значения маршрута движения. В значении точки приложения (при глаголах *кутыны* ‘держать’, *кыскыны* ‘тянуть’, *думыны* ‘привязать’) может использоваться только суффикс *-тӥ* (табл. 9), в коми-зырянском языке в аналогичных контекстах представлен суффикс *-ӧд*, который Э. Васойи идентифицирует с удмуртским суффиксом *-этӥ/-етӥ* [28, с. 68–69].

Таблица 9

Частотность употребления пролативных суффиксов в значении точки приложения

Существительное	Суффикс *-тӥ*	Суффикс *-этӥ/-етӥ*	Суффикс *-ытӥ*
Ки ‘руки’	125	–	1
Быж ‘хвост’	17	–	–
Пыд ‘нога’	10	–	–
Чырты ‘шея’	7	1	–
Йырси ‘волосы’	4	–	–
Кус ‘поясница’	3	–	–
Всего	163	1	1

Несмотря на это, явно прослеживается параллель в употреблении суффиксов. Как в коми-зырянском, так и в удмуртском языке один суффикс является доминирующим, в непространственном значении употребляется только один из суффиксов.

В современном удмуртском языке обнаруживается следующая тенденция к употреблению пролативных суффиксов:

-этӥ/-етӥ употребляется в пространственных значениях в парадигме единственного числа;

-тӥ употребляется в пространственных и непространственных значениях в обеих числовых парадигмах;

-ытӥ употребляется в пространственных значениях в парадигме единственного числа с очень ограниченной группой неодушевленных существительных.

При отсутствии свободного варьирования пролативных суффиксов в удмуртском литературном языке наблюдается определенный дрейф: тенденция к снижению функциональной нагрузки суффикса *-ытӥ,* его замена суффиксом *-тӥ* (ср. оформление существительных *нюлэс* ‘лес’, *кус* ‘поясница’), лексическая обусловленность суффикса *-ытӥ,* вариативные отношения суффиксов *-этӥ*/*-етӥ* и *-тӥ* в сочетании с некоторыми лексемами, при этом выбор суффиксов ничем не мотивирован. В удмуртском литературном языке решение о выделении двух и более пролативных падежей не представляет

практического интереса, имеющиеся семантические различия суффиксов в единственном числе не находят формального выражения во множественном числе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баталова Р.М.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. 168 с.

2. *Бубрих Д.В.* Грамматика литературного коми языка. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1949. 199 с.

3. *Ганенков Д.С.* Типология падежных значений: семантическая зона пролатива // Исследования по теории грамматики. М.: Рус. слов., 2002. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. С. 35–56.

4. Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.

5. *Емельянов А.И.* Грамматика вотяцкого языка. Ленинград: Изд-во Ленингр. вост. ин-та, 1927. 160 с.

6. *Жилина Т.И.* Вымский диалект коми языка. Сыктывкар: Пролог, 1998. 439 с.

7. *Кондратьева Н.В.* Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 255 с.

8. *Кузнецов Н.В.* Пространственная семантика местных падежей коми языка (когнитивный анализ). Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2012. 244 с.

9. *Лудыкова В.М., Некрасова Г.А., Попова Э.Н., Федюнева Г.В., Цыпанов Е.А.* Önія коми кыв. Морфология. Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 2000. 544 лб.

10. *Лыткин В.И.* Древнепермский язык: Чтение текстов, грамматика, словарь. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 174 с.

11. *Маслов Ю.С.* Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 840 с.

12. *Некрасова Г.А.* Варьирование падежных суффиксов в современном удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2000. Том 14. № 1. С. 25–32.

13. *Некрасова Г.А.* К вопросу о статусе вариативных форм эгрессива и инструменталя в диалектах коми-зырянского языка // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. Сыктывкар, 2001. С. 197–203.

14. *Некрасова Г.А.* Фонетическая структура слова и типы падежных алломорфов в коми языке // Linguistica Uralica. 2009. № 1 (XL). С. 9–22.

15. *Некрасова Г.А.* Семантика падежа: проблемы интерпретации (на материале коми диалектов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 4 (33). С. 125–129.

16. *Некрасова Г.А.* Изменения в падежной системе коми-пермяцкого языка XIX–XX вв. (по материалам письменных источников) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10, вып. 3. С. 7–16.

17. *Попова Р.П., Сажина С.А.* Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. 272 с.

18. *Савваитов П.И.* Грамматика зырянского языка. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1850. 168 с.

19. *Сахарова М.А., Сельков Н.Н.* Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. 288 с.

20. Современный коми язык. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. Ч. I: Фонетика, лексика, морфология. 312 с.

21. *Усачева М.Н.* Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках: дис. … канд. филол. наук. М., 2012. 295 с.

22. *Bartens R.* Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki, 2000. 376 s. (= MSFOu 238).

23. *Castrén M.A.* Elementa grammatices syrjaenae. Helsingforsiae, 1844. 166 p.

24. *Csúcs S.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 S.

25. *Gabelentz H.C.* Grundzüge der syrjänischen Grammatik. Altenburg, 1841. 75 S.

26. *Lakó Gy.* Zur Frage des permischen Prosekutivs und Transitivs // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki, 1950. Vol. 98. S. 219–243.

27. *Uotila T.E.* Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1933. 446 S. (= MSFOu 65).

28. *Vászolyi E.* Prolatívusz, 1okatívusz a zürjénben, a votjákban és a finnugor alapnyelvben // Nyelvtudományi Közlemények, Budapest, 1968. 70. köt. 1. szám. 47–85 old.

29. *Wichmann Y.* Zur permischen Grammatik // Finnisch-Ugrische Forschungen, Helsinki, 1923–1924. Bd. 16. S. 143–163.

30. *Wiedemann F.J.* Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. St. Petersburg, 1884. 255 S.

УДК 811.511.132

О.И. Некрасова
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН
(г. Сыктывкар)

РАЗГОВОРНИКИ В КОМИ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ*

Статья представляет собой краткий обзор известных разговорников коми языка начиная с XVIII в. и до наших дней. Сведения, представленные в статье, помогут в дальнейшем исследовании особенностей лексикографической деятельности по коми языку.

Ключевые слова: *лексикография, разговорник, словарь-разговорник, коми язык.*

The article is a brief overview of the well-known phrasebooks in the Komi language from the 18th century to the present day. Presented in the article information will help in the further study of the lexicographic activity peculiarities in the Komi language.

Key words: *lexicography, phrasebook, phrasebook dictionary, the Komi language.*

История собирания и описания материала коми языка ведет свое начало с XVII в., будучи связана с именами Н. Витсена, Д.Г. Мессершмидта, Ф.И. Страленберга, Г.Ф. Миллера, И.И. Лепехина, П.С. Палласа и др. С тех пор было составлено немало словарей, «почти все они являются переводными» [18, с. 174]. Среди них нашлось место и для своеобразных лексикографических произведений – разговорников, которые современные лингвисты представляют и как специфический жанр лингвометодической литературы. Считается, что наиболее полно определение разговорника дает

* Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья» (рег. № 121042600252-7).

«Большая энциклопедия»: «Разговорник, элементарное пособие, содержащее тщательно отобранный минимум слов и выражений, для общения на иностранном языке (в чужой стране). Р. может быть дву- и многоязычным, с отд. словами, целыми предложениями и фрагментами связного текста. Расположение материала, как правило, тематическое. Иностранные переводы даются либо в обычной записи, либо средствами облегченной транскрипции, основанной на алфавите языка того, кому предназначен Р. Существуют краткие Р. и более подробные – с описанием страны пребывания, ее кухни и др. (тип простого путеводителя)» [1, с. 143]. По мнению исследователей, «значимость словарей-разговорников как источников ценной социолингвистической информации очевидна» [9, с. 3].

Настоящая статья представляет собой краткий обзор известных разговорников коми языка и может послужить навигатором для дальнейшего исследования особенностей лексикографической деятельности по коми языку.

К древнейшим относят разговорники XVIII в.: русско-коми словарь-разговорник, опубликованный в III томе «Дневных записок путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российскаго государства...» 1780 г. [10, с. 250–259], и коми-зырянский словарик с разговорником в собрании (рукописи) В.М. Ундольского, датированным 1798 г., который был обнаружен З.И. Кузнецовой [17]. Список В.М. Ундольского дал толчок для исследователей к размышлениям о том, является ли данный памятник отдельным списком или переписан со словаря Лепехина и можно ли считать, что «в XVIII в. имели хождение отдельные рукописные словарики и разговорники» [18, с. 178]. Изучением данных письменных источников занимались В.И. Лыткин, З.И. Кузнецова [6; 7; 8; 11; 12; 13], в настоящее время – Г.В. Федюнева, по мнению которой, «эти словарные материалы нуждаются в дополнительных исследованиях как в отношении археографии и текстологии, так и их происхождения и открытия» [20, с. 91].

«Учебник зырянского языка, или Практическое руководство для зырян легчайшему изучению русского языка» под авторством Николая Павловича Попова (1863) представляет собой «первый

и единственный в своем роде печатный русско-коми разговорник XIX в.» [18, с. 184]. По своему объему он достаточно полный, охватывает большое количество выражений из разных областей человеческой жизни [Там же]. Содержание учебника состоит из следующих разделов: 1. Правила произношения. 2. Собрание употребительнейших слов по грамматическому порядку. 3. Русские и зырянские общественные разговоры. 4. Собрание пословиц и разных изречений [19].

Тремя годами ранее, в 1860 г., вышла работа Николая Абрамовича Рогова «Опыт грамматики пермяцкого языка», представляющая полную печатную грамматику, «зафиксировавшую живые формы кудымкарско-иньвенского диалекта середины XIX в., его основные грамматические явления», а также «данные нердвинского (южного) диалекта». В приложение грамматики автор включил произведения устного народного творчества с переводом на русский язык, разговорник, этнографический очерк и перевод пяти глав из Евангелия от Матфея [14, с. 137–164].

В XX и XXI вв. работа по составлению разговорников – по-коми: «(йöз кыв вылын) сёрнитны велöдчан небöг», «сёрнинебöг», «сёрнитчан» – заметно активизировалась, получила дальнейшее развитие. Составлением разговорников начали заниматься лингвисты. Следует отметить появление многоязычных изданий, диалектных разговорников. Некоторые из них переиздавались. Небольшой разговорник «Зырянские фразы и русский перевод», вместе с краткой грамматикой и коми денежным счетом, был включен в «Русско-зырянский словарь» А.А. Цембера, изданный в Усть-Сысольске в 1910 г. [21, с. 67–68].

В 80–90-е гг. XX в. вышло в свет несколько разговорников (многоязычный, немецко-коми и два русско-коми): «Русско-коми-венгерско-финско-немецко-английский разговорник» Е.А. Игушева, Г.Г. Толстовой, В.Я. Чернышовой (1985) [2]. Небольшой немецко-коми разговорник «Deutsch-syrjänischer Mini-Sprachführer mit syrjänisch-deutschem Wörterverzeichnis» (Hamburg, 1985) с коми-немецким словником в приложении составил немецкий языковед В. Феэнкер [23]. «Русско-коми разговорник» А.Н. Кармановой,

Е.А. Игушева (в нескольких номерах «Вестника политической информации» за 1989, 1990 гг.) [4]; «Русско-коми разговорник = Роча-коми сёрнитчан» А.Н. Кармановой, Е.А. Игушева (1989; 2010) [5]. В Предисловии второго издания разговорника (2010) авторы отметили, что «Предлагаемый разговорник рассчитан для широких слоёв трудящихся, интересующихся языком и культурой коми. В нём тематически приведены наиболее распространенные обороты речи коми языка, которым даются русские эквиваленты. Настоящее пособие составлено из текстов, охватывающих наиболее типичные речевые ситуации» [5, с. 2]. В 2018 г. «Роча-Комиа сёрнитчан» А.Н. Кармановой и Е.А. Игушева размещен в сети Интернет и озвучен.

В первых десятилетиях нашего века работа по составлению и изданию разговорников продолжилась. Вышли в свет: «Русско-коми-финский разговорник» М.В. Чуяшковой, Т.В. Поповой, М.С. Фединой (2009) [22]; «Изьваса-роча, роча-изьваса сёрнитчан» = «Ижемско-русский, русско-ижемский разговорник» (2017) [3], составленный на основе «Русско-коми разговорника» Е.А. Игушева, А.Н. Кармановой. Последний опубликован по проекту «Родной язык – основа духовности и культуры этноса коми-ижемцев» в Ненецком автономном округе Региональным общественным движением «Изьватас». В аннотации к изданию отмечается, что «Разговорник предназначен в первую очередь для учебных целей. Он поможет всем, кто начинает изучать ижемский диалект и общаться на нем. Пособие содержит часто употребительные слова, фразы и предложения на ижемском диалекте, переведенные на русский язык. Слова и фразы разбиты по темам, что способствует их лучшему запоминанию. Активные пользователи могут строить такие же предложения с другими словами разговорника или словаря. Пособие может использоваться в семье, для межнационального общения людей в местах компактного проживания коми-ижемцев» [3].

Самыми новыми на данный момент являются издания «Кӧсъя юавны − хочу спросить: русско-коми разговорник» Г.В. Пунеговой, Е.А. Цыпанова (2021) [15] и «Поговорим! − Сёрнитыштам!: русско-коми разговорник» Г.В. Пунеговой, Е.А. Цыпанова (2022) [16].

«Кӧсъя юавны − хочу спросить. Русско-коми разговорник» задуман как практическое пособие, предназначенное для развития навыков общения на коми литературном языке как на повседневные темы, так и в деловых целях, имеет более солидный объем по сравнению с предыдущими пособиями данного типа. Структура разговорника отличается разделением тематического блока на «фразовую» и «словарную» части, что заметно увеличивает объем лексики и, следовательно, повышает потенциал разговорника. В книгу включены тематические блоки: «Знакомство. Встречи. Общение. Информация», «В гостинице», «В ресторане. В баре. В кафе», «В городе», «Заседания. Конференции. Выставки», «Почта. Телеграф. Телефон», «В магазине», «Бытовое обслуживание», «Театр. Концерт. Цирк. Кино», «Музеи. Галереи. Художественные выставки», «Наука», «Образование», «Развлечения. Отдых. Спорт», «Медицинская помощь», «Путешествие», «Повседневные слова и выражения». Второй момент заключается в широком привлечении неологизмов при составлении фраз, стремлении включить их в повседневную разговорную практику, активировать, обновить коми язык, чтобы более четко отразить реалии современной жизни.

«Поговорим! – Сёрнитыштам!» тоже является практическим пособием, содержащим образцы разговорной речи на коми литературном языке. Оно охватывает как повседневные темы, так и связанные с деловым общением. Состоит из наиболее необходимых для общения тематических блоков. Во введении приведены основные сведения о литературном языке, современной коми графике, правилах чтения букв и произношения звуков. Разговорник предназначен для облегчения общения с говорящими на коми языке, может использоваться в качестве учебного пособия по освоению коми языка как одного из государственных в Республике Коми.

Краткий обзор лексикографических источников демонстрирует активизацию жанра разговорника коми языка и его диалектов, а также необходимость дальнейшего подробного исследования особенностей развития лексикографической работы в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая энциклопедия: в 62 т. / гл. ред. С.А. Кондратов. М.: Терра, 2006 −. Т. 40: Пула − Растворосмеситель. 2006. 590 с.

2. *Игушев Е.А., Толстова Г.Г., Чернышова В.Я.* Русско-коми-венгерско-финско-немецко-английский разговорник. М.: Рус. яз., 1985. 96 с.

3. Изьваса-роча, роча-изьваса сёрнитчан = Ижемско-русский, русско-ижемский разговорник / отв. ред. И.А. Рочев. Нарьян-Мар: Крас. город, 2017. 56 с.

4. *Карманова А.Н., Игушев Е.А.* Русско-коми разговорник // Вестник политической информации. 1989. № 23. Л.б. 17. № 24. Л.б. 16−17. 1990. № 1−8, 11, 15, 17, 18.

5. *Карманова А.Н., Игушев Е.А.* Русско-коми разговорник = Роча-комиа сёрнитчан. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. 108 л.б.; 2-е изд. Сыктывкар, 2010. 99 л.б.

6. *Кузнецова З.И.* Обзор памятников письменности XVIII в. // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во,1958. Вып. 4. 272 с.

7. *Кузнецова З.И.* Язык письменных коми памятников XVIII века: автореф. дис. … канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1968. 23 с.

8. *Кузнецова З.И.* Язык письменных коми памятников XVIII века: дис. … канд. филол. наук. Йошкар-Ола; Тарту, 1967. 272 с.

9. *Левченко Г.А.* Словарь-разговорник в России: типологический и социолингвистический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 24 с.

10. *Лепехин И.И.* Дневныя записки путешествия доктора и Академии Наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российскаго государства…: в 4 ч. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1780. Ч. 3. 410 с.

11. *Лыткин В.И.* Древнепермский язык. Чтение текстов. Грамматика. Словарь. М., 1952. 174 с.

12. *Лыткин В.И.* Древние памятники коми письменности // История коми литературы: в 3 т. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. Т. 2. С. 10–21.

13. *Лыткин В.И.* Коми-зырянский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Тюркские, финно-угорские и монгольские языки. М.: Наука, 1969. С. 302–351.

14. Опыт грамматики пермяцкого языка, составленный Николаем Роговым. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1860. X, 166 с.

15. *Пунегова Г.В., Цыпанов Е.А.* Кӧсъя юавны − хочу спросить: русско-коми разговорник. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2021. 234 л.б.

16. *Пунегова Г.В., Цыпанов Е.А.* Поговорим! – Сёрнитыштам!: русско-коми разговорник / Г.В. Пунегова, Е.А. Цыпанов. Сыктывкар: Анбур, 2022. 238 с.

17. Российская государственная библиотека, фонд рукописей. Ф. 310. № 59. [Электронный ресурс]. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/310/f-310-59/#image-48 (дата обращения: 03.08.2021).

18. Современный коми язык. Лексикология / Г.Г. Бараксанов, З.П. Ануфриева, Т.Н. Габова и др.; отв. ред. А.И. Туркин. М.: Наука, 1985. 208 с.

19. Учебник зырянского языка, или Практическое руководство для зырян легчайшему изучению русского языка / сост. Н.П. Попов по извест. рук. Эдуарда Курсье, доп. Паульсоном. СПб.: Тип. И.И. Глазунова, 1863. VIII, 292, XI с.

20. *Федюнева Г.В.* Новооткрытый рукописный словарь коми-зырянского языка в истории коми лексикографии // Вопросы лексикографии. 2021. № 3. С. 87−104.

21. *Цембер А.А.* Русско-зырянский словарь. Усть-Сысольск: Тип. З.Д. Следникова и К°, 1910. 68 с.

22. *Чуяшкова М.В., Попова Т.В., Федина М.С.* Русско-коми-финский разговорник. Сыктывкар, 2009. 60 с.

23. *Veenker W.* Deutsch-syrjänischer Mini-Sprachführer mit syrjänisch-deutschem Wörterverzeichnis: Finnisch-Ugrisches Seminar der Universität Hamburg. Materialien-Mitteilungen-Forschungsergebnisse. Hamburg, 1985. 50 s.

УДК 811.511.151

Э.И. Пекшеева

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

ЗАИМСТВОВАННЫЙ КОМПОНЕНТ В ЛЕКСИКЕ ПЧЕЛОВОДСТВА МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается заимствованный компонент в лексике пчеловодства марийского языка. Лексика пчеловодства марийского языка, имеющая древние корни, с точки зрения происхождения,

как и любая другая отрасль словарного состава, состоит из исконных слов и заимствований. Формирование и развитие исконного лексического фонда происходило на всех этапах эволюции марийского языка, начиная с уральской эпохи. Заимствования содержатся в основном в группе наименований ульев, их деталей и предметов внутри пчелиного улья, также в группе слов, обозначающих болезни и вредителей пчел, но составляют незначительное количество.

Ключевые слова: *заимствованный компонент, лексика, пчеловодство, марийский язык, исконная лексика, поздние заимствования.*

The article considers a borrowed component in the beekeeping vocabulary of the Mari language. The beekeeping vocabulary of the Mari language, which has ancient roots, in terms of origin, as in any other branch of the vocabulary, consists of original words and borrowings. The formation and development of the original lexical fund took place at all stages of the evolution of the Mari language, starting from the Ural era. Borrowings are contained mainly in the group of names of hives, their parts and objects inside the bee hive, also in the group of words denoting diseases and pests of bees, but they make up a small proportion.

Keywords: *borrowed component, vocabulary, beekeeping, Mari language, original vocabulary, late borrowings.*

Промысловая лексика марийского языка, имеющая древние истоки, состоит из нескольких основных тематических групп, которые, в свою очередь, можно разделить на лексико-семантические подгруппы. В нашей статье рассматривается тематическая группа «Пчеловодство», которая включает следующие пункты: 1) слова, обозначающие пчел и их органы; 2) слова, обозначающие болезни и вредителей пчел; 3) лексика, связанная с собиранием мёда; 4) лексика, связанная с уходом за пчелами; 5) лексика, связанная с предметами обихода пчел; 6) лексика, связанная с продуктами пчеловодства; 7) слова, обозначающие улья, их детали и предметы внутри пчелиного улья; 8) слова, обозначающие предметы, используемые в пчеловодстве; 9) слова, обозначающие процессы, связанные с пчеловодством; 10) слова, обозначающие пасеки и некоторые др.

С точки зрения происхождения в составе лексики пчеловодства марийского языка, как и в любой другой отрасли, различаются исконные названия и заимствования. Основная часть словарного фонда, связанного с пчеловодством, состоит из собственно марийских слов, образование которых происходит за счет внутренних ресурсов языка. Большинство собственно марийских наименований, связанных с пчеловодством, являются сложными образованиями, составляющие которых восходят к уральскому и финно-угорскому праязыкам. Название пчелы имеет финно-угорское происхождение: *мӱкш* ‘пчела; пчелиный’ **mekśe* > ф. *mehiläinen*, *mehiäinen*, эс. *mehiläne*, *mehine*, э. *мекш*, *мякш*, м. *меш*, мр. *мӱкш*, к-з. *муш*: *меля-м*. ‘пчела, шмель’, к-п. *мош*, в. *méh* < и.-е.: ср. санскр. *mákṣa-s* ‘муха’ и т.д. [14, с. 416; 1, с. 341]. Данная лексема участвует в образовании многих сложных слов и составных сочетаний, связанных с пчеловодством: *мӱкшава* л., *мӱкшӓвӓ* г. ‘пчелиная матка’ (*ава* ‘самка, матка’) [12, с. 339; 18, с. 117; 15, с. 94], *мӱкшиге* л., *мӱкшигы* г. ‘отроившаяся семья’(*иге* ‘детеныш’) [12, с. 339; 18, с. 118], *мӱкшикинде* ‘перга’ (*киндe* ‘хлеб’) [15, с. 86], *мӱкшкиш* ‘прополис, пчелиный клей’ (*киш* ‘смола, сера’) [18, с. 118], *мӱкш омарта* л., *мӱкш уля* г. ‘улей’ (*омарта* / *уля* ‘улей’) [12, с. 339; 18, с. 117; 15, с. 94], *мӱкшотар* ‘пчельник, пасека’ (отар ‘пасека, пчельник’) [12, с. 339; 18, с. 118], *мӱкш умдо* ‘пчелиное жало’ (умдо ‘жало’) [12, с. 339; 18, с. 117], *мӱкш еш* л., *мӱкш семня* г. ‘пчелиная семья’ (*еш* л., *семня* г. ‘семья’) [12, с. 339; 18, с. 117; 15, с. 94], *мӱкш комдо* ‘роевня; мешок для сбора пчелиного роя’ (*комдо* ‘лукошко, ручная корзина из лубка или прутьев’) [12, с. 339; 18, с. 117], *мӱкш пакча* л., *мӱкш пичы* г. уст. ‘пасека’ (*пакча* л., *пичы* г. ‘огород; участок земли, засаженный деревьями, кустарниками’) [19, с. 20; 15, с. 94], *мӱкштий* ‘браула, вошь пчелиная’ (*тий* ‘вошь’) [18, с. 118], *мӱкш кусат* ‘пчелиный рой’ (*кусат* ‘рой (насекомых, пчёл и т.д.)’) [17, с. 171] и др. Компоненты некоторых отмеченных лексических единиц являются также заимствованными из других неродственных языков.

Вопрос о заимствованиях в марийском языке был объектом внимания многих исследователей. Чувашским заимствованиям в марийском языке посвящены работы М.Р. Федотова [34; 35; 36;

37], В.И. Вершинина [1; 2; 3], татарским заимствованиям – труды Ф.И. Гордеева [4; 5], Н.И. Исанбаева [10] и др. О русских заимствованиях в марийском языке также написано немало. Например, в работе А.А. Саватковой «Русские заимствования в марийском языке» (1969) научному анализу подвергнуты слова горного, лугового и восточного наречий марийского языка. В книге Н.И. Исанбаева «Русские лексические заимствования дооктябрьского периода в марийском языке» (2014) дана лексико-тематическая классификация русских заимствований и представлен словарь, который включает около 1920 лексических единиц русского происхождения. Разработке этой сложной и многоаспектной проблемы посвятили свои работы Н.Т. Пенгитов, Г.С. Патрушев, И.С. Галкин, Л.П. Грузов, И.Г. Иванов, Ф.И. Гордеев, Н.И. Исанбаев, А.Н. Куклин, Е.И. Коведяева, В.И. Вершинин и многие др.

Рассмотрим лексемы, имеющие чувашское происхождение.

Лексическая единица *караш* л., *кӓрӓш* г. / *мӱй караш* л., *мӱ кӓрӓш* г. ‘соты; сотовый’ [16, с. 254; 15, с. 52], ср. чув. *карас* ‘воск; сот; вощина’. Производные формы: *карас куҫĕ* ‘ячейка в вощине’, *караслӑ* ‘имеющий сот; медяный’, *караслӑ балы* ‘сотовый мед’. Соответствия из других тюркских языков: тат. *кәрәз*: *кәрәз балы* ‘сотовый мед’; башк. *кәрәҙ: кәрәҙлә бал* ‘тж’ [34, с. 69; 35, с. 190].

Марийское слово *отар* / *мӱкш отар* ‘пчельник’ [12, с. 339; 18, с. 118, 150], ср. чув. *утар* / *отар* ‘пасека, пчельник; хутор’. Соответствия из других тюркских языков: кирг., крым., ног. *отар* (*от* ‘растение; трава; сено’ + *-ар*) ‘пастбище’ (крым.); ‘отдаленное от аула пастбище; маленькая русская деревня’ (крым., ног.), тур., чаг. *отар-* ‘пасти, кормить скот’; тат. *уҭар* ‘загон; уст. хутор; усадьба, имение’; башк. *уҭар* ‘хутор’; як. *оҭор* ‘пастбище; временное осеннее жилище’ [34, с. 69; 35, с. 258; 6, с. 278–279].

Лексема *четлык* ‘клетка; помещение для птиц и мелких животных в форме коробки из металлических или деревянных прутьев’ в словосочетании *мӱкшава четлык* ‘клетка пчелиной матки; маточник’ [21, с. 353], ср. чув. *читлӗх* / *читлӗк* ‘клетка; маточник (пчеловодство); пространство под крышей сарая’ [34, с. 62; 35, с. 275; 36, с. 421; 37, с. 229].

Компонент *шӱре* в сочетании *шӱремӱкш* ‘трутень’ [22, с. 421], ср. чув. *сăр* / *сăрă*: *сăрă хурт* ‘трутень’, *сăр*, *сăрă* > мар. в. *сурий*, ‘трутень’, *шыре* ‘трутень’ / удм. *зурмыш* (*зур* + *мыш*) ‘пчела’; *узури* ‘трутень’ (< тюрк.) [34, с. 69; 35, с. 222; 36, с. 29; 11, с. 81; 6, с. 183].

Лексемы *отар* ‘пасека; загон для скота’, *четлык* л. ‘клетка для птиц’, *четл’ык* малм. ‘маточник (для матки пчел)’ В.И. Вершинин относит к татаризмам в марийском языке [2, с. 389, 604], а компоненты *караш* л., *карас* с-з., *кäрäш* г. ‘соты’, *шӱре*, *суᵒ́р мӱᵒ́кӹш*, Й., *сыри мӱᵒ́кыш* П., *шури* елаб., *сури* сарап., *с’ӱре*, *сӱре мӱкш*, Г. *шыре*, СЗ. *шуᵒ́рей* ‘трутень’, ср. удм. *зурмуш*, *ъзъри* ‘трутень’, *зурмайсы* ‘трутень шмеля’ и др. соответствия относит к лексике финно-угорского происхождения [1, с. 167; 2, с. 695].

Интересно мнение о происхождении слова *калак.* Есть предположение, что данная лексема в марийский язык вошла из чувашского языка, ср. чув. *калак* / *калек* ‘лопатка; мешалка; лопаточка, которой едят яйца’. Соответствия из других тюркских языков: каз., шор., тоб., кирг., бар. *калак* ‘большая ложка, иногда с дырами, для вытаскивания рыбы или пельменей из супа (шор.); мутовка (каз.); маленькая лопаточка (каз., тоб.); щепка, которая делается детям вместо ложки (кирг.); точильная дощечка для поправления сенокосных кос (шор.)’, ср. чув. *калак* > мар.Л. *калак* ‘лопатка (для правки кос)’, мар.Г. *калак* ‘лопатка (для меда, яиц всмятку)’ [36, с. 215–216].

Существует также мнение, что слово *калак* г. ‘лопатка для мёда’ [12, с. 172], ‘самодельная деревянная лопаточка (для мёда, яйца всмятку и т.п.)’ [16, с. 227] в марийский язык заимствовано из татарского языка, ср. тат. *калак*, башк. *калак* ‘ложка’ [8, с. 56]. В современном марийском языке лексическая единица *калак* обозначает: I ‘брусок, точило; лопатка для правки кос’; II *диал.* ‘ложка’ [16, с. 227], в балтачевском говоре восточного наречия – ‘ложка; лопатка для правки кос’ [8, с. 56]. Заимствования из татарского и башкирского языков вошли в основном в восточные говоры марийского языка [9, с. 22, 49]. Из татарских заимствований в марийский язык вошли около десятка слов, используемых в качестве пчеловодческих терминов. К татарским источникам восходят следующие слова: *йем* В. ‘взяток (пчелы)’, *капкак* Л., В. ‘крышка борти’, *кеске рож* В. ‘леток

в улье', *кӧзлык* В. белеб. 'сетка пчеловода', *кусат* В. 'пчелиный рой, прилетевший со стороны', *тӱтäслäш* в. белеб. 'окуривать', *четлык* В. 'клетка (для пчелиной матки)', *чӧлньӹк*, *челнык* В. 'пчельник', *шолык* 'борть', *кийе: кийе рож* 'леток (в улье)', *кӧрык* В. белеб. 'дымарь' [9, с. 43].

Итак, татарский язык оказал определенное воздействие на развитие словарного состава анализируемой отрасли. Особенно много заимствованных названий проникло в говоры восточного наречия, носители которых и в настоящее время находятся в тесном контакте с татарским населением.

Марийское население в течение ряда веков находилось в тесных культурно-бытовых связях с русскими. В результате этого в марийский язык проникло множество русских слов. Заимствования из русского языка в небольшом количестве представлены и в исследуемых нами лексико-семантических группах, например: *магазин* 'магазин; запасное помещение в пчелином улье' [18, с. 6], *ӈлей* с-з. 'улей' [7, с. 248], *уля, выля, ольы* Кил. 'улей' [15, с. 175], *раме* 'рама; устройство для сот в улье' [23] и многие др.

Необходимо подчеркнуть, что в лексике пчеловодства марийского языка имеется ряд слов, которые вошли в качестве синонима к уже существующим в языке словам, т.е. проникновения, например, *пчеловод* 'пчеловод' [12, с. 482; 18, с. 358], *пчеловод*, *пчоловод* 'пчеловод' [15, с. 129], *омшаник* л., *омшаньык* г. 'омшаник; утеплённое помещение для зимовки пчёл' [12, с. 380; 18, с. 298], *леток* 'леток' [16, с. 339] и др.

Русские заимствования в марийском языке преобразуются в своем звуковом облике и грамматической структуре, подчиняясь внутренним законам развития марийского языка. Это хорошо можно проследить на примере следующих слов: рус. *вощина* – мар. *вощине* '1) восковой остов пчелиного сота; 2) неочищенный воск' [13, с. 100], рус. *пчельник* – мар. *челник* л., *чельньӹк* г. '*уст.* пчельник, пасека; место, где расположены ульи с пчёлами' [21, с. 343], рус. *медогонка* – мар. *медогонко* 'медогонка' [18, с. 37], рус. *рама* – мар. *раме* '3. рама; устройство для сот в улье' [20, с. 21], рус. *перга* – мар. *перге* 'нектар; перга; цветочная пыльца, сложенная в ячейки сотов'

[19, с. 86] и др., которые в марийском языке употребляются в несколько измененном фонетическом варианте.

Следует отметить, что в лексике рассматриваемой отрасли в марийском языке встречаются заимствованные слова, не обусловленные необходимостью назвать новые предметы и понятия. Многие из вышеприведенных русизмов сосуществуют в языке параллельно с собственно марийскими словами и сочетаниями слов, образованных на базе лексики исконного происхождения, которые выражают аналогичные понятия и входят с ними в синонимичные отношения, например, *мӱкшызӧ, мӱкшым ончышо, мӱкшым ашныше → пчеловод* ‘пчеловод’, *мӱйым тулымо вочко → медогонка* ‘медогонка’, *авакалта → маточник* ‘маточник’, *мӱкшиге → рой* ‘рой’, *мелыжрож → леток* ‘леток – отверстие в улье для влёта и вылета пчёл’, *мӱкшиге → рой* ‘рой’, *шыркам погымо келыштарымаш → пыльцеуловитель* ‘пыльцеуловитель; приспособление, посредством которого собирают ценную пыльцу’, *умдылашудо → донник* ‘донник; медоносное душистое растение семейства бобовых с белыми или жёлтыми цветками’, *лопка омарта → лежак* ‘лежак; рамочный горизонтальный улей (где гнездо расширяется в сторону); улей-лежак устраивается на 20–24 стандартные рамки размером 435×300 мм’, *пош, шикшар → дымарь* ‘дымарь; приспособление для окуривания пчел, состоящее из меха и цилиндра, в который помещается тлеющий трут’, *оптем → перга* ‘перга; цветочная пыльца, сложенная в ячейки сотов’, *омартагудо*, *мӱкшгудо → омшаник* ‘омшаник; утеплённое помещение для зимовки пчёл’, *мӱкш отар*, *отар*, *мӱкш пакча → челник, пасека* ‘пчельник’, *мӱкш пичы* г. *→ уля* г. ‘пчельник’, *чыҥгаш*, *шеҥгаш → прополис* ‘пчелиный клей; прополис’, *пасек* г., *пасык → пасека* ‘пасека, пчельник’ и др.

Заимствованная лексика может служить базой для создания новых слов, выражающих понятия, связанные с пчеловодством. Большинство марийских наименований пчеловодства в своем составе имеют компоненты русского происхождения, которые участвуют в образовании наименований ульев, ее частей и др. Например, слово *раме* ‘рама; устройство для сот в улье’ – *раме омарта*, *раман омарта* ‘рамный улей’ (*омарта* ‘улей’) [31], *карашан раме* ‘рамы

с сотами’ (*караш* ‘соты’) [16, с. 292], *мӱян раме* ‘рама с мёдом’ (*мӱй* ‘мёд’) [18, с. 118], *мӱкшан раме* ‘рама с пчелами’ [28], *печатлыме раме* ‘запечатанная рама’ [32], *гнездовой раме* ‘гнездовая рама’ [30]; *гнездовой омарта* ‘гнездовой улей’ [29]. В образовании других лексических единиц, связанных с пчеловодством, участвуют также следующие русские компоненты: *разведчик мӱкш* ‘пчела-разведчик’ (*мӱкш* ‘пчела’); *тулиге личинке* ‘личинки молодых пчёл’ (*тулиге* ‘детва; личинки или молодые пчёлы в улье, пчелиный расплод’); *печатлыме мӱй* ‘запечатанный мёд’ (*мӱй* ‘мед’), *племенной омарта* ‘племенной улей’ (*омарта* ‘улей’), *гнездовой омарта* ‘гнездовой улей’ (*омарта* ‘улей’), *леток рож* ‘леток в улье’ (*рож* ‘дыра, проём, отверстие’), *свищевый авагудо* ‘маточник свищевый’ (*авагудо* ‘маточник’). *разведчик мӱкш* ‘пчела-разведчик’ (*мӱкш* ‘пчела’) [24]; *тулиге личинке* ‘личинки молодых пчёл’ (*тулиге* ‘детва; личинки или молодые пчёлы в улье, пчелиный расплод’) [25]; *печатлыме мӱй* ‘запечатанный мёд’ (*мӱй* ‘мед’) [33]; *племенной отар* ‘племенной улей’ (*отар* ‘пасека’) [26]; *леток рож* ‘леток в улье’ (*рож* ‘дыра, проём, отверстие’) [23]; *свищевый авагудо* ‘маточник свищевый’ (*авагудо* ‘маточник’) [27]. Как показывают примеры, русские компоненты преобразовываются в своем звуковом облике и грамматической структуре, подчиняясь внутренним законам развития марийского языка.

Значительное количество заимствований, вошедших через посредство русского языка, имеется в названиях болезней пчел, например: *варроатоз* ‘инвазионная болезнь пчел, поражающая личинок, куколок, взрослых рабочих пчел, трутней и маток; возбудитель болезни – наружный клещ’, *вирозы* ‘инфекционные болезни взрослых пчел, вызываемые вирусами’, *нозематоз* ‘инфекционное заболевание, которое способно поразить любых пчёл и трутней’, *паратиф* ‘группа кишечных инфекций, вызываемых микроорганизмами рода амиранелла сальмонелла’, *сальмонеллез* ‘острая кишечная инфекция животных и человека, вызываемая кишечными бактериями рода сальмонеллы’, *гафниоз* ‘инфекционная болезнь пчел, характеризующаяся поражением кишечника и интенсивным размножением возбудителя в гемолимфе пчел’, *коли-*

бактериоз ‘инфекционная болезнь пчелиных семей, сопровождающаяся гибелью взрослых пчел’ и др. [38].

Таким образом, составной частью пчеловодческой лексики марийского языка являются исконные марийские слова. Пчеловодство является традиционным видом занятий марийского народа, восходящая к глубокой древности, о чем свидетельствуют лексические единицы *мӱкш* ‘пчела’, *мӱй* ‘мед’, *вопш* ‘борть’, общие для финно-угорских языков: **mete* > ф. *mesi* (*meden*), эс. *mesi* (*mee*), э. *медь*, м. *мядь*, ?мр. *мӱ*, *мӱй*, у. *му*, к. *ма*, в. *méz* < и.-е.: ср. санскр. *mádhu* ‘мед’, русск. *мед* [14, с. 422]. Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что в области пчеловодства в марийском языке мало лексических заимствований из других языков.

Следует отметить, что наряду с исконными лексическими единицами функционируют слова, в незначительном количестве, заимствованные из других неродственных языков: чувашского, татарского и русского. Они имеются в основном в группе наименований составных частей улья, пчельника, болезней пчёл и др. Также необходимо подчеркнуть, что в названиях, связанных с пчеловодством, имеют место проникновения, которые заменяют те слова, которые уже имеются в языке или функционируют наряду с ними. Татарские заимствования широко распространены в восточном наречии марийского языка, а русские – в северо-западном и горном наречиях. В целом, как показывает исследование, на формирование и развитие системы пчеловодческой лексики марийского языка, имеющей древние истоки, иноязычный компонент не оказал существенного воздействия.

СОКРАЩЕНИЯ

бар. – барабинский диалект татарского языка; башк. – башкирский язык; белеб. – белебеевский говор восточного наречия марийского языка; в. – венгерский язык; В. – восточное наречие марийского языка; г., мар.Г. – горномарийская литературная норма марийского языка; диал. – диалектное слово; елаб. – елабужский говор восточного наречия марийского языка; Й. – говор д. Йӱштӧ Памаш (оф. Мари-Суксы) Актанышского района Республики Татарстан; и.-е. – индоевропейские языки; к. – коми язык; к-з. – коми-зырянский язык; к-п. – коми-пермяцкий язык; каз. – казанско-

татарский; Кил. – говор д. Мари-Килемары; кирг. – киргизский язык; крым. – крымско-татарский; л., мар.Л., мр. – лугово-восточная литературная норма марийского языка; малм. – малмыжский говор восточного наречия марийского языка; м. – мордовский язык, мар., мр. – марийский язык; ног. – ногайский; П. – говор д. Мари-Буляр (Пӧлер) Муслюмовского района Республики Татарстан; рус. – русский язык; сарап. – сарапульский говор; СЗ., с-з. – северо-западное наречие марийского языка; тат. – татарский язык; тоб. – говор тобольских татар; тур. – турецкий; тюрк. – тюркские языки; у., удм. – удмуртский язык; уст. – устаревшее слово; ф. – финский язык; чаг. – чагатайский (староузбекский); чув. – чувашский язык; шор. – шорский; э. – эрзя, эс. – эстонский язык; як. – якутский.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вершинин В.И.* Марий мут-влакын кушеч лиймышт (Этимологий мутер). Происхождение слов марийского языка (Этимологический словарь). В 2-х т. I том. (А–М). Йошкар-Ола: Стринг, 2017. 346 с.

2. *Вершинин В.И.* Марий мут-влакын кушеч лиймышт (Этимологий мутер). Происхождение слов марийского языка (Этимологический словарь). В 2-х т. II том. (Н–Я). Йошкар-Ола: Стринг, 2018. 395 с.

3. *Вершинин В.И.* Татарча-марича сүзлек. Татар-марий мутер. Татарско-марийский словарь (пробное издание). Йошкар-Ола, 2011. 165 с.

4. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 1: А–Б. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 255 с.

5. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 2: В–Д. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. 288 с.

6. *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1964. 335 с.

7. *Иванов И.Г., Тужаров Г.М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка / Мар. науч.-исслед. ин-т. Йошкар-Ола. 1971. 304 с.

8. *Илиева А.А.* Словарь балтачевского говора марийского языка / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2009. 160 с.

9. *Исанбаев Н.И.* Лексико-семантическая классификация татарских заимствований в марийском языке // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1978. С. 3–51.

10. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола, 1994. Ч. 2. 208 с.

11. *Казанцев Д.Е., Патрушев Г.С.* Современный марийский язык. Лексикология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1972. 183 с.

12. Марийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. яз. 1956. 863 с.

13. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

14. Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.

15. *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. 235 с.

16. Словарь марийского языка, Т. II: И–К (и-коса) / сост.: А.А. Абрамова, В.И. Вершинин, А.С. Ефремов и др. Йошкар-Ола, Мар. кн. изд-во, 1992. 464 с.

17. Словарь марийского языка, Т. III: К–Л (косараш-ляпкыме) / сост.: Л.И. Барцева, В.И. Вершинин, Л.П. Грузов и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. 504 с.

18. Словарь марийского языка, Т. IV: М–Ӧ (ма-ӧрчыктарымаш) / сост.: А.А. Абрамова, Л.И. Барцева, В.Н. Васильев и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998. 384 с.

19. Словарь марийского языка, Т. V: Ӧ (ӧрчыктарыме), П / сост.: А.А. Абрамова, Л.И. Барцева, Г.С. Патрушев и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2000. 508 с.

20. Словарь марийского языка, Т. VI: Р–С / сост.: В.И. Вершинин, И.Г. Иванов, Н.И. Исанбаев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2001. 368 с.

21. Словарь марийского языка, Т. VIII: У–Ч / сост.: А.А. Абрамова, Л.И. Барцева, В.И. Вершинин и др. Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ, 2003. 511 с.

22. Словарь марийского языка, Т. IX: Ш, Щ / сост.: А.А. Абрамова, Е.А. Черашова. Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ, 2004. 520 с.

23. Сурт-пече, 2013. 17 янв.

24. Сурт-пече, 2013. 14 февр.

25. Сурт-пече, 2013. 27 февр.

26. Сурт-пече, 2013. 11 апр.

27. Сурт-пече, 2013. 26 апр.

28. Сурт-пече, 2013. 9 мая.

29. Сурт-пече, 2013. 4 июля.

30. Сурт-пече, 2013. 18 июля.

31. Сурт-пече, 2013. 26 сент.

32. Сурт-пече, 2013. 7 нояб.

33. Сурт-пече, 2013. 5 дек.

34. *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с языками финно-угров Поволжья и Перми. Чувашско-марийские связи. Чебоксары: Чуваш. кн. из-во, 1965. Ч. 1. 160 с.

35. *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи / под ред. И.С. Галкина. Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. 336 с.

36. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т 1. А–Р. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. 470 с.

37. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т 2. С–Я. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996. 509 с.

38. URL: https://ferma.expert/pchely/bolezni-pchely/nozematoz-pchel© Ферма.expert' (дата обращения: 26.05.2022).

УДК 811.511.151

Э.И. Пекшеева

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ РЕМЕСЛЕННОЙ ЛЕКСИКИ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается история изучения ремесленной лексики марийского языка. Особое внимание уделяется исследованию лексики, связанной с лозоплетением, плотническим и столярным делом, валяльным делам, обработкой волокна, прядением и ткачеством в марийском языке. Проведен анализ основной литературы и научных статей по теме исследования.

Ключевые слова: *марийский язык, лексика, ремесло, лозоплетение, плотническое и столярное дело, валяльное дело, словари, источник.*

The article considers the history of the research on the craft vocabulary of the Mari language. Special attention is given to the study of vocabulary related to basket weaving, carpentry and joinery, felting, fiber processing, spinning and weaving in the Mari language. The author analyses research literature on the subject under study.

Keywords: *Mari language, vocabulary, craft, basket weaving, carpentry and joinery, felting, dictionaries, source.*

Отраслевая лексика в марийском языкознании до настоящего времени остается малоизученной. Названия растений исследованы А.С. Ефремовым [6], названия птиц – В.Н. Васильевым [3], К.С. Юзиевой [28], лексика одежды – И.И. Тимиряевой [24], названия животных – М.Н. Кузнецовой [11], терминология родства – Е.М. Андриановой [1], названия исчезнувших селений – А.Л. Пустяковым [19], соматизмы – М.Т. Ипаковой [9], ихтионимы и лексика рыболовства – Э.И. Пекшеевой [16], Е.В. Ворониной [5] и др. Изучению отдельных тематических групп слов посвящены статьи исследователей марийского языка: М.С. Янгеловой [29; 30], Э.И. Пекшеевой [17; 18], С.А. Малининой [12], Т.А. Семёновой [21] и др.

Большую роль в изучении лексики марийского языка играют словари. Они являются ценными источниками, фиксирующими языковой материал определенного исторического периода, поэтому, опираясь на них, можно составить определенное представление о развитии лексики марийского языка, в частности терминологии отдельных тематических групп. Общеизвестно, что разного вида ремесло занимало важное место в хозяйственной жизни марийцев. С развитием данного вида деятельности появлялись новые слова, которые в основном находят свое отражение в словарях. В данном исследовании нами будет рассмотрена краткая история изучения ремесленной лексики, которая включает в себя лексику лозоплетения, плотнического, столярного и валяльного дела, обработки волокна, прядения и ткачества.

Начало марийской лексикографии положили записи отечественных и зарубежных ученых, путешественников, которые наряду с описанием жизни и быта, религиозных верований, различных обрядов в своих сочинениях оставили некоторый языковой материал лексического характера. Среди этих слов зафиксирована лексика, связанная с ремеслами марийского народа.

Важнейший материал, относящийся к ремесленной лексике марийского языка, содержится в словарях XIX в. Ценность их в том, что они положили начало сбору и систематическому накоплению лексического материала того времени. В «Черемисско-русском сло-

варе» В.П. Троицкого [25], изданном 1894 г. в Казани, зафиксированы общие обозначения, связанные с ремеслами. Необходимо отметить, что В.П. Троицкий был одним из первых отечественных исследователей, который при составлении своего лексикографического труда воспользовался рукописными трудами А. Смирнова и Ф. Земляницкого, а также М. Кроковского. В настоящем словаре толкования слов даются с указанием автора рукописи, например: *мель полдыйи* Крок. ‘вышивка у мущинъ около прорѣхи на груди; *мель* – вышивка на груди женскихъ рубахъ около прорѣхи’ береста’ [с. 33], *алдыйца* (тат. *калдырча*) Крок., см. *ойдыйчы* [с. 3], *ойдырчо* (тат. *калдырча*; к. чер. *айдыйцо;* чув. *холдырч*) ‘скальница, инструментъ для наматыванія нитокъ на цѣвки; блокъ’ [с. 39], *йолдэм* ‘порогъ; наматываю нитки на мотовило’ [с. 13]. Как видно из примеров, в словаре лексические единицы с точки зрения оформления зафиксированы неточно.

Немаловажное значение в изучении ремесленной лексики марийского языка имеет «Маро-русский словарь горного наречия» В.С. Шорина [26], который охватывает лексический состав горного наречия марийского языка, например: *кыйыйж* ‘береста’ [с. 56], *вуйгэ-вачкэ* ‘холст из одинаковых дольных и поперечных ниток’ [с. 18], *роалтыйи мыйньэр* ‘грубый домашний холст’ [с. 109], *сила* ‘поперечная палка, проходящая между нитками при тканье холста’ [с. 114], *шавш* ‘катушка ниток’ [с. 149], *шуша* ‘челнок (ткацкий)’ [163] и др.

Наиболее широкий материал о данной лексической группе представлен в своде марийской диалектной лексики В.М. Васильева под названием «Марий мутэр» [2]. В словаре автор приводит материалы по всем диалектам и говорам марийского языка, в числе которых встречаются слова, связанные с ремеслами марийского народа, например: *айыйи* (о.м.), *урвалдэ йыр тӱр*, *урватйыр* (ол.м.) ‘вышивка на полах (на кромках) рубашек’ [с. 19], *алап* (ӱ.м.) ‘большой лубочный короб в форме лукошка’ [с. 21], *алагäштä, олагашта* (о.м.) ‘название вышивки’ [с. 20], *кукарин* ‘плотник’ [с. 83] и др.

«Горно-марийско-русский словарь (Кырык марла дä рушла сирӹм шамак книгä)» С.Г. Эпина «по своему содержанию и оформлению является практическим и научным пособием для широких

кругов культурных работников, имеющих дело с Горно-Марийским языком» [27], в котором ремесленная лексика представлена следующими наименованиями: *кымыж* ‘береста’ [с. 52], *кырошна* ‘плетенка, род кузова, а также роевня’ [с. 53], *кытан мӹньэр* ‘полотно, у которого основа из лучшей пряжи’ [с. 53], *кӹньэрäш* ‘моток ниток, пучок, равный длине локтя’ [с. 55], *кӹльäш* ‘отборное лучшее волокно для пряжи ниток лучшего качества’ [с. 55] и многие др.

Богатый лексический материал собран и опубликован в «Марийско-русском словаре» [13], который представляет собой коллективный труд научных сотрудников МарНИИ. В словарь включена вся лексика марийского литературного (письменного) языка, в основе которого лежит луговое наречие. Слова восточного и горного наречий марийского языка также имеют место в словаре. Ремесленная лексика представлена такими названиями, например: *азыр* ‘клещи’ [с. 18], *вошты́р* ‘прут, лоза’, *вошты́р комдо* ‘корзинка’ [с. 78], *плотник* ‘плотник, плотничий’, *плотник товар* ‘плотничий топор’ [с. 433], *пужар* ‘наструг (строгальный инструмент)’ [с. 465] и др.

Большую роль в развитии марийской лексикографии сыграл Марийский научно-исследовательского институт. Институт ежегодно организовывал диалектологические экспедиции в районы компактного проживания марийцев для сбора полевого материала с целью исследования диалектов. На основе анализа собранного материала в дальнейшем разрабатывались научные труды – статьи, монографии, словари. Так, особенности северо-западного диалекта марийского языка были предметом исследования И.Г. Иванова и Г.М. Тужарова. Некоторые слова, связанные с ремеслами марийцев, нашли отражение в «Словаре северо-западного наречия марийского языка» [7]. В нем содержится около 7 тысяч слов, собранных из трёх основных говоров северо-западного наречия: яранского, тоншаевского и шарангского. Ремесленная лексика представлена следующими наименованиями: *вӊлӊвел* ‘слой лыка под поздерой’ [с. 39], *вӹнер*, *мӹнер* ‘холст’, *вӹнер виктӹш* ‘основа для тканья холста’ [с. 41], *наструго* ‘рубанок’ [с. 136], *немештӹпанты* ‘липовая

палка’ [с. 137], *нерге* ‘ряд (брёвен в срубе и т.п.)’ [с. 138], *ни* ‘лыко’ [с. 138], *ниäлäш* ‘1. мять; 2. тонш. снять кору с лыка’, *ним ниäлäш* ‘мять лыко’ [с. 138], и др.

Изучением горномарийского диалекта занималась А.А. Саваткова. В 1981 г. ею издан «Словарь горного наречия марийского языка» [20], где без внимания автора не остались и исследуемые нами группы слов. В словаре имеется около 10 тысяч слов, в который включены лексические единицы горного наречия марийского языка из всех его говоров и подговоров, например: *äрньы, äтньы* лб. ‘широкий невысокий берестяной кузовок’ [с. 16], *вичы* уст. ‘ивовая лоза’ [с. 23], *вакташ* II ‘снимать, сдирать (кору)’ [с. 17], *ваштыр* ‘прут, лоза’ [с. 19], *äртньы* ‘воробы, сновальня в ткацком деле’ [с. 16], *äргем* ‘моток ниток’, *шырты äргем* ‘моток ниток’ [с. 16] и многие др. В дальнейшем этот словарь с изменениями и дополнениями, внесенными еще самим автором, был два раза переиздан под названием «Словарь горномарийского языка».

Большое количество слов включено в многотомный «Словарь марийского языка» [22; 23], изданный Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. В словаре отражены слова обеих литературных норм и, по возможности, диалектов современного марийского языка. Все единицы переведены на русский язык, раскрыта их семантика, приведен иллюстративный материал из художественной литературы, периодической печати и произведений устного народного творчества. К примеру: *кӱр* л., *кыр* г. ‘луб, лубок; кора липы, вяза и некоторых лиственных деревьев вместе с волокнистой внутренней частью’ [с. 235], *лызе* ‘лоза, гибкие ветки дерева’ [с. 485], *саве* л., *сäвы* г. ‘длинный сырой прут, лоза (ивовая)’ [с. 105], *тореш* ‘уток; поперечные нити ткани, переплетающиеся с продольными’ [с. 162].

Лексика ремесел, распространенная в балтачевском говоре восточного наречия марийского языка, получила отражение в «Словаре балтачевского говора марийского языка» А.А. Илиевой [8]. В словаре каждая лексема сопровождается этимологическими пометами,

по возможности – литературными вариантами: *ӓрзӓ* ‘лубочный короб’ – тат. *әржә* ‘ящик’, башк. *әрйә* ‘ларь, ящик’, чув. *ырса* ‘короб’ [с. 22], *бурт* ‘ниченки (в ткацком станке)’, ср. лит. *вурт* ‘ниченки’ [с. 31], *йумычка* ‘щепка’ тат. *йомычка* ‘щепа, щепка’, башк. *юныскы* ‘щепка’ [с. 52], *рмау* ‘последнее бревно в срубе’ – тат. *ырмау* ‘паз на бревне в срубе’ [с. 105], *строк* ‘натруг’, *строклаш* ‘строгать’ [с. 113] и др.

Ремесленная лексика, функционирующая в марийских говорах Прикамья и Закамья (Татарстана и Удмуртии), нашла отражение в словаре В.И. Вершинина «Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии» [4]. Словарь ценен тем, что в нем, кроме перевода слов на русский язык и снабжения их иллюстративными материалами, большинство лексем сопровождаются этимологическими пометами, к примеру: *ис* елаб., *ис’* сарап. ‘бёдро, гребень ткацкого стана’ – чув. [с. 100], *пужар* ‘наструг, рубанок’, *пужараш*, Шия: *пыжараш* ‘строгать’ [с. 460], *шуша* ткац. ‘челнок’, кукм., менз.: *суса*, *с’ус’а* [с. 753], *шӱдыр*, Шия: *шӹдӹр*, менз. *шӱ^{ӧi}дӱ^{ӧi}р* ‘веретено’ [с. 755] и др.

Происхождение отдельных марийских слов, относящихся к ремеслам, рассмотрены в «Этимологическом словаре марийского языка» Ф.И. Гордеева (1979, 1983), в работах М.Р. Федотова «Чувашско-марийские языковые взаимосвязи» (1990) и в двухтомном «Этимологическом словаре чувашского языка» (1996а, 1996б), в «Марийско-тюркских языковых контактах» Н.И. Исанбаева (1994), в «Русских лексических заимствованиях дооктябрьского периода в марийском языке» Н.И. Исанбаева (2014), в двухтомном этимологическом словаре марийского языка В.И. Вершинина «Марий мутвлакын кушеч лиймышт (Этимологий мутер) = Происхождение слов марийского языка (Этимологический словарь)» (2017, 2018) и др. Перечень заимствованных из русского языка лексем представлен в монографии А.А. Саватковой «Русские заимствования в марийском языке» (1969).

Общие сведения о домашней промышленности и кустарных промыслах у марийцев имеются в книге Т.А. Крюковой [10, с. 48–84], в коллективной монографии «Марийцы» [14, с. 163–167; 208–

213]. Ценные этнографические материалы о ремеслах марийского народа содержатся в работе Т.Л. Молотовой «Традиционное марийское ткачество» [15], в которой обобщен этнографический материал о ткачестве марийцев, особенностях выращивания и способах переработки конопли, льна: охарактеризованы ткацкие станы и орудия производства, связанные и изготовлением домашних тканей; рассматривается применение текстильных изделий в быту и обрядах. В конце монографии дается словарь основных терминов [с. 131–136]. Необходимо подчеркнуть, что источниками для написания книги послужили этнографические материалы, собранные автором во время экспедиций в различных регионах проживания марийцев с 1978 по 2004 г. и коллекции Национального музея Республики Марий Эл им. Т.Е. Евсеева Республики Марий Эл [с. 5].

Заслуживают внимания близкие по теме данной работы статьи М.С. Янгеловой, которые связаны с лексикой обработки льна и конопли, прядения и ткачества в марийском языке с точки зрения лингвистики. Исследование М.С. Янгеловой посвящено терминам ткачества в словаре Ö. Беке [29]. Подробно рассмотрены восемь подгрупп лексики, связанной с ткачеством: названия сырья и материала, действий и процессов, лиц по труду, орудий ткачества, единиц измерения, результатов производственных действий и продуктов обработки, частей ткацкого станка, вышивок [с. 48–49]. Терминологию, относящуюся к вышивке, автор рассматривает в своей работе «Терминологии вышивки в марийском языке» [30], в которой термины рассмотрены и распределены по месту расположения вышивки, по словообразовательной структуре. Автором исследованы около 200 терминов вышивки в марийском языке. М.С. Янгелова отмечает: «Первоначальное упоминание о марийских вышивках имеются в путевых очерках и заметках Г.Ф. Миллера, П.С. Палласа, П.И. Рычкова, но они ограничились общими наблюдениями, производили записи отдельных названий. Тем не менее факт, что они остались зафиксированными, представляет для науки большую ценность…» [с. 442].

Таким образом, надо подчеркнуть, что ремесленная лексика марийского языка не была объектом специального монографического исследования. Несомненно, имеются работы, которые содержат и этимологические исследования, но только в связи с рассмотрением межъязыковых связей. Анализ основных источников по собиранию и изучению марийской ремесленной лексики показывает, что основная работа ориентировалась на фиксирование слов, которые отразились в различных словарях и грамматиках.

В заключении следует отметить, что такие уникальные источники, каковыми являются труды В.П. Троицкого, В.С. Шорина, В.М. Васильева, С.Г. Эпина, дают возможность проследить этапы формирования и развития ремесленной лексики марийского языка. А лексикографические труды, как «Словарь северо-западного наречия марийского языка» (И.Г. Иванов, Г.М. Тужаров), «Словарь горного наречия марийского языка» (А.А. Саваткова), «Марийско-русский словарь», позволяют собрать и сохранить для истории названия, относящиеся к одной из древнейших форм хозяйственной жизни марийцев.

СОКРАЩЕНИЯ

башк. – башкирский язык; г. – горномарийская литературная норма марийского языка; Крок. – словарь М. Кроковского; кукм. – кукморский говор; л. – лугово-восточная литературная норма марийского языка; лб. – левобережные говоры горного наречия марийского языка; менз. – мензелинский говор; о.м., ол.м. – луговое наречие марийского языка; тат. – татарский язык; ткац. – ткацкий; тонш. – тоншаевский говор северо-западного марийского языка; уст. – устаревшее слово; ӱ.м. – восточное наречие марийского языка; чув. – чувашский язык, Шия – говор д. Большая Шия и д. Каргали Мамадышского р-на Республики Татарстан.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрианова Е.М.* Терминология родства в финно-угорских языках волжской и пермской групп: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2000. 186 с.

2. *Васильев В.М.* Марий мутэр (Словарь марийского языка). М.: Центр. изд-во народов СССР, 1926. 315 с.

3. *Васильев В.Н.* Марийская орнитонимия: дис… канд. филол. наук. Тарту, 1982. 191 с.

4. *Вершинин В.И.* Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011.794 с.

5. *Воронина Е.В.* Ихтионимы в марийском языке (историко-этимологический анализ), (Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 19). Тарту, 2019. 146 с.

6. *Ефремов А.С*. Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора): дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1987. 220 с.

7. *Иванов И.Г.*, *Тужаров Г.М*. Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971. 304 с.

8. *Илиева А.А*. Словарь балтачевского говора марийского языка / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2009. 160 с.

9. *Ипакова М.Т.* Соматическая лексика марийского языка: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2012. 350 с.

10. *Крюкова Т.А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1956. 159 с.

11. *Кузнецова М.Н*. Названия диких и домашних животных в марийском языке: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2010. 316 с.

12. *Малинина С.А.* Наименование тканей, наиболее активно употребляемых в марийском языке // Социокультурное развитие Республики Марий Эл: история и современные процессы [Текст]: Всерос. науч.-практ. конф., 28–29 окт. 2010 г.: (К 90-летию Республики Марий Эл): [материалы] / М-во образования и науки РФ, ГОУ ВПО «Мар. гос. ун-т»; [науч. ред. С.В. Стариков]. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2011. 262 с.

13. Марийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. 863 с.

14. Марийцы. Историко-этнографические очерки. Изд. 2-е, доп. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. 482 с., ил.

15. *Молотова Т.Л.* Традиционное марийское ткачество: Монография. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152 с., ил.

16. *Пекшеева Э.И.* Ихтионимы и лексика рыболовства в марийском языке: дис... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2012. 230 с.

17. *Пекшеева Э.И.* Тематическая группа «лексика охоты» в марийском языке // XIV Игнатьевские чтения: материалы докл. и выступ. на Респ. науч. конф., посвящ. году культуры в России (Козьмодемьянск, 1 апр. 2014 г.). Йошкар-Ола, 2015. С. 94–102.

18. *Пекшеева Э.И.* Лексика, связанная с пчеловодством, в марийском языке // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2017. С. 33–36.

19. *Пустяков А.Л.* Названия исчезнувших селений Республики Марий Эл: структурно-семантический и историко-этимологический анализ: дис. ... канд. филол. наук Тарту, 2011. 371 с.

20. *Саваткова А. А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. 235 с.

21. *Семенова Т.А.* Наименования меда и продуктов пчеловодства в марийском языке // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 227–231.

22. Словарь марийского языка: в 10 т. / Мар. НИИ яз., лит. и истории им. В.М. Васильева; гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола, 1990–2005.

23. Словарь марийского языка. Дополнительный том: А–Я / авт.-сост.: А.А. Абрамова, И.С. Галкин, М.Т. Ипакова и др. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. 560 с.

24. *Тимиряева И.И.* Лексика одежды в марийском языке: Dissertationes Philologiae Uralicae Tartuensis. Тарту, 1997. 136 с.

25. *Троицкий В.П.* Черемисско-русский словарь. Казань, 1894. 87 с.

26. *Шорин В.С.* Маро-русский словарь горного наречия / под. ред. С.Г. Эпина. Казань: Изд. Центр. изд-ва мари, 1920. 176 с.

27. *Эпин С.Г.* Горно-марийско-русский словарь. Козьмодемьянск: Тип. гормариздата, 1935. 195 с.

28. *Юзиева К.С.* Марийская орнитонимическая лексика в этнолингвистическом освещении (Dissertationes Philologiae Uralicae Universitatis Tartuensis 16). Тарту, 2016. 250 с.

29. *Янгелова М.С.* Лексика обработки льна и конопли, прядения и ткачества в марийском языке // Вестник Чувашского университета. 2008. № 3. С. 194–197.

30. *Янгелова М.С.* Термины ткачества в словаре Ö. Beke «Mari nyelvjárási szótár» (Tscheremissisches Dialektwörterbuch) // Социально-культурное развитие народов Поволжья и Приуралья в XX – нач. XXI веков: Материалы межрегион. науч. конфер., посвящ. Дню марийской письменности и 80-летию со дня рождения засл. работника культуры РСФСР М.Т. Сергеева / отв. ред. О.Н. Тихонов. Йошкар-Ола: МарГУ, 2007. С. 47–49.

УДК 811.16+811.22+811.511.1

В.В. Понарядов
Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН
(г. Сыктывкар)

ОБЩИЕ ИРАНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ФИННО-УГОРСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ*

В статье рассматриваются четыре древних иранских слова, заимствованных одновременно в финно-угорские и славянские языки. На основании фонетических критериев делаются выводы о конкретных источниках и хронологии этих заимствований. Также обсуждаются проблемы исторической интерпретации обстоятельств заимствования.

Ключевые слова: *финно-угорские языки, славянские языки, иранские заимствования.*

The article deals with four ancient Iranian lexical items borrowed both into Finno-Ugric and Slavic. The conclusions on their specific sources and chronology of borrowing are drawn on the grounds of phonetic criteria. The issue of historical interpretation of the circumstances of the borrowing is also discussed in the article.

Key words: *the Finno-Ugric languages, the Slavic languages, the Iranian loanwords.*

Изучение ранних иранских лексических заимствований как в финно-угорских, так и в славянских языках началось еще в XIX в., и о них к настоящему времени опубликовано довольно много научных работ. Однако занимавшиеся этой темой финно-угроведы и слависты работали независимо друг от друга, и поэтому доныне мало внимания обращалось на то, что некоторые иранизмы в финно-

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

угорских и славянских языках являются общими. Приведем примеры таких слов:

праир. **baga-* ‘бог’ (> ст.-авест. *baga-*, мл.-авест. *baγa-*, др.-перс. *baga-*, ср.-перс. *bag*, парф. *bag*, бактр. *βαγο* и др.), первичное значение ‘тот, кто распределяет (судьбу, счастье, богатство)’, ср. вед. *bhága-* ‘достояние, счастье’ [10, с. 48–52] → мордМ. *pavaz* ‘счастье’, мордЭ. *paz* ‘бог’ [3, с. 323; 18, с. 301], но также праслав. **bogъ* ‘бог’ [2, с. 81];

праир. **tapara-* ‘топор’ (> ср.-перс. *tabar*, н.-перс. *tabar*, афг. *tabar*, курд. *tefer*, *tewir*, белудж. *tapar*, *towār*, йдг. *tuvor*, вах. *tᵊpār*), производное от глагола **tap-* ‘бить’ [14, с. 327] → марГ. *tawar*, марЛ. *towa·r* ‘топор’ [18, с. 326], но также праслав. **toporъ* ‘топор’ [2, с. 81; 13, с. 79–80];

праир. **gauna-* ‘шерсть, волосы на теле’ (> авест. *gaona-* ‘волосы; цвет волос’, хот.-сак. *ggūna-*, осетД. *γun* ‘шерсть (овцы), волосы’), ср. также производное прилагательное **gauni̯ā* [11, с. 240–245; 15, с. 86] → коми *ge̮n* ‘перо (птичье), перья, шерсть (лошади, коровы и др., но не овцы), шерстинка’, удм. *gon* ‘шерсть, пух, волосы (на теле)’ [18, с. 262], но также праслав. **gunja* ‘ворсистая ткань или сделанная из нее одежда’ [2, с. 75; 12, с. 475];

праир. **u̯ar-* ‘говорить’ (> авест. *varah-* ‘божий суд’, хот.-сак. *gvar-* ‘говорить, рассказывать, утверждать’, ср.-перс. *war* ‘божий суд, клятва’, орм. *γwar*, йдг. *wor* ‘клятва’), хотаносакская форма может быть из **u̯ar-* или из приставочного образования от того же корня **u̯i̯-u̯ar-* [15, с. 94–95] → коми *gor* ‘голос, звук’, удм. *gur* ‘мотив, напев, мелодия’, *gur be̮rdi̮ni̮* ‘плакать навзрыд’, *gur kari̮ni̮* или *gur potti̮ni̮* ‘шуметь, галдеть’, *gur śerekjani̮* ‘громко смеяться’ (иранская этимология для этих пермских слов, изолированных в финно-угорской группе [5, с. 78], предлагается здесь впервые), но также праслав. **govorъ* ‘говор, речь’ [2, с. 75].

Наличие в финно-угорских и славянских языках общих иранизмов требует осмысления. Существует универсальное правило, что лексические заимствования проникают в языки не бессистемно, а обладают историко-культурной обусловленностью. Культурное, хозяйственное или политическое доминирование определенного языка в определенном географическом ареале в определенный исторический период

приводит к заимствованию из него в окружающие языки одних и тех же лексических единиц, обозначающих новые культурные, технические и социальные реалии [6, с. 278]. Поэтому с большой вероятностью можно предположить, что общие иранизмы финно-угорских и славянских языков проникали в них примерно одновременно и из одних и тех же источников (хотя для разных слов они могли быть разными). Определение, какие это могли быть источники, представляет значительный интерес как с лингвистической, так и с исторической точек зрения.

Все рассмотренные слова должны были быть заимствованы в древнеиранский период, который продолжался со второй половины II тысячелетия до н.э. примерно до середины или третьей четверти I тысячелетия до н.э.; на это указывает их фонетика. Согласно глоттохронологическим подсчетам В. Блажека, распад праиранского языкового единства произошел около 1120 г. до н.э. [16]. После этого времени можно говорить о существовании отдельных древнеиранских языков.

Однако заимствования, по-видимому, имели не одновременный характер. Для начала древнеиранского периода точные сведения об иранских этноплеменных объединениях Восточной Европы отсутствуют, однако именно к этому времени, видимо, должно быть отнесено заимствование слова **baga-* ‘бог’. Об этом говорит наличие конечного *-z* в его финно-угорских отражениях мордМ. *pavaz* ‘счастье’, мордЭ. *paz* ‘бог’, которое, очевидно, происходит от древней индоевропейской флексии именительного падежа **-s* (т.е. заимствование произошло из формы **baga-s*). Славянское **bogъ* в этом отношении неинформативно, потому что любой конечный **-s* в праславянском все равно должен был исчезнуть по действовавшему в нем закону открытого слога [4, с. 14]. В иранских языках **-s* в конце слов в позиции после гласного **a* тоже исчез еще в древности (отсутствует уже в авестийском и древнеперсидском), видимо, через стадию **-h* в контексте общего развития **s > h*, происходившего в ряде фонетических позиций [17, с. 3]. Однако транскрипции древнеиранских слов в ассиро-вавилонских клинописных источниках начала I тысячелетия до н.э. показывают, что развитие **s > h* не было

праиранским, а происходило в различных древнеиранских языках параллельно уже после утраты праиранского языкового единства. Таким образом, сохранение конечного *-z* в мордМ. *pavaz* и мордЭ. *paz* говорит о заимствовании в них этого слова или из очень архаичного древнеиранского языка или еще из праиранского, или даже доиранского арийского.

От конца древнеиранского периода, примерно соответствующего середине I тысячелетия до н.э., информация об иранских этноплеменных группах Восточной Европы, которые могли контактировать и с финно-уграми, и с ранними праславянами, дошла до нас в довольно многочисленных древнегреческих источниках, в меньшей мере также латинских и древнеперсидских. Во времена Геродота (V в. до н.э.) понтийские степи к западу от Дона населяли скифы, а восточнее от него – савроматы, которые позднее назывались сарматами. Небольшая группировка скифов («отколовшиеся» скифы, как их называет Геродот) тоже жила где-то на востоке в отрыве от основной части скифского этноса, видимо, в Поволжье. По сведениям более поздних авторов, на Южном Урале и далее на восток и юго-восток от савроматов или сарматов жили дахи (даи), археологически слабо от них отличимые [1].

По результатам последних исследований, в финно-угорские языки из дахского был заимствован ряд слов со специфическими фонетическими особенностями, которые и позволяют их отличать от иранизмов другого происхождения, а сам дахский язык имеет продолжение в виде средневековых «сакских» языков Восточного Туркестана и, в частности, хорошо засвидетельствованного письменными памятниками хотаносакского языка [7; 8; 9]. То, что по признаку наличия начального *g-* коми *gor*, удм. *gur* и праслав. **govorъ* обнаруживают особую близость именно к хот.-сак. *gvar-*, может служить аргументом в пользу заимствования этих слов из дахского языка, от которого произошел хотаносакский. Но если контакты финно-угров Волжско-Камского региона с древними дахами, которые первоначально обитали на Южном Урале, являются вполне ожидаемыми и естественными, то могли ли дахские слова заимствоваться также праславянами, которые жили намного западнее?

На первый взгляд, при таком географическом отдалении дахско-славянские контакты выглядят совершенно невероятными. Однако в славянских языках имеются и другие иранизмы с признаками, более всего напоминающими хотаносакские [2, с. 72–73]. Проникновение древних иранских диалектов дахского типа на запад, хотя и не столь далеко, подтверждается и наличием заимствований из них в кавказских языках [9, с. 973–974]. Это заставляет с вниманием отнестись к гипотезе об общем заимствовании в пермские и славянские языки указанного слова от дахов. Также дахское происхождение могут иметь и коми *gẹn* ‘перо (птичье), перья, шерсть (лошади, коровы и др., но не овцы), шерстинка’, удм. *gon* ‘шерсть, пух, волосы (на теле)’, праслав. **gunja* ‘ворсистая ткань или сделанная из нее одежда’, которые хотя и не обладают никакими указывающими на их конкретный источник фонетическими признаками, обнаруживают ту же самую лингвогеографическую дистрибуцию.

Проблемой, конечно, является то, что древнегреческие источники не знают ни о каком движении дахов на запад. В предполагаемое время заимствований (по оценке В. Блажека для иранизмов «сакского» облика в славянских языках – около 500 г. до н.э.) степные территории к северу от Черного моря занимали скифы. Скифские заимствования обнаруживаются и в славянских [19], и в финно-угорских языках [8, с. 64–65], но по фонетическим признакам они отличаются от дахских. Впрочем, древние греки по понятным причинам обладали достаточно подробной информацией лишь о ситуации на землях, наиболее близких к их причерноморским поселениям. Поэтому если движение дахских групп на запад происходило севернее скифов в глуби материковой территории, то греки могли его и не заметить.

СОКРАЩЕНИЯ

Авест. – авестийский язык; афг. – афганский язык; бактр. – бактрийский язык; белудж. – белуджский язык; вах. – ваханский язык; вед. – ведийский язык; др.-перс. – древнеперсидский язык; йдг. – язык йидга; курд. – курдский язык; марГ. – марийский горный язык; марЛ. – марийский луговой язык; мл.-авест. – младоавестийский язык; мордМ. – мордовский мокша язык; мордЭ. – мордовский эрзя язык; н.-перс. – новоперсидский, орм. – язык ормури; осетД. – осетинский дигорский язык; ср.-перс. –

среднеперсидский язык; ст.-авест. – староавестийский язык; парф. – парфянский язык; праир. – праиранский язык; праслав. – праславянский язык; удм. – удмуртский язык; хот.-сак. – хотаносакский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балахванцев А.С.* Среднеазиатские дахи в IV–II вв. до н.э. (по данным археологии) // Российская археология. 2016. № 1. С. 11–24.

2. *Блажек В.* Irano-Slavica – К хронологии старых иранских заимствований в славянских языках // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2015. № 4. С. 70–101.

3. *Вершинин В.И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. III (Мекш – Пиле). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. 122 с.

4. *Кондрашов Н.А.* Славянские языки. М.: Просвещение, 1986. 240 с.

5. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 388 с.

6. *Понарядов В.В.* Проблема выделения ойратских заимствований в тюркских языках // Ойрад судлал: угсаа, хэл, соёл. Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэл (2015 оны 5-р сарын 21–22. Монгол улс, Улаанбаатар). Улаанбаатар: Ган принт, 2015. С. 276–282.

7. *Понарядов В.В.* О языке античных дахов // Иранское языкознание 2020. Труды Междунар. науч. конф. «Чтения памяти Б.Б. Лашкарбекова к 70-летию со дня рождения». Институт языкознания РАН, Москва, 18–20 окт. 2018. М.: Яз. народов мира, 2020. С. 226–231.

8. *Понарядов В.В.* Финно-угры на Южном Урале в середине I тысячелетия до н.э. (по лингвистическим данным) // Мир Евразии: от древности к современности. Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 12 марта 2021 г.). Т. 1. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. С. 63–68.

9. *Понарядов В.В.* Хотаносакско-пермские лексические связи // Индоевропейское языкознание и классическая филология XXVI (2): материалы чтений, посвящ. памяти проф. Иосифа Моисеевича Тронского. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 969–976.

10. *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. b–d. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003. 504 с.

11. *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 3. f–h. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007. 494 с.

12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Прогресс, 1986. 576 с.

13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М.: Прогресс, 1987. 864 с.

14. *Хасандуст М.* Фарһанг-е рише-шенāхти-е забāн-е фāрси. Джелд-е 1. [Хасандуст М. Этимологический словарь персидского языка. Т. 1. (на перс. яз.)] Тehрāн, Фарһангестāн-е забāн ва адаб-е фāрси, 1383 г.х. 518 с.

15. *Bailey H.W.* Dictionary of Khotan Saka. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 560 p.

16. *Blažek V.* On classification of Middle Iranian languages (Preliminary report) // Linguistica Brunensia 61. 2013. S. 49–74.

17. *Hoffmann K.* Altiranisch // Handbuch der Orientalistik. Iranistik. Erster Abschnitt. Linguistik. Leiden; Köln: E.J. Brill, 1958. S. 1–19.

18. *Joki A.J.* Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1973. xxviii + 420 S.

19. *Loma A.* Skythische Lehnwörter im Slavischen. Versuch einer Problemstellung. // Studia Etymologica Brunensia 1. 2000. S. 333–350.

УДК 811.511.151

О.А. Сергеев

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

ЙЫЛМЫН КУГЕЗЕ УЛМЫЖЫМ ТОШТЕМШЕ АЛЕ ЙОМЫН ШУШО МУТ ДЕНЕ АКЛАТ

Статья посвящена анализу устаревших или устаревающих лексических единиц марийского языка. Базой лингвистической интерпретации послужили глоссарии, хранящиеся в корпусах рукописных лексикографических памятников XVIII–XIX вв. Анализ показал, что редкие или забытые слова в основном относятся к именам существительным, причем финно-угорского и тюркского происхождения. Из тюркских заимствований преобладают татаризмы.

Многие из них уже 250–300 лет тому назад активно употреблялись в речи марийцев. Они из устной речи вошли в письменный язык.

Ключевые слова: *лексика пассивного фонда, марийский язык, неопубликованные лексикографические произведения, ранние памятники письменности, священнослужители, словарное дело, составители рукописей.*

The article is devoted to the analysis of obsolete or becoming obsolete lexical units in the Mari language. The glossaries stored in the corpus of handwritten lexicographic monuments of the 18th–19th centuries served as the basis for linguistic interpretation. The analysis showed that rare or forgotten words mostly refer to nouns of the Finno-Ugric and Turkic origins. Tatarisms predominate in the Turkic borrowings. Many of them were actively used in the speech of the Mari 250-300 years ago and entered the written language from oral speech.

Key words: *vocabulary of the passive fund, the Mari language, unpublished lexicographic works, early monuments of writing, clergy, vocabulary, compilers of manuscripts.*

Кеч-могай йылмат поян. Йылмын висаже – калык. Калык уло – йылме ила. Тудо илыш йодмо дене эре вашталт толеш. Ик тӱшка мут жапын йодмыж дене шуэн кучылталташ тӱҥалеш, вара шижде мондалтеш. Тыгай шомак дене кужун пайдаланаш огыл гын, тудо тӱп йомеш. Тыге ынже лий манын, йомаш тӱҥалше мут-влакым мутерлаш пуртен, возен кодаш тыршыман. Чын, пытартыш жапыште лу том дене лекше умылтарыме шотан мутерым (1990–2005) (тыгак 2019 ийыште ты пашан ешартыш томжо савыкталтын), кок ужаш гыч шогышо руш-марий мутерым (2019) ямдылыше-влак ты чырым шотыш налаш тыршеныт. Шагал огыл шомак у мутерлаште шке вержым муын, тыге гынат ятыр шомак ӧрдыжеш кодын. Амалжат тӱрлӧ. Эн тӱҥжылан, векат, тӱрлӧ архив ден книгагудылаште улшо да ик экземпляр дене аралалтше тошто письменный памятник-влакын мутерым ямдылыше-влакын кид йымалнышт уке улмышт. 250–300 ий ожсо марий йылмынан кӱдыратле улмыжым почын ончыктышо мутвундо (изи ма, кугу ма) поснак кидвозыш мутерлаште «шылын кия». Тушто калыкнан ыштыш-кучышыж, чон

көргö поянлыкше дене кылдалтше мут аралалтеш. Мутерым поч, лышташлажым савыркале – ончылнет тунамсе илыш почылтеш. Шуко мутшо палыдыме, руш йылмыш кусарыме мужыржо веле шочмо йылмынан мутшын тӱсшым коклан почын пуаш полша.

Тошто шарныктыш-влак, поснак савыкталтде кодшо мутер-шамыч, нарынчаҥ пытыше лышташлаштышт кызыт мондалташ тӱҥалше але мондалтше шагал огыл шомакым арален коденыт. Чаманаш логалеш, нуно ятырынже калыклан палыдыме улыт. Шуэн вашлиялтше мут-влакым пӧртылташ гын, йылмына (литератур йылме нерген ойлена) эшеат кӱдыратле да виян лиеш. Тудо тошто, кугезе улмыжым рашрак палдара ыле. Вет йылмын акрет тӱсшым лач тоштемше шомакын чотшо (мыняр шуко тыгай мут, тунар тошто йылме) почын пуаш полша.

Тоштемше мут-влак тӱҥ шотышто кугезе финн-угор йылме тӱшкаш пурышо мут тӱшкам айлат але икмыняр шӱдӧ ий дене пошкудо семын илыме калык йылме гыч кӱсынлымӧ шомак лончыш пурат. Тоштемше мут радамым О.А. Сергеевын «Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII–XIX веков» монографийыштыже тыгак муаш лиеш [13, с. 173–186].

Кидвозыш мутер поянлыклан энгертен, южо мутешыже шогалына:

азык ‘съестные припасы, корм, провиант, запасы’ [3].

Мут сотемдарче, Ныргындыш марий П.П. Ерусланович XIX курымышто ямдылыме эрвелмарий-руш мутерыштыже аралалтеш. Тачысе кечылан тудо мондалтше але шуэн вашлиялтше мут тӱшкаш пура. Марий-руш мутер *В.* помете дене ‘пища, провизия; запас корма, продовольствия’ значенийыште пуа [2, с. 14]. Тудо умылтарыме шотан мутерыште шке вержым муын. Тушто *диал.* пале дене ‘*корм*’ манын кусарыме [15, с. 47]. Шомакым пошкудо татар йылме гыч кӱсынлымӧ, таҥ.: тат. *азык* ‘пища, продовольствие, провиант, провизия, продукты питания; корм’ [30, с. 27];

алче ‘посол’ [4]. Ты шомак XVIII курымын кокымшо пелыштыже ямдылыме кидвозышышто аралалт кодын. Мутерым Кукарка слободасе черке пашаеҥ-влак Василий Крекнин ден Иоанн Платунов

ямдыленыт. Пытартыш гана лекше марий-руш мутерыште *алче* шомак шке вержым муын огыл. Толковый шотан мутерышке тудым *уст*. пале дене пуртымо [15, с. 73]. Мутым татар йылме гыч кӱсынлымылан шотлаш лиеш, таҥ.: тат. *илче* ‘посол’ [11, с. 451];

аранъ ‘стадо’ [4], *аран* л. чер. ‘стая, табун лошадей без пастуха’ [3]. Источник гыч коеш: мут XVIII–XIX курымласе мутерышкат посна шомак семын пурен. Тудо *кӱту, имне кӱтӱ* умылымаш дене кылдалтын. Тыгайрак значениян мутым татар йылмыште ончыкташ лиеш, таҥ.: *аран* ‘конюшня; стойло (закрытое для одной лошади); конюшенный, стойловый’ [30, с. 38]. Векат, *аран* мут пошкудо йылме гыч толын. Тудо 150–250 ий ончыч марий йылмыште кумдан кучылталтын. Толковый шотан мутер *аран* шомаклан ‘стая, табун, группа животных (*кайык, янлык тӱшка*)’ умылымашым пуа [15, с. 100];

аръ ‘глубокий’ [20; 19], *уръ* ‘ров’ [23], *оръ* ‘ров’ [22; 27]. Мут XVIII курымысо мутерлаште да 286 шомакым авалтыше изирак мутерыште (словникыште) вашлиялтеш. Тудым мутер ямдылыше-влак тӱрлӧ фонетический вариант дене пуэныт. Кызытсе марий мутерзе-влак ты шомакым *ор* формо дене пуат, таҥ.: *ор уст.* ‘крепость, укрепление’; ср. *карман* [2, с. 227], *ор уст*. ‘1) крепость, укрепление; 2) *в поз. опр*. крепостной; связанный с крепостью, укреплением; 3) *в поз. опр. перен*. сильный, шквалистый (о ветре)’ [16, с. 332]. Коеш, мемнан жапысе мутерлаш *орым* ‘крепость’ значений дене пуртеныт. Руш йылмысе *ров* шомакым ончалына гын, марла тудым ‘*кужу вынем, кужу канаве*’ муткылдыш семын кусареныт [10, с. 663]. Чын кусарыме, шонем. *Ор (ар, ур)* мутын тошто годсо значенийжым арален кодымо, таҥ. тыгак: Г. *ор* (*устар*.) ‘насыпь, земляная крепость’ [12, с. 108]. *Ур* ‘ров’ мутвож гычак *урылташ* ‘прорываться, прорваться (о воде)’, *урылтмаш* ‘(сущ. от *урылташ*) прорыв (воды)’, *урылтыш* ‘прорвавшийся поток’ да *урымаш* ‘(сущ. от *ураш* II) окапывание, окучивание’ мут-влак лийыныт, *урыктараш* ‘размывать, размыть; прорывать, прорвать что-л. (о воде)’ шомакат ты тӱшкаш пура [2, с. 367]. Шошым, поснак тале вӱдшор годым, коремла серысе мланде урнен вола, мландым вӱд мушкын, йоктарен наҥгая. Тыге келге корем лиеш. Тыгай *келге да кужу*

корем коклаш, тушман деч лӱдыкшӧ ынже лий манын, марий-влак моло калык семынак *карманым (крепостьым)* чоҥеныт, тушман деч аралалтыныт;

атмя ‘тенета’ [19], *атмя* ‘сеть охотничья’ [22]. Тиде йомын шушо мут XVIII курымысо мутерлаш сералт кодын. Литератур йылмысе вариантше – *атма*. Шомак сонар паша дене кылдалтын. Кызытсе мутер пашаеҥ-влак тудын эше кок значенийжым ончыктат: *атма* ‘1) перепонка между пальцами (у водоплавающих птиц); 2) сачок; черпак’ [2, с. 24]. Марий-руш мутер шомакын сонар паша дене гына огыл, тыгак кол кучымаш дене кылдалтмыжым палемда, таҥ.: ‘*намёт; сеть (для ловли рыбы и зверей*)’ [Туштак, с. 24]. Руш йылмысе мутер *тенета* шомакын *кол, кол кучымаш дене* кылдалтше мут тӱшка дене кылжым ок ончыкто, таҥ.: *тенёта* ‘сеть для ловли зверей’, тыгак шомакын ‘паутина’ значенийжым пуымо [8, с. 793]. *Атма* шомакым татар йылме гыч кӱсынлымӧ, онч.: *ятьмә, ау ятьмәсе* ‘тенёта’ [11, с. 625];

кара-гуш ‘коршун’ [3]. Литератур йылмыште ты шомак пырля возалтшаш ыле: *карагуш*. Мутым уста сотемдарче Пётр Ерусланович эрвелмарий мутерыштыже верештме. Кызытсе марий мутерзе-влак ты шомакым ужде кодыныт. Мут кок ужаш гыч шога: *кара* да *гуш (кош)*. Тудо татар йылме гыч куснен, таҥ.: *кара* ‘черный; темный (о цвете, окраске)’, *кош* ‘птица, птичка; птичий’ [30 , с. 227, 228], тыгак ончыза: *кара кош* ‘орел’ [Туштак, с. 228];

каратунъ ‘монах’ [22]. Икымше гана ты шомак XVIII курымысо палыдыме авторын пашаштыже вашлиялтеш. XIX курымысо мутерлаштат тудо кумдан кучылталтеш, онч., мутлан: *каратунъ* ‘монах’ [6; 24], *каратун* ‘монах’ [25], *каратунъ* (л.) ‘монах’ [21]. Озаҥ духовный семинарийыште марий йылмым туныктышо Флавиан Земляницкий мутерыштыже олыкмарий шомакын курыкмарий мужыржо семын *шимъ попъ* (г.) ‘монах’ муткылдышым конда, онч.: *шим(ӹ)* ‘1) черный; 2) *перен*. грязный’ [12, с. 202]. Мемнан шонымаште, *каратун* шомакат кок ужаш гыч шога: *кара* да *тун*. Палемдышна, татар йылмыште *кара* ‘черный; темный (о цвете, окраске)’ [30, с. 227] умылымаш дене кылдалтын. *Тун* ужаш шотышто рашлык уке. Черкызе-влакын чийыме вургем тӱсыштым ончен, ала

татар йылмысе *тун* ‘шуба; шубный’ [30, с. 556] мут дене умылтараш лиеш?

пл ‘слон’ [3]. П.П. Ерусланович эрвелмарий-руш мутерыштыже веле вашлиялтеш. Мутат уке, *ы* йӱкын пеш кӱчык улмыжлан кӧра возымаште *ы* буква ончыкталтде кодын, таҥ.: *пыл*. Тудо диалект шомаклан шотлалтеш. Мут татар йылме гыч пурен, таҥ.: тат. *фил* ‘слон; слоновый’ [30, с. 603]. Кызыт тудым руш йылме гыч кӱсынлымӧ *слон* мут шӱкен луктын. Тыгак ончалза, мутлан, тоштемше *тӱэ* шомакым. Шомак тӱрлӧ вариант дене савыкталтдыме ятыр пашаште вашлиялтеш: *тюе* [19; 20], *тюэ* [4; 24; 25], *туЕ* [7], *tüe* [9], *тюя* [26], *тюа* (л.) [21], *тӱэ* [1, 3] ‘верблюд’. Татар йылме гыч толшо, таҥ.: тат. *дөя* ‘верблюд; верблюжий’ [30, с. 143]. Кызыт *тӱэ* олмеш (орфографий мутерыште – *тӱе* [5, с. 290]) тӱҥ шотышто *верблюд* руш шомакым кучылтына. Историй темылан возышо южо авторын сылнымутыштыжо *тӱэ* мут вашлиялтеш. Мондалт толшо шомак дене пайдаланымаш лудшым тошто-тошто жапыш пӧртылташ полша, произведенийын вийжым ешара;

табышъ ‘добыча, польза’ [4]. Шомакым В. Крекнин ден И. Платуновын пашаштышт возен кодымо. Марий йылмыш тудат татар йылме гыч толын, таҥ.: тат. *табыш* ‘1) прибыль, выгода, барыш; 2) находка; 3) взяток (у пчел)’ [30, с. 507];

*танык*ъ ‘третей, свидетель’ [22; 19], *танык* ‘свидетель’ [4; 27; 26; 23], *танык*ъ ‘свидетель’ [6], *танык*ъ ‘друг, свидетель’ [26]. Тошто шарныктышлаште ик эн кумдан кучылталтше мут. Тудым эше 1785 ийыштак кагазеш серен коденыт, XIX курымыштат Арын селасе черкыен Александр Смирновын кум мутерыштыже возалт кодын. Тидымак Ф. Земляницкийын пашаже нерген ойлаш лиеш. Марий-руш мутерыште *танык* шомак *В.* помете дене палемдалтын да ‘свидетель’ значений дене пуалтын, таҥ. тыгак: *таныклаш В.* ‘свидетельствовать что-л., о чем-л., засвидетельствовать что-л.’ [2, с. 324]. Умылтарыме шотан мутер *танык* мутым тыге рашемда: *танык* ‘свидетель; человек, который лично присутствовал (или будет присутствовать) при каком-л. событии’ [17, с. 38]. *Танык* мутер статья почеш тудын деч лийше кок шомакым верандыме: *таныклаш* ‘свидетельствовать что-л., о чем-л.; засвидетельствовать что-л.’ да

таныклык ‘свидетельский, связанный с показаниями свидетеля’ [17, с. 39]. Шомак татар йылме гыч кӱсынлалтше, таҥ.: тат. *танык* уст. ‘свидетель; понятой’, таҥ. тыгак: *таныклык* ‘1) удостоверение, свидетельство; 2) положение свидетеля (понятого)’ [30, с. 515]. В. Крекнинын, А. Смирновын, тыгак А. Канцеровскийын мутерыштышт *таныктармашъ* ‘свидетельство’ [4], *таныктышъ* [26], *таныктыш* ‘свидетельство’ [6; 25] шомак-влак аралалтыныт. *Таныктарымаш*, *таныктыш* йомын шушо але шуэн вашлиялтше мут-влакым палыдымаш южо мерпашаенлан *танык* шомакым ‘свидетельство’ значений дене йоҥылыш кучылташ таратен. Тӱрлӧ источникын палемдымыж почеш, *танык* – тиде *свидетель,* але *ужшо-колшо*;

уру ‘плоды’ [28; 29]. Палемдыме шомак XVIII курымышто «Сравнительный словарь всех языков и наречий…» мутерлан материалым погымо годым 264 да 286 мут гыч шогышо словникыш логалын. Кусарыме пашам Оренбург губернийысе канцелярийын толмачше Мендияр Бекдорин виктарен. Тудо татар калык гыч лийын. Словникын негызышкыже эрвелмарий наречийыш пурышо малмыж говор возын [рашрак онч.: 13, с. 33–35]. Чаманаш логалеш, *уру (ур)* шомак кызытсе мутерлашке (поснак толковый шотан але тудын почеш ямдылыме ешартыш мутерыш) пурен огыл. Пошкудо йылмын мутвундыжым эскерен лекмеке, рашемдаш лиеш: *уру (ур)* – татар йылме гыч пурен, таҥ.: тат. ***ор****лык* ‘семя; семенной’ [30, с. 413], *ӟимеш,* ***ор****лык* ‘плод’; тыгак онч.: *плодить* ‘несов. прям. перен. кого-что *тудыру,* ***ур****четӱ*’ [11, с. 409]. Очыни, марий йылмысе ***ур****лык* ‘1) потомство; 2) порода; 3) семя, семена (для посева)’ [2, с. 367] мутыштат диахроний могырым *ур* мутвожым ойыраш лиеш, *-лык* – мут ыштыше суффикс;

юнаръ ‘ремесло’ [22]. Тиде мондалтше мут XVIII курымысо «Словарь языка черемисского» пашаште вашлиялтеш. Ышталтме могырым мутер – руш-марий, тыге руш йылмысе *ремесло* шомакым марла ‘*юнар*’ формо дене пуымо. Мутерым ямдылышыже пале огыл. Шомак татар йылме гыч пурен манаш чыла амал уло, таҥ.: тат. ***һөнәр****, кәсеп, кул эше* ‘ремесло’ [11, с. 540].

Мучашлан шуэн вашлиялтше але мондалтше мут тӱшкаш пурышо эше икмыняр шомакым ончалына. Ышталтме могырым

тагдушъ ‘патрон’* [19], *тагдушъ* ‘приятель’ [26] мут шке велышкыже савыра. Кагазеш возалт кодмо жапше – XVIII курымын кокымшо пелыже, раш серен кодымо тат пале огыл. Мут эн ончыч Дамаскинын манме мутерышкыже логалын. Тиде шомакымак марий сотемдарче Александр Смирновын кидвозыш мутерыштыже ужына. Кызытсе орфографий почеш *тагдушъ* шомак *таӈдуш* семын возалтшаш ыле. Руш алфавит радамыште марий йылмысе шкешотан *ӈ* буква уке улмылан кӧра *ӈ* олмеш то *н* буквам, то кок графеме гыч шогышо *нг* кылдышым (южо шарныктыште *нg* вариантымат ужаш лиеш) кучылтыныт. Мемнан шонымаште, *таӈдуш* мут кок компонент гыч шога: *таӈ* да *душ* (*дус*). Мутын икымше ужашыже кызытсе литератур йылмыште кумдан кучылталтеш, кокымшыжым *тос* шомак дене таҥастараш келшен толеш, онч.: *таӈ* ‘приятель, друг’ [2, с. 324], Г. *täӈг* ‘друг, приятель, товарищ’ [12, с. 157], *тос* ‘приятель, друг’; таҥ.: *таӈ* [2, с. 337]. Лончылымо мутын пытартыш компонентше татар йылме гыч кӱсынлалтын: тат. *дус* ‘друг, приятель’ [30, с. 137]. Тыге, икгай значениян кок шомак пырля ушнен, ик мутым ыштен. Марий йылмыште тыгай шотан икмыняр мут вашлиялтеш;

луткэч ‘заяц’ [1]. Тиде шомакым Киров областьысе кугыжаныш архивыште аралалтше Александр Бессоновын «Черемисско-русский словарь» пашаштыже мумо. Мутерын негызышкыже тӱҥ шотышто вӱрзым да яраҥ вел кутырымо ойыртем возын. Палемдыме мут марий йылмылан келшен толдымо. Очыни, тудо йоҥылыш вес йылме гыч пурен. Палемден кодена, А.Г. Бессонов марий еҥ лийын огыл. Ик жап Уржум уездысе школышто туныктышылан пашам ыштен. Тыге, векат, марий калык дене вашлийын, мутерым ышташ йылме материалым поген. *Луткеч* родо-тукым финн-угор йылме тӱшкаш пурышо одо йылмысе мутлан келшен толеш, таҥ.: 1) *лудкеч* ‘заяц, 2) заячий’ [31, с. 261]. Тыгай лугкалымашым коклан моло пашаштат ужаш лиеш;

---

* Патрон – 1) в Древнем Риме: патриций – покровитель зависящих от него вольноотпущенных и плебеев; 2) хозяин предприятия, фирмы (обычно при обращении или упоминании) (разг.); 3) *перен*. покровитель людям, зависящим от него, ему подчиненных [8, с. 496].

ватЕръ ‘ночлег’ [20], *ватеръ* ‘ночлег’ [19], *ватэр* ‘квартира’ [21]. Палемдыме шомак возыктыш историеш «Дамаскинын мутерже» лӱм дене кодшо мутерыште аралалтеш. XIX курымышто ыштыме Флавиан Земляницкийын пашашкыжат *ватер* шомак пурен. Д. Дамаскинын шарныктышыжын рӱдыжлан курыкмарий да кас-йӱдвелмарий наречийысе мут-влак шотлалтыт. Ф. Земляницкият мутерышкыже олыкмарий наречийысе мут-шамыч дене пырля шагал огыл курыкмарий шомакым пуртен. Шонаш лиеш, *ватер* тоштемше мут касвел диалектлаште кумдан кучылталтын. Пытартыш пагытыште савыкталтше пашам шергал лекмеке рашеме: умылтарыме шотан ешартыш мутер посна статья семын *уст.* помете дене *ватéр* шомакым пуртен. Почешыже курыкмарий велне вашлиялтше *вáтер* мутым пуымо, онч.: *ватéр уст.*, Г. *вáтер* ‘1) квартира; 2) *в поз. опр.* квартирный, квартиры; связанный с квартирой, относящийся квартире’ [18, с. 52]. Иллюстраций материалым курыкмарла серыше автор-влакын сылнымутышт (Г. Матюковский), публицистике («Жэрӓ» газет) гыч налме. Шомак коклаште ойыртемым ужына: олыкмарий мутышто пералтыш кокымшо слогеш возеш, а курыкмарийыште – икымшеш. В. Крекнин ден И. Платуновын мутерыштышт ‘ночлег, постоялый двор’ значений дене *унагудо* шомак аралалт кодын [4]. А.Г. Канцеровскийын кидвозыш материалыштыжат руш йылмысе *ночлег* шомаклан *уна-кудо* мужырым мумо [тыгак онч.: 14, с. 236]. *Ватер* мутым руш-влак кокласе калык йылмыште кучылталтше да тоштемше мут тӱшкаш пурышо *фатера* шомак дене танастараш лиеш, онч.: *фатера* – ‘квартира. Съехать с фатеры. Затесаться на фатеру (приехать). Снять фатеру. *Искаж.* «квартира», подражание *устар. прост. язык* Одессы’ [32].

Чынак, йылмына путырак поян. Ойлен колташ мутнат сита. Тудым кӱлеш вере моштен веле кучылтман.

Пытартыш жапыште чӱчкыдын йылмым аралаш ӱжына. Пиалешна, йылмына уло. Тудо йӱк, мут, грамматике могырымат пеш поян да лывырге. Нимогай йылмыланат макым ок пу. Йылме йӧннат (стиль) кумда, моштен веле кучылт. Сылне деч сылне ойым чоҥаш, ойлен колташ лиеш. Йылмылан пӱсылыкым, лывыргылыкым сылнештарыме йӧн деч посна ныжылгын каласаш полшышо

суффикс-влак пуат. Арам огыл марий сылнымутлан негызым пыштыше уста мутмастарна-влак тиде йӧн дене моштен пайдалаленыт. Нунын возымаштышт (тышке сылнымутысо геройын йылме ойыртемже ок пуро) искусственно ыштыме мутым огына уж (йылме наукышто тыгай шотан шомак-шамычым *окказионализм* (*случайный, единичный*) маныт. Возышо-влак йылмым пойдараш келшыше мутым калык йылме гыч налынят але, мут ышталтме радамым шотыш налын, у мутым ыштеныт. Арам огыл нунын поян мутвундыштышт *кӱштык, эртык, шындер, йыргек* шотан «у мутым» огына вашлий. Йылме арулык эре ончыл верыште лийын. Мутат уке, окказионализм-влакат кӱлыт. Нунат шке верыштышт ойым сылнештараш (лудшым куандараш, воштылташ; произведенийысе персонажым игылт койдараш, пӱшкыл пуаш) кугун полшат. Ты йӧн денат сылнымут мастарна-влак, газет пашаеҥ-шамыч моштен пайдаланат. Сылнымутчын возымаштыже гын «ик кечаш мут-влак» геройжын йылмыштыже коеш, тудын йылме йӧнжым почын пуымаште тӱҥ верыш лектеш. Окказионализм-влакын верышт – тиде лӱмын ямдылыме (специальный) мутер, чын возаш туныктымо (орфографий) мутерыште нунылан вер уке.

Йылмына уло: тудо моткоч поян, лывырге, тӱрлӧ вере тӱрлӧ семын каласен пуаш, возен колташ чыла йӧнжӧ уло. Кӱлешыжым ойырен нал, кӱлмӧ верыште раш ойлен да серен колто. Шулдыран чын ой коштеш: «шочмо йылмым ӱмырет мучко тунемат гынат, тудым тунем от шу». Шочмо йылмына дене кутырышо (мутланыше) калык чотым аралаш кӱлеш. Тунам йылмына ок шуалге.

КЎЧЫКЕМДЫМАШ

онч. – ончо, ончыза; таҥ. – таҥастаре, таҥастарыза; тат. – татар йылме; Г., г. – горномарийское наречие; ед. хр. – единица хранения; ист. – историзм; л. – луговое наречие; оп. – опись; перен. – переносное значение; прост. – простонародный; р. – разряд; разг. – разговорный; уст., устар. – устаревшее слово; чер. – черемисский язык.

ЛИТЕРАТУР ДЕН ИСТОЧНИК-ВЛАК

1. *Бессонов А.Г.* Черемисско-русский словарь // Государственный архив Кировской области. № 1243.

2. *Васильев В.М., Саваткова А.А., Учаев З.В.* Марийско-русский словарь. 2-е изд., с изм. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 512 с.

3. *Ерусланов П.* Черемисско-русский словарь // Архив Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения Российской академии наук. Р. II. Оп. 5. Ед. хр. 3.

4. Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Василием Крекниным и Спасской церкви диаконом Иоанном Платуновым. 1785 года // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Эрмитажное собрание). Эрм. собр. № 197/1.

5. Марий орфографий мутер / В.М. Васильев лӱмеш Йылмым, сылнымутым да историйым шымлыше марий институт. Йошкар-Ола, 2011. 368 с.

6. Марла оляш тунуктэмо сомул тюрлiо руш шомак-шамычь-гэ олок мари ойомэш возоктэн пыштэмо-шамычь дэно. Краткое руководство к изучению черемисского языка по обоим (луговому и горному) наречиям и Словарь. Составил преподаватель черемисского языка в Казанской семинарии Алексей Канцеровский. Казань, 1859 // Архив Санкт-Петербургского отделения Российской Академии наук. Р. III. Оп. 1. Ед. хр. 213.

7. Научные материалы Камчатской экспедиции. Среди них: Г.Ф. Миллер «Житии Блаженного велико князя Михаила Ярославича Тверского из церковной книги о праздневстве его памяти в Твери, вниз по Волге. В Тексте приводятся различные словари, «Ведомости о Амуре», «Реестр присланных от профессоров Камчатской экспедиции вещей» и др. менее значительные заметки // Архив Санкт-Петербургского отделения Российской Академии наук. Ф. 21. Оп. 5. Ед. хр. 168 (Фонд Миллера).

8. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2001. 944 с.

9. Рукописи трудов и отдельные документы. Фишер И.Э. (акад.). Словарь… (черемисский, мордовский, самоедский, чувашский, латинский, финский, зырянский) // Архив Санкт-Петербургского отделения Российской Академии наук. Р. III. Оп. 1. № 135.

10. Русско-марийский словарь: Ок. 35 000 сл. / редкол.: И.С. Галкин (гл. ред.) и др. М.: Сов. энцикл., 1966. 848 с.

11. Русско-татарский словарь: Ок. 47 000 сл. / Э.М. Ахунзянов, Р.С. Газизов, Ф.А. Ганиев и др.; под ред. Ф.А. Ганиева. М.: Рус. яз., 1984. 736 с.

12. *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. 235 с.

13. *Сергеев О.А.* Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII–XIX веков. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2002. 192 с.

14. *Сергеев О.А.* Василий Крекнин, Иоанн Платунов «Краткий черемисский словарь с российским переводом»: лингвистический анализ (с приложением словаря). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. 348 с.: ил. *(Из истории отечественной лексикографии. Серия II)*.

15. Словарь марийского языка. Т. I: А–З / А.А. Абрамова, И.С. Галкин, А.С. Ефремов и др.; редкол.: И.С. Галкин (гл. ред.) и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 484 с.

16. Словарь марийского языка. Том IV: М–Ӧ (ма – ӧрчыктарымаш) / А.А. Абрамова, Л.И. Барцева, В.Н. Васильев и др.; гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998. 384 с.

17. Словарь марийского языка. Том VII: Т / сост.: В.И. Вершинин, В.Н. Максимов, С.С. Сибатрова, Е.А. Черашова; редкол.: И.С. Галкин (гл. ред.) и др. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.

18. Словарь марийского языка. Дополнительный том: А–Я / авт.-сост.: А.А. Абрамова, И.С. Галкин, М.Т. Ипакова и др. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2019. 560 с.

19. Словарь черемисского языка с российским переводом // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Эрмитажное собрание). Эрм. собр. № 218.

20. Словарь черемисского языка с российским переводом по алфавиту российскому расположенный // Государственный архив Нижегородской области. Ф. 2013. Оп. 602-а. Ед. хр. 186.

21. Словарь черемисско-русский учителя духовного училища Земляницкого // Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. № 1420.

22. Словарь языка черемисского // Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Эрмитажное собрание). Эрм. собр. № 216.

23. Словник на разных языках // Государственный архив Кировской области. Ф. 583. Оп. 2. Ед. хр. 1287.

24. *Смирнов А.* Русско-черемисский словарь лугового наречия // Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. № 1146.

25. *Смирнов А*. Русско-черемисский словарь лугового наречия // Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. № 1755.

26. *Смирнов А.* Словарь черемисского языка // Отдел рукописей и редких книг библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. № 1360.

27. Список русских слов с переводом на черемисский и мордовский языки // Архив Санкт-Петербургского отделения Российской Академии наук. Ф. 94. Оп. 2. Ед. хр. 110 (Фонд Шёгрена. Бумаги Палласа).

28. Список русских слов с переводом на черемисский, чувашский, мордовский, вотяцкий языки // Архив Санкт-Петербургского отделения Российской Академии наук. Ф. 94. Оп. 2. Ед. хр. 111 (Фонд Шёгрена. Бумаги Палласа).

29. Список русских слов с переводом на черемисский, чувашский, мордовский языки // Архив Санкт-Петербургского отделения Российской Академии наук. Ф. 94. Оп. 2. Ед. хр. 112 (Фонд Шёгрена. Бумаги Палласа).

30. Татарско-русский словарь: Ок. 38 000 сл. / К.С. Абдразаков, Г.С. Амиров, А.Ш. Асадуллин и др. М.: Сов. энцикл., 1966. 863 с.

31. Удмуртско-русский словарь: Ок. 35 000 слов / А.С. Белов, В.М. Вахрушев, Н.А. Скобелев, Т.И. Тепляшина; под ред. В.М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

32. https://yandex.ru/search/?clid=9582&text=фатера+это&l10n=ru&lr=41: (дата обращения: 26.08.2022).

УДК 811.511.151

С.С. Сибатрова

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

АДЪЕКТИВНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С МЕСТОИМЕНИЯМИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена марийским адъективным словосочетаниям с местоимениями в роли зависимого компонента, т.е. модели М + ИП$_{кач.}$. В ней описываются особенности выражения подчиненного компонента – лексический состав и семантические разряды местоимений, выступающих при качественных прилагательных. Определяются тип грамматической связи, смысловое отношение и основные грамматические значения между компонентами.

Ключевые слова: *марийский язык, адъективные словосочетания, зависимый компонент, местоимения, грамматическая связь, смысловое отношение, грамматическое значение.*

The article considers the Mari adjectival phrases with pronouns as dependents, i. e. the model PRON + ADJ$_{qual}$. It describes the peculiarities of the dependent component expression, namely the lexical composition and semantic classes of pronouns appearing with qualitative adjectives. The type of grammatical connection, semantic relation and main grammatical meanings between components are determined in the research.

Key words: *the Mari language, adjectival phrases, dependent component, pronouns, grammatical relation, semantic relation, grammatical meaning.*

Известно, что главным компонентом в адъективных словосочетаниях являются имена прилагательные (лат. *adjectivum*). Марийские прилагательные, в отличие от существительных и глаголов, довольно редко выступают в позиции ядерной части словосочетаний. Для них прежде всего характерно зависимое положение в субстантивных словосочетаниях, так как одной из основных синтаксических ролей прилагательных является, наряду с предикативной, функция атрибута при имени существительном [6, с. 98; см. также 8, с. 107].

В марийской лингвистике информации об адъективных словосочетаниях представлено немного. Не подвергались специальному изучению ни имя прилагательное как отдельный лексико-грамматический класс слов, ни адъективные словосочетания как один из лексико-грамматических типов минимальных синтаксических соединений. В изданиях (в учебных пособиях для студентов) по марийской морфологии и синтаксису чаще всего отмечается факт существования адъективных словосочетаний в языке и, в лучших случаях, называются самые характерные грамматические формы зависимого компонента, приводятся основные структурные образцы словосочетаний (см.: [6, с. 101, 103, 104, 111; 8, с. 109, 113–114, 117,

120–123, 132; 1, с. 10, 13; 7, с. 4; 2, с. 15–17, 36–37, 40–41; 3, с. 68–73, 118, 123; 4, с. 338–343]). При этом прономинально-адъективные словосочетания, т.е. модели М + $ИП_{кач.}$ (местоимение + имя прилагательное качественное), ставшие объектом настоящего исследования, не нашли отражения ни в одной из вышеуказанных работ. Правда, Л.П. Васикова в «Сопоставительной грамматике русского и марийского языков», рассматривая структурные типы словосочетаний, в ряду моделей «с именем прилагательным в роли главного слова» в сопоставляемых языках отдельно выделяет модель «прилагательное с местоимением», в марийском языке – «$Pron_{(post)}$ + Adj» (местоимение с послелогом или без послелога + изменяемое прилагательное). Модель иллюстрирует примерами: «*тудо гай мотор (моторын, моторым, моторлан, мотор годым …)* ‘красивый(ая), как он(а)’, *мемнан деч сай* ‘лучше нас’, *вес семын ушан* ‘умный в другом (по-другому)’, *тудлан кужу* ‘ему (ей) длинно (платье)’» [2, с. 15–16].

Цель статьи – дать разностороннее описание марийских адъективных словосочетаний простой структуры с зависимыми местоимениями. Исследование проведено с учетом достижений современных марийских лингвистов (см.: [5]) и на базе фактического материала по лугово-восточной марийской литературной норме, представленного в электронном собрании текстов, главным образом художественных произведений и периодической печати, создаваемого корпуса марийского языка (в объеме около 20 миллионов словоупотреблений). Изучаемые словосочетания выявлялись путем поиска в источнике (и дальнейших лингвистических наблюдений) как по часто употребляемым опорным прилагательным, так и по хорошо известным и предполагаемым зависимым местоимениям. Они подвергались последовательному анализу прежде всего со стороны особенностей выражения зависимого компонента. Обращалось внимание на определение синтаксической связи, смыслового отношения и, более всего, основных грамматических значений в словосочетаниях (нужно заметить, что словосочетания с субстантивированными прилагательными, проявляющие некоторые специфические черты, в статье не рассматривались).

Итак, словосочетания модели М + $ИП_{кач.}$ (местоимение + имя прилагательное качественное) характеризуются рядом особенностей. В зависимой части выступают обычно указательные и вопросительные местоимения качественного и количественного значений (т.е. с морфемами *-гай* и реже с *-няр /-нар*), иногда производные, образованные от вопросительных местоимений, – определительные, неопределенные и отрицательные местоимения. Как правило, ими являются местоимения, соотносительные с именами прилагательными и числительными и указывающие в рамках данной модели на соответствующий качественный и количественный признак, а также на меру и степень (преимущественно на высокую) предметного признака: *тыгай* ‘такой’ (букв. ‘этакий’), *тугай* ‘такой’, *тынар, тунар* ‘столько, настолько’, *могай* ‘какой’, *мыняр,* (реже) *кунар* и *мочол* ‘сколько, насколько’, (реже:) *кеч-могай, керек-могай* ‘какой угодно, любой, хоть какой’, *ала-могай* ‘какой-то, неизвестно какой’, *нимогай* ‘никакой’, *нимо* ‘ничто’ в значении ‘никакой’, *кеч-мыняр, кеч-кунар, керек-мыняр, керек-кунар* ‘сколько угодно, хоть сколько’, *ала-мыняр,* (в иных случаях) *ала-кунар* ‘сколько-то, несколько, неизвестно сколько’, *икмыняр* ‘несколько; немного’, *мыняр-гынат, кунар-гынат* ‘сколько-нибудь’, *нимыняр, нигунар* ‘нисколько’, *нимат,* (в иных случаях) *нимо* ‘нисколько, ничуть’. Например: *тыгай алама (шудо)* ‘такая плохая (трава)’, *тыгай ару (пӧлем)* ‘такая чистая (комната)’, *тугай шучко (йӱк)* ‘такой страшный (звук)’, *тугай весела (жап)* ‘такое веселое (время)’; *тынар кужу (корно)* ‘настолько длинная (дорога)’, *тынар келге (шинчымаш)* ‘настолько глубокое (знание)’, *тунар неле (паша)* ‘настолько трудная (работа)’, *тунар йӱштӧ (кече)* ‘настолько холодный (день)’; *могай йытыра (пӧрт)* ‘какой красивый (дом)’, *могай кугу (ваштaлтыш)* ‘какое большое (изменение)’, *мыняр весела (улыт)* ‘(они) насколько веселые’, *(мелна) мыняр вичкыж* ‘(блины) насколько тонкие’, *(марий) кунар йорло* ‘(мужик) насколько бедный’, *(произведений) кунар кугу* ‘(произведение) насколько крупное’, *мочол кугу (вий)* ‘насколько большая (сила)’, *мочол вестӱрлӧ (тудо лиеш)* ‘насколько другим (становится он)’; *кеч-могай йӧнысыр (саман)* ‘любое (какое угодно) трудное (время)’, *кеч-могай виян (айдеме)* ‘любой (какой угодно) сильный

(человек)', *керек-могай изи (паша)* 'любая (какая угодно) незначительная (работа)', *керек-могай йӱштӧ (игече)* 'любая (какая угодно) холодная (погода)'; *ала-могай кугу (вий)* 'какая-то (любая) большая (сила)', *ала-могай кугу (йӱштӧ)* 'какой-то (любой) большой (мороз)'; *нимогай кугу (энгек)* 'никакая большая (беда)', *нимогай осал (вий)* 'никакая злая (сила)', *нимо уто (йӱк-йӱан)* 'никакой лишний (шум)', *нимо поро (илыш)* 'никакая добрая (жизнь)'; *(паша) кеч-мыняр неле* '(работа) сколько угодно тяжелая', *(шыже) кеч-кунар кужу* '(осень) сколько угодно долгая', *(шочмо ял) керек-мыняр мӱндыр* '(родная деревня) сколько угодно далеко (букв. далекая)', *(налог) керек-кунар изи* '(налог) сколько угодно маленький'; *ала-мыняр тӱрлӧ (мардеж)* 'неизвестно сколько разных (ветров)', *ала-кунар кугу (энгек)* 'какой-то (букв. сколько-то) большой (урон)', *(корно) икмыняр тӧрсыр* '(дорога) несколько неровная', *икмыняр тӱрлӧ (янлык)* 'несколько различных (зверей)', *мыняр-гынат куштылгырак (теме)* 'сколько-нибудь легкая (тема)', *(илыш) кунар-гынат сай (лие)* '(жизнь стала) сколько-нибудь лучше (букв. хорошая)'; *нимыняр йолагай огытыл* '(они) нисколько не ленивые', *(рвезе) нимыняр кожмак огыл* '(мальчик) нисколько не расторопный', *(паша) нигунар уда огыл* '(работа) нисколько не плохая', *(имне) нимат осал огыл* '(лошадь) нисколько не злая', *нимат уда отыл* '(ты) нисколько не плохой', *(илыш) нимо куштылго огыл* '(жизнь) нисколько не легкая'.

Нужно признать, что не всегда просто выявлять адъективные словосочетания с зависимым местоимением, ибо последнее нередко может относиться ко всему субстантивному словосочетанию, а не только к последующему прилагательному, например: *(Рвезе) кенеж гоч озажлан* ***мочол поро пашам*** *ыштен!* (В. Косоротов) '**Сколько добрых дел** мальчик сделал за лето для своего хозяина!'; *Толмыж почеш марий-влак апшат дене шагал мутланат ыле,* ***ала-могай ӧрдыж енлан*** *шотленыт* (Н. Лекайн) 'После его приезда мужики мало разговаривали с кузнецом, считали (его) **каким-то посторонним человеком**'. Однако частое употребление описываемых адъективных словосочетаний в характерной предикативной позиции (см. примеры ниже), т.е. без последующего имени существительного, а в иных случаях и в качестве обособленных

определений однозначно свидетельствует о правомерности выделения таких прономинально-адъективных словосочетаний. Например: *Пий* ***кеч-могай виян*** *лийже, тыгай тӱшка тудым сеҥа* (А. Юзыкайн) ‘**Какой** (букв. **какой угодно)** бы **сильной** ни была собака, такая стая победит её’; *Айдеме* ***кунар поян, тунарак чаҥга*** (А. Александров) ‘Человек **насколь(ко) богат(ый), настоль(ко) скуп(ой)**’; *Муро мурым, неле-йӧсетым монден, Мыняр лиеш,* ***тунар веселаракым*** (В. Попов) ‘Пой песню, забывая свои трудности, **настолько веселую,** насколько возможно’.

Понятно, что вышеперечисленные местоимения примыкают к качественным прилагательным без каких-либо формальных изменений, причем как препозитивные главным образом в своей краткой форме (поэтому в статье местоимения приводятся только в данной форме). Между компонентами устанавливается обстоятельственное смысловое отношение. Зависимые слова преимущественно выражают (или указывают на) разного рода качество и количество предметного признака, а также (на) меру и степень проявления такого признака. Многие из местоимений употребляются в двух основных значениях – во-первых, прямого (собственно) вопроса о качестве и количестве признака предмета (*могай* ‘какой’, *мыняр, кунар, мочол* ‘сколько, насколько’), прямого указания на них как присущих предмету в определенных временных, пространственных и других ситуациях (т.е. содержание местоимений конкретизируется в речи, контексте; *тыгай* ‘такой’, букв. ‘этакий’, *тугай* ‘такой’, *тынар*, *тунар* ‘столько, настолько’), прямого выражения качества и количества предметного признака как самого разного, т.е. безразлично какого, по качеству и количеству (*кеч-могай, керек-могай* ‘какой угодно, любой, хоть какой’, *кеч-мыняр, кеч-кунар, керек-мыняр, керек-кунар* ‘сколько угодно, хоть сколько’) и как неопределенного, неясного (*ала-могай* ‘какой-то, неизвестно какой’, *ала-мыняр, ала-кунар* ‘сколько-то, несколько, неизвестно сколько’, *икмыняр* ‘несколько; немного’, *мыняр-гынат, кунар-гынат* ‘сколько-нибудь’), а также выражения полного отсутствия, полного отрицания названного признака предмета (*нимогай* ‘никакой’, *нимо* ‘ничто’ в значении ‘никакой’, *нимыняр, нигунар* ‘нисколько, ничуть,

совсем’), *нимат* (иногда *нимо* ‘ничто’ в значении) ‘нисколько, ничуть, совсем, вовсе’; во-вторых, лексического, нередко выразительного, средства передачи усилительного значения – высокой степени, интенсивности, проявления признака предмета (правда, не всегда легко провести границу между этими двумя значениями).

Собственно местоименное значение вышеназванных приадъективных прономинальных единиц наблюдается в примерах типа: *О, йӧратем* ***тыгай мотор*** *жапым!* (В. Абукаев) ‘О, люблю **такое красивое** время!’; *О юмо, утаре,* ***тугай уда*** *ең эртенак кайыже* (И. Васильев) ‘О боже, спаси, пусть **такой плохой** человек пройдет мимо’; *Казак-влак ужыт:* ***тынар кугу*** *вийым сеңаш ок лий* (Н. Лекайн) ‘Казаки видят: **такую** (букв. **настолько**) **большую** силу не одолеть’; *Йӱр ведра гыч кышкыме гай йӱреш… Кожлаш пурымек, чарнышна. Йӱр тыште* ***тунар виян огыл*** (И. Ломберский) ‘Дождь льет как из ведра… Зайдя в лес, мы остановились. Здесь дождь **не настолько сильный**’; *Писатель-влакын сар жапыште икте-весылан колтымо серышыштым лудатат, уло чон дене кӧранет: теве* ***могай ӱшанле*** *йолташ лийыныт нуно* («Ончыко») ‘Читаешь письма писателей, отправленные друг другу во время войны, и искренне завидуешь: вот **какими верным**и друзьями были они’; ***Мыняр тӧр*** *тиде ой, палаш йӧсӧ* («Ончыко») ‘Трудно знать, **насколько правдивы** эти слова’; *Тукымвож* ***кунар кугу*** *лийын, тунар пеңгыдынрак, уланрак иленыт* (Г. Алексеев) ‘**Насколько большим** был род, настолько крепче, зажиточнее жили (они)’; *Кужу корныштo* ***кеч-могай изи*** *арверат ошкылмо семын нелемеш* (В. Колумб) ‘В далеком пути **любая маленькая** вещь тяжелеет по мере движения’; *Степан* ***керек-могай осал*** *тушман ваштареш кредалаш ямде* (К. Васин) ‘Степан готов бороться **против любого** (букв. **какого угодно**) **злого** врага’; *Таче олагоракын йӱкшӧ* ***ала-могай вестӱрлырак*** («Марий Эл») ‘Сегодня голос вороны (немного) **какой-то другой**’; *Кинде пурка,* ***нимогай ӧрдыж*** *там ок шижалт* (В. Юксерн) ‘Хлеб чёрствый, не чувствуется **никакого постороннего** привкуса’; *Сар пытен гынат,* ***нимо сай*** *илыш ок кой* (Ю. Галютин) ‘Хотя и кончилась война, не видно **никакой хорошей** жизни’; *Ушан-шотан айдеме,* ***нимо осал*** *койышыжо уке* (А. Александров) ‘Толковый человек,

(у него) нет **никакой плохой** черты (характера)'; *Керем* ***кеч-мыняр кужу*** *гынат, мучашыже уло* (А. Асаев) '**Какой** (букв. **сколько угодно**) бы **длинной** веревка ни была, у нее есть конец'; ***Кеч-кунар виян*** *лий, кугу ӱрӧ тыйым садикте темдалеш* (А. Юзыкайн) 'Будь **сколько угодно сильным**, большой табун все равно задавит тебя'; *Рывыж* ***керек-мыняр чоя*** *гынат, садак лӧдыш логалеш* (К. Васин) '**Какой** (букв. **сколько угодно)** бы **хитрой** лиса ни была, все равно попадает в ловушку'; ***Керек-кунар виян*** *гынат, тудымат сеҥышт* («Кугарня») '**Сколько** (букв. **сколько угодно**) бы ни был **силен**, одолели и его'; *Аярым* ***ала-мыняр тӱрлым*** *ямдылышт* (М. Илибаева) '(Они) приготовили **несколько различных** ядов'; *Телефильмым сниматлыме годым кучылтшаш* ***икмыняр тӱрлӧ*** *ӱзгарым ямдылаш полшеныт* («Марий Эл») '(Они) помогли изготовить **несколько различных** предметов (предназначенных) для использования во время съемок телефильма'; *Экзаменыш студент* ***мыняр-гынат ласка*** *чон дене ошкылын* («Марий Эл») 'На экзамен студент шел с **несколько** (букв. со **сколько-нибудь**) **спокойной** душой'; *Мыйым те* ***кунар-гынат пиаланым*** *ыштенда* (А. Новиков) 'Вы сделали меня **несколько** (букв. **сколько-нибудь**) **счастливым**'; *Зал* ***нимыняр кугу огыл*** («Марий Эл») 'Зал **нисколько не большой**'; *Озымет* ***нигунарат шуэ огыл*** (Н. Лекайн) 'Всходы **нисколько не редкие**'; *А вӱдет* ***нимат йӱштӧ огыл*** (В. Осипов) 'А вода твоя **нисколько не холодная**'.

Передача местоимениями высокой степени, интенсивности, проявления признака предмета наблюдается в предложениях типа: *Мый ӧрынам,* ***тыгай шыде*** *кугыза ыле, кызыт йӧршеш весештын* (М. Шкетан) 'Я удивился, (он) был **таким злым** мужчиной, сейчас совершенно изменился'; *Ошуева шыргыж шога,* ***тугай мотор, весела*** (М. Иванов) 'Ошуева стоит, улыбается, **такая красивая, веселая**'; *Кузе шке шочшет дек* ***тынар йӱштӧ*** *шӱман улат?* (А. Мурзашев) 'Как же к своему ребенку сердце у тебя **настолько холодное**?'; *Кузе тудлан нине* ***тунар йыгыжге*** *улыт?* (П. Корнилов) 'Как же они **настолько противны** ему?'; *Вӱд* ***мыняр тале*** *гынат, кол тудын ваштареш кӱза* (А. Китиков) '**Насколько** бы **сильным** ни было течение (букв. вода), рыба поднимается против него'; ***Кунар мотор***

ӱдыр, тунар шӱм йӱла (А. Тимиркаев) ‘**Чем** (букв. **насколько**) **краше** девушка, тем сильнее (букв. настолько) горит душа’; *Санкт-Петербургысо хор коллективше-влак* ***мочол виян*** *улыт* («Марий Эл») ‘А **насколько сильны** хоровые коллективы Санкт-Петербурга’. Привлекает внимание, что такая семантика более всего характерна для местоимений указательных и вопросительных. Усилительное значение (выражение достаточно высокой или очень высокой степени предметного признака) у данных приадъективных местоимений особенно четко проявляется в эмоционально окрашенных предложениях. Например: ***Тыгай весела*** *кас!.. Вӱр модеш...* (А. Волков) ‘**Такой веселый** вечер!.. Кровь играет…’; *А кӱшнӧ кава* ***тугай канде!*** (В. Колумб) ‘А наверху небо **такое синее**!’; *«Марий Эл» ансамбльын концертшым ончымеке, «кушеч* ***тынар кугу*** *мастарлык!» манын*ыт («Марий Эл») ‘После просмотра концерта ансамбля «Марий Эл» говорили: «Откуда **такое** (букв. **настолько**) **большое** мастерство!»’; *Ончалат да витле ийым пуэт,* ***тунар сылне*** *ӱдырамаш!* (З. Дудина) ‘Посмотришь и дашь (только) пятьдесят лет, **настолько красивая** женщина!’; *А пӱртӱсшӧ* ***могай мотор****!* (А. Александров) ‘А природа **какая красивая**!’; *Шовыч шарыман ӱстембалне* ***мыняр тӱрлӧ*** *йӧрвар!* (А. Филиппов) ‘На столе, покрытом скатертью, **столько** (букв. **сколько**) **разной** еды!’; *Шыл ден пуным эллан ужален,* ***кунар кугу*** *пайдам (колхоз) налеш!* (А. Юзыкайн) ‘Продавая стране мясо и пух, (колхоз) получает **настолько** (букв. **сколько**) **большой** доход!’; ***Мыняре*** *таче кечыже* ***ласка****, Кунаре шокшым мландышке колталын!* (М. Казаков) ‘**Насколько** сегодня солнце **приятное,** Сколько тепла направило на землю!’; ***Мочол йонгыдо, яндар*** *юж!* (Г. Гордеев) ‘**Насколько свежий, чистый** воздух!’; *«Окоп!» –* ***мочол шучко*** *мут!* (И. Ломберский) ‘«Окоп!» – **какое** (букв. **насколько**) **страшное** слово!’ Необходимо добавить, что о способности местоимений *тугай* ‘такой’, *тунар, тынар* ‘столько, настолько’ выражать высокую степень качества в случаях их сочетания с прилагательными (а также с причастиями и категориально недифференцированными словами) писал З.В. Учаев. Согласно его мнению, при этом местоимения по своему значению сближаются с эмоционально-экспрессивными частицами [8, с. 164]. З.В. Учаев обращал внимание на

использование в эмоционально окрашенных предложениях и вопросительных местоимений *мыняр, кунар, мочол* ‘сколько, насколько’. Он отмечал употребление этих местоимений с прилагательными (как и с категориально недифференцированными словами, наречиями и некоторыми числительными) для передачи высокой степени выражаемого ими признака, а именно в значении наречий («садлан наречийым алмаштат» ‘поэтому замещают наречия’) [8, с. 165]. Местоимение же *могай* ‘какой’ подобного значения в восклицательных предложениях квалифицировано И.С. Галкиным (автором раздела о местоимениях в монографии по морфологии современного марийского языка: «может выступать в роли эмоционально-экспрессивной частицы») и также З.В. Учаевым как «эмоционально-экспресивная частица» [6, с. 139; 8, с. 164; 9, с. 165].

Местоимения остальных разрядов (различные производные от вопросительных местоимений) не так ярко обнаруживают значение меры и степени проявления признака. Так, изредка встречаются примеры с неопределенными местоимениями *ала-могай* ‘какой-то, неизвестно какой’, *ала-мыняр, ала-кунар* ‘сколько-то, несколько, неизвестно сколько’, обозначающими большую степень предметного признака. Например: *Илышыште* ***ала-могай кугу*** *ойгат мондалтеш* (А. Эрыкан) ‘В жизни забывается и **очень** (букв. **какое-то**) **большое** горе’; ***Ала-мыняр кугу*** *расход ок лек* (О. Тыныш) ‘**Не очень** (букв. **сколько-то**) **большой** расход выйдет’; *Илыш* ***ала-кунар йӧсӧ*** *лийын гынат, (Роскови) чылажымат кӧргыштӹжӧ кучен* («Ончыко») ‘**Насколько** (букв. **сколько-то**) бы **трудной** ни была жизнь, Роскови держала все в себе’. Наоборот, ввиду своего лексического значения неопределенное местоимение *икмыняр* ‘несколько; немного’ может передавать значение ‘в некоторой степени’, т.е. незначительную степень проявления признака предмета. Например: *Койышыж дене тудо (Роза)* ***икмыняр тӧрсыр*** *гынат, моло шотышто нимогай зиянымат ом му* (М. Рыбаков) ‘Хотя по своему характеру Роза **несколько неуравновешенная** (букв. неровная), в остальном никаких недостатков (у неё) не нахожу’.

Определительные местоимения качественного и количественного значений с приставками *кеч-, керек-* (*кеч-могай, керек-могай* ‘какой

угодно, любой, хоть какой', *кеч-мыняр, кеч-кунар, керек-мыняр, керек-кунар* 'сколько угодно, хоть сколько') в сочетании с качественными прилагательными выражают безразличное качество, количество, в т.ч. нередко и высокую степень, в проявлении предметного признака. Например: *Тудо (шӧртньӧ)* ***кеч-могай виян*** *айдемым ломыж пуракыш савыра* (К. Коршунов) '**Любого сильного** человека золото превратит в зольную пыль'; *Поро йолташет уло гын,* ***керек-могай йӧсӧ*** *жапымат куштылгын эртарет* (М. Шкетан) 'Если есть добрый друг, то **любое тяжелое** время переживешь легко'; *Навигаций тӱҥалмым кажне речник, ончылно* ***кеч-мыняр неле*** *паша вуча гынат, шӱм вургыж вуча* (М. Павлов) 'Каждый речник, **какая** (букв. **сколько угодно**) бы **тяжелая** ни ждала впереди работа, с волнением ждет начала навигации'; *Йоча пагыт* ***кеч-кунар йӧсӧ*** *лийже, сайжат лыҥак уло* (Ю. Артамонов) '**Каким** (букв. **сколько угодно**) бы **трудным** ни было детство, достаточно много и хорошего'; ***Керек-мыняр ямде*** *лий,* ***керек-мыняр тале*** *лий, шошо вӱд дене талын йоген волышо пырня орам сеҥен кертат мо?* (Ю. Чавайн) '**Каким** (букв. **сколько угодно**) бы **готовым**, **каким** (букв. **сколько угодно**) бы **сильным** ты ни был, разве одолеешь бревна, быстро плывущие по весенней воде'; *Шӱртӧ мундыра* ***керек-кунар кужу*** *гынат, тӱҥалтышыже ден мучашыже лийшаш* («Ончыко») '**Какой** (букв. **сколько угодно**) бы **длинной** ни была нить в клубке, у неё должны быть начало и конец';

Отрицательные местоимения с приставкой *ни-* (*нимогай* 'никакой', *нимо* 'ничто' в значении 'никакой' *нимыняр, нигунар* 'нисколько, ничуть, совсем, вовсе', *нимат* и в отдельных случаях *нимо* 'нисколько, ничуть, совсем, вовсе') в сочетании с прилагательными передают полное отрицание какого бы то ни было качества и количества, в т.ч. какой бы то ни было меры и степени, в проявлении названного признака предмета, т.е. полное отсутствие определяемого признака. Естественно, что они используются в общеотрицательных предложениях. Например: *Элыксан изинек бокслан тунеме,* ***нимогай вестӱрлӧ*** *спорт кумылжым савырен ыш керт* «Ончыко» 'Элыксан с детства приобщился к боксу, **никакой другой** спорт не мог расположить его к себе'; *Прокоч деч* ***нимо поро*** *сомылжо нерген ой кодын огыл* (Ю. Галютин) 'Не осталось воспоминаний

(букв. слов) ни о **каких добрых** делах Прокоча’; *Лакылаш погыныш вӱд* ***нимыняр йӱштӧ огыл*** (В. Бердинский) ‘Вода, собравшаяся в лужах, **нисколько не холодная**’; *Йыванлан тиде* ***нигунар у огыл*** (А. Юзыкайн) ‘Ивану это **нисколько не ново**’; *Ийже* ***нимат кӱжгӧ огыл*** (Ю. Галютин) ‘А лёд **нисколько не толстый**’; *Паша* ***нимо неле огыл*** (М. Ушакова) ‘Работа **нисколько не трудная’**.

Указания на качество, количество и нередко на меру проявления предметного признака могут конкретизироваться в предложениях, большей частью в сложных, отдельными предикативными частями – придаточными с соответствующими относительными местоимениями (*могай* ‘какой’, *мыняр, кунар, мочол* ‘сколько, насколько’) или предикативными частями и также разными конструкциями без союзных средств. Например: ***Тыгай канга*** *лийын, лу ден ковашты-жак гына кодын* («Ончыко») ‘(Он) стал **таким худым,** что остались одни кости да кожа’; *Тиде витамин дене тудо угыч, шанге* ***могай*** *ыле,* ***тугай шонгo*** *лиеш* (В. Абукаев) ‘От этих витаминов он снова становится **таким** же **старым**, **каким** был недавно’; *Кид гыч кудалтымет ок шу,* ***тугай йымыжа*** *шӱвыр* (Ю. Галютин) ‘Такая **приятно звучащая** (букв. **нежная**) волынка, что не хочется выпускать из рук’; *Тый колат* ***тугай йомартле*** *мурым: Лӱҥгалта эсогыл савапат!* (С. Николаев) ‘Ты слышишь **такую весёлую** песню: даже забор покачивается (в ритм)!’; *Куткышуэ* ***мыняр кӱкшӧ****, теле* ***тунар йӱштӧ*** (А. Китиков) ‘**Чем выше** (букв. **насколько высокий**) муравейник, **тем холоднее** (букв. **настолько холодная**) зима’; *Шӱйжӧ* ***тунар кӱжгӧ****, шӱша гоч кеча* (В. Исенеков) ‘У него шея **настолько толстая**, что свисает через воротник’.

Таким образом, судя по использованным материалам и результатам анализа их, при качественных прилагательных могут выступать качественные и количественные местоимения (местоимения-прилагательные и местоимения-числительные) разных семантических разрядов – указательных, вопросительных, определительных, неопределенных, отрицательных. Зависимые местоимения связываются с опорными прилагательными (как правило, функционирующими в предложении в роли присубстантивного определения или именного сказуемого со связкой или без нее) способом примыкания, т.е.

никак не изменяются. По смысловому отношению рассмотренные прономинально-адъективные словосочетания относятся к обстоятельственным, в них передается разного рода качественная и количественная характеристика, в т.ч. степень и интенсивность, предметного признака. Многим местоимениям в таких словосочетаниях свойственны два основных значения – собственно местоименное и усилительное. Последнее подразумевает собой выражение, в первую очередь указательными и вопросительными местоимениями, интенсивности проявления предметного признака, причем нередко в эмоционально окрашенных предложениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васикова Л.П.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан полыш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 144 с.

2. *Васикова Л.П.* Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Синтаксис: пособие для учителя. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 152 с.

3. *Максимов В.Н.* Послеложное управление в марийском языке: монография / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 1999. 160 с.

4. *Мустаев Е.Н.* Сопоставительное языкознание. Русский и марийский языки: учеб. пособие для вузов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2013. 395 с.

5. *Сибатрова С.С.* К истории изучения марийских адъективных словосочетаний // XVIII Игнатьевские чтения: материалы докл. и выступ. на ежегод. Регион. науч.-практ. конф. «Роль просветителей в истории, культуре и образовании горных мари», посвящ. 175-летию со дня рождения педагога-священника Г.Я. Яковлева (1843–1912) (Козьмодемьянск, 10 апр. 2018 г.). Йошкар-Ола, 2019. С. 58–66.

6. Современный марийский язык: Морфология / редкол.: Н.Т. Пенгитов (отв. ред.) и др. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 323 с.

7. *Тимофеева В.Т.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: туныктышылан полыш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 120 с.

8. *Учаев З.В.* Марий йылме: факультатив. занятийым эртарыме учеб. пособий: туныктышо-влаклан. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 1-ше ужаш. 184 с.

9. *Учаев З.В.* Марий йылме: факультатив. занятийым эртарыме учеб. пособий: туныктышо-влаклан. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 2-шо ужаш.183 с.

УДК 811.161.1’373.215(470.11)

О.А. Теуш
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина
(г. Екатеринбург)

НАИМЕНОВАНИЯ СЫРЫХ, ЗАБОЛОЧЕННЫХ МЕСТ В ВЯТСКИХ ГОВОРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье анализируется апеллятивная лексика вятских говоров, характеризующая локусы, являющиеся сырыми или заболоченными. Выявляются модели номинации, представляются ономасиологические признаки. Иноязычные лексемы этимологизируются, устанавливаются источники заимствования.

Ключевые слова: *апеллятив, лексика, русский язык, праславянский язык, прибалтийско-финские языки, мордовский язык, Вятский край.*

The article analyzes the appellative vocabulary of Vyatka subdialects, characterizing loci that are wet or swampy. Nomination models are identified and onomasiological signs are characterized by the author. Foreign lexemes are etymologized and the sources of borrowing are identified in the research.

Key words: *appellative, vocabulary, Russian language, Proto-Slavic language, Baltic-Finnish languages, Mordovian language, Vyatka Region.*

Вятский край, особенно в северной части, отличается крайне высокой степенью заболоченности. В некоторых районах болота составляют треть территории и достигают по площади 10–14 тыс. гектаров. Наименования заболоченных мест Вятского региона имеют преимущественно исконное происхождение.

Атрибутивной характеристикой сильно заболоченного места является лексема *то́пельный* ‘топкий (о месте на болоте)’ (Киров.: Снч.) [6, с. 30]; корень **top-* праславянского происхождения

с реконструируемым значением ‘нагревать’, развивающимся далее в ‘нагревая, плавить, делать жидким’ > ‘заливать, покрывать водой’ > ‘погружать в воду, топить’ [8, с. 989–990]. Субстантивным дериватом прилагательного стало слово *то́пелица* ‘трясина, топкое место на болоте’ (Киров.) [6, с. 21].

Связанный чередованием *е*/*о* с *тек-* (ср.: русск. *течь* ‘перемещаться струей, потоком (о реке, ручье, водном потоке)’ [8 с. 982]) корень *ток-* отражен в имеющем архаический префикс *па-* диалектизме *пато́ка* (с дериватом *па́точина*) ‘низкое сырое место; топкое место’ (Киров.: Вшж., Ктл., Тжн.) [6, с. 25]. Синонимичное *па́лточина* является результатом эпентезы *-л-* [6, с. 25].

Поскольку поверхность болота является неустойчивой, многочисленны наименования с корнем *зыб-* (ср.: *зы́биться* ‘колебаться’ [8, с. 284]): *зы́бельник* ‘трясина, топкое место на болоте’ (Киров.: Снч.), *зы́бель*, *зы́блица* ‘то же’ (Киров.) [6, с. 21]; адвербиальное *зы́бельно* ‘топко’ (Киров.: Снч.) [6, с. 22]. Синонимичный корень *ляг-* (ср.: *ляга́ться* ‘качаться’ (Беломор., Новг., Твер.) [5, т. 17, с. 254], имеющий параллель в латыш. *līguoî*, *līgaî*, *līgaĵu* ‘качать, качаться, колебаться’ [8, с. 422] отражен в *ля́га* ‘низкое, сырое, болотистое место; луг’ (Киров.: Впл., Лз.) [6, с. 24], обнаруживающем производные с тем же значением *ля́готина*, *ляготи́на*, *ля́жина* (Киров.) [6, с. 24]. Чередование *’a*/*y* (< праслав. **ę*/**ǫ*) представлено в корне имеющей архаический префикс *ка-* лексемы *калу́га* ‘трясина, топкое место на болоте’ [6, с. 21].

Для вятского *ля́да*, *ляди́на* ‘низкое, сырое, болотистое место; луг’ (Киров.) [6, с. 24] указанное значение вторично по отношению к *ля́да* ‘луг’ (Калуж., Новг., Смолен.) [5, т. 17, с. 260], восходящему к праслав. **lęd-*, имеющему соответствие, в частности, в прус. *lindan* ‘долина’ [8, с. 422].

Устойчивым с древнейших (индоевропейских) времен является значение вятского *дол* ‘лог, низина’ (Киров.: Сн.) [6, с. 18] (< праслав. **dolъ*, находящее параллель в готском *dal* ‘долина’ [8, с. 207]).

Если реконструировать древнюю (праславянскую) форму слова как **glębsъ* (корень **glęb-* с чередованием гласных в варианте **glǫb-* реализован в русск. *глубо́кий* ‘имеющий большую глубину,

простирающийся на большую глубину’ [8, с. 154]), вятское *гляс* ‘низкое, болотистое место’ (Киров.: Свт.) [6, с. 17] можно рассматривать как славянский архаизм. Не менее древним лексическим образованием является *дря́зга* ‘болото, поросшее лесом’ (Киров.: Нм., Орч.) [6, с. 19]: связано с русск. диал. *дря́згаться* ‘пачкаться, грязниться, дрызгаться’ [5, т. 8, с. 228] (где *дры́згаться* – ‘брызгаться’ [5, т. 8, с. 222]), восходящим к праслав. **drę̀zgati*, именным дериватом которого является **drę̀zga* с реконструируемым значением ‘хворост, сухостой’ > ‘лес’ [8, с. 218].

Праслав. **tulъ*, родственное д.-в.-нем. *dola* ‘труба, сточный канал’ [7, т. 4, с. 117], отражено в *тулéц* ‘топкое место, трясина’ (Киров.: Афн., Нгр.) [6, с. 30]. Аналогом по внутренней форме можно считать *хлябь* ‘трясина, топкое место на болоте’ (Киров.) [6, с. 21], восходящее к праслав. **xlębь* ‘затвор, запор, сточное отверстие’ [8, с. 1066].

Находящее параллель в русск. литер. *зажóр* ‘вода под снегом при таянии’ [8, с. 248] вятское *зажóр* ‘низина, заполненная водой в результате таяния снега или проливных дождей’ (Киров.: Урж.) [6, с. 20] является дериватом глагола *зажрáться* ‘наполниться размокшим снегом или льдом во время весеннего половодья или таяния снегов (об объектах ландшафта)’ (Влг.) [4, т. 4, с. 71] (приставочно-суффиксального деривата праслав. **žьrati*, родственного др.-инд. *girati* ‘поглощать’ [8, с. 237]).

В вятских говорах представлены описательные наименования сырых, болотистых мест: *ключéвина* ‘сырое место’ (Киров.: Афн.) [6, с. 22], *ключевúна* ‘то же’ (Киров.: Афн.) [6, с. 22], *ключёвка* ‘место в мелком лесу, из которого берут начало родники’ (Киров.: Сн.) [6, с. 22] (дериваты *ключ* ‘вытекающий из земли источник, родник’ [8, с. 342]); *кочкáрник* ‘кочковатое болото’ (Киров.: Афн., Тжн.) с синонимами *кочковáтик*, *кочкáрь*, *кочковúна*, *кочкóвник* (Киров.) [6, с. 22] (производные с несколькими этапами суффиксации от *кóчка* ‘бугорок на сырой или заболоченной земле’ [8, с. 373]); *гáри* ‘болотистые места с ржавой водой’ (Киров.: Вшж.), ‘торфяные луга, получившие свое название от частого возгорания’ (Киров.: Пжн.) [6, с. 17] (существительные, связанные с *гарь* ‘что-нибудь горелое’ [8, с. 145]);

подмо́рина ‘низкое сырое место среди поля; низина’ (Киров.: Снч.) [6, с. 26] (ср.: *подмо́рный* ‘заболоченный, сырой (о земле, местности)’ (Арх.) [5, т. 28, с. 85]; корень *мор-* соотносится через чередование *о*/*а* с *мар-*, ср.: русск. диал. *ма́рить* ‘парить (о сильном зное, духоте перед дождем)’ (Арх., Влад., Нижегор., Пенз.) [5, т. 17, с. 373]).

Заимствованные лексические наименования заболоченных мест в вятских говорах разнообразны по происхождению.

Прибалтийско-финского происхождения *ара́н* ‘болотистое место’ (Киров.: Флн.) [6, с. 15] и *ора́й* ‘сырое место или заросшее озеро’ (Киров.: Афн.) [6, с. 24] < карел. *aro* ‘луг на сыром месте’, ‘открытое травянистое болото’, ‘сырая ложбина посреди бора’ [10, с. 78], зап.-фин. *aroi* ‘мелководный залив, заросший хвощами’ [3, с. 22].

Лексема *лы́ла* ‘низкое, сырое, болотистое место; луг’ (Киров.) [6, с. 24] попала в вятские говоры с севера, ср. вологодское *лы́ла* ‘топкое, зыбкое место на болоте’ (Влг.: Ваш.) [2], имеющее источником приб.-фин., ср. фин. *löyly*, ижор. *löülü*, карел. *löyly*, люд. *l′öul′*, *löülü*, вепс. *l′öl′*, *lölü*, *l′öul* ‘пар’ [11, т. 2, с. 323; 12, т. 2, с. 131]. Ономасиологическая параллель представлена в русск. *пари́к* ‘глубокое топкое место в болоте, не замерзающее зимой’ (Влг.: Баб., Бел.) [2].

Занесена в вятские говоры с более северных территорий и лексема *согра́* ‘болото, поросшее лесом’ (Киров.: Опр.) [6, с. 29]. Вепсское *šohring* ‘болотина, заболоченное место’ [1, с. 517], имеющее узкий ареал (село Пондала Вологодской обл.) [3, с. 89], является наиболее приемлемым по фонетическим и семантическим признакам финно-угорским соответствием русских лексем.

Ближайшей параллелью и возможным источником заимствования для *ело́х* ‘топкое низменное место; болотистый покос’ (Киров.: Лз.) [6, с. 19] является морд. эрз. *ёло* ‘прут, хлыст’ [9, с. 182], причем финаль русской лексемы может отражать основу косвенных падежей *ёлос-* [9, с. 182].

В целом компактная группа апеллятивных наименований сырых и заболоченных мест в говорах Вятского края демонстрирует разнообразие источников формирования: от лексем древнейшего (праславянского) происхождения до собственно вятских диалектных новообразований и местных заимствований.

СОКРАЩЕНИЯ

Названия областей и районов: *Арх.* – Архангельская область; *Афн.* – Афанасьевский район Кировской области; *Баб.* – Бабаевский район Вологодской области; *Бел.* – Белозерский район Вологодской области; *Беломор.* – побережье Белого моря; *Ваш.* – Вашкинский район Вологодской области; *Влад.* – Владимирская область; *Влг.* – Вологодская область; *Впл.* – Вятскополянский район Кировской области; *Вшж.* – Верхошижемский район Кировской области; *Калуж.* – Калужская область; *Киров.* – Кировская область; *Ктл.* – Котельнический район Кировской области; *Лз.* – Лузский район Кировской области; *Нгр.* – Нагорский район Кировской области; *Нижегор.* – Нижегородская область; *Нм.* – Немский район Кировской области; *Новг.* – Новгородская область; *Опр.* – Опаринский район Кировской области; *Орч.* – Оричевский район Кировской области; *Пенз.* – Пензенская область; *Пжн.* – Пижанский район Кировской области; *Свт.* – Советский район Кировской области; *Смолен.* – Смоленская область; *Сн.* – Сунской район Кировской области; *Снч.* – Санчурский район Кировской области; *Твер.* – Тверская область; *Тжн.* – Тужинский район Кировской области; *Урж.* – Уржумский район Кировской области; *Флн.* – Фаленский район Кировской области.

Языки и диалекты: *вепс.* – вепсский язык; *д.-в.-нем.* – древневерхненемецкий язык; *др.-инд.* – древнеиндийский язык; *зап.-фин.* – западный диалект финского языка; *ижор.* – ижорский язык; *карел.* – карельский язык; *латыш.* – латышский язык; *люд.* – людиковский диалект карельского языка; *морд.* – мордовский язык; *праслав.* – праславянский язык; *приб.-фин.* – прибалтийско-финские языки; *прус.* – прусский язык; *русск.* – русский язык; *фин.* – финский язык; *эрз.* – эрзя-мордовский язык.

Прочие: *диал.* – диалектное; *литер.* – литературный; *обл.* – область; *ср.* – сравни; *тыс.* – тысяча.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зайцева М.И.*, *Муллонен М.И.* Словарь вепсского языка. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 747 с.

2. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

3. *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск: КНЦ РАН, 1991. 162 с.

4. Словарь говоров Русского Севера. Т. 1– / авт.-сост.: Ю.В. Алабугина и др.; под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2001–.

5. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.: Наука; Ленинград: Наука, Ленинград. отд-ние, 1965–.

6. Тематический словарь вятских говоров / сост.: Т.А. Горюнова и др.; отв. ред. З.В. Сметанина. Киров: Радуга-Пресс, 2013. 311 с.

7. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.

8. *Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

9. Эрзянско-русский словарь: ок. 27 000 слов / под ред. Б.А. Серебренникова, Р.Н. Бузаковой, М.В. Мосина. М.: Рус. яз.: Дигора, 1993. 803 с.

10. *Kalima J.* Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu, XLIV. Helsinki, 1919. 265 s.

11. Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 1–7. Helsinki, 1958–1981. 2293 s.

12. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000. 486 s., 470 s., 503 s.

УДК 811.511.152.1

О.Ю. Цыплякова, Т.В. Шугаева
ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» (г. Саранск)

ФИТОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПРОЗЕ Е.В. ЧЕТВЕРГОВА

В статье рассматривается представленность фитонимической лексики в художественной прозе Е.В. Четвергова на примере книги «Иень тюст» («Краски года»), проводится классификация фитонимов и раскрываются их функциональные особенности.

Ключевые слова: *фитоним, фитонимическая лексика, художественная проза, сравнение.*

The richness of phytonymic vocabulary in E.V. Chetvergov's prose is considered in the article on the example of his book "Ien Tyust"

(“Colours of the Year”). The classification of phytonyms is provided and their functional features are revealed in the article.

Key words: *phytonym, phytonymic vocabulary, artistic prose, comparison.*

Тема природы – одна из основных в творчестве Е.В. Четвергова, поэтому характерной чертой идиостиля писателя является активное употребление в произведениях фитонимов.

Фитонимическая лексика (фитоним – греч. φῦτόν ‘растение’, ὄνομα ‘имя, название’; название растения) занимает важное место в составе любого языка и в языковой картине мира этноса, так как «содержит информацию не только об окружающей природной среде, но и о взаимодействии с культурной общностью. Национальная картина мира своеобразно преломляется в творчестве художников слова, поскольку они используют лексемы, выражающие национальные концепты, в соответствии с определенными творческими задачами» [3, с. 159]. Представляется интересным рассмотреть богатство и разнообразие фитонимической лексики в произведениях Е.В. Четвергова. В качестве материала нами выбрана книга «Иень тюст» («Краски года»), куда вошли короткие рассказы, в которых «…аволь аламо тешкст тикшетнень, чувтотнень обуцядост, оршамопельдест тунда, кизна, иень перть» [2, с. 6] ‘…немало зарисовок о травах, деревьях, об их одежде весной, летом, в течение года’, ярко изображен растительный мир родного края.

Фитонимическую лексику в произведениях писателя можно разделить на следующие группы наименований:

а) общие наименования (*чувто* ‘дерево’, *тикше* ‘трава’, *куро*, *куракш* ‘куст, кустарник’, *цеця, чахра, баляга* ‘цветок’, *панго* ‘гриб’);

б) собственно фитонимы – названия деревьев, кустарников, трав, цветов, плодов, огородных растений, злаковых культур, грибов (*килей* ‘береза’, *укштор* ‘клен’, *каль* ‘ива’, *тумо* ‘дуб’, *пиче* ‘сосна’, *умарина* ‘яблоня’, *пизёлкс* ‘рябина’; *бояркуро* ‘боярышник’, *индерькс* ‘жимолость’; *шкерьге* ‘свербига восточная’, *вирявань сурсеме* ‘папоротник’, *куконька* ‘марена’, *пиципалакс* ‘крапива’; *горнипов* ‘купальница’, *куконь эрьгть* ‘ландыш’, *мако* ‘мак’; *умарь* ‘яблоко’,

мастумарь ‘земляника’, *атямарь* ‘вишня’, *чевгель* ‘калина’, *пизёл* ‘рябина’; *куяр* ‘огурец’, *кшумань* ‘редька’, *модамарь* ‘картофель’; *розь* ‘рожь’, *товсюро* ‘пшеница’; *килей панго* ‘подберезовик’, *пекше панго* ‘груздь’ и т.д.;

в) наименования частей растений – партитивные фитонимы (*лопа* ‘лист’, *тарад* ‘ветка’, *недькс* ‘ствол’, *пургондавкс* ‘почка’, *цюцёв* ‘гроздь’);

г) наименования совокупностей (*вирь* ‘лес’, *килейпуло* ‘березняк’, *кальпуло* ‘ивняк’, *пичепуло* ‘сосняк’, *пичевирь* ‘сосновый лес’, *вирьпуло* ‘лесок’).

Общие наименования в рассказах Е.В. Четвергова встречаются довольно часто. Например: *Сеерить минень-сюнонь тюссо эрьва кодат* ***цецят***, ***чувтт***, ***куракшт*** [2, с. 51] ‘Кричат всякими цветами разные цветы, деревья, кустарники’; *Якстере, прок артозь сувтеме, чипаесь стакалгадсь ды новольсь пиретнень пева пижелдыця* ***чувтнэнь*** *вельксэс* [2, с. 90] ‘Красное, словно покрашенное решето, солнце отяжелело и опустилось над зеленеющими деревьями за огород’; *Меельце* ***чахратне*** *мазыйть.* ***Балягатнень*** *юткso кодат ансяк а вастневить: сеериця якстереть, прянь шныця ожот, наян сэнть, ашот, тюжат...* [2, с. 94] ‘Последние цветы красивые. Среди цветов какие только не встречаются: кричащие красные, нескромные желтые, кокетливые синие, белые, коричневые…’; *Сэняжа сувонть пачк чиить икельгам олгонь капат,* ***чувтт***, ***куракшт****...* [2, с. 9] ‘Сквозь голубую пелену проплывают (букв.: бегут) передо мной стога соломы, деревья, кустарники…’; *«****Пангос****якамось – сэтьме оцинямо», – сёрмадсь эсь шкастонзо рузонь сёрмадыцясь Аксаков* [2, с. 77] ‘«Поход за грибами – тихая охота», – писал в свое время русский писатель Аксаков’.

Наиболее многочисленной из вышеперечисленных групп является вторая – собственно фитонимы, среди которых широко представлены в произведениях Е.В. Четвергова названия деревьев: *килей* ‘береза’, *каль* ‘ива’, *тумо* ‘дуб’, *укштор* ‘клен’, *пиче* ‘сосна’, *пекше* ‘липа’, *пизёлкс* ‘рябина’, *атямарькс* ‘вишня’, *лёмзёркс, ламарь* ‘черемуха’, *пой* ‘осина’, *куз* ‘ель’, *селей* ‘вяз’, *лепе* ‘ольха’. Например: ***Килейтне****, конат шнасть пряст чокшнестэнть ашочист,*

истямокс тень уш эзть неяво [2, с. 148] ‘Березы, которые хвалились вечером белизной, такими мне уже не казались’; ***Сиртесь*** *пургонды весемеде мейле. Пря шныть пиже обуцясост* ***ламартне, кальтне, килейтне*** [2, с. 31] ‘Ясень распускается позже всех. Хвалятся своим зеленым видом черемухи, ивы, березы’; *Течинь вирьсэнть кецневтить сельмень колмо тюст: раужо –* ***тумо*** *ды* ***пекше*** *комолень, сэньшть-якстере – вишпилявонь ды кувтолдыця пиже – лопань* [2, с. 29] ‘В сегодняшнем лесу мои глаза радуют три цвета: черный – комлей дуба и липы, сине-красный – медуницы неясной и сверкающий зеленый – листьев’; *Ков а варштан, вановтом эшкеви* ***тумос, укшторс, пекшес*** [2, с. 29] ‘Куда ни посмотрю, взгляд натыкается на дубы, клены, липы’; *Мезть тесэ анськ а касыть:* ***килейть, укштopт, бояркурот****...* [2, с. 43] ‘Что здесь только не растет: березы, клены, боярышники…’; *Арсемскак а мезть: оно маласот* ***пичесь****, седе тов* ***укшторось****, бокасот* ***пекшесь, селеесь, лепесь****...* [2, с. 50] ‘Нечего и думать: вот рядом сосна, далее клен, рядом липа, вяз, ольха…’

Чаще других в произведениях Е.В. Четвергова встречается фитоним ***килей*** ‘береза’. Например: ***Килейть, килейть, килейть****... Ашот, ашот, ашот... Косо сынь,* ***килейтне****, седе ашот?* [2, с. 97] ‘Березы, березы, березы… Белые, белые, белые… Где они, березы, самые белые?’; *Варштат лиясто кодамояк кадозь кудо пряс – тосо, теке одирьва, мазылгали* ***килей*** [2, с. 45] ‘Посмотришь иногда на крышу какого-то заброшенного дома – там, как невеста, красуется береза’; *Аштинь* ***килейнеть*** *икеле... Саия прястом пилоткам ды сюконинь тензэ. Сон истя мольсь минек, Эрзянь Масторонь,* ***килейтнень*** *ёнов!* [2, с. 46] ‘Стоял перед березонькой… Снял с головы пилотку и поклонился ей. Она так была похожа на наши, Эрзянской Земли, березы’. Это неслучайно. Береза (*килей* – э., *келу* – м.) в народной культуре олицетворяла плодородие, женское начало. По эрзянскому преданию, береза впервые выросла на могиле красивой и смелой девушки Кили, сражавшейся с ногайцами. В ее честь и назвали дерево. У мокши она символ трех миров: ушедших предков, мифологических покровителей и земных жителей. В свадебном обряде она символизирует красоту, стройность невесты. В традициях хлестать по спине березовыми прутьями, украшать ветками свадебный

поезд и также в других береза считалась оберегом от нечистой силы, гнева богов. К священной березе ходили с мольбой о здоровье. Чудодейственные свойства ее отражены в причетах, сюжетах народных песен [1, с. 467]. Следовательно, и в произведениях мордовских писателей, по нашим наблюдениям, этот фитоним представлен достаточно широко.

Разнообразием отличается перечень названий дикорастущих трав, таких как *вишпиляв* ‘медуница неясная’, *вирявань сурсеме* ‘папоротник’, *шкерьге* ‘свербига восточная’, *кендял тикше* ‘клоповник сорный’, *сэнь баяга (удый тикше)* ‘прострел раскрытый (сон-трава)’, *курканолго* ‘первоцвет’, *ашо кенже* ‘белокопытень’, *штатол тикше, кукила, верькс тикше* ‘чистотел’, *пиципалакс* ‘крапива’, *кирмалав* ‘репейник’, *чей* ‘осока’ и др. Например*: Стака иетнестэ* ***шкерьгесь*** *марявиль тантеекс* [2, с. 56] ‘В тяжелые годы свербига казалась вкусной’; *Пиле потсом гайгезевсть эйкакшпингестэ содавикс гайтть:* ***вишпиляв*** *курынентъ велькссэ чарась-велясь мокшнашка промо* [2, с. 22] ‘У меня в ухе зазвенели знакомые с детства звуки: над кустом медуницы кружилась пчела’; *А содылинь: кувака ашназа, прок лияназ, черензэ вирень азоравась кизна свал судрякшны-вадяшавтни* ***папоротникень*** *лопасо. Секскак те покш толга ёнов молиця тикшентень мерить* ***вирявань сурсеме*** [2, с. 98] ‘Я не знал: длинные белые, словно лен, волосы хозяйка леса летом всегда расчесывала-выпрямляла листьями папоротника. Поэтому эту похожую на большое перо траву называют гребень вирявы’; *Пельксталодонть марясь* ***удый тикшесь****, конадо лиякс мерить* ***сэнь баяга*** [2, с. 24] ‘О споре прослышала сон-трава, которую по-другому называют прострел раскрытый’; *Кодат лемть ансяк а вастневить тикшетнень ютксо. Ули истямояк:* ***чачо тикше****. Лиякс тензэ мерить* ***ловцо****,* ***штатол тикше****, эли, монь мельс те седеяк тукшны,* ***кукила****. Рузкс мерить* ***чистотел*** [2, с. 33] ‘Какие только названия не встречаются у трав. Есть и такая: цвет-трава. По-другому ее называют молоко, свеча-трава, или, мне больше нравится, кукила. По-русски называется чистотел’.

В группу часто используемых названий цветов входят: *куконь эрьгть* ‘ландыш’, *горнипов* ‘купальница’, *сэнь цеця* ‘василек’, *роза*,

фиалка, *орхидея, гладиолус* и т.д. Например: *Якан-пакан микшнемань моргатнень юткова. ...**гладиолуст**, **тюльпант**, **вишпилявт**, **куконь эрьгть*** [2, с. 38] ‘Хожу-брожу между торговыми столами. … гладиолусы, тюльпаны, купены, ландыши’; ***Куконь эрьгть**, **куконькат**, **тюльпант**... Сынь мазыйть, сынь оймень эждийть, сынь…* [2, с. 15] ‘Ландыши, марены, тюльпаны… Они красивые, они согревают душу, они…’; *Вечкемась ды авечкемась молить покшолгавтыця сулика ёнов. Комавтсы прянзо васенцесь вельксэзэнзэ, пиципалаксонть несы тантейстэ качадыця якстере **розакс**, варшты омбоцесь – **розась**, балягань инязорось, велявты пиципалаксокс* [2, с. 145] ‘Любовь и нелюбовь похожи на увеличительное стекло. Первая опустит голову над ним, душистой красной розой видит крапиву, посмотрит вторая – роза, царица цветов, превращается в крапиву’; ***Вень фиалкась** орхидеятнень юткстo. Покштязо сонзэ – ковось* [2, с. 49] ‘Ночная фиалка из семейства орхидных. Ее дедушка – луна’.

Большим разнообразием отличаются названия грибов: *килей панго* ‘подберезовик’, *карво панго* ‘сыроежка’, *пиче панго* ‘рыжик’, *пекше панго* ‘груздь’, *чага панго* ‘трутовик скошенный’, *ашо панго* ‘белый гриб’ и др. Например: *Лездась, некак, сонсь Пазось: эртевсь [коткудавось] **карво пангос*** [2, с. 76] ‘Помог, наверное, сам Бог: наткнулся [муравей] на сыроежку’; *Вант, колмодо ламо **пиче пангот** иля керя! Улезэ теть казнекс вейке **ашо панго**, ветеде аволь седе ламо – **килеень**...* [2, с. 78] ‘Смотри, больше трех рыжиков не срезай! Пусть будет тебе подарком один белый гриб, не больше пяти – подберезовиков’; ***Чага пангось**, кона педясь ды тапардавсь покш раужо-тюжа пинксэкс килеенть перька, неявсь тень алкуксонь овтолевкскекс* [2, с. 98] ‘Трутовик, который прилепился и обвился большим черно-коричневым обручем вокруг березы, показался мне настоящим медвежонком’.

Наименования огородных растений и злаковых культур в прозе писателя встречаются также довольно часто: *кшумань* ‘редька’, *куяр* ‘огурец’, *модамарь* ‘картофель’, *пурька* ‘морковь’, *пейнечурька* ‘чеснок’; *розь* ‘рожь’, *товсюро* ‘пшеница’, *пинеме* ‘овес’, *суро* ‘просо’. Например: ***Кшуманень** корсяня танстесь пидезь пиди келем ды курго менельксэм* [2, с. 56] ‘Горький вкус редьки обжигает

мой язык и нёбо’; *Мон умо-о-ок чарькодия – кадовтано* ***куяртомо****. Неть кодат* ***куярт****... куш сайть пелюма ды ледить* [2, с. 89] ‘Я давно понял – останемся без огурцов. Это какие огурцы… хоть косу возьми и скоси их’; *Сёксня, модантъ кельмема малава, виднить* ***пурькат*** *ды* ***петрушка****, путнить* ***пейнечурькат*** [2, с. 135] ‘Осенью, перед заморозками, сеют морковь и петрушку, сажают чеснок’; *Тарган* ***модамарть*** [2, с. 123] ‘Копаю картофель’; *Сёксень ды тундонь видевть сюротне артовсть сырнень тюссо. Велетнень перька яки-азгонди кенерезь* ***розень*** *чине* [2, с. 61] ‘Осенью и весной посеянные хлеба окрасились золотым цветом. Вокруг села гуляет аромат спелой ржи’; *Савкшны истят валткак марсемс: зыянось, келя, ламо эйстэнзэ [озяздонть],* ***суронь*** *паксятнень лангс кайсеви* [2, с. 137] ‘Приходится слышать и такие слова: вреда, говорят, много от него [воробья], на засеянные просом поля нападает’.

В рассказах Е.В. Четвергова обширно представлены партитивные фитонимы, такие как *тарад* ‘ветка’, *лопа* ‘лист’, *недькс* ‘стебель, ботва, ствол’, *пургондавкс* ‘почка’, *цюцёв* ‘гроздь’, *керь* ‘кора’ и др. Например: *Рацяня, аволь уш од поенть алце* ***лопанзо*** *зярс пижеть* [2, с. 96] ‘Нижние листья раскидистой, уже не молодой осины еще зеленые’; *Петерь, петерь – маряви, кода ризнэзь прыть ожо* ***лопатне*** [2, с. 100] ‘Кап-кап – слышно, как с грустью падают желтые листья’; *Чувтось раужт мери. Раужо* ***тарадт****, раужо* ***цяхмат****, раужо* ***почкат****...* [2, с. 31] ‘Дерево кажется черным. Черные ветки, черные грозди, черные почки…’; *Сонзэ [чувтынеть] човине* ***тарадкензэ*** *пева прок кие-бути понгавтнесь ашо тештинеть* [2, с. 126] ‘На концах его [деревца] тонких веток словно кто-то развесил белые звездочки’; *Эрзякс те тикшентень мерить ашо кенже, рузокс – белокопытник… Лопанзо те тикшенть келейть. Кирди сынст кувака* ***недькс*** [2, с. 28] ‘По-эрзянски эту траву называют *ашо кенже* (белый ноготь), по-русски – белокопытник. Листья у этой травы широкие. Держит их длинный стебель’; *Аволь весть содавтнимим ожо вановт сёксесь. Ламокстъ панжтнизь* ***пургондавксост*** *вальмам икеле умарькстнэ* [2, с. 80] ‘Не один раз навещала меня желтоглазая осень. Много раз яблони перед окном распускали почки’; *Чинь ютазь кувсеме кармась ламаресь.* ***Цюцёвонзо*** *эзть ашолгадо*

[2, с. 38] ‘Через день стала стонать черемуха. Ее грозди не побелели’; *Венстия кедем, увтия ве тарадонть ды кенжсэ коцькердыя* ***керензэ****. Эрикс паро чувто* [2, с. 17] ‘Протянул руку, нагнул одну ветку и ногтем поцарапал кору. Живое хорошее дерево’.

Группа наименований совокупностей включает в себя названия различных сочетаний дикорастущих или специально посаженных деревьев, составляющих единое целое и имеющих базовое имя – совокупность: *вирь*, *вирть-укшторт* ‘лес’, *вирькикс* ‘лесополоса’, *пичевирь* ‘сосновый лес’ и др. Например: *Ков а варштат –* ***вирь****… **Вирь**, **вирь**, **вирь*** [2, с. 126] ‘Куда ни посмотришь – лес… Лес, лес, лес’; ***Вирькиксэнть*** *кувалт киванть капшан кудов* [2, с. 61] ‘Вдоль лесополосы по дороге спешу домой’; *Учить пельденек паро валт ды тевть аволь ансяк* ***вирьга-укшторга*** *эрицятне* [2, с. 20] ‘Ждут от нас хороших слов и дел не только обитатели лесов’; *Одкстомсь, теке симсь пуреде, сыре* ***пичевиресь*** [2, с. 75] ‘Помолодел, словно выпил кваса, старый сосновый лес’. Отдельно выделяются наименования совокупностей, основным показателем собирательности которых является аффиксоид *-пуло: килейпуло* ‘березняк’, *вирьпуло* ‘лесок, лес’, *кальпуло* ‘ивняк’ и т.д. Например: *…****вирьпулонтень*** *пурнавсть, марявсь тень, весе письмартнэ* [2, с. 62] ‘…в лесок собрались, казалось мне, все скворцы’; *Шалнось тонавтницятнеде* ***вирьпулось*** [2, с. 63] ‘От учеников гудел лес’; *Ведь* ***кальпуло.*** *Куракштнэнь юткова… пиципалакст* [2, с. 114] ‘Ивняк у воды. Среди кустов… крапива’; *Ней вана таго норови [нармушкась] ильтямс те* ***килейпулостонть*** [2, с. 118] ‘Теперь опять старается [птичка] выпроводить из этого березняка’; *Чадыковдо мейле* ***виртнес-вирьпулотнес*** *варшты сэтьмечи* [2, с. 29] ‘После апреля в леса-лесочки заглянет тишина’. *Окойники ютавинь ульцянть трокс ды совинь* ***килейпулонтень*** [2, с. 54] ‘Наконец перешел через улицу и зашел в лесок’.

Значимость фитонимических образов для автора подтверждается тем, что фитонимы нередко выносятся в сильную позицию – в название произведения. Например: *«Килеень морсемат»* («Пения берез»), *«Ламарь чувтось сонензэ лездась»* («Черемуха ей помогла»), *«Керятано аволь тарадонть…»* («Рубим не ветку…»), *«Вень фиалка»* («Ночная фиалка»), *«Чачомаль тень туминекс»* («Родиться

б мне дубком»), *«Пангос якамось…»* («Поход за грибами…»), *«Он Якстере цецядо»* («Сон о Красном цветке»), *«Кадык кадови тикшекс»* («Пусть остается травой»), *«Горниповне»* («Купальница»), *«Прыть лопатне, теке эрязь читне»* («Падают листья, словно прожитые дни»), *«Чахрат, чахрат…»* («Цветы, цветы…»), *«Кода поесь, эли…»* («Как осина, или…»), *«Мекс лайши поесь?»* («Почему плачет осина?»), *«Косо килейтне седе ашот?»* («Где березы белее?»), *«Зярдо ушодыть лопатне прамо?»* («Когда начинают опадать листья?»), *«Олянь кальне»* («Олина ива»).

Необходимо отметить, что описания фитонимов составляют значительную часть коротких рассказов писателя. Они украшают язык произведений, делают его ярким, образным и насыщенным. Например: *Панжия келес вальмантъ. Икелензэ ожо, аволь сэрей-келей туминетнестэ каятотсь музыка… Седе ве ёно, эрькенть чирева, – лепень куро. Сон зярс пиже. Ожо пона сёксесь эйзэнзэ эзь пачкодть. Седе васолга, Сурань вить, седе сэрей чирева таргавсь Томбалькс виресь. Сон допрок эзь ожолгадо... Ютынь лия вальмас. Суликатнень икельга ожо чама сёксесь понгавтнесь ожо шаршавт. Истямокс неявить вальмантъ каршо укшторонть келей, теке кедькоморот, лопанзо… Мезе кази тень колмоце вальмась? Ды таго ожо гайтть, ожо кольнемат!.. Рацяня тумонть вакссо зорякс артозь кураки. Ве ёндо неяви якстере-ожо пона вирезкекс, кона порни тикше аванзо вакссо…* [2, с. 107–108] ‘Распахнул настежь окно. Перед ним от желтых, небольших дубков раздалась музыка… Чуть в сторонке, на берегу озера, – куст ольхи. Он пока зеленый. Желтой масти осень до него не дошла. Подальше, по правому высокому берегу Суры, протянулось Залесье. Оно совсем не пожелтело… Подошел к другому окну. Перед стеклами желтолицая осень развесила желтые занавески. Так выглядят широкие кленовые, словно пригоршни, листья перед окном… Что мне подарит третье окно? И опять желтые звуки, желтое кокетство!.. У развесистого дуба раскрашенный зарей кустарник. Со стороны кажется ягненком красно-желтой масти, который рядом с матерью щиплет траву…’; *Ванан, ды чувтынесь тень кармась неявомо тейтерекс. Сон ашти аванзо икеле ды а соды, кода идемс эсь прянзо стяконь*

кис мурнемадонть. Аштн тиринзэ икеле прянь нолдазь, сельместэнзэ вейкень-вейкень мельга певернть, прок хрусталень кснавт, эрьгана сельведть. Покордамонь сэпе, оймень сэредькс, ачарькодема, энялдома, майсема ды кемема неявить вановтсонзо [2, с. 74] ‘Смотрю, и деревце стало казаться мне девушкой. Она стоит перед матерью и не знает, как защитить себя от напрасных упреков. Стоит перед родной с опущенной головой, из глаз одна за другой капают, словно хрустальные горошины, крупные слезы. Обидная горечь, душевная боль, непонимание, мольба, мука и вера чувствуются в ее взгляде’. Как видно, природа вокруг нас живая для тех, кто неравнодушен к ней. Если быть наблюдательным, то можно узнать много любопытного о «неинтересных» деревьях, растениях, кустарниках, цветах, травах и т.д. Для автора же они – все одушевленные. В его рассказах мир природы сопоставляется с миром человека. Люди сравниваются с растениями, а растительные организмы наделяются свойствами людей: их способностью дышать, видеть, говорить, чувствовать и любить.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в художественном мире Е.В. Четвергова «обнаруживается главная его особенность – чувство любви к природе мордовского края» [3, с. 164]. Автора отличает умение видеть окружающий мир в разноцветных и неповторимых красках. Следовательно, писателя по праву можно назвать художником родной земли. Книги Е.В. Четвергова востребованы и всегда находят живой отклик в сердцах людей. Они прививают любовь к природе, помогают полнее ощутить и осознать связь литературы с жизнью, расширяют и обогащают знания о родных местах.

СОКРАЩЕНИЯ

э. – эрзянский; м. – мокшанский.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Девяткина Т.П.* Культ деревьев // Мордовия: энциклопедия: в 2 т. Саранск: Морд. кн. изд-во, 2003. Т. 1. С. 467.

2. *Нуянь Видяз.* Иень тюст: нурькине ёвтнемат. Саранск, 2003. 160 с.

3. *Цыплякова О.Ю., Шугаева Т.В.* Цветовая палитра фитонимической лексики в прозе Е. В. Четвергова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 3 (59). С. 159–164.

УДК 811.511.151

Г.А. Эрцикова
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

В.М. ВАСИЛЬЕВ И МАРИЙСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

В статье рассматривается роль В.М. Васильева в становлении и развитии марийской диалектологии. Исследованием особенностей марийских диалектов языковед занимался практически всю свою научную деятельность. Диалектное членение марийского языка, некоторые фонетические и морфологические характеристики диалектов представлены в трудах ученого по марийской грамматике. Диалектные слова, толкование их значений нашли отражение в лексикографических работах исследователя.

Ключевые слова: *В.М. Васильев, марийская диалектология, классификация диалектов, марийский календарь, грамматика марийского языка, словари марийского языка.*

The article examines the role of V.M. Vasiliev in the formation and development of Mari dialectology. The linguist had been studying the peculiarities of the Mari dialects for almost all of his scientific activity. The dialect division of the Mari language and some phonetic and morphological characteristics of dialects are presented in his works on Mari grammar. Dialect words and the interpretation of their meanings are reflected in the lexicographic works of the researcher.

Key words: *V.M. Vasiliev, Mari dialectology, classification of dialects, Mari calendar, grammar of the Mari language, dictionaries of the Mari language.*

Валериан Михайлович Васильев (1883–1961) – одна из ярких личностей, сыгравших значительную роль в истории марийского края. Он был человеком разносторонних интересов: талантливым ученым, умелым педагогом, активным общественным деятелем. Внес неоценимый вклад в изучение языка, фольклора, литературоведения, этнографии марийского народа. Написал более 250 работ.

Вопросами марийской диалектологии В.М. Васильев стал интересоваться еще на заре своей научной деятельности. В «Марийском календаре» за 1907 г. им впервые была сделана попытка классификации диалектов. В статье под названием «Тӱрлӧ вэрэ шичшы (улшо) марий-влак илышышт» («Жизнь марийцев, живущих в разных местах») исследователь упоминает о четырех группах марийцев (луговые марийцы; горные марийцы; марийцы, живущие в Вятской и Пермской губерниях; восточные марийцы) и дает небольшие сведения об их языковых особенностях.

О луговых марийцах отмечено, что они живут на левом низменном берегу Волги, где большую площадь занимают леса, поэтому их издавна называют «кожла марий» (букв. лесные марийцы). По мнению исследователя, это неконтактная группа марийцев, и их одежда, язык не подвергаются сильным изменениям, сохраняют свою самобытность: «Кожла марий-влак ошсьэк ышкэ гына илэныт; нуныын коклаштэ молы калык илэн огыл. Нуныын чиймашыштат, ойлымашыштат молы калыклан пэш огэш ушатэ (тол), ышкэ сьэмыныышт» [8, с. 54].

Горные марийцы, как утверждает В.М. Васильев, живут на правом холмистом берегу Волги, поэтому их называют «курук марий» (горные марийцы). Они издавна поддерживают связь с русскими, в результате их язык испытывает сильное влияние заимствованных из русского языка слов: «Ошсьэк руш коклаштэ илымылан, нуны рушлан путрак ушатат <…> марла мут олмэш руш мутым марлашкы сьавырэн ойлат» [8, с. 54].

О марийцах, живущих в Вятской и Пермской губерниях, написано, что их жизнь намного не изменилась, что они не уподобились ни русским, ни татарам: «Нуны рушланат, сьуӓсьлӓнат пэш огыт ушатэ» [8, с. 55].

По мнению автора, марийцы Уфимской губернии («ӱпы марий» – восточные марийцы) в результате контактирования с татарами уже с детства владеют татарским языком. Иногда даже между собой они разговаривают на татарском языке: «Йужы кунам ышкэ коклаштыштат марла ойлышаш олмэш сьуӓсьлӓ ойлат» [8, с. 55].

О наличии в марийском языке «множества говоров» и трех наречий (луговой, горный, восточный) исследователь написал в своем труде «Записки по грамматике языка народа мари: Материалы для этимологии и синтаксиса» (Казань, 1918 г.), посвященном «характеристике основных фонетических и грамматических особенностей марийского языка» [6, с. 13]. В.М. Васильев отметил, что «обилие говоров вносит в язык много разнообразия не только в лексическом, но и грамматическом отношениях, при ближайшем разсмотрении все-же обнаруживается, что между восточным и луговым наречиями гораздо больше сходства, чем различия. Близость между первыми двумя не представляет особенных затруднений для одновременнаго их разсмотрения, тогда как существенное отличие от них горнаго наречия, как в выговоре, словообразовании и даже словосочинении, весьма затрудняет одновременное изследование их. Поэтому мы здесь совершенно не касаемся горнаго наречия» [1, с. 2].

Более подробную классификацию марийских диалектов В.М. Васильев представил в рукописи «Курс научной грамматики марийского языка», датированной 1946 г. (на обложке – 1951 г.). Известно, что «ее первый вариант под названием «Опыт научной грамматики марийского языка» был разработан еще в годы учебы в аспирантуре, тогда он был написан с позиции «нового учения о языке» Н.Я. Марра. В период его (В.М. Васильева. – *Г.Э.*) работы в МарНИИ рукопись была серьезно доработана и в 1947 г. представлена в качестве диссертации на защиту» [10, с. 24–25].

В указанной грамматике имеется специальная глава «Общий обзор диалектов марийского языка» [2, с. 1–11]. Как и в предыдущей работе, автор выделяет три наречия: горное, восточное и луговое. В данном случае лингвист указывает, кроме того, на границы территориального распространения говоров, выделяет наиболее характерные их признаки, учитывая не только языковые особенности, но и этнографические, экономические, географические и др. данные. Интересно то, что из этнографических особенностей, по мнению исследователя, «ведущим моментом является головной убор замужних женщин» [2, с. 6–7].

Рассматривая языковые особенности наречий, автор пишет, что «из двух основных языков лишь горный представляет почти однородный языковой массив», не считая некоторые «окающие огласовки» и «различие в мелодике речи горной части, отличающейся плавной протяжной интонацией, и луговой-заволжской, имеющей произношение, говоря по традиционной терминологии, торопливое, ускоренное и т.д.» [2, с. 3–4]. К этой же группе исследователь относит и «некоторых носителей Яранского диалекта», характерной особенностью которых считает «наиболее развитое акание».

По поводу восточного и лугового наречий отмечает, что в них, особенно в луговом наречии, «наблюдается большое разнообразие в говорах с более существенными различиями в отношениях и фонетики, лексики и морфологии, и синтаксиса» [2, с. 4].

К восточному наречию относит говор жителей Татарской, Башкирской и Свердловской областей. Считает, что марийцы, проживающие в Татарской и Свердловской областях, «имеют относительно твердый выговор, разумея под ним произношение главным образом свистящих согласных <…> кроме того, говор Свердловских марийцев отличается и некоторыми лексическими различиями» [2, с. 4].

В луговом наречии на основе отдельных фонетических и грамматических признаков ученый выделяет семь групп говоров:

1. Говор жителей Йошкар-Олинского, Оршанского и отчасти Звениговского районов, который отличается «цоканием» и примыкает «в некотором отношении по ударности гласных в слове и по некоторым морфологическим формам к горному языку».

2. Говор жителей Моркинского и отчасти Керебелякского районов, который отличается «наиболее сильным оканием».

3. Говор жителей Сернурского, Новоторъяльского и Староторъяльского (ныне Староторъяльское сельское поселение) районов, который «близок по своему говору к Моркинскому и сильно окает, но имеет уже в виде оазисов селения, говорящие почти полностью на восточном наречии, за исключением лишь суффикса ‘шамыц’ (дер. Онтроп починга)».

4. Говор жителей Байсинского (ныне Байсинское сельское поселение), Мари-Турекского, Биляморского (ныне Мари-Биляморское сельское поселение) районов. Является переходным говором к восточному наречию. Характерной его чертой является «суффикс множ. числа ‘лак’».

5. Кукнур-Чукшинский говор, который является переходным «от лугового наречия к восточному». Особенность говора в том, что «наряду с суффиксом множ.ч. ‘шац’ «вм.», ‘шамыц’ встречается тоже ‘лак’».

6. Вичмаринский говор, который охватывает селения близлежащие к г. Уржум. В нем используется суффикс множественного числа ‘лак’. Отличается от других говоров тем, что «в фонетике его имеется уже четырехступенчатый ряд аффрикатов ṭ → ḍ → ḏ → ϑ».

7. Китяковский говор, который охватывает селения вокруг г. Малмыжа. Этот говор «полностью примыкает к восточному наречию» [2, с. 4–6].

Представленная В.М. Васильевым классификация марийских диалектов сделана на основе значительного количества полевого материала, собранного исследователем во время многочисленных фольклорных, этнографических, специальных диалектологических экспедиций и материалов, поступивших от корреспондентов «Марла календаря».

Отметим, что работу по сбору устного народного творчества В.М Васильев начал после окончания Бирской учительской школы в 1902 г. в возрасте 19 лет. А в последний раз свою научную экспедицию он совершил в 1944 г. в возрасте 61 года [более подробно о сборе полевых материалов В.М. Васильевым см. 7, с. 22–24; 10, с. 17–22]. Хорошая научная подготовка в г. Казани, природные способности и талант позволили ученому вести сбор материалов одновременно и по фольклору, и по этнографии, и по языку. Впоследствии на основе этих материалов было написано немало научных трудов по проблемам языкознания, фольклористики, музыковедения, этнографии, литературоведения, педагогики.

Диалектные материалы нашли отражение, прежде всего, в трех его словарях: «Черемисско-русскій словарь» (Казань,

1911), «Марий мутэр. Маро-русский словарь и конспект грамматики марийского языка. Пособие при изучении марийского языка» (Краснококшайск, 1924), «Марий мутэр. Тӱрлӧ вэрэ илӹшэ марийӹн мутшӹм танҥастарэн нэргэлӹмэ кнага» (Москва, 1926/1928).

В «Черемисско-русскій словарь» (1911) включены более 2000 наиболее употребительных слов из восточного и лугового наречий. Цель словаря – «дать пособіе при изученіи черем. языка» [5, с. 2]. Большинство представленных слов не снабжены пометами, указывающими на их диалектную принадлежность. Отдельные семантические и собственно-лексические диалектизмы имеют пометы «в.н.» и «л.н.», например: *саска* ‘цветок’ (в.н.), ‘плод’ (л.н.), *совла* ‘половник’ (в.н.), ложка (л.н.); *ӱвӧ* (в.н.), *шараҥгэ* (л.н.) ‘ива’, *шарэҥгэ* (в.н.), *вӱд уа* (л.н.) ‘тальникъ’ и др.

В книге имеют место лексико-фонетические диалектизмы, которые представлены по-разному: одни из них даны в одной словарной статье, например: *йэҥ*, *йыҥ* ‘человек’, *тич(ак)*, *чич(ак)*, *тыч(ак)* ‘полный’, *тӱмбыр*, *тӱмыр* ‘барабан’, *шыжэ*, *шижэ* ‘осень’, другие – с отсылкой на основные лексемы, например: *вактыш*, см. *вавс*; *йӱмал*, см. *йымал*; *йэҥга*, см. *йыҥга*; *шэрава*, см. *жерава* и др.

«Марий мутэр. Маро-русский словарь…» (1924) является своего рода переизданием предыдущего словаря с отдельными изменениями и дополнениями. Диалектные группы, принципы подачи материала остались прежними. Пересмотрено правописание слов. Нашли отражение слова, отсутствующие в издании 1911 г. Например, словарная статья *пагалэм* ‘почитаю, уважаю’ дополнена собственно-лексическим диалектизмом *жаплэм*; *лӱсь* ‘ветка хвойного дерева’ – словом *лызэ*, *вакшэр* – единицей *пӱйа*; словарная статья *нэргэн*, *торышто* ‘о, об’ – лексико-фонетическим диалектизмом *йэргэн*; *вашкӱзьӧ*, *качэ* ‘ножницы’ – лексемой *васкӱзӧ* и др. Даны новые словарные статьи, например: *лайык* ‘плавный’, *мэк*, *мэкэ* ‘куль’, *надыр* ‘жертва (денежная)’, *намырлык*, *мамырлык* ‘блаженство’, *овда* ‘лесное мифическое существо’, *озак*, *озак марий* ‘холостой’, *озым* ‘озимь’ и др. Некоторые лексемы исключены, например:

гоч, *коч* ‘чрезъ (послелог)’, слово *эша* из словарной статьи *адак* ‘еще, опять’ и др.

По сравнению с черемисско-русским словарем, данная работа содержит «Конспект грамматики марийского языка», который дан в целях «облегчения как пользования словарем, так и изучения марийского языка вообще» [3, с. 3].

Главным лексикографическим трудом В.М. Васильева является «Марий мутэр. Тӱрлӧ вэрэ илы̆шэ марийы̆н мутшы̆м тан̆астарэн нэргэлы̆мэ кнага» («Сравнительный словарь наречий марийского языка») (1926/1928), содержащий в себе более двенадцати тысяч словарных статей. В него включены «почти все слова марийского языка, т.е. всех трех его наречий – восточного, лугового и горного и притом во всех разновидностях произношений слов, включая в число их не только существующие в обиходе, но и устаревшие и вновь образовавшиеся» [4, с. X].

Словарь построен на основе многочисленных печатных – художественных рассказов, учебников, учебных пособий, трудов по этнографии, словарей и др., рукописных – произведений устного народного творчества, и полевых материалов, собранных автором практически из всех марийских диалектов. Большую помощь в сборе лексикографического материала оказали также такие известные лица, как И.Н. Коведяева, Г.Г. Кармазин, Л.Я. Мендиаров, М.С. Герасимов, Н.С. Мухин, С.Г. Чавайн, Т.Е. Евсевьев и мн. др.

Рассматриваемый лексикографический труд содержит элементы различных видов словарей – толковых, энциклопедических, синонимических, фразеологических, этимологических, но «по своим основным параметрам, по преобладающему характеру словаря при ретроспективном подходе его можно назвать диалектологическим» [9, с. 34].

Как и в предыдущих работах, отдельные диалектные слова сопровождаются пометами: «о.м., ол.м.» – «олы̆к марийы̆н» ‘луговое наречие’, «к.м.» – «курук марийы̆н» ‘горное наречие’, «ӱ.м., ӱп.м.» – «ӱпӧ марийы̆н, ӱпӧ вэл марийы̆н» ‘восточное наречие’. Однако большинство лексем дано без каких-либо помет. Такое обстоятельство объясняется составителем словаря следующим образом:

«Ввиду большой разбросанности марийцев, породившей, помимо наречных особенностей, множество говоров, выявление всех особенностей языка потребовало-бы представления слов по говорам, подговорам и т.д. Поэтому отнесение слов к тому или другому наречию, обозначенное сокращениями в виде «ӱ.м., о.м., к.м.» следует считать, вообще говоря, относительным. Это особенно относится к словам с отметкой «ӱ.м.», обозначающей представителей более всех разбросанного восточного наречия марязыка» [4, с. 323].

Васильев В.М. уделял внимание также фонетическим и морфологическим особенностям марийских диалектов. Уже в первых своих работах по грамматике марийского языка исследователь представил сравнительный анализ отдельных морфологических явлений. В «Записках по грамматике языка народа мари» (1918) имеется указание на диалектные различия в образовании форм «звательного падежа» имени существительного, «прошедшего неопределенного» времени глагола и др. В рукописи «Курс научной грамматики марийского языка» (1946), составленной на основе восточного, лугового и горного наречий «в виде как живой речи и произведений фольклора /песни, сказки, легенды, загадки и т.д./, так и в форме литературных языков лугово=восточного и горно=марийского» [2, с. 13], диалектные различия на уровне фонетики и морфологии рассмотрены более подробно. Так, изучив междиалектные соответствия между указанными наречиями на уровне фонетики, лингвист приходит к выводу, что горное наречие представляет «свистящую группу с акающей огласовкой», луговое – «шипящую с окающей огласовкой», восточное относится «к спирантной ветви с экающей огласовкой» [2, с. 83–84]. Исследовав те или иные диалектные особенности в области морфологии, автор, к примеру, отмечает: «при склонении имен существительных во множ. числе прибавляются показатели в восточном наречии «влак», в луговом «шамыч» и в горном «влӓ», к которым ко всем в остальных падежах присоединяются те же окончания, что и в единственном числе» [2, с. 133]. Языковедом обозначены, кроме того, некоторые различительные признаки в постановке ударений в марийских диалектах.

Таким образом, В.М. Васильев внес существенный вклад в становление и развитие марийской диалектологии. Выявление характерных черт говоров и наречий того периода, прежде всего, происходило с целью совершенствования и обогащения литературного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев В.М.* Записки по грамматике языка народа мари. Материалы для этимологии и синтаксиса. Казань: Первая Тип. Сов. Рабоч. и Красноар. Депутатов, 1918. 80 с.

2. *Васильев В.М.* Курс научной грамматики марийского языка, 1946. 402 л. // НРФ МарНИИЯЛИ. Оп. 2. Д. 9.

3. *Васильев В.М.* Марий мутэр. Маро-русский словарь. Пособие при изучении марийского языка. Краснококшайск: Гос. Тип., 1924. 112 с.

4. *Васильев В.М.* Марий мутэр. Тӱрлӧ вэрэ илышэ марийын мутшым танастарэн нэргэлымэ кнага». М.: СССР Калык-влак Рӱдӧ Савыктыш, 1926 (обл. 1928). 348 с.

5. *Васильев В.М.* Черемисско-русскій словарь. Пособіе при изученіи черемисскаго языка. Казань: Центр. тип., 1911. 27 с.

6. *Иванов И.Г.* В.М. Васильев – основоположник советского марийского языкознания // В.М. Васильев: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения ученого. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. С. 12–20.

7. *Исанбаев Н.И.* В.М. Васильев и вопросы марийской диалектологии // В.М. Васильев: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения ученого. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. С. 20–31.

8. Марла календарь на 1907 годъ. Казань: Центр. тип., 1906. 74 с.

9. *Патрушев Г.С.* Лексикографические труды В.М. Васильева // В.М. Васильев: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения ученого. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. С. 31–41.

10. *Сибатрова С.С.* Роль В.М. Васильева в развитии марийских гуманитарных наук // I Ӱпымарий лудмаш (I Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Йошкар-Ола, 26 апр. 2019 г.). Йошкар-Ола, 2019. С. 14–28.

УДК 398.332.4(=411.16)(476)

В.Ф. Батяев
Государственное научное учреждение
«Центр исследований белорусской культуры, языка и
литературы Национальной академии наук Беларуси»
(г. Минск)

ЕВРЕЙСКИЕ ПРАЗДНИКИ ЗИМНЕГО ЦИКЛА В БЕЛАРУСИ

Рассматриваются еврейские праздники зимнего цикла в Беларуси: Ханука, Ту би-шват, Пурим, их происхождение, характер, функции, структура; подробно анализируются ритуалы праздников, проводимых в кругу семьи и учреждениях; показаны обрядовая пища, ее символика, процессы дарения пищи и употребления поминальных молитв на семейном и индивидуальном уровне, а также роль обменов дарами в реализации и укреплении коллективных и индивидуальных связей между евреями.

Ключевые слова: *евреи, синагога, Ханука, Ту би-шват, Пурим, седер, Эстер.*

The article discusses the Jewish holidays of the winter cycle in Belarus – Hanukkah, Tu bi-shvat, Purim, their origin, character, function and structure; the rituals of holidays held in the family circle and institutions, their preparation are analyzed in detail; ceremonial food of the holidays, its symbolism, the processes of giving food and eating funeral dishes at the family and individual level, as well as the role of gift exchanges in the implementation and strengthening of collective and individual ties between Jews are shown in the research.

Key words: *Jews, Synagogue, Hanukkah, Tu bi-shvat, Purim, seder, Esther.*

В культуре евреев Беларуси значительную роль играют еврейские праздники зимнего цикла. Это – Ханука, Ту би-шват, Пурим.

Они не имеют постоянных дат, так как проводятся по лунному календарю.

Праздник **Ханука** (обновление) отмечается в течение восьми дней – с 25 числа месяца кислев до 3 дня месяца тевет (ноябрь – декабрь). Его еще называют «День освящения» либо «Праздник Маккавеев». Праздник установлен в честь освящения Храма и чуда, случившегося во время восстания Маккавеев (167–140 гг. до н. э.). Иуда Маккавей, вступив в Иерусалим, воздвиг в Храме из камней новый алтарь вместо старого разрушенного и совершил на нем жертвоприношение. В честь этого события и был установлен восьмидневный праздник. Во время освящения Второго Храма на дне колодца было найдено священниками Первого Храма спрятанное небольшое количество чистого (не осквернённого прикосновением иноверцев) оливкового масла для храмовой лампады, которое было рассчитано для ее горения только на одни сутки. Но для приготовления следующей порции масла необходимо было восемь дней. Лампаду зажгли, и свершилось чудо. Она горела в течение восьми суток. Поэтому символом праздника является менора – подсвечник для восьми свечей [3, с. 448; 5, с. 328–329; 9; 11, с. 757–758; 23, с. 127, 130; 27, с. 37; 28, с. 339].

Главный ритуал первого дня праздника – зажигание вечером в доме и в синагоге женщинами первой из ханукальных свеч от специальной свечи, называемой «шамеш». В первый день зажигают одну свечу, в последующие дни добавляют по одной, доведя их число до восьми. Это делают в подражание Великому чуду. При зажигании свеч произносят благословение и поют специальный гимн [3, с. 478; 5, с. 328–329; 9; 11, с. 757–758; 23, с. 132, 133; 27, с. 37; 28, с. 339].

В праздник Ханука днем работают, а по вечерам слушают музыку (игру на флейте, контрабасе, скрипке), поют, танцуют, играют в шашки, в шахматы, в лото, в карты, а дети – в дрейдл (волчок). Обычай играть в дрейдл был заимствован в средневековье у немцев (рождественский волчок), которые, в свою очередь, переняли его у римлян. Дрейдл – это четырехсторонний волчок, похожий на юлу. Его отливают из свинца в форме игральной кости. Внизу имеется

острие. На каждой из его сторон изображены четыре буквы из алфавита языка иврит: «нун», «гимель», «hей» и «шин», составляющие фразу на иврите «Нес гадоль hая шам» – «Чудо великое свершилось там» (то есть в Израиле). Перед началом игры делают ставки, а потом крутят дрейдл как волчок. Если он падает на бок, где написана буква «нун», игрок теряет деньги, если «шин» – ставка сохраняется, «hей» – позволяется забрать половину, а «гимель» – отдаются в руки выигравшего все имеющиеся в банке деньги. Детям дарят «ханукальные копейки», которые они могут проиграть. В Гродно дети играли в дрейдл с некоторыми нововведениями. Для каждой из букв они придумывали другое слово – на идише. Заключали пари, какая буква будет сверху, когда дрейдл остановится. Если «нун» – «нем» («бери»), «гимель» – «горништ» («ничего»), «hей» – «hелф» («половина»), «шин» – «штел» («ставь» опять на кон). Тут вместо выражения «Нес гадоль hая шам» сочинили другое – «Нотэ ганев hакт шлесер» (с идиша: «Нотэ вор рубит замки»), которое более понятно. В карты начинают играть до праздника. Играть приходили семьями. За детей играли взрослые, выигрыш отдавали детям. До Хануки семья проводила за картами четыре часа в каждый вечер, а в Хануку – до полуночи. Так играли все вечера до НИТЛ. НИТЛ – Рождество (Natalis – лат.). В Рождество не принято было изучать Тору. НИТЛ – это аббревиатура фразы «Ништ Тойре лернен», то есть «Не учим Тору». После НИТЛ прекращают играть в карты [3, с. 448; 5, с. 328–329; 9; 11, с. 757–758; 14, с. 114; 15, с. 175; 23, с. 133; 27, с. 37; 28, с. 357, 359].

В XVII–XVIII вв. возник обычай устраивать театрализованные представления, посвященные истории Маккавеев. На празднике вся пища готовится на растительном масле. В дни праздника к ужину обычно подают специальные блюда «латкес» (жаренные на масле картофельные оладьи) и «суфганийот» (пончики), приготовляемые для этого праздника. Оказывали помощь бедным. Для этого «габай» (староста), «шамес» (синагогальная служка) и раввин ходили по домам и собирали от прихожан денежные пожертвования «ханука-гельд» [3, с. 448; 5, с. 328–329; 9; 11, с. 757–758; 15, с. 175; 23, с. 133; 27, с. 37; 28, с. 357, 359].

В начале XXI в. в еврейской общине Пинска проводились вечера, посвященные празднику Ханука. Они проходили в городском Доме культуры, синагоге, общинном доме, семейном клубе, благотворительном центре «Хэсэд-Арон», Пинской еврейской школе-интернате «Бейс-Агарон», «Теплом доме». На этих вечерах накрывали праздничные столы, зажигали ханукальные свечи, выступали с поздравлениями руководители еврейской общины и ее структурных подразделений. Раввин рассказывал об истории и традициях праздника. На таких вечерах проводили концерты, конкурсы, викторины, разыгрывали лотереи. Участникам праздника вручали подарки: цитрусы, напитки, ханукальные блюда – латкес и пончики (суфганийот), кошерные продуктовые наборы, а победителям конкурсов и викторин – призы. На концертах исполняли ханукальные песни, стихи на идиш [13; 22; 29; 32; 33; 34; 35; 37].

Полтора месяца спустя после Хануки наступает Новый год деревьев (**Ту би-шват**) – праздник наступающей весны как символ связи евреев с природой, который отмечают в 15-й день месяца шват. В это время деревья просыпаются после зимы. Ту би-шват считается полупраздником, так как в этот день разрешено работать. В день праздника евреи едят плоды, упомянутые в Торе. Это – виноград, плоды гранатовых и масличных деревьев, финиковый мед. На стол подают пшеничные и ячменные лепешки, проводят благословение над вином, а затем над фруктами. Согласно обычаю, нельзя есть плоды деревьев, не достигших трехлетнего возраста: до этого срока они считались посвященными Богу и не дозволенными для людей. Урожай четвертого года следовало отдать в Храм и лишь на пятый год можно употреблять в пищу в семье. Кроме того, из каждого урожая выделяли две десятины: первую – в пользу служителей Храма, вторую – для нуждающихся. Отмечая Новый год деревьев, обращаются к заветам Торы, в которой человек сравнивается с фруктовым деревом, плоды деревьев – с детьми, плодами людей. Первым уроком Ту би-швата является то, что будущее мира зависит от воспитания детей; важно, что ребенок получает и что перед собой видит. Второй урок – максимальная защита души детей от негативных влияний окружающей среды, третий урок –

совершенствование их физического и духовного развития [16; 26; 27, с. 37].

В еврейских общинах этот праздник с XVI в. называют праздником плодов и в честь него исполняют специальные гимны, зажигают свечи. В день праздника устраивают седер (семейную трапезу) наподобие песаха. На столе должно быть не менее семи видов фруктов. Во время седера семья рассаживается вокруг стола, покрытого белой скатертью. На столе фрукты, зажженные свечи, вазы с цветами и кувшины с белым и красным вином. Седер сопровождался поднятием четырех кубков вина и постановкой четырех вопросов; частью седера является чтение отрывков из Торы, Талмуда и книги Зогар (где изложены основы учения Каббалы), в которой говорится о плодах земли. Произносят также специальную молитву с пожеланиями деревьям расти и плодоносить. Завершается седер плясками. Во время седера едят по пять плодов от трех типов деревьев, всего – пятнадцать плодов, представляющих пятнадцатый день швата. Три типа плодов соответствуют трем типам характеров: 1) орех, 2) финик, вишня, 3) инжир, виноград. В некоторых общинах есть обычай в день праздника изучать 15 глав из книги «Тегилим» (псалмы). Принято, чтобы меламеды обучали своих учеников этим псалмам, а те в день Ту би-шват пели их за столом во время праздничного обеда [26; 31].

Пинские евреи с начала XXI в. Ту би-шват отмечают в синагоге, клубе благотворительного центра «Хэсэд-Арон», еврейской школе-интернате «Бейс-Агарон» Пинска. В этих учреждениях они организовывают фруктовые вечера, на которых рассказывают об истории, обычаях праздника, подчеркивают, что деревья – это и пища, и строительный материал, и прохлада в знойный день, и красота, и экология. На стол подают фрукты. Пьют чай со сладостями и сухофруктами. В Минской еврейской общине устраивали также выставки рисунков учеников студии «Кохавим», посвященных празднику «Ту би-шват» [21; 24; 26; 30; 31].

За Днем деревьев следовал праздник **Пурим**. Он отмечается 14 числа месяца адар (февраль – март). Этот праздник связан с преданием о спасении еврейского народа Мардохеем (Мордехаем)

и его племянницей царицей Эстер (Эсфирь), случившемся в IV в. до н.э. в период царствования персидского царя Ахашвероша (Асфериса, Ксеркса). Главный министр царя Аман (Гаман), решивший очистить Персидское государство от евреев, как человек суеверный для определения удачного дня начала этой акции бросил жребий (*пур* – по-персидски, отсюда и название праздника), который выпал на 14 число адара. Узнав о намерениях Амана и о получении им царского эдикта на задуманную акцию, еврей Мардохей сообщил об этом своей племяннице царице Эстер (Эсфирь), которая убедила царя отменить повеление Амана на избиение евреев. Кроме того, царь умертвил Амана и на его место назначил Мардохея, который казнил семьдесят тысяч царских поданных, враждебных еврейскому населению. История Пурима описана в книге Танаха «Мегилат Эстер» (мегилат, мегила – свиток). Отсутствие в Свитке Эстер упоминания Бога и предписаний относительно каких-либо ритуалов свидетельствует о мирском характере праздника. Для обрядности праздника Пурим характерно нарушение ряда сакральных и обыденных запретов – ношение одежды другого пола. Разрешены азартные игры, неумеренное употребление вина, непристойные шутки и проказы, то есть снимаются все запреты, существовавшие в обыденной жизни, и наступает разгул карнавальной стихии [3, с. 448–449; 5, с. 329; 9; 11, с. 756; 23, с. 143, 155; 27, с. 38; 28, с. 339].

День, предшествующий празднику, проводится в покаянии, в молитвах и соблюдении строгого поста («пост Эсфири», так как Эсфирь с Мардохеем постились и молились перед отменой царского повеления). В конце дня взрослые и дети собираются в синагоге, где читают выдержки из «Мегилы», свитка Книги Эсфирь, и до окончания чтения никто не ест. Во время чтения все, особенно дети, взявши погремушки и трещотки, поднимают оглушительный крик, топают ногами, хлопают, гремят трещотками, когда читающий упоминает имя Амана. После окончания чтения, натешившись проклятиями в адрес Амана, все идут по домам на праздничный ужин. Собирались вся семья и гости (хазан с певчими, клезмеры). К столу подавали вина, водку и разные закуски. На ужине показывали «актерское мастерство», клезмеры бренчали на инструментах – и люди

слушали, ели, пили и веселились всю ночь. На другой день утром в синагоге опять читают «Мегилу», обедают. В Пурим устраиваются карнавалы и веселые представления, называемые «пурим-шпиль». Это импровизированный спектакль, рассказывающий историю царицы Эстер, царя Ксеркса, праведного Мардохея и злого Амана. Играют сценки «Мардохей», «Иосиф и его братья» и другие. Царицу Эстер играли мальчики, переодетые в женское платье. Преобладали костюмы: треуголки с султаном и портупея из синего и желто-белого картона – вот и есть царь Ксеркс. Самым веселым является представление с участием «козы». Мужчина надевал на себя шкуру, украшался бусами, колокольчиками, лентами. Детей пугало и веселило это зрелище. Они наблюдали за представлением со стороны. В Лиде пуримшпиллеры ходили по городу в высоких картонных шляпах с мечами, декламировали стихотворение, которое заканчивалось: «Сегодня Пурим, завтра это закончится. Дайте нам копейку!», и получали деньги. На Пурим представления устраивали и дети. Они одевались в одежду служанок и пародировали нищих. Взрослые делали вид, что не узнали «бедных», приглашали их за стол, просили рассказать свою историю и подкладывали им еду. В канву известного сюжета вписываются намеки на современность. Иногда в «пуримшпиле» можно услышать комментарии на самые последние события. В XIX в. во многих общинах были популярны специальные пуримские картинки типа лубочных, на которых нередко изображались сцены из Книги Эстер. Во время праздника в домах и в синагогах вешали специальные таблички, полоски ткани, на которых писали приветствия месяцу адар, изображали знаки зодиака, рыб, животных, растения. В Пурим все нищие, называемые в этот день «пурлих», ходят по еврейским домам за милостыней. К ним также причисляются «меламеды» (учителя). Днем исполняют обычай «шалах-монес», упомянутый в Книге Эсфирь. Этот обычай состоит в обмене между знакомыми и друзьями угощениями и подарками. Взрослые собирали в подарок друг другу целые корзины продуктов. Служанки только и бегали из дома в дом, доставляя то туда, то оттуда подносы и корзины с подарками. Раздают вкусную еду и деньги беднякам. Богатые хозяева дарили слугам

и приказчикам своих лавок золотые украшения: колечки, сережки, цепочки. Специально на этот праздник пекут «гоменташи» – треугольные коржики из дрожжевого или сметанного теста с начинкой из чернослива или мака. Их называют «уши Амана». Вечером на Пурим устраивают «судас-пурим» (пир Пурима). На нем подаются большие булки, подкрашенные шафраном [3, с. 449–450; 4, с. 54; 5, с. 329; 7, с. 244; 8, с. 59; 11, с. 756–757; 12, с. 253; 15, с. 176; 23, с. 154; 28, с. 345, 347, 359; 36, с. 79; 37, с. 36].

В еврейской общине Пинска с начала XXI в. праздник Пурим отмечают в городском Доме культуре, Доме культуре «Трикотажник», общинном доме, в клубе благотворительного центра «Хэсэд-Арон», воскресной школе, школе-интернате «Бейс-Агарон», синагоге. На вечерах, посвященных этому празднику, накрывают праздничные столы, поздравляют с праздником председатель общины, директор благотворительного центра «Хэсэд-Арон», раввин читает Книгу Эсфирь, проводят концерты участников художественной самодеятельности. Хор благотворительного центра «Хэсэд-Арон» исполняет песни на иврите и идиш, выступают с песнями и танцами ученики и преподаватели еврейской воскресной школы Пинска, ученики школы-интерната «Бейс-Агарон» показывают театрализованные представления – Пуримшпиль. Сценарии, костюмы и декорации придумывают сами ученики. На вечерах проводят викторины и конкурсы, разыгрывают лотереи, вручают праздничные подарки, призы победителям конкурсов и викторин. После вечера праздник продолжали дома [1; 2; 6; 10; 17; 18; 19; 20; 25].

Таким образом, евреями Беларуси ежегодно отмечаются еврейские праздники зимнего цикла Ханука, Ту би-шват, Пурим. Они не имеют постоянных дат, так как отмечаются по лунному календарю. Эти праздники носят религиозно-догматический характер, выполняют очистительную (ритуальный огонь – зажигание свеч), благотворительную (раздача милостыни, еды и денег беднякам) функции. В структурах праздников имеются такие элементы, как зажигание свеч, чтение молитв, благословение, веселье, праздничные застолья, театрализованные представления, азартные игры, употребление спиртных напитков. В обрядности зимних праздников большое

значение имеют дарение пищи и употребление поминальных блюд, так как обозначенные праздники обнаруживают тесную связь с заупокойным культом. При проведении зимних праздников наиболее часто осуществляется дарение на семейном и индивидуальном уровне. Во время таких обменов реализуются и укрепляются коллективные и индивидуальные связи. Зимние праздники способствуют сплочению евреев, поддержанию у них исторической памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аллин Ф.* Повеселились от души // Карлин. 2008. 25 апр. С. 4.

2. А под занавес – мюзикл // Карлин. 2003. 4 апр. С. 1.

3. *Батяев В.Ф.* Евреи // Кто живет в Беларуси / А. Вл. Гурко [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. Минск: Беларус. навука, 2012. С. 402–452.

4. *Бацяеў В*. Святочна-абрадавая культура яўрэяў Беларусі ў XIV–XIX стст. // Беларусіка = Albaruthenica: Кн. 4: Яўрэйская культура Беларусі і яе ўзаемадзеянне з беларускай і іншымі культурамі; Вацлаў Ластоўскі – выдатны дзеяч беларускага адраджэння / ред. В. Рагойша, Г. Цыхун, З. Шыбека. Мінск: Навука і тэхніка, 1995. С. 52–55.

5. *Бацяеў В.Ф.* Іудзейскія святы // Беларусы: Сучасныя этнакультурныя працесы / Г.І. Каспяровіч [і інш.]; рэдкал.: А.І. Лакотка [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. Мінск: Беларус. навука, 2009. С. 323–329.

6. *Бразель И.* Самый веселый праздник // Карлин. 2008. 20 марта. С. 1.

7. *Вашкевич Т.А*. Еврейские музыкальные традиции в культурном пространстве Гродненщины XIX – первой половины XX веков // Актуальные проблемы мировой художественной культуры: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. У.Д. Розенфельда, г. Гродно, 5–7 апр. 2012 г. / редкол.: Т.Г. Барановская (глав. ред.) и др. В 2 ч. Гродно: ГрГУ, 2012. Ч. 1. С. 241–245.

8. *Вашкевич Т.А.* Еврейское скрипичное искусство в культурном пространстве Гродненщины XIX – первой половины XX веков // Вести Института современных знаний: Науч.-теорет. журн. / Учредитель: Ин-т соврем. знаний. 2013. № 1. С. 57–61.

9. Восемь свечей Хануки // Карлин. 2002. 16 нояб. С. 1.

10. *Дашкевич И.* Пурим в благотворительном обществе «Хэсэд-Арон» // Карлин. 2008. 25 апр. С. 8.

11. *Дембовецкий А.С.* Опыт описания Могилевской губернии. Могилев на Днепре: Тип. Губерн. правления, 1882. Кн. 1. 782 с.

12. История Могилевского еврейства. 2002–2011. Кн. 2: в 3 ч., 4. 1; сост. А. Литин. Минск: Юнипак, 2006. 387 с.

13. *Касимцева Р.* Веселый праздник Ханука для «Хэсэда» // Карлин. 2009. 30 июля. С. 3.

14. *Кемеров М., Хасид Г.* История в хохмах // Евреи Гродно. Очерки истории и культуры. Гродно: Бел. гос. музей истории религии, Обществ. об-ние «Гродн. евр. общин. дом менора», 2000. С. 113–115.

15. *Котик Е.* Мои воспоминания / пер. с идиша И.А. Улановской; под ред. В.А. Дымшица; предисл. и примеч. В.А. Дымшица. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге; М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2009. 367 с.

16. *Лазар Б.* Праздник Ту би-шват // Карлин. 2008. 20 марта. С. 3.

17. *Либерман И.* Веселый праздник Пурим // Карлин. 2012. 11 апр. С. 4.

18. *Либерман И.* И снова праздник Пурим // Карлин. 2012. 11 апр. С. 3.

19. *Либерман И*. Праздник Пурим // Карлин. 2010. 3 нояб. С. 4.

20. *Либерман И.* Праздничные мероприятия // Карлин. 2010. 3 нояб. С. 4.

21. *Мильштейн М.* Дети рисуют Ту би-шват // Карлин. 2008. 20 марта. С. 3.

22. *Мишкин А*. Заседание семейного клуба // Карлин. 2009. 30 июля. С. 3.

23. *Носенко Е.Э.* «…Вот праздники Бога». М.: Изд. фирма «Восточ. лит.», 2001. 229 с.

24. *Петрова Е*. Ту би-шват – Новый год деревьев // Карлин. 2012. 11 апр. С. 3.

25. Пуримшпиль – под аплодисменты // Карлин. 2007. 9 мая. С. 10.

26. *Разумовский И*. Ту би-шват для всех поколений // Карлин. 2010. 3 нояб. С. 5.

27. *Скир А.Я.* Еврейская духовная культура в Беларуси: ист.-лит. очерк. Минск: Мастац. лит., 1995. 144 с.

28. *Соболевская О. А*. (история) Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX века: монография. Гродно: ГрГУ, 2012. 443 с.

29. Тепло ханукальных огней // Карлин. 2010. 28 дек. С. 1.

30. Ту бишват в Пинске // Карлин. 2008. 20 марта. С. 3.

31. *Фалиджи Х.* Ту би-шват седер и его структура // Карлин. 2012. 11 апр. С. 3.

32. Ханука для подопечных Хэседа // Карлин. 2010. 28 дек. С. 2.

33. Ханука ист фрейлехе // Карлин. 2001. 2 февр. С. 2–3.

34. Ханукальных свеч сиянье // Карлин. 2002. 21 дек. С. 1.
35. *Хусенская Л.* Празднуем «Хануку» // Карлин. 2009. 30 июля. С. 3.
36. *Шульман А.Л.* На перекрестке столетий: очерки. Минск: Медисонт, 2011. 196 с.
37. *Ярошук В.* Чудо праздника Ханука // Карлин. 2009. 30 июля. С. 2.

УДК 821.511.151

Г.Н. Бояринова,
Марийский государственный университет
(г. Йошкар-Ола)

ДРАМАТУРГ С.Г. ЧАВАЙНЫН СӸРЕТЛЫМЕ ТӸНЯЖЕ

Статья посвящена анализу художественного видения мира и человека в драматургии известного марийского писателя С.Г. Чавайна. Делается вывод о том, что для его стилистики характерны лирические краски, эпический размах, его интересуют герои-романтики, герои-борцы. Художник создает разные характеры и конфликты, он реализует свой художественный потенциал в различных жанровых формах.

Ключевые слова: *драматургия, С.Г. Чавайн, художественный мир, фольклор, конфликт, характер, герой, антигерой.*

The article analyses the artistic vision of the world and man in the plays of the famous Mari writer S. Chavain. It concludes that his style is characterized by lyrical colors and epic scope; he is interested in romantic and fighter heroes. The writer creates different characters and conflicts and realizes his artistic potential in various genre forms.

Key words: *dramaturgy, S. Chavain, artistic world, folklore, conflict, character, hero, anti-hero.*

Сылнымутышто посна писательын тӸняумылымашыже почылтеш, возымыж гоч тудын илышым умылымыжо, аклымыже, айдеме чон тӸням шижмыже палемдалтеш.

Кызытсе саманыште глоболизаций илышын ик шӧрынжӧ семын палдырна, санденак кажне калык шкешотан улмыжым арален, палемден кодынеже, тӱвыражын ойыртемжым почын ончыктынеже. Вет кажне калыкын шканже гына келшыше «чурийже» уло, тудын тӱнямбал цивилизацийыш пыштыме надырже нерген ойлаш лиеш. Тидын нерген эре шарнен шогыман, кушкын шогышо тукымлан тиде шонымашым шыңдарыман.

Кеч-могай писательын творчествыштыже эстетик сылнылык, шӱм-чон моторлык дене пырля калыкын илыш ужмашыже да шижмашыже палемдалтеш, философийже шкенже нерген палдара. Кажне калык, курым дене эртыме корно кӱшеш, шке «тӱнямбал илыш модельжым» ышта. Тидыже шкан гына келшыше сылнымут шонышыш возеш, тудыжо посна образ, символышто палемдалтеш, шукыж годым тудо кӱэмалтше лиеш, чумыр калыкын илыш опытшо гыч лектеш. Тыге мутмастарат, сылнымут тӱням сӱретлышыжла, шочмо калыкшын илыш умылымашыжлан, илыш шижмашыжлан энгертыде ок код.

Сылнымутан произведений – тиде посна тӱня, тудын шке образ кышкарже, сюжетше, чоҥалтме ойыртемже, йылме стильже уло. Тиде тӱням сылнымут тӱня маныт. Кызытсе литературоведенийыште «сылнымут тӱня» шотышто икмыняр умылымаш уло. Тидыже терминологийыштат палдырна. А.Е. Есин тудым «сӱретлыме тӱня» манын, В.Е. Хализев гын «произведенийын тӱняже» терминым кучылтын, Н.Д. Тамарченко «сылнымут тӱня але «кӧргӧ тӱня» шомак-влак дене пайдаланен, Л.В. Чернец гын «предмет тӱня» терминлан энгертен. Сӱретлыме тӱня нерген ойлымо годым литературоведенийыште такшым чын илышым писатель кузе шке тӱняужмашыж гоч колтымым шотыш налыт. Вет произведенийыште эре условный тӱня почылтеш, тудым автор шке илыш умылымашыж дене кылда, тыге, илыш чынлан энгертен, тудо вес тӱням, сылнымут тӱням, шочыкта.

Марий драматургийын историйже С.Г. Чавайнын лӱмжӧ дене почылтеш. Марий сылнымутын классикше шочмо калык драматургийыш у темым, жанр формым пуртен. Тиде агитпьесе («Автономий»), драме-повесть («Ямблат кӱвар»), лирике комедий («Шӱдӧ тенге олно»), музыкан драме («Мӱкшотар»), калык героике драме

(«Акпатыр»). С.Г. Чавайнлан почылтшо кумылан, пӱртӱсым ужын да шижын моштышо герой-влак утларак лишыл лийыныт. Тудын чумыр драме творчествыжлан теве мо келшен толеш: а) эпике кумдык, б) романтике кумыл, в) шӱм-чоным тургыжландарыше, кумылым нӧлтышӧ шомак.

Кеч-могай сылнымутан произведенийын рӱдыжлан персонаж-влак кышкар шотлалтеш. Тудыжо авторын тӱҥ шонымашыже да сылнымут формо гыч лектын шога. «Автономий» (1921) пьесыште С.Г. Чавайн марий калыкын революций деч варасе илышыжым иктешлен ончыкташ шонен, Октябрьым моктен. Тидланже оҥай сылнымут формо кӱлын. Кумданден, иктешлен ончыкташ манын, тымарте кучылтдымо сылнымут йӧнлан энертен. Тыге драматург аллегорий сынан образым, романтик да символ йӧн-влакым кучылтын. Персонаж-влакшат тымарте кучылтдымо, иктешлыме тӱсан лийыныт. Тиде Март, Октябрь, Автономий, Жап да молат.

Пьесыште кугу верым абстракций, символ сынан образ, условность налыт. Чыла тидыже авторын шонымашыж дене кылдалтын, тудын революцийым моктымыж дене. Вет автономийым писатель Октябрьын шӱжарже семын ужын.

Сылнымутын темыже персонаж-влакын койыш-шоктышышт дене чак кылдалт сӱретлалтеш. Нунышт драме произведенийыште калыкын историйже денат кылдалтыт, тидыже посна геройын образыштыже почылтеш.

«Шем пыл шула, кече лектеш» (1920) пьесысе герой-влакын койыш-шоктышышт шагал вашталтыт, действий виянҥме дене нуно тугакшат посна кугун огыт палемдалт. Авторлан весе оҥай: кузерак илыш вашталтеш, а тидыже тӱжвал действийым ончыко луктеш. Действийжат писын ок виян. Тыге шонет, пуйто авторлан тиде огыл, а шонымаш кӱлешан: ончалза, революций лийме дене, автономийым налме дене кузе илыш вашталтын. Действийын кажне йыжыҥже – марий калыкын илыш историйже дене кылдалтше посна фрагмент.

Тыге, икымше действийыште революций деч ончычсо неле илыш сӱретлалтеш, кокымшышто – армийыш ужатыме тат, кумшышто – граждан сар жапысе марий ял илыш, эпилогышто –

ревкомын заседанийже, тушто марий калыклан автономийым пуымо нерген увер каласалтеш. Автор действиийым монтаж сынан блок-влакым ушымо дене ышта, тидыже пьесын стилистикыштыже кышам кода, нине сӱрет-влак ассоциаций йӧн дене ушалтыт.

Пьесыште деклараций шуко. Илышысе вашталтыш посна образ гоч ок почылт, нунылан тӱткыш моткоч шагал. Нине кок пьесыште иктешлымаш сын ончыко лектеш, санденак символике озалана. С.Г. Чавайнлан революций – кече. Тудлан шем пылын метафор сынан образше вашталрешла лиеш. Нине образ-влак антитезе йӧн полшымо дене ышталтыт. Автор кечын образше гоч пьесын метафор сынан кумдыкан контекстшым почын пуа. Тудыжо кок пьесынат образ ден семантик кышкарыштым почаш полша.

Сылнымут мастар персонажын фамилийже гоч тудын могай улмыжым ончыкта. Тиде йӧн герой нерген уверым «ойлышылан» шотлалтеш. Тыге, мутлан, тӱҥ герой Эчан ялысе старостылан возымо приказым лудеш, тушан волостной старшина Обдиралов ден возышо Вымогалов кидыштым пыштеныт. Нунын фамилийышт шкешт нерген шижтара. Нине сцене деч ӧрдыжтӧ шогышо персонаж-влакын чын чурийышт пуымо изи сылнымут деталь гоч раш палемдалтеш.

Нине пьесысе герой-влак тӱҥ шотышто уверым кондышо пашам шуктат, нунын гоч автор ончыктымо илыш нерген шке шонымашыжым луктын каласа. Тидым тудо уто мут деч посна ышта, тыгодым шке кумылжым почеш, санденак пьесылаште героике да романтике сынан пафос озалана. Тидыже ончыктымо илыш сӱрет деке авторын могай улмыжым вигак почаш амалым ышта.

Лирике комедий – марий драматургийыште чӱчкыдын вашлиялтше жанр. Тудлан тӱҥалтышым С.Г. Чавайн пыштен. «Шӱдӧ тенге олно» (1927) койдарчыкыште быт сынан йодыш нӧлталалтеш, еш илыш радам вашталтме проблеме шындалтеш, тудыжо совет кучем (власть) ыштыме дене кылдалтын. Мутмастар мер да еш илышыште ӱдырамашын вержым ончыкта.

Чавайн С.Г. лирике йогын деке кумылан лийын, тудо тыглай илыш татыште поэзий сыным ужын моштен, айдеме чонышто волгыдо кончышым кычалын да ончыктен, тидлан туныктен. Тидымак

С.Г. Чавайнын стильжым палемдыше маркер семын ужаш лиеш. Тудын сылнымутшын чыла гаяк йыжыңлаштыже посна лирике кумыл шижалтеш. Муро, куштымаш, самырык-влакын кас модмашышт, мыскара йогын пьесе-влакын кумыл шотышто кӱкшытыштым ончыктат. Кок йӧратыше айдемын, Анук ден Эчанын, йӧратымашыштым почаш манын, автор обстановкым ончыктышо ремаркым моштен кучылтеш: действий кенгеж кастене пӱртӱс лонгаште эрта, тылзе онча. Тиде поэзий сынан сӱрет произведенийлан лиризм тӱсым пуа, тыгак герой деке авторын кумылжым почеш, шындыме проблеме шотышто писательын шонымашыжым ончыкта.

Марий драматургийыште лирике койдарчык жанр формым икымше гана С.Г. Чавайн кучылтын, а негыз семын тудлан марий калыкын фольклор традицийже лийын. Тидын денак илышым да калык традицийым ончыктымо шотышто натурализм сынжым умылтараш лиеш. Посна геройын койыш-шоктышыжым ончыктымаште икмыняр ситыдымашым, шӱм-чон ойыртемым палемдымаште экшыкым ончыкташ таче неле огыл. Ме иктым шарнен шогышаш улына: икымше ошкыл кеч-кунамат куштылгын ок ышталт.

Марий калык – чимарий йӱлам шуктен шогышо калык. Тидыже идеологий, философий, религий системыште палемдалтде кодын кертын огыл. Чыла тиде икверешт тӱвыра да чаткалык шотышто илыш умылымашыш возын. Марий калыкын этнографий ден фольклорыштыжо чимарий компонент ончылно шога, лач тудак калык ойыртем категорийым умылтара. Тыштак калыкнан философий мудречлыкше, тудын илышым тат семын гына огыл, а курымашлык семын ужмашыже.

Шочмо калыкнан илыш рӱдыштыжӧ пӱртӱс кугу верым налын шога. Марий еңын илышыже эреак туддене кылдалт шоген, марий пӱртӱсым чонан семын ужын, тудлан кумал шоген. Марийлан тудо тӱҥ лийын, садланак шкенжым туддеч посна нигузе ужын да шижын кертын огыл. Пӱртӱс капышкыже, чонышкыжо, ушышкыжо шыңен да шкеж нерген палдарен.

Чавайнын С.Г. творчествыштыже пӱртӱс арам огыл посна образ семын палдырна, тунамак тудо тӱҥ шонымашым почын пуаш

кучылталтеш. Пӱртӱсым автор посна фон семын гына огыл ончыкта, тудын полшымо дене образын могай улмыжо палдырна, сылнымутын кӱлешан ойжо почылтеш. Тыге, шуко пьесылаштыже действий энгер сер воктене, шукыж годым тиде Элнет энгер, эрта («Акпатыр», «Илыше вӱд»), пӱртӱс лонгаште, чодыраште, кая («Мӱкшотар», «Ямблат кӱвар»). Пӱртӱсым кузе ужын-шижме гоч автор герой-влакын могай улмыштым ончыкта. «Мӱкшотар» драмысе Клавий ден Корий пӱртӱс деч посна шкеныштым огытат уж, нуно шкештат пуйто тиде чодыра лонгасе «икшыве» улыт, нуно чыла кушкыл, пушенге дене «кутырат», шкеныштымат марий кундемын ужашыже семын шижыт, нуно марий калыкын чын айдемышт улыт. Арам огыл тудын Клавийже поэзий чонан, романтике кумылан, яндар сынан ӱдыр.

«Мӱкшотар» (1928) драмыште действий вошт эртыше, эре ушештаралтше образ семын мӱкшын образшым палемдыман. Тиде поэзий сынан образ драмын тӱҥ шонымашыжым ончыкташ кучылталтын. Марий калыкнан мифологийыштыже тиде образ кугу верым налеш. Мӱкш-влакым марий еҥ Юмын кайыкше семын ужын. «В устном творчестве мари пчелы олицетворяют трудолюбие, дружбу, взаимопомощь. Пчела выступает как основа существования, дарованная самими богами» [1, с. 173].

Драмыште пӱртӱс илышым автор айдеме-влак коклясе илышлан ваштарешла шында. Ик семын, Клавий волгыдо илыш нерген шонен ила, тудын семын, лач тыге мӱкш-влак илат да пашам ыштат. Ӱдыр омыж дене мӱкшыш савырна, нунын дене пырля мура-кушта. Нунынат тушманышт уло улмаш. Тыгай семын омышто лопшанге палдырна. Арам огыл автор пьесыште Пӧтырым туддене таҥастара. Ваш келшен илыше курсант-влакын ешыштым Кори кугыза мӱкшиге-влак семын ужеш.

Фантастике тӱсан Клавийын ужмо омыжо пьесын сюжет структурыштыжо посна ужаш гай палдырна, тудым йомак семын ойырен ончыкташ лиеш, вет тушто тиде сюжетлан келшыше персонаж-влак палемдалтыт. Тиде мотив арам огыл, тудо драмысе действийым умылтара, вет Клавийын илышыштыжат «тушман» палдырна, Пӧтыр ӱдырым ужалаш шона.

«Текстыште текст» йӧным С.Г. Чавайн тыгак «Илыше вӱд» драмыште кучылтын. Пьесын прологыштыжо мифысе сӱрет пуалтеш, тудо сылнымутын идейжым пенгыдемда.

Драматургий произведенийын поэтикыштыже вашпижмаш ден койыш-шоктыш тӱҥ сылнымут элемент лийыт. Коллизийын могай улмыжо, тудын илыш дене кузе кылдалтмыже пеш кӱлешан йодыш. Лач тидын дечак сылнымутын ончыкылык сцене «илышыже» шога. Конфликт гоч персонаж-влакын могай улмышт, шӱм-чон яндарлыкышт волгалтеш, нунын илыш рӱдышт почылтеш, чын чурийышт палемдалтеш.

С.Г. Чавайнын чумыр драматургийыштыже койыш-шоктыш-влакын типологийыштым тыгерак палемдаш лиеш:

1) койыш-шоктыш да илыш радам коклясе кучедалмаш;

2) характер-влак коклясе вашпижмаш;

3) койыш-шоктыш кӧргысӧ кучедалмаш, тудыжо ик герой гоч почылтеш.

Теме дене кылдалтше кучедалмашын тӱжвал план дене кайыме гоч конфликт типологийым ончалаш гын, тыгай тӱшкам ончыктыман:

1) социально-исторический сынан вашпижмаш («Акпатыр», «Автономий», «Ямблат кӱвар»);

2) социально-бытовой («Мӱкшотар», «Кайыклудо», «Илыше вӱд»).

Посна койыш-шоктышым кузе почмо шотышто тидым палемдыман:

1) психологий могырым келыштарыме характер. Тыгай улыт тӱҥ герой-влак. Нуно кӧргӧ кучедалмаш гоч эртат. Тыгайже С.Г. Чавайнын шукын улыт манаш ок лий;

2) ик сынан, шӧрынан койыш-шоктыш. Тыгай герой-влак тӱҥ шотышто тӱҥ герой-влак ваштареш шогат. С.Г. Чавайнын возымаштаже тыгай герой-влакым шуко муаш лиеш;

3) социальный тип-влак. Нуно айдеме семын шкеныштым кугун огыт поч. Личность семын шагал палемдалтыт;

4) пенгыде рӱдан характер-влак. Нунын шонымашышт пенгыде, илышыште шке верыштым, ыштышаш задачыштым сайын палат, шонымашыш шуашак тыршат.

Характерым кузе почмо шотышто эше кок тӱшкам каласаш лиеш:

1) статике сынан, вашталтыш деч посна сӱретлыме койыш-шоктыш. Тыгай сынан кокымшо планан персонаж-влак улыт. Нуно

действийыш «ямде» характер дене пурат. Тыгай семын герой да тугак антигерой-влакат палемдалтыт. С.Г. Чавайнын драматургийыштыже тыгай типан характер моткоч шуко;

2) кушкын толшо характер. Тыгайже С.Г. Чавайнын шукак огыл, мутлан, «Акпатыр» героике драме гыч Эвика ден Эвай.

Чавайнын С.Г. драматургийжым ончен лектын, тудын сылнымут тӱняж шотышто тыгай иктешлымашым ышташ лиеш:

1) писатель тӱҥ шотышто илышын социал могыржым ончыкташ тыршен, тидыже геройын психологийжым ончыктымаште чарак семын лийын;

2) драматург характерым шындыме йодышым почаш келыштарен, тудыжо почылтшо вашпижмаш гоч палемдалтеш;

3) персонаж-влак коллизийыш иктура ужмаш дене пурат, нунын илыш умылымашышт раш сӱретлалтеш;

4) комедийлаште герой-влак антигерой-влаклан ваштарешла лийыт;

5) авторын позицийже вашшогалмаш да тӱҥ герой гоч раш почылтеш.

ЛИТЕРАТУР

1. Тойдыбекова Л.С. Марийская мифология: Этнографический справочник. Йошкар-Ола, 2007. 312 с.

УДК 821.511.151

Г.Н. Бояринова
Марийский государственный университет
(г. Йошкар-Ола)

Н. ИГНАТЬЕВЫН «ШЫК» ДРАМЫЖЫН ЙЫЛМЕ МОГЫРЫМ СЕМАНТИКЕ РӸДЫЖӦ

Статья посвящена анализу модели драмы известного марийского писателя Н. Игнатьева «Жадная» с точки зрения лексической семантики сквозных тем и образов. Подчеркивается, что сквозными являются тема денег и Человека. Символическими считаются образы дороги, реки, дома, окна. Делается вывод о том, что

речевые средства, в том числе и повторы, выполняют жанрообразующую функцию, участвуют в формировании содержательно-тематической модели текста. Семантические поля также развивают основную тему произведения.

Ключевые слова: *драма, Н. Игнатьев, семантика, образ, символ, тема, идея, речевые средства.*

The article analyses the drama model in the play "Greedy" of the famous Mari writer N. Ignatiev from the point of view of the lexical semantics of cross-cutting themes and images. It emphasizes that the theme of money and Man is cross-cutting. The images of roads, rivers, houses and windows are considered to be symbolic. The article concludes that means of speech, including repetitions, perform a genre-forming function and participate in the formation of the content-thematic model of the text. Semantic fields also develop the main theme of the work.

Key words: *drama, N. Ignatiev, semantics, image, symbol, theme, idea, means of speech.*

Никон Игнатьев шке усталыкшым сылнымутын тӱрлӧ жанрыштыже терген. Драматургий лончыштат возымыжо шкешотан. 1920 ийыште сылнымутчо «Шык» лӱман драмым возен. Тиде пьесе шотышто шымлызе-влак шке шонымашыштым почын пуэныт, поснак М. Горькийын возымыжлан энертымым ончыктеныт.

Драмын кум действийжат ик вере кая: монастырьын малаш келыштарыме пӧртыштыжӧ эрта. Тидыжат руш серызын возымо «На дне» пьесыж дене келшен толеш. Тыгак кок сылнымутыштыжат икгай персонаж палемдалтеш, тыгайлан Странник шотлалтеш. Пьесыште тудак авторын шонымашыжым почын пуа. Сылнымутчо тудлан шке ойжым «кучыкта». Вет лач тудак айдемым Айдеме лияш ӱжеш. Чаманен гына каласыман, тыгайже пьесыште ок лек.

Жанр шот дене сылнымутым социальный драме манаш келша, тудын шке кодан системыже (Ю. Лотман) палемдалтеш. Тидын нерген пьесын содержанийже, йылме могырым ышталтмыже шижтара. Стиль нерген ойлаш гын, тудо шуко шӧрын дене кылдалтеш, йылме могырым тиде посна мутвундо, фразеологий, грамматике могырым

келыштарен кучылтмаш. Доминанте тиде сылнымутын моло компонентшым иктыш ушен шогышо элемент.

Никон Игнатьевын возымаштыже драмысе йылме йӧн-влак жанрым ыштыше гына огытыл, нуно текстын содержаний ден теме модельжым ышташ полшат. Сылнымутысо семантике тӱшка драмын тӱҥ темыжым почаш кучылталтеш. Семантике тӱшка манмым мут-влакын лексике ден семантике могырым могай улмышт дене кылдена, нуно текстыште поснак шинчаш логалыт да ик гана веле огыл каласалтыт.

Игнатьевын драме архитектоникыштыже линий типан кылым шекланена, тидыже лексике могырым уэш-пачаш каласымаште коеш. Тыге, мутлан, текстыште окса дене кылдалтше мут-влак чӱчкыдын йоҥат. Тиде темым Крофина, монастырьысе малаш пуртымо пӧртым кучышо илалше ӱдырамаш, кутырымаштыже эреак тарвата. Кучыктен пуымо сомылым тудо кок ий наре шуктен шога, арулыкым эскера, чайым темла, мален лекмылан оксам пога. Тиде пашаш кудло ияш ӱдырамашым нужналык конден. Шоҥгылыкешыже тудым ончышо уке, садлан шкеж нерген шкеак гына шона. Малаш шогалше ужалыше (торговой) еҥ-влак, Тимок ден Трофим, эре парыш нерген мутым луктыт, пашашт окса дене кылдалтын. Ужалыме пашам шуктышын илыш философийжым поснак Трофимын образше гоч почын ончыктымо, лач тудак корныеҥын колымаштыже эн титакан. Крофина ден Трофим текст мучко эре окса нерген кутырат. Тыште каласыде ок лий, окса нерген ойышт кажныжын шканже келшыше, тудо тӱрлӧ подтекстан.

Айдеме дене кылдалтше шонымашым почын пуышо семантике тӱшкам Странникын ойлаштыже ужына, тушто тыгак тиде умылымашлан ваштарешла шындыме шонымаш виктаралтеш. Корныеҥ илыш нерген келгын шонкала, тӱҥ шотышто тиде умылымашын социал могыржылан тӱткышым ойыра. Садланак айдемым янлык дене таҥастарен ойла. Тудын тыгай сынан ойлаже уло текстым авалтат, поснак кульминацийым ыштыше эпизодышто тудо кугу чымалтышан, драме пафосан. Тиде эпизодышто ме пӧртӧнчылнӧ, омса воктене, кылмен колышо айдеме кийыме нерген пален налына.

«Волгыдо» умылымаш дене кылдалтше семантике тӱшкам «пычкемыш» шомак деке лишыллан ваштарешла шындыме, нуно «окса» умылымаш семынак чӱчкыдын вашлиялтыт. Текстын тӱрлӧ ужашлаштыже нуно вашла йӱксавыш семын йонгат. Тыге нуно йылме могырым посна ужашлан маркер гай палым пуат. Илышын шем могыржым почаш касын, йӱдын, поранын, тылзын образыштым кучылтмо. Драмын кум действийжат суткан пычкемыш жапыштыже кая. Марий-влакын мифопоэтике могырым ужмашыжым налаш гын, лач тыгай жапыште осал вий озалана. Авторын шонымыж почеш, калыкын илышыже пеш нелын эрта, тудо тамыкысе гай. Арам огыл икымше ужашысе ремаркыште тыге палемдыме: пырдыжыште «Страшный судым» ончыктышо сӱрет кеча. Тудо тӱҥ идей дене кылдалтеш.

Уэш-пачаш каласымаш текстын семантике шотышто корныжым гына ок ончыкто, тудо тыгак персонажын койыш-шоктыш ойыртемжым палемдаш полша, тыге, иктыштым лишемда гын, весыштым, мӧнгешла, эшеат чот тора. Крофинан образешыже шогалына. Кузе кӱшнӧ палемдышна, вуйыштыжо окса дене кылдалтше теме эреак пӧрдеш. Тудын икымше монологыштыжак, лач тудын денак действий почылтеш, тугеже геройын тиде ойжо текстыште виян позицийым налеш, лексике могырым поснак «окса» шомак (шым гана каласа), «поянлык» (вич гана ушештара), «шонгылык» семантикан муторланге (ныл гана ойла) шке ӱмбакышт тӱткылыкым налыт. Тиде малыме пӧртын озаватыже, а чыла действий лач тушто гына кая, шке шочмо эргыжын колымаштыже титаканыш лектеш. «Психология Крофины сформирована социальными условиями жизни. Монашка Крофина мечтает разбогатеть за счет проезжих, которые останавливаются у нее на ночлег. Страсть к деньгам, наживе вытравливают из нее все светлое, человеческое» [1, с. 42]. Тыге ойлымо дене шымлызе ик могырым гына чын. Айдеме семын персонаж чылт ик шӧрынан огыл. Теве тудо корныеҥым пеш пуртынеже, чамана: «Пуртем. Тудым чаманем. Тек ыра. Пуртем. Кузе от пурто? Мый тудым чаманем… Кузе тудым тыгай йӱштыштӧ кодаш?! Чаманем, пуртем» [2, с. 225]. Геройын нине реплике-влакше кок семын шонаш амалым огыт пу. Кумшо действийыште, кунам айдемын колышо капшым ужылалтат, лач Крофина гына шкенжым

пуштшо семын акла. «Мый айдемым пуштынам» манме ойым тудо тӱрлӧ вариантыште икмыняр гана каласа. Туштак ешара: оксалан кӧра. Ӱдырамашым Юмо шкак кугу азапыш пурта: Трофимын кӱштымыж почеш пӧртыш пуртыдымо корныеҥже Крофинан кок ий ончыч мӱндыр кундемыш пашам кычал кайыше эргыже улмаш. Петр тиде марий ӱдырамашын ик шочшыжо гына лийын. Ешлан тидын деч коч ойгыжо могай лийын кертеш? Героине шкенжым шке сулыкыш пуртен, йӧратыме падырашыж деч посна кодын. Умбакыже авалан кузе лийман, илышым кузе илен лекман? Йодыш почылтшо кодеш, финалат тыгаяк.

Трофимын могай улмыжо тудын монологшо гоч раш коеш. Шканже ойлымо семын, нигушкыла, нигӧлан манме гай каласыме ойыштыжо тудо илышым кузе ужмыжым, аклымыжым палдара. Тудын семын тыге лектеш: илышым илен моштыман, ужалыме паша сай лектышым пуа, калыкым ондалаш неле огыл, илышыште тӱҥ – шӧртньӧ. Тудо оксан вийжым гына акла, шӧртньым пагала, нунылан кумал ила. Трофимлан калык – пояшыже негыз, кунам иктажше, йодын толын, сукалтен шинчын сӧрвала, шинчавӱдым луктын йодеш, тунам илымыжла чучеш, чон дене кугешна, тыгай татыште тудо шкенжым чот кӱкшын акла. Поро пашам ышташ тунемын огыл. Оксат уке гын, ватетын ужгажым кондо, шарпанжым луктын пу – тыге ила, поя. Нимом ок шӱкал, мо пайдам пуэн кертеш, чыла кид йымакыже удыра.

Теве корныеҥын колымыж нерген пален налмеке, йӧра тыге лийын, уке гын корнышто коштын орлана гына ыле манын куктыштеш. Трофим шкенжым илышын озаж семын ужеш, виянлан шотла, молан манаш гын оксан. Тудо Крофиналан, корныеҥым ынже пурто манын, ешарен оксам тӱла, ондак вич теҥгем пуа, вара семын эше ешара, тыге шоҥго ӱдырамашым шке кид йымакыже «налеш», вара кузе тудлан келша, туге ыштыкта. Тиде «виян» айдеме тунамак йӧршын вийдыме. Тудо оксалан кӧра чытырен ила: трук малыме пӧртыштӧ тудын оксажым шолыштыт, корнышто толат, имньыжым вӱден кает. Айдеме капым мумекат, лӱдеш, тудымат пӱтыркалаш тӱҥалыт манын азаплана, сандене нигушко увертараш ок кӱл манын ойым пуа.

Нине персонаж-влаклан ваштарешла Странник сӱретлалтеш. Драматург тиде геройын биографийышкыже экскурсым ышта: самырыкше годым нимогай нелылык деч лӱдын шоген огыл, эре пашаште лоҥын, олалаште пӧртлам чоҥен, пасум курал-ӱден, шудым солен, чыла пашам ыштен. Шканже огыл, енлан ыштен коштын, ешым чумырынеже улмаш, шонымашыш шуаш лийын огыл: салтак радамыш колтеныт. Вич ий служитлен, вара сар тӱҥалын. Неле лийын, чыла чыташ логалын, йӱштымат, шокшымат, шужымашымат чытен лекташ пернен. Вара сусырген, неле пашам ыштен кертдыме лийын. А тыгай пашаеҥ нигӧлан кӱлын огыл. Сурт-печыже лийын огыл, родо-тукым денат моктанен кертын огыл. Сандене монастырь еда коштеден. Кузе-гынат илыман манын шона.

Ужына, Странникын илышыже Крофинан деч куштылгын ок эрте. Ӱдырамашын содыки ешыже уло: уныкаже, шешкыже; пашамат ышта, пӧртшат уке огыл, кочкыш шотыштат нелылык уке. А Странникын ниможат уке. Но тудо весе дене поян: чон моторлык дене ойыртемалтеш, илыш умылымашыже волгыдо сынан. Тудо поро шӱм-чонан, вес айдеме нерген шонышо. Садланак писатель лач тудланак илыш кӱкшыт, пӱрымаш, порылык, айдемын илышыште могай верым налмыж нерген шонкалаш пуа. Тудо Крофина, Трофим ден Тимокым шке верышкышт шынден кертеш, шке «судшо» почеш нуным вурса, тидлан тудын моральный праваже уло.

Сылнымут мучаште Странникын монологышкыжо писатель драмын тӱҥ шонымашыжым пышта. Автор айдемын сай могыржылан, тудын чон яндарлыкше сеҥымылан, кӧргӧ вийжылан ӱшаным куча. Ужына, драмын мучашыж ден М. Горькийын сылнымутышт коклаште йӱксавыш шижалтеш, кокытыштат Айдемын гуманизм шӱлышан лийшашыж нерген мут лектеш.

Драмын тӱҥ идейжым почын пуаш манын, автор чӱчкыдынак уэш-пачаш каласыме йылме элемент-влаклан энгерта, нунышт синоним але антоним семын кылыште лийыт. Мутлан, тыгай шомак-влакым ончыктыде ок лий: *пычкемыш – волгыдо, йӱд – эр, кечывал, айдеме – янлык, вольык, тылзе – кече, самырык – шоҥго, сурт-пече – малыме пӧрт* да м.

Кумдык нерген мифопоэтике умылымаш литературышто кумдан шарлен, тыгай мифологеме семын корнын образшым ончыктыман. Действийыште палемдалтше чыла персонажым малыме пӧртышкӧ корно конден, тудо кажныжын шкенжын. Тиде арам огыл. Корно – кӱлешан полшышо образ. Петр, шочмо суртшым коден, мӱндыр верыш пашам кычал кая, ятыр жап ик вере да вес вере перныл коштеш, шуко неле-йӧсым чытен лектеш, теве ынде, изишак оксам ыштен, корным шочмо суртышкыжо виктара, но малыме пӧртын омса воктеныже илыш дене чеверласа.

Странниклан корно – тудын илыш йолташыже, тыгайыш тудо шке семын шогалын огыл, илыш тыге виктарен, сандене тудо ик вер гыч весыш кусныл коштеш. Тудо шуко мом ужын, чытен, еҥ-влакым эскерен, санденак илыш да айдеме шотышто тыге критически ойлаш моральный правам сулен налын. Трофимлан корно – торгайыме паша, оксам ыштыме сомыл, тудо пойдараш полша. Крофиналанат корныеҥ-влак тымарте оксам ышташ полшышо йӧн лийыныт.

Вес мифологеме – энер. Энерын сылнымут образше икмыняр шӧрынан. Энер нерген шке монологыштыжо Странник ойла. Тудым шарнен, ностальгий шӱлышым налеш, вет энер тудын рвезе жапше дене чак кылдалтын. Рвезе годым илышым сӧралым ужат, чылажат волгыдо сынан семын коеш. Тиде чынже денак тыге. Самырык жапыште чыла нелылыкшат куштылгын эрта, рвезыеҥ ончыкылык сай вашталтышлан ӱшанен ила, сайым гына ужеш. Тиде монологыштак ме Петрын энер дене коштмыж нерген пален налына, тыгодым тудо шуко нелылык дене вашлийын улмаш, чӱчкыдынак кочкашыжат лийын огыл, шужен шинчаш логалын.

Энер илышын символжо семын ончыкталтеш. Петрын ватыже, Орина, энер дене кылдалтше омым ужеш. Пуйто тудо энерыш вургемым шӱялташ миен, вургемже ошо-ошо. Пашам пытарымек, мӧнгӧ каяш ямдылалтын, тыгодым ик шорвондыжым йомдарен, тудыжо вӱдыш каенат, йымак йомын. Тиде омым авалийшыжлан каласкалышыжла, тиде сайлан кончен огыл манеш. Тунамак омыштыжо шоналтен: вет пу дене ыштыме тиде наста вӱд йымак кайышаш огыл. А шорводно вӱд йымалан йомын. Тугеже тиде омо мо лийшашым шижтарен, ончыкылык трагедийым ончыктен, марийжым

йомдарыме нерген важмалдыкын палемден. Орина пелашыж дене курымешлан чеверласен, ынде тудлан эргым шкетын куштыман. А марийжын илышыже пеш эр кӱрылтын.

«Окно в литературных произведениях – традиционный символ «просвета», выхода в мир и одновременно дистанцирования от него» [3, с. 220]. Драмыште пӧрт окна кылмыше. Персонаж-влак окна деке икмыняр гана миен тӱкнат, нимо ок кой манын ойлат, шӱлышышт дене ийым левыкташ тӧчат. Тӧрзан образше гоч писатель тыгай шонымашым виктара: нине айдеме-влакын илышыштышт волгыдо вашталтыш уке. Тиде пӧрт кӧргыштӧ да тудын деч тораште илыш икгай огыл. Персонаж-влакын чоныштым ий леведын, тудым шулыктараш куштылго огыл.

Драмын мифопоэтике подтекстше тыгак пӧртын образше дене кылдалтын. «Дом выражает богатейшие ассоциации с человеком, причем не только с его телом, но и с душой, с его внутренней жизнью во всей ее сложности» [3, с. 158]. Литературышто пӧрт тӱҥ шотышто символ тӱсан, илышым иктешлыше сынан лиеш. Тудым тӱнян микромодельже семын ужыт. Славян тӱвырам налаш гын, пӧрт йыр улшо тӱнялан вашталтарешла ончыкталтеш, тудо чатка илыш кумдык дене кылдалтеш, вет тушто чылажымат шотыш кондымо, илышлан келыштарыме. Тидыже хаослан вашталтарешла лиеш. Пӧртын образше тыгак чон ласкалык дене кылдалтеш. А драмыште чылажат мӧнгешла лектеш. Кажне персонажше шке пӧртыштыжӧ огыл, но тунамак нуно икверешл монастырь кумдыкысо пӧртыш погыненыт. Тыште Юмым жаплышаш, Тудын кӱштымыж семын илышым вӱдышаш улыт. А сылнымутышто ме йӧршын весым ужына. Странникын шке пӧртшӧ уке, тудо ни суртым чоҥен, ни ешым поген кертын огыл. Крофина тыште жаплан гына пашаш шогалын. Петр пашам кычалын, оксам ышташ манын, ӧрдыж кундемыш лектын каен, кок ий шуко вере перныл коштын. Трофим ден Тимок шке суртышт деч ӧрдыжтӧ мом шонат, тудым ыштылыт, осалланат. Оринат, чон йӱлымым чактараш манын, суртшым коден, авалийшыж деке толын. Пӧрт илышым аралыше сомылым шукта, тудо ӱшан дене кылдалтеш. Пьесысе персонаж-влак тидым огыт шиж, чоныштыштат ласкалык уке. Пӧрт деч ӧрдыжысӧ илыш лӱдыкшӧ, тушто шуко мо деч шекланаш логалеш.

Авторын шонымыж почеш, тыгай илыш деч утлыман, тудым вашталтыман: ончыкыжым у илыш радам ышталтшаш, тудо эрыкан лийшаш, айдеме чон йодмо почеш шке вийжым почшаш, сайлан тунемшаш.

Малыме пӧрт ял деч ӧрдыжтӧ шинча. Тидат арам огыл. Монастырьысе еҥ-влак шке тӱняштышт шолыт, нуно тыглай айдеме, тудын дене мо ышталтме нерген кугун огыт шоно. Автор тыгай образный параллельым ышта: «илыш» – «жаплан малаш шогалме пӧрт». Тугеже саде илышым вашталтыман, айдеме йыр улшо тӱняжым, шке чонжым уэмдышаш. Тугеже Н. Игнатьевын сылнымутшым философий сынан социал драме семын аклаш лиеш.

Пьесын йӱк могырым чоҥалтмыжат тӱҥ шонымашым виктараш полша. Чумыр действий икмыняр шагат жапыште кая: кастене тӱҥалеш да эрдене мучашлалтеш. Монастырьыште чаҥ кырыме йӱк шокта, тудым эр да кас кумалмаш дене кылден ончыман. Тиде чаҥ йӱк вияш значениян, но тудын вес сомылжо нергенат ойлыман, чаҥ йӱк шижтарыме функциян. Драмысе персонаж-влак чон йӱкыштым йомдареныт, огыт кол. Эшеже – Юмын ӱжмыжым, кӱштымыжым.

Драмын действийже мучко рефрен семын ремаркысе ик фразе йоҥга: омса мура. Ик семын, сай оза омсам шӱрен шогышаш, вес могырым, тидын гоч автор герой-влаклан акым пуа: иктыштым чамана, тыгайлан Странник ден Орина шотлалтыт, а Тимок ден Трофимым ме ужмышудымо семын ужына. Вес ремарке-фразымат палемдыман. Тудо кокымшо действий мучко йошкар шӱртӧ семын эрта, тиде «окнаш тӱкалат» манме ой. Тудым кандаш гана уэш-пачаш каласыме. Ондак тӱкалыме сайын шокта, вара семын тудо талышна, мучашлан эркышна, эшеже тыгай междометий дене пойдаралтеш: «У-у-у! Р-р-р! А-а! Р… р… р… Эх-эх! Ох! О-ох!» да м. Петрын репликыже-влак йӱштӧ теме дене кылдалтше улыт. «Кылменам, «чот кылменам» манме шомак-влак тӱрлӧ конструкций дене куд гана каласалтыт. Вес темыже айдеме йодыш дене вӱдылалтше. Молан мый шочынам, чылан тошкат, эрык дене илаш огыт пу манме ик гана огыл йоҥга. «Пуртыза» манын, тӱрлӧ семын Петр индеш гана ойла, кум гана «колем» манме репликым колына. Корныеҥ окнаш гына огыл тӱкала, тыгак тудо пӧрт омсам шупшкеда. Но иктат ок пурто, полыш кидым ок шуялте. Чылажат арам.

Тӱс могырым ончалаш гын, каласыман: тудо шапалгыше, тидат идейлан келыштаралтеш. Шем вургеман монашке, чылажат йырым-йыр сур тӱсан, малыме пӧртыштӧ пеле пычкемыш, шем йӱд, тушто лач тылзе гына изишак волгалтара. Герой-влакын илыме радамышт, шонымышт чатка огыл, чыла тидым вашталтыман, саемдыман. Тиде тӱҥ шонымашым действий вияҥме дене, сылнымутын чоҥалтмыж гоч, келшыше кучылтмо сылнымут йӧн полшымо дене почын пуымо.

Драмын геройжо, Петр, сцене кумдыкыш ок лек, тудын каласыме икмыняр шомакшым гына колын кертына. Тиде йӧн марий сылнымутлан йӧршын у лийын огыл. Эше Октябрь революций деч ончычак С. Чавайн «Шылше» ойлымаштыже тыгай йӧн дене пайдаланен. Н. Игнатьев Петрын портретшымат ончыкта. Тидланже персонаж-влакым кучылтеш. Тудын нерген Тимок тыге палемда: кугу капан, виян, лач вургемже гына уда да ончалтышыже вияш, тура. Аваже тыгерак шарна: ошалге, тумо гай пеҥгыде. Странникат шке шонымашыжым луктын каласа, тыгодым тудо пуйто шке семын кутыра, шомакше колен вочшо Петрлан виктаралтын. Геройын тиде монологыштыжо ключевой шомак семын «шоя», «окса», «пӱрымаш» мут-влак лектыт. Странникын тӱжвал тӱсшӧ нерген автор ремаркыштыже палдара: пондашыже сур, капше кугу, ончалтышыже ушан, удан чиен, вургемже вичкыж, йолыштыжо йыдал. Ты характеристикыште ончалтышыжлан тӱткыш ышталтеш. Драматург тиде психологий детальым поснак палемда. Мо оҥайже, тыгайжым драматург моло персонаж шотыштат ончыкта. Иктыжын ончалтышыже пӱсӧ (тудо але самырык, илышым кугун ок пале, садлан чылажымат вискалыде акла), весыже илышыштыже пеш шуко ужын, айдемымат тӱрлым вашлийын, сандене акымат пуэн мошта, мом шонымыжым аптыраныде тӱжвак луктеш. Петр ден Странникын образышт икте-весыштым пойдарат, ик тӱшкам ыштат. Тимок ден Трофимын портрет детальыштым автор тыгак ремаркыште ончыкта: икымшыже изи, яжвака пондашан, кокымшыжо гын кужу пондашан, кугу капан, йошкар чуриян марий. Коктынат тулупым чиеныт. Чием гоч герой-влакын поянлыкыштым шижтарыме, социал статусышт нерген палемдыме.

Драмын эше ик ойыртемже – тӱрлӧ сынан монологым кучылтмаш. Нуно тӱҥ шотышто уверым нумалше да койыш-шоктышым почын пуышо сомылышто палдырнат. Н. Игнатьев нуным ик семынрак чоҥен. Тыге, мутлан Крофина ден Трофимын ойышт икгайрак: шке семын ойлымо годым коктынат шке шонымашыштым почыт, ыштыме поступокыштым пуйто аклат, илышумылымашыштым ончыктат. Крофина икымше монологыштыжо (тудо драмым почеш, завязкын ужашыже лиеш) шкет улмыж шотышто азаплана, эргыжын йоммыж нерген шонкала. Но тунамак тиде темыжым вес йодыш леведеш – окса, парыш. Лач нунышток тӱҥыш лектыт. Икымше темыже увер сынан гын, кокымшыжо – койыш-шоктышым почаш полшышо. Окса йодыш, тудын дене кылдалтше теме чумыр сылнымут гоч эрта, тудын смыслжым почеш.

Драмын кумшо действийжым Трофимын монологшо почеш. Коеш, писатель кольча йӧн дене текст кӧргыштат моштен пайдалана. Тудо кугыт шотыштат Крофинан кӧргӧ ойжо дене келшен толеш. Нунын тематике тӱшкаштат икгайрак. Ойлымо ситуацийыштым ончалаш гын, тыштат икгайлыкым ужына. Малыме пӧртым кучышо Крофина шкет улмыж годым монологым ойла гын, Трофим ойжым йӱдым, чылан малыме годым, йоҥалтара. Ӱдырамашын ойлымыжым мыняр-гынат умылаш лиеш гын, Трофимын каласымыже моткоч намысдыме, тыште тудо шке илыш философийжым луктын каласа, ойыштыжо тыглай калыкым ӱлыкӧ шындыме палдырна. Тудлан икте гына акан – шӧртньӧ. Тудо тиде персонажлан илышын рӱдыжӧ семын палемдалтеш. Тыге лектеш: кок геройжат окса нерген шуко ойлат, но тунамак нуно икте-весыштлан ваштарешла улыт, илышын кок могырыштыжо шогат.

Странникын монологшо йӧршын вес семын чоҥалтын. Действий кайыме жапыште тудо тиде йӧн дене икмыняр ойым калаша. Икымше монологшак пеш пӱсӧ йодышан. Тудо торгаш-влакым вурса: калык вӱрым йӱыт, нуным ондален илат да поят. Тиде монологым обращений сынан, титаклен каласыме ой манаш келша. Каласымым колыштшо персонаж-влакын шкем кучымышт икгай: монолог деч варасе сӱрет немой сценым ушештара. Моланжым умылаш неле огыл, вет нигӧ тыге тура каласымым вучен огыл. Иктышт

тидлан тунемын огытыл, весышт тыгайым вучен огытыл. Изиш варарак колыштмо почеш Тимок тыге манеш: «Тек кӧ кузе мошта, туге ила» [2, с. 220]. Тидлан Странник вашмут семын умбакыже шке шонымашыжым почеш, тушто тудо илышын рӱдыж шотышто ойла: айдеме семын илыман, икте-весылан энертыман, айдеме Айдеме лийшаш, а янлык огыл. Тиде теме умбакыжымат тиде геройын ойыштыжо шарлен толеш.

Драмын кокымшо действийжат монолог дене почылтеш, тудым Странник ойла. Мемнан ончылно шарнымаш-монолог, шонкалымашан ой. Герой рвезе годсо жапшым шарнен ойла, вара философий сынан шонкалымашыш вонча. Илышыжын эн мотор пагытлан Странник йӧратымаш кумыл дене авалт илымыжым шотла. Тунам чонжо ала-могай вес планетыште чоҥештылмыла чучын. Тиде шарнымашыже лирике кумыл дене вӱдылалтын, романтике тӱсан. Арам огыл ойлышо тушко мотор пӱртӱс сӱрет элемент-влакым пуртен колтен. Но вара семын тиде кумылжо вола. Илыш чын тудым сулыкан мландыш волта.

Странник эше ныл монологым ойла, нунын кокла гыч эн виянже – пытартышыже, тудо текстыште виян позицийым налеш, идей дене чак кылдалтеш, сандене пеш кӱлешан. Тидын деч ончыч каласыме кум монологшо пытартышыж деке «вӱден намия». Тыге, герой адакат айдеме тӱня нерген шонкален ойла, мер илышыште оксан вержым палемда, айдеме коклосе кыл шотышто шке шонымашыжым почеш. Тыгодым тудо моткоч ойыртемалтше кумда метафор йӧным кучылтеш: кунам окса йоча пагытыштыже лийын, илыш удан огыл каен, кунам тудо илыш оза радамыш вончен, чылажат нелемын; оксалан кӧра еҥ-влак икте-весыштым пуштедаш ямде улыт; тудлан кӧра сар-влакым тарватат, тыге илыш кумыкталтеш. Вес монологшат тыгайракак сынан: герой айдемым янлык дене таҥастара, шот дене илаш кӱлмым ушештара, айдеме Айдеме лийшаш манеш. Мучаш деч ончычсо диалогшо увер сынан. Тыште Странник Петр дене вашлиймыж нерген каласкала, тудын ӧрдыж кундемыште орланен коштмыжым ойла. Чумыр налмаште, Странникын монологлаштыже рефрен семын ик теме йонга. Тиде айдеме ден тудын пашаже йодыш.

Молан Н. Игнатьев шке геройжым Странник манын? Тидыже, мемнан шонымаште, эн ондак М. Горькийын традицийже дене кылдалтын, вес семынже, тиде образ гоч автор шке шонымашыжым иктешла, чумыр калыкын ойжым каласа. Тиде иктешлыше сынан герой. Арам огыл ӱдырамаш-влак, тудым колыштын, тыге маныт: «Сайын ойла!» [2, с. 220]. Тугеже лектеш: чын ойла. Ойлымыжо чонышкышт возын. Тугакшат кӧ мом колнеже, тудым пылышыш пышта. А Тимок ден Трофим Странникым ушдымылан шотлат, садлан ойжымат шӱмышкышт огыт пыште, тудын чын мутшо нине персонажым ок тӱкӧ. Крофинат шке пашаж дене шогылтеш, садланат чын шомак-влак тудын пылышыш кугун огыт пуро. Адакшым нунын кажныжын шке «чынышт».

Драмыште мут, шомак пеш кӱлешан улыт, нуно тӱжвал да кӧргӧ действий дене кылдалтыт. «Шык» драмыште действий шуко шотышто тӱжвал сынан. Садланак диалоглаште ойлымо шомак-шамычат тыгаяк улыт: почылтшо. Герой-влакын йылмышт быт тӱсан, южгунам гына ойыштышт калыкмут вашлиялтеш. Странникын ойлаштыже гын поэзий лексике озалана. Действийын эн пӱсӧ татыштыже диалог ден монолог гоч автор персонаж-влакын кӧргӧ состоянийыштым почын пуа, мо лийме шотышто реакцийыштым терга. Странникын репликыже-влак интонацийлан поян улыт. Пример шотеш тудын ик изирак монологшым налын ончена. Лу ойлончо гыч нылытше риторике восклицаниян, кумытшо риторике йодышан да восклицаниян [2, с. 231]. Ситуацийын чымалтмыж нерген тыгак герой-влакын междометийым кучылтмышт гоч умылаш лиеш. Драмыште весат онай: южгунам диалоглаште ойлышо-влак икте-весын ойлымым огыт кол але, лӱмынак колдымо лийытат, вес темыш вончат. Тиде эн ончычак адакат Странниклан келшен толеш.

Никон Игнатьевын драмыже 1920 ий тӱналтыште возалтын, тунам марий драматургий сылнымут тӱняш икымше ошкыл-влакым гына ыштен. Туге гынат тиде драме ончыкта: автор чын илыш материалым кучылтын, калык да руш драматургийлан энертен, онай сылнымут йӧнла дене пайдаланен, кӱлешан темым нӧлталын, тудым сӱретлыме жап дене кылден моштен, тунамак чыла жапланат келшышым ыштен кертын. Писатель шкеже мотор илыш верч

пенгыдын шоген, тидым тудо пера полшымо дене гына огыл ыштен, тыгак граждан сарыште вӱржым арам огыл йоктарен.

ЛИТЕРАТУР

1. *Иванов А.Е.* Марийская драматургия: Основные этапы развития. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 274 с.

2. *Игнатьев Н.В.* Айырен нӓлмӹ произведенивлӓ. Пӹтариш том. Йошкар-Ола: Кн. лыкшы Мары изд-во, 1969. 366 с.

3. *Николина Н.А.* Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 255 с.

УДК 398.8

Н.Н. Глухова
Марийский государственный университет,
Поволжский государственный
технологический университет
(г. Йошкар-Ола)

СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ ПЕСЕН ФИННО-УГРОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Статья посвящена описанию символики чисел в народных песнях финно-угров Урало-Поволжья. Выявлены нумерологические символы, представляющие перечень архетипов тезауруса генетической памяти прауральской этнической общности. Особое место уделяется семантике символов доминирующих групп.

Ключевые слова: *фольклор, песня, нумерологический символ, семантика, подсистема, комплексная методика.*

The article describes the numbers symbolism in Finno-Ugrian folk songs of the Volga-Urals region. Numerological symbols representing the archetypes of the Proto-Ural ethnic community genetic memory thesaurus are revealed. Special attention is paid to the description of the dominant group semantics.

Key words: *folklore, song, numerological symbol, semantics, subsystem, complex methodology.*

Целью статьи является краткое описание цифровой символики песенного фольклорного жанра финно-угров Урало-Поволжья. Задачи работы включают в себя определение подсистем символов, а также их семантики.

История изучения, объяснения и осмысления понятия «символ» достаточно подробно описана в трудах лингвистов, фольклористов, литературоведов, антропологов, философов и культурологов. Фольклористы, исследующие устное поэтическое творчество финно-угров, опираются на работы российских ученых, изучавших символику фольклора славянских народов. В их работах по рассмотрению сложной природы символа присутствует прием психологического параллелизма, который сопровождается анализом постепенного сужения образа с интерпретацией значения образов, лежащих в основе символического переосмысления действительности [2, с. 107–117; 16, с. 285–378].

Результаты, приводимые в статье, получены с помощью использования методологических принципов и приемов теории систем; применением описания, сравнения, компонентного и контекстологического видов анализа. Ранжирование символов по принципу частотности встречаемости в текстах выполнено приемом последовательной дихотомии [4, с. 33–43].

Комплексный анализ песен позволил определить и ранжировать пять подсистем символов. Отобранные подсистемы интегрируют *флористические*, *колоронимические*, *нумерологические*, *орнитологические и анималистические* символы. Проведено истолкование значения ведущих символов каждой подсистемы. Внутри них, на основании рейтинга количества их использования в текстах, выполнено ранжирование символов на группы.

В каждой песенной лингвокультуре нумерологическая символика распространена неодинакова. Использование и значение числительных явно символично, поскольку песенный жанр имеет поэтический характер. В предлагаемой статье акцент будет сделан на группах главных символов.

Проанализированные марийские песни (2100 текстов) содержат 882 упоминания 23 числительных и имени существительного (*пеле*

‘половина’), выражающего количественные отношения. Числительными, составляющими доминирующую группу, являются *один, два, три,* так как на их долю выпадает 59,5 % всех упоминаний в рассмотренных песнях. *Семь, двенадцать* и *пять* входят в следующую по частотности группу, полученную приемом последовательной дихотомии (20,3 %). Третья группа числительных представлена цифрами *четыре, шесть, полтора* и существительным *половина* (11,4 %). Оставшиеся числительные дополняют количество упоминаний числительных до 100 % (8,8%)

Неодинаковая частота употребления разных числительных свидетельствует о различиях в значении и их значимости для этноса. Как уже было упомянуто, статистический анализ показал, что главными числами являются *один, два* и *три* (59,5 %).

Числительное *один* передает *уникальность* ситуации [6, с. 52], *единственность* того, о ком или о чем поется в песне [6, с. 36, 109; 15, с. 58–59, 112–113, 140–141; 23, с. 167]. «Один» символизирует *выделенность* кого-либо по какому-то одному признаку по сравнению с другими [6, с. 91; 23, с. 240–241, 246, 261]. *Сходство, одинаковость* в чем-то [6, с. 260], *единение людей*, их дружная совместная жизнь также могут быть выражены этим числительным [15, с. 302–303; 23, с. 37]. «Один» символизирует *одиночество*, остро ощущаемое из-за разлуки с родней [15, с. 114–115], а также связанное с ним *сиротство. Одиночество* и *сиротство* [7, с. 138; 23, с. 262] в проанализированных песнях могут передаваться и косвенно. В одной из песен поющий жалуется, что у него из одежды только один кафтан и одна поддевка из холста, так как нет никого, кто бы сшил что-то еще [15, с. 184–185]. Еще одно значение слова «один» – это *часть* из двух одинаковых объектов, составляющих *единое целое* [23, с. 247].

Следующее по частотности числительное *два*, как и «один», может иметь разные значения. В первую очередь данное число символизирует *дружную жизнь родственников* [23, с. 155]. Есть примеры песен, где слово «два» ассоциируется и с *разобщенностью* [6, с. 27], как и в протяжной песне восточных мари, в которой под данным числительным подразумевается *отдельная жизнь родственников*, разделенных горами [23, с. 47]. В ряде песен числительное «два»

обозначает *большое количество* чего-либо. Это может быть *время*, потраченное на приготовление угощения для родственников [23, с. 25]. В песне «Стало тесно на посиделках» рассматриваемое числительное ассоциируется с *большим количеством* выращенной гречихи и ячменя, разросшихся по обе (две) стороны тропинки [15, с. 64–65]. Данное число может означать *трудность выбора* из двух друзей [15, с. 246–247], двух невест [7, с. 217]. Число «два» в ряде песен обрамляет *нахождение какого-то предмета посредине* [23, с. 220, 222, 245, 280, 281]. Еще его одно значение – *гармония, взаимодостаточность* [7, с. 151], а также и *невозможность повтора* какого-то состояния: два раза молодости в жизни одного человека не бывает [6, с. 63]. В ряде песен самые распространенные числительные «один» и «два» используются вместе, подчеркивая противопоставление *одиночества – единству.* Они могут показать *длительность* какого-то действия или процесса: «одну ночь проспала, две ночи проспала» [23, с. 279]; «и день подождал, и два подождал…» [23, с. 284].

Следующим по распространенности числительным в проанализированных песнях выступает слово *три*. Оно символизирует *дружную жизнь с родней* [23, с. 25]. Еще одним значением числа «три» может быть выражение *большого количества* каких-либо *предметов* [7, с. 135, 215; 15, с. 92–93, 194–195; 23, с. 252], в том числе и *времени* [6, с. 181; 15, с. 370–371, 402–403; 23, с. 167], *расстояния* [15, с. 400–401]. С другой стороны, значение слова «три» в контексте ряда песен – *очень маленький промежуток времени:* с родной матерью Пасха длится весь век, а с мачехой – всего лишь три дня [15, с. 52–53]. В другом отрывке из песни числительное «три» в сочетании с разными существительными означает одновременно и *краткость* радостных переживаний, и *горечь* от деревенских разговоров и сплетен в течение долгого времени [15, с. 60–61].

Сопоставление числительных «один» (молодой человек вспоминает девушку один раз в день) и «три» (девушка вспоминает молодого человека трижды в день) свидетельствует о *частых воспоминаниях* лирического героя песни [23, с. 63]. Это же соотношение числительных, но со значением *выбора* одного из трех вариантов, присутствует и в других песнях [15, с. 128–129, 208–209].

В исследованных мордовских песнях (1971 текст) подсистема символов, выраженная числительными, находится на втором месте по частоте использования. Изученный материал показал, что в их символическом значении они приобретают характеристики качества. В проанализированных песнях встречаются 513 упоминаний 14 числительных и 12 упоминаний существительного *половина*. Доминирующими числительными являются *три* и *семь* (51,1 %). Во вторую группу входят *один, два* и *пять* (31 %). Третья группа составлена из таких чисел, как *четыре, десять, девять,* и существительного *половина* (9,5 %). Последняя группа включает в себя числительные *шесть, сто, сорок, восемь, тридцать, двенадцать* (8,4 %).

Самое распространенное числительное в проанализированных песнях – *три*. Это число имеет несколько значений, каждое из которых зависит от определяемого им существительного, а также от общего контекста песни. Оно может означать *большое количество* – сватов, шкаликов вина, лет (три десятка годиков) [11, с. 45], *длительный промежуток времени* [12, с. 128]. Отрывок из песни «Коломоненест патят-сазорт = Их было три сестры» также содержит числительное «три» со значением *длительного времени* [12, с. 81] В одной из песен числительное «три» относится и к дочерям, и к болезням, и к заботам и беспокойствам, обозначая *избыточное количество раздражающих факторов* [12, с. 79]. Данное число может ассоциироваться с *большим количеством людей* – солдат, рекрутов из одной деревни [11, с. 78, 190; 12, с. 134–135], как и в песне «Вай, морясь, морясь = Ой, море, море» [11, с. 178–179]. Перечисление каких-либо предметов, объектов или явлений, исчисляемых цифрой «три», интерпретируется как *гармоничное явление* и оценивается положительно [11, с. 174–175; 19, с. 81; 21, с. 52, 62]. Числительное «три» в значении *гармоничность*, *завершенность* используется при характеристике людей [11, с. 102; 18, с. 153]; встречается и при описании других живых существ – *птиц, их птенцов* [12, с. 52, 60–61]. Рассматриваемое числительное в проанализированных текстах песен может обозначать *богатство* [11, с. 32; 12, с. 85], что хорошо показывает пример из мокшанской песни о сельском богаче по имени Рыба [11, с. 119]. Описываемое число может использоваться

в противопоставлении числительному «один»: в песне «Самсон леляй = Дядя Самсон» при сватовстве невесте было обещано три сундука готовой одежды, а оказалась (одна) худая ветхая кадушка [12, с. 57–58].

Числительное *семь* – второе по распространенности в главной группе символов. Чаще всего оно означает *большое количество чего-либо.* В первую очередь, это – *продолжительное время* [12, с. 85, 116; 13, с. 50, 90–92, 109–110; 19, с. 160–161]. Числительное ассоциируется и с *большим количеством* перечисляемых значимых для поющих объектов/предметов: «семь церквей, семь молебнов» [12, с. 116]; «семь подвод запрягли, семь пар снарядили» [11, с. 228]; «семь бояринов одаривал, семь ворот открывал» [11, с. 39; 13, с. 49]. Число «семь» символизирует *большие расстояния* [11, с. 228, 267–268; 19, с. 235–236]. В песне о Солай слава о ее доброте и красоте слышна «по ту сторону семи лесов, дальше семи лесов» [19, с. 152–153]. *Большое количество детей* (как богатство и гордость главы семьи), *братьев, невесток* также обозначается числом *семь* как в эрзянских [11, с. 197–198; 13, с. 50–51; 19, с. 152–153], так и в мокшанских песнях [20, с. 101]. В песне «Тейтересь вадря Кастуша = Девушка славная Кастуша» героиня сообщает подружкам, что ей надо сшить семь рубашек и семь руць (женская холщовая одежда; верхнее платье, платок), так как у нее семь братьев, а вышивает она для будущих невесток [19, с. 237]. Число «семь» – символ *надежности*, нужное для цели количество: это может быть семь замков, надежных запоров [12, с. 119–121]. В песне «Костянь Анюнясь = Анюта – дочь Константина» для проклятия используется вода из семи источников [11, с. 58].

В рассмотренных народных песнях коми (712 текстов) самыми распространенными словами, имеющими символическое значение, являются числительные и существительное *половина*. Первая группа главных символов включает в себя числительные *два, три, сто, один*, а также существительное, выражающее количественные отношения, *половина*, на них приходится 51 % количества всех упоминаний чисел в проанализированном материале. Во вторую группу входят такие числительные, как *четыре, двенадцать, шесть,*

девять, тысяча, семь и *десять* (27,6 %). Следующая группа – это *пять, тридцать, двадцать* и *полтора* (11,4 %). Оставшиеся восемь названий числительных («15», «17», «300», «25», «8», «16», «120», «40») составляют 10 %. В проанализированных текстах песен было выявлено 618 упоминаний 23 числительных.

Наиболее частотным среди главных символов первой группы является числительное *два*, имеющее несколько символических значений в рассмотренных песнях. Во-первых, это – значение *большого количества* чего-либо. В отрывке из песни, оплакивающей отца (*Батьӧс бӧрдӧдӧм*), – это тяготы военного быта в тылу [10, с. 171]. Во-вторых, это числительное ассоциируется с определенными *материальными благами* [8, с. 89; 10, с. 77]. В-третьих, число «два» с существительными времени показывает *длительный* его *промежуток* [9, с. 144], что по семантике также совпадает с понятием *много* [8, с. 179]. Другими символическими значениями данного числа могут быть идеи *симметрии* [9, с. 179], *гармонии* [8, с. 114; 27, с. 238] и *взаимодополняемости в браке* [8, с. 73]. В плачах по усопшим, когда оплакиваются погибшие сыновья, – *опора и надежда родителей* [9, с. 69, 85], интересны примеры показателя *достаточности* [8, с. 105; 9, с. 116; 26, с.139, 237; 27, с. 204, 235], *возможности* или *необходимости выбора* [9, с. 85, 116; 10, с. 101].

Следующая лексема – числительное *три*. Как и число «два», оно достаточно многозначно. Одно из основных значений – *большое количество каких-то объектов* [8, с. 103; 9, с. 115; 10, с. 40; 27, с. 195], *детей* [9, с. 38, 79]. Оно может означать и *большое количество времени* [8, с. 108, 180; 10, с. 179]. *Троекратность* передает *традиционность* поцелуя [8, с. 87; 26, с. 121, 139; 27, с. 239, 247]. «Три» может ассоциироваться и с *большим количеством горя* [10, с. 429].

Слово *половина*, занимающая третье место в группе доминирующих символов, означает *недостающую часть для гармоничного существования* [9, с. 132, 133]. Это же существительное в сочетании со словом «жизнь» ассоциируется с *лучшей частью прожитого времени*, как об этом поется в песне «Шондібанӧй олӧмӧй = Солнцеликая жизнь моя» [8, с.101]. Слово «половина» в сочетании

с существительными меры (например, аршин) ассоциируется *с внешними данными* (*красотой* и *силой*) описываемого человека, чаще всего мужа или любимого человека [9, с. 83]. Оно может характеризовать *время* – полдня [8, с. 97, 211], полгода [26, с. 131], *пространство* – половину дома [8, с. 181].

Далее по порядку расположено числительное *сто*, способное ассоциироваться с чем-то *большим*: стоимостью чего-либо [8, с. 222, 228; 26, с. 125; 27, с. 244]; количеством людей [8, с. 215; 9, с. 61, 83–84]; количеством времени [25, с. 138–139]; количеством различных объектов [9, с. 73]; расстояниями [8, с. 112].

В ряде примеров, как в песне «Мее рытйисьні петі = Погулять под вечер вышла» [8, с. 110], с помощью этого числительного поющие выражают *радость* жизни. В поминальной песне «Мужиклы = По мужу» использование числительного «сто» говорит о *безграничной любви к мужу* [9, с. 76–77]. Это же числительное содержится в песне свадебного цикла, в которой присутствует восхваление девичества: «стократ счастливый мой чин девичий, великий чин» [8, с. 231, 233].

Последнее числительное главной группы символов – *один*. Одно его из значений – *единение* и *единство* [8, с. 216], как и в отрывке из «Рödительляслы = Плача по усопшим» [9, с. 70]. Числительное «один» показывает какой-то объект, *единственный в своем роде*, о чем поется в песне «Дас кык ая-пиа = Отец и одиннадцать сыновей» [10, с. 27]. Оно символизирует *уникальность* [8, с. 66; 10, с. 172; 26, с. 191]. Другим значением может быть *отличительность*, *выделенность* из ряда объектов [8, с. 204; 9, с. 94] или субъектов [9, с. 100]. Описываемое числительное ассоциируется с *выделенностью событий* или *состояний* поющего: это может быть и радость, и печаль, о чем и поется в песне «Пыжен море Кузя = По морю на лодке» [8, с. 176–177].

Среди пяти выделенных подсистем символов в удмуртской песенной символике группа цифровых символов занимает четвертое место. В рассмотренных текстах (1948 песен) числительные упоминаются 220 раз, их встречаемость по мере убывания может быть представлена следующим образом: группа главных символов

(53,7 %) включает в себя числительные от *одного* до *трех*; 26,8 % составляют такие числительные, как *семь, двенадцать, десять, шесть* и *тысяча*; третья группа объединяет *сто*, *семьдесят, двадцать* и представлена 10 %; оставшиеся слова – *половина*, *двадцать пять*, *четыре*, *восемнадцать* – замыкают список, формируя последнюю группу (9,5 %).

Наиболее частотное числительное в исследованном материале – *один*. Оно передает значения *единственность* и *уникальность* [1, с. 105; 2, с. 157; 17, с. 74, 78, 84]. Первое из них иллюстрируется примером из песни «Лекрут гур = Алнаши»: приводится параллель потери одного пера у гусыни с проводами в рекруты единственного сына матери [2, с. 140]. Аналогичное значение *уникальности, единственности* [22, с. 108] наблюдается и в гостевой песне «С′ӧд н′улэс пыр потыса = Пройдя через черный, дремучий лес», в которой поется о родственниках [1, с. 59]. Числительное «один» означает также *одиночество* [5, с. 89], о чем поется и в песне «Чэскыт с'ийон дырйосы = Время сладкого кушанья» [1, с. 72–73]. В гостевых застольных песнях, например, в песне «Воз'мано но бо куноосмы = Гости, которых мы так ждали» оно символизирует *совместную жизнь* (*жизнь в единстве*) [1, с. 51]. В сочетании числительных «один» – «два» слово «два», «двое» противопоставлено числительному «один» в его значении *одиночества*, как это иллюстрирует песня проводов солдата «Солдат келян сям» [14, с. 194]. Данное сочетание говорит о *перечислении* поступков, одновременно символизируя и *временную последовательность* [17, с. 74]. Числительное *два* символизирует нечто *дополнительное к имеющемуся* [17, с. 83]. Так, в песне обряда «Акашка сям = Акашка» друзья хотели бы прожить два века [14, с. 24]. Два символизирует *парность*, *гармонию* [17, с. 81, 110].

Числительное *три* чаще всего обозначает *большое количество времени* [5, с. 78, 81–82; 14, с. 123; 17, с. 74], как, например, в песне «Ӝужалоз, Ӝужалоз = Взойдет, взойдет» [1, с. 109]. В рекрутской песне *период свободной жизни* до рекрутчины находит параллель в таких строчках: «Вилы мои о трех зубьях двузубыми остались – бессчетные мои дни считанными стали» [2, с. 163]. Числительное

«три» как само по себе [2, с. 89; 17, с. 75, 76; 22, с. 37], так и в паре с числом «семь» говорит о *малом количестве*. Так, в одной из песен повествуется о том, что было «семь домов родственников, а осталось только три семьи» [2, с. 36].

Основная цель исследования, направленная на определение сходств и различий в нумерологических символах песенного жанра коми, мари, мордвы и удмуртов, достигнута. В излагаемой подсистеме было сделано описание семантики стержневых символов, их ранжирование на четыре группы: главных, вспомогательных, дополнительных и малоиспользуемых/малозначащих. Полученные «качественные» данные о системах символов, содержащихся в рассмотренном песенном материале народов, были подтверждены при помощи количественных методов. Ранее определенный рейтинг подсистем символов песен среди четырех финно-угорских народов показал следующий порядок расположения подсистем: *флористическая, колоронимическая, нумерологическая, анималистическая и орнитологическая*. Символика числительных занимает срединное положение. Обобщенные данные из доминирующей группы символов в песнях рассматриваемых этносов говорят о том, что в проанализированных марийских песнях – *один, два* и *три* составляют главную группу. В мордовских песнях к ним отнесены *три* и *семь*, в песнях коми – это *два, сто, один* и *половина*, в удмуртской песенной символике – *один, два, три*. Дополнительная группа символов представляет собой у некоторых этносов более многочисленную группу. В марийских песнях это – *семь, двенадцать* и *пять*. Мордовская песенная символика выделяет *один, два* и *пять* в качестве дополнительных символов. В песнях коми были определены следующие числа: *четыре, двенадцать, шесть, девять, тысяча, семь* и *десять*. В удмуртских песнях в эту группу входят пять числительных: *семь, двенадцать, десять, шесть, тысяча.* С учетом обеих групп подсистем можно предположить, что общими лексемами, имеющими символическое значение в мире чисел для песенного жанра финно-угров рассматриваемой группы, являются *один, два, три, семь* и *двенадцать.* Значения лексем с количественными значениями во многом совпадают и по объему, и по основным смыслам. Они ассо-

циируются с уникальностью, единством, гармоничностью, достаточностью и большим количеством рассматриваемых объектов или субъектов. Часть числительных, не вошедших в первые две группы по ряду причин, может обозначать и переход из одного состояния в другое, символизируя начало нового, и завершение предыдущего этапа в жизни.

В заключение можно утверждать, что символы, описанные в статье, являясь сконцентрированным выражением коллективного бессознательного, представляют собой своеобразный перечень архетипов финно-угорской песенной культуры, входящий в тезаурус общей генетической памяти прауральской этнической общности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Атаманов-Эграпи М.Г.* Песни и сказы ушедших эпох = Эгра кырӟ, эгра вера. Ижевск: Удмуртия, 2005. 248 с.

2. *Бойкова Е.Б., Владыкина Т.Г.* Песни южных удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. Вып. 1. 192 с.

3. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. Ленинград: Гослитиздат, 1940. 647 с.

4. *Глухов В.А., Глухова Н.Н.* Системы символов песен финно-угров Урало-Поволжья: монография. М.: Спецкнига, 2012. 364 с.

5. *Голубкова А.Н., Поздеев П.К.* Удмуртские народные песни. Ижевск: Удмуртия, 1976. 116 с.

6. *Кульшетов Д.М.* Шернур корнет. Марий калык муро-влак. Йошкар-Ола: Респ. метод. центр М-ва культуры МАССР, 1990. 356 с.

7. Марийские народные песни / пер. С. Поделкова. 2-е изд. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. 287 с.

8. *Микушев А.К.*,*Чисталев П.И.* Коми народные песни. Т. 1: Вычегда и Сысола. 2-е изд. Сыктывкар: Шыпас, 1993. 288 с.

9. *Микушев А.К.*,*Чисталев П.И.* Коми народные песни. Т. 2: Ижма и Печора. 2-е изд. Сыктывкар: Шыпас, 1994. 192 с.

10. *Микушев А.К.*,*Чисталев П.И., Рочев Ю.Г.* Коми народные песни. Т. 3: Вымь и Удора. 2-е изд. Сыктывкар: Шыпас, 1995. 256 с.

11. Мордовские народные песни / сост. Г.И. Сураев-Королев. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1969. 342 с.

12. Мордовские народные песни / сост. Н.С. Кириллов; под ред. Ф.Ф. Советкина, В.В. Горбунова. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1957. 271 с.

13. Мордовские народные песни / сост. Г.И. Сураев-Королев, Л.С. Кавтаськин. М.: Гос. муз. изд-во, 1957. 164 с.

14. *Нуриева И.М.* Песни завятских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. Вып. 1. 232 с.

15. Песни горных мари = Кырык мары халык мырывлä. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. 512 с.

16. *Потебня А.А*. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.

17. Произведения народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Изд. православ. миссіон. о-ва. Казань: Тип. А.А. Коковиной, 1880. 190 с.

18. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. Т. 11, ч. 1: Эрзянская свадебная поэзия. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1987. 200 с.

19. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. Т. 2: Лирические песни. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1965. 372 с.

20. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. Т. 6, ч. 2: Мокшанская свадебная поэзия. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1975. 400 с.

21. Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 18 т. Т. 7, ч. 3: Календарно-обрядовые песни и заговоры. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1981. 304 с.

22. *Ходырева М.Г*. Песни северных удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1996. Вып. 1. 120 с.

23. Эрвел марий муро-влак = Песни восточных мари / сост. Г. Гадиатов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. 320 с.

24. Syrjänische Texte. Band II. Komi-Syrjänisch: Ižma-, Pečora- und Vym-Dialekte. Gesammelt von T. E. Uotila. Űbersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen // Suomalais-ugrilaisen Seura. Helsinki, 1986. 241 S.

25. Syrjänische Texte. Band III. Komi-Syrjänisch: Luza-Letka-, Ober-Sysola-, Mittel-Sysola, Prisuktyvkar-, Unter-Vyčegda- und Udora-Dialekte. Gesammelt von T. E. Uotila // Űbersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen // Suomalais-ugrilaisen Seura. Helsinki, 1989. 401 S.

26. Syrjänische Texte. Band IV. Komi-Syrjänisch: Ober-Vyčegda-Dialekt. Gesammelt von T. E. Uotila. Űbersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen // Suomalais-ugrilaisen Seura. Helsinki, 1995. 521 S.

27. *Wichmann Y.* Syrjänische Volksdichtung. Gesammelt und herausgegeben by Yrjö Wichmann // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. T. XXXVIII. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1916. 242 S.

УДК 821.511.131-144”1941/1945”.09(045)

Т.И. Зайцева
Удмуртский государственный университет
(г. Ижевск),
Е.Н. Петрова
Удмуртский государственный университет
(г. Ижевск)

ЖАНР БАЛЛАДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ УДМУРТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФРОНТОВИКОВ

В статье выделяется типология баллады периода Великой Отечественной войны в творчестве удмуртских писателей-фронтовиков. Основное внимание уделяется характеристике ее наиболее устойчивых жанровых признаков и возможностей.

Ключевые слова: *удмуртская литература 1941–1945 гг., героическое, баллада, жанр.*

The typology of the ballad of the Great Patriotic War period in the works of Udmurt veteran-writers is highlighted by the authors. The main attention is paid to the characteristics of the most stable genre features and its potential.

Key words: *the Udmurt literature of 1941–1945, heroic, ballad, genre.*

Проблема изучения жанра баллады в удмуртской литературе остается открытой. Важно отметить, что в работах отечественных литературоведов, посвященных исследованию баллады на материале русской лиро-эпической поэзии или какой-либо другой этнической культуры, выделяют следующие особенности этого жанра: фабула, динамичный сюжет, наличие диалога, открытое выражение авторских эмоций в характеристике персонажей, драматическая судьба центрального героя, синтез реального и фантастического, необычный пейзаж, сверхъестественное начало, моралистический итог. Основательный обзор трудов по проблеме жанра баллады сделан в статьях У.Ю. Вериной [1] и С.П. Гудковой [3].

В творчестве удмуртских авторов-фронтовиков периода Великой Отечественной войны развивается жанр героической баллады, отвечающий требованиям и задачам той эпохи. Отличительные особенности фронтовой баллады связаны с ярким и лаконичным изображением героики военных событий. Основные признаки удмуртской фронтовой баллады – героико-романтический пафос, объективизация лирического сознания, отсутствие элементов мистики и сверхъестественного; мотив двоемирия уступает место противопоставлению двух сил – своих и врагов. В центре баллады – сюжет-поединок, сюжет-испытание.

Во многих балладах удмуртских поэтов-фронтовиков воссозданы образы конкретных героев, чаще всего земляков или однополчан: П. Чайников «Чагыр инмын» («В голубом небе», 1944) и «Капитан Кедров» (1944), Т. Шмаков «Батыр боец» («Боец-богатырь», 1943), М. Петров «Зэмос» («Правдивая история», 1945) и «Уг вунэты» («Не забуду», 1944) и др. В основе сюжетного действия названных баллад – реальная героико-трагедийная ситуация. Центральная роль принадлежит лирическому герою, ориентированному на образ автора-поэта, сильна агитационная направленность. Некоторые фронтовые баллады вообще написаны от первого лица, что усиливает ощущение подлинности происходящего. В контексте сказанного необходимо подчеркнуть, что кроме баллад, основанных на подлинных фактах, удмуртскими поэтами созданы произведения балладного жанра, где героям и событиям привнесено обобщенное значение. Например, Г. Сабитов «Пичи ныл» («Девочка», 1942), Т. Шмаков «Батыр боец» («Боец-богатырь», 1943), И. Гаврилов «Лиза-санитарка» (1943), А. Лужанин «Пунэмзэ берыктон» («Возмездие», 1943) и др.

Показать специфику разработки жанра баллады в удмуртской литературе периода Великой Отечественной войны можно на примере произведений поэта-фронтовика, кадрового военного М.П. Петрова (1905–1955), военного журналиста, поэта и драматурга И.Г. Гаврилова (1912–1973), переводчика, поэта, редактора П.М. Чайникова (1916–1954). В балладе М. Петрова «Кулись эше возын…» («Рядом с умирающим другом») рассказывается о последних минутах жизни смертельно раненного в бою солдата-сослуживца.

Изначально эта баллада была опубликована в периодической печати военных лет, называлась она «Уг вунэты…» («Не забуду…») и имела подзаголовок «Ки вылам кулэм Коноров эшме буре вайыса» («Памяти моего товарища Конорова, умершего на моих руках, посвящаю»). Для произведения характерен особый эмоциональный накал, имеющий мощное воздействие на читателя. Умело использованный прием обрыва поэтической речи оттеняет драматизм, глубину переживания лирического героя. Намеренно обрывая слова погибающего героя, автор вживую передает взволнованность речи умирающего бойца, дает возможность самому читателю догадаться о невысказанном:

Жоген мон куло ни, эше. –	‘Друг мой, умру я скоро. –
Юнме берпум винадэ	Напрасно с оставшимся вином
Тон мыным удиськод…	Со мной еще делишься ты…
<…>	<…>
Вералод эшъёслы… гожтод нылылы,	Передашь товарищам… напишешь дочери,
Кызьы мон пумиськи кулонэн.	Как встретил я смерть свою.
Татчы, бойын басьтэм музъеме,	Здесь, на освобожденной в бою земле,
Та кызьпу выжые ик ваты монэ.	У корней березы этой, схорони меня.
Шайвылам сяська жужалоз…	Расцветут на могиле цветы…
*Тулыслы быдэ…**	Так будет в каждую весну…’

В стихотворении воссоздан образ советского бойца, человека сильного, глубоко преданного Родине. Показателен финал баллады – последние слова солдата обращены к однополчанам, освобождающим мир от фашизма, к дочери, к будущему. Автор подчеркивает «обычность» фронтовой ситуации, стремится показать типичность героического поступка воина, самоотверженно выполняющего свой долг перед Отчизной. За скупыми петровскими строками, наряду с образом умирающего солдата «встает» образ лирического героя, многое познавшего на войне, но так и не сумевшего привыкнуть к смерти человека.

---

* Здесь и далее дословный перевод удмуртского текста на русский язык выполнен авторами статьи. – *Т.З., Е.П.*

Удмуртская фронтовая баллада отразила события 1941–1945 гг. в аспекте исторической памяти. Обозначение удмуртскими авторами-фронтовиками жанра своего произведения как баллады связано с пониманием этого определения, сложившимся в советской литературе и в советском литературоведении. Исследователи считают, что это такой тип произведения, где «принципиально изменена важнейшая жанровая черта: граница между мирами, гармоничным и хаотичным… события перенесены на одну сторону. В большей степени советская баллада соответствовала героической песне, была средством героизации нового времени» [1, с. 230]. В советской поэзии, собственно, к жанру баллады относят «небольшое сюжетное стихотворение, в котором изображен какой-нибудь отдельный жизненный эпизод героического характера» [6, с. 19].

Фронтовая баллада – жанр возвышенно-символический. Исследователь мордовской литературы Н. Голованова пишет, что баллада является «гимном», или «песней» подвигу, «вырвавшейся из груди поэта под сильнейшим эмоциональным впечатлением от случившегося» [2, с. 18]. К ярким произведениям балладного жанра военных лет, посвященным поэтизации мужества фронтовых медсестер, спасавших раненых бойцов на полях ожесточенных сражений, относится «Лиза-санитарка» И. Гаврилова. Следует отметить, что впервые эта баллада была напечатана во фронтовой красноармейской газете «Победа за нами» (23 мая 1943 г.)* Гавриловская героиня является олицетворением нравственности, героизма и самоотверженности поколения юных медсестер той войны. Через подробно описанный один боевой эпизод автор показывает схожесть фронтовых испытаний, выпавших на долю многих женщин и девушек, вставших рядом с мужчинами на защиту Родины. На первый план во внешности героини выдвинуто прежде всего характерное, социально-типичное. Вместе с тем в обобщении образа Лизы, в ее типичности есть для читателя и информация, дающая представление о внутреннем мире героини, раскрываемом через изображение ее действий, отдельных поступков.

---

* Экземпляр этой газеты хранится в архиве БУК УР «Национального музея Удмуртской Республики имени Кузебая Герда» (Ф №Р-14, Оп.1, УРМ-18069/263).

Вал ми полын санитарка,	‘Была среди нас санитарка,
Егит ныл мурт, Лиза нимо.	Девушка, звали ее Лиза.
Пельпум вылаз бадзым сумка	На плече большую сумку
Нуллиз. Кышкасьтэм но кужмо.	Таскала. Бесстрашная и сильная’.
[4, с. 24].	

Готовность девушки-санитарки пожертвовать ради победы собственной жизнью показана через ряд сцен и эпизодов, связанных со спасением раненых солдат. Семеро тяжелораненых бойцов во время отхода части остались в лесу, «сжатом» немцами. Хрупкая, маленькая девушка в одиночку вытащила на себе шестерых солдат, а когда отправилась за седьмым бойцом, была ранена и пленена фашистами. Трагичность ситуации усилена саркастической репликой одного из фашистов, заставивших жестоко избитую Лизу рыть для себя могилу-яму.

Ньыль фашистъёс нюлэс дорын	‘Четыре фашиста возле леса
Шулдыр пуко коньяк юса.	Весело сидят, коньяк попивая.
Санитарка тыпу дорын	Около дуба санитарка
Шайгу гудзе малпаськыса…	Могилу копает себе в глубоких раздумьях …
<…>	<…>
Витетиез фашист сылэ,	Пятый фашист стоит,
Гу гудземзэ учке солэсь.	Контролирует, как яму копает она.
«Жоггес! Жоггес!» – фашист кеське,	«Быстрей! Быстрей!» – кричит фашист,
Ачиз коньяк шоры учке.	На коньяк поглядывая’.
[4, с. 25–26].	

Баллада «Лиза-санитарка» обладает чертами сказочно-фантастического сюжета. К примеру, здесь использован прием гиперболизации: девушка в одиночку уничтожает четверых крепких мужчин, а одного немца, оглушив лопатой, приводит в командный пункт. В определенной мере этой балладе свойственны и признаки былинного эпоса. В частности, текст «Лиза-санитарка» отражает свойственную балладному жанру тему «бессмертия»: *Кытын пуля зоре, кытын / Снаряд пуштэ – отын Лиза* ‘Где пули летят дождем, где / Снаряд взрывается – там Лиза’.

Популярность баллады И. Гаврилова «Лиза-санитарка» в военные годы во многом связана с тем, что она написана в народно-поэтическом стиле. Автор искусно использует устойчивые словесные выражения, традиционные эпитеты, просторечную лексику, фольклорные сравнения. Например: *сютэм кырныж поръя* ‘голодный ворон кружит’, *быдэс музъем сыръя* ‘вся земля зыблется’, *шаер зурка* ‘земля содрогается’, *ву жаль бызе ымныр вылтиз* ‘вода-испарина бежит по лицу ручьем’, *лек ранаез* ‘мертвящая рана’, *пось сиёнэз сямен витим* ‘словно еду горячую ждали’ и др. А самое важное – оценка героев и событий представлена в балладе с народной точки зрения. Есть в «Лизе-санитарке» и образное значение символической цифры «семь», связанной с устным народным творчеством. Эмоциональный тон баллады обусловлен фольклорной образно-эмоциональной характеристикой героя и окружающего мира. Мироощущение автора имеет свои корни в народной культуре.

Явлением в литературной жизни республики военных лет стала баллада П. Чайникова «Капитан Кедров». Произведение посвящено памяти командира роты Филиппа Кедрова, писателя-классика, журналиста. В жанре удмуртской фронтовой баллады происходит углубление психологической перспективы; здесь в центр произведения выдвигается не яркий эпизод боя, а память о подвиге человека и его личности. Выразительные пейзажные картины, связанные с памятью о герое Кедрове, расширяют границы мировосприятия лирического «я», выводят его чувства в сферу всеобщего переживания войны народом, сопряженного со скорбью о потерях лучших сынов страны.

Ярдурын жугиськонын	‘В бою на берегу реки
Капитан быриз.	Капитан погиб.
Со сярысь калык полын	О нем народ
Та кырзан кылдиз.	Песню эту сложил на века’.

[7].

Финал чайниковской баллады утверждает бессмертие подвига удмуртского поэта и командира роты капитана Кедрова, имя которого было нравственной мерой для его современников. В этой балладе нашло воплощение мастерство П. Чайникова. В кратком сюжетном стихотворении с помощью скупых, конкретных деталей поэт

нарисовал реалистический образ конкретного человека на войне. В другой балладе П. Чайникова «На голубом небе» детально прорисованы эпизоды воздушного тарана, совершенного Н.А. Козловым, известным летчиком-истребителем, Героем Советского Союза. Для произведения характерна острота сюжета: изображаются сцены решающего сражения, когда летчик, подбитый немцами, направляет свой самолет на вражескую танковую колонну. Диалогизм повествования, использование отрывистых и энергичных фраз героев, кульминационные сцены, запечатленные отдельными яркими штрихами, – приемы и ритмические особенности этой баллады. В передаче хода боя поэт использует разные углы зрения, создающие ощущение непосредственного авторского присутствия в изображаемой картине. Так, принятие решения идти на таран раскрывается в балладе с позиций двух пилотов, продолжающих вести бой на поврежденном самолете.

– Малы тэтчод – пленэ сюром.	‘– Прыгать зачем – в плен попадем.
Ум сётске тушмонлы!	Не сдадимся врагу!
Тини улын танкъёс – пазьгом,	Там внизу танки – взорвем,
Кулон фашистъёслы!	Смерть фашистам!’

[8].

Таким образом, в удмуртской фронтовой балладе синтезированы национальные фольклорные и общероссийские литературные традиции, вернее, традиции советской баллады. В жанре баллады наши поэты-фронтовики создали образ солдата, который вдохновлял и объединял народ на борьбу с врагом, внушал чувство бесстрашия в поединке за правое дело. Для авторов, создающих образ бойца-освободителя, было очень важно выделить в герое-современнике черты, обнаруживаемые в простом человеке в трудных ситуациях войны. Фронтовая баллада привнесла в национальную поэзию лирико-патетическую интонацию, выразительную образность, экспрессивность, наглядность. В жанре фронтовой баллады наблюдается сочетание романтической патетики и народной речи. Существенно то, что баллада явилась для удмуртской литературы относительно новым жанром, который приобрел в годы Великой Отечественной

войны новые художественные и национальные особенности. Активное развитие жанра баллады в национальной поэзии «сороковых» было определено всенародной борьбой за свободу страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верина У.Ю.* Обновление жанра баллады в русской поэзии рубежа XX–XXI вв. // Вестник Удмуртского университета. Серия: «История и филология». 2017. № 2. С. 229–239.

2. *Голованова Н.Ф.* Эволюция жанра баллады в эпической поэзии Мордвы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2009. 22 с.

3. *Гудкова С.П., Пивкина Е.В.* Историко- и теоретико-литературные аспекты изучения жанра баллады // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9. Ч. 2. С. 248–251.

4. Патриотъёс: кылбуръёс / отв. ред. А. Писарев. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1943. 80 с.

5. *Петров М.П.* Уг вунэты // Советской Удмуртия. 1945. 21 нояб.

6. *Тимофеев Л.И.* Краткий словарь литературоведческих терминов: Пособие для учащихся сред. шк. М.: Учпедгиз, 1958. 160 с.

7. *Чайников П.М.* Капитан Кедров // Советской Удмуртия. 1944. 12 авг.

8. *Чайников П.М.* Чагыр инмын // Советской Удмуртия. 1944. 20 авг.

УДК 292/293 + 39(4/9)

А.С. Иликаев
Башкирский государственный университет
(г. Уфа)

К ПРОБЛЕМЕ ОБРАЗА МИРОВОГО ДРЕВА В ФИННО-УГОРСКОЙ И МАРИЙСКОЙ МИФОЛОГИИ

Статья посвящена образу мирового древа в марийской и финно-угорской мифологии. Автор приходит к выводу о том, что деревья вроде марийского ***онапу*** *представляют собой дальнейшее развитие анимистическо-тотемистического образа души-дерева, а не только личного дерева и «алтаря» в религии природных духов.*

Ключевые слова: *мировое древо, небесный столп, шаманское древо, мировой змей.*

The article is devoted to the image of the world tree in the Mari and Finno-Ugric mythology. The author concludes that trees like the Mari ***onapu*** *represent a further development of the animistic-totemic image of the soul-tree and cannot be seen as only a personal tree and "an altar" in the religion of natural spirits.*

Key words: *world tree, heavenly pillar, shamanic tree, world serpent.*

Еще Ю.Е. Березкин отметил, что одной из ярких ложных мифологических универсалий является образ мирового древа. Стремление трактовать любой объект, организующий пространство, (гору, камень, мировой столп *axis mundi*, даже простую вертикальную черту) как пресловутое *arbor mundi* приводит к размыванию критериев. На самом деле образ мирового древа обнаруживается далеко не у всех этносов. Его нет у палеоазиатов, японцев, айну и древних народов Средиземноморья. Автор согласен с В.Н. Топоровым, что в верхнем палеолите образ мирового древа отсутствовал [1].

Несколько иной позиции придерживаются Н.А. Николаева и В.А. Сафронов, считая мифологему мирового древа общепланетарным древнейшим мотивом. Они отмечают образ дерева, соединяющего подземный, земной и небесный миры, в австралийских мифах и мифах индейцев Америки. При этом указывается, что путешествие вверх-вниз по дереву означает одновременно смерть-возрождение души орнитоподобного или зооморфного тотемного предка [14, с. 37–38].

Позицию Ю.Е. Березкина развивает финно-угровед В.В. Напольских, отмечая, что, по всей видимости, народам уральской языковой семьи мифологема мирового древа была неизвестна. В качестве собственно классического образа мирового древа исследователь предлагает рассматривать скандинавский *Иггдрасиль*. Если исходить из четырех обозначенных в этой связи В.В. Напольских критериев, то более или менее им соответствуют представления о шаманских деревьях у венгров и селькупов. Но их В.В. Напольских объясняет тюрко-маньчжурскими возможными заимствованиями [13, с. 19–22].

Интересен образ калевальского дуба, который вырастает таким исполинским, что закрывает свет солнца и луны. Его срубает

вышедший из моря человек. В результате сам дуб становится мостом через реку Похъёлы или части дуба падают на четыре стороны света [13, с. 22–23]. От щеп-стрел, разлетевшихся при падении гигантского древа, распространяются по миру болезни, о чем говорят заговоры о божьих стрелах, сражающих недуги [16, с. 76]. В.В. Напольских склонен полагать, что данный образ в «Калевале» возник под влиянием народно-христианских текстов. Здесь ученый делает ссылку на финского исследователя К. Крона. Однако никакая дополнительная аргументация при этом не приводится. Стоит заметить, что еще Е.М. Мелетинский отмечал склонность финской школы вообще многие сюжеты «Калевалы» считать не языческими, а христианскими, точнее, средневеково-католическими [11, с. 107].

Гораздо серьезнее возражение, что в прибалтийско-финской мифологии структурообразующим элементом является не гигантский дуб, а мировой столп *Сампо*. При этом В.В. Напольских допускает неточность, говоря об отсутствии аналогичных воззрений у других уральских народов. Во-первых, образ Сампо неоднозначен и вовсе не сводится к элементарному столбу, шарниру, небесной крышке (дну) и т.п. Возможно, в прошлом Сампо имело орнитоподобный или зооморфный облик. На это указывает редкая легенда о *самассе*, записанная К.А. Готлундом в северной Швеции [18, с. 287]. Мифологема мельницы и, вероятно, сам индоевропейский термин наслоились позднее. Во-вторых, например, в марийской мифологии присутствуют образы восходящего из центра земли мирового столпа *кава меҥге* и небесного дна *кава пундаш*, указывается материал, из которого первый изготовлен: железо, серебро, золото и даже огонь. В народной поэзии о небесном столпе говорится: Лебедь, пролетая в вышине, / Отдыхает, садясь на Небесный Столб… [6, с. 63]. Хотя марийские слова *меҥге, пундаш* – иранизмы [2, с. 323, 434; 22, с. 242], это не отменяет ранее признаваемого, в том числе самим В.В. Напольских, факта широкого распространения у многих уральских и сибирских народов представления о небе как о крышке чаши, вращающейся вокруг «небесного гвоздя». Последняя мифологема также, очевидно, связана с сибирским преданием о небесной охоте на лося [12, с. 134]. До недавнего времени у мари сохранялся

обычай вырезать изображения кукушки на могильных столбах. Причем иногда на могилы высаживались целые березовые деревца с повязанными на них полотенцами, по два деревца – в голове и ногах покойника. Также в марийских сказках встречается образ синицы на чердаке, который символизирует волшебную силу героини [24, с. 424–457].

Приведенные материалы позволяют сделать вывод о том, что образ мирового столпа в марийской и прауральской мифологии в конечном счете, по всей видимости, сформировался еще в эпоху охотничьего первобытного хозяйства и отражал первоначально анимистически-тотемистические воззрения. Это заключение вполне согласуется с наблюдением Б. Рыбакова о том, что даже в карельских рунах Сампо описывается не как настоящая мельница, а как примитивная зернотерка, состоящая из двух положенных один на другой камней [19, с. 248–249]. Эта зернотерка могла использоваться первоначально для размельчения диких ягод, орехов и злаков.

Образ великанской березы с тройным корнем, кроной, заслонявшей солнце и луну, где посланная верховным богом *Нишке* чудесная птица *Ине Нармонь* свила гнездо, в котором родились три богини: *Норов-ава* «Мать полей», *Варма-ава* «Мать ветра» и *Вирьава* «Мать леса», или жаворонок, соловей и кукушка, В.В. Напольских считает чисто индоиранским заимствованием (тем более что мордовское мировое древо не имеет никаких шаманских черт) [13, с. 23–24]. В прочих финно-угорских традициях, по убеждению исследователя, образ мирового древа практически не выявляется даже в виде реликтов, которые можно было бы сопоставить с венгерским или мокшанско-эрзянскими. При этом В.В. Напольских отмечает широкое распространение почитания священных рощ и священных деревьев. В культах природных божеств удмуртов, марийцев, эрзи и мокши (а также чувашей) деревья выступают как своеобразные «алтари». Но последние являются конкретными деревьями, которые не представляют собой космического столпа, не структурируют мир [13, с. 24].

Говоря о личных деревьях, существование которых подразумевает связь человека с конкретным деревом, В.В. Напольских

приводит данные коми фольклора *об ас пу* (букв. «свое дерево»), связанные с легендой об охотнике Йиркапе, а также указывает, что, по верованиям марийцев, в дерево могла вселяться душа человека [13, с. 25]. На мой взгляд, более показательными были бы детали марийской легенды об охотнике Вегенее. Согласно преданию, Вегеней, идя за плывущей по ручью щепкой, набредает на березняк, от которого исходит белый свет. Он дает клятву, что даже если душа покинет его тело, то она обязательно возвратится в рощу. Затем Вегеней находит в лесу собаку-орла, и она приводит его к волшебному клену. От удара топором дерево истекает кровью, грозится проткнуть рубщика, но, в конце концов, благодаря хитрости Вегенею удается повалить клен. Тогда дерево, высунув язык, велит ему сделать из себя лыжи-самоходы и объясняет, как ими управлять [10, с. 215–216, 221–224]. Возможно, что этот древний финно-угорский миф был в свое время зафиксирован Геродотом и истолкован в рационалистическом ключе. Речь идет об описании охоты у племен иирков (V в. до н.э.), отождествляемых с предками средневековой мери. Любопытно, что дерево в марийском предании рисуется живым существом, обладающим собственной волей и речью. При этом считается, что имя Вегеней (Веденей) происходит из древнемарийского прозвища *Вединь, Ведын* (букв. «водный, живущий у воды») [23, с. 103]. Последнее обстоятельство, как будет показано в конце статьи, совершенно не случайно.

Кстати, одним из важнейших критериев мирового древа В.В. Напольских считает его собственное наименование, обозначающее при этом не конкретное простое дерево (*Иггдрасиль* букв. «конь Игга», т.е. Одина; древнетюркский *Байтерек*; селькупское «небо с землей связывающее священное дерево», венгерское «небесное дерево» и т.п.). По этой причине, например, термин *мудор* в удмуртской традиции, иногда используемый в отношении священного дерева в *куале* (молельне), не может считаться именем мирового древа, поскольку он слишком многозначен и обозначал в первую очередь центр воршудного локуса, в том числе конкретное почитаемое дерево [13, с. 21, 24–25]. Между тем марийское *онапу* (букв. «главное, священное дерево») может быть сопоставлено и с венгерским

обозначением «небесного дерева». Его этимология не допускает иных толкований вроде «пупа земли», «центра мира», «своего дерева» и т.п. Правда, надо признать, что само *онапу* у Л.С. Тойдыбековой без достаточных на то оснований позиционируется как «мировое космическое древо, объект почитания и жертвоприношений», который, по всей видимости, затесывали, кропили кровью жертв [21, с. 183].

Напольских В.В. отмечает существование феномена «солдатских деревьев» у удмуртов, а также достаточно подробно останавливается на феномене *карсикко* у прибалтийско-финских народов [13, с. 25–26]. При этом марийский материал не приводится. В этой связи интересны работы А.П. Конки, посвященные феномену *карсикко* в том числе у мари. С целью выяснения восточной и южной границы распространения *карсикко* А.П. Конка провел исследования марийских священных рощ. На убедительных примерах исследователем было показано, что традиция обрубания ветвей, причем преимущественно у хвойных деревьев, присутствует и у марийцев. При этом автором было отмечено, что сам термин *карсикко* у тех же карел был изначально связан со священными рощами, а также с кладбищами (как у мари), на которых преимущественно располагались хвойные деревья (ель). Последняя традиционно у финно-угров связывалась с потусторонним миром, антагонистом главного небесного божества (*Хийси, Ворсой, Кереметом, Лудом* и т.д.). Также на территории Марий Эл были отмечены случаи создания лирообразных деревьев с двумя кронами и даже деревьев с чертами человеческих, женских, фигур. Особенного внимания заслуживают замечания А.П. Конки и Л.С. Тойдыбековой о том, что в священных рощах мари жрецы разделяли деревья, служащие утилитарным целям жертвоприношения, и *онапу*, собственно священные деревья. Именно на последние наносились родовые знаки *тиште* (тамги), на них же затесывались ветви и развешивались шкуры (или пихтовые и липовые ветки) [8, с. 218–228; 13, с. 183].

Напольских В.В. справедливо отмечает, что почитание личных деревьев и деревьев-двойников развилось впоследствии у поволжских финно-угров, а также у чувашей (на мой взгляд, очевидно, под

марийским влиянием) в почитание жертвенных деревьев и священных рощ. При этом в марийской традиции жертвенные деревья отделялись от прочих: В лесу деревьев много – / Сравнимого с жертвенным деревом нет. / На земле людей много – / Сравнимого с нашим картом нет [15, с. 476].

Селькупские, венгерские данные показывают, что следующий за личным деревом образ шаманского дерева мог возникнуть из представления о лестнице, которая связывает шаманские миры [13, с. 26–27]. Хотя до сих пор наличие элементов шаманизма у марийцев является предметом дискуссии, стоит отметить, что некоторым группам восточных мари, кроме *куго тумо, онапу* и тому подобных объектов, была известна своеобразная лестница в небо – *Юмын тошкалтыш или Керемет тоҥгак*: столб или срубленное дерево, вкопанное в землю. Такие столбы стояли в каждом дворе [7]. В горномарийском мифе о *Йымын эргы* героиня подымается на небо к своему суженому по лестнице из сучковатой ели. Причем, судя по тексту, взбирается сперва на какое-то нижнее небо. Чтобы подняться дальше, уже собственно к облакам, где живет *Йымын эргы*, девушке приходится использовать качели [11, с. 91]. Ель в качестве своеобразной лестницы на небо фигурирует в сказке о лисе и медведе, где медведь пытается достать с ели небесный огонь в виде луны [9, с. 302]. Сереброзубая Пампалче, имеющая солярные атрибуты, с помощью высокой сосны на горе пытается забраться на небо, где живет ее старшая сестра. При этом любопытно, что ведьма, которая желает срубить дерево топором из собственного зуба (мифологема, имеющая распространение у тюркских народов), является водяной старухой, отождествляемой также с богиней воды *Вӱд Ава*. Показательно при этом, что сосна рушится и Пампалче удается подняться на небо только с помощью брошенной сестрой лестницы [9, с. 46–47].

Также необходимо рассмотреть образ подземного древа у озера, связь данного древа с мифом о разорителе гнезд. Ввиду ограниченного объема статьи я сделаю это только конспективно, на основе марийских материалов, хотя привлечение сравнительно-мифологического материала, особенно сибирского и североамериканского, здесь напрашивается. Интересен марийский обряд, согласно

которому бесплодные женщины шли после полуночи к священной липе у озера *Кого йäр*, поднимались на нее обнаженными, а потом спускались с нее вниз головой [5, с. 480]. В марийской сказке «Нӧнчык патыр» («Богатырь из теста»), возможно, сохранился отголосок мифа о том, что когда-то орел, живущий в кроне исполинского дуба, был связан с *Юмо*. Но после того как люди стали разорять гнезда орлов, а верховный бог не стал заступаться за птиц, они переселились под землю. Там орлы обосновались на гигантском дереве на берегу подземного озера. Однако здесь птицам стала угрожать новая опасность – живущий в воде змей. Последнего убил герой сказки, и благодарный орел вынес человека на поверхность [4, с. 462].

Эта марийская сказка имеет многочисленные славянские и тюркские параллели. В модели *Иггдрасиля*, а также в славянских представлениях живущий в корнях мирового ясеня змей подгрызает корни последнего, враждует с орлом на вершине древа. Белка (а иногда волк) служит посредником, связью между мирами. Кроме того, в марийской мифологии присутствует выражение *куго тумо*, т.е. «великий дуб», на котором сидит бог *Юмо*. Липа также может быть названа *яктер писте*, т.е. «стройная, высокая липа», на которой находится зеленогрудая куница *Юмо* [15, с. 477]. Обозначения *куго тумо* и *яктер писте* можно понимать и как особые имена для священного древа, идентичные мордовскому *эчке тумо*. При этом стоит напомнить, что наличие у мирового древа своего имени или термина является важнейшим, по мнению В.В. Напольских, критерием [13, с. 20].

Тойдыбекова Л.С. отмечает трехчастность *Тумо* (как почитаемого дерева) в марийских фольклорных текстах, однако, к сожалению, не приводит конкретных примеров [22, с. 230]. Тем не менее в марийских народных песнях присутствует образ, очень схожий с образом гигантской березы с тройным корнем в мордовской мифологии [13, с. 24]: «Попросила я у отца топор… Попросила у матери полосу земли / Она дала полосу, заросшую травой. / На конце той полосы / Вырос дуб с шестью ветвями. / На том дубе с шестью ветвями / Кукушка, прилетев, свила гнездо, / В том гнезде снесла три яйца. / Эти три яйца высидев, / Трех птенцов вывела» [15, 2011, с. 83–84]. Согласно восточномарийской традиции, кукушка – не

простая птица, а *Юмын куко*, т.е. кукушка самого *Юмо* [6, с. 62–65]. Особым расположением *Юмо* может быть отмечена и сосна, выросшая на высокой горе. После того как Ошлы делает в ней борть, а Кыны срезает макушку, к дереву прилетает посланная *Юмо* «сереброногая» и «сереброкрылая» богиня пчел *Мӱкш-ава* [15, с. 476]. При этом береза в марийских песнях иногда может превзойти своей вышиной сосну, достигшую вершины горы, и вырасти «до солнца» [15, с. 76]. Что касается ориентации мифического дерева по сторонам света, то мари она, скорее всего, не была известна. Также, по моим данным, почти не прослеживается структурирование мира мифическим деревом. При этом в народных песнях указывается на то, что дуб может состоять из четырех частей, липа – из трех, а береза – из двух [15, с. 452]. В заговорах у мари, как и у мордвы, владения верховного бога *Кугу Юмо* располагаются за «железным забором», за семью небесами, куда никто не может попасть [22, с. 142].

На мой взгляд, образ мирового древа у индоевропейских и алтайских народов здесь прямо развился из мифологемы подземного хтонического дерева вроде чудесной шумерской ивы *Хуллупу*. При этом в средиземноморском мире, а также в Индии, Китае образ мирового древа часто дублировался образом первосущества космических масштабов (*Тиамат, Атлант, Пуруша, Паньгу*). Любопытно в этой связи привести основанное, по всей видимости, на фольклорном источнике стихотворение марийского поэта С.Г. Чавайна «Последний Онар». Его герой-исполин обрывает полу-радугу своего кафтана о сучья дуба, в который впоследствии ударяет молния. Также немаловажно заметить, что Онар спускается с небес к людям на кобыле [20, с. 93].

Как отмечает Е.Ю. Березкин, образ мирового древа практически не встречается у индейцев Северной Америки, если не считать мифологии оканаган, где упоминается столб или дерево, соединяющее небо, землю и нижний мир. В Центральной и Южной Америке встречаются образы как деревьев изобилия, деревьев-столбов, подпирающих небо, так и, похоже, собственно мирового древа. По мнению ученого, последняя модель могла быть сконструирована мезоамериканскими жрецами.

Мне представляется крайне ценным указание Н.А. Николаевой и В.А. Сафронова на то, что образ мирового дерева (точнее, наверное, дерева-столпа) является наиболее примитивным в австралийской мифологии [14, с. 36–38]. Здесь дерево-столп служит своего рода лестницей, по которой передвигается тотемный предок. При этом можно предположить, что в архаическом космогоническом мифе мурнгин, приводимом А.А. Золотаревым, дерево даже в виде столпа еще отсутствовало. Ему мог предшествовать образ гигантского змея, высовывающего свою пасть из воды [3, с. 93–94]. Связь образа змея с первобытной водной стихией, творением мира, возможно, прослеживается на уральском материале. Согласно мансийскому мифу, чудесная птица «Кальм по приказу Нуми-Торума трижды ударяет «живой змеей-плетью» «покрытую корой землю-мать», благодаря чему появляется устойчивая, не зыбкая, поверхность, пригодная для жизни людей [12, с. 27–28]. «Змеиный мотив» фигурирует в пересказываемом Ю.А. Калиевым марийском предании о неких матери и сыне. Молодой человек ловит рыбу, но в его сети часто попадаются змеи, которых он убивает. И так происходит, пока рыбак не встречает повелителя змей, после чего зарекается трогать пресмыкающихся [6, с. 45–48]. Кроме того, подземно-водный мир для марийцев воплощался в образе змеи, держащей землю [17, с. 83]. При этом, как и в скандинавской мифологии, в уральской традиции гибель мира также связывается с гибелью небесного дерева. Так в ненецкой мифологии священная береза с семью ветвями, после того как ее сломали, вызвала потоп своими соками-кровью [13, с. 21].

Таким образом, замечания Ю.Е. Березкина и В.В. Напольских в целом верны, но нуждаются в уточнениях. Скорее всего, образ священных / личных деревьев (*ас пу, онапу*) у коми, мари, удмуртов восходит к анимистическо-тотемистическому образу души-дерева. Выбор в качестве маркера явления именно коми *ас пу*, на мой взгляд, не совсем удачен. Точнее будет марийский термин *онапу*, который можно переводить и как дух-дерево, владыка-дерево (учитывая, что тюркский по происхождению теоним *он* в марийском пантеоне богов и духов часто заменял собственно марийские теонимы вроде *юмо, тӱҥ, ӧрт*: например, ср. *Мӱкш он* «владыка пчел» и *Мӱкш ӧрт*

«пчелиный дух», *Лӱсь юмо* «бог хвои», *Куги тӱҥ* «дух березового пня», *Тошто кож тӱҥ* «дух старого елового комля», *Пу ӧрт* «дух дерева»). «Душа» дерева закономерно могла представляться в орнитоподобном и зооморфном виде (соловья, кукушки, пчелы, мерина). Однако не случайна связь души-дерева с водной стихией, подземным и небесным миром одновременно.

Но даже архаический образ дерева-души (тем более личного дерева, дерева природного «алтаря») не является самым древним. Шаманское дерево, в силу специфичности самого института шаманизма и его классического развития все же у ограниченного круга народов (преимущественно сибирских и североамериканских), скорее, может быть признано не ступенью в развитии мифологемы души-дерева, а ее особой разновидностью. На мой взгляд, такой ступенью, прослеживаемой у гораздо большего круга народов, вплоть до вавилонян, может быть признано именно подземное дерево. Дальнейшее развитие образа уже представляется более понятным. Подземное дерево сначала было связано с небесным древом, а потом и с мировым столпом, светилами. Наиболее специфичным следует признать мотив горизонтальной развертки мира по сторонам света, что и сделало небесное дерево у некоторых народов тем самым пресловутым *arbor mundi*.

Итак, можно сделать следующий вывод. Анимистически-тотемистический культ мирового змея, а потом дерева-души у прауральцев и финно-угров сменился культом подземно-небесного и шаманского дерева или продолжил сосуществовать с ним (часто в оппозиции). У мордвы при балто-славянском воздействии собственно образ мирового древа, возможно, все-таки сложился на древней основе, а не на заимствованной. Об этом говорят деревья типа *куго тумо, яктер писте* у мари. У финно-угров наблюдались сложные образы подземно-небесных, личных, шаманских, священных (жреческих) деревьев с потенцией перерастания последних в образ мирового древа, структурирующего пространство по вертикали. Процесс был практически завершен, действительно, в некоторых мифологических ареалах (южноамериканском, дальневосточном, центральноазиатском, восточноевропейском и скандинавском).

Что до представления дерева именно в качестве только дерева «алтаря» или почти чисто утилитарного материала для жертвоприношений у мари и удмуртов, то оно самое позднее, сменившее предшествовавшие ему мифологемы шаманского дерева. При этом у марийцев (*онапу*), удмуртов (*мудор*) и коми (*ас пу*) оно сохранило даже некоторые реликты типа *карсикко*, восходящие еще к анимистически-тотемистическим представлениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Березкин Ю.Е.* Об универсалиях в мифологии [Электронный ресурс]. URL: https://ruthenia.ru/folklore/berezkin5.htm (дата обращения: 27.09.2022).

2. *Вершинин В.И.* Марий мут-влакын кушеч лиймышт: этимологий мутер. Происхождение слов марийского языка: этимологический словарь: в 2 т. Йошкар-Ола: Стринг, 2017–2018. Т. 1. А–М. 2017. Т. II. Н–Я. 2018. 741 с.

3. *Золотарев А.М.* Родовой строй и первобытная мифология / Акад. наук СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1964. 328 с.

4. *Иликаев А.С.* «Чисто марийская вера» как способ национального самоопределения марийского народа // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 460–462.

5. *Иликаев А.С.* Тотемизм в традиционной религии мари // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 479–480.

6. *Калиев Ю.А.* Мифы марийского народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2019. 447 с.

7. *Камилянов К.* Марийское язычество. Марий йӱла [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/club215419737 (дата обращения: 19.09.2022).

8. *Конка А.П.* Марийские деревья-знаки: маркеры сакральных границ // Вестник российского гуманитарного научного фонда. 2007. № 4 (49). С. 217– 229.

9. Марийские народные сказки. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2003. 352 с.

10. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания / сост. В.А. Акцорин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 285 с.

11. *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаич. памятники / отв. ред. В.М. Жирмунский. М.: Вост. лит., 1963. 463 с.

12. *Напольских В.В.* Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М.: Ин-т этнологии и антропологии АН СССР, 1991. 190 с.

13. *Напольских В.В.* Мифологема мирового древа и мифологии народов уральской языковой семьи // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 19–29.

14. *Николаева Н.А., Сафронов В.А.* Истоки славянской и евразийской мифологии. М: Белый волк: КРАФТ: Облиздат, 1999. 312 с.

15. Песни луговых мари = Олыкмарий муро / сост. Н.В. Мушкина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. Ч. I: Обрядовые песни = Йӱла муро. 592 с. (Свод марийского фольклора = Марий калык ойпого).

16. *Петрухин В.Я.* Мифы финно-угров. М.: АСТ: Транзиткнига, 2003. 463 с.

17. *Попов Н.С.* Мифологические представления марийцев о первооснове бытия // Финно-угроведение. 2017. № 1–2 (57–58). С. 79–91.

18. Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М.: Наука, 2003. 671 с.

19. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Акад. проект, 2013. 640 с.

20. *Ситников К.И.* Словарь марийской мифологии. Йошкар-Ола, 2006. Том 1: Боги, духи, герои. 160 с.

21. *Тойдыбекова Л.С.* Марийская мифология: этнограф. справ. Йошкар-Ола, 2007. 312 с.

22. *Ухов С.В.* Сепаратные иранские заимствования в марийском и пермском языках [Электронный ресурс] // V Всероссийская конференция финно-угроведов «Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России»: материалы. Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. / редкол.: Н.Г. Зайцева, И.И. Муллонен и др. Петрозаводск, 2014. С. 239–242. URL: http://resources.krc.karelia.ru/illh/doc/knigi_stati/konf_fin_ugr_materialy.pdf (дата обращения: 18.11.2022).

23. *Черных С.Я.* Словарь марийских личных имен. Марий ең лӱм-влак мутер. Ок. 16 120 имен. Йошкар-Ола: МарГУ, 1995. 626 с.

24. *Beke Ö.* Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzählungen. Helsinki, 1938. 649 s.

УДК 821.511.131

О.М. Максимова
ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет»
(г. Ижевск)

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ УДМУРТСКОГО ПУБЛИЦИСТА-ФРОНТОВИКА М. ЛЯМИНА

Рассматриваются наиболее значимые произведения удмуртского писателя М.А. Лямина, сыгравшие важную роль в развитии национальной литературы послевоенного периода. Особое внимание уделено проблеме расширения тематики ляминской прозы, обновлению арсенала художественно-изобразительных средств и приемов.

Ключевые слова: *послевоенная удмуртская литература, М.А. Лямин, творческая индивидуальность писателя.*

The article considers the Udmurt writer M.A. Lyamin's the most significant works which played an important role in the development of national literature of the post-war period. Particular attention is paid to the problem of expanding the themes of Lyamin's prose and the range of artistic and visual means and techniques renovation.

Key words: *post-war Udmurt literature, M.A. Lyamin, creative individuality of the writer.*

Михаил Андреевич Лямин (1906–1978) – один из самых интересных и продуктивных удмуртских прозаиков-публицистов первых послевоенных десятилетий. Художественное осмысление темы «человек и война», постановка важнейших проблем, связанных с восстановлением разрушенного войной хозяйства, раздумья о жизни народа в новых исторических условиях становятся предметом обсуждения в произведениях М. Лямина, написанных в мирное время. Это книги «Уж бордын шумпотон» («Труд – основа радости», 1955), «Вунэтонтэм аръёс» («Незабываемые годы», 1956), «Сюлэм

оте» («Зовет сердце», 1959), «Бадзым улон» («Большая жизнь», 1961), «Ож сюрес» («Боевой путь», 1962). Достойны внимания наблюдения венгерского исследователя удмуртской литературы Петера Домокоша о своеобразии ляминской прозы, считавшего, что его произведения – «часть этой большой советской литературы» и что они «в то же время отражают состояние удмуртской литературы данного периода» [2, с. 305].

Важно отметить, что ляминская проза являет собой, прежде всего, публицистику, доминанта которой – событийность, проблемность. В статье предметом изучения являются послевоенные очерки М. Лямина о труде. Первые послевоенные годы для литературы, в особенности публицистики, оказались весьма и весьма сложными, поскольку нужно было быстро и резко перестроить характер и содержание текста. Перед публицистикой встала другая задача – направить энергию и усилия народа на восстановление разрушенного войной хозяйства. В основе ляминских очерков (в книгах «Уж бордын шумпотон», «Сюлэм оте», «Бадзым улон»), «включившихся» в решение вопросов мирной жизни, – документальные и информационные сообщения, подготовленные для радиопередач. Одним из сильных импульсов, обусловивших процесс формирования нового типа удмуртского проблемного очерка о труде, стало влияние русской советской публицистики, в первую очередь очеркового цикла В. Овечкина «Районные будни» (1953).

Отличительная особенность послевоенных очерков М. Лямина связана с тем, что автор не прибегает к фронтальному изображению жизни, а пытается найти угол зрения, дающий ему возможность типизировать единичный, конкретный «трудовой» факт. Так, в очерках, включенных в книгу «Уж бордын шумпотон», внимание сосредоточено на изображении одного-двух характеров, ведется открытый публицистический диалог с читателем о насущных задачах времени. Значительным шагом вперед в изображении человека труда в удмуртской прозе стал показ современника в контексте истории народа, во взаимосвязях с судьбой государства.

Содержательное и структурное своеобразие послевоенной публицистики М. Лямина можно проследить на примере очерка «Васса

кенак» («Вдова Васса»), предваряющего названную ранее книгу «Уж бордын шумпотон». Очеркист описывает лишь некоторые эпизоды из жизни героини, однако именно это позволяет автору более полно раскрыть личность колхозного руководителя среднего звена Вассы кенак, показать сильные стороны ее характера. В очерке главными являются сцены посещения бригадиром полеводческого звена колхоза «Новая жизнь» трудовых участков совсем еще юных колхозниц, эпизоды-встречи с трактористом Иваном Иона и с руководителем правления колхоза Олексей Лёгором. Во всех этих картинах актуализируется проблема, связанная с необходимостью быстрейшего внедрения современных технологий в сельское производство. К примеру, бригадир совместно с колхозницами решает задачу модернизации посадки картофеля, его выращивания.

Показывая послевоенную деревню в духе тех лет, большие трудности в повседневной жизни крестьян, М. Лямин пишет об успехах трудового человека. Тем не менее позиция автора выделяется не характерным для литературы того времени критическим изображением положений дел в сельском хозяйстве, открытым отстаиванием собственной точки зрения. Публицист считает, что главная причина неудач крестьянского хозяйства – непрофессионализм руководства. Успехи бригадира Вассы кенак связаны с ее стремлением к самообразованию, приобретению новых знаний. Вассу кенак не только любят и уважают в ее родном колхозе, но высоко ценят в районе, республике, стране. Писатель использует прием воспоминаний, чтобы раскрыть отношение односельчан к бригадиру-женщине. Олексей Лёгор, председатель колхозного правления, воевал вместе с мужем Вассы, Семеном Пислегиным, который погиб при освобождении Латвии от фашистов. О смерти мужа в жестоком бою с врагом рассказывать Вассе председатель не решается, чтобы не причинять еще бóльшую боль ее сердцу. Метод воспоминаний одновременно оттеняет человеческие качества героев и придает жанру очерка определенные романические свойства. Очерк хорошо передает атмосферу эпохи, потому как автору удалось выделить то типичное, что отличало советского человека послевоенных лет: труд для него являлся нравственной и жизненной потребностью, давал ощущение

личной причастности к возрождению разрушенной войной страны: – *Улон ораз пыре, Татанэ, соин пыдес синъёсы юнмазы. Гужем ужъёс секытэсь ке но луозы, сизьыл шоканы капчи луоз, – йыркышетсэ тупатыса вераз Васса кенак. – Луоз… бригадир озьы малпа бере, луоз, – шумпотэм мылкыдын шуиз Окыль… Собере ватсаз на: – Тани учкы али, Васса кенак, калык чук чукна ик пыдйылаз луэ ни. Туннэ но шунды жужаны кутскытозь асьмеос мар мында ужаны вуим ини** [5, с. 4–5] ‘– Жизнь постепенно входит в старое русло, Татана, потому и моя поступь обрела уверенность. Летние работы хоть и будут тяжелыми, осенью дышать легче станет, – сказала Васса кенак, поправляя платок на голове. – Станется… раз бригадир так думает, значит будет, – с приподнятым настроением сказала Окыль… Потом добавила: – Посмотри-ка, Васса кенак, народ ни свет ни заря на ногах уже. И сегодня до восхода солнца как много мы с вами успели поработать’.

Оценивая очерк «Васса кенак» с позиций сегодняшнего дня, можно с легкостью упрекать М. Лямина в идеологических наклонностях и идеалистических вкусах. Однако необходимо помнить, что именно в силу активности народа «низовые» проблемы достаточно быстро становились вопросами общественными, приобретали государственный характер.

Четко просматриваются черты поэтики послевоенной публицистической прозы также и в очерках «Уйпал буртчин» («Северный шелк»), «Амалъёс» («Методы»). Очерки посвящены легендарным современницам Лямина, прославленным на весь Советский Союз мастерам-льноводам Евдокии Сергеевне Туровой и Юлии Романовне Мосовой. Героиням произведений свойственны обостренное чувство долга, бесконечная самоотверженность, способность к самоограничению, дочерняя любовь к земле. В процессе работы над их образами писатель собрал богатый фактический материал (личное общение, беседы с их родными и односельчанами, собственные авторские впечатления, газетные публикации, выдержки из выступлений и докладов героев, в том

---

* Здесь и далее удмуртский текст приводится в дословном переводе автора статьи. – *О.М.*

числе и отрывки из речи Мосовой Юлии на общероссийском совещании передовиков сельского хозяйства, проходившем в Москве).

Лямин М.А. воссоздает мир колхозной деревни как средоточие новой крестьянской жизни. Эту истину автор передает посредством представления «низового образа мыслей», аналитико-критического отношения к жизни простого народа. Обратимся к примеру. Один из «рядовых» персонажей очерка «Амалъёс» рассуждает: *Марым, колхозэз нянь поттись завод шуо ке но, со завод кадь овол. А-а? Заводъёс липет улын ужало, нош итлям ужан интымы лудбам, липетмы – инбам. Заводысь директор плттэм продукцизэ нуналлы быдэ лыдъяны быгатэ, нош колхоз председатель чипыоссэ сизьыл гинэ лыдъя. Арбыт ужа – сизьыл адскоз кыче ужамед. Озьы со…* [3, с. 23] ‘Вот ведь, хотя колхоз и называют заводом, производящим хлеба, он не как завод. Да-а? Заводы под крышей работают, а наше рабочее место – луг и поле, крыша – небо. Директор завода может ежесуточно подсчитывать продукцию, изготовленную на предприятии за день, а председатель колхоза своих цыплят только осенью считает. Работай целый год – лишь осенью увидишь результаты своего труда. Так оно…’

Необходимо подчеркнуть, что М. Лямин-фронтовик одним из первых в удмуртской литературе тех лет выступил против засилья бюрократического аппарата, порожденного уже новым временем. Писатель делает особый акцент на проблеме необходимости возрождения в крестьянине чувства хозяина земли, атрофированного в годы гражданской войны, а прежде всего в период раскулачивания.

Михаил Лямин является подлинным летописцем послевоенной удмуртской деревни. Исключительно важно то, что он обратился к воссозданию образов женщин, пришедших на смену погибшим на войне мужьям. Это, к примеру, очерки, вошедшие в книги «Бадзым улон» и «Сюлэм оте». Примечательно, что в них проявляет себя более четкая структура портретного очерка, знаменующего качественные перемены в развитии удмуртской публицистики. Основными элементами поэтики этой разновидности очерка становятся фактографичность, акцент на изображении внешности

и внутреннего мира героя, описание нескольких доминирующих черт характера, актуальность материала, субъективность. Писатель, воссоздавая мысли и трудовые будни героев-передовиков, не ставит задачу идеализации труженицы-женщины, но стремится сохранить в читательской памяти опыт духовной стойкости целого поколения людей, внутренний потенциал которых в годы тяжелейших восстановительных процессов не дал пропасть стране.

Таким образом, в очеркистике М. Лямина о труде находит свое преломление задача подъема сельского хозяйства, ставшая острым вопросом состояния страны и ее будущего. Руководством государства разрабатывался целый комплекс мероприятий, правда, не всегда удачных и оправданных, но в целом знаменовавших собой новый этап в развитии народно-хозяйственной системы нашего общества. Благодаря действенности удмуртский очерк, обращенный к актуальным народно-хозяйственным проблемам современности, получает признание в широких читательских кругах. В данном контексте интересны высказывания ляминского собрата по перу А.С. Бутолина: «Михаил Андреевич уно книгаос гожтиз ни <…> сое калык яратэ, солэсь произведениоссэ гажаса лыдзе» [1] ‘Михаил Андреевич написал уже много книг <…> люди уважают его, внимательно читают каждое произведение’.

Следует обратить внимание на определенную поэтизацию в изображении повседневного труда крестьян. Автор, стремясь донести до читателя непреходящую силу характеров реальных героев эпохи, при воссоздании их образов прибегает к романтическим приемам. Историческую и жизненную достоверность публицист облекает в романтические формы: торжественный пафос в изображении трудовых будней, идеализация образов тружеников, общая эмоциональная «приподнятость» повествования. Отсюда лирический оттенок фактического материала очерка, его романтическая окрашенность, актуальное звучание жанра. Особенная ценность рассматриваемых очерков в том, что они были доступным чтением для людей, которые узнавали в описанных историях свои судьбы. Это с одной стороны. С другой – литература, отражая изменения, происходящие в обществе послевоенных лет, показывала и иные

стороны реальности. Идеи, принципы, методы руководства ляминским героям нередко приходится отстаивать в борьбе с негативными силами, олицетворяющими собой конкретные явления тогдашней общественно-политической жизни, сформированные на почве культа личности. Лейтмотивом ряда очерков М. Лямина становится смелая для того времени мысль о необходимости преобразования отстающих колхозов республики путем решительной реформы методов руководства сельским хозяйством, изменения самой административно-командной системы управления.

Трудовому подвигу людей посвящена и книга «Бадзым улон». Большую часть произведений этого сборника составляют портретные очерки, для которых характерна психологическая разработка образа человека, хорошо выстроенная композиция. Рост мастерства очеркиста отслеживается в том, что сюжет здесь «работает» на выявление внутренних черт характера современника. Если раньше автор, изображая человека, выделял его профессиональные качества и в целом получалось это несколько прямолинейно, теперь наблюдается значительно ровное соотношение внешних примет с внутренним обликом героя, его духовными интересами, налицо стремление публициста воссоздать непростые взаимоотношения центрального героя с другими персонажами. Знаменательно, что М. Лямин берется за новую сферу народной жизни, связанной с промышленным производством. Герои книги – рабочие городских предприятий Удмуртии.

Есть смысл рассмотреть более подробно очерк «Бадзым улон», в центре которого жизнь Гондырева (Медведева) Степана Александровича, оператора прокатного стана Ижевского металлургического завода, Героя Социалистического Труда. В образе главного героя психологически тонко отражен духовный и профессиональный рост человека из «крестьянских низов». В середине 1930-х гг. Степан Гондырев «в холщовых залатанных штанах, с самотканым мешком за спиной, в лаптях» оставил родительский дом и пришел на завод. Крестьянский паренек, оказавшись в городе, должен был освоить профессию, связанную с индустриальным производством, приспособиться к новой жизненной среде. С любовью рассказывает автор,

как деревенский человек вживается в новую заводскую обстановку, вырабатывает навыки работы с железом, постигает русский язык.

Писательский интерес М. Лямина сосредоточен на показе сближения людей разных социальных слоев и национальностей в процессе всеобщего преобразования жизни. «Полугородских» рабочих людей и коренных рабочих-ижевчан объединяет общая задача – построить новую страну с развитой промышленностью. Композиция очерка «Бадзым улон» соединяет в идейно-художественное единство множество разных фактов и обстоятельств. Писатель умело чередует бытовые зарисовки с историческим экскурсом, художественное раскрытие образа героя перемежается с публицистическим пересказом событий, здесь же проиллюстрированы собственные авторские раздумья. Весь богатый материал свободно «укладывается» в произведение, сочетая конкретность и художественность. Объектом особого наблюдения в очерке становится активное изменение мироощущения человека в процессе нововведений. В частности, актуализация проблемы сохранения природной среды в городе при строительстве новых промышленных предприятий. В очерке речь идет о проблеме учета природных ресурсов. В публицистической форме раскрыты размышления Гондырева о необходимости развития современного промышленного производства с учетом традиций городской среды, народных обычаев: *Туэ ми доры вуылизы Чехословакиысь металлургъёс. Соосыд но кыл уг шедьто, Карлови Вари шуо, курорт интыенызы чошато, лэся. Нош со дун прудэз пожасьёс вань на…* [4, с. 18] ‘Недавно у нас металлурги из Чехословакии были. Они восхищаются, о Карловых Варах говорят, со своими курортными местами, видимо, сравнивают. А ведь находятся те, кто губит этот красивейший пруд …’.

Заслуживает особого внимания то, как за рассказом о жизни Гондырева проступает другой, параллельный план повествования. В диалоге с героем автор стремится уяснить вопрос о возможной встрече писателя М. Коновалова (1905–1939) с Гондыревым. Публицист хочет узнать, а не является ли Гондырев прототипом Гондыра (Медведя), героя классического производственного удмуртского

романа «Кужым дыа» («Силы крепнут») М. Коновалова. М. Лямин выясняет, что Гондырев хорошо сохранил в памяти, как классик удмуртской литературы в начале 1930-х гг. посещал родную деревню героя очерка, общался с ним. Портрет коноваловского героя, его жесты, манеры, привычки, биографические факты очень схожи с документальным персонажем ляминского очерка «Бадзым улон». Интересен ответ Гондырева, оттеняющий коренные изменения в народной жизни, указывающие на рождение нового социально-общественного слоя в национальных недрах: *Ваньмы соку асьмеос, Коноваловлэн Гондырез но Кайсыез сямен, гуртъёсысь вуылим ук. Буранысь ШКМ-ын ми чош дышетским Корнил Ильич Шибановен. Со но кутэн ветлоз вал. Нош табере? Ученой! Коноваловед бен ачиз но…* [4, с. 21] ‘Все мы тогда, как коноваловские Гондыр и Кайсы, из деревни вышли. В бурановской ШКМ мы вместе с Корнилом Ильичем Шибановым учились. Он тоже ходил в лаптях. А теперь? Ученый! Да и сам Коновалов…’

Михаил Лямин считает, что «сегодняшний» Гондырев Александр Степанович предстал бы героем второго тома эпического романа «Кужым дыа» М. Коновалова. Сталинские репрессии, к сожалению, прервали и замыслы, и жизнь писателя Михаила Коновалова.

Художественно-публицистические исследования автора, чередующиеся с образными сценами, придают очерку особую психологическую глубину и достоверность. В этом случае, пожалуй, следует говорить о том, что «Бадзым улон» являет собой портретно-проблемный очерк, активно использующий формы публицистического жизнеописания.

Очерковая линия творчества явилась для М. Лямина генеральной. Ученый-филолог Д. Яшин верно пишет: «*Михаил Лямин очеркъёс гожъян бордын асьме удмурт писательёс полысь котькинлэсь трос ужа. Умой соиз, автор туннэ улонэн пуктэм ужпумъёслы соку ик вазиське. Со аслэсьтыз очеркъёссэ вылтуссыя но пуштроссыя портэм карыны тырше*» [6, с. 11] ‘Более всех из удмуртских писателей работает над жанром очерка Михаил Лямин. Он всегда оперативно откликается на острейшие проблемы современности. Особо радует то, что автор постоянно стремится к совершенствованию

своего публицистического мастерства, тематическому и структурному обновлению жанра очерка в своем творчестве'. Литературное наследие М. Лямина, представляющее собой значительное явление в удмуртском литературном процессе XX в., требует к себе внимания и нуждается в серьезном изучении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бутолин А.С.* Калыклэн писательёсыз // Советской Удмуртия. 1960. 6 нояб.

2. *Домокош П.* Михаил Андреевич Лямин // История удмуртской литературы / пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. С. 304–306.

3. *Лямин М А.* Амалъёс // Лямин М.А. Уж бордын шумпотон: Очеркъёс. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1955. С. 21–32.

4. *Лямин М.А.* Бадзым улон // Лямин М.А. Бадзым улон: Очеркъёс. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1961. С 14–21.

5. *Лямин М.А.* Васса кенак // Лямин М.А. Уж бордын шумпотон: Очеркъёс. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1955. С. 3–10.

6. *Яшин Д.А.* Улонлэн ораз // Молот. 1966. № 12. С. 10–11.

УДК 821.511.151

В.Т. Михайлов
Марийский государственный университет
(г. Йошкар-Ола)

ВИТАЛИЙ ПЕТУХОВЫН «ПЎРКЫТ ДЕН КУРНЫЖ-ВЛАК» РОМАНЖЕ: ТЕМАТИКЕ, ПРОБЛЕМАТИКЕ ДА ЖАНР ОЙЫРТЕМ

В данной статье рассматриваются особенности развития жанра исторического романа в современной марийской литературе. Объектом внимания является роман «Соколы и коршуны» В. Петухова, выявляется тематика, проблематика, жанровая особенность, драматическое начало и трагический пафос произведения.

Ключевые слова: *марийский исторический роман, жанр, тематика, проблематика, пафос.*

This article examines the historical novel genre development features in modern Mari literature and focuses on the novel "Falcons and Kites" by V. Petukhov. The article considers the theme, problematics, genre feature, dramatic beginning and tragic pathos of the work.

Key words: *Mari historical novel, genre, theme, problematics, pathos.*

Кызытсе марий прозын тӱҥ темыже-влакым палемдыме годым эн ондак марий калыкнан кугезе илышыжым, йӱлажым, сынжым, патырлыкшым, шке эрыкше верч талын шогымыжым сӱретлыше, вес семынже, исторический жанр дене возымо произведений-влакым палемдыман. Калыкын историйже дене кылдалтше произведений-влак тӱрлӧ лийын кертыт: пӱтынек документ негызеш возымо, художественно-исторический, тӱрыс сылнымутан (художественный) да молат. Сылнымут мастар-влакын тиде жанр дене возаш кумылаҥмыштын амалже икмыняре.

Икымше. Марий сылнымутышто тиде жанр моло дене таҥастарымаште (мутлан, бытовой, социально-нравственный, социально-психологический да т.м.) шагалрак виянҥын. Кугурак прозаический произведений-влак кокла гыч тӱҥ шотышто лач К. Васинын «Ушнымаш» да А. Крупняковын «Марш Акпарса» романыштым веле ончыкташ лиеш, очыни. Садланак прозаик-влак тиде жанрыште шкеныштым терген ончаш кумылаҥыныт.

Весе. Перестройко да 1990 ийласе илыш тургым калыкын илыш да тӱняумылымашыжым чот вашталтен, шкешамжылан (самосознанийжылан) кушкаш йӧным ыштен. Лудшыеҥын шочмо калыкшын келге вожан да поян историйже нерген утларак пален да умылен налаш кумылжо лектын. Вет эртыше кокла курымлаште марий калык Эрвел Европо кумдыкысо мер-политик илышыште изи огыл верым налын шоген. Тидым шке жапыштыже моло калыкат (руш, татар да т.м.) шотыш налын палемден.

Кумшо. Мут эрыкын (мут толмашеш, 1991 ийыште искусствышто цензурылан мучашым ыштыме) да демократий процессын виянҥыже Российсе тыгде калык-влакынат илен толмо корныштым

чын, керын (объективно) ончыкташ амалым ыштен. Садланак калыкнан историйже гыч шуко «ош тамгам» рашемдаш йӧн лектын.

Чыла тидым шотыш налын, марий прозаик-влак исторический жанр дене возымо икмыняр произведенийым савыктеныт. Нунын коклаште – В. Петуховын «Акрам» (1994), «Писе пикш, лывырге йонеж» (1996), «Пӱркыт ден курныж-влак» (2002), Л. Яндакын «Чоткар», «Мамич Бердей» (2001) да «Онар» романышт, И. Шубинын «Йомшо йолгорно» (2000) повестьше да т.м.

Тиде жанрын ойыртемжым Виталий Петухов тыге палемден: «*Исторический роман ни йомак, ни фантастический произведений огыл, сандене тудын негызышкыже чын лийше событий, факт, реальный персонаж-влак вочшаш улыт. Событий-влакын причинно-следственный кылыштым, посна фактым чумыр контекстыште ужын моштыман да объективно ончыктыман. А тидым ышташ йӧсӧ. Вет ик фактымак тӱрлӧ летопись кунамже тугеат да тыгеат пуа. Возышын могай интересше улмаш да ончылныжо могай цель шоген, туге ончыктен, туге аклен. Писательлан чыным кӱнчен лукмыла*…» [2, с. 5].

Петухов В. (Виталий Альбертович Петухов) (1954–2016) «Пӱркыт ден курныж-влак» романжым лач нине принцип-влаклан энертен возен. Авторын ойжо почеш, тиде лудыш кужун, кандаш ий жапыште, возалтын. Сылнымут мастар тыгодым историй чынлан энерташ тыршен. Тидлан кӧра тудлан Иван Грозныйын саманже нерген моткоч шуко архив источникым, документым, шанчызе-влакын возымыштым лудын лекташ веле огыл, а лончылаш, танастараш, шымлаш верештын.

Эн ондак палемдыман, произведенийын вуймутшо тудын тӱн шонымашыже, тематикыже да проблематикыже, нравственный конфликтше дене кылдалтын, философий сынан ваштареш шогымашым шындарен. Вуймут тыгак ӱжвата (символ) сынан да метафор семын кучылтмо. Ен-влак ожсек *пӱркыт-куткыж* кайык дене чулым, лӱддымӧ, тале, виян, шке вийжылан ӱшаныше айдемым танастареныт. *Курныж*, мӧнгешла, пӱркытлан ваштареш шогышо, осалым, поро огыл вийым, чоян ондалымашым ончыктышо символ.

Произведенийын темыжым да тӱҥ шонымашыжым почын пуаш руш историк Н. Костомаровын эпиграф семын кучылтмо ойжат полша. Тудо палемден: «*В нашей русской истории царствование царя Ивана Васильевича Грозного есть одна из самых важных и достойных особого исследования эпох...*

Много было совершено в этот полувековой период славного, светлого и великого по своим последствиям, но еще более мрачного, кровавого и отвратительного...» [3, с. 7].

Тышечын повествованийын темыже рашемеш – XVI курым кыдалне Юл кундемыште да Моско кугыжаныште лийше пуламыр-влак, 1552–1557-ше ийлаште ылыжше икымше черемис сар, марий калыкын шке эрыкше верч илаш-колаш кучедалмыже да нине пудранчык событий-влак нерген авторын шонкалымашыже. Тиде шучко, неле саман нерген ик руш летописец тыге возен коден: «*Нуно* (руш сарзе-влак. – *В.М.*) *кайымышт годым чыла верештше ялым йӱлатеныт. Да айдемым пуштедымаш пешак кугу лийын, варвар-влакын мландышт вӱранғын; куп ден чодыра, ер ден энгервлак черемис лулеге дене кӱварлалтыныт*» [1, с. 20].

Марий шанчызе-влакын ойышт почеш, тунам «*карательный отряд-влак верысе калыкым пеш чот орландарен пуштеденыт. Шке шучко пашашт дене верысе тыныс калыкымат, сарзе-влакымат ӧрыктареныт, нунышт кайыме корныштo мо логалын, чыла йӱлатен, пуштеден пытареныт…*» [1, с. 21].

Тыге произведенийыште конкретно-исторический теме ончыл радамыш лектеш: посна социально-исторический ситуацийыште марий, татар да руш калык-влакын илышышт, нунылан да тудо жаплан келшыше характер ден обстоятельствын иланымышт да вияҥмышт ончыкталтеш.

Тыгак курымашлык теме-влаклан: тӱрлӧ калыкын илыш-йӱла радамжым, персонаж-влакын чоншижмашыштым, келшымашым, йӧратымашым, еш коклосе кылым сӱртелымашлан – изи огыл тӱткыш ойыралтеш.

Виталий Петухов «Пӱркыт ден курныж-влак» романыштыже ятыр пӱсӧ йодышым тарватен. *Социокультурный* (калык илыш кончыш: мер илыш да еш коклосе кыл, калык коклосе тӱрлӧ ужашын

илыш условийже, илыш-йӱла радамже) проблеме пелен *калык-влак кокласе кыл* (кум калыкын – руш, марий да татар – ваштӱкнымашыже, нунын илыш да койыш-шоктыш ойыртемышт, пӱрымашышт) сӱретлалтын.

Марий калыкын илышыжым автор тӱрлӧ могырым ятыр тӱссӱрет гоч почын ончыкташ тыршен. Тыгодым марий-влак эрыкым йӧратыше, кугезе йӱлам, эртымгорным (историйым) пагалыше калык семын почылтыт.

Философий сынан проблеме илыш чыным кычалмаш да калыкын пӱрымашыж нерген шокалымаш дене кылдалтын. Тиде йодыш Иван IV кугыжан, Мамич Бердейын, Акпарсын, татар хан-влакын тӱссӱретышт гоч рончалтеш. Историйыште келге кышам кодышо личность-влакым – Элым кузе вуйлаташ? Кӧлан ӱшанаш? Могай корно дене калыкым ончыко вӱдаш? – йодыш-влак тургыжландареныт. Южгунам кӱлеш корным муаш нунылан шерге акым тӱлаш пернен. Кажныжын шке цельже, ончыкылык пӱрымаш нерген шонымашыже лийын.

Иван IV кугыжалан элым вияҥдаш, тӱрлӧ лӱдыкшым корагдаш шке кучемжым, кугыжаныш чекым пеҥгыдемдаш кӱлын. Тунам Руш кугыжанышын кушкын толшо вийже шукым шекландарен, тушман-влакат йырымваш ситеныт, йол ӱмбак пеҥгыдын шогалаш чаракым ыштеныт. Кас велым Польша ден Ливоний, кечывал велне Астрахань ден Крым хан-влак, ногай-шамыч лӱдыкшым луктыныт, Юл кундемыште Озаҥ хан ласкан илаш пуэн огыл. Сандене эреак шекланен илаш пернен.

Кугыжа йыр улшо паяр-влакат шукынжо эл нерген тургыжланен огытыл, кучемым шке кидышт гыч мучыштараш лӱдын, тудлан тӱрлӧ чаракым ыштылыныт. Кунамже нуно, Кугу палатыш эл кӧргысӧ паша нерген каҥашаш погынен, туманленыт, тыгодым икте-весыштын пондашышкыштат кержалташ ямде лийыныт. Ик ойыш шуаш веле ушышт ситен огыл. Тунам Иван Васильевичлан, пеҥгыдылыкым ончыкташ, элым виктарыме сапым шке кидышкыже налаш логалын.

Татар хан-влакым Озаҥыште шкеныштын троныштым, поянлыкыштым кузе-гынат аралеп кодаш шонымаш тургыжландарен. Нунын кучемышт пеҥгыде лийын огыл, чӱчкыдын вӱран кучедалмаште

икте-весыштым вашталтылыныт. Кучемым шке кидышкышт налаш шонышо-влак чоныштым ужаленыт, нимо ончылан чарнен шогалын огытыл. Шочмо ачаже ваштареш эрге кидшым нӧлталын, изак-шоляк, намысым йомдарен, икте-весым пытарашат ӧрын огыл. Тыгай кончышын ик амалже – мурза-влак тӱрлӧ политический лагерьыште лийыныт: иктышт Москон тушманже, Крым хан велне шогеныт гын, весышт – руш кугыжалан вуйым савеныт.

Мамич Бердей ден Акпарслан шочмо калыкым пызырналтмаш, кепшылтыш деч утараш, политике да социальный илыш эрыкыш лукташ кӱлын. Автор марий лужавуй-влакын тӱссӱретыштым кушкын, вашталт толмаште сӱретлен. Действий виянгме семын нуно весемыт, илышончалтыш ден тӱняшижмашышт келгемеш. Сылнымутышто тыгай кончышым *романный* проблематикын рӱдыжӧ семын аклат.

Нине проблеме-влакым лончылымаште произведенийын иктешлыше тӱҥ шонымашыже рашемеш – айдеме эрык илышлан шочын, садлан тудын верч кучедалшаш. Марий калык акрет годсек шке илыш радамжым, йӱлажым арален илен. Икманаш, эрыкан калык лийын. Но илен-толын тудо кок тул коклашке логалын. Кушто эрыкым, тыныслыкым муаш: татар хан але руш кугыжа пелен? Огеш керт мо марий калык, шке мландыштыже оза лийын, шке семынже илен? Нине йодыш-влак произведений мучко йошкар шӱртӧ семын шуйнат.

Тӱҥ шонымашым рашемдаш Мамич Бердей ден Акпарсын тӱссӱретышт полшат. Тӱжвач ончымаште, ик могырым, олыкмарий он, Мамич Бердей, татар ханлан ӱшанен, тудын пелен лийын, марий калыклан эрыкым кондынеже; вес могырым, курыкмарий он, Акпарс, Руш кугыжанышыш ушнен, шке калыкшым арален кодынеже. Тидлан кӧра нунын коклаште умылыдымаш лектеш, ваштӱкнымаш, вашпижмаш ылыжеш.

Тыгай кончышым В. Петухов марий калык коклаште граждан сар ылыжме семын сӱретлаш шонен. Тудын ойжо почеш, «*икымше черемис сар национально-освободительный шӱлышан гына огыл, а граждан сар улмаш. Марий айдеме марий ваштарешак кучедалын, “баррикадын” кок могырыштыжо лийын*» [2, с. 6].

Тыге, сылнымут мастар, тунамсе драматический да трагический событий-влакым да герой-влакым аклен, нунын дене кылдалтше йодыш-влак шотышто шке шижмашыжым ончыктен, илыш-умылымашыжым рашемден.

Туге гынат герой-влак коклаште ылыжше ваштӱкнымашын (конфликтын) вожшо ятырлан келге: тудо марий калыкын ончыкылык пӱрымашыж верч тургыжланымаш, тудым эрыкан, волгыдо илышыш лукташ тыршымаш дене кылдалтын. Тыгай цельыш шуаш калыкын онжо-влак кок тӱрлӧ корным ойырен налыныт. Мамич Бердей шочмо калыкшын эрыкше верч кучедалмаште, тудын да шкенжын вийжылан ӱшанен, сеҥаш шонен гын, Акпарс – виянрак (руш) калык пелен лийнеже.

Авторын социальный илышым да персонаж-влакын койышшоктышыштым сӱретлымаште шӱм-чон шижмашыже, тургыжланымашыже произведенийын вӱдышӧ кумылжым, пафосшым рашемдаш полша. Кузе палемдышна, тудо эпико-драматический да трагический сынан. Драматизм кумыл персонаж-влакын кӧргӧ тӱняшт, чоншижмашышт, пуштыланымышт дене кылдалтын гын, трагизм кумыл калык кокла гыч ятыр еҥын, герой-влакын вашшогалмаште, эрык верч кучедалмаште, шке илышыштым чаманде пуаш ямде улмаште конча. Марий патыр-влак пеш кӱкшӧ ончылшоныш верч пенгыдын шогеныт, но тунам тудым илышыш пурташ политике да социальный илышыште кӱлеш условий лийын огыл. Тидлан кӧра тудо кучедалмашын мучашыже шӱлыкан, ойган да шучко. Трагизм кумыл тыгак герой-влакын чоныштышт иланыше ваштӱкнымаштат шижалтеш.

Мамич Бердей, Полтыш, Акпарс да моло калык кокла гыч лекше герой-влак шочмо калыкыштын эрыкше верч пенгыдын шогеныт, тыгодым нунылан моткоч кугу чаракым сеҥен лекташ да шке илышыштымат пуаш ямде лияш кӱлын. Садлан произведенийын вес кумылжымат, геройло пафосшымат, палемдыман.

Произведенийыште тӱҥ верым 1551–1556-шо ийлаште лийше драматический да трагический событий-влаклан ойырымо, но чакналтыш йӧным кучылтын, тидын деч ончычсо илыш, кредалмаш да герой-влак нергенат ятыр увер пуалтеш. Романыште шуко сюжет

линий уло, тӱҥжӧ олыкмарий-влакым вуйлатыше Мамич Бердей, курыкмарий лужавуй Акпарс, руш кугыжа да Озаҥ хан-влак дене кылдалтын.

Весымат палемдыман: историй, социал да гуманитар йодыш-влак сӱретлыме жаплан келыштаралтше улыт. Тыгак историйыште лийше событий-влакым, предмет тӱням, историй личность-влакын документ негызеш палемден кодымо койыш-шоктыш ден тӱжвалтӱсыштым автор чын ончыкташ тыршен.

Икманаш, Виталий Петуховын «Пӱркыт ден курныж-влак» историй роман жанрыште возымо сылнымутшо кызытсе марий литературышто – ойыртемалтше, шкешотан кончыш.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов А.Г., Сануков К.Н.* Марий калыкын историйже. Кокла ийготан да кугурак класслаште тунеше-влаклан лудшаш книга. Йошкар-Ола: Марий кн. савыктыш, 1998. 144 с.

2. «Историй лач ик тӱсан гына огыл…». *Писатель Виталий Петухов дене кӱчык мутланымаш* // Ончыко. 2002. 8 №. С. 5.

3. *Петухов В.* Пӱркыт ден курныж-влак. Исторический роман // Ончыко. 2002. 8 №. С. 7.

УДК 398

М.В. Пенькова
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

СКАЗКИ В ИЗДАНИИ «МАРЛА КАЛЕНДАРЬ»: К ВОПРОСУ ОБ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОМ СВОЕОБРАЗИИ

Статья посвящена описательному анализу и рассмотрению идейно-художественного своеобразия текстов сказочной прозы, представленных на страницах светского журнала «Марла календарь» («Марийский календарь») – первого и уникального в своем роде периодического издания на марийском языке.

Ключевые слова: *«Марла календарь», народное наследие, фольклор, образцы словесного творчества, сказка, художественное своеобразие.*

The article is devoted to the descriptive analysis and consideration of the conceptual and artistic originality of fairy-tale texts presented in the secular magazine Marla Calendar (Mari Calendar) – the first and unique periodical of its kind in the Mari language.

Key words: *Marla calendar, folk heritage, folklore, samples of verbal creativity, fairy tale, artistic originality.*

В общей истории марийского просвещения *«Марла календарь»* («Марийский календарь») занимает особое место. Это первое и уникальное в своем роде периодическое издание, положившее начало развитию национальной литературы, печатанию различного рода публицистических и художественных произведений и показавшее практически все стороны жизни марийцев того времени: и бытовые, и социальные, и культурно-исторические в том числе. Он издавался ежегодно с 1907 по 1913 г., был возобновлен после революции, а «в период реакции, когда, по словам В.М. Васильева, вообще было стремление убивать творческую инициативу, альманах-календарь сделал необычайно много для роста национального самосознания» [3, с. 35] и стал полноправным путеводителем народа в полноценную образованную жизнь.

Назревший вопрос о важности и необходимости издательства книг на марийском языке дал свои плоды. В 1918 г. в г. Казани был опубликован сборник В.М. Васильева «*Марий мут. Тошто гыч тӱҥалын таче марте ойлымо муро, тушто, йомак, пале, тунык-тымо мут, молыжат*» («Марийское слово. Начиная с древности и сохранившиеся до наших дней марийские песни, загадки, сказки, приметы, поучения, остальное») (здесь и далее перевод наш. – *М.П.*).

Будет не лишним напомнить, что Валериан Михайлович Васильев был одним из первых собирателей и профессиональных исследователей марийского фольклора, его деятельность на данной

стезе начиналась, прежде всего, с фиксации произведений устного народного творчества по программе Общества археологии и этнографии (ОАИЭ). Его заслуга как теоретика-фольклориста заключается в том, что он положил начало теоретическим исследованиям и анализу собранного к тому времени (в большинстве своём – самим изыскателем) значительного материала, т.е. многих основных жанров устного народного творчества мари, зафиксированных в тот период. Отдавая предпочтение материалистическому пониманию фольклора, он работал, прежде всего, с позиции историка и «верил, что отдельные произведения устного творчества своеобразно, но объективно отражают древнюю и позднюю материальную и духовную культуру народа, поэтому они являются дополнительным источником в изучении истории» [1, с. 92].

Прежде всего исследователь рассматривал фольклор в рамках социальной проблемы, народные тексты осознавались в контексте воспроизведения исторических реалий, пусть не совсем явных, но несущих в себе изначальную суть, «правду социума». Таким образом, вся деятельность ученого, связанная с изучением устного народного творчества, выстраивается с общественно-гражданской позиции – научная работа опирается на реалистическую оценку бытующего в словесном обиходе источника и связывается с субъективным подходом специалиста, глубоко чувствующего, высоко ценящего и исконно знающего исследуемый материал, и именно с этих позиций начиналась работа в журнале «Марла календарь».

Фольклорные тексты в рассматриваемом журнале, как и большинство литературных произведений, преимущественно часто встречаются в так называемых номерах «дореволюционных», начиная с 1908 г. почти в каждом выпуске печатались произведения устного творчества марийского народа. Образцы марийского фольклора, представленные на страницах журнала, отличаются яркостью, образностью, выразительностью.

Сказок, включенных в тематический состав разных выпусков «Марла календаря», немного, в частности, в номере за 1909 г. было напечатано две сказки, в календаре за 1910 г. – одна сказка. Однако их отличает особый сюжет, оригинальная тематика, назидательная идейная установка. Каждый из этих народных

произведений уникален по-своему. И чем необычнее их сюжет, тем они ценнее и значимей.

Возьмем, к примеру, сказку *«Ала-мо»* («Нечто», 1909), напечатанную на страницах одного из первых выпусков [6]. В ней рассказывается о том, как каждую ночь подряд к одному марийцу приходит «нечто» и, спев характерную песню, забирает одного за другим пять баранов из хлева, собачку, кошку, дочку-сиротку, жену. Сам хозяин в последнюю ночь не спит до первого петушиного крика и, таким образом, спасается. В конце каждой своей песни «оно» громким голосом указывает, за кем пришел. Редакторами даже указана ссылка следующего содержания: *«мучаштэ кум мутшым огэш муро, а тыглай ойлымы ганьэ кычкырал каласа (речитативъ)»* («в конце три слова не поет, а словно во время разговора громко кричит») [6, с. 46]. Не исключено, что данное произведение могло попасть на страницы номера непосредственно со слов конкретного информанта.

Сказка по своей сюжетно-художественной структуре близка и к волшебной, и к бытовой (новеллистической), т.к. в ней присутствует определенный драматизм, пронизывающий ее содержание, сюжет. Она выделяется богатством традиционного словесного оформления, характерной стилистикой и последовательным, почти строго выдержанным композиционным построением. Произведение отличается характерными словесными формулами, приемом повторения и ретардации, которые способствуют усилению сюжетной напряженности повествования. Сказка изобилует различного рода художественно-стилистическими приемами, сравнениями, эпитетами, междометиями и т.д.: *«шорыкышт бä-бä-бä! маграш тӱҥалыт; ватыжэ кхыр да кхыр нэр шупшын мала; койа пырыс мур-мр мурыжым мурэн мала; изьэ пи ау-ау-ау опталта; кугу юалгы мардэж вуж-вуж-вуж-ж шокталта; йӱр шор шоктэн тӱҥалэш; ӱстэл шулдыр-голдыр сӱмурла, корка-влак шылдыр-р пудыргэн кайат, олымбал оҥа шадрак тугылда; мари куржталын сьоп-сьоп лійын пӱжалт выта; агытан кэкрэкрэ-эк! муралта»* («бараны бе-бе-бе! плача заблеяли; жена кхыр и кхыр храпит и спит; толстый кот мур-мр мурлыча свою песню спит; маленькая собачка ау-ау-ау залаяла; сильный прохладный ветер вуж-вуж-вуж-ж зашумел; дождь шор начался, застучал; стол шулдыр-голдыр ломится; ковши

шылдыр-р разбились; лавка шадрак треснула; мужик, бегая, запыхался и сьоп-сьоп вспотел; петух кекрекре-ек! запел) [6, с. 46–47].

Текст наполнен национальным колоритом, что также способствует усилению экспрессивности данного произведения. Главные события изображаются в основной эпической части сказки и носят активный характер. Традиционная ритмическая, чаще – рифмованная по форме концовка сказки вытекает из благополучной развязки и служит для переключения внимания слушателя от фантастики к окружающей его реальности. В данном примере она еще и дополнена своеобразной, не встречающейся в других сказках концовкой: *«йомак умбак, мый тэмбак, лӱдшы мари коҥга ӱмбак»* («сказка дальше, я рядом, испугавшийся мужик на печку»).

Один из первых ученых, посвятивших свою деятельность профессиональному изучению устного творчества народа мари, К.А. Четкарев отмечал, что в прошлом исследователи почти не говорили о наличии у марийцев богатой сказочной традиции. В одном из своих исследований он подчеркивал, что первые ученые «…в своих воззрениях на марийский фольклор не ушли дальше священников-миссионеров, видевших в устном творчестве мари только отражение языческих верований и представлений» [12, с. 173]. Исследователь привел, к примеру, высказывание светского ученого, профессора Казанского университета, действительного члена Казанского общества Археологии, Истории и Этнографии И.Н. Смирнова, посвятившего целую главу народному творчеству мари в своем историко-этнографическом очерке «Черемисы» (Казань, 1889). К.А. Четкарев подчеркнул, что, в сущности, этот ученый повторил лишь то, что говорил до него по этому поводу другой ученый XIX века С. Нурминский в своей работе «Очерки религиозных верований черемис» («Православный собеседник», XI), придававший большое значение лесу в создании марийцами своей мифологии: «Это волшебный мир черемисина, его idea fixa… Весь сказочный мир черемис вертится около леса и его обитателей; все загадки и поговорки вертятся около его же. Черемисские сказки, большею частью, начинаются так: пошел мужик в лес, где и развертывается уже самое действие. Действующими лицами являются: лиса, волк, медведь и другие обитатели леса. Лес, по воззрениям черемиса, населен волшебными существами:

в нем расхаживают боги, там живут и злые демоны…» [12, с. 175]. К.А. Четкарев справедливо указывал на односторонность подобных рассуждений, отмечал, что они характеризуют сказочное творчество марийцев без учета исторической закономерности. Ученый настаивал на той мысли, что марийская сказка представляет собой совершенно уникальное явление марийского фольклора, которая, естественно, заимствовала немало мотивов из русской сказочной традиции, но в то же время сохранила и свои национальные черты: «Сказочный материал марийского народа так же богат и разнообразен, как и у любого другого народа» [12, с. 176].

Эту приоритетную мысль подтверждают и тексты марийских сказок, опубликованные на страницах «Марла календаря». Другое произведение, на котором необходимо остановиться – это сказка *«Вошты́лдымы ӱдур»* («Девушка-несмеяна», 1909). Волшебная сказка построена по сюжету «Чудесный помощник» – СУС 554: «Благодарные животные» [11, с. 157].

Краткий сюжет произведения таков: мариец Аймет три года проработал в городе и заработал три рубля (по одному рублю в год). Возвращаясь домой, на своем пути он встречает сначала таракана, затем шершня, последней – мышь. Каждый из животных просит по рублю, обещая в будущем пригодиться и помочь главному герою. Оригинальна их просьба – они ссылаются на то, что ясак стал тяжелым (*«йозак пэш шыгыр»*). Животные дают Аймету совет: лечь спать у дворца царя. А сами в это время забирают его одежду и начинают стирать ее в речке у дворца. Увидев такую картину, дочь царя, которая тридцать три года жила, ни разу не улыбнувшись и не рассмеявшись, не выдерживает и начинает громко хохотать. Царь, обещавший выдать свою дочь замуж за того, кто сможет ее рассмешить, выдает ее за Аймета.

Прежде всего необходимо заострить внимание на особой стилистике сказки. Просторечная манера пересказа произведения переплетается с простотой и в то же время доступностью марийского языка. Опять же текст изобилует различного рода подражательными словами. Они способствуют художественному обогащению сказки, делают ее более выразительной и занимательной. К примеру: *«Таракан дыр-дыр-дыр куржын, лопшангы быз-з шоктен*

чонгештен, кольажы трэк-трэк куржын… Айметын тувыржым кудашыт да чыжэк-чыжэк, чыжэк-чыжэк шыжыктыл чывылташ тунгалыт» («Таракан дыр-дыр-дыр побежал, шершень быз-з полетел, мышка трэк-трэк побежала … Сняли с Аймета его одежду, и чыжэк-чыжэк, чыжэк-чыжэк брызгаясь, начали стирать») [6, с. 48].

Предложения в сказке строятся по принципу условно построенной возрастающей экспрессии, действие не заканчивается внезапно, оно постепенно, почти циклично доводит повествование до своего логического завершения. Например, художественное описание финального застолья в царском дворце описывается следующим образом: *«Рашты-рашты рашт тошкалын, тумбыр кырэн, шувыр шоктэн, ваты-влакын ши тэгэштым йыл-йыл ыштэн йылгыжыктэн, йылдыр-йылдыр йылдыртатэн, парньа чымэн куштэн-куштэн кугжан полатым дуб-дуб-дубр шоктыктат»* («Рашты-рашты рашт ступая, барабаны сотрясая, на волынках играя, йыл-йыл женскими серебряными украшениями поблескивая, йылдыр-йылдыр рисуясь, пальцы подгоняя плясавши, сотрясали дуб-дуб-дубр царский дворец») [6, с. 48].

Для всех эпических произведений, опубликованных на страницах «Марла календаря», характерны высокая и яркая экспрессия, открытое, содержательно-неприкрашенное описание происходящего.

В рассматриваемой сказке уже уникальны сами по себе герои-помощники – таракан, шершень, мышь. Такой состав персонажей-приспешников в марийской сказке вполне можно считать единственным. Несмотря на своеобразную природную «мелкость и неприхотливость», можно сказать – «ненужность», они ловко помогают главному герою. Напротив, эта черта выделяется как их характерная особенность, отличающая их от других животных. Н.В. Морохин подчеркивает, что сюжет 554 «Благодарные животные» строится в своем развитии на ответном действии природы по отношению к человеку, делающему ей добро, и герои могут приобретать обладающих волшебным знанием животных-помощников как бы в дар от судьбы, природа расположена к доброму человеку и готова первой идти ему на встречу [8, с. 113]. Не усматривая в тексте явных признаков и доказательств, указывающих на нравственные

достоинства изображенного сказочного персонажа, можно предположить, что главный герой Аймет априори является добрым и благодушным (ему не жалко денег, заработанных им за долгие три года), и сказка указывает, что за подобные характерные душевные качества люди могут получить в награду самые различные дары, включая, в частности, и помощь животных, и царевну в жены.

В другой сказке *«Шорык-тага дэнэ сӧсна»* («Овца-баран и свинья», 1910) животные несут другую функцию. Они представлены как олицетворение отрицательных, пагубных, безнравственных человеческих качеств. Баран – это средоточие глупости, тупости и безволия (*«ушдымы шорык»* – «глупая овца»), а свинья несет в себе такие безнравственные качества, как жадность, жестокость и ненасытность (*«осал сӧсна»* – «злая свинья»). В паре отрицательные качества каждого из персонажей углубляются, живя вместе, они порождают на свет такие же страшные существа (*«игышт-влак… сосна дэчат осал ліыт»* – «детеныши… были более злыми, чем сама свинья»). В таком браке баран погибает, более сильная, хитрая и изощренная свинья побеждает его полностью, сначала заставив его перебраться жить к себе подобным в грязь, а затем вместе с совместно нажитыми детенышами пожирает его.

Исследователь сказок С.С. Сабитов пишет, что в марийских волшебных сказках можно обнаружить следы ранних общественных и семейных отношений, обычаи экзогамного и эндогамного брака, матриархальных традиций [10, с. 36].

Это не сказка с классическим обучающе-нравственным и добрым сюжетом. На наш взгляд, это сюрреалистическое сказочное повествование, имеющее в своей основе суровую назидательную основу. Через жесткие образы (*«игышт-влак… сӧсна дэчат осал… шорык вуйым кочшы ліыт»* («детеныши… злее (свирепее) свиньи… поедающие голову овцы стали») и натуралистическое изображение событий (*«тагам йӧрыктен пыштен… ныл йолжы гыч кучэн пурын кочкашат тӱҥалыныт»* («повалив барана… ухватив его за четыре ноги начали кусать и пожирать») читателю преподносится художественный пример непреклонного и беспощадного жизненного урока, посредством нарицательного изображения открыто показаны жестокие жизненные реалии.

Таким образом, в текстах на первый план могут выходить и «суровые реалии», на первый взгляд (взгляд невооруженный, обывательский, дилетантский) якобы не совсем «уместные» в сказочной традиции. Так, к примеру, в адрес вышедшего в 1948 г. из печати сборника «Марийские сказки» (составитель – К.А. Четкарев) были высказаны несправедливые обвинения – в статье М. Георгиной и З. Быковой под названием «Вредная книга», опубликованной в газете «Марийская правда», было отмечено, в частности, что «…при чтении книги бросается в глаза грубый натурализм, помимо этого ряд сказок не выдержан в идейном отношении… книга не имеет воспитательного значения… в большинстве сказок сборника отсутствуют национальные особенности марийского быта, марийского языка» и т.д. [4, с. 4]. На защиту сборника и составителя встала молодая аспирантка, исследовательница горномарийских сказок Т.А. Шестакова, написав письмо-поддержку под названием «Голос аспирантки МГУ на статью “Вредная книга”», в котором пишет, что «…рецензенты объявляют напечатанные в критикуемом сборнике подлинные народные сказки марийского народа вредными, я считаю это голословное заявление рецензентов, по меньшей мере, безответственным, неосмысленным и не всесторонне обдуманным. Георгина и Быкова глубоко ошиблись при оценке сборника К.А. Четкарева, поэтому их рецензия на книгу является абсурдной. Они не учли, что сказки есть продукт народного творчества и исторический документ для науки, а поэтому их никто не имеет права переделывать с какой-либо целью. Читая эти сказки глазами взрослого и нормального человека, а не глазами пятилетнего ребёнка, мы увидим в них именно марийские народные произведения по форме и содержанию; в них глубокое содержание, высокая художественность и историческая ценность» [2].

Произведение *«Шорык-тага дэнэ сӧсна»* («Овца-баран и свинья») отличается от жанра сказки в ее классическом понимании, некоторые исследователи причисляют ее к жанру басни, более того, данный образец марийского устного творчества был рассмотрен в свое время в общественно-политическом ракурсе – в данном сказочном тексте «…казанский вице-губернатор увидел яркую выраженную тенденцию, направленную против обрусительной будто

бы политики русского правительства, и поручил члену Казанского комитета по делам печати Н.И. Ашмарину дать отзыв на календарь. Ашмарин, не раз выручавший В.М. Васильева и его издание, писал, что в содержании этого календаря нет ничего преступного… из перевода нельзя усмотреть, что содержание направлено против обрусительной политики русского правительства» [3, с. 35].

Отличаются и стилистика произведения, и сюжетная линия. И в данном случае также отсутствуют аналогичные варианты. Текст отличается новеллистическим характером, его основная мысль связана с порицанием и осмеянием порочных человеческих качеств. Идейная установка отмечена в конце сказки: *«Адэмылан тыгай илышым инжы пуйры Йумыжы, йалт йомакэш кодышашым ушан йэнжат умлалжы»* («Да оградит Бог человека от такой жизни, то, что показано в сказке, пусть дойдет до каждого человека, сделает его умнее» [7, с. 66]. Обучающая нравственная установка заключается и в народной пословице, которая заключена в повествование произведения: *«Мут гыч мут лэктэш, осал мут осал пашаш савырна»* («Одно слово родит другое, злое слово родит злое дело»).

Также, на наш взгляд, можно причислить и к сказке, а также и к устному рассказу произведение *«Осал ватэ»* («Злая жена», 1910), в сюжете которого изображена семейная ситуация, в которой жена постоянно спорит с мужем, причем на любые его рассудительные благоразумные поучения и пожелания она выставляет свои неразумные доводы, перечит и спорит, делает все и всегда наперекор, в противовес. Отсюда и печальный финал – из-за своей неуступчивости и злобного упрямства она тонет в реке, безуспешно попытавшись выплыть против быстрого течения. Произведение можно отнести к бытовой сказке, главными героями которого являются семейная пара (в данном конкретном случае – муж и его сварливая (злая) жена).

Несмотря на то что эпический пласт марийского фольклора в журнале относительно невелик и выражен в основном жанром сказок, он позволяет выделять его как один из оригинальных видов устного народного творчества марийцев. Все тексты максимально близки к просторечным текстам, их объединяет поучающе-нравственная тематика, в основе каждого лежит идейная установка на назидательность, нравоучительность.

В одном из наших исследований мы отмечали, что В.М. Васильев был не только исследователем-теоретиком, но в первую очередь изыскателем-практиком, который высоко ценил свою национальность и, будучи представителем народа мари, просил сородичей не стыдиться, учиться и развиваться, в этом искреннем обращении содержится глубинный философско-этический смысл, направляющий народ в «правильное русло» [9, с. 255].

В доказательство вышесказанного выступает знаменитый призыв ученого и его сподвижников, опубликованный на страницах «Марла календаря», в котором любовно звучит гордость за богатство устного творчества марийского народа: *«Маріын ышкэ шомакшы укэ мо? Кунам инжы ли! Сай, поры ойым пуымыжы шуэш гын, тошты йэҥ мутшы уло; туштым тушталташ – туштыжы шукы; муралталын колта гын, пытышаш огыл мурыжо; йомакшым манат гын, колыштынат от пытарэ!...»* («Разве не имеют марийцы своего слова? Когда их не было! Захотят дать хорошие, добрые наставления – имеются у них пословицы и поговорки; загадки загадать – загадок множество; запеть – нескончаемы песни; о сказках спросишь – не наслушаешься их!»…) [5, с. 39].

Подытоживая, добавим также, что на страницах журнала публиковались не только сказки в «чисто народной» форме, начинающие писатели, выступая в прекрасной и ответственной роли основоположников литературы, были смелыми и воодушевлёнными, искали новые формы, это было время невероятного авторского самовыражения, окрылённые свободой творческой мысли, они создавали свои удивительные произведения. Не лишним будет отметить, что в дальнейшем сказки народа мари, их общие сюжеты и мотивы, образы, художественное богатство были умело использованы начинающими марийскими писателями и явились в итоге основой новых ярких художественных произведений. В данном случае можно говорить о том, что исконно народный сюжетный эквивалент переносится в умелые руки мастера и в итоге получается совершенно новое, переработанное стилизованное произведение.

К примеру, на страницах «Марла календаря» за 1910 г. впервые на марийском языке была опубликована сказка *«Увэран кува»* («Злая старуха»), являющаяся по сути вольным переводом

произведения А.С. Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке», осуществленным Г. Кармазиным (*Ӱпымарий Г. Эвай*). Автор мастерски и талантливо использует родную речь и переносит его в литературную форму, практически интерпретируя пушкинский текст, делает его максимально близким и понятным для читателя-марийца. Выстраивая сюжет по сказочной пушкинской канве, автор, тем не менее, добавляет «национальные» элементы, к примеру, в тексте рыбка не золотая, а серебряная (общеизвестно высокое значение данного металла для марийского народа), в описании внешности рыбки поэт не скупился на красивые народные сравнения – *«кок шинчажэ тул чэвэр»* («два глаза словно красивые огоньки»), тонко и многогранно обыгрывает художественный стиль, мастерски «подгоняя» его в рамки благозвучной простонародной речи, в итоге все это способствует тому, что произведение воспринимается читателем как свое, родное, настоящее.

Нельзя не отметить, что к творчеству великого русского поэта на заре своего творческого пути обращались и другие марийские писатели. Например, Сергей Григорьевич Чавайн у истоков своего творческого пути не просто заимствовал фольклорные сюжеты, он перерабатывал их на свой авторский манер, тонко чувствуя истоки и понимая материал, еще во время учебы в Казанской учительской семинарии он был глубоко заинтересован творческим наследием А.С. Пушкина, что в итоге дало свои плоды – будущий классик написал в стихотворной форме поэму-сказку *«Вувер»* («Ведьма», 1908), определив её как *«тошто марий йомак»* («старинная марийская сказка»). Писатель виртуозно и мастерски представил в этом художественном произведении практически все грани фольклорного богатства народа мари, начиная с образно-художественного своеобразия и заканчивая общей семиотикой.

Таким образом, сказки, опубликованные в «Марла календаре», представляют собой не просто уникальные образцы устного творчества марийского народа, они в то же время являются замечательным подспорьем для дальнейшего поиска «авторского я» писателей, развития различных жанровых направлений. В целом марийский фольклор, опубликованный в журнале, отличается яркостью,

образностью, выразительностью. Все это конкретно представлено на страницах данного периодического издания во всем многообразии различных народных текстов, передававшихся людьми из поколения в поколение. Общий обзор фольклорного материала, встречающегося на страницах журнала, позволяет разглядеть его сюжетное и идейно-поэтическое богатство.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акцорин В.А.* Взгляды В.М. Васильева на фольклор // В.М. Васильев: материалы науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения учёного. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. С. 90–95.

2. Архив МарНИИЯЛИ. Дело № 1-рн. Личное дело директора института, старшего научного сотрудника по фольклору Четкарева Ксенофонта Архиповича.

3. *Востриков В.Г.* В.М. Васильев – ученый и просветитель. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. 176 с.

4. *Георгина М., Быкова З.* Вредная книга // Марийская правда. № 131 (5889). 1948. 3 июля. С. 4.

5. Марла календарь 1908 ийлан. Казань, 1908.

6. Марла календарь 1909 ийлан. Казань, 1908.

7. Марла календарь 1910 ийлан. Казань, 1909.

8. *Морохин Н.В.* Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Серия: история охраны природы. Вып. 14. Киев, 1997. 224 с.

9. *Пенькова М.В.* В.М. Васильев – талантливый исследователь и ценитель марийского фольклора // I Ӱпымарий лудмаш (I Васильевские чтения): Актуальные проблемы современной компаративистики: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Йошкар-Ола, 26 апр. 2019 г.). Йошкар-Ола, 2019. С. 252–260.

10. *Сабитов С.С.* К вопросу о происхождении некоторых мотивов в марийских волшебных сказках // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. 3. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 34–42.

11. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Ленинград: Наука, 1979. 437 с.

12. *Четкарев К.А.* Героические образы в марийских сказках // Ученые записки МарНИИ. Вып. IV. Йошкар-Ола, 1951. С. 173–193.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 94(470.343)

А.Г. Акшиков
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

ИЗ ИСТОРИИ ДОБЫЧИ И ОБРАБОТКИ МАРИЙЦАМИ ИЗВЕСТНЯКА В УРЖУМСКОМ УЕЗДЕ ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена истории развития добычи и обработки марийцами известняка в каменоломнях «Нолькинский камень» в Уржумском уезде Вятской губернии в XIX – начале XX в. Дается представление о способе добычи камня и изделиях, производимых из известняка.

Ключевые слова: *горняцкий промысел, камнеобработка, «Нолькинский камень», марийские промыслы.*

The article considers the history of the development of limestone mining and processing in the "Nolkinsky kamen" quarries in the Urzhum uezd of the Vyatka province in the 19th - early 20th centuries. The author describes the method of stone extraction and products made from limestone.

Key words: *mining, limestone processing "Nolkinsky kamen" quarries, Mari homecraft.*

Каменоломни «Нолькинский камень» находились на границе Сернурского и Куженерского районов Республики Марий Эл по

склонам глубокого оврага, который рассекает мощные слои песчаника и известняка. По дну оврага протекает речушка Нолька. Здесь до сих пор сохранились остатки подземных выработок, представляющие собой штольни по обеим склонам оврага, входы в которые протянулись на несколько километров по течению речки.

Это месторождение камня местные жители называли по-разному. Кто называл его «Кӱ курык» («Каменная гора»), кто – «Заделье», именуя так в данном случае штольни, а кто – просто «Нолькинский камень» или «Нолькин камень». В штольнях добывали особый сорт песчаника, называемого «черемисским камнем», шедшего на изготовление жерновов. Ближе к концу оврага, у д. Купсола Куженерского района, марийцы извлекали коралловый известняк, известный в округе как «опокой», шедший на производство самых разнообразных изделий. До революции месторождение входило в состав надела близлежащих деревень Сернурской и Ирмучашской волостей Уржумского уезда Вятской губернии. Именно крестьяне этих деревень здесь и трудились.

Установить время возникновения каменоломен в настоящее время затруднительно. Во всяком случае можно утверждать, что данное месторождение начали разрабатывать не позже XVIII в. В конце XIX в. местные старики рассказывали, что в давно существующих «заделиях» работали еще их деды. Я. Кириллов отмечал, что в 1876 г. в районе каменоломен было найдено точило под корнями столетней ели [8, с. 84]. На кладбище с. Юледур Куженерского района обнаружен надгробный памятник, датированный 1801 г. [1, с. 144].

Самыми масштабными и наиболее древними, несомненно, являлись ломки жернового камня. Добыча известнякового камня приобрела значительные размеры лишь во второй половине XIX – начале XX в. в связи с ростом объемов потребления его в строительстве, а также с увеличением спроса на изделия из «опоки». История и эволюция техники добычи песчаника, описание технологии изготовления жерновов нами уже рассматривались [2]. Однако добыче песчаника было уделено недостаточно внимания. В настоящей статье предпринята попытка осветить данный вопрос более подробно.

Описание ломок известкового камня оставил горный инженер П.П. Боклевский [4, с. 53–56]. По его свидетельству, «опока» добывалась примерно в 2 км от ломок жернового камня. Эти каменоломни возникли примерно в 70-х гг. XIX в. Разработки тянулись по левому склону оврага приблизительно на расстоянии 1,5–2 км.

Опоковый камень залегал неглубоко, непосредственно под слоем почвы и щебня, и представлял собой ряд горизонтальных пластов известняка, каждый из которых достигал толщины от 35 до 70 см. Эти каменоломни принадлежали крестьянам марийских деревень Сернурской волости: Нурсолы, Кораксолы и Купсолы. Таких каменоломен в 80-е гг. XIX в. было 59. Количество людей, работавших в них, составляло более 200 человек. В штольнях работали по двое, иногда даже вчетвером, а то и вшестером.

Добыча велась следующим образом. Сначала на крутом склоне оврага копали канаву, постепенно переходящую в короткую штольню, высота которой по мере выламывания камня была не менее 4 метров, а ширина и длина достигали примерно 10–15 метров. Причем никакие крепления при этом не устанавливались. Так как камень добывали зимой («с зимнего Николая» и до марта), слой земли над головой промерзал и поэтому не обваливался. Такой способ добычи камня был не безопасен для жизни работников, тем не менее они не отказывались от него. Открыто добывать камень крестьяне не хотели, мотивируя это тем, что зимой своеобразная кровля спасает людей от холодных ветров, а выработку – от снежных заносов.

Камень откалывали от каменных пластов (начиная с верхнего и заканчивая нижним) с помощью железных клиньев. Старались получить глыбы более или менее правильной формы. Добытый камень шел на стойки для хозяйственных построек или на надгробные памятники. Но более всего из него изготавливали квадратные плиты толщиной в 6,6 см и длиной (каждой стороны) в 53 см. Эти плиты шли на выстилку полов в церквях и казенных зданиях. Более всего их продавали в Казани. Опочный камень распиливали также на кирпичи размером примерно 33,5 × 17,8 × 8,9 см. Одну плиту на месте

изготовления продавали за 10–12 копеек, а кирпич – за 18–20 рублей за тысячу штук. Необработанный камень стоил 8–9 копеек. Заработок рабочего, по подсчетам П.П. Боклевского, составлял 12–15 рублей на одного человека за сезон.

В начале XX в. разработка известняка расширилась. По свидетельству горного штейгера (мастера) Вятского губернского земства К.М. Скородумова, много сделавшего для распространения среди марийцев лучших приемов камнедобычи и развития камнерезного мастерства, в 1912 г. ломки «опоки» располагались уже по правому и левому берегам р. Нольки, протянувшись на 4–5 верст. Зимой 1911–1912 г. насчитывалось 49 выработок, в которых в 84 забоях трудились 160 горняков. Они в течение 88 дней выработали камня и изделий из него на сумму 5565 рублей. За вычетом 420 рублей, потраченных на покупку и ремонт инструментов, чистый доход рабочих составил 5145 рублей, т.е. по 32 рубля 16 копеек за зиму на человека [5, с. 1296].

Добытый известняк шел на изготовление плит разного размера, стоек (под фундаменты домов и под вереи ворот), памятников татарских (плит с вырезанным на них полумесяцем) и обычных, «ступенника» (плиты для ступеней), «цоколя» (плиты для облицовки цоколя), опочного кирпича, труб опочных и т.д. Изделия из опоки сбывались в Вятской и Казанской губерниях. По данным, за сезон 1906–1907 г. горняками, добывавшими известняк, было произведено: плит разного размера – 5000 штук, стоек крупных – 500 штук, стоек мелких – 7000 штук, подушек оконных – 200 штук, ступенника – 500 аршин, памятников татарских – 100 штук, памятников обыкновенных – 25 штук, цоколя – 500 штук, труб опочных – 50 штук и кирпича опочного штучного – 1200 штук [7, с. 506].

Горный штейгер К.М. Скородумов, объезжая деревни, в которых жили горняки, занимавшиеся ломкой камня, отмечал у них стремление к развитию каменотесного мастерства. В частности, он писал: «Проезжая по [марийским деревням. – *А.А.*], можно видеть массы навоженного с работ камня, из которого весною – в распутицу крестьяне-черемисы целыми семьями выпиливают плиту,

вытесывают стойки, обделывают ступенник, татарские памятники и т.п. Замечаются попытки перехода к более усовершенствованным формам выделки главным образом памятников. Здесь вы встретите: глыбу, обделанную в нечто среднее между гробом и сундуком; квадратную колонну с заостренною пирамидою верхом; круглую колонну с подобием не то шапки, не то опрокинутого блюда; кубический камень, с подобием крыльев похожих на разрез реторты и т.д. Видимо, что доморощенный художник силится что-то изобразить, выполнить форму, могущую хотя отчасти поднять ценность сырого материала – в данном случае камня, – но у него ничего не выходит, т.к. ему неизвестны ни приемы, употребляемые в выделке более изящных вещей, ни самые формы и их разнообразие, ни стройность этих форм, наконец – он не имеет даже приблизительного понятия о предварительном вычерчивании какой-либо вещи и рубит ее на глаз, без всякого расчета» [6, с. 535].

Скородумов К.М. ходатайствовал перед Уржумским уездным земским собранием об учреждении каменотесной мастерской с целью развития среди горняков каменотесного промысла посредством: 1) образования контингента местных мастеров; 2) распространения среди местного населения хороших образцов, моделей и чертежей изделий из камня; 3) введения улучшенных инструментов и способов обработки; 4) развития художественного вкуса и 5) выработки номенклатуры изделий из наиболее пригодного по качеству местного известняка. В 1907 г. инициатива горного штейгера реализовалась – мастерская была открыта в с. Сернур. В нее набирали молодежь в возрасте от 15 до 20 лет и под руководством опытного мастера-каменотеса обучали лучшим способам обработки камня и резьбы по нему. Мастерская производила на продажу самые разнообразные изделия из известняка: дымовые трубы, садовые вазы, лежачие и стоячие памятники, ступени для лестниц и т.д. В 1916 г. в связи с финансовыми проблемами, возникшими в ходе Первой мировой войны, Уржумское земство было вынуждено закрыть мастерскую [3, с. 356–357].

Еще одной инициативой К.М. Скородумова являлось создание артели горняков, главной задачей которой, по мысли горного штейгера, должна была стать организация более выгодной реализации изделий горных промыслов. В 1914 г. был утвержден устав рабочей артели каменоломов «Нолькинский камень». Первый параграф, определявший цели артели, гласил: «Для производства личным трудом участников добывания из недр земли камня. Выгодного сбыта его, постановки правильной его добычи, разведки новых месторождений и вообще упорядочения дела в видах сохранения залежей камня, а также введения новых производств или продуктов из него, учреждается при деревнях по р. Помашьялке, Большой Коклале, Большой и Малой Мушке, Малой Коклале, Нур-Соле, Чендемеровой, Корак-Соле, Куп-Соле, Иван-Соле, Тумер-Соле, Пюнжер-Юмале, Верхнем и Нижнем Регежах – Сернурской волости, Лаж-Вершине, Русском Помашьяле, Большом и Среднем Шургияле, Ружпеляке, Шор-Соле и Ляж Мучаше – Ирмучашской волости артель под наименованием «Нолькинский камень» [3, с. 357]. Однако начавшаяся в том же году Первая мировая война не позволила артели полностью реализоваться.

Время прекращения добычи опочного камня неизвестно. По рассказам местных жителей, его добыча продолжалась и после Великой Отечественной войны. Скорее всего, промысел в это время уже не носил столь масштабный характер, как в прошлом, и в нем участвовали лишь отдельные жители для удовлетворения собственных хозяйственных нужд.

В послевоенные годы в связи с нехваткой кирпича решено было использовать камень в качестве строительного материала. За короткое время в 50-е гг. XX в. из камня были построены многие фермы, хозяйственные постройки, некоторые из них продолжают служить людям до сих пор. Недалеко от д. Куприяново был построен каменный одноарочный мост, который, к сожалению, был недавно разрушен.

В настоящее время о былом размахе некогда развитых промыслов по добыче и обработке известняка можно судить лишь по

многочисленным изделиям, которыми буквально усыпана земля Сернурского и Куженерского районов Республики Марий Эл. Присмотревшись, можно обнаружить стойки под вереи ворот, каменные плиты и кирпичи. Кое-что из этого многообразия предметов служит и по сей день. Столетние ворота, вереи которых установлены на каменных стойках, неплохо сохранились. Часть обработанных камней используется в качестве материала под фундаменты жилых домов и хозяйственных построек. Значительное количество надмогильных памятников самых разнообразных типов и разновидностей можно найти на местных кладбищах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акшиков А.Г.* Марийские эпиграфические памятники (некоторые наблюдения) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. ст. Казань: Ихлас: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып. 2. С. 144–146.

2. *Акшиков А.Г.* Месторождение «Нолькинский камень» и промыслы, связанные с ним // Вопросы этносоциальной истории марийского народа: сб. ст. / науч. ред. Н.С. Попов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. С. 88–97. – (Археология и этнография Марийского края; вып. 28).

3. *Акшиков А.Г.* Скородумов Константин Михайлович // История Марийского края в лицах. XIV – начало XX веков. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. С. 356–357.

4. *Боклевский П.П.* Некоторые каменоломни Вятской губернии // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1892 год. Вятка: Губ. тип., 1891. С. 44–63.

5. Журналы Уржумского уездного земского собрания XLVI очередной сессии 1912 года. Уржум: Тип. Ф.П. Окишева, 1913.

6. Журналы Уржумского уездного земского собрания XXXIX очередной сессии и экстренных сессий 9 и 10 февраля 1905 года. Вятка: Тип. и хромолитогр. Шкляевой, 1906.

7. Журналы Уржумского уездного земского собрания экстренных сессий 10 и 11 января, 18 и 19 июня и XLI очередной сессии 1907 г. (с приложениями). Уржум: Тип. Ф.П. Окишева, 1908.

8. *Кириллов Я.* Горное заделье «Нолькинский камень» и его разработка // Марийское хозяйство. 1926. № 7–9. С. 84–93.

УДК 372.882

М.О. Епанешникова
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
(г. Ижевск)

ОПЫТ ТЕАТРАЛИЗАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ (на примере культурно-образовательного проекта «Уроки литературы в театре»)

В статье рассматривается опыт проектной деятельности Сургутского театра и департамента образования города Сургут, в рамках которой одной из форм преподавания литературы в школах являлось системное проведение уроков в театре с посещением спектаклей. Целью статьи является изучение данной практики повышения интереса к литературе средствами театрализации. Формы преподавания литературы, описанные в статье, могут быть использованы преподавателями как школ, так и вузов.

Ключевые слова: *литература, школа, театр, спектакль, внеурочная деятельность, синергия.*

The article examines the project of Surgut Theater and Surgut Department of Education, in which literature lessons were given in the theatre and school children attended the performances. The purpose of the article is to study this practice of increasing interest in literature by means of staging. The forms of teaching literature described in the article can be used by teachers of both schools and universities.

Key words: *literature, school, theater, performance, extracurricular activities, synergy.*

Значение средств театрализации в образовательном процессе можно рассматривать с нескольких ракурсов. Во-первых, в узко практическом применении, для лучшего усвоения литературного

материала; во-вторых, более обобщенно, с точки зрения общекультурного развития обучающихся.

Первый подход к оценке значения театрализации в образовательном процессе позволяет преодолеть определенные трудности понимания произведений, возникающие у обучающихся. Такие особенности драмы, как концентрированность действия (или – в новой драме, у Чехова, например, отсутствие видимого действия, конфликта), а также значимость речевого высказывания персонажа, не позволяют неподготовленному читателю проникнуться произведением, осознать проблематику и т.д. Поэтому драматические произведения требуют особого подхода и дополнительных навыков в работе с текстом, что предполагает посещение театра учащимися. Театр выступает той институцией, которая решает задачу актуализации классики – и не только драмы, но и прозы, поэзии. «Классические тексты являются самыми очевидными вехами культурной истории человечества, и проблема адаптации их к восприятию зрителя иной эпохи приобретает особенное значение» [1, с. 246]. Сегодня уже разработаны и апробированы различные методики, позволяющие использовать ресурс театрального искусства при преподавании литературы. Так, городской методический центр департамента образования и науки Москвы публикует методические рекомендации для школ «Об организации образовательного процесса с использованием возможностей театрального искусства», подчеркивая, что «на основе театрализованной деятельности можно реализовать практически все задачи воспитания, развития и обучения детей, поэтому принцип интеграции в организации внеурочной деятельности по предмету выходит на первое место в формировании универсальных учебных действий» [2].

Второй аспект значимости театрализации в школьном образовании – общекультурный, метапредметный. В основе его лежит идея – вести школьников в театр с целью их приобщения к литературной и театральной сокровищнице России и мира, осознания литературы как неотъемлемой составляющей мировой культуры.

Обозначенные подходы к использованию средств театрализации в преподавании литературы в школе наталкивают заинтересованные

стороны (школу, театр) на развитие проектной деятельности. Под проектной деятельностью при этом понимается «способ достижения цели через детальную разработку проблемы в условиях ограниченности по срокам и ресурсам, которая должна завершиться вполне определенным практическим результатом, оформленным тем или иным образом» [3, с. 4].

Опыт театрализации рассмотрим на примере реализации инновационного культурно-образовательного проекта «Уроки литературы в театре». Проект разработан в 2015 г. в бюджетном учреждении ХМАО – Югры «Сургутский музыкально-драматический театр» (далее – Сургутский театр) – крупнейшем профессиональном театре указанного региона. Автор проекта – режиссер кандидат педагогических наук заслуженный работник культуры России Тамара Лычкатая (на тот момент – директор Сургутского театра). Соавтором проекта выступила Татьяна Османкина – кандидат педагогических наук (на тот момент – глава департамента образования администрации Сургута). Разработчиками проекта двигала убежденность, что сложное взаимодействие, в котором находятся литература и театр, способно при неформальном подходе открыть возможности эффективно формировать интерес к литературе и театру у учащихся школ, стимулировать творческую мыслительную деятельность обучающихся, расширять кругозор и укреплять их веру в величие мировой и российской художественной культуры.

Разработчики проекта опирались на постулаты Концепции программы поддержки детского и юношеского чтения в РФ, Концепции преподавания русского языка и литературы в РФ, Концепции развития театрального дела в ХМАО – Югре.

Поскольку мероприятия проекта должны были реализовываться в рамках образовательного процесса (внеурочная деятельность), разработчиками учитывались следующие требования к предметным результатам освоения базового курса литературы, установленным ФГОС среднего общего образования: знание содержания произведений русской, родной и мировой классической литературы, их историко-культурного и нравственно-ценностного влияния на формирование

национальной и мировой литературы; сформированность представлений об изобразительно-выразительных возможностях русского языка; сформированность умений учитывать исторический, историко-культурный контекст и контекст творчества писателя в процессе анализа художественного произведения; способность выявлять в художественных текстах образы, темы и проблемы и выражать свое отношение к ним в развернутых аргументированных устных и письменных высказываниях; осознание художественной картины жизни, созданной в литературном произведении, в единстве эмоционального личностного восприятия и интеллектуального понимания.

Правовыми основами реализации проекта выступили Концепция поддержки и развития чтения в ХМАО – Югре, нормативные акты на уровне муниципальных образований Сургут и Сургутский район, соглашения о сотрудничестве, заключенные театром с партнерами проекта.

Участниками проекта, то есть юридическими лицами, вовлеченными в реализацию проекта, выступили Сургутский театр, департаменты образования муниципалитетов Сургут и Сургутский район, филологический факультет Сургутского государственного педагогического университета. У всех участников проекта определена ответственность за выполнение конкретных задач на разных этапах его реализации.

Формально заказчиком проекта являются органы исполнительной власти муниципалитетов, однако финансирование осуществляется из личных средств родителей учащихся. В широком смысле спонсором проекта выступает государство, так как именно на средства бюджетной субсидии на исполнение госзадания Сургутским театром создаются спектакли и именно государство обеспечивает проект административными и материальными ресурсами.

Цель проекта, согласно официальным документам, – повышение интереса к чтению и литературе средствами театрального искусства. Задачи проекта: межведомственная консолидация усилий сфер образования и культуры в поддержке и популяризации чтения; подготовка обучающихся 10-х классов к итоговому сочинению;

формирование культуры досуга обучающихся; популяризация театрального искусства.

Содержание проекта определено в названии: два раза в месяц всем старшеклассникам Сургута на сцене театра преподают уроки литературы, которые сразу же за этим закрепляются просмотром спектакля и, позже, последующим обсуждением заданных автором тем в классе. Уроки литературы со сцены театра проводят высокопрофессиональные, креативные учителя словесности Сургута, а также талантливые молодые преподаватели и студенты филологического факультета СурГПУ.

Разработчики определяют данный проект как инновационный. Под «инновацией» в образовании понимаются «нововведения – целенаправленные изменения, вносящие в образование новые элементы и вызывающие его переход из одного состояния в другое» [5, с. 159]. В социальном аспекте любая инновация способствует «удовлетворению возрастающих потребностей общества, отдельных групп» [4, с. 169]. Из аргументации разработчиков проекта можно выделить пять аспектов, акцентирующих его инновационность:

1. Все мероприятия проекта (и урок литературы, и спектакль) проходят **на профессиональной сцене** и в зрительном зале на 500 мест. Спектакли не дают в актовых залах школ.

2. Проект отличают **системность и неформальность подхода**: предполагается, что каждый школьник в течение учебного года увидит 5 спектаклей по классике. Уроки литературы в театре не посещают случайные учащиеся. Уже со второго урока у учащихся формируется привычка приходить в театр, которая, как надеются разработчики, со временем вырастет в эстетическую потребность.

3. Речь идет о **синергетическом эффекте**, который порожден именно взаимодействием двух видов искусств. Формат проекта – это объединение на театральной сцене теоретического ресурса литературы и эмоционального воздействия театра. Сначала на сцене идет креативный урок литературы с использованием средств мультимедиа, затем – спектакль, и разъединить эти составляющие

проекта непозволительно. Безусловно, к ведению урока на аудиторию в полтысячи учащихся готов далеко не каждый учитель. К такому уроку выдвигаются дополнительные требования: он не должен затеряться в памяти после яркого сценического действия. «Если педагогу, работающему в традиционной системе, достаточно владеть педагогической техникой… то для перехода в инновационный режим определяющей является готовность педагога к инновациям», т.е. «способность решать педагогические задачи с учетом конкретных условий практической деятельности. Очевидно, определение готовности к инновационной деятельности не может ограничиваться характеристиками опытности, мастерства и профессионализма» [5, 177]. По ходатайству театра учителя – участники проекта за свой вклад в дело продвижения чтения и театрального искусства награждаются благодарственными письмами органов исполнительной власти Сургута.

4. Спектакли не создаются специально для проекта, данный проект **не является неким приложением к школьной программе**. В рамках проекта представляются спектакли текущего репертуара театра. Нужно подчеркнуть, что в формировании репертуара Сургутского театра отдается приоритет классике, однако театр всегда предлагает режиссерское ее прочтение. Предварительно учащихся знакомят с современной парадигмой театрального процесса – в XX в. главенствующими личностями в театральном деле становятся режиссеры, появляется понятие «режиссерская школа». В своей трактовке классики режиссеры ищут в ней мотивы, созвучные современности, предлагают свои версии прочтения уже канонических произведений, расставляя актуальные акценты. Большинство юных зрителей готовы к тому, что в театре они увидят именно оригинальное режиссерское прочтение классики, а не спектакль, иллюстрирующий замысел драматурга.

5. **Показ спектаклей в рамках проекта осуществляется не бесплатно и не за счет государства**. Согласие на приобретение билета в театр (стандартная цена для школьников – 200 рублей) дают родители учащихся. С 2021 г. можно приобретать билеты за счет средств «Пушкинской карты».

На данный момент составляющими проекта выступают: «Уроки литературы в театре для 10–11-х классов», «Уроки литературы в театре для 5–6-х классов» (с 2017 г.). Структура проекта, повторимся: 1) урок литературы на сцене театра, проводимый учителями литературы / преподавателями и студентами университета, 2) показ спектакля, 3) обсуждение увиденного на уроках в классе, написание отзывов, сочинений, эссе.

Так, проект для 10–11-х классов включает следующие мероприятия (вариативно в зависимости от репертуара текущего творческого сезона):

1. Вводный урок «Литературы дух великий» с показом спектакля-эссе «Значит, нужные книжки ты в детстве читал!» (режиссер Т. Лычкатая).

2. Урок «Величие пушкинского слова» с показом спектакля «Иди, куда ведет тебя свободный ум!» по поэме А.С. Пушкина «Анджело» (режиссер Ю. Уткина).

3. Урок «О недорослях прошлого и настоящего» с показом спектакля «Чудо в перьях» по комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль» (режиссер В. Матийченко).

4. Урок «Этот мир из серебра…» с показом спектакля «Среди миров, в мерцании светил…» по произведениям поэтов Серебряного века (режиссер Т. Лычкатая).

5. Урок «Никто не забыт» с показом спектакля «Имена на поверке» по произведениям поэтов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны (режиссер Т. Лычкатая).

6. Урок «Ах, водевиль!» с показом спектакля «Вечер русских водевилей» по произведениям Д. Ленского и В. Соллогуба (режиссер Е. Долгина).

7. Урок «Гоголь жжет» с показом спектакля «Женитьба» по одноименной пьесе Н.В. Гоголя (режиссер Л. Зайкаускас).

8. Урок «Птица-Гоголь» с показом спектакля «Шинель» по одноименной повести Н.В. Гоголя (режиссер Ю. Уткина).

9. Урок «Последние времена» с показом спектакля «Гроза» по одноименной пьесе А.Н. Островского (режиссер П. Орлов).

10. Урок литературного краеведения с показом спектакля «Я… счастлив тем, что счастлив… быть!» по произведениям сургутского поэта Петра Суханова (режиссер Т. Лычкатая).

С течением времени проект «Уроки литературы в театре» доказал эффективность. Начиная со старта, проект ежегодно пролонгируется. Проектом охвачены 33 школы Сургута. Если в 2015 г. на мероприятиях проекта было порядка 4 тысяч зрителей, то в 2019 г. – более 7 тысяч человек. В 2015 г. проект охватывал только учащихся 10–11-х классов, с 2017 г. к нему подключились учащиеся 5–6-х классов.

В 2018 г. проект с успехом презентован в рамках деловой программы VII Федерального фестиваля «Театральный Олимп» (Сочи), на VII Санкт-Петербургском Международном культурном форуме в секции «Литература и чтение». В 2020 г. презентован на Всероссийской практической конференции «Театральный комплекс XXI века» (Москва).

Результативность данной практики театрализации была доказана и в период пандемии коронавируса. Проект был трансформирован, уроки литературы готовили в записи. Для театра уже не стояла задача монетизировать эти уроки, важно было остаться востребованным для преподавателей словесности и обучающихся. Департамент образования передавал созданные записи отформатированных «уроков литературы в театре» преподавателям для дальнейшего использования. Структура записей: 1) урок, который проводит лектор; 2) мини-спектакль. По продолжительности две составляющие равны – около 22 минут каждая. Вступительную, лекционную, часть уроков оживляет сам вид «учителя». Заведующий литературно-драматургической частью театра Андрей Кулешов, выпускник филфака СурГПУ, подчеркнуто современно одет и подстрижен, видны татуировки на локтях; он излагает материал, приняв непринужденную позу, сидя в кресле в интерьерах в стиле loft. Интонации и жестикуляция рассказчика, использование (не обильное, но все же в достаточной мере сигнальное) сленговых слов, приемы монтажа наталкивают на сравнение с популярными

блогерами. Видимо, эти приемы нацелены на то, чтобы расположить к лектору подростковую аудиторию. Возможно, не каждый учитель одобрил бы такую подачу материала. Тем не менее, согласно открытой статистике соцсетей, перечисленные уроки были просмотрены от 2200 до 2700 раз.

Кроме того, как было указано выше, проект органично встроился в матрицу программы «Пушкинская карта», стартовавшей в 2021 г. по инициативе Президента России. «Пушкинская карта» – совместный проект Минкультуры, Минцифры и Почта Банка. Он позволяет молодым людям бесплатно посещать участвующие в программе театры, кинотеатры, музеи, выставки, филармонии и другие учреждения культуры за счет средств федерального бюджета. Участвовать могут молодые люди от 14 до 22 лет включительно. Деньги на покупку билетов поступают на карту «Мир». Номинал карты в 2022 г. – 5000 ₽. Открыть Пушкинскую карту можно в специальном мобильном приложении «Госуслуги.Культура» или в отделении банка – участника программы. Для того чтобы определиться с мероприятием по «Пушкинской карте», зрителю необходимо зайти на портал «Культура.РФ» в раздел «Пушкинская карта», выбрать нужный город и ознакомиться с афишей.

По информации, предоставленной сотрудниками департамента культуры ХМАО – Югры, в 2022 г. в Югре к программе подключились 72 учреждения автономного округа, 15 государственных и 57 муниципальных учреждений культуры. В творческом сезоне 2021–2022 гг. Сургутский театр стал лидером в регионе по числу посещений в рамках программы «Пушкинская карта». По оценке отдела продаж театра, приблизительно 60 процентов посетителей по «Пушкинской карте» – учащиеся школ.

В 2021 г. самыми посещаемыми спектаклями театра по «Пушкинской карте» были: «Коварство и любовь» по пьесе Ф. Шиллера, «Гроза» по пьесе А. Островского, «Чернобыльская молитва» по повести С. Алексиевич, «Метель» по повести А. Пушкина (как можно видеть, все произведения изучаются в школе на уроках литературы или факультативно). Нужно еще раз подчеркнуть, что спектакли

театра, поставленные по хрестоматийным произведениям, не являют собой иллюстрацию к пьесе, зрителей всегда знакомят с оригинальным прочтением произведения, в котором режиссер-читатель расставил важные для себя акценты и предложил свою трактовку, позволяющую актуализировать идеи, заложенные автором. Например, действие «Грозы» Островского разворачивается зимой, герои катаются на коньках. В спектакле «Метель» сцена бала решена в эстетике дискотеки. Для спектакля «Коварство и любовь» был выполнен новый перевод драматургической основы, купирующий пышноты шиллеровского слога, а финальная реплика фон Вальтера была переработана в монолог. Тем не менее для любых режиссерских идей есть объяснение. Об этом, как правило, знают педагоги, организовывающие коллективное посещение театра обучающимися и готовящие учеников к спектаклю.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Литовская М.А.* Адаптация языка классики к аудитории современного ТЮЗа // Литература и театр: Модели взаимодействия: сб. науч. ст. по итогам V Междунар. науч.-практ. конф.-фестиваля «АРТсессия». Челябинск: Энцикл., 2012. С. 246–260.

2. Методические рекомендации для школ «Об организации образовательного процесса с использованием возможностей театрального искусства»: сайт Город. метод. центра департамента образования и науки Москвы. 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://mosmetod.ru/metodicheskoe-prostranstvo/vospitatelnaya-rabota/metodicheskie-materialy/metodicheskie-rekomendatsii-dlya-shkol-ob-organizatsii-obrazovatelnogo-protsessa-s-ispolzovaniem-vozmozhnostej-teatralnogo-isku.html (дата обращения: 24.08.2022).

3. Основы проектной деятельности: учеб. пособие / С.Г. Редько и др. СПб., 2018. 84 с. [Электронный ресурс]. URL: https://elib.spbstu.ru/dl/2/s18-134.pdf/view (дата обращения: 24.08.2022).

4. *Симонова И.Ф.* Социально-культурное проектирование: современные подходы и технологии: учеб. пособие. СПб.: Наукоемкие технологии, 2020. 250 с.

5. Современные проблемы науки и образования: учеб. пособие / авт.-сост.: Г.Я. Гревцева, М.В. Циулина. Челябинск: Цицеро, 2015. 200 с.

УДК 78.071.2(477)(092)

Г.В. Забышная
ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси»
(г. Минск)

О ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАДИМИРА ПИРАДОВА В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ БЕЛАРУСИ

Статья посвящена творческой деятельности главного дирижера Большого театра Беларуси Владимира Пирадова. Автор предпринял попытку дополнить имеющуюся информацию о дирижере сведениями из его «Личного дела», а также воссоздать целостную картину творческой деятельности дирижера именно в белорусском театре посредством сбора и систематизации материалов архива Большого театра Беларуси. В статье использованы материалы также Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства, с помощью которых автор дает характеристику творческой деятельности В. Пирадова сквозь призму содержания отзывов и рецензий на одну из его постановок на сцене белорусского театра – оперу «Князь Игорь» А. Бородина.

Ключевые слова: *творческая деятельность, главный дирижер, личное дело, архив.*

The article describes the creative activity of Vladimir Piradov – the chief conductor of the Bolshoi Theatre of Belarus. The author has made an attempt to supplement the available information about the conductor with the facts from his "Personal File", as well as to analyze a complete picture of the conductor's creative activities in the Belarusian theatre through the collection and systematization of materials from the Bolshoi Theater of Belarus archives. The article also uses the materials of Belarusian State Archives and Museum of Literature and Arts, with the help of which the author gives the characteristics of Vladimir Piradov's creative activity based on reviews and critiques on one of his productions on the stage of Belarusian theatre – the opera «Prince Igor» by Alexander Borodin.

Key words: *creative activity, chief conductor, personal file, archive.*

Годы восстановления и возрождения Белорусской ССР после трагических событий Великой Отечественной войны, а именно 1948–1950-е гг., ознаменовались для Большого театра Беларуси* периодом значительного роста и развития творческой труппы. В 1948 г. главным дирижером Большого театра Беларуси был назначен в результате перевода из Москвы Пирадов Владимир Иосифович (1892–1954) – народный артист Казахской ССР (1943) и Украинской ССР (1947).

О жизненном пути В. Пирадова, а также о периоде его творческой деятельности в Беларуси фондом «АНИВ»** была написана статья [5], из которой мы узнаем подробности обстоятельств, при которых дирижер был направлен в Минск на должность главного дирижера Большого театра Беларуси. В статье содержатся сведения, касающиеся получения В. Пирадовым профессионального образования, указаны его основные места работы в качестве дирижера и педагога. Упомянуты также его творческие контакты с композиторами и оперными солистами. Вместе с тем в архиве Большого театра Беларуси представлены материалы, с помощью которых можно дополнить имеющуюся информацию о В. Пирадове, что позволит создать более полную картину его жизненного и творческого пути именно в период службы в Большом театре Беларуси.

Краткие биографические данные, а именно дату и место рождения, место получения образования, а также сведения об основной творческой деятельности в разных театрах и перечень постановок В. Пирадова можно узнать из музыкальной энциклопедии [7] и энциклопедии фонда «Хайазг» [2]. Но, к сожалению, информация в названных источниках является лаконичной и не содержит детальных подробностей о жизненном и творческом пути выдающегося

---

* Тогда – Государственный Большой театр оперы и балета Беларуси.

** Фонд развития и поддержки арменоведческих исследований «АНИВ» при поддержке бренда «АрАрАт» реализует проект по изданию календаря «Армяне в Беларуси». В нем представлены биографические очерки об армянах, чья жизнь и деятельность связаны с Беларусью: политиках, хозяйственниках, военачальниках, ученых, театралах, музыкантах и других.

дирижера В.И. Пирадова. Таким образом актуализируется проблематика данного исследования.

Все вышесказанное определило цель настоящей работы – посредством сбора и систематизации архивных материалов в Беларуси дополнить и уточнить имеющиеся сведения о творческой деятельности В. Пирадова, возглавлявшего труппу театра в период с 1948 по 1950-е гг. Цель исследования продиктовала следующие задачи: провести поисковую работу в архиве Большого театра Беларуси и выявить уникальные материалы по теме; систематизировать и интегрировать дополнительные сведения по деятельности В. Пирадова в уже имеющиеся материалы; дать характеристику творческой деятельности В. Пирадова в качестве главного дирижера Большого театра Беларуси; выявить отзывы об одной из постановок В. Пирадова – опере «Князь Игорь» Александра Бородина.

Нами была проведена поисковая работа в архиве Большого театра Беларуси, где хранится «Личное дело» дирижера. Документы, которые имеются в «Личном деле», представляются уникальными с точки зрения новизны, поскольку содержат сведения, которые труднодоступны и в связи с этим до сих пор не были использованы. На основе выявленных материалов из «Личного дела» В. Пирадова мы получили возможность воссоздать целостную картину жизненного и творческого пути дирижера в период его работы в качестве главного дирижера Большого театра Беларуси.

В процессе поисковой работы в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства мы выявили фонд Ларисы Помпеевны Александровской [4], в котором представлены статьи, заметки, вырезки из газет и журналов о спектаклях белорусского театра с участием певицы, где также содержатся отзывы о работе дирижеров над этими постановками. Среди этих материалов есть и упоминания о работе Владимира Пирадова, а именно в статьях белорусских музыковедов Исидора Нисневича и Бронислава Смольского. Авторы характеризуют работу дирижера в качестве постановщика и отмечают высокий профессиональный уровень исполнения как оркестра, так и творческой труппы в целом. Сведения из материалов фонда Ларисы Александровской мы также будем

интегрировать в нашу работу с целью дополнения информации о творческой деятельности В. Пирадова.

«Личное дело» В.И. Пирадова (начато 14.12.1948 – окончено 07.09.1950) [3] хранится в архиве Большого театра Беларуси. В нем содержатся следующие документы: «Личный листок по учету кадров» (заполнен рукой дирижера); «Дополнение к пункту 34 анкеты» и «Автобиография» (оба рукописные); «Выписки из приказов» о назначении на должность, объявлении благодарности, установлении оклада; краткая и полная «Характеристики»; «Справка». Данные документы предоставляют нам весьма полезный и никому ранее не известный материал о подробностях работы В. Пирадова в Большом театре Беларуси. (При цитировании оригиналов документов «Личного дела» считаем необходимым сохранять знаки пунктуации и орфографию.)

«Личный листок по учету кадров» (с фотографией) заполнен лично Владимиром Иосифовичем 2 февраля 1949 г. и заверен его подписью, что свидетельствует, на наш взгляд, о достоверности содержащейся в нем информации. Так, например, в графе об образовании написано: общее образование – среднее, музыкальное – высшее. Среди учебных заведений дирижер приводит Тбилисскую 2-ю мужскую гимназию, в которой он занимался девять лет (1902–1910) по специальности «дирижер», а также Тбилисскую государственную консерваторию, которую он окончил в 1914 г. по специальности «дирижер оперы». Здесь следует уточнить, что в имеющихся информационных источниках, где содержатся краткие биографические сведения о В. Пирадове, среди учебных заведений указано только Тбилисское музыкальное училище (окончено в 1914 г.), что не соответствует действительности: в 1914 г. дирижер уже имел высшее музыкальное образование, а среднее учебное заведение, в котором он учился до Тбилисской консерватории, – была гимназия, а не училище [6, с. 1].

В «Личном листке по учету кадров» также есть пункт о выполняемой работе с начала трудовой деятельности, содержащий внушительный список городов и театров, в которых Владимир Иосифович проработал до Большого театра Беларуси. Дирижерская карьера В. Пирадова началась сразу же по окончании им в 1914 г.

консерватории в Тбилиси, где он начал работать дирижером оперы Тбилисского государственного казённого театра (1914–1918). После столицы Грузии следует работа в Баку (1918–1922), Ташкенте (1922–1923, 1924–1925) и Казани (1923–1924).

После периода работы штатным дирижером в разных театрах, накопления опыта и репертуарного багажа для В. Пирадова начинается новый творческий этап: он получает первое приглашение на должность главного дирижера Московской свободной оперы «Аквариум» (1925–1927). С этого момента карьера Владимира Иосифовича вышла на новый уровень. Начиная с периода работы в Москве, он всегда – главный дирижер: Ташкентская государственная опера (1927–1928), Бакинская государственная опера (1928–1929), Московская передвижная опера (1929–1930; Челябинск, Молотов, Киров), Дальневосточная краевая опера Владивостока (1930–1931), Свердловская государственная опера (1931–1934), Ереванская государственная опера (1934–1935), Горьковская краевая опера (1935–1936), Киевский государственный ордена Ленина академический театр оперы и балета (1936–1941). В последующие годы наряду с должностью главного дирижера В. Пирадов был художественным руководителем Казахской государственной оперы в Алма-Ате, куда он был эвакуирован в годы Великой Отечественной войны (1941–1944), а также Харьковской государственной оперы (1944–1947). Отметим, что сведения из «Личного листка по учету кадров» дают полную картину карьерного роста и творческой деятельности В. Пирадова в республиках Советского Союза, в то время как в указанных выше источниках перечислены лишь некоторые из большого числа стран и театров, причем без указания дат.

После войны В. Пирадов вновь вернулся в Москву, где стал дирижером Большого театра Союза ССР (1947–1948). Однако вскоре Владимир Иосифович был направлен на пост главного дирижера Белорусского театра оперы и балета (1948). Из статьи, посвященной дирижеру, [5] мы узнали, что после его приезда в Большой театр, главным дирижером стал Н.С. Голованов, который и предложил ему занять место главного дирижера в белорусском театре. Так с 1948 г. начался минский период в творческом пути Владимира Иосифовича. Об этом свидетельствует «Личное дело», в котором есть

«Выписка из приказа № 861» (от 6 декабря 1948 г.), подтверждающая перевод дирижера в Минск: «…Назначить главным дирижером и художественным руководителем Государственного театра оперы и балета Белорусской ССР с 6 декабря 1948 г., в порядке перевода из Государственного Академического Большого театра Народного артиста УССР и Каз. ССР профессора Пирадова В.И.» [3, с. 6].

С целью уточнения дат премьер каждого спектакля, поставленного под руководством Владимира Пирадова, мы обратились к таблицам-перечням премьерных постановок спектаклей театра с указанием точных дат и состава творческой труппы (главный дирижер, режиссер-постановщик, художник, хормейстер, балетмейстер и второй дирижер), которые были составлены работниками архива Большого театра Беларуси на основе имеющихся документов. Так, в годы службы в Большом театре Беларуси постановочная деятельность Владимира Иосифовича была связана исключительно с операми, среди которых: белорусская опера «Алеся» Евгения Тикоцкого (?*); русские оперы – «Алеко» Сергея Рахманинова (1949), «Князь Игорь» Александра Бородина (?*), «Царская невеста» Николая Римского-Корсакова (1950) и «Иван Сусанин» Михаила Глинки (1950); оперы западноевропейских композиторов – «Проданная невеста» Берджиха Сметаны (1949) и «Кармен» Жоржа Бизе (1949). Подчеркнем, что в данной таблице со списком премьерных постановок В. Пирадова значится вдвое больше спектаклей, чем указано в других источниках о дирижере.

Как упоминалось выше, мы провели изыскательскую работу в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства на предмет поиска материалов, которые бы содержали сведения о постановочной деятельности В. Пирадова. Так, в фонде Ларисы Помпеевны Александровской [4] содержатся статьи, заметки и вырезки из газет, в которых мы нашли отзывы о работе дирижера над постановками. Эти отзывы характеризуют одну из самых успешных постановок под руководством Владимира Иосифовича – оперу «Князь Игорь» Александра Бородина, что также отмечено в его

* Дата премьеры неизвестна.

«Личном деле». За постановку этого спектакля дирижер был представлен на соискание Сталинской премии: «…Особенно большая работа была проделана В.И. Пирадовым по опере «Князь Игорь» – Бородина. Этот спектакль по своим музыкальным достоинствам является одним из лучших в репертуаре театра по сей день» [8, с. 1].

Среди материалов фонда Л.П. Александровской содержится статья «Патриотический спектакль», в которой Бронислав Смольский отмечает роль и заслугу оркестра в постановке под управлением Владимира Пирадова: «Значительных успехов добился оркестр во главе с дирижером В. Пирадовым. Особенно выразительно (…) была исполнена увертюра, чем хорошо подчеркнуто основное настроение оперы» [4, с. 26]. Высокопрофессиональный исполнительский уровень оркестра также отмечает Игорь Нисневич, говоря, что музыка спектакля была на большой высоте: «Глядач з задавальненнем успрымае ігру аркестра. Пераканаўча, усхвалявала выконваецца уверцюра да оперы, вельмі легка, маляўніча і з бляскам гучаць палавецкія танцы» [4, с. 27]. В свою очередь, руководство театра также положительно и высоко оценило стиль работы В. Пирадова с оркестром в этой опере, особенно выделяя успешное раскрытие дирижером такого монументального эпического произведения, сохранившего свою актуальность, а также и то, что интерпретация маэстро ярко подчеркивала основные темы оперы, раскрывая музыку Александра Бородина [8, с. 1].

Наряду с музыкально-театральной деятельностью В. Пирадов занимался педагогической практикой. Дирижер преподавал в Белорусской государственной консерватории им. А.В. Луначарского на кафедре подготовки вокальных и дирижерских кадров, где был утвержден в звании профессора [8, с. 1].

За годы службы В. Пирадова в белорусском театре творческая труппа получила колоссальное развитие, а качество исполнительства вышло на новый профессиональный уровень. В «Ходатайстве», представлявшего дирижера на соискание Сталинской премии, есть строки, подтверждающие это: «Для укрепления творческой работы и повышения художественно-музыкального состояния Белорусского оперного театра, нами был в 1948 г. приглашен (…) тов. Пирадов В.И.

(…) Приглашение и пребывание в Белорусском оперном театре Пирадова В.И. вполне себя оправдало. За период его работы качественный уровень спектаклей был значительно повышен» [3, с. 19].

В 1950 г. В. Пирадов решил уволиться из Большого театра Беларуси, однако руководство не хотело отпускать дирижера, пыталось выяснить причины, по которым он решил покинуть свой пост, что говорит о том, насколько высоко ценили Владимира Иосифовича как музыканта и руководителя. Так, в «Выписке из приказа № 137» начальнику Управления по делам искусств при Совете Министров Белорусской ССР (от 23 мая 1950 г.) сказано: «Главным дирижером театра тов. ПИРАДОВЫМ В.И. подано мне три заявления об уходе из театра. Мною были предприняты меры, лично выяснить и устранить моменты, мешающие ему в работе (…) переговоры положительных результатов не дали (…) прошу переговорить (…) и урегулировать вопрос о его работе в театре» [3, с. 14]. Однако в результате многочисленных просьб Владимира Пирадова последовало его увольнение. «Справка» (от 7 сентября 1950 г.) гласит: «Освобожден от работы в театре с 26.VIII-50г. на основании приказа № 726 от 25.VIII–с.г. Комитета по делам искусств при Совете Министров БССР» [3, с. 23].

Из статьи, подготовленной фондом «АНИВ», мы можем почерпнуть и сведения о причине внезапного увольнения Владимира Иосифовича из Большого театра Беларуси: «Семейные обстоятельства вынудили Пирадова переехать в Киев, где в 1950–1954 гг. он занимает должность главного дирижера Киевского академического театра оперы и балета им. Т. Шевченко и преподает в Киевской консерватории. 20 апреля 1954 г. В.И. Пирадов скончался. Похоронен Владимир Иосифович на Байковом кладбище в Киеве» [5]. Отметим, что эта информация отсутствует в материалах и документах «Личного дела».

Подведем итоги. Документы и материалы архива Большого театра Беларуси и Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства являются уникальным и достоверным источником информации о деятельности главного дирижера и художественного руководителя театра Владимира Пирадова. На основе

сбора, классификации и систематизации документов из «Личного дела» дирижера мы пришли к выводу, что большую ценность представляют «Личный листок по учету кадров», «Автобиография», «Приказ», «Благодарность», «Характеристика», «Справка», которые проливают свет на целый ряд малоизвестных фактов творческой деятельности В. Пирадова в театре.

Архивные документы свидетельствуют о том, что Владимир Пирадов возглавлял Большой театр Беларуси на посту главного дирижера и художественного руководителя в послевоенный период (1948–1950), имея большой опыт работы в этой должности в других известных театрах СССР. В. Пирадова направили в Большой театр Беларуси посредством перевода с целью поднятия исполнительского уровня творческой труппы на новый качественный уровень, что ему удалось осуществить за годы своей службы в театре. Нами также были выявлены отзывы об одной из постановок Владимира Иосифовича Пирадова – опере «Князь Игорь» Александра Бородина, в которых исполнительский уровень оркестра под управлением мастера был высоко оценен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автобиография // Архив Большого театра Беларуси. Ф. 20. Оп. 4. Лич. д. 847. 2 л.

2. Армянская энциклопедия фонда «Хайазг» [Электронный ресурс]. URL: http://ru.hayazg.info/ (дата обращения: 22.02.2022).

3. Архив Большого театра Беларуси. Ф. 20. Оп. 4. Лич. д. 847. 23 л.

4. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИИ). Ф. 316. Оп. 1. Д. 97. Арк. 759.

5. Владимир Иосифович Пирадов [Электронный ресурс]. URL: https://miasin.by/2017/07/01/vladimir-iosifovich-piradov/ (дата обращения: 13.02.2021).

6. Личный листок по учету кадров // Архив Большого театра Беларуси. Ф. 20. Оп. 4. Лич. д. 847. Л. 1–3.

7. Музыкальная энциклопедия: [в 6 т.] / гл. ред. Ю.В. Келдыш. М.: Сов. энцикл.: Сов. комп., 1973–1982.

8. Характеристика // Архив Большого театра Беларуси. Ф. 20. Оп. 4. Лич. д. 847. 2 л.

УДК 316:39

Г.С. Зеленеева
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД (по материалам социологических исследований)

Статья посвящена исследованию функционирования в современный период национальных языков в Республике Марий Эл по результатам социологических исследований последних лет.

Ключевые слова: *марийский язык, татарский язык, язык межэтнического общения, полиэтничный регион, этнообъединительная функция национальных языков.*

The article is devoted to the study of national languages functioning in the Republic of Mari El in the modern period based on the results of sociological research of recent years.

Key words: *the Mari language, the Tatar language, language of interethnic communication, polyethnic region, ethno-unifying function of national languages.*

Язык является одним из этнических маркеров, и именно он дает возможность идентифицировать себя индивиду с той или иной этнической общностью. Национальную и этническую идентичность необходимо изучать в тесной связи с национальным языком. На современном этапе сохранение национальных языков является нелегкой задачей. С одной стороны, это влияние процессов урбанизации, глобализации, формирование полиэтничного общества, с другой – стремление руководства многонациональной страны сформировать у населения определенную единую гражданскую идентичность.

Этническая принадлежность дается индивиду вместе с рождением, умением говорить на «родном» языке, культурным окружением,

в которое человек попадает и которое, в свою очередь, демонстрирует поведение, психологию, самопознание, принятые в данной социокультурной среде. Помимо речевых коммуникаций, язык вдохновляет своих носителей, пробуждает в них чувства, т.е., по мнению исследователей, «решающим в отношении достоинств и недостатков того или иного языка является не то, что способен выразить данный язык, а то, на что этот язык вдохновляет и к чему побуждает благодаря собственной внутренней силе» [1, с. 327–343]. По мнению В. фон Гумбольдта, считавшего, что национальный язык – это основа для формирования самобытности каждого народа, язык – это не только средство общения, это код, содержащий основные духовные и нравственные ценности, а также культурные ориентиры для национального развития [1, с. 329].

Республика Марий Эл – одна из полиэтничных регионов Российской Федерации, обладающая достаточно огромным культурным достоянием. Самыми многочисленными этносами, проживающими в республике, являются русский – 45,1 %, марийский – 41,8 % и татарский – 5,5 %, представители других национальностей составляют 7,6 % [5, с. 6]. В республике стабильные межнациональные отношения, высокий уровень толерантности, высокий образовательный и культурный уровень населения.

Формирование полиэтничной среды в регионе, особенно в городах и поселках городского типа, не способствует сохранению национальных языков, повседневное общение осуществляется на русском языке, являющегося в регионе одним из государственных языков и языком межэтнического общения. Русский язык преобладает почти повсеместно, имеет более высокий общественный статус. При проведении этносоциологического исследования в 2019 г. мнение респондентов о функционировании государственных русского и марийского языков разделились следующим образом. Считают, что марийский и русский языки функционируют в полной мере как государственные 27,3 % респондентов. Более половины опрошенного населения считают, что в большей мере в республике используется как государственный русский язык (55,8 %). Утвердительно ответивших, что больше используется марийский язык, менее 1% опрошенных респондентов.

Рассматривая данный вопрос в динамике, мы видим, что количество респондентов, считающих, что в республике больше функционирует русский язык, увеличился к 2021 г. до 60 %. Результаты опросов 2019, 2021 гг. наглядно демонстрируют нам степень функционирования в республике государственных языков, нужно отметить, что, по мнению большинства респондентов, марийский язык недостаточно функционирует в республике в статусе государственного языка (табл. 1) [3, с. 13, 82; 4, с.14, с.83].

Таблица 1

Как Вы считаете, в полной ли мере функционируют русский и марийский языки как государственные?

	2019 г.	**2021 г.**
Да, в полной мере функционируют русский и марийский языки	27,3	25,1
Больше используется русский язык, чем марийский язык	55,8	60,1
Больше используется марийский язык, чем русский язык	0,9	0,6
Нет, русский и марийский языки функционируют не в полной мере	1,4	1,0
Не могу сказать определенно	13,5	13,0
Не ответили	1,1	0,2

В большей мере марийский язык, как языки других этносов, сохраняется в сельской среде, но и здесь происходят процессы оптимизации, отток населения в экономически более развитые районы республики (города и пгт). По данным переписи населения 2012, 2013, 2014 гг., городское население г. Йошкар-Олы и Волжска численно не уменьшилось, а наоборот увеличилось, за исключением г. Козьмодемьянска. Анализируя данные переписи за аналогичный период по сельским поселениям, мы будем отмечать планомерную убыль населения во всех районах республики. Соответственно, постепенно сокращается численность носителей коренных языков (марийского, татарского, удмуртского и т.д.) [6, с. 12–28].

Русский язык в качестве родного указали 48,3 % респондентов в 2019 г. и 48,2 % в 2021 г., марийский язык за указанный

период в качестве родного указали более трети опрошенных респондентов, татарский – в пределах 5 % респондентов. Некоторая часть респондентов указала в качестве родного языка одновременно русский и марийский языки (более 10 %), и русский и татарский (более 1 %). На наш взгляд, двойной родной язык могли указать респонденты, рожденные в этнически смешанных семьях, а также некоторая часть мари и татар, проживающих в условиях полиэтничной городской среды (табл. 2).

Таблица 2

Родной язык респондентов

	2019 г.	**2021 г.**
Марийский	30,5	30,7
Русский	48,3	48,2
Татарский	5,3	4,9
Другой	1,4	3,4
Русский и марийский	11,9	10,6
Русский и татарский	1,0	1,5
Русский и другой	0,9	0,5
Татарский и другой	0,2	0,2
Не ответили	0,5	0,0

Рассматривая данный вопрос в зависимости от этнической принадлежности респондентов за рассматриваемый период, мы наблюдаем небольшое увеличение (около 6 %) среди респондентов мари, которые назвали своим родным языком марийский язык. Среди респондентов татарской национальности показатель родного языка (татарского) также возрос на 9,6 %. Среди наших респондентов марийской национальности родным языком одновременно назвали и русский язык, и марийский 22 %. У респондентов татар данный показатель составил в 2019 г. более 14 %, в 2021 г. снизился до 8,6 % (табл. 3).

До настоящего времени существует множество гипотез и предположений по поводу распространения двуязычия. С одной стороны, двуязычие способствует взаимоотношению представителей различных этносов между собой, с другой стороны, выдвигается предположение о том, что двуязычие впоследствии может привести к постепенной ассимиляции этносов, применяющих двуязычие.

Таблица 3

Родной язык респондентов в зависимости от национальности (в % от числа опрошенных)

	Русские		Мари		Татары		Другие	
	2019 г.	2021 г.	2019 г.	2021 г.	2019 г.	2021 г.	2019 г.	2021 г.
Марийский	2,2	0,9	66,9	72,7	0,0	0,0	9,5	2,6
Русский	92,3	93,9	9,7	5,1	6,1	2,5	35,7	34,0
Татарский	0	0,2	0,0	0,0	76,8	86,4	0,0	1,3
Другой	0,4	0,3	0,2	0,0	0,0	1,2	28,6	49,1
Русский и марийский	3,6	2,8	22,4	22,0	1,2	0,0	11,9	2,6
Русский и татарский	0,0	1,6	0,0	0,0	14,6	8,6	0,0	3,9
Русский и другой	0,9	0,3	0,0	0,0	0,0	1,2	14,3	4,4
Татарский и другой	0,0	0,0	0,2	0,2	1,2	0,1	0,0	2,1
Не ответили	0,6	0,0	0,6	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0

В большей мере представители марийского и татарского этносов ассоциируют родной язык с первичными связями (семья, родственники, круг общения).

По данным социологических исследований, общение у мари на родном языке в большей степени происходит в кругу семьи, между супругами и их родителями, нередко родной язык не прививается детям, в общественных местах общение происходит в основном на русском языке (табл. 4).

Таблица 4

Кроме семьи, где Вы еще используете марийский (родной) язык?

	2019 г.	2021 г.
В разговоре с друзьями	85,4	87,4
С коллегами по работе	51,2	38,8
В общественных местах (в магазине, в транспорте, на улице и т.п.)	67,1	61,2
В административных учреждениях	15,6	6,6
В Интернете	13,8	7,9
СМС-сообщениях	15,2	7,5
Другое	8,6	12,8

Для большинства респондентов первостепенным мотивом сближения с людьми своей национальности является язык. В национальном разрезе респонденты русской национальности, отметившие важность языка в качестве этнообъединительного фактора, составили около 80 %, марийской – более 80 %, татары – более 80 %. Никакие другие факторы, кроме как язык, по мнению респондентов, не влияют так сильно на консолидацию и сближение людей одинаковой этнической принадлежности (табл. 5).

Таблица 5

Что сближает Вас с людьми вашей национальности (в зависимости от национальной принадлежности)

Варианты ответов	2015 г.	2021 г.	2015 г.	2021 г.	2015 г.	2021 г.	2015 г.	2021г.
	Русские		Марийцы		Татары		Другие	
Язык	80,5	79,7	84,2	81,2	80,5	86,4	72,7	69,0
Народные обычаи	32,7	30,8	51,8	41,8	59,8	44,4	56,8	38,1
Историческое прошлое	45,4	36,5	42,0	39,7	29,9	22,2	36,4	38,0
Религия	16,8	16,5	13,3	11,5	49,4	34,6	2,3	16,5
Черты внешнего облика	6,8	5,7	7,9	4,9	3,4	7,4	2,3	4,4
Черты характера, психология	15,7	13,0	16,8	13,9	13,8	6,2	11,4	6,5
Одинаковое отношение к другим народам	14,5	10,6	10,4	11,3	10,3	2,5	27,3	18,0
Общая участь, одинаковое социально-общественное положение	7,5	9,0	8,1	10,9	4,6	3,7	9,1	18,3
Другое	0,7	15,7	0,2	27,3	1,1	7,4	0	38,9
Ничто не сближает	3,8	4,7	2,1	2,8	2,3	3,7	0	4,8
Затрудняюсь ответить	3,0	2,1	1,0	1,7	2,3	0,0	4,5	0,0
Не ответили	0,0	0,0	0,0	0,0	0	0,0	0,0	0,0

Просматривая динамику по данному вопросу, мы можем наблюдать высокую значимость языкового фактора в качестве этнообъединительного компонента из года в год. Так значимость факторов «народные обычаи», «одинаковое историческое прошлое», «религия» с течением времени постепенно ослабевает (табл. 6).

Таблица 6

Что сближает Вас с людьми вашей национальности (можно отметить несколько вариантов)

	2015 г.	**2019 г.**	**2021 г.**
Язык	81,8	75,7	80,0
Народные обычаи	43,5	40,1	36,6
Историческое прошлое	42,4	40,7	37,1
Религия	17,4	15,7	15,4
Черты внешнего облика	6,9	4,9	5,4
Черты характера, психология	15,7	9,7	12,6
Одинаковое отношение к другим народам	13,1	8,4	10,9
Общая участь, одинаковое социально-общественное положение	7,5	6,3	10,1
Другое	0,5	27,7	21,5
Ничто не сближает	2,8	3,7	3,8
Затрудняюсь ответить	2,2	1,7	0,0

Таким образом, для подавляющего числа русских, мари и татар, принимавших участие в опросе, национальный язык (русский, марийский, татарский) является родным и имеет большое значение для консолидации этих этносов, а также для сохранения национальной идентичности [2, с. 197].

В современном мире закладывается традиция многокультурности общества, этносам труднее сохранить свою этническую самобытность, передать последующим поколениям традиции, язык и культуру их предков. В последнее время со стороны государства

больше внимания фокусируется на формировании гражданской идентичности, какие-то меры, направленные на сохранение национальной, этнической идентичности, отодвигаются на второй план. В действительности, на наш взгляд, такие важные понятия как гражданская и национальная идентичность не взаимоисключающие, а дополняющие друг друга. Задача исследователей на сегодняшний день состоит в актуализации языкового вопроса, а также привлечения общественного внимания на современное состояние в области марийского языкознания. Национальный язык – это устойчивый этнический маркер, который способствует сохранению и передаче этнической идентичности, исторической памяти, передаваемые от старшего поколения к младшему.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гумбольдт фон В.* О различении строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 396 с.

2. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл: (материалы социол. исслед. 2019 г.): науч.-стат. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт-сост.: В.И. Шабыков, Г.С. Зеленеева, О.В. Орлова, А.В. Гуляев. Йошкар-Ола, 2016. 179 с.

3. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл: (материалы социол. исслед. 2019 г.): науч.-стат. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт-сост.: Г.С. Зеленеева, О.В. Орлова, В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2020. 186 с.

4. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл: (материалы социол. исслед. 2021 г.): науч.-стат.. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт-сост.: Г.С. Зеленеева, О.В. Орлова, В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2022. 208 с.

5. Национальный состав населения Республики Марий Эл: стат. сб. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл. Йошкар-Ола, 2012. 137 с.

6. Республика Марий Эл: стат. ежегодник «Республика Марий Эл. 2012» / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл. Йошкар-Ола, 2012. 512 с.

УДК 784 (476)

Е.В. Земскова
Государственное научное учреждение
«Центр исследований белорусской культуры, языка
и литературы Национальной академии наук Беларуси»
(г. Минск)

О НОВЫХ ФОРМАХ ХОРОВОЙ ПРАКТИКИ (на материале белорусского концертно-исполнительского искусства)

Статья посвящена одной из актуальных форм хорового исполнительства – виртуальной. Автор на материале современного белорусского хорового искусства дает характеристику различных видов виртуальной формы хорового исполнительства и определяет особенности их функционирования.

Ключевые слова: *виртуальный хор, проект-хор, хоровое исполнительство, типы хорового исполнительства, виртуальная форма хорового исполнительства.*

The article describes one of the topical forms of choral performance – virtual. The author, using the materials of the modern Belarusian choral art, gives the characteristics of various types of virtual forms of choral performance and defines their functioning peculiarities.

Key words: *virtual choir, project-choir, choral performance, types of choral performance, virtual form of choral performance.*

Панорама форм хоровой концертной практики многолика и постоянно изменяется. Так, например, есть академический, эстрадный или фольклорный концерт, лекция-концерт, концерт проект-хора, театрализованный (или мультимедийный) концерт и др. Весьма перспективной современной формой хоровой практики является исполнение произведений на основе создания специального проект-хора. Принципиальным отличием хора проектов от традиционного хорового коллектива является то, что репертуар для первого подбирается не под конкретный имеющийся состав исполнителей,

а наоборот, состав исполнителей создается для работы над определенным музыкальным произведением. Заметим, что творческий проект обычно носит временный характер и новый проект предполагает новые исполнительские силы.

Виртуальная форма хорового исполнительства, ставшая на волне эпидемии такой актуальной в последние годы, появилась более десяти лет назад. Суть данного типа исполнительства заключается в том, что репетиции проходят посредством использования интернет-технологий, в виртуальном пространстве. О виртуальном хоре писали такие исследователи, как А.А. Киричек, И.М. Бодяко, А.А. Пецевич, К. Грушка, М. Лоури, К. Кайари. Их работы включают анализ деятельности Эрика Витакера по созданию виртуальных хоров, а также детальное описание практического опыта самих авторов по внедрению виртуального исполнительства в свою певческую и преподавательскую практику. И.М. Бодяко называет виртуальный хор инновационным видом концертной деятельности, однако говорит о том, что здесь «исчезает общность исполнения и эмоциональное единство, на смену приходит впечатляющая картинка и индивидуальное отношение каждого певца» [1, с. 120]. Ж. Галван, М. Клаус считают, что преимущество виртуального хора – в возможности «асинхронного сотрудничества» певцов [3]. А Н. Шнейдерейт выделяет следующие препятствия в работе виртуального хора: это отсутствие возможности общения, несуществующая музыкальная координация исполнителя с окружающей средой, отсутствие обратной связи между участниками и руководителем хора [4]. Вместе с тем характеристике различных видов виртуального хорового исполнительства в Беларуси специальное внимание не уделялось. Таким образом актуализируется цель данной работы – выявление особенностей виртуальной формы хорового исполнительства в Беларуси. На материале современной белорусской хоровой практики мы дадим характеристику различным видам виртуальной формы хорового исполнительства и определим специфику их функционирования в современной музыкальной культуре.

Одной из существенных черт виртуальной формы хорового исполнительства является отсутствие совместных традиционных

встреч для репетиций и концертов. Кроме того, к отличительным особенностям виртуального исполнительства отнесем: демократичность в выборе участников; отсутствие ограничений по уровню профессиональной подготовки и музыкальному опыту; свободу в подборе кадров по персональным данным (возраст, место нахождения в момент осуществления проекта), по количественной компоновке проект-хора; специальные организационные правила (нет привязки к определенному времени репетиции или выступления); замену акустического концерта виртуальными технологиями презентации.

Подчеркнем, что организация виртуального исполнительства предполагает предъявление требований к обладанию техническими навыками в области соответствующих компьютерных программ. Важной особенностью является следование инструкциям по организации проекта, включающим специальную деятельность дирижера и исполнителей. Мировую известность приобрел виртуальный хор американского дирижера и композитора Эрика Витакера. Так, Эриком Витакером и Джейдом Скоттом определялось, что дирижер должен: создать видеозаписи своего дирижирования; сделать видеозапись каждой вокальной партии, объединенную с дирижерским видео; дать подробные инструкции для певцов в видео- или аудиоформате; подготовить саму нотную партитуру произведения, которое выбрано для виртуального исполнения. Затем все вышеописанные файлы размещаются на общедоступном ресурсе, а также создается папка для загрузки певцами своих записей [2]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что здесь проявляется еще одна специфическая особенность виртуальной формы хорового исполнительства – изменяется роль дирижера. Дирижер не только руководит непосредственно процессом исполнения, но и осуществляет техническую подготовку для создания возможности записи каждым участником своей партии; задает на своем видео характер исполнения, темп и другие параметры, но не может повлиять на процесс исполнения и управлять им непосредственно в момент виртуальной презентации партитуры (нет момента спонтанной импровизации, как это бывает во время традиционного концерта). Таким образом, деятельность дирижера приобретает черты

полифункциональности: он становится одновременно и создателем видеоклипа, и звукорежиссером, и техническим специалистом. Его первоначально заложенные функции отсутствуют, так как воплощение художественного образа произведения, управление певческим процессом, создание ансамблевого строя осуществляются с привлечением интернет-технологий.

Для певцов также практикуются свои специальные правила, которые регламентируют подготовку участника виртуального проект-хора. Исполнителю понадобится прежде всего техническое оснащение: микрофон, наушники, два устройства – одно для записи непосредственно своего исполнения, а другое для одновременного воспроизведения дирижерского видео. Важен также антураж, включающий подготовку места записи, красивый фон, одежду, прическу, макияж и др. Что касается непосредственно пения, перед исполнением необходимо распеться, затем исполнить и записать свою самостоятельно подготовленную партию целиком и, наконец, загрузить ее в общее хранилище виртуального проекта. Таким образом, важными факторами успеха здесь являются инициативность певца-участника, уровень его не только музыкальной, но и технической подготовки, а также оснащение необходимым оборудованием.

Виртуальное исполнительство получило большое распространение по всему миру. Так, помимо виртуальных хоров самого их создателя Эрика Витакера (Lux Aurumque 2010 г., Sleep 2011 г., Water Night 2012 г., Fly to paradise 2013 г., Deep field 2018 г., Sing Gently 2020 г.), в которых было задействовано более 17,5 тысяч певцов из 129 стран, широкую известность приобрели Couch Choir (Австралия), хор под руководством Арто Йотсимяки (Финляндия), The Great British Home Chorus (Великобритания, создатель Гарет Мэлоун) и Choirantine (создатель Элиза Файф). Виртуальная форма исполнительства практикуется и хорами, которые не являются виртуальными. Так, есть пример виртуального исполнения у хора Московского университета культуры и искусств «Контраст» («Песня о Криницах» Андрея Эшпая).

В Беларуси опыт виртуального исполнительства имеется, например, у студенческого хора Белорусской государственной академии

музыки. Художественный руководитель и дирижер хора Инесса Бодяко адаптировала для виртуального исполнения такие произведения, как песня «Катюша» М. Блантера и М. Исаковского (была записана в 2020 г. ко Дню Победы), а также «Гимн Истины» (автор Виена Тенг). Особенности репетиционной деятельности данного проекта в том, что каждый студент самостоятельно выучил, исполнил и записал свою партию, после чего звукорежиссер хора объединил несколько записей в одну. При подготовке использовались программы: Adobe Premiere Pro – профессиональная программа нелинейного видеомонтажа, Reaper – программная среда для аудио производства, записи и аудио инжиниринга, которая обладает широкими функциональными возможностями и является развитой, профессиональной рабочей системой для создания, записи, редактирования и микширования аудио и MIDI материала. Исходя из отличительных особенностей данной формы исполнительства, таких как наличие самого хора-инструмента с определенной авторской органикой, над которой ведется систематическая работа дирижера и участников коллектива в процессе репетиций, отсутствие специально адаптированных произведений, передача дирижером функций управления исполнением звукорежиссеру, данную форму хорового исполнительства можно назвать комбинированной виртуально-реальной.

Обратим внимание и на уникальный виртуальный проект белорусского музыканта Павла Лисицина, который на своем youtube-канале публикует преимущественно записи музыки эпохи барокко, а капелла в собственном исполнении. Уникальность его проекта заключается в том, что Павел один исполняет четырехголосие, поочередно записывая и потом самостоятельно соединяя воедино все четыре голоса с помощью программы «Fruity loops studio 20». Для достижения темпоритмического ансамбля музыкант использует имеющийся в программе метроном. Таким образом, в отличие от Эрика Витакера, Павел не пишет музыку сам, но он является одновременно и исполнителем, и звукорежиссером, и видеооператором, и дирижером. В данном случае мы видим, что происходит замена коллективной формы исполнительства – хора технологиями записи одного вокалиста и их монтажом. По нашему мнению, такую

форму виртуального исполнительства можно определить как мультимедийную моновиртуальную.

Белорусский камерный хор «Салютарис» (руководитель Ольга Янум) записывает и выкладывает на своем youtube-канале видеоклипы, которые представляют собой небольшие фильмы-ролики, сделанные на основе смонтированных фрагментов концертных выступлений и студийных записей коллектива, исполняющего одно произведение. Как известно, при создании видеоклипов имеет место синтез искусств – музыки и кино, при этом главным здесь является режиссер, который одновременно выступает соавтором дирижера и певцов. На наш взгляд, особенности данной формы исполнительства в том, что она, как и виртуальный хор, не существует в концертном пространстве, а также в том, что она, как и другие мультимедийные формы, не подразумевает одновременного присутствия в едином физическом пространстве слушателя и исполнителя. Данный вид исполнительской деятельности хоровых коллективов мы можем отнести к мультимедийной форме. Истоком этой формы является театрализация хорового исполнительства (хоровой театр). Принимая во внимание особенности реализации мультимедийной формы хорового исполнительства, мы считаем, что в ряде случаев концертная практика заменяется технологиями виртуальной презентации творческого проекта, поэтому мультимедийная форма хорового исполнительства – это также один из видов виртуального хорового исполнительства.

Таким образом, виртуальные формы исполнительства имеют практически неограниченные возможности для объединения и совместного творчества людей по всему миру. Кроме того, виртуальная форма исполнительства внедряется в традиционную хоровую исполнительскую практику, обогащая ее характерными для виртуального исполнительства чертами, создавая условия для презентации хорового искусства в виртуальном пространстве.

В современном белорусском концертно-исполнительском искусстве осваивается новая форма хорового исполнительства – виртуальная. Она активно входит в творческий процесс, органично функционирует в современной хоровой практике и имеет перспективу

своего дальнейшего развития. Особенностью освоения на практическом опыте данной формы на сегодняшний день является то, что виртуальное исполнительство не существует в «чистом» виде, а используется хоровыми коллективами и отдельными исполнителями для обогащения своей музыкальной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодяко И.М.* О некоторых аспектах становления виртуального хора как инновационного вида музыкального искусства // Сборник научных статей VI Всероссийской с международным участием студенческой научно-практической конференции / отв. ред.: Е.В. Бакшаева, Г.Г. Тенюкова. Чебоксары: Изд-во Чув. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева, 2021. С. 116–120.

2. *Джейд Скотт.* Как правильно записать виртуальный хор [Электронный ресурс] // Сайт Алексея Снитко. URL: https://snitko.by/2020/08/как-правильно-записать-вирт-хор/ (дата обращения: 20.04.2022).

3. *Javet Galvan, Matthew Clauhs.* The Virtual Choir as Collaboration // Choral Journal. 2020. N 3. P. 8–18.

4. *Nico Schneidereit.* Eric Whitacres «Virtual Choir» als Chormusik 2.0 – Gemeinschaftliches Musizieren ohne Gemeinschaft? // Die Musikforschung. 2017. Jahrg.70. H. 4. P. 370–386.

УДК 94 (470. 343)

А.М. Кленов
Государственный архив Республики Марий Эл
(г. Йошкар-Ола)

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАРИЙСКОГО НАРОДА КАК БЕСЦЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ МАРИЙ ЭЛ (по документам Государственного архива Республики Марий Эл)

В статье в обзорном плане рассказывается о документах личного происхождения некоторых видных представителей марийского народа, хранящихся в Государственном архиве Республики Марий Эл.

Ключевые слова: *Государственный архив Республики Марий Эл, документы личного происхождения, Г.И. Кондратьев, В.М. Васильев, К.К. Васин, П.Е. Емельянов.*

The article provides an overview of the documents having personal origin about some prominent figures of the Mari people stored in the State Archive of the Republic of Mari El.

Key words: *The State Archive of the Republic of Mari El, documents of personal origin, G.I. Kondratiev, V.M. Vasiliev, K.K. Vasin, P.E. Yemelyanov.*

Ежегодно Государственный архив Республики Марий Эл пополняет свои фонды различной документацией, отражающей деятельность органов власти и управления, различных организаций и учреждений республики. В архив также поступают документы личного происхождения государственных и общественных деятелей, писателей, деятелей культуры и искусства, ученых, краеведов и других лиц, внесших значительный вклад в развитие республики.

Документы личного происхождения впервые поступили на государственное хранение в 1961 г. Центральный государственный архив Марийской АССР принял тогда из Марийского научно-исследовательского института 29 личных фондов марийских писателей, известных деятелей культуры и искусства республики: С.Г. Чавайна, Я.П. Майорова-Шкетана, Н.С. Мухина, И.М. Токмурзина (Ломберского), Н.Ф. Ильякова и др.

На 1 октября 2022 г. на хранении имеется 144 фонда документов личного происхождения, насчитывающие 7623 единиц хранения. По количеству личных фондов ведущее место занимают фонды марийских писателей – 62 (примерно 44 %, от общего количества, в т.ч. личные фонды Н.И. Казакова, С.А. Вишневского, К.К. Васина, Макса Майна и др.), на 2 месте – личные фонды государственных деятелей нашей республики – 33 (примерно 23 %, в т.ч. бывших руководителей республики Г.И. Кондратьева, П.В. Ураева, Т.И. Горинова, А.А. Васильева, В.М. Зотина, В.А. Кис-

лицына, Л.И. Маркелова), личные фонды ученых – 15 (В.М. Васильев, А.В. Хлебников, И.С. Галкин, И.Г. Иванов, О.М. Герасимов и др.)

Из государственных деятелей нашей республики одним из самых содержательных является личный фонд руководителя Марийской АССР 40–50-х и начала 60-х гг. прошлого века Григория Ивановича Кондратьева: Р-685 – «Государственный и общественный деятель Марийской АССР Кондратьев Григорий Иванович (1912–1993)».

Григорий Иванович как никто другой из руководителей Марий Эл оставил обширные и содержательные письменные воспоминания о своей жизни и деятельности. В его личном фонде хранится 101 дело за 1940–1991 гг., в том числе написанная и набранная на машинке, до сих пор не изданная книга воспоминаний «Люди и времена» [1]. В 1969 г. он подготовил к печати еще одну книгу воспоминаний «Годы и люди» [2]. Она также не издана и хранится в машинописном исполнении в единственном экземпляре в Государственном архиве Республики Марий Эл.

Воспоминания человека, который двадцать лет был одним из руководителей Марийской АССР, представляют большой интерес для изучающих историю республики. Так, Григорий Иванович достаточно подробно рассказывает о своем личном участии в организации встречи и размещения эвакуированного населения в первые месяцы Великой Отечественной войны, строительстве оборонительных сооружений на марийском участке вдоль Волги, о борьбе с трахомой в послевоенные годы, организации дорожного строительства в республике и т.д. Вызывают неподдельный интерес его рассказы о тесном сотрудничестве республиканского руководства с руководителями министерств и ведомств СССР и РСФСР, а также о самоотверженном труде рабочих, крестьян, служащих Марийского края на благо своей социалистической Родины.

В личных фондах иногда можно найти порой неожиданные и уникальные документы по разным областям нашей жизни. Так, в личном фонде Г.И. Кондратьева имеются редкие фотографии лучших педагогов республики – делегатов I съезда учителей Марийской АССР по районам республики (1959).

Из личных фондов марийских ученых один из самых ценных по содержанию и разнообразию документов – это фонд патриарха марийской науки, первого доктора филологических наук из мари Валериана Михайловича Васильева: Р-1151 – «Васильев Валериан Михайлович (1883–1961) – ученый-лингвист, доктор филологических наук». 114 дел личного фонда В.М. Васильева содержат около трех тысяч (2879) документов, которые рассказывают о жизни и раскрывают его многогранную научно-творческую деятельность.

Особую значимость представляют материалы диссертаций В.М. Васильева, программы, методические пособия, статьи в помощь изучающим марийский язык, также богатейший материал по марийскому фольклору. Автобиографические документы, а также воспоминания об отце дочери Лидии Валериановны могут послужить ценнейшими материалами по народной педагогике, опыту семейного воспитания, разработке и развитию национального менталитета.

Сколько о нем написано книг, бессчетное количество статей, докладов, в его личном фонде можно найти документы, черновые записи, наброски статей, которые не расшифрованы и не исследованы. Это, в первую очередь, касается фольклорных материалов, собранных Валерианом Михайловичем. Марийские ученые, писатели, педагоги до сих пор в большом долгу перед ним.

В личном фонде В.М. Васильева хранится много редких документов. Один из них – рукописный журнал «Пионер корно» («Путь пионера») Марисолинской школы крестьянской молодежи за 1933 год.

Народного писателя Марийской АССР, известного литературоведа Кима Кирилловича Васина называли «ходячей энциклопедией»: его знания и эрудиция по истории Марийского края поражали собеседников. Ким Кириллович прекрасно понимал роль архивных документов в жизни общества, поэтому еще при жизни, с 1973 г., стал сдавать ценные краеведческие материалы в Государственный архив республики. Сегодня его личный фонд – Р-971 «Ким Кириллович Васин (1924–2005) – народный писатель МАССР,

лауреат премии им. О. Ипая, кандидат филологических наук, литературовед, историк-краевед» – является одним из самых содержательных по количеству представленных документов: 204 единиц хранения за 1924–2003 гг. – это рукописи, научные статьи и тексты выступлений, рецензии и отзывы, обширная переписка, где представлена география всего Советского Союза.

Большое влияние на творческий взлёт Кима Васина имели встречи, товарищеские беседы с А.А. Фадеевым, К.А. Фединым, А.Т. Твардовским, с некоторыми другими старшими товарищами, которые помогли ему в определении жизненных ориентиров и творческих замыслов, содействовали его литературному росту [3, л. 12]. Васину-писателю повезло в жизни с переводчиком. Почти все произведения Кима Кирилловича с марийского на русский язык перевёл талантливый московский переводчик, писатель и его друг Владимир Брониславович Муравьёв. В архивном фонде К.К. Васина хранятся многочисленные письма В.Б. Муравьёва, по которым можно проследить историю и путь книг Кима Кирилловича к всесоюзному читателю. Так, в феврале 1959 г. Владимир Муравьёв писал в Йошкар-Олу: «Мне кажется, что название «Объединение» слишком невыразительно, звучит очень официально, по-канцелярски и – по сути дела – не передаёт точно значение слова «Ушнымаш». Может быть, имеет смысл для русского издания изменить название? Хотя бы на такое: «С вами, русичи!..» При эпиграфе из Слова о полку Игореве это звучит неплохо. Или какое-либо другое название. Как вы думаете?» [4, л. 19].

Ким Васин прекрасно знал великую силу заботливой и в то же время принципиальной, компетентной критики. Еще в 1953 г. он опубликовал статью «За принципиальную критику», где можно найти удивительно актуальные по сей день слова: «Одним из серьёзных недостатков, препятствующих дальнейшему росту марийской литературы, является забвение и игнорирование активной, творческой силы критики и самокритики» [5].

Васин К.К. внимательно относился к объективной и доброжелательной критике и неутомимо работал над собой, постоянно оттачивая своё писательское мастерство. В.Б. Муравьёв в одном из

своих писем в Йошкар-Олу в марте 1974 г. писал: «Я люблю Вас, Ваш сердечный, умный талант, прежде всего за то, что главная тема Ваших работ – раскрытие добрых, дружеских взаимоотношений между людьми и народами. А ведь только такие – добрые и дружеские взаимоотношения достойны людей. И сегодня я хочу напомнить один факт: Ваши книги – сборник рассказов «У голубого озера» и повесть «С вами, русичи!» были первыми книгами марийской прозы, изданными на русском языке в Москве. Это знаменательно и очень хорошо, потому что они пришли в столицу с прекрасными словами дружбы» [6, л. 11].

С 1963 по 1987 гг. Ким Кириллович работал научным сотрудником сектора литературы Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. В 1969 г. МарНИИ издал его капитальную литературоведческую монографию «Творческие взаимосвязи марийской литературы», одну из первых работ этого направления среди учёных братских автономных республик страны. К.К. Васин проделал огромную исследовательскую работу по изучению творческих связей не только марийской литературы, но и прежде всего литературных связей народов Поволжья и Приуралья, финно-угорских народов, а также творческих связей марийской литературы со многими народами Советского Союза. О Киме Васине и его трудах лучше всего говорят его коллеги, творческие собратья, которых было много и в СССР, и за рубежом. Выдающийся венгерский литературовед, филолог Петер Домокош в своей книге по уралистике в 1985 г. подчеркнул, что за рубежом вообще нет специалистов по уральским литературам, если не считать Ж.Л. Моро (Париж) и нескольких советских коллег: Эйно Карху (Петрозаводск), Кима Васина (Йошкар-Ола) [7, л. 61–62].

Документы личного происхождения выдающихся марийских педагогов – явление на сегодня нечастое. Отрадно, что в 2021 г. появился личный фонд: Р-1450 – «Емельянов Петр Емельянович (23.01.1935–26.10.2019) – народный учитель СССР, заслуженный учитель школы РСФСР, народный депутат СССР».

Педагогическая деятельность П.Е. Емельянова – одна из самых ярких страниц в истории Оршанского педагогического училища педколледжа (ныне Оршанского многопрофильного колледжа имени И.К. Глушкова). Петр Емельянович Емельянов с 1963 по 2004 гг. работал в Оршанском педучилище (педколледже). Он был одним из основателей «школьно-марийского» отделения в училище, где вел уроки марийского языка и литературы, методику преподавания марийского языка в начальных классах.

Петр Емельянович не представлял педагогическую работу без активной внеурочной деятельности. Он создал шкетановское творческое объединение, где со своими студентами проводил поисково-исследовательскую работу по краеведению, лингвистике, фольклору и этнографии, изучал биографию и творчество классика марийской литературы Я.П. Майорова-Шкетана. Работы студентов заслушивались и обсуждались на ежегодных научно-практических конференциях Марийского творческого объединения имени М. Шкетана.

В Государственном архиве хранится документ, аккуратно напечатанный на машинке самим П.Е. Емельяновым, который называется так: «Тридцать научно-практических конференций шкетановского объединения при Оршанском педагогическом училище Республики Марий Эл (1967–1996 годы)» [8, с. 16–18]. С присущей Петру Емельяновичу аккуратностью и педантичностью, там записаны темы докладов всех выступлений студентов «школьно-марийского» отделения педучилища за эти тридцать лет, которые были написаны под его руководством. Всего 649 работ по лингвистике, фольклору и этнографии, краеведению, методике преподавания марийского языка и литературы в начальной школе, из опыта работы передовых учителей, общественно-молодежной жизни.

Емельянов П.Е. является автором 14 учебных пособий, сборников, альбомов, буклетов, в том числе о жизни и творчестве Я.П. Майорова-Шкетана. В соавторстве написал 21 учебник, учебные пособия и программы для начальных классов марийских школ [9, с. 7–8].

Всю жизнь Петр Емельянович был активным корреспондентом многих газет и журналов. За 60 лет педагогической и общественной

деятельности на страницах 12 журналов, 11 сборников и 71 газеты (на марийском, русском, удмуртском, татарском, башкирском и чувашском языках) П.Е. Емельянов опубликовал около 1100 статей, очерков, заметок, в основном по проблемам обучения и воспитания школьников, молодежи, методике преподавания родного языка и литературы в начальных классах [9, с. 8].

Богатые документальные материалы из личного фонда П.Е. Емельянова являются благодатным полем для работы студентов, молодых ученых, педагогов и могут послужить базой для написания не одной содержательной и актуальной диссертации или другой научно-исследовательской и творческой работы.

Мы указали только небольшую часть документов из личных фондов некоторых видных представителей марийского народа. Государственный архив Республики Марий Эл располагает значительным богатством материалов личного происхождения, дающих ценную, порой уникальную информацию по истории Республики Марий Эл и народов, населяющих ее. В частности, документы из вышеназванных фондов можно смело назвать национальным достоянием народа мари.

В настоящее время документы личного происхождения не так часто, как хотелось бы, заказываются пользователями читального зала госархива. Работники Государственного архива Республики Марий Эл делают все возможное, чтобы этот огромный пласт ценных исторических документов, значительный багаж мудрости не проходил мимо широкого круга краеведов-исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 21.
2. ГА РМЭ. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 22.
3. ГА РМЭ. Ф. Р-971. Оп. 1. Д. 90. Л. 12.
4. ГА РМЭ. Ф. Р-971. Оп. 1. Д. 5. Л. 19.
5. Марийская правда.1953. 28 июня. С. 3–4.
6. ГА РМЭ. Ф. Р-971. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.
7. ГА РМЭ. Ф. Р-971. Оп. 1. Д. 71. Л. 61–62.
8. ГА РМЭ. Ф. Р-1450. Оп. 1. Д. 93. Л. 16–18.
9. ГА РМЭ. Ф. Р-1450. Оп. 1. Д. 20. Л. 7–8.

УДК 373.3

К.Г. Костина
Научно-исследовательский институт
национального образования Удмуртской Республики
(г. Ижевск)

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ К ИЗУЧЕНИЮ РОДНОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются возможности использования проектной деятельности на уроках родного (удмуртского) языка и во внеурочной работе как способа мотивации обучающихся к изучению родного языка на уровне начального общего образования. Подчеркивается важная роль участия в проектной деятельности учителей родного языка и родителей учащихся.

Ключевые слова: *проектная деятельность, мотивация, родной язык, удмуртский язык.*

The article discusses the potential of using project work in the native (Udmurt) language lessons and in extracurricular activities as the means of motivating students to learn their native language at the level of primary general education. The article stresses that it is important for native language teachers and students' parents to take part in project work.

Key words: *project activity, motivation, native language, the Udmurt language.*

На современном этапе развития системы образования в России, отличающемся высоким развитием цифровых технологий и их активным использованием подрастающим поколением, особую актуальность приобретают вопросы сохранения и повышения мотивации обучающихся к образовательной деятельности. Бесспорно, мобильные и информационные технологии составляют практическую платформу для эффективного взаимодействия участников образовательного процесса. Это обусловлено тем, что современные

гаджеты настолько прочно вошли в повседневную жизнь детей, что они не представляют своей жизни без них. Использование современных технологий на уроках в школе является действенным средством повышения мотивации к изучению предмета. Но зачастую за стремлением активно следовать тенденциям цифровизации скрывается другая проблема – мотивация к изучению предмета посредством IT-технологий заменяется стремлением обучающихся использовать телефоны и другие гаджеты для бессмысленного просиживания в них. Последствия чрезмерного увлечения мобильными технологиями способствуют риску утраты гражданских и других ценностей общества, компонентов воспитания.

Мотивационная система представляет собой сложный многоуровневый регулятор жизнедеятельности человека и включает в себя потребности, интересы, мотивы, установки, эмоции, стремления, нормы, ценности в едином взаимодействии и сложной взаимосвязи. Мотив служит источником деятельности, который выполняет функции побуждения и смыслообразования. Известно, что наиболее благоприятным возрастом для пробуждения в ребенке желания учиться считается период от 6 до 10 лет (уровень начального общего образования) и примерно 80 % успешности в учебе зависит от мотивов [12]. Именно в этом возрасте важно заложить в ребенке желание изучать и языки, в т.ч. родные языки. Данная необходимость обусловлена тем, что родной язык ребенка служит средством оформления и выражения его мыслей, коммуникативным средством и средством передачи эмоций. Родной язык, таким образом, – это ключ к познанию, развитию ума, средство воспитания. Ведь, как отмечает К.Д. Ушинский, «усваивая родной язык легко и без труда, каждое новое поколение усваивает в то же время плоды мысли и чувства предшествовавших ему поколений» [11].

Удмуртский язык в качестве родного языка обучающихся изучается в Удмуртской Республике по двум вариативным линиям: «Удмурт кыл» («Удмуртский язык») для обучающихся, которые владеют удмуртским языком, и «Ӟеч-а, бур-а, удмурт кыл!» («Здравствуй, удмуртский язык!») для обучающихся, которые не владеют удмуртским языком. Но, к сожалению, в последние годы наблюдается спад

общего количества обучающихся, изучающих в образовательных организациях удмуртский язык и литературу. Так, если в 2000–2001 учеб. году по республике удмуртский язык изучали 31 459 обучающихся, то в 2016–2017 учеб. году – только 17 383 [9]. А в 2021–2022 учеб. году удмуртский язык изучали 16 056 обучающихся (в 180 образовательных организациях республики) [8]. Именно поэтому на сегодняшний день особо остро стоит проблема развития и сохранения мотивации к изучению родного (удмуртского) языка на начальном этапе обучения.

Как показывают результаты мониторинга состояния и динамики этноязыковой ситуации в сфере образования в Удмуртской Республике, большинство родителей учащихся первых классов причину нежелания детей изучать родной язык связывают с несправедливыми оценками учителей (61,6 %), неинтересными по своей форме и содержанию уроками родного языка (21 %) и объемными домашними заданиями (29 %). В то же время как предпочтительные формы работы на уроках родного языка, по результатам анкеты, учащиеся отмечают совместную работу в группе по выполнению учебных и творческих заданий (43,7 %), самостоятельное выполнение творческих работ (19,7 %), выполнение проектов (13,8 %), работу с использованием электронных образовательных ресурсов (13,8 %) и др. [10, с. 70].

Изучение родного языка не должно ограничиваться изучением в образовательном учреждении. Важную роль в формировании и поддержании у учащихся мотивации к изучению родного языка, результативном изучении его играет семья. Именно в первую очередь в семье должна воспитываться любовь к родной культуре и родному языку, обычаям и традициям своего народа.

Желание у обучающихся изучать родной язык, таким образом, формируется при взаимодействии в образовательном процессе школы в лице учителя родного языка, семьи в лице родителей учащихся. Наиболее доступной и результативной формой совместной работы здесь является проектная деятельность обучающихся, в выполнении которой можно задействовать как учителей и учеников, так и родителей.

В рамках изучения учебного предмета «Родной (удмуртский) язык» по линии учебно-методического комплекса «Удмурт кыл» на уровне начального общего образования предусмотрено выполнение порядка десяти проектных задач (или проектов). Данные проекты условно можно классифицировать на:

– предметные (*«Нырысетӥ вамышъёсмы»* [2] досл. «Наши первые шаги», *«Покчиослы валэктӥсь кыллюкам»* [2] досл. «Толковый словарь для младших обучающихся», *«Удмурт кылысь ӟуч куноос – ф, х, ц, щ букваос»* [3] досл. «Русские гости в удмуртском языке – буквы *ф, х, ц, щ*», *«Яратоно вордскем гуртмы»* [4] досл. «Наша любимая родная деревня», *«Пичи кылӥтэтъёслэн бадӟым ужзы»* [5] досл. «Большая роль маленьких суффиксов», *«Кылкуэт малпалом – ог-огмес паймытом»* [6] досл. «Придумаем текст – удивим друг друга», *«Узыё-борыё, эмезё-палэзё вордйськем шаермы»* [7] досл. «Землянично-клубничный, малиново-рябиновый (в значении богатый ягодами) родной край», *«Вераськон люкетъёс дорын куноын»* [8] досл. «В гостях у частей речи»);

– метапредметные (*«Мон но мынам семьяе»* [1] досл. «Я и моя семья», *«Мынам выжые»* [3] досл. «Мой род»).

Предметные проекты направлены на формирование у обучающихся первоначальных представлений о единстве и многообразии языкового и культурного пространства России и Удмуртии, о месте удмуртского языка среди других языков народов России, знаний о грамматическом строе удмуртского языка, умений применять полученные знания в устной и письменной речевой деятельности. Так, перечисленные проектные задачи предполагают: формирование и практическое применение знаний об особенностях организации, композиционных элементах текста (создание коллективной книги на тему «Мынам яратоно шудонэ» [2] досл. «Моя любимая игрушка»); выделение списка слов на заимствованные из русского языка буквы удмуртского алфавита и группирование слов в общий альбом (предполагается поиск лексем в удмуртско-русском словаре); составление собственного текста определенного типа (повествование, описание, рассуждение) о родной деревне / селе с целью предполагаемого дальнейшего размещения материала на страницах детских

газет и журналов; творческие задания на составление разножанровых текстов образовательного характера, к примеру, сочинение сказки или поэтического произведения о том, какую роль выполняют аффиксы в словообразовательном процессе и др. Содержание обучения в четвертом классе предполагает создание текстовых материалов, логических упражнений (кроссворды, ребусы, чайнворды) различных типов и жанров, целью которых является обобщение полученных за четыре года обучения предметных знаний и практическое применение сформированных личностных и метапредметных умений и навыков. Представление итогов всех видов деятельности на каждом этапе обучения предусматривает объединение работ всех обучающихся в общий продукт (например, в альбом, книгу и др.) и презентацию достигнутых результатов в классе.

Метапредметные проектные задачи, представленные в учебниках для первого и второго классов, не требуют от обучающихся отдельных предметных знаний. Данная группа задач направлена на развитие поисковых умений обучающихся, их речи и коммуникативных возможностей. Так, к примеру, проект «Мон но мынам семьяе» в первом классе являет собой подготовительный этап к проектной деятельности, что выражается в направленности работы, а именно в подаче основ проектной деятельности, ее этапов, создании команды исполнителей. Для закрепления первоначальных сведений о проекте предлагается практическое упражнение нарисовать семейное дерево, подписать на этом дереве членов семьи, выступить с полученной в ходе выполнения задания информацией перед одноклассниками. Работа способствует успешной презентации самого ученика-первоклассника и в какой-то мере адаптации к новому коллективу.

На следующий год обучения результаты проекта про личность ребенка и его семью расширяются до указания дополнительных членов семьи, их имен и мест проживания и т.д. Так, в процессе творчества по проекту «Мынам выжые» закрепляются умения и навыки правописания имён собственных.

Пошаговое выполнение проектной задачи «от простого к более сложному» не ограничивается самостоятельной работой ученика. Проектная деятельность младших школьников осуществляется

в группах и предполагает педагогическое сопровождение. Учитель родного языка определяет возможные направления проектной работы, руководит взаимодействием школьников, оказывает помощь, оценивает и корректирует творческий процесс детей, консультирует по аспектам проектного замысла и процедуры защиты проекта. Родитель, в свою очередь, содействует решению проектной задачи в свободное от урочной деятельности время – оказывает необходимую помощь в следовании этапов проектной задачи, поиске информации и др. Иначе говоря, родитель должен быть готовым к содействию ребёнку, если такая необходимость возникнет. При этом важно соблюдать, чтобы родитель не брал на себя большую часть работы. Совместная работа над проектом также формирует ценностное отношение к понятию «семья» с младшего школьного возраста. Выполнение проектов по родному языку способствует коммуникации на родном языке детей с их родителями и учителем родного языка, совместному поиску решения проектной задачи, углублению знаний об удмуртском языке, формированию ценностного отношения к родному языку посредством тематических проектных задач.

Таким образом, проектная деятельность в режиме сочетания урочных, внеурочных и внешкольных занятий младших школьников, позволяющая использовать всевозможные технологии, формы и методы работы, представляет собой целесообразный способ мотивации к изучению родного языка. Именно посредством родного языка в проектной деятельности обучающиеся выражают свое видение мира и окружающей среды, проявляют творческие способности, получают новую информацию, осваивают аспекты морали и нравственности.

СОКРАЩЕНИЯ

досл. – дословный перевод автора

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байтерякова Ю.Т.* Удмурт кыл: 1-тй классы учебник. Ижевск: Удмуртия, 2019. 64 б.

2. *Байтерякова Ю.Т.* Удмурт кыл: 2-тй классы учебник: кык люкетэн. 1-тй люкетэз. Ижевск: Удмуртия, 2019. 96 б.

3. *Байтерякова Ю.Т.* Удмурт кыл: 2-тй класслы учебник: кык люкетэн. 2-тй люкетэз. Ижевск: Удмуртия, 2019. 96 б.

4. *Байтерякова Ю.Т.* Удмурт кыл: 3-тй класслы учебник: кык люкетэн. 1-тй люкетэз. Ижевск: Удмуртия, 2019. 96 б.

5. *Байтерякова Ю. Т.* Удмурт кыл: 3-тй класслы учебник: кык люкетэн. 2-тй люкетэз. Ижевск: Удмуртия, 2019. 96 б.

6. *Байтерякова Ю.Т.* Удмурт кыл: 4-тй класслы учебник: кык люкетэн. 1-тй люкетэз. Ижевск: Удмуртия, 2021. 112 б.

7. *Байтерякова Ю.Т.* Удмурт кыл: 4-тй класслы учебник: кык люкетэн. 2-тй люкетэз. Ижевск: Удмуртия, 2021. 144 б.

8. *Вахрушева Л.В., Костина К.Г.* Удмурт кылэз туала инъет ёзо но шор ёзо школаын дышетонлэн инъетэз сярысь // Вордскем кыл. 2022. № 6. С. 30–32.

9. *Воронцов В.С.* Состояние и перспективы этнокультурного образования в Удмуртии (по материалам социологического исследования) // Научное обозрение. 2017. № 4. С. 5.

10. Текущее состояние и динамика этноязыковой ситуации в сфере образования Удмуртской Республики. Ижевск, 2020. Вып. 2. 130 с.

11. *Ушинский К.Д.* Педагогические сочинения: в 6 т. / редкол.: М.И. Кондаков (гл. ред.) и др. М.: Педагогика, 1988–1990.

12. *Шпика И.В.* Учебная мотивация как показатель качества обучения младших школьников // Начальная школа. 2007. № 2. С. 18–19.

УДК 271.22

Е.Н. Мокшина
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
(г. Саранск)

МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ (ВАДКОВСКИЙ) – МИССИОНЕР И ПРОСВЕТИТЕЛЬ, РЕФОРМАТОР РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Статья посвящена описанию жизни и деятельности выдающегося уроженца Мордовии митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) – видного миссионера

и просветителя, реформатора Русской православной церкви, инициатора и организатора канонизации мощей Серафима Саровского, автора меморандума о желательных преобразованиях в РПЦ, соборного устроения ее и восстановления Патриаршества.

Ключевые слова: *Мордовия, православная вера, митрополит, миссионерство, просветительство, канонизация.*

The article considers the life and activities of the outstanding native of Mordovia – Anthony (Vadkovsky), metropolitan of St. Petersburg and Ladoga, who was a prominent missionary and enlightener, reformer of the Russian Orthodox Church, initiator and organizer of the canonization of the relics of Seraphim of Sarov, and the author of a memorandum on how to transform the Russian Orthodox Church, its conciliar arrangement and the restoration of the Patriarchate.

Key words: *Mordovia, orthodox faith, metropolitan, missionary work, enlightenment, canonization.*

В этом году – 14 ноября (2 ноября по старому стилю) 2022 г. исполняется 110 лет со дня кончины нашего земляка, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского). В этой связи хочется еще раз напомнить и рассказать современникам о жизни и деятельности этого выдающегося человека, уроженца земли Мордовии.

Родился будущий митрополит Антоний 3 августа (по старому стилю) 1846 г. в семье священника села Ширингуши Спасского уезда Тамбовской губернии (ныне Зубово-Полянского района Республики Мордовия). Фамилия потомственных священников Вадковских происходит от названия реки Вад – левого притока реки Мокши, близ которой расположено с. Ширингуши. В течение десяти лет (с 1898 по день своей кончины 2 ноября 1912 г.) митрополит Антоний стоял во главе столичной епархии.

Население поселка в настоящее время в основном русское, хотя в прошлом, до основания здесь в 1726 г. братьями Миляковыми Ширингушской суконной фабрики, переставшей функционировать с конца 1990-х гг., было мордовским. В конце 90-х гг. XIX в. фабрика

вырабатывала около трехсот тысяч аршин сукна в год на сумму до полумиллиона рублей. Особенно значительный приток русского населения в поселок происходил в 1937–1959 гг., когда Ширингуши были одним из районных центров Мордовской АССР [2; 4, с. 3–5].

Детство и юность митрополита Антония (в миру Александра Васильевича Вадковского) были типичными для выходца из священнического сословия: с десяти лет – духовное училище, с четырнадцати – духовная семинария. Способности и прилежание позволили ему после успешного окончания Тамбовской духовной семинарии поступить на казенный счет в Казанскую духовную академию.

Учился Александр Вадковский успешно. На способного студента обратил внимание ректор академии архимандрит Никанор Бровкович – замечательный воспитатель, внимательно и проникновенно изучавший способности, душевные качества и настроения студентов, чрезвычайно энергичный человек, обладавший талантом выбирать из числа студентов по-настоящему одаренных людей для подготовки их к научной и преподавательской деятельности. В 1870 г., заканчивая академию, Александр защитил магистерскую диссертацию. Он написал курсовое сочинение, которое, в силу его основательности, было выдвинуто сразу на соискание степени магистра богословия. Специализировался А. Вадковский на кафедре гомилетики. Его магистерская диссертация называлась «Отношение арианства к неоплатонизму, преимущественно у александрийских иудеев». 14 апреля 1871 г. он был удостоен степени магистра богословия. С 1 мая 1871 г. А.В. Вадковский становится доцентом кафедры церковного проповедничества. Помимо преподавания пастырского богословия с 1875 г. работает в возглавляемой П.В. Знаменским комиссии по описанию рукописных и старопечатных книг библиотеки Соловецкого монастыря, переданных Казанской духовной академии. Регулярно публикует статьи в «Православном собеседнике», в 1874 г. стал его редактором [5, с. 621].

В 1872 г. Александр Васильевич вступает в брак с Елизаветой Дмитриевной Пеньковской. У них родилось двое детей, но через 7 лет супруги не стало. Для молодого доцента, благочестивого православного человека смерть жены стала тяжелой утратой. А через

три года умерли и двое его детей. А.В. Вадковскому было всего лишь 36 лет, когда он оказался вдовцом и человеком, потерявшим детей. Правда, академическая его карьера складывалась неплохо, он к этому времени был уже экстраординарным профессором Казанской духовной академии, что по существовавшему тогда табелю о рангах соответствовало чину статского советника, за которым стояли определенный общественный статус и соответствующее материальное обеспечение. Однако А.В. Вадковский сделал для себя другой выбор – он решил принять монашеский постриг. 4 марта 1883 г. архиепископом Казанским Палладием (Раевым) А.В. Вадковский был пострижен в монашество с именем Антония в память об очень уважаемом им архиепископе Казанском Антонии (Амфитеатрове), оставаясь преподавателем духовной академии. 6 марта того же года рукоположен во иеромонаха, а 14 ноября возведен в сан архимандрита с назначением настоятелем Казанского Иоанновского мужского монастыря. 12 декабря советом Казанской духовной академии избран и позднее утвержден Святейшим Синодом в звании экстраординарного профессора.

С 12 декабря 1884 г. отец Антоний становится инспектором Казанской духовной академии, о которой он проявлял заботу на протяжении всей своей жизни. Своим личным авторитетом человека аскетической жизни, монашеским саном он подвигал студентов, к которым относился всегда весьма мягко, терпимо, на действительно серьезную духовную стезю, восстановил обычай чтения молитв до и после академических лекций. В течение короткого времени архимандрит Антоний приобретает известность как замечательный духовник и учитель.

В 1885 г. Казань посещает обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев, интересовавшийся вопросами просвещения народа в единении с церковью, состоянием церковно-приходских школ и духовно-народных библиотек, распространением, судя по словам архиепископа Антония Храповицкого, света Божественной Библии «на всех наречиях православных племен России и иных отдаленных стран», деятельностью Н.И. Ильминского по христианизации народов Поволжья на их родных языках, ценя «снедающую

ревность о Боге под мужицкими зипунами, под бешметами учителей из крещенных иноверцев» [1; 3].

По инициативе К.П. Победоносцева в 1885 г. в Казани была созвана конференция девяти епископов Поволжья для обсуждения мер против раскола. Одновременно были рассмотрены вопросы миссионерской деятельности среди поволжских инородцев. Именно в Казани К.П. Победоносцев познакомился с архимандритом Антонием Вадковским, произведшим на него весьма позитивное впечатление. Всесильный в ту пору главный советник российского царя Александра III сказал ему, что должен ожидать в ближайшее время перемен в своей жизни. В августе этого же года Антоний Вадковский назначается инспектором Санкт-Петербургской духовной академии, а 15 апреля 1887 г. – ее ректором. 1 мая 1887 г. Антоний был наречен, 3 мая хиротонисан в Троицком соборе Александро-Невской лавры в сан епископа Выборгского, викария Санкт-Петербургской епархии. Возглавлял хиротонию митрополит Исидор (Никольский).

Санкт-Петербургская духовная академия в период ректорства епископа Антония (Вадковского) переживала время удивительного расцвета. С одной стороны, поднялся ее теологический уровень, с другой – ее ректор стремился к тому, чтобы студенты активно приобщались к конкретному церковному служению, поощрял их участие в приходской жизни, просветительской деятельности. Активизируется деятельность «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви», его содружество со студентами академии. Это было время, когда в ее стенах сформировались такие выдающиеся иерархи РПЦ, как Антоний (Храповицкий), Тихон (Белавин), Сергий (Страгородский). Все они очень хорошо вспоминали об Антонии.

Церковно-административную деятельность Антоний совмещал с научными занятиями, регулярно публиковал статьи в церковной периодике, в 1892 г. издал книгу «Из истории христианской проповеди». По совокупности трудов 4 мая 1893 г. Казанская духовная академия присудила ему степень доктора богословия. В 1895 г. Святейшим Синодом Антоний Вадковский был утвержден в ученой степени доктора церковной истории. Он являлся почетным членом Московской, Санкт-Петербургской, Киевской и Казанской

духовных академий. Он содействовал открытию кафедры византологии в Санкт-Петербургской духовной академии, а 17 апреля 1909 г. распорядился организовать археологический музей в Александро-Невской лавре. Антоний заботился о возрождении ученого монашества, среди его постриженников – епископ Амвросий (Гудко), патриарх Сергий, архиепископ Антоний (Храповицкий), митрополит Тихон (Оболенский) и др., он возглавил епископские хиротонии Сергия (Страгородского), Феофана (Быстрова). Под покровительством Антония в Петербургской духовной академии сложился кружок студентов, посвятивших себя религиозно-просветительским беседам в приходах, тюрьмах и ночлежных домах [5, с. 622].

Когда 24 сентября 1892 г. была учреждена самостоятельная Финляндская и Выборгская епархия с кафедрой в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки), возглавить ее было поручено владыке Антонию, возведенному в сан архиепископа. При этом учитывалось и знание им мокша-мордовского языка, родственного финскому.

Попав в Финляндию, архиепископ Антоний оказался в сложном положении. В Великом княжестве Финляндском, обладавшем автономией и жившем по существу самостоятельной жизнью, православных финнов было очень мало, основную часть православного населения составляли там русские чиновники и военные. Финны, будучи в абсолютном большинстве лютеранами, относились к православию очень настороженно, рассматривая его в качестве одной из форм усиления русского влияния в Финляндии. Этого финны не хотели, и нужно было проявлять особую деликатность при осуществлении православной миссионерской деятельности, исходя из специфики миссии в лютеранской стране. Подавляющая часть православных финнов (карелов) находилась на территории Олонецкой губернии. За сравнительно короткий промежуток времени пребывания Антония Вадковского в качестве архиепископа Финляндского и Выборгского число приходов в его епархии возросло с 23 до 37, было создано два журнала на русском и финском языках, начала работать комиссия по переводу богослужебных книг на финский язык. Архиепископ Антоний сам переводил церковно-богослужебные книги на финский язык.

Пребывание в Финляндии не изолировало владыку Антония от высшего церковного управления. В 1898 г. он получает новое назначение – становится митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским. Судя по свидетельству его современников и биографов, либеральные политические взгляды митрополит Антоний сочетал со строгой монашеской жизнью – молитвой, непритязательной пищей, скромным жилищем. Нестяжательство его проявлялось и в том, что все свои деньги он раздавал бедным священникам и студентам, строил новые храмы в рабочих районах Петербурга.

Существенному всплеску религиозных эмоций в российском обществе в начале XX в. послужила состоявшаяся 19 июля 1903 г. канонизация мощей Серафима Саровского, одним из инициаторов которой был митрополит Антоний, возглавлявший чин канонизации святого. В саровских торжествах приняли участие государь Николай II с государыней Александрой Федоровной. Канонизация Серафима Саровского свершалась при огромном стечении богомольцев. Священник П.И. Боголюбов, служивший в храме мордовского села Старое Синдрово Краснослободского уезда Пензенской губернии, сообщал в 1903 г., что Саровская пустынь пользовалась самым большим религиозным вниманием у населения, а с открытием мощей «иные усугубили паломничество в эту чтимую обитель» [3, с. 237].

Все более нараставшие в стране общественные беспорядки, особенно обострившиеся в результате русско-японской войны и первой русской революции, государственными репрессиями в отношении неправославных, вынудили Комитет министров во главе с С.Ю. Витте начать подготовку манифеста о веротерпимости. На запрос С.Ю. Витте к митрополиту Антонию изложить свою позицию на эту проблему преосвященный представил в качестве ответа меморандум «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви», в котором он высказался за новый формат взаимоотношений между Церковью и государством, а именно предоставление Церкви большей свободы управления ее собственными делами. Для утверждения такого порядка Антоний считал необходимым созвать Поместный Собор – совещание архиереев без государственных чиновников.

12 декабря 1904 г. был издан Императорский Указ, провозгласивший «укрепление начал веротерпимости» и обещавший ее реализацию по мере разработки соответствующего законодательства. Это обстоятельство, а также Кровавое воскресенье, трагические вести с русско-японской арены военных действий побуждали митрополита Антония и членов Святейшего Синода настаивать перед государем-императором на неотлагательном созыве Поместного Собора. Николай II, лично приняв главу Правительства С.Ю. Витте, митрополита Антония и членов Святейшего Синода, согласился с тем, что церковное управление должно быть освобождено от гражданского контроля чиновников-бюрократов, и заверил, что в конце мая – начале июня 1905 г. Поместный Собор будет созван.

16 января 1906 г. Святейший Синод во главе с императором Николаем II учреждает Предсоборное Присутствие для подготовки тех вопросов, которые следовало решить Поместному Собору. Первое заседание Предсоборного Присутствия открылось 6 марта 1906 г. в Александро-Невской лавре под председательством митрополита Антония. 17 мая 1906 г. Предсоборное Присутствие вынесло решение, что возглавлять Церковь должен Патриарх. Было определено, что обязанности Патриарха будут двоякими – Предстоятеля Церкви и председателя Святейшего Синода. Одновременно он должен иметь титул митрополита Санкт-Петербургского. 7 июня Предсоборное Присутствие приняло Рекомендацию о взаимоотношениях между Церковью и Государством, гарантировавшую внутреннее самоуправление Церкви под защитой императора. Параграф 42-й Основных Законов Российской Империи должен быть изложен, сказано в Рекомендации, следующим образом: «Император, Православный Государь – верховный хранитель государственной Православной Церкви и хранитель ее православного порядка».

Все материалы Предсоборного Присутствия были опубликованы. Обстоятельный доклад о нем представлен императору Николаю II. 25 марта государь сообщил митрополиту Антонию, что он закончил чтение документов Предсоборного Присутствия и созовет Поместный Собор «в подходящее время». Однако в царствование императора Николая II он так и не был созван. Время казалось

неподходящим. 3 ноября 1912 г. митрополит Антоний скончался. Всероссийский Поместный Собор, для проведения которого он так много сделал, открылся 15 августа 1917 г. в Москве. Важнейшим его решением явилось восстановление Патриаршества [4, с. 94–96].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильминский Н.И.* Письма к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. Казань, 1895. 414 с.

2. *Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н.* Этническая ситуация в Мордовии на современном этапе // Финно-угроведение. 1997. № 3. С. 18–25.

3. *Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н.* Мордва и вера. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. 532 с.

4. *Мокшин Н.Ф., Мокшина Е.Н.* Митрополит родом с Вада. Саранск: Тип. «Крас. Октябрь», 2012. 100 с.

5. *Цыпин В.* Антоний // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. II. М.: Церковно-науч. центр «Православ. энцикл.», 2001. С. 621–623.

УДК 392

Т.Л. Молотова
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

ТРАДИЦИОННЫЙ ЗАСТОЛЬНЫЙ ЭТИКЕТ У МАРИЙЦЕВ

Сообщение посвящено традиционному застольному этикету марийцев. Оно написано на основе полевых материалов, собранных автором во время этнографических экспедиций среди различных территориальных групп марийцев. Правила поведения за столом в целом являются общими для этноса, но они могут иметь особенности в зависимости от этнографической группы, конфессиональной принадлежности.

Ключевые слова: *застольный этикет, марийцы, правила поведения за столом, праздничное застолье.*

The article describes the traditional table etiquette of the Mari people on the basis of field ethnographic materials collected by the author during ethnographic expeditions among various territorial groups of the Mari. Table manners are generally common for the ethnic group but they could have peculiar features depending on the ethnographic group and confessional affiliation.

Key words: *table etiquette, the Mari, table behavioral rules, festive feast.*

Большое место в жизни марийцев занимал застольный этикет. В будни еда была простой, состоящей из хлеба и нескольких кушаний, и вся семья ела из одного большого блюда. Как язычники, так и крещеные марийцы перед едой молились. Трапезу начинал глава семьи, только после этого начинали есть другие члены семьи. За столом у каждого члена семьи было свое место, на почетном месте сидел глава семейства.

Сообщение написано на основе полевых материалов автора, собранных в различных регионах проживания марийцев. Имеющиеся этнографические данные повествуют о том, что у всех территориальных групп марийцев традиционная кухня имела в своей основе один и тот же пищевой рацион, идентичные блюда. Однако были некоторые особенности в пище, застольном этикете, которые проявлялись у различных этнографических групп народа, а также немаловажное значение имела при этом конфессиональная принадлежность.

Застолье (*пайрем сий*) у марийцев прошлого столетия было важной церемонией любого праздника, обряда. Марийцы отличались своей гостеприимностью. К праздничному или обрядовому застолью готовились тщательно, все хозяйки старались приготовить много разнообразных праздничных и обрядовых блюд. Гостям предлагалось все лучшее, что было в доме. За стол гостей приглашали три раза, и только после третьего приглашения они садились за стол. Наиболее уважаемых гостей сажали в красный угол на войлок (*ончылтӧр*). У уральских марийцев в знак особого уважения подавали в руки гостям хлеб со сливочным маслом. Празднично-обрядовый стол накрывался скатертью, на него выставлялись угощения

в разнообразной утвари: непочатый каравай хлеба в деревянном блюде (*киндерке*), стопка блинов (*мелна кышыл*), стопка трехслойных блинов (*команмелна*), овсяные лепешки (*эгерче*), ватрушки (*перемеч*), сырки (*туара*), пироги в тарелках, пиво в берестяном или деревянном бураке (*пура леҥеж*) с ковшом (*суслык*), вареники (*подкогыльо*), топленые масло (*пелтымӱй*) и молоко (*пелтыме шӧр*) в глиняных тарелках, мясной суп (*шыл шӱр*), яичный омлет (*салмамуно*), пиво (*пура, сыра*), квас (*шопо*), печеные пироги (*когыльо*), мясной или рыбный суп и др. На стол выставлялась четверть с водкой, вином или самогоном (*черпыт арака*). Содержимое четверти полностью на празднике не выпивалось. За столом угощали всех гостей и односельчан, не оставляя без внимания и незнакомых посетителей. Хозяева угощали гостей стоя, предлагая ковш с пивом, а затем рюмку с вином. Спиртные напитки не принято было выпивать до дна, рюмку только пригубляли или выпивали содержимое по чуть-чуть, передавая из рук в руки по кругу. По мере того как содержимое рюмки или ковша опустошалось, хозяева наливали новую порцию. Обряд пить из одной рюмки или ковша означал сопричастность к ритуалу, к общему застолью. Хозяева в честь гостей пели специальные песни, те, в свою очередь, пели благодарственные или гостевые песни (*уна муро*). Для праздничного застолья всегда старались делать разнообразные блюда, и каждая хозяйка, независимо от состоятельности, заранее к этому готовилась, припасая необходимые продукты. Праздничными блюдами считались домашняя колбаса (*сокта*), жареные тушки кур, гусей, уток, тушеное мясо, а также блюда, приготовленные с использованием конопляного семени, которые вышли из употребления с прекращением посева конопли. Во время праздников и обрядов хозяева дополнительно готовили пироги, ватрушки для ответных гостинцев гостям, которые обычно приезжали к хозяевам с «хлебом» (блины, пироги, ватрушки) и гостили около трех дней, не больше. В настоящее время праздничный стол обогатился современными блюдами, кондитерскими изделиями, напитками [2].

У уральских марийцев в 1970–80-е гг. в центре праздничного стола ставили целого жареного гуся (*пӱтынь комбо*). Разделить гуся и раздать куски мяса было большим искусством, и этим

занимались хозяева или приглашали человека, который хорошо это делал. Каждый гость получал свою часть тушки гуся, предназначенную именно для него. Гуся делили примерно таким образом: девушкам давали крылья (*шулдыр*), поскольку они выйдут замуж и «улетят из родительского дома»; гусиные ноги (*эрде*) давали сыновьям, так как они оставались в доме (*эргылан суртышто илаш*); жене доставалась шея, отцу семейства – голова гуся, что означало «куда повернется голова, туда и шея» (*кушко вуй савырна, тушко шӱй*) и т.д. Необходимо было строго соблюдать порядок раздачи гуся [4].

Обычно за столом вся пища не съедалась, ели степенно и медленно. Считалось дурным тоном наедаться до отвала и тем более напиваться. Алкогольные напитки употреблялись в небольшом количестве. Водку наливали в небольшую рюмочку, она передавалась от гостя к гостю; алкоголь только пригубляли, а не выпивали залпом. Таким же образом пили и пиво из ковша (кружки), который переходил из рук в руки. В прошлом обычно первым пил хозяин или хозяйка, показывая, что питье не содержит порчу или отраву. Кстати, когда какие-то кушанья привозил гость, то он первым их отведывал, что тоже говорило, что пища добрая, не испорчена и не отравлена. В сельской местности этот обычай сохранился у луговых и восточных марийцев. Но в настоящее время он объясняется своеобразно, существует представление, что якобы человек, отведав первым свое угощение, не будет быстро стареть. Во время свадьбы, поминок, похорон готовились специальные обрядовые блюда [2].

Во время свадебного ритуала в домах невесты и жениха невеста своим родственникам подавала подарки и ковш с пивом в знак уважения, в который те, в свою очередь, опускали серебряные монеты. У горных марийцев во время свадебного застолья в доме жениха седьмым блюдом для гостей был *кыравец* (круглый мясной пирог), который символизировал конец свадебного ритуала [3].

В крестьянской среде почтительно относились к пище, особенно к хлебу. Хлеб считался основой жизни, это отразилось во многих обычаях и обрядах. В центре праздничного стола всегда стояли непочатый каравай хлеба, стопка блинов. Для сватовства, поминок, похорон, молений и других обрядов всегда пекли хлеб.

Необходимо подчеркнуть, что большие изменения произошли и в употреблении традиционных напитков. Так, например, традиционное слабоалкогольное пиво из ячменя – один из самых любимых и распространенных напитков – не готовится по старинной технологии. В прошлом ни один семейный, языческий обряд, праздник не проводился без пива. Пиво подавалось в особой посуде и с особым этикетом. В старину, отправляясь в гости к родственникам, друзьям или приглашая их в гости, марийцы говорили: «Едем пить пиво, приходите пить пиво». Пиво, освященное во время языческих молений, считалось целебным. Традиционная технология изготовления пива с течением времени менялась, так как была очень трудоемкой. Постепенно этот напиток стали варить из солода, хмеля, картофеля, красной свеклы и других ингредиентов. Таким образом, процессы варки пива модернизировались, упрощались традиционные рецепты приготовления напитка, а в настоящее время практически утратились.

Самогоноварение получило распространение в послевоенный период, но всегда преследовалось законом, поэтому самогон варили тайно, скрываясь от посторонних глаз. В сельской местности самогоноварение бытует и в настоящее время. Исходным сырьем для такого напитка служит брага, настоянная на ржи, картофеле или на других ингредиентах [5].

Особенностью деревенского быта является содержание домашнего скота и птицы в приусадебном хозяйстве. Во время массового забоя скота в осенне-зимний период устраивался праздник (*шыл пайрем*). Односельчане готовили мясные блюда и приглашали друг друга в гости, где желали хозяевам приплода скота. Мужчинам, которые помогали закалывать скот, давали мясо, угощали их. У восточных марийцев во время застолья при употреблении овцы или барана голова животного подавалась наиболее уважаемому гостю, что было связано с тюркскими традициями [6].

У всех групп марийцев в сельской местности и в настоящее время принято проводить праздник молозива (*тувыртыш пайрем*) после отела коровы. Молозиво доят семь раз. Его смешивают с молоком и ставят томиться в печь, по этому же поводу пекут блины, пироги. К трапезе приглашаются родственники, соседи, где их

угощают, а те желают хозяевам, чтобы корова давала много молока, ежегодно приносила приплод [2].

Нужно отметить и то, что в праздничной пище, особенно восточных марийцев, бытуют также блюда, воспринятые из татарской и башкирской кухни. Из татарской кухни заимствованы *чак-чак, эчпочмак* (треугольные пирожки с начинкой из мяса, картошки, лука), *как* (пастила из ягод или фруктов), подкопченный *курт* (сыр), *эйрен* (кисломолочный напиток) и др. Такие блюда, как домашняя лапша, чак-чак, блины, являются интернациональными, характерными для народов Урало-Поволжья [1, с. 141].

Сохранение традиционного набора основных пищевых продуктов, следование традиционным технологиям и рецептуре приготовления блюд характерны для традиционных обрядов, особенно религиозных. В значительной степени причиной этого является включение в религиозные обряды марийцев приема пищи как обязательного элемента.

Баланс различных видов пищевых продуктов в питании марийцев в современных условиях зависит от социально-экономических причин, в том числе от материального достатка. Пища упростилась, стала менее разнообразной и менее традиционной. Это должно стать поводом для специальных исследований в целях сохранения генетически приемлемых норм сочетания различных продуктов в питании марийцев, так как это связано с сохранением здоровья этноса, в особенности подрастающего поколения. Для марийцев характерна единая традиционная система питания. Одни и те же марийские блюда бытовали среди всего народа, хотя локальные особенности были характерны для каждой этнографической группы этноса.

Значительные изменения в питании марийцев произошли в 1960–70-е гг. В рационе питания марийцев появились новые продукты, некоторые традиционные исчезли. Так, в этот период резко уменьшились посевы конопли и вместе с этим использование конопляного семени в пище. Стали потреблять разнообразные продукты: рис, манную крупу, макаронные изделия, морские рыбопродукты, растительное масло из подсолнечника, чай, сахар-рафинад, кондитерские изделия и др.

В современных условиях довольно редко делают домашнюю колбасу, мало используют кровь животных, что, вероятно, связано с трудоемкостью изготовления этих блюд. В ближайшей перспективе традиционные блюда будут сохраняться в празднично-обрядовой сфере и в языческих религиозных обрядах.

До настоящего времени существует обычай поздравлять родителей с новорожденным (*узыпка, аза обеде*), для которого готовятся традиционные блюда, их берут с собой в дом ребенка поздравляющие родственники или друзья. В набор этих блюд входят непочатый каравай хлеба (символ благополучия и счастья для младенца), жареная тушка курицы (у крещеных марийцев), жареная утка или гусь (у некрещеных марийцев), стопка блинов (*мелна кышыл*) с сырком (*туара*), чтобы у матери было грудное молоко, подарки для новорожденного. В состав блюд для этой праздничной трапезы в настоящее время включаются и многие другие блюда общероссийской кухни: разнообразные пироги, торты, сладости, фрукты и др. [5].

В современных условиях у марийцев бытует обряд проводов в армию и застолье по этому поводу. В доме призывника готовятся к проводам – пекут блины, готовят пироги с разными начинками, чак-чак, салаты, суп и др. В доме родители призывника собирают богатый стол для провожающих. У представителей традиционной религии приглашают *карта* (жреца), приходят родственники, друзья. Карт освещает стол, читает молитву об удачном прохождении армейской службы призывника. В красном углу карт зажигает свечу. Первыми за стол садятся взрослые члены семьи, родственники. Карт, взяв стопку блинов, освещает их молитвой и разрезает на четыре части, четвертинку из нескольких блинов дает откусить отцу, матери, призывнику. Блины помещают на каравай хлеба. Затем блины едят гости, которые желают призывнику удачно отслужить в армии и живым и здоровым вернуться домой *(салтак корнет пиалан лийже, сай служитлен, таза пӧртыл)* [7, с.158].

Через потребление пищи во время праздников в кругу родственников, односельчан, гостей люди коллективно приобщались к тому

или иному обряду, ритуалу. Потребление пищи сопровождалось особым этикетным поведением, имеющим многовековые традиции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Пища // Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье в советскую эпоху (до середины 1980-х годов). Чебоксары, 1991. С. 117–145.

2. Полевые материалы автора (далее ПМА) 1985, 1987, 1989, 1991, Сернурский р-н, 1993, Сернурский, Моркинский, Звениговский, Параньгинский, Горномарийский р-ны МАССР и РМЭ.

3. ПМА 1993, Горномарийский р-н РМЭ.

4. ПМА 1996, Красноуфимский р-н Свердловской области.

5. ПМА 2002, 2003, Моркинский р-н РМЭ.

6. ПМА 2006, 2007, Мишкинский, Шаранский, Белебеевский, Калтасинский р-ны Башкортостана.

7. Рекрутские обряды и хлеб в традиционной культуре марийцев // Государственная культурная политика и творческая деятельность на современном этапе: материалы IV Респ. науч.-практ. конф. «Йыван Кырла лудмаш» (Марисола, 27 марта 2015 г.) / науч. ред. Н.С. Попов; Мин-во культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, МарНИИЯЛИ, Маргосун-т. Йошкар-Ола, 2017. С. 154–160.

УДК 316.4.06

Л.Р. Низамова
Казанский федеральный университет
(г. Казань)

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВОСПРИЯТИИ ЛИДЕРОВ МНЕНИЯ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ

В статье на основе социологических полуформализованных интервью 2021 г. раскрываются тенденции развития языковой ситуации в шести национальных республиках Волго-Уральского региона (Башкортостане, Марий Эл, Мордовии, Татарстане, Удмуртии и Чувашии) в оценках лидеров общественного мнения.

Ключевые слова: *титульный язык, государственный язык, родной язык, этнокультурное образование, национальные республики Поволжья.*

The article reveals the trends in the development of the language situation in the national republics of the Volga-Ural region (Bashkortostan, Mari El, Mordovia, Tatarstan, Udmurtia and Chuvashia) in the assessments of public opinion leaders, based on the sociological semi-formalized interviews of 2021.

Key words: *titular language, state language, native language, ethno-cultural education, national republics of the Volga-Ural region.*

В период с 2020 г. по настоящее время в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» РАН в Казанском федеральном университете междисциплинарной командой социологов, политологов и конфликтологов реализуется научный проект, ориентированный на изучение актуальных процессов в сфере языка и языковой политики национальных республик Поволжья и Приуралья и на выявление конфликтогенных факторов и практик. Масштабная программа исследования опирается на разнообразные источники информации и включает анализ нормативной базы языковой политики в стране и республиках и ее применения на практике, экспертных оценок языковой динамики и потенциала конфликтности, мнений и установок различных категорий населения посредством фокус-групповых обсуждений с гражданами и полуформализованных интервью с лидерами общественного мнения в каждой из шести территорий (Башкортостане, Марий Эл, Мордовии, Татарстане, Удмуртии и Чувашии).

В данной статье раскрываются позиции представителей национальной интеллигенции, активистов-общественников, сотрудников СМИ (печати, радио и телевидения) и коммуникации (Интернета) по вопросам языкового воспроизводства и развития. В каждой из республик в 2021 г. по единой методике были проведены по восемь дистанционных интервью с преобладанием в выборке опрашиваемых титульной (-ых) в республике национальности (-ей). Тематика опроса охватывала: актуальные тенденции языкового развития, роль республиканских и федеральных вла-

стей и их взаимодействие с общественностью в области языковой политики, реализацию государственного статуса титульного (-ых) языка (-ов), изучение родного языка в школе, влияние языковых компетенций граждан на их повседневную жизнь, действующие и потенциальные факторы напряженности и конфликтогенности, востребованность титульного (-ых) языка (-ов), двуязычия и многоязычия в республике и др.

Эти вопросы внимательно изучаются представителями разных социогуманитарных наук в республиках [1; 2; 3; 4], а также исследователями, которые осмысливают разнообразные аспекты бытования этничности, межэтнических отношений, языковых процессов и этнокультурного образования в стране в целом. В этом случае те или иные национальные республики Поволжья и Приуралья представлены в отечественных сборниках и монографиях как отдельные и самобытные кейсы наряду с субъектами из других федеральных округов и территорий страны [5; 6; 7; 8]. Актуальность данного исследования, во-первых, задается тем, что шесть национальных республик Волго-Уралья рассматриваются в системе единого макрорегиона с учетом их общих и особенных черт. Во-вторых, повышение интереса к языковой «повестке» связано с изменением в 2017–2018 гг. порядка преподавания родных языков в школе и возможностью по прошествии времени оценить эффективность и последствия состоявшихся перемен. В-третьих, важно и то, что в исследованиях напряженности и конфликтогенности языковые асимметрии и неудовлетворенность отдельных сегментов населения часто упускаются из внимания или отступают на задний план в сравнении с безоговорочно признанным значением межэтнических, межконфессиональных и миграционных отношений в предупреждении конфликтов.

Во всех республиках на обсуждение языковых вопросов и языковой политики в интервью с социологами чаще откликались представители титульной национальности (в Башкортостане еще и этнические татары). Для них по умолчанию главной темой становился язык титульной национальности (и родной для большинства участников интервью язык), являющийся одним из государственных

в республике языков, как требующий специальных усилий по его сохранению, изучению и развитию. Ведущей темой состоявшихся интервью были витальность и поддержка титульного языка, проблемы с его использованием и популяризацией:

«Это, наверное, даже общероссийский вопрос – насколько важны региональные языки, то есть и вот этот башкирский вопрос, – вопрос башкирского языка, его необходимости, необходимости его поддержки…» (Интервью Башкортостан, 6; вместо *Интервью* далее *И.*; цифры в таких ссылках указывают на порядковый номер интервью в республике);

«Это, конечно, сохранение удмуртского языка как основного языка удмуртов в общении, введение в общеобразовательные школы дополнительного урока «Удмуртский язык», изучение удмуртского языка на факультативной в том числе основе» (И. Удмуртия, 5);

«Актуальные вопросы – все, что связано с марийским языком. Мне кажется, что самое актуальное – это все-таки образование, школы, и, конечно же, дети. То есть обучение детей родному языку…» (И. Марий Эл, 2).

В ходе интервью поднимался широкий круг разноплановых вопросов. И вот что беспокоит опрашиваемых:

– низкая востребованность титульного языка и уменьшение численности его носителей:

«Только на селе остаются носители языка, поэтому самая проблема в том, что некому будет разговаривать. Пока живёт село, живёт и язык» (И. Мордовия, 4);

– состояние «национального образования» и нерешенные проблемы изучения титульного языка в школах и детсадах, изменение преподавания родного языка с 2017 г.:

«Мы теряем свой язык. В татарских школах перестали учить на татарском языке, перешли на русский язык. Это в связи с ЕГЭ, естественно» (И. Татарстан, 3),

«Языковой вопрос, как мы знаем, после 2017 года ещё более обострился, хотя для марийцев языковые вопросы […] начались вообще в 2001 году, когда власть изменилась, пришла министр

образования, которая объявила марийский язык факультативным. Это в 2001 году ещё было» (И. Марий Эл, 4);

– плохое знание языка детьми и молодежью, роль родителей, семьи в целом в обучении школьников родному языку и сложности его межпоколенной трансмиссии (нехватка учебного, просветительского и развлекательного контента на титульном языке, особенно продуктов культуры и массмедиа, предназначенных для детей, недостаточная или плохая представленность «малого» языка в интернете):

«Обсуждается самый широкий спектр проблем – это, например, наличие контента для детей на башкирском языке в интернете, наличие художественной литературы, прессы, книг (также для детей) на башкирском языке, которых хронически не хватает» (И. Башкортостан, 2);

– сокращение книгоиздательства на национальном языке и финансирования национальных печатных изданий:

«В советское время в лучшие годы выпускали по триста книг в году […] Сейчас сто. Сто книг издается. Тиражи […] падают» (И. Чувашия, 1);

– несоответствие действительного положения языка (-ов) статусу государственного (-ых) языка (-ов) республики, невладение титульным языком руководителями органов государственной власти в республиках и отсутствие даже асимметричного билингвизма в официальной документации, документообороте и многих других сферах публичной жизни:

«Верхушка не знает родного языка, хоть министр, хоть другой… Слава богу, у нас глава республики знает родной язык, и мне кажется, что он понимает […]. Нам важно, чтобы человек понимал проблемы» (И. Чувашия, 5).

При этом тема «этнолингвистического конфликта» не была выраженной и приоритетной в кругу поднимаемых вопросов. Ни в одной из национальных республик Поволжья и Приуралья языковая ситуация не расценивается лидерами мнения как конфликтная, хотя имеются расхождения этноязыковых интересов представителей

разных национальностей, монолингвов и билингвов, и многие представители титульной национальности из числа лидеров мнения считают тему сохранения и изучения своего языка в той или иной степени острой. Обеспокоенность подпитывается тенденциями сокращения численности носителей языка, особенно среди детей и молодежи, сужения сегмента этнокультурного и национального образования, обеспечивающего в долгосрочной перспективе витальность местных языков, нерешенность вопросов развития самобытной региональной культуры в ее многоаспектных проявлениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений: сб. очерков / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ: Артифакт, 2014. 236 с.

2. Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане / под ред. Р.Г. Минзарипова, С.А. Ахметовой, Л.Р. Низамовой. Казань: Каз. ун-т, 2013. 268 с.

3. Текущее состояние и динамика этноязыковой ситуации в сфере образования Удмуртской Республики: Информ.-аналит. сб. / Каз. науч. учреждение Удм. Респ. «Науч.-исслед. ин-т нац. образования». Ижевск, 2020. Вып. 5. 132 с.

4. Языковое многообразие в российских регионах: возможности развития: коллектив. моногр. / под общ. ред. Р.Б. Шайхисламова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 196 с.

5. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: РОССПЭН, 2013. 485 с.

6. Этносоциология вчера и сегодня / отв. ред. и сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2016. 474 с.

7. Этнологический мониторинг: разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов в России / под ред. М.Ю. Мартыновой и В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017. 514 с.

8. Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2021. 620 с.

УДК 316.4+811.511.151

О.В. Орлова
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

НАСЕЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ
(по материалам социологических исследований)

В статье на материалах социологических исследований МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева рассматривается отношение населения к родному языку.

Ключевые слова: *социологическое исследование, марийский язык, родной язык.*

The article examines the attitude of the population to the native language based on the materials of sociological research conducted in V.M. Vasiliev Mari Research Institute of Language, Literature and History.

Key words: *sociological research, the Mari language, native language.*

Одним из актуальных проблем языковой политики Республики Марий Эл является необходимость учитывать языковые интересы различных этнических сообществ. Языковая ситуация в республике определяется в первую очередь положением марийского и русского языков.

Язык – важнейшее средство человеческого общения, социальное средство хранения и передачи информации, средство выражения и сообщения мыслей. Язык связан с жизнью человека, историей, обычаями, отражает специфику национальной культуры. Язык – душа народа. Сохранение, развитие, функционирование языка – сохранение и развитие этноса, носителя языка.

С момента образования Марийской автономии языковая политика являлась одной из приоритетных в многонациональном регионе. Первым официальным документом, регламентирующим использование языков, стало постановление Президиума Мароблисполкома

от 28 ноября 1921 г. по введению марийского языка в употребление в деятельности учреждений и организаций автономной области. В течение последующих лет были приняты такие документы, как Постановление Президиума Мароблисполкома «О проведении в жизнь начал национальной политики» (ноябрь 1923 г.), Постановление Президиума Мароблисполкома «О практическом проведении реализации марийского языка» (24 марта 1927 г.). Последний документ предусматривал перевод всего делопроизводства на марийский язык к 1 января 1928 г. [1, с. 1–88].

22 октября 1990 г. была принята Декларация о государственном суверенитете Марийской Советской Социалистической Республики. Государственный суверенитет Марийской ССР провозгласил свободное развитие и пользование родным языком, равноправие марийского (лугового, горного) и русского языков в качестве государственных языков республики. Декларация стала основой для разработки Конституции и развития законодательства Республики Марий Эл.

В постсоветский период основные направления языковой политики в Республике Марий Эл определены в законодательстве республики. 12 декабря 1993 г. принята Конституция Российской Федерации, в соответствии с которой республикам в составе Российской Федерации дано право устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик государственные языки данных республик употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации (русским). Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (статья 68 Конституции Российской Федерации). 24 июня 1995 г. конституционным Собранием Республики Марий Эл была принята Конституция Республики Марий Эл, где в Статье 15 было отмечено «Государственными языками Республики Марий Эл являются марийский (горный, луговой) и русский языки» [2, с. 6].

26 октября 1995 г. был принят Закон Республики Марий Эл № 290-111 «О языках в Республике Марий Эл», который провоз-

гласил равноправие языков, языковые права всех граждан и был направлен на удовлетворение этнокультурных потребностей народов, проживающих на территории Республики Марий Эл, а также поддержку мари, проживающих за ее пределами. Следует отметить, что с принятием Конституции Республики Марий Эл и Закона о языках Республики Марий Эл в школах стали преподавать марийский язык как государственный и как родной.

Одним из вопросов гармоничных межнациональных отношений является языковая ситуация.

В Республике Марий Эл проведено этносоциологическое исследование о возможностях реализации государственной национальной и языковой политики и условиях проведения Всероссийской переписи населения. Опрос проводился с 29 ноября по 6 декабря 2021 г. по программе EAWARN и Распределенного научного центра по изучению межнациональных и межрелигиозных проблем в Приволжском федеральном округе. Согласно предложенной квоте опрошены 300 студентов Марийского государственного университета (МарГУ) и Поволжского государственного технологического университета (ПГТУ).

Для обучения в школе респонденты выбрали бы для себя изучение русского и иностранного языка (71 %), а пятая часть хотели бы изучать русский, иностранный и национальный (21 %). Студенты ответили, какой национальный язык они хотели бы изучать. Практически все отметили свой родной язык (марийский, татарский и др.). Большинство респондентов родным назвали русский язык (80%), треть – марийский, часть – татарский (4 %), остальные назвали родными другие языки. Нужно отметить, что респонденты отмечали два родных языка, так марийцы, татары и другие отвечали, что кроме своего языка они считают родным русский язык. В основном студенты не испытывают проблем в использовании родного языка (87 %), те же, кто не использует родной язык в общении с окружающими, назвали причины: окружающие не знают моего языка (6 %), не знаю/мало знаю родной язык (5 %), часть стесняется говорить на родном языке (2 %). И около 2 % испытывали негативное отношение к себе из-за языка, чуть более одного

процента из-за национальной принадлежности и один респондент отметил вариант «из-за религии». Значительное большинство респондентов ответили, что не испытывали негативного воздействия по отношению к себе (95 %).

Следует отметить, что в Республике Марий Эл созданы условия для изучения в школах национальных языков. В государственных образовательных организациях республики и муниципальных образовательных организациях на территории республики обеспечивается преподавание и изучение марийского и русского языков как государственных языков Республики Марий Эл.

Языком обучения во всех 253 общеобразовательных организациях республики, в том числе в 248 дневных общеобразовательных организациях республики, является русский язык.

На основании письменных заявлений родителей (законных представителей) обучающихся 1 и 5 классов и в соответствии с установленным образовательной организацией порядком учета интересов и образовательных запросов обучающихся, родителей (законных представителей) право на изучение родного языка реализовано во всех общеобразовательных учреждениях республики.

Выбор языков изучения в общеобразовательных организациях Республики Марий Эл в 2020–2021 учеб. году сложился следующим образом:

марийский (родной) язык изучают 7950 обучающихся (10,1 % от общего количества обучающихся) в 83 общеобразовательных организациях;

русский (родной) язык изучают 45 496 обучающихся (57,89 % от общего количества обучающихся) в 155 общеобразовательных организациях;

марийский (государственный) язык изучают 13 887 обучающихся (17,67 %) обучающихся в 96 школах;

марийский (государственный) язык интегрировано с историей и культурой народов Марий Эл изучают 21 692 обучающихся (27,6 %) в 95 школах;

историю и культуру народов Марий Эл изучают 32 743 обучающихся (41,67 %) в 214 школах;

татарский язык изучают 1176 обучающихся (1,5 %) в 10 общеобразовательных организациях;

удмуртский язык изучают 59 обучающихся (0,07 %) в 1 общеобразовательной организации [3, с. 127].

Кроме русского языка при общении в семье и друзьями 34 % респондентов используют другие языки, интересно, что кроме национальных языков (марийский язык – 23%, татарский язык – 4 %, удмуртский – 1 %) респонденты назвали и иностранные языки (английский язык – 7 %). По материалам исследования «Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл», проведенного в 2020 г., молодые респонденты отметили владение английским языком: 15–19 лет – 18 %, 20–29 лет – 6 %. Все респонденты в этих возрастных группах отметили владение русским языком, марийским языком владеют, соответственно 28 % и 33 %, татарским языком – 5 % и 6 %, другими национальными языками – 4 % и 2 % [4, с. 111].

Одним из условий сохранения родного языка, безусловно, является функционирование языка, его использование в быту. По результатам исследований МарНИИЯЛИ, проведенных в разные годы, марийцы родным языком назвали марийский: 81,8 % (2001), 76,4 % (2011), 78,7 % (2015), 68,8 % (2018), 66,9 % (2019), 74,4 % (2020), 72,7 % (2021).

Таблица 1

Знание марийцами марийского языка
(в % от ответивших)

Варианты ответов	2001	2011	2012	2020	2021
Пишу, читаю, говорю	75,4	79,7	76,6	80,9	78,0
Читаю, говорю, но писать не умею	9,2	7,5	8,3	6,5	8,7
Говорю, но ни читать, ни писать не умею	6,5	2,7	4,9	5,3	4,5
Говорю с затруднениями	1,5	1,5	2,7	1,1	2,3
Понимаю, но не говорю	5,0	6,3	5,1	2,9	4,7
Не владею	2,3	1,9	2,0	2,7	1,1
Не ответили	0,1	0,4	0,4	0,6	0,7

В семьях респонденты с родителями больше разговаривают на родном языке, а с детьми школьного и дошкольного возраста меньше. Но, тем не менее, родители хотят, чтобы их дети знали родной язык.

Таблица 2

Общение в семье марийцев на марийском языке (в % от ответивших)

Варианты ответов	2001	2011	2015	2018	2019	2020	2021
С родителями	70,4	59,5	41,0	42,8	34,2	36,8	36,7
С мужем/женой	64,2	41,4	-	-	-	-	-
С детьми дошкольного возраста	34,0	17,3	6,6	10,0	17,3	22,8	12,7
С детьми школьного возраста	34,6	15,7	8,8	29,1	17,7	20,4	14,0

Таблица 3

Мнение марийцев о необходимости знания их детьми родного языка (в % от ответивших)

Варианты ответов	2011	2015	2018	2019	2020	2021
Да	86,8	86,9	72,7	50,2	93,0	94,5
Нет	2,5	1,8	22,4	1,2	0,0	0,0
Мне это безразлично	9,0	5,2	1,6	1,9	5,9	5,5
Не ответили	1,7	6,1	3,3	46,7	1,1	0,0

Кроме семьи респонденты чаще всего разговаривают на родном языке с друзьями, в общественных местах, коллегами по работе, реже – в административных учреждениях, в Интернете, СМС-сообщениях.

Респонденты отметили, что в республике наблюдается неравнозначное функционирование государственных языков русского и марийского, более используется русский язык.

Как показывают вышеизложенные материалы, в республике законодательно созданы условия для равноправного функционирования марийского языка, но реально, и это подтверждают данные социологических исследований, наблюдается невысокий интерес

Таблица 4

Мнение марийцев о функционировании марийского языка в республике (в % от ответивших)

Варианты ответов	2015	2018	2019	2020	2021
Да в полной мере функционируют русский и марийский языки	24,7	22,0	22,0	28,1	18,6
Больше используют русский язык, чем марийский язык	67,7	68,0	66,0	60,9	71,9
Больше используют марийский язык, чем русский язык	0,4	1,0	0,6	0,6	0,6
Нет, русский и марийский языки функционируют не в полной мере	1,2	2,1	0,4	0,8	0,9
Не могу сказать определенно	6,0	6,2	10,3	9,0	8,0
Не ответили	0,0	0,7	0,7	0,6	0,0

к изучению и применению марийского языка. В чем же причина? Мы можем объяснить эту ситуацию следующим.

В период с 70-х гг. прошлого столетия в республике прочно сохранялась тенденция более широкого использования марийского языка в сельской местности. В городах сфера применения марийского языка не так широка: общение в семье, друзьями, коллегами по работе и учебе. Здесь следует отметить, что многие городские марийцы не знают родного языка и еще в 70–80-е гг. XX в. социологи отмечали ослабление позиций марийского языка и связывали эти явления в первую очередь с процессами урбанизации в республике, ростом смешанных браков, подчеркивая потерю родного языка у третьего поколения сельских мигрантов, а также с огромной массой заимствований, входящих в марийский язык через русский язык. Русские заимствования в марийском языке имели объективный характер, по мнению В.С. Соловьева, так как марийский язык не имел своей общественно-политической, научной, технической терминологии. Далее он отмечал: «Большое число заимствований в марийском языке, которые принимают в нем новые окончания и иной порядок слов в предложении, делают его трудным для восприятия. Очевидно, главным образом поэтому марийцы в разговоре между

собой нередко переходят на русский язык. Именно поэтому многие из них предпочитают и читать, и писать по-русски». Соловьев В.С. отмечал, что расширение масштабов перехода на русский язык имеет добровольный характер. И в первую очередь переход на русский язык характерен для национальной интеллигенции [5, с. 104,106].

В последующие периоды можно говорить и об этих причинах, но в 90-е гг. вмешиваются миграционные процессы: выезд сельских жителей в поисках работы в другие регионы страны, т.к. большинство сельхозпредприятий прекратили свою деятельность, а в начале XXI в. мы должны говорить о влиянии глобализации: открытое информационное пространство, возможность совершать поездки за рубеж, конкурентоспособность на рынке труда и другие причины потребовали знание иностранных языков. Так, по результатам исследования МарНИИЯЛИ в 2012 г. «Языковая ситуация в Республике Марий Эл» наряду со знанием русского, марийского языков население республики отметило и владение английским языком. Эту тенденцию подтвердили и исследования Сети этномониторинга 2015 и 2017 гг. В этих условиях сохранение и развитие марийского языка в большей степени ложится на семью, школу и СМИ.

Что можно предпринять и на что следует обратить внимание? Для популяризации и развития марийского языка как государственного нужно шире использовать марийский язык на государственном уровне Республики Марий Эл. Нужно постоянно уделять внимание подготовке преподавательских кадров и изданию современных книг и учебных пособий.

По данным исследования Сети этномониторинга (EAWARN) при ИЭА РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, проведенные в республике в 2015 и 2017 гг. просчеты в сфере языковой политики могут привести к недовольству общественности и, возможно, к ухудшению межнациональных отношений в республике [6, с. 14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Нормативно-правовая основа языковой политики в Республике Марий Эл: сб. основн. док. / сост. Э.В. Чемышев. Йошкар-Ола: Администрация Главы Республики Марий Эл, 2016. 88 с.

2. Конституция Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1995. 70 с.

3. Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2021. 620 с.

4. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2020 года): науч.-стат. бюллетень / МарНИИЯЛИ; авт.-сост. Г.С. Зеленеева, О.В. Орлова, В.И. Шабыков. Йошкар-Ола, 2021. 202 с.

5. *Соловьев В.С.* По пути духовного прогресса. Некоторые итоги повторных социологических исследований проблем быта, культуры, национальных традиций, атеизма и верований населения Марийской АССР. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 161 с.

6. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад по итогам специсследования / ред. В.А. Тишков, В.В. Степанов. М.; Ижевск: Ин-т компьютер. исслед., 2016. 14 с.

УДК 787.5

Е.С. Рябинина
Колледж культуры и искусств им. И.С. Палантая,
М.А. Ключева
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

МАРИЙСКАЯ ГУСЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ: ОТ ФОЛЬКЛОРА К ШЕДЕВРАМ МУЗЫКАЛЬНОЙ КЛАССИКИ

Статья посвящена марийской гусельной традиции. Дан обзор основных вех в истории марийских гуслей от фольклора до нашего времени. В современной марийской музыкальной культуре гусли по праву занимают ведущее место и официально считаются национальным брендом Республики Марий Эл.

Ключевые слова: *гусли, марийские народные инструменты, марийская музыка, современное народные искусство, орган, А.Р. Сидушкина, Театр оперы и балета им. Э. Сапаева.*

The article is devoted to the Mari harp tradition. An overview of the main milestones in the history of the Mari harp from folklore to our

time is given. In the modern Mari musical culture, the harp rightfully occupies a leading place and is officially considered the national brand of the Republic of Mari El.

Key words: *harp, Mari folk instruments, Mari music, contemporary folk art, organ, A. R. Sidushkina, E. Sapaev Opera and Ballet Theater.*

У марийского народа много музыкальных инструментов. Самым распространенным являются гусли. Гусли – это старинный струнный щипковый музыкальный инструмент, относящийся к семейству цитр. Он известен многим народам. Например, *кантеле* – у карелов, финнов, *крезь* – у удмуртов, *кӗсле* – у чуваш, *гөслә* – у татар и т.д. У марийцев гусли использовались в быту, на праздниках, во время языческих молений. Считается, что на гуслях в старину играли исключительно мужчины [4, с. 19]. С XX в. на этом инструменте больше играют женщины. Чаще всего в семьях, в которых родители умели играть на музыкальных инструментах, игре на них обучали и детей, в том числе и на гуслях. Поэтому гусли являются элементом воспитания. По легенде, гусли создал Бог [1, л. 12], поэтому его используют во время молений в священных рощах (*кӱсото*).

У горных марийцев инструмент называется *кӓрш*, а у луговых и восточных – *кӱсле**. Но, несмотря на некую разность в названии, они однотипны по конструкции. В XX в. гусли в основном сохранились у горных марийцев. Именно они стали активнее пропагандировать исполнительство на гуслях, обучая своих детей, относясь к инструменту как к некой семейной реликвии. Появились мастера,

---

* Названия гуслей в разных диалектах: *кӱс'ле* (д. Сарси Красноуфимского уезда Пермской губернии, Бирский у. Уфимской губ., д. Карманкино Малмыжского у. Вятской губ., Уржумский у. Вятской губ.), *кӱсле* (д. Красный Ключ Бирского у. Уфимской губ., д. Юшуттур Царевококшайского у. Казанской губ.), *кисла́* (д. Кукшнур Царевококшайского у.), *кисла̀* (д. Большие Маламасы Чебоксарского у. Казанской губ.), *кис'л'а* (с. Исменцы Чебоксарского у.), *кы̄сла* (д. Чихайдарово Царевококшайского у., д. Туршемучаш Яранского у. Вятской губ.), *кы́слей* (д. Отюково Яранского у.), *кы́сл'е* (д. Арба Ветлужского у. Костромской губ.) [5, с. 1135].

которые пытались расширить возможности гуслей. Это касалось и материала, из которого они изготавливались, качества струн, регистра, настройки, манеры игры и в целом звучания этого народного инструмента. Например, одним из таких музыкальных мастеров был В.С. Кашутин [2, с. 67]. В этом процессе большую роль сыграли не только мастера, но и исполнители. Среди них хочется выделить П.С. Тойдемара, А.Р. Сидушкину.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. при Марийской филармонии функционировал ансамбль гусляров под руководством П.С. Тойдемара. Анна Романовна Сидушкина (1915–1981) стала первой женщиной народа мари, которая получила высшее музыкальное образование в Московской консерватории. Позже именно она создала первое методическое пособие по игре на гуслях [3]. Вся её жизнь была посвящена пропаганде исполнительства на этом инструменте. Анна Романовна создала целую школу гусляров. Благодаря её активной деятельности, а также её учеников исполнительство на гуслях приобрело широкое распространение. В составе Марийского ансамбля песни и танца «Марий Эл» появился ансамбль гусляров. Вскоре после открытия школы-интерната № 1 для одарённых детей в 1960 г. (ныне «Национальная гимназия искусств» при Колледже культуры и искусств имени И.С. Палантая) был создан ученический ансамбль гусляров, руководителем которого была долгое время Т.А. Ягельдина, позже – Е.И. Васютина. Исполнительство на гуслях стало обязательным атрибутом выступлений фольклорно-этнографического ансамбля «Марий памаш» («Марийский родник»), созданного в 1974 г. при Доме народного творчества (руководитель – композитор В.П. Данилов). Таким образом, в XX в. гусли становятся сценическим инструментом и встраиваются в систему профессионального образования.

Эта традиция продолжает существовать в Республике Марий Эл по сей день. В 2009 г. появился новый ансамбль гусляров «Чинчывий» при факультете культуры и театрально-зрелищных искусств Колледжа культуры и искусств имени И.С. Палантая (руководитель М.А. Завойскина (Эльтемерова). Кроме этих известных коллективов, ансамбли гусляров были широко распространены

в детских школах искусств Горномарийского района – в Микряково, Виловатово, Еласы, Озёрки. По данным на май 2022 г., гусли преподают также в Йошкар-Оле (Национальная гимназия искусств, школа искусств «Лира»), в п. Юбилейный Медведевского района, в ДШИ с. Кужмара Звениговского района.

Вместе с тем на протяжении XX в. народные гусли постепенно уходят из деревенского быта. Также из-за особенностей отношения к религии в советское время, т.к. марийские моления были под запретом. Следовательно, гусли не использовались в священных рощах, во всяком случае легально. Таким образом, сфера использования этого инструмента заметно сузилась. В постсоветское время происходит демократизация музыкальной жизни. Распад Советского Союза принёс кардинальные перемены в жизнь общества, в том числе и в музыкальную. Среди прочего началось движение по возрождению аутентичных инструментов. Кроме того, начали возрождаться религиозные практики, которые в советское время были запрещены. Снова стали проводиться (с осени 1991 г. легально) и по сей день проходят марийские моления с использованием гуслей.

Более того, в XXI в. начали появляться музыканты, которые экспериментируют с народными инструментами в стилистически очень разнообразной музыке (этно-джаз, фольк-рок, этно-панк и т.п.). Народная музыка начала сочетаться с клубной, то есть появляются оригинальные аранжировки народных мелодий, а также на народных инструментах исполняется современная и классическая музыка. Представителями таких тенденций и новшеств являются группы Pairem, Трындель-Брындель, Уен, Ойып, Луговые мари из Йошкар-Олы, а из других регионов России, например, это Otyken (Красноярский край), Oyme (Мордовия), Post-dukes (Удмуртия) и др. Данное движение в области музыкального искусства выражает собой эстетику этнофутуризма.

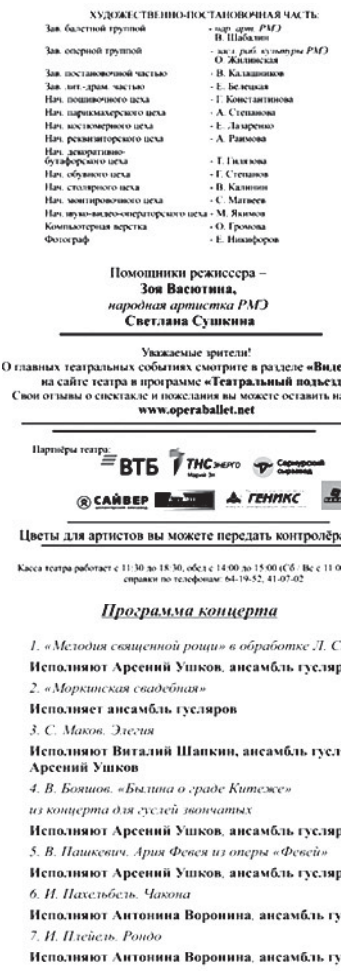
В настоящее время активно продвигается исполнительство на гуслях и появляются новые интересные идеи для привлечения внимания к этому народному инструменту. Нередко можно встретить новшества в гусельной практике. Если в XX в. гусли использовались преимущественно в сочетании с флейтой [2, с. 86], сейчас возникают

самые необычные сочетания инструментов, например, гусли и виолончель (в такой аранжировке была исполнена песня «Кукла колдуна» группы «Король и шут» и др. на Первом международном детском форуме в Москве летом 2022 г.). На концерте 3 ноября 2022 г. Всемарийский детский ансамбль гусляров исполнил песню *Йывырте* ‘Радуйся’ И.С. Палантая с хором и ансамблем барабанщиков (*тӱмыр*), а пьеса «Предание о земле марийской» С. Макова прозвучала в ансамбле с солирующей флейтой и кларнетом. А самое грандиозное и необычное – это сочетание с гуслями такого европейского инструмента, как орган. Данная задумка была впервые реализована в апреле 2019 г. в Марийском государственном академическом театре оперы и балета им. Эрика Сапаева и представляла собой концерт из 13 произведений разных композиторов мира. Кроме марийских народных мелодий и музыки марийских композиторов (С. Маков, В. Захаров, С. Элембаев, Э. Архипова), звучали произведения русских и зарубежных классиков: Д. Бортнянского, В. Пашкевича, В. Бояшова; И. Пахельбеля, И. Плейеля). Участниками данного представления были ансамбль гусляров «Чинчывий», органисты Арсений Ушков и Антонина Воронина, а также солистка театра Эльвира Гурьева (сопрано) и флейтист Виталий Шапкин. В этот же день (3 апреля 2019 г.) первый заместитель Председателя Правительства Республики Марий Эл вручил директору Национальной президентской школы искусств (ныне Национальная гимназия искусств при колледже культуры и искусств имени И.С. Палантая) Николаю Смирнову свидетельство о том, что марийские гусли (кӓрш) являются национальным брендом Республики Марий Эл. После данной премьеры концерты органа с гуслями были ещё несколько раз: в июне, сентябре и ноябре 2019 г., в феврале 2020 г. и в июле 2022 г.

После присвоения гуслям звания бренда Республики Марий Эл появилось много проектов, связанных с марийскими гуслями. Кроме ежегодных фестивалей-конкурсов «Звените гусли над Кокшагой» и «*Кӓршвлӓ курымвлӓм ушат*» («Гусли соединяют столетия») марийские гусляры часто выезжают в другие регионы страны. Таким образом, марийские гусли прошли долгий исторический путь, развиваясь и изменяясь с течением времени, сменой эпох и музыкальных

стилей. И сейчас они обрели новую жизнь и являются неотъемлемой частью музыкальной жизни нашей Марийской республики.

В заключение нашей статьи приведём программу первого концерта «Орган и гусли», состоявшегося в 2019 г., любезно предоставленную нам Еленой Белецкой, руководителем литературно-драматургической частью театра оперы и балета им. Э. Сапаева.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ПОСТАНОВОЧНАЯ ЧАСТЬ:

Зав. балетной труппой	- нар. арт. РМЭ В. Шабалин
Зав. оперной труппой	- засл. раб. культуры РМЭ О. Жилинская
Зав. постановочной частью	- В. Калашников
Зав. лит.-драм. частью	- Е. Белецкая
Нач. пошивочного цеха	- Т. Константинова
Нач. парикмахерского цеха	- А. Степанова
Нач. костюмерного цеха	- Е. Лазаренко
Нач. реквизиторского цеха	- А. Раимова
Нач. декоративно-бутафорского цеха	- Т. Гилязова
Нач. обувного цеха	- Г. Степанов
Нач. столярного цеха	- В. Калинин
Нач. монтировочного цеха	- С. Матвеев
Нач. звуко-видео-оперторского цеха	- М. Яшков
Компьютерная верстка	- О. Громова
Фотограф	- Е. Никифоров

Помощники режиссера –
Зоя Васютина,
народная артистка РМЭ
Светлана Сушкина

Уважаемые зрители!
О главных театральных событиях смотрите в разделе **«Видеоканал»** на сайте театра в программе **«Театральный подъезд».**
Свои отзывы о спектакле и пожелания вы можете оставить на сайте:
www.operaballet.net

Партнёры театра:

Цветы для артистов вы можете передать контролёрам театра

Касса театра работает с 11:30 до 18:30, обед с 14:00 до 15:00 (Сб.: Вс с 11:00 до 16:00)
справки по телефонам: 64-19-52, 41-07-02

Программа концерта

1. «Мелодия священной рощи» в обработке Л. Скулкиной
Исполняют Арсений Ушков, ансамбль гусляров
2. «Моркинская свадебная»
Исполняет ансамбль гусляров
3. С. Маков. Элегия
Исполняют Виталий Шапкин, ансамбль гусляров, Арсений Ушков
4. В. Бояшов. «Былина о граде Китеже» из концерта для гуслей звончатых
Исполняют Арсений Ушков, ансамбль гусляров
5. В. Пашкевич. Ария Февея из оперы «Февей»
Исполняют Арсений Ушков, ансамбль гусляров
6. И. Пахельбель. Чакона
Исполняют Антонина Воронина, ансамбль гусляров
7. И. Плейель. Рондо
Исполняют Антонина Воронина, ансамбль гусляров

Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл

50 ЛЕТ

Орган и гусли

Вечер органной музыки в 1-м отделении

Лауреаты международных конкурсов
Арсений УШКОВ *(орган),*
Антонина ВОРОНИНА *(орган)*

В программе принимают участие
Ансамбль гусляров «Чинчывий»
Руководитель ансамбля -
Марина ЭЛЬТЕМЕРОВА

лауреат международных и всероссийских конкурсов,
лауреат Национальной театральной премии им. И. Кырли
Эльвира ГУРЬЕВА (сопрано),
заслуженный артист РФ
Виталий ШАПКИН (флейта)

г. Йошкар-Ола,
3 апреля 2019 г.

8. Д. Бортнянский. Концерт для чембало с оркестром первая часть
Исполняют Антонина Воронина, ансамбль гусляров
9. С. Элембаев. Концертная пьеса на марийские темы
Исполняет Антонина Воронина
10. Э. Архипова. «Торна яндаштет»
Исполняют Антонина Воронина, Эльвира Гурьева
11. В. Захаров. «Предание»
Исполняют Виталий Шапкин, ансамбль гусляров, Арсений Ушков
12. В. Маляров. «Сказ о Земле Русской»
Исполняют Арсений Ушков, ансамбль гусляров

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евсеев Т.Е.* Марийские народные инструменты: рукопись // Архив МарНИИЯЛИ. Научный рукописный фонд. Оп. 1. Д. 86. 1936 г. 58 л.

2. *Никифоров П.Н.* Марийские народные музыкальные инструменты. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1959. 92 с.

3. *Сидушкина А.Р., Скулкина Л.П.* Кӱсле. Кӓрш. Гусли. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. 107 с.

4. *Эшмякова Ф.В.* Марийские гусли. Прошлое и настоящее. Звенигово: Звениг. тип. Мининформпечати РМЭ, 1993. 57 с.

5. *Веке Ö.* Mari Nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch). Tomus IV_4. Savaria, 1998. S. 969–1396.

УДК 94(470.4)

С.К. Свечников

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

ВОПРОС ОБ ЭТНОНИМЕ «ЧЕРЕМИС» В ИСТОЧНИКАХ XVI–XVII вв.

Статья посвящена проблеме этнической идентификации «черемис», упоминаемых в письменных источниках XVI–XVII вв. На основе сопоставления данных письменных источников с результатами археологических, антропологических, генетических, этнографических и иных исследований делается вывод, что под «черемисами», упоминаемыми в указанных письменных источниках, следует подразумевать марийцев и предков верховых чувашей, имевших марийско-чувашское происхождение.

Ключевые слова: *черемисы, марийцы, чуваши, вирьял, анатри, Северная Чувашия.*

The article considers the issue of the "Cheremis" ethnic identification mentioned in the written sources of the 16th-17th centuries. Based on the comparison of data from written sources with the results

of archaeological, anthropological, genetic, ethnographic and other studies, the article concludes that the "Cheremis" in these written sources should be referred to the Mari and the ancestors of the Chuvash, who had Mari-Chuvash origin.

Key words: *Cheremis, Mari, Chuvash, Viryal, Anatri, Northern Chuvashia.*

Проблема интерпретации этнонима «черемис» в источниках, написанных ранее XVIII в., является одной из наиболее дискуссионных. Многие исследователи полагают, что под «черемисами» подразумевались не только марийцы, но и другие народы Среднего Поволжья.

Отдельные письменные источники дают основания для чрезмерного расширения круга этносов, охватываемых этнонимом «черемисы». В частности, автор «Казанской истории» к «черемисам» отнес все народы Казанского ханства, кроме татар (башкир, марийцев, мордву, чувашей, удмуртов): «Две бо черемисы бе в Казанской области, а языка их три, 4 язык варварьский, той владеяше ими; едина убо черемиса об сю страну Волги сидит, промеж великих гор, по удолиям, и та словет горная; другая же черемиса об ону страну Волги живет, и та ся наричет луговая, низоты ради и равности земля тоя – и вся те луги, земляпашцы и трудницы и злолютыя ратники. В той же стране луговой есть черемиса кокшаская и ветлужская, живет в пустынях лесных, ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным, и воиною питаются и живут аки дикии» [17, с. 86]. При этом надо учитывать, что в данном источнике термин «черемиса» идентичен русским понятиям «простые земские люди», «чернь» («простыя земския люди, черемиса нижная, по рускому же чернь») [17, с. 92]. Следовательно, название «черемисы» в «Казанской истории» является соционимом, оно используются для обозначения социальной группы, находящейся в зависимости от государства, возглавляемой «татарами», «варварами» – феодальной верхушкой Казанского ханства.

Применительно к населению Горной стороны Казанского ханства в русских летописях и записках иностранцев обычно фигурирует

этноним «черемисы» или «горные черемисы». Прежде чем приступить к рассмотрению различных точек зрения по этой проблеме и соответствующих письменных свидетельств, необходимо остановиться на анализе этнических процессов на данной территории, особенно в северной ее части.

Известно, что в Северной Чувашии сейчас проживают верховые чуваши (вирьял) и средненизовые чуваши (анат енчи), а в Южной Чувашии – низовые чуваши (анатри). Образование группы верховых чувашей происходило на основе марийского этнического субстрата, а вклинившийся в марийскую среду булгаро-чувашский суперстрат был малочисленным. В формировании этнической группы низовых чувашей (анатри) марийский и в целом финно-угорский компонент был незначителен. Антропологические и генетические исследования показывают доминирование марийского компонента в физическом типе вирьял [1; 4, с. 246–250; 21; 37; 39; 43]. В культуре верховых чувашей преобладали марийские элементы. Исследования языческих кладбищ XVI – начала XVIII в. в Северной Чувашии (Козловском, Мариинско-Посадском, Моргаушском, Цивильском, Чебоксарском, Ядринском районах) показывают, что они имеют близкие параллели с синхронными финно-угорскими (преимущественно марийскими) могильниками [7; 11; 12; 22, с. 122–124; 23; 28, с. 85–93; 38, с. 16–19; 40; 42, с. 15–18]. Довольно много общих черт выявлено и при сравнительном анализе марийских и чувашских святилищ [15], народных верований [29], традиций обустройства жилища и строительной обрядности [24], культуры питания [34], народной музыки [19; 27], правовых обычаев [14], менталитета [41] и всех остальных элементов материальной и духовной культуры двух народов. Особенно изумляет почти полная схожесть традиционной женской одежды горных мари и верховых чувашей [18, с. 153–157; 26, с. 279–281]. Комплекс одежды горных мари и верховых чувашей сильно отличается и от низового чувашского, и от луговомарийского, являясь их своеобразным сочетанием. Кроме того, память об участии марийцев в формировании вирьял запечатлена в марийских экзоэтнонимах: горные марийцы своих соседей чувашей называют «суасла мары» («марийцы на татарский (точнее,

суваро-булгарский) лад»), а луговые марийцы – «кукмарий» («горные марийцы»). Собственно, и низовые чуваши в XIX в. называли верховых «черемисским отродьем» [25, с. 233; 35, с 11] и «çармăсла чăвашсем» («чувашами на черемисский лад») [5, с. 345].

По мнению известного чувашского ученого В.Д. Димитриева и ряда других исследователей, под этнонимом «горные черемисы» выступают в основном чуваши и небольшая группа горных марийцев, а основную причину именования чувашей «черемисами» следует искать в установившейся у русских издавна традиции считать земли восточнее Суры и Ветлуги «черемисскими», а обитателей этих земель – «черемисами» [2; 6; 9, с. 5–17; 44, с. 166–169 и др.].

На самом деле письменные источники XVI в. содержат немало упоминаний этнонима «чуваш», причём отдельно от указываемых тут же «черемис» [13, с. 439; 30, с. 44, 164–167, 200; 31, с. 520–524; 36, с. 65–66, 68, 71, 77, 84–85, 91, 94, 96, 98, 101–102, 104–110, 125, 127–128, 131–135, 137–142]. Пример князя А.М. Курбского показывает, что русские, вступив в непосредственный контакт с той частью населения Горной стороны, которая идентифицировала себя с чувашским этносом, сразу же чётко начинали различать чувашей и черемис: «Егда же переплавишася Суру реку, тогда и черемиса горняя, а по их чюваша зовомые, язык особливый, начаша встречати, по пятисот и по тысеще их, аки бы радующеся цереву пришествию» [20, с. 32]. Здесь же автор отмечает, что Казанское ханство населяют чуваши, марийцы (черемисы) и ряд других народов («языков»): «Бо кроме татарска языка в том царстве пят различных языков: мордовский, чювашский, черемиский, войтецкий, або арский, пятый – башкирдский» [20, с. 62]. Необходимо подчеркнуть, что А.М. Курбский, участвуя в походе на Казань в 1552 г., двигался вместе с войсками от устья Барыша к Цильне («Чивле») и далее вниз по Свияге, следовательно, он проходил по местности, населенной только предками низовых чувашей [20, с. 32–34; 30, с. 199–201]. Описания Северной Чувашии и Горномарийского края у него чрезвычайно скудны, поскольку, скорее всего, он возвращался домой на судах, откуда он видел «великие горы» (на самом деле только высокие обрывистые берега правобережья Волги), отмечая, что «на них же чювашский

язык обитает» [20, с. 64]. По всей видимости, с предками верховых чувашей и горных марийцев на пути своего следования он не контактировал.

Между тем практически все источники XVI в. в качестве жителей территории Северной Чувашии недвусмысленно называют «черемисов»:

1) в Никоновской летописи, где достаточно часто встречается этноним «чуваши», при описании подавления восстания народов Горной стороны за воссоединение с Казанским ханством весной – летом 1552 г. указывается, что русские воеводы совершили поход «на черемису», при этом активными участниками сопротивления названы «по Цывили верхние люди» [20, с. 178, 198];

2) согласно разрядной записи, город Чебоксары в 1555 г. поставлен «для чебоксарския черемисы» [32, с. 490];

3) в духовной грамоте Ивана IV от 1572 г. в число присурского нерусского населения (в районе Васильсурска, Курмыша и Алатыря) включены лишь мордва и черемисы, но здесь же чуваши, равно как и черемисы, названы жителями Горной стороны [13, с. 437, 439];

4) грамоты об охране земельных владений Нижегородского Благовещенского монастыря конца XVI в. сообщают о козьмодемьянских, ядринских и чебоксарских черемисах, но ничего – о чувашах [3, с. 40–42, 51–60].

Следовательно, основная масса населения Северной Чувашии в XVI в. была представлена марийцами (черемисами). Чувашское население преобладало в Южной Чувашии – вдали от магистральных дорог, соединявших центральные русские города с Казанью. Выходит, чуваши в XVI в. менее интенсивно контактировали с русскими, нежели марийцы. Именно этим обстоятельством можно объяснить то, что земли восточнее Суры в русских и иностранных источниках называются «черемисскими».

Особым случаем можно считать упоминаемую в Списке с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда 1565–1567 гг. деревню Именево Чебоксарского уезда (ныне село Именево

Красноармейского района Чувашской Республики). В одном и том же документе это поселение названо то чувашским, то черемисским [36, с. 101, 135]. Согласно картосхеме этнографических групп чувашей, село Именево территориально относится к этнографической группе анат енчи [45, с. 391].

Достаточно часто такие же особые случаи фиксируются в документах XVII в., касающихся населения Кокшайского, Свияжского, Цивильского, Чебоксарского, Ядринского уездов [9, с. 11–12], т.е. территории, где сейчас проживают верховые чуваши. Однако с начала XVIII в. эта «путаница» в актовых и делопроизводственных документах исчезает. Так, в документах Ядринской приказной избы второй половины XVII в. «черемисы» Ядринского уезда иногда одновременно значатся ещё и как «чюваши» или же, что особенно важно, указываются наряду с «чювашами», а с 1701 г. фигурируют только как «чюваши» [33, с. 80, 99–101, 163, 196, 199, 229, 240−242, 259, 266, 268, 275–276, 294, 298–299, 322–323, 347, 363, 377–379, 406–407, 448, 451, 459, 462, 464, 466–518].

Димитриев В.Д. те случаи, когда в одних и тех же источниках XVI – начала XVIII в. одни и те же люди именуются и черемисами, и чувашами, рассматривает как аргумент в пользу тезиса о том, что под «черемисами» правобережья Волги прежде всего подразумеваются чуваши. В подтверждение к этому предположению он ссылался на археологические исследования 1950–1960-х гг., согласно которым якобы уже в XIII–XIV вв. произошло полное заселение чувашами северной половины Чувашии. [9, с. 11–14]. Правда, в последующем, учитывая новые открытия в археологии, уважаемый учёный пересмотрел эту точку зрения и стал утверждать, что проникновение булгар в Северную Чувашию началось только со второй половины XIV в. [10, с. 145]. Это означает, что сроки полного заселения чувашами северных районов Чувашии следует передвинуть на гораздо более поздний период.

Согласно данным, приводимым известным марийским археологом Т.Б. Никитиной, территория распространения языческих

кладбищ XVI–XVII вв. в Северной Чувашии, идентичных синхронным горномарийским, совпадает с территорией расселения верховых и средненизовых чувашей. Ею на основе комплекса разнообразных источников (не только археологических, но и исторических письменных, этнографических, лингвистических) сделан вывод, что вплоть до начала XVIII в. в Северной Чувашии проживало население, в языке которого доминировала тюркская (чувашская) основа, но в этносе (материальной и духовной культуре) сохранялись местные (марийские) этнические субстраты [28, с. 92–93].

Исходя из этого, можно объяснить ту «путаницу» в документах второй половины XVI – XVII вв., когда одни и те же лица именуются то «черемисами», то «чювашами»: этническая миксация (взаимоассимиляция) потомков черемис и булгар (при численном превосходстве первых и языковом доминировании вторых) представляла собой процесс, растянувшийся на многие годы; похоже, в Северной Чувашии в XVII в. проживало черемисо-чувашское население, которое испытывало затруднения в попытках этнической самоидентификации.

То, что население Северной Чувашии в XVII в. разговаривало на чувашском языке, В.Д. Димитриев обосновывает тем, что в документах, где упоминаются черемисы Курмышского, Свияжского, Цивильского, Чебоксарского, Ядринского уездов, преобладают топонимы чувашского происхождения [8, с. 110–111, 123–126; 9, с. 9–11]. Однако, исходя из этого, нельзя категорически заявлять, что «черемисы» на территории Чувашии «не могли быть марийцами» [9, с. 11]. Этих «черемисов» следует считать марийцами, даже если они не знали марийского языка, разговаривали только на чувашском или на каком-нибудь марийско-чувашском пиджине, но при этом сохраняли свое марийское самосознание. В частности, в начальном протоколе челобитных грамот XVII в. челобитчики из указанных уездов представлялись обычно не чувашами, а черемисами: «се аз … черемисин», «се аз … горный черемисин», «сирота твой черемисин», «сироты ваши … черемиса» и т.п. [8, с. 123–124; 33, с. 114, 119, 403, 426, 441]. Более того, они называли свой язык

«черемисским». Например, жители Выльской волости Ядринского уезда (деревень Аказины, Атаевы, Вылы, Тохташевы, Уразкильдины, Хочашевы, Четаевы, Шемердяновы, Штанашевы, Яушевы) в 1695 г. просили направить им другого толмача, который «нашему черемисскому языку доволен» [33, с. 426].

Итак, «черемисы» Северной Чувашии в XVII в. всё еще считали себя марийцами, поэтому они обычно и значились в источниках того времени как «черемисы». Впоследствии их очувашившиеся потомки, памятуя о своем марийском происхождении, полагали, что они не являются «настоящими чувашами». Такую особенность этнической самоидентификации в конце XIX в. наблюдал Н.И. Ашмарин, изучая чувашей Козьмодемьянского уезда: «Чуваши, пограничные с черемисами, не считают себя чистыми чувашами, а свой язык – правильным чувашским… («Мы не настоящие чуваши, настоящего чувашского языка не знаем, настоящие чуваши живут ниже»)» [5, с. 344–345]. И все же, учитывая те случаи, когда в одних и тех же документах XVII в. одни и те же люди именуются и черемисами, и чувашами, можно утверждать, что марийская идентичность «черемис» Северной Чувашии постепенно разрушалась.

К началу XVIII в. ситуация этнической неопределённости в Северной Чувашии в основном была преодолена. Проживавшие там черемисы либо переселились на левобережье Волги и в Козьмодемьянский уезд, либо, по большей части, отказались от марийского (черемисского) этнического самосознания в пользу чувашского. Решающее значение здесь имело массовое переселение в северные районы Чувашии в XVII в. чувашей из других местностей. Например, в 1670-х гг. в Ядринский уезд «чювашских дворов вновь прибыло целыми шездесят восмь дворов с полудвором» [33, с. 268]. Несколько селений в северных районах Чувашии основали чувашские переселенцы из Казанского уезда [16]. Знавшие чувашский язык потомки марийцев к рубежу XVII–XVIII вв. растворились в массе чувашского населения, чья материальная и духовная культура была тождественна марийской, и приняли таким образом участие в возникновении чувашской этнографической группы вирьял.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов В.К.* К вопросу об антропологическом типе горных марийцев // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 9. С. 34–35.

2. *Айплатов Г.Н.* Расселение марийцев во второй половине XVI – начале XVIII вв. // Происхождение марийского народа: материалы науч. сессии, проведенной МарНИИЯЛИ (23–25 дек. 1965 г.). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. С. 140–146.

3. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. Ч. 3 / сост. Л.В. Черепнин. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 444 с.

4. *Алексеев В.П.* Очерк о происхождении тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Археология и этнография Татарии. Вып. 1: Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 231–271.

5. *Ашмарин Н.И.* Материалы для исследования чувашского языка. Казань: Типо-литогр. Имп. Ун-та, 1898. XXXIV, 393, XIX с.

6. *Басманцев Д.В.* Чувашские и марийские крестьяне правобережья р. Волга в XVII – начале XVIII века: штрихи к этническим и социально-экономическим процессам // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 122–130.

7. *Волков А.В.* Погребальный обряд чувашей и финно-угров (сопоставительный анализ) // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 182–190.

8. *Димитриев В.Д.* Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – начала XVII веков // Учёные записки ЧувНИИ. Вып. XXII. Чебоксары: ЧувНИИ, 1963. С. 106–136.

9. *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 456 с.

10. *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 190 с.

11. *Дроздова Г.И.* О специфике погребальной обрядности населения Среднего Поволжья XVI–XVIII вв. // Узловые проблемы современного финно-угроведения: материалы I Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Йошкар-Ола: Науч. центр финно-угроведения, 1995. С. 25–28.

12. *Дроздова Г.И.* Этнокультурные параллели в погребальном обряде марийцев и чуваш (на материалах позднесредневековых могильников XVI–XVIII вв.) // Древние этнокультурные связи финно-угров. Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. С. 175–177.

13. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подг. к печ. Л.В. Черепнин; отв. ред. С.В. Бахрушин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 585 с.

14. *Егоров Д.В.* Обычно-правовая культура чувашей и марийцев в зеркале параллелей // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 310–319.

15. *Ефремова Д.Ю., Харитонова В.Г., Березина Н.С.* Древние чувашские и марийские святилища: опыт сравнительного анализа // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 73–83.

16. *Иванов Л.И.* К вопросу об основании чувашских селений на правобережье Волги переселенцами из Казанского уезда // Вопросы истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары: ЧувНИИ, 1984. С. 31–33.

17. Казанская история / подг. текста, вступ. ст. и коммент. Г.Н. Моисеевой, под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.

18. *Козлова К.И.* Об этнических связях чувашей и марийцев // Вестник Московского университета. Серия 9: Историко-филологическая серия. № 4. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. С. 153–164.

19. *Кондратьев М.Г.* Параллели в традиционных музыкально-поэтических системах чувашей и марийцев: к методологии изучения // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 33–44.

20. *Курбский А.* История о делах великого князя московского. М.: Наука, 2015. 944 с.

21. *Лебедева Е.Г.* Этногенез чувашей в свете антропологических данных (К историографии вопроса // Антропологический мониторинг населения Чувашии. Сб. ст. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 11–45.

22. *Краснов С.И.* Погребальный обряд населения Чувашского Поволжья в позднем средневековье // Влияние природной среды на развитие древних сообществ. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2007. С. 274–279.

23. *Краснов Ю.А.* Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // Советская археология. 1974. № 3. С. 112–124.

24. *Матвеев Г.Б.* Жилище верховых чувашей и горных марийцев в контексте обрядов и мифологических представлений // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 350–361.

25. *Михайлов С.М.* Собрание сочинений. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 509 с.

26. *Молотова Т.Л.* Межэтнические связи чувашей вирьял и марийцев // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 277–282.

27. *Мушкина Н.В.* О некоторых параллелях в народной музыке мари и чувашей // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 376–388.

28. *Никитина Т.Б.* Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. 160 с.

29. *Пенькова М.В.* Бытование схожих фольклорных персонажей и этнографических элементов обрядности горных мари и чувашей: по результатам полевых исследований // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 283–289.

30. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 544 с.

31. Полное собрание русских летописей. Т. 22. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1911. VII, 570 с.

32. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 3 / под ред. В.И. Буганова, сост. Н.Г. Савич. М.: Ин-т истории АН СССР: Наука, 1978. С. 407–609.

33. Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 1: Документы Ядринской приказной избы второй половины XVII – начала XVIII века / сост. А.А. Чибис. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 640 с.

34. *Сергеева Е.В.* Сравнительная характеристика культуры питания чувашей и марийцев: традиции и современность // Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: материалы

Межрегион. науч.-практ. конф. (г. Чебоксары, 15–16 нояб. 2011 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 137–143.

35. *Смирнов И.Н.* Черемисы: Историко-этнографический очерк. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1889. 265 с.

36. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда, письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Димитрия Андреевича Кикина (1565–1567 гг.). Казань: Церк. ист. археол. о-во Казан. епархии, 1909. XIII, 143 с.

37. *Спицын В.А., Бацевич В.А., Ельчинова Г.И., Кобылянский Е.Д.* Генетическое положение чувашей в системе финно-угорских и тюркоязычных народов // Генетика. 2009. Т. 45. № 9. С. 1270–1276.

38. *Степанова А.А.* Религиозно-культурные связи чувашей и марийцев по материалам языческих похоронно-поминальных обрядов: XVI – начало XX вв.: автореф. … дис. канд. ист. наук. Саранск, 2003. 27 с.

39. *Трофимова Т.А.* Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей // Советская этнография. 1950. № 3. С. 54–65.

40. *Федулов М.И., Волков А.В.* Чувашские и марийские средневековые могильники в зеркале этнокультурной истории // Чуваши и марийцы – соседи по «общему дому»: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 87–93.

41. *Фомин Э.В., Фомин М.В.* О некоторых особенностях чувашского менталитета // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. 2018. № 13-2. С. 238–241.

42. *Чибис А.А.* Верховые чуваши: некоторые итоги и задачи изучения: докл. на науч. сессии Чуваш. гос. ин-та гуманитар. наук по итогам работы за 2021 г. Чебоксары, 2022. 40 с.

43. *Шнейдер Ю.В., Тихомирова Н.В., Лебедева Е.Г.* Антропологическое исследование чувашей // История исследования археологических памятников в Чувашском Поволжье и материалы по антропологии Чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1995. С. 81–101.

44. *Хамидуллин Б.Л.* Народы Казанского ханства: этносоциологическое исследование. Казань: Тат. кн. изд-во, 2002. 335 с.

45. *Ягафова Е.А.* Чуваши Урало-Поволжья: история и традиционная культура этнотерриториальных групп (XVII – начало XX вв.). Чебоксары: ЧГИГН, 2007.

УДК 314.8(=1.450.5=811.511.151)

К.О. Сиразетдинов
Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского федерального исследовательского центра
Российской академии наук
(г. Уфа)

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИДЕНТИЧНОСТИ МАРИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ (1979–2010 гг.)*

В статье раскрывается динамика этнодемографического развития марийского населения в Башкортостане. Установлено, что одним из существенных показателей проявления этнический идентичности марийцев выступает стабильное этнодемографическое развитие в республике. Отмечается, что, несмотря на некоторое сокращение численности марийцев в республике, этноязыковая идентичность остается высокой.

Ключевые слова: *марийское население, этнодемография, Башкортостан, идентичность, рождаемость.*

The article reveals the dynamics of the ethnodemographic development of the Mari population in Bashkortostan. It is established that the stable ethnodemographic development in the republic is one of the essential indicators of the Mari's ethnic identity expression. The article stresses that despite a slight decrease in the number of Mari people in the republic, the ethno-linguistic identity remains at a higher level.

Key words: *Mari population, ethnodemography, Bashkortostan, identity, birth rate.*

В Республике Башкортостан наряду с башкирами, татарами, русскими, которые составляют более 1 млн. чел., компактной груп-

* Статья подготовлена в рамках проекта «Сохранение и развитие этнокультурного и языкового многообразия республик как условия укрепления российского федерализма».

пой проживает марийское население. Если в 1979 г. численность марийцев в Башкортостане составляла 106 793 чел. [8], то к 1989 г. наблюдается тенденция сокращения на 1 тыс. чел. Между переписями 1989 и 2002 гг. численность марийцев практически оставалась на одном уровне. Однако Всероссийская перепись населения 2010 г. снова зафиксировала уменьшение марийского населения в Башкортостане на 2171 чел. [6]. Это несмотря на то что в республике начиная с 1987 г. самая высокая рождаемость была отмечена среди марийцев. Например, если в 1989 г. среднереспубликанский показатель рождаемости составлял 17,8 детей, то у марийцев данный показатель равнялся 24,3, значительно превышая рождаемость других этнических групп [2].

Таблица 1

Рождаемость детей у ряда этнических групп в РБ*
(на 1000 чел. насел.)

Годы	Всего рожден.	В том числе					
		Русские	Башкиры	Татары	Чуваши	Марийцы	Другие
1979	17,2	15,4	17,9	18,3	22,3	20,3	–
1987	20,9	16,7	26,0	21,4	26,4	27,0	–
1989	17,8	13,7	23,5	18,7	21,4	24,3	19,2
1993	11,6	9,1	14,9	11,6	15,4	16,2	–
1994	11,6	9,1	15,1	11,6	15,1	17,0	–
2002	11,1	8,1	11,7	8,2	–	–	28,1

* Таблица составлена по: Демографические процессы в Республике Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2003 [2]; Советская Башкирия. 1995. 10 нояб. [12].

Несмотря на определенные негативные тенденции демографических процессов, в целом среднереспубликанский показатель в 2002 г. – 1,767 рожденных детей на 1000 женщин по Башкортостану – превышал среднероссийский уровень в 1,513 детей (см. табл. 3). Этим можно объяснить относительно стабильный демографический рост в Башкортостане. Данные Всероссийской переписи населения

2002 г. показали, что среднее число рожденных детей на одну женщину имело коэффициент у марийцев 2,132 чел. (см. табл. 2).

Вместе с тем, по данным переписи населения 2002 г., высокой оставалась рождаемость и в городах республики. Например, из всех детей в городах 41,6 % родилось у матерей русских, 19,1 % – башкирок, 23,7 % – у татарок и 15,6 % детей – у других национальностей. Среди сельских жителей из всех родившихся детей 41,0 % приходился на долю башкир, 27,5 % – татар, всего лишь 16,5 % – русских и 14,9 % – представителей других этнических групп [1, с. 36].

Таблица 2

Рождаемость детей на 1000 женщин у ряда этнических групп в возрасте 15 лет и старше (по переписи 2002 г.)* *(чел.)*

	Все население	Сельское население	Городское население
Все женщины	1,767	2,412	1,438
Состоящие в браке	2,052	1,997	1,405
Марийцы	**2,132**	**2,539**	**1,480**
Чуваши	2,078	2,524	1,603
Башкиры	2,035	2,544	1,397
Татары	1,723	2,345	1,441
Русские	1,531	2,084	1,425

***** Таблица составлена по: Население Башкортостана: XIX–XXI века: стат. сб. Уфа: Китап, 2008 [5].

Из всего марийского населения в Башкортостане в 1979 г. лишь 23 581 чел. (22,1 %) проживал в городах, а 83 212 чел. (77,9 %) – на селе [8]. Однако из-за низкого удельного веса марийцев в республике (2,6 %) доля детей от женщин-мариек оставалась незначительной. Но, несмотря на это, в 2002 г. рождаемость детей от женщин-мариек как на селе (2,539), так и в городах (1,603) оставалась одной из высоких, уступая на селе башкиркам (2,544) и в городах – чувашкам (1,603) (см. табл. 2). При этом среднее число рожденных детей на одну женщину среди марийцев было самым высоким. Доля

женщин-мариек, имеющих 3 и более детей, составляла 33,9 %, тогда как среднероссийский показатель был 14,2 %, а среднереспубликанский – 22,6 % (см. табл. 3).

Таблица 3

Рождаемость детей на одну женщину в возрасте 15 лет и старше* *(чел.)*

	Среднее число рожденных детей на одну женщину	Доля женщин с числом рожденных детей			
		ни одного	с одним	с двумя	с тремя и более
РФ	1,513	21,6	30,5	33,7	14,2
РБ	1,767	23,6	21,7	32,1	22,6
Марийцы	**2,132**	**22,3**	**17,4**	**26,4**	**33,9**
Чуваши	2,078	20,1	17,6	29,9	32,4
Башкиры	2,035	24,1	17,5	27,8	30,6
Татары	1,723	24,3	20,9	33,1	21,7
Русские	1,531	23,6	26,0	34,8	15,6

***** Таблица составлена по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. М.: Статистика России, 2005. Т. 12: Рождаемость [3].

Несмотря на высокий уровень рождаемости, численность марийцев даже в сельских районах начиная с 1970 г. имеет тенденцию постепенного сокращения. В Краснокамском и Мишкинском районах с 1970 по 2010 г. численность марийцев сократилась на 5 тыс., в Калтасинском – на 4 тыс., в Шаранском – на 2,5 тыс. чел. При этом в Мишкинском районе доля марийского населения с 62,7 % в 1970 г. существенно повысилась, составив 71,5 %. Аналогичная тенденция была характерна для Калтасинского (с 40,1 % до 45,9 %) и Дюртюлинского районов (с 8,4 % до 10,2 %). За эти годы практически во всех сельских районах численность и доля марийского населения имели тенденцию сокращения, за исключением Благоварского, Туймазинского и Уфимского районов [4].

Таблица 4

Динамика численности марийцев в районах их компактного проживания* *(чел. / %)*

	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Бакалинский в %	1392 2,3	1229 2,6	1408 3,0	1084 2,8	956 3,0	928 2,9	769 2,7
Балтачевский в %	5032 10,2	4920 12,5	5383 14,0	4560 14,1	3452 13,9	2691 10,9	2701 12,6
Белебеевский в %	598 1,1	643 1,8	667 2,3	566 2,7	473 2,8	425 2,4	488 2,3
Бирский в %	4008 8,0	6568 19,6	7402 26,5	7053 30,4	6054 31,9	6823 34,3	6822 38,5
Благовещенский в %	1555 2,9	1791 3,9	2335 8,6	2483 10,9	2338 12,3	1825 11,5	1659 10,9
Дюртюлинский в %	4893 8,1	4518 9,9	4945 8,4	4147 12,8	3538 12,9	3286 10,0	3368 10,4
Илишевский в %	1210 2,0	1242 2,7	1488 3,1	1469 3,5	1014 2,8	877 2,4	891 2,6
Калтасинский в %	18 666 39,7	23 732 32,0	15 535 40,1	15 088 46,1	13 018 47,0	13 166 45,6	11 912 45,9
Караидельский в %	2852 4,9	2661 5,3	2861 6,0	2221 5,8	1805 6,0	1612 5,7	1504 5,4
Краснокамский в %	6890 16,6	нет свед.	12 358 27,1	8828 25,7	7823 18,3	7319 26,6	7396 26,5
Мишкинский в %	23 680 48,5	21 331 56,0	23 422 62,7	21 364 65,3	19 827 69,3	19 137 70,6	18 038 71,5
Нуримановский в %	3503 5,6	2877 6,6	2881 8,4	2566 9,1	2 267 9,9	2277 10,4	2126 10,2
Уфимский в %	95 0,2	76 0,2	182 0,4	292 0,5	358 0,7	351 0,6	373 0,6
Шаранский в %	7549 14,5	7032 19,6	6954 20,8	6184 21,4	4826 20,3	4936 20,2	4414 19,7
Янаульский в %	4190 7,7	4228 7,0	3427 8.1	3256 10,0	2436 10,1	3426 10,4	3319 6,9

* Таблица составлена по: Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.): стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2006 [10]; Народы Башкортостана в переписях населения: в 2 ч. Уфа: Китап, 2016. Ч. 1 [4]; Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб.: в 2 ч. Уфа: Башкортостанстат, 2013. Ч. II [6]; Этнокультурный и этносоциальный портрет населения Башкортостана в XX – начале XXI века: этностат. сб. Уфа, 2014 [13].

По переписи 2002 г., 95 405 чел. отметили о владении луговосточным и 3213 чел. (3,0 %) – горномарийским диалектами марийского языка. 3548 (3,3 %) марийцев отметили о своем владении башкирским и 27 330 чел. (25,8 %) – татарским языками [10, с. 61, 63]. Увеличилась доля марийцев, владеющих русским языком, которая, по результатам переписи населения 2002 г., составила 100 308 чел. (94,8 %) [10, с. 58].

Доля марийского населения в ряде районов составляет весьма значительные показатели. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., наибольшая численность марийского населения отмечена в Мишкинском районе – 71,5 %, в Калтасинском районе она составляет 45,9 %, в Бирском – 38,5 %, в Краснокамском – 26,5 %, в Шаранском – 19,7 % [4, с. 76–8].

В таких городах, как Бирск и Нефтекамск, их доля равна 13,1 % и 9,9 % [6, с. 110, 84].

Несмотря на незначительную долю в составе населения ряда районов, численность марийцев, по данным переписи населения 2010 г., превышает более 1 тыс. чел. в Дюртюлинском – 3368 (10,4 %), Янаульском – 3319 (6,9 %), Балтачевском – 2701 (12,6 %), Нуримановском – 2126 (10,2 %), Благовещенском – 1659 (10,9 %), Каридельском – 1504 (5,4 %) районах [6].

Высокая доля марийцев с родным языком своей национальности отмечена в Дюртюлинском – 98,8 %, Мишкинском – 98,0 %, Бирском – 97,2 %, Балтачевском – 96,7 %, Краснокамском – 96,1 %, Калтасинском – 94,6 %, Янаульском – 94,2 % и Шаранском – 93,3 % районах [6].

Там, где имеется мариязычная среда, уровень сохранения родного марийского языка остается весьма высокой, даже несмотря на небольшую численность марийского населения. В ряде районов, где марийцы расселены анклавно и дисперсно, как, например, в Благоварском, Уфимском, Туймазинском и Иглинском, доля признания родным языка своей национальности равнялась 50,9 %, 59,2 %, 67,5 % и 72,9 %, составляя ниже среднереспубликанского показателя (88,3 %). При этом в этих районах доля марийцев с русским родным языком соответственно составляла 37,0 %, 36,7 %, 28,8 % и 36,8 % [6].

Сокращение численности марийского сельского населения можно объяснить относительным ростом миграции в города республики. Если в 1970 г. из всего марийского населения 15 877 чел.

(14,5 %) проживало в городах [7, с. 24], то к 2010 г. доля горожан-марийцев уже достигла одной трети (33,7 %) представителей данной этнической группы, увеличившись в 2,3 раза [4].

Таблица 5

Динамика марийского населения в городах РБ* *(чел. / %)*

	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Агидель					699	771	611
в %					4,2	4,1	4,3
Белебеевский	24	202	184	273	347	332	310
горсовет в %	0,1	0,4	0,3	0,4	0,5	0,4	0,5
г. Белорецк и	153	476	575	620	540	503	375
район в %	0,3	0,6	0,6	0,7	0,6	0,5	0,4
г. Благовещенск	48	нет	239	745	1026	1404	1605
в %	0,4	свед.	1,6	3,4	3,7	4,3	4,8
г. Бирск	304	681	1382	1958	2904	4268	5648
в %	1,6	2,7	4,7	6,5	8,4	10,7	13,1
Дюртюлинский	нет	нет	181	342	430	493	506
горсовет, в %	свед.	свед.	1,0	1,5	1,5	1,6	1,6
Нефтекамский	нет	1905	2950	5482	11 415	12 173	13 123
горсовет в %	свед.	12,2	5,5	7,2	9,9	9,4	9,9
г. Октябрьский	нет	220	356	681	1387	1342	1341
в %	свед.	0,3	0,5	0,7	1,3	1,2	1,2
г. Салават	нет	147	335	522	390	394	330
в %	свед.	0,2	0,3	0,4	0,3	0,2	0,2
Сибайский	нет	171	166	72	78	72	47
горсовет в %	свед.	0,6	0,4	0,2	0,2	0,1	0,1
г. Стерлитамак	18	133	501	796	950	541	449
в %	0,04	0,1	0,3	0,4	0,4	0,2	0,2
Туймазинский	20	249	477	814	1476	1603	1416
горсовет в %	0,2	0,5	0,8	1,2	1,7	1,6	2,1
г. Уфа	468	3527	6219	8669	10 352	9616	9134
в %	0,2	0,6	0,8	0,9	1,1	0.9	0,9
г. Янаул	122	нет	369	629	972	1059	1044
в %	1,0	свед.	1,8	3.0	4,0	3,8	3,9
Всего в городах	1728	нет	15 827	23 581	35 146	37 074	34 915
в %	1,9	свед.	14,5	22,1	33,2	35,0	33,7
Всего	90 163	93 902	109 638	106 793	105 768	105 829	103 658
в %	2,9	2,8	2,9	2,8	2,7	2,6	2,5

* Таблица составлена по: Народы Башкортостана в переписях населения: в 2 ч. Уфа: Китап, 2016. Ч.1 [4]; Этнокультурный и этносоциальный портрет населения Башкортостана в XX – начале XXI века: этностат. сб. Уфа, 2014 [13].

За эти годы численность марийского населения в ряде городов существенно выросла. В г. Нефтекамске в 1970 г. численность марийцев составляла около 3 тыс. чел., при их удельном весе в составе населения города 5,5 %. Всероссийская перепись населения 2010 г. показала, что численность марийцев достигла 13 123 чел., увеличившись в 4,4 раза, при их доле 9,9 % (см. табл. 5). Самый высокий рост был отмечен в г. Благовещенске, в котором марийцы в 1970 г. составляли всего 239 чел., при их доле 1,6 %. За эти годы марийское население в г. Благовещенске увеличилось в 6,7 раза, составив 1605 чел., при существенном росте их удельного веса в структуре города (до 4,8 %) [4]. Иными словами, за рассматриваемый период марийское население из близлежащих сельских населенных пунктов постепенно пополняло ряды горожан. Несмотря на городской стиль жизни, рождаемость среди марийцев оставалась высокой (см. табл. 5).

В ряде городов, как Стерлитамак, Салават, Сибай, Белорецк, численность марийцев имела тенденцию постепенного сокращения, что, видимо, связано прежде всего с тем, что эти города расположены в регионах, далеких от компактного расселения марийского населения. Хотя следует заметить, что еще в 1970-е гг. численность марийцев в этих городах варьировала от 100 до 500 чел. (см. табл. 5).

По данным переписи 2010 г., численность марийцев с более 10 тыс. чел. была отмечена в Мишкинском (18 038 чел.) и Калтасинском (10 009 чел.) районах, а также в г. Нефтекамске – 13 123 чел. (см. табл. 4, 5).

Вместе с тем, как свидетельствуют итоги переписи 2002 г., в ряде районов Башкортостана, несмотря на высокий показатель рождаемости, было отмечено заметное сокращение марийского населения. Перепись 2010 г. показала существенный рост численности марийцев в республике. Такая тенденция была присуща для Балтачевского, Белебеевского, Дюртюлинского, Илишевского, Краснокамского, Туймазинского, Хайбуллинского районов, в которых численность не только марийцев, но и других этнических групп подвергалась колебанию [4]. В структуре этих районов в 2002 г., наряду с марийцами, значительно сократились численность и доля татар,

удмуртов и ряда других народов, за исключением башкир. Например, численность башкир в Калтасинском районе с 1989 по 2002 гг. увеличилась с 885 до 3216 чел., т.е. в 3,6 раза, и их доля выросла с 3,2 до 11,1 % (т.е. на 7,9 %). При этом доля татар в структуре населения Калтасинского района снизилась с 21,1 % до 15,8 % (т.е. на 5,3 %), марийцев – с 47,0 до 45,6 %, удмуртов – с 10,1 до 9,6 % [4].

Обращают на себя внимание некоторые показатели владения башкирами марийским языком. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., 3126 башкир отметили о своем владении марийским языком [10, с. 62]. Марийское население компактно расселено в татароязычном окружении, численность же татар, владеющих марийским языком, получается в два раза меньше, чем башкир. А на практике, как показывают данные Всесоюзных переписей населения 1979 и 1989 гг., степень владения марийским языком среди татар намного больше, чем у башкир [4]. Среди марийцев также широко распространено владение татарским языком, нежели башкирским. 3548 чел. марийской национальности, по данным переписи 2002 г., отметило о своем владении башкирским, а 27 330 чел. – о владении татарским языком [10, с. 61–63].

В 2010 г. эти показатели немного сократились: марийцев, владеющих башкирским языком, осталось 2608 чел., татарским – 20 582 чел. [6, с. 60]. Причина данного парадокса заключается, видимо, в том, что часть марийского населения в ходе переписи 2002 г. была учтена в составе башкир. Отсюда и высокий процент доли «башкир», владеющих марийским языком, тогда как в ходе переписи 1989 г. таковых было всего 86 чел. [9]. Если в 2002 г. 88 605 чел. марийской национальности отметило о владении языком материнского этноса, то в 2010 г. данный показатель уменьшился до 76 184 чел. [6, с. 60], хотя признавшие родным марийский язык составили 91 550 чел. [6, с. 80].

В остальных районах с компактным проживанием марийского населения средняя доля признания в качестве родного марийского языка, по данным переписи населения 2002 г., составила около 85 % [6]. Там, где марийцы расселены дисперсно и в иноязычном окружении, в качестве родного отмечали русский язык, а в ряде районов,

например, в Шаранском, Краснокамском, Янаульском, – татарский. Владение татарским языком особенно присуще старшему поколению и представителям Икско-Сюньской группы. Для женщин пожилого возраста характерно то, что они вообще не владеют русским языком. Проживающее в деревне Нарат-Чукур Бакалинского района марийское население, тесно контактирующее с татарами и кряшенами, в качестве родного признает татарский, при этом вообще не владеет марийским языком [11, с. 14].

Иными словами, марийцы республики, наряду с родным марийским, хорошо владеют татарским и русским языками. Поэтому среди марийцев высока доля признающих в качестве родного русский и татарский языки.

Таким образом, марийское население в Республике Башкортостан за рассматриваемый период имело тенденцию существенного сокращения. Несмотря на сокращение его численности, среди марийцев высокой остается этноязыковая идентичность. Несмотря на высокий уровень признания родным языка своей национальности, среди марийского населения также прослеживается тенденция смены родного языка в пользу русского. Одной из причин смены родного языка среди марийского населения заключается, прежде всего, в росте численности и доли марийцев в составе городского населения, что, в свою очередь, оказывают существенное влияние на этническую и языковую идентичность марийцев в республике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баймухаметова Г.Р., Сафин Ф.Г., Фатхутдинова А.И.* Особенности этнодемографических процессов в Республике Башкортостан (1989–2002 гг.). Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. 144 с.

2. Демографические процессы в Республике Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостанстат. 2003. 121 с.

3. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. М.: Статистика России, 2005. Т. 12: Рождаемость. 875 с.

4. Народы Башкортостана в переписях населения: в 2 ч. Уфа: Китап, 2016. Ч. 1. 332 с.

5. Население Башкортостана: XIX–XXI века: стат сб. Уфа: Китап, 2008. 448 с.

6. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.: стат. сб.: в 2 ч. Уфа: Башкортостанстат, 2013. Ч. II. 189 с.

7. Национальный состав населения Башкирии (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.): стат. сб. Уфа, 1977. 122 с.

8. Национальный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. Уфа, 1981. 190 с.

9. Национальный состав населения Башкирской АССР по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г. Уфа: Респ. информ.-изд. центр, 1990. 104 с.

10. Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года): стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2006, 198 с.

11. *Садиков Р.Р.* Финно-угорские народы Республики Башкортостан. (история, культура, демография). Уфа: Первая тип., 2016. 276 с.

12. Советская Башкирия. 1995. 10 нояб.

13. Этнокультурный и этносоциальный портрет населения Башкортостана в XX – начале XXI века: этностат. сб. Уфа, 2014. 155 с.

УДК 24–183.3:124.51+379.83(476)

А.И. Тяпкова

ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (г. Минск, Республика Беларусь)

РОЛЬ ФЕСТИВАЛЕЙ В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ

Статья посвящена рассмотрению роли фестивальной культуры в контексте сохранения и популяризации нематериального культурного наследия Республики Беларусь.

Ключевые слова: *фестиваль, культура, нематериальное культурное наследие, праздник, народное творчество.*

The article is devoted to the role of festival culture in the context of the preservation and popularization of the intangible cultural heritage of the Republic of Belarus.

Key words: *festival, culture, intangible cultural heritage, holiday, folk art.*

В настоящее время во всем мире наблюдается повышенный интерес к традиционной культуре, приобретают популярность различные национальные праздники, фестивали, обряды, традиционные игровые формы. До наших дней в Беларуси сохранились пласты традиционной культуры – фольклора, ремесел, обрядов, народных праздников. Это имеет огромное значение, так как в русле традиционной культуры во многом складываются представления человека о мире, формируется ценностная система, регулируются нормы социальных отношений, осуществляется связь с историческим прошлым и выстраивается перспектива будущего развития.

Сохранение объектов культурного наследия в современных условиях, связанных с глобальными изменениями в жизни человека, общества, окружающей среды, кардинальными переменами в социально-экономической сфере, является далеко не новой темой, но востребованной и по сей день. Поэтому весьма актуально решение Совета глав государств СНГ объявить в Содружестве 2022 г. Годом народного творчества и культурного наследия. Советом по культурному сотрудничеству государств СНГ был подготовлен план мероприятий по сохранению традиций народного творчества, историко-культурного наследия, культурного наследия в области искусств и литературы, предполагающий проведение фестивалей, праздников, ярмарок, конкурсов и тематических выставок. В рамках данного проекта в Республике Беларусь были проведены Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», фестиваль «Александрия собирает друзей», Международный фестиваль народного творчества «Венок дружбы», а также Международный фестиваль хореографического искусства «Сожский хоровод», День белорусской письменности с участием представителей-участников СНГ [11].

В последнее время появилось немало работ, авторы которых обращаются к различным аспектам сохранения нематериального культурного наследия (далее НКН). Белорусский этнолог М.А. Михайлец в своих публикациях приводит системную и упорядоченную характеристику работы ЮНЕСКО в области охраны наследия, международных конвенций и особенности их регулирования после

ратификации государством-участником. Вопросами по охране НКН в нормативно-правовой сфере Беларуси занимается И.Э. Мартыненко. Несколько работ М.Н. Сатолина посвятила особенностям имплементации Конвенции 2003 г. и проанализировала меры по охране НКН. Значительный вклад внесла А.Б. Сташкевич, выпустившая практическое руководство по идентификации и инвентаризации НКН, определению системного подхода охраны наследия на концептуальном уровне.

Посредством культурно-исторического наследия, бережно сохраненного нашими предками, передается духовный опыт народа. Одним из важнейших составляющих культурного наследия является его нематериальный компонент, к которому относятся устные традиции творчества, исполнительские искусства, обычаи, праздники, обряды, знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной, знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами [7]. То есть все то, что принято считать ценным в духовном, религиозном, эстетическом планах, может восприниматься как национальное достояние. Конвенция ЮНЕСКО по защите всемирного культурного наследия, принятая в 1972 г., классифицировала понятие культурного наследия по трем категориям. Причем в первую категорию были включены памятники, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки, а в третью – достопримечательные места, созданные человеком, или совместные творения человека и природы, имеющие ценность с этнологической или антропологической точки зрения [6]. Следуя данной классификации, фестиваль является той универсальной формой, которая сочетает характеристики третьей категории, а именно: это и достопримечательные места, созданные человеком, и совместные творения человека и природы.

Фестивали являются важнейшей формой этнической социализации. Они создают культурную среду, дающую возможность всем этносам почувствовать свою сопричастность к современным процессам. Это и возрождение национальных обычаев, традиций, ремесел. Фестивали выступают самым доступным способом передачи народной культуры, способствуют не только возрождению и сохра-

нению культуры этноса, но и консолидации общества, укреплению дружбы и взаимопонимания в конкретном регионе, важным средством формирования этнической толерантности [2]. Проведение различных видов фестивалей прочно вошло в повседневный обиход жизни современного общества, фестивали стали одной из самых популярных и востребованных форм массовых мероприятий не только в Беларуси, но и в мире.

Охрана культурного наследия – обязательное условие устойчивого развития государства, укрепления его престижа в международном сообществе. Материальные и духовные ценности общества являются объектами национальной безопасности Республики Беларусь и приоритетными направлениями культурной политики нашей страны.

Меры по охране элементов нематериального наследия в нормативно-правовой сфере Беларуси осуществляются на двух уровнях: международном и национальном. Международный уровень защиты НКН включает Конвенцию ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003), в которой участвуют все страны СНГ, и Кодекс о культуре для государств-участников СНГ, принятый Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств 13 апреля 2018 г. В этом же году ЮНЕСКО презентовал новый электронный ресурс – «Dive into ICH» [1], представляющий собой базу данных НКН, включенного в охранные списки Конвенции 2003 г. В нем содержится информация о более чем 500 элементах НКН, среди которых 337 можно отнести к традиционным знаниям и практикам. Следует отметить, что обязательным условием для включения элемента НКН в один из международных списков нематериального наследия является наличие его в национальном реестре [10, с. 10]. В настоящее время официальным реестром элементов национального культурного наследия Республики Беларусь является Национальный инвентарь «Жывая спадчына Беларусі», в который включено около 40 элементов, относящихся к данной категории [4].

Что касается национального уровня защиты, то следует отметить ряд нормативно-правовых актов, посвященных отдель-

ным аспектам НКН. Самый важный из них – Конституция РБ, возлагающая на государство обязанность защищать культурное наследие (материальное и нематериальное) и передавать его будущим поколениям. Правовым актом, позволяющим осуществлять деятельность, направленную на выполнение мер по защите наследия, также является Кодекс «О культуре Республики Беларусь» (2017). В нем определены меры по сохранению условий для возрождения и трансмиссии культурных традиций, поощрению их носителей [5, с. 92]. Кроме того, охрана НКН входит в деятельность музеев: «…изучение, использование и популяризация нематериальных историко-культурных ценностей в соответствии с профилем музея» [5, с. 135]. Регулируют сферу НКН законы «О туризме», а также «Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь», в соответствии со ст. 21 которого реализуется Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь [10].

В данный ежегодно пополняющийся список включены наиболее значимые свидетельства исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси (памятники археологии, архитектуры и градостроительства, истории, искусства, нематериальные проявления творчества человека – обычаи, традиции, обряды). В целях популяризации историко-культурного наследия Министерством культуры РБ в 2020 г. создан поисковый сайт «Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь» [3], который является информационным ресурсом, позволяющим любому пользователю быстро находить информацию об историко-культурных ценностях, в том числе через мобильные приложения.

Суть духовного культурного наследия состоит в том, что оно передается живыми людьми и воспринимается также живой аудиторией. Поэтому попытки мумификации духовного культурного наследия в целях его сохранения опасны риском его обесценивания. Оно всегда должно оставаться живым в контексте современности, сохранять свой созидательный творческий характер, как это было всегда [13, с. 57].

Рис. 1. Обряд Купалье в агрогородке Александрия
(фестиваль «Александрия собирает друзей»)

Как отмечалось, Беларусь – одна из немногих стран, где великолепно сохранились традиции народной культуры. Белорусский фольклор уникален и в полной мере передает характер белорусского этноса во всем его многообразии и своеобразии. Народные игры, танцы, сказки и песни, легенды, загадки, пословицы и поговорки, обряды, праздники, ритуалы оберегаются и передаются из поколения в поколение, репрезентуются в пространстве музеев, агроусадеб, в рамках туристских кластеров и прочих инициатив. Уникальность белорусской культуры заключается в том, что она сохранила древнейшие традиции белорусов, а также впитала в себя культурные элементы как западной, так и восточноевропейской цивилизаций, творчески переработав их достижения через призму местных традиций. Каждый регион страны обладает собственной историей и уникальными этнокультурными составляющими − обширным комплексом компонентов, определяющих спектр культуры того или иного района, города, селения и местечка. Они неотрывны от природно-ландшафтной среды, системы расселения, коммуникаций, застройки поселения и вместе с тем от мировоззрения, традиционной материальной и духовной культуры, этики и эстетики населения регионов [8]. Значительную часть национального культурного наследия Беларуси составляют народные обряды и праздники,

которые являются составной частью традиционно-бытовой культуры белорусского народа.

Большинство белорусских обрядов имеет древнее происхождение и связано с традиционной восточнославянской культурой, хозяйственной деятельностью (календарные обряды – такие как Коляды, Купалье, Масленица), личной судьбой человека (семейные обряды – свадьба, крестины, похороны). Особенностью белорусских обрядов является переплетение в них аграрно-бытовых, языческих и христианских элементов. В Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО включены: рождественский обряд «Колядные цари» в д. Семежево Копыльского района, весенний обряд «Юрьевский хоровод» в д. Погост Житковичского района, «Торжество в честь почитания иконы Матери Божьей Будславской (Будславский фест)» в агрогородке Будслав Мядельского района.

Рис. 2. Обряд «Колядные цари»

Время идет вперед и меняются условия бытования традиций, но их сохранность поможет сберечь свою принадлежность к конкретному народу, свою национальную идентичность.

Важным элементом сохранения и восстановления белорусской традиционной культуры, возрождения духовного наследия, приобщения людей к народному творчеству, популяризации лучших образцов ремесленничества белорусов является проведение

фестивалей и выставок-ярмарок изделий декоративно-прикладного искусства, особенно сопровождаемых мастер-классами. На них можно не только ознакомиться с уникальными изделиями белорусских мастеров, но и приобрести их («Млын», г. Минск; «Комарово – круг дней», д. Комарово; «Казюки» г. Гродно). Такие мероприятия выполняют большую познавательно-созидательную функцию и служат мощным импульсом для развития разного рода художественного творчества. Немало изделий белорусских мастеров стали настоящим национальным достоянием, символом нашей страны: знаменитые слуцкие пояса, тканые рушники из деревень Неглюбка и Семежево, фартуки из д. Бездеж, льняные куклы-обереги, соломенный паук, валенки дрибинских шаповалов, кожухи мотольских мастеров, «маляваныя дываны» Поставщины. В Каменецком районе на Брестчине активно возрождают уникальную технологию подвойного ткачества, внесенную в список нематериального культурного наследия Беларуси [12, с. 143]. Помимо данной технологии в него также включены «Неглюбская традиция ткачества», «Ажурное ткачество Городокского района Витебской области», «Шаповальство Дрибинского района Могилевской области» и др. В конце 2021 г. в штаб-квартиру ЮНЕСКО была направлена номинация «Соломоплетение Беларуси. Искусство, ремесло и умение» для включения в репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. Ознакомиться с уникальными изделиями белорусских мастеров, представляющих прекрасные образцы местного декоративно-прикладного искусства, можно во многих региональных этнографических музеях страны.

Богатые кулинарные традиции страны также нашли отражение в многочисленных праздниках и фестивалях традиционной кухни. Белорусская национальная кухня формировалась на протяжении веков, она богата самобытными традициями и уникальными рецептами яств и напитков («масляны баран», верашчака и налисники, драники, «бабка» и пр.). Кулинарные традиции белорусов имеют свою региональную специфику. Нередко одно и то же блюдо даже в соседних деревнях называют по-разному, не говоря уже о разных историко-этнографических регионах. В традиционной культуре

питания белорусов есть две противоположные черты. С одной стороны, она характеризуется жизнестойкостью, даже в некоторой степени консерватизмом (особенно ритуальные блюда), с другой – именно в сфере народной кухни хорошо просматриваются межэтнические связи на всех уровнях (использование продуктов, технология приготовления, посуда и т.д.) [9, с. 8].

В ближайшее время министерство культуры планирует придать статус историко-культурной ценности «традициям приготовления и употребления блюд из тертого картофеля (драников, картофельных блинов, бабки)», которые распространены по всей Беларуси, стали своеобразным гастрономическим брендом нашей страны и являются неотъемлемым элементом на различных фестивалях и праздниках. Широкая распространенность блюд из тертого картофеля – особенность национальной кухни белорусов, которая сформировалась еще в конце XIX в. и сохраняется до сих пор. Следует отметить, что приготовление и употребление блюд из тертого картофеля – далеко не первая кулинарная традиция белорусов, включенная в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь. Первыми в нем оказались традиционная технология выпечки ржаного хлеба из д. Дерковщина Глубокского района Витебской области и технология приготовления традиционного блюда «Масляны баран» из д. Матюково того же района, а также региональная традиционная кухня агрогородка Одельск Гродненского района (2016). Год спустя в список включены традиции выпечки караваев из Слонимского и Волковысского районов, рецепты традиционного блюда «Клёцкі з “душамі”», которое готовят в деревнях чуть ли не по всей Витебщине, и «Поразаўская банкуха» – знаменитый ветвистый пирог из городского поселка Порозово и д. Коревичи Свислочского района.

В Беларуси регулярно проводятся фестивали картофеля, меда, кваса, яблок, огурцов, молока, пива, конфет, клюквы и пр. В их числе «Цукеркавы фэст» (п. Ивенец, Воложенский район), «Жураўлі і журавіны Міёрскага краю» (г. Миоры), «Вишневый фестиваль» (г. Глубокое), «Сырный фестиваль» (г. Минск). Самым известным и крупным кулинарным фестивалем является «Мотальскія прысмакі»

(Брестская обл.), который дает возможность гостям познакомиться с уникальными традициями и особенностями самобытного уголка Полесья, продегустировать знаменитые мотольские колбасы и пироги, лучшие блюда, приготовленные местными хозяйками, приобрести качественную продукцию местных производителей.

Рис. 3. Кулинарный фестиваль «Мотальскія прысмакі»

Важным сегментом сохранения НКН являются музеи народного быта, «этнические деревни», этнокультурные центры, где содержатся образцы традиционной архитектуры, собраны предметы быта, сохраняются традиции и воссоздается национальный колорит отдельного народа, воспроизводятся изделия народных промыслов и, конечно, проводятся национальные праздники и фестивали. Такие деревни создаются на ограниченных территориях, вписываются в природно-культурный ландшафт и включают разнообразные элементы инфраструктуры (национальные жилые постройки, бани, музеи, гостиницы, рестораны, дороги, торговые павильоны). Примерами таких музеев под открытым небом в Беларуси могут служить «Строчицы» (д. Озерцо, Минская обл.), «Дудутки» (д. Птичь, Минская обл.), «Дукорский маёнтак» (агрогородок Дукора, Минская обл.), Парк истории «Сула» (д. Сула, Минская обл.), Белорусская этнографическая деревня XIX века (п. Буйничи, Могилёвская обл.), этнокультурный комплекс «Наносы-Новоселье» (д. Наносы,

Минская обл.). Посещая традиционные поселения, туристы с удовольствием приобретают в качестве сувениров различные изделия местных умельцев, пробуют блюда национальной кухни [8].

В деятельности, связанной с сохранением и популяризацией объектов НКН, огромное значение имеет активно развивающееся направление культурной политики – этнотуризм и событийный туризм, предполагающие также посещение различного рода фестивалей: музыкальных, фольклорных, этнических, танцевальных (с участием в конкурсах и массовых весельях, с дегустацией). Особо следует выделить такие праздники этнокультурной направленности, как фестиваль народного творчества «Напеў зямлі маёй» (Минская обл.), фольклорный фестиваль «Камяніца» (Минская обл.), этнокультурный фестиваль «Зов Полесья» (Гомельская обл.), «Ганненскі кірмаш» (Гродненская обл.). Отдельно хотелось бы отметить последний фестиваль, который в 2021 г. отметил своё 300-летие. Аненнская ярмарка получила широкую известность еще в начале XVIII в., являясь второй важнейшей ярмаркой во всей Европе (уступала лишь ярмарке в немецком Лейпциге). Ежегодно на нее съезжалось до 5 тыс. купцов со всей Европы. С целью создания туристической привлекательности регионов и поддержки традиционной культуры также создаются этнотуристические программы, маршруты, ведется работа с молодежными клубами и фольклорными коллективами, поскольку они играют важную роль в увеличении туристического потока.

Многие праздники и фестивали Беларуси уже сегодня представляют собой туристические бренды региона. Такими, например, стали «Фестиваль национальных культур» в г. Гродно и Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске», которые на протяжении многих лет способствуют развитию диалога культур между различными народами и странами. Республиканский фестиваль национальных культур в г. Гродно, впервые проведенный в 1997 г., положил начало целенаправленному развитию культур национальных объединений Беларуси. Белорусы познакомились с разнообразием, соцветием национальных культур – песнями, танцами, музыкой, примерами национально-прикладного искусства,

национальными традициями и национальными кухнями, т.е. тем, чем определяется культура каждой национальности. Следует отметить, что «Славянский базар» дважды признавался FIDOF «Лучшим фестивалем года», в 2000 и 2004 гг. В 2005 г. в г. Витебске состоялась Ассамблея этой международной федерации, что стало признанием высокого уровня проведения «Славянского базара». В этом (2022) году в нем приняли участие представители более 40 стран. Данные фестивали представляют собой мультикультурные проекты, объединяющие различные жанры традиционной и современной культуры многих этнических групп и национальностей. Целями и задачами таких фестивалей являются не только популяризация новых форм соединения традиционной культуры с современным искусством, выявление и поддержка самобытных мастеров и исполнителей, но и интеграция народных традиций в современное культурное пространство.

Рис. 4. Фестиваль Национальных культур г. Гродно

Резюмируя, отметим, что фестивали являются важнейшей составляющей и одним из универсальных средств сохранения и трансляции нематериального культурного наследия. Они формируют культурную идентичность нации, её духовность, сохраняют историческую память. Поскольку процесс глобализации не может не влиять на сферу культуры, то значимой функцией фестиваля представляется также способствование сближению национальных

культур и ценностей. Многие масштабные международные праздники и фестивали, проходимые в Беларуси, можно сегодня назвать визитными карточками нашей страны, определенными туристическими брендами. Сохранение материальных и духовных ценностей общества, самобытности культуры белорусского народа и национальных традиций является одним из приоритетных направлений культурной политики Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dive into ICH [Электронный ресурс]. URL: https://ich.unesco. org/en/launch-of-dive-into-ich-project-01032 (дата обращения: 11.08.2022).

2. *Волкова П.С.* Социальная природа искусства: учеб. пособие / П.С. Волкова, М.Ю. Рудь, Е.В. Фатальникова. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2007. 82 с.

3. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [Электронный ресурс]. URL: http://gosspisok.gov.by/Home/Index-?AspxAutoDetectCookieSupport=1 (дата обращения: 11.08.2022).

4. Жывая спадчына Беларусі. Интернет-портал Национального инвентаря нематериального культурного наследия Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://www.livingheritage.by (дата обращения: 11.04.2022).

5. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры. Мінск: Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэспулікі Белаурсь, 2017. 272 с.

6. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.refworld.org.ru/category,LEGAL,UNESCO,,,52e621284,0.html (дата обращения: 11.06.2022).

7. Конвенция ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия». Париж, 17 окт. 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: http:// www.lawmix.ru/abro.php?id=1931 (дата обращения: 02.09.2022).

8. *Локотко А.И.* Локальные районы, комплексно представляющие памятники архитектуры и градостроительства, традиционной культуры, а также природы и ландшафта – основа проекта «Золотое кольцо Беларуси» [Электронный ресурс]. URL: http://pandia.ru/text/77/318/11851 (дата обращения: 12.03.2022).

9. *Навагродскі Т.А.* Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX–XX стст. / Т.А. Навагродскі. Мінск: БДУ, 2015. 243 с.

10. Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 года // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2006. № 9, 2/1195.

11. План мероприятий по проведению в СНГ в 2022 году Года народного творчества и культурного наследия [Электронный ресурс]. URL: https://cis.minsk.by/page/19320 (дата обращения: 02.09.2022).

12. *Тяпкова А.И.* Местечки Беларуси. Этнологическое исследование / А.И. Тяпкова. Минск: Беларуская навука, 2018. 189 с.

13. *Юнзо К.* Инициативы по защите нематериальных объектов культурного наследия // Всемирный доклад по культуре 2000+: Культурное многообразие: конфликт и плюрализм. М.: Магистр-пресс, 2000. С. 168.

СООБЩЕНИЯ

УДК 787.5

М.А. Ключева
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола)

ОБ ОТКРЫТИИ МЕМОРИАЛЬНОЙ ДОСКИ АННЕ РОМАНОВНЕ СИДУШКИНОЙ

В статье рассказывается об открытии мемориальной доски марийской гуслярше Анне Романовне Сидушкиной (1915–1981), которое состоялось в г. Йошкар-Оле в 2020 г., а также сообщается об основных вехах жизненного и творческого пути этого выдающегося музыканта, первой женщины заслуженного деятеля искусств Марийской АССР.

Ключевые слова: *гусли, марийские народные инструменты, марийская музыка, А.Р. Сидушкина.*

The article tells about the opening of a memorial plaque to the Mari harp player Anna Romanovna Sidushkina (1915–1981), which took place in Yoshkar-Ola in 2020. The article also reports on the main milestones in the life and career of the outstanding musician, the first woman – the Honored Art Worker of the Mari ASSR.

Key words: *Mari harp, Mari folk instruments, Mari music, A.R. Sidushkina.*

25 августа 2020 г. состоялось торжественное долгожданное событие – открытие мемориальной доски Анне Романовне Сидушкиной. В 2020 г., в год столетия Марийской автономии,

исполнилось 105 лет со дня ее рождения. Анна Романовна известна как основоположница школы профессиональной игры на марийских гуслях, первая женщина из мари, получившая высшее музыкальное образование, хормейстер и певица, педагог, музыковед-фольклорист, композитор, первая женщина, удостоенная высокого звания «Заслуженный деятель искусств Марийской АССР». Именно благодаря Анне Романовне марийские гусли стали музыкальным символом нашей республики, настоящим народным достоянием. В этом и заключается суть творческой деятельности Анны Сидушкиной и всеобщее признание ее многогранного таланта.

Анна Романовна Сидушкина (Сильдушкина) родилась 22 января 1915 г. в горномарийской деревне Яшмолкино (мар. *Митрусир*)* Емангашской волости Васильсурского уезда Нижегородской губернии. Училась в Сарлатовской начальной школе (1924–1928), затем в семилетней Сурской школе колхозной молодежи (1929–1932). Далее продолжить образование девушке из многодетной крестьянской семьи в те времена было очень сложно. В своей автобиографии Анна Романовна так описывает поворотное событие, определившее ее дальнейшую жизнь: «Я страстно мечтала куда-либо поехать учиться, но ни средств, ни условий для осуществления этой мечты не было. И лишь один случай круто изменил мою судьбу. Однажды мы с сестрой Лизой, взяв гусли, отправились пешком в Васильсурск, расположенный от нашей деревни в 20 км. Зайдя на территорию Дома отдыха, мы с сестрой расположились в центре площади и при большом скоплении отдыхающей публики начали петь и играть на гуслях. Видимо, наш детский импровизированный концерт очень понравился публике. Они собрали нам денег и, накормив нас досыта, уложили спать на белоснежные простыни. Всё было так для нас неожиданно и радостно, что мы с сестрой плакали от счастья. И вот с этими деньгами я самостоятельно поехала в Йошкар-Олу учиться. Это был 1934 год». Анна Романовна поступила в Марийский техникум искусств, училась по специальности хорового пения и дирижи-

* Дом, где родилась Анна Романовна, находится на улице *Ӱлыл* ‘Нижняя’, которая в прошлом также числилась в документах как деревня Нижнее Шалтьково.

рования у замечательных преподавателей: Алексея Искандаровича Искандарова, Льва Николаевича Сахарова (теория музыки), Клавдии Николаевны Морозовой (фортепиано), Сергеева (слушание музыки)*. Студентка Анна Сидушкина пела в Хоровой капелле, играла на гуслях на концертах и по местному радиовещанию. Благодаря высокой музыкальной одаренности и целеустремленности, Анна Романовна продолжила образование в Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, куда поступила на дирижерско-хоровой факультет (самостоятельно, без направления) в 1938 г.после блестящего завершения учебы в Марийском техникуме искусств. В консерватории ее преподавателями были выдающиеся музыковеды Владимир Васильевич Протопопов, Лев Абрамович Мазель, Юрий Всеволодович Келдыш и др. Профессор Владислав Геннадьевич Соколов, у которого Анна Романовна училась по специальности, отмечает в своих воспоминаниях талант скромной молодой студентки Анны Сидушкиной, ее стремление к знаниям и, главное, страстную преданность родному искусству; подчеркивает, что благодаря этим качествам она стала замечательным музыкантом и внесла огромный вклад в развитие народного музицирования.

Учеба в Москве прерывалась в годы Великой Отечественной войны, когда Анна Романовна, будучи артисткой Маргосфилармонии (с осени 1941 г. по 1944 г.), работала в легендарных фронтовых концертных бригадах, играла на гуслях. Как вспоминала Анна Романовна, «гастролировали с концертами (преимущественно пешком) по районам, колхозам и воинским частям». В 1942 г. был зарегистрирован брак Анны Романовны Сидушкиной и Кузьмы Алексеевича Смирнова, талантливого марийского композитора. У них рождается сын Валерик, но счастье было недолгим, в 1946 г. ребенок трагически погиб в результате автоаварии.

Завершив после войны учебу в консерватории, Анна Романовна в 1946 г. возвращается в Йошкар-Олу и погружается в активную педагогическую и артистическую работу. Она преподает в Музыкальном училище. С 1956 г. начинает преподавать гусли

* Имя и отчество (инициалы) этого преподавателя нам выяснить не удалось.

и методику хорового кружка в Марийской республиканской культ-просветшколе (ныне Колледж культуры и искусств). В 1957 г. класс гуслей открывается и в музыкальном училище. Широко и всесторонне курирует художественную самодеятельность. С 1963 г. до выхода на пенсию в 1970 г. преподает в Марпединституте на кафедре музыки, пения и изобразительного искусства. Параллельно преподаванию продолжается и работа Анны Романовны в Маргосфилармонии в качестве хормейстера и художественного руководителя ансамбля гусляров. Она создает ансамбль гусляров «Пеледыш», играет на гуслях в фольклорном ансамбле «Марий памаш». Со своими гуслярами А.Р. Сидушкина неоднократно выступает в Москве на всероссийских и всесоюзных смотрах художественной самодеятельности, в том числе в 1948 г. – в Большом театре (ансамбль гусляров играл тогда также в составе оркестра народных нструментов им. Н.П. Осипова). В 1954 г. организованный ею ансамбль из 25 гусляров и 20 хористов и танцоров Еласовского района Марийской АССР выступает в Колонном зале Дома Союзов. В 1965 г. ансамбль гусляров Марпединститута вместе с гусляршами из с. Микряково выступает в Кремлевском дворце съездов (ныне Государственный Кремлевский дворец). Выступали марийские гусляры и на ВДНХ, на Зональных смотрах в г. Горьком. Записи их выступлений неоднократно производились Центральным телевидением. Игра Анны Романовны на гуслях как эталонная и ее пение записывается Всесоюзной фирмой грампластинок «Мелодия».

Гусли становятся неотъемлемой частью концертной жизни республики, преподавание игры на гуслях вошло в систему местного музыкального образования, т.е. Анной Романовной была создана настоящая профессиональная гуслярная школа, а это явление уникальное не только в российском (всесоюзном), но и в мировом масштабе. Среди ее талантливых учеников – заслуженный работник культуры Российской Федерации Тамара Андреевна Ягельдина, которая сначала преподавала гусли в Микряковской музыкальной школе, а затем долгие годы – в Республиканской школе-интернате № 1 в Йошкар-Оле (ныне Национальная гимназия искусств). Инициируя проекты по продвижению гуслей, Анна Романовна ввзяла на себя все сопутствующие заботы от технического усовер-

шенствования, заказа и закупки инструментов до создания и издания учебно-методической нотной литературы. Анна Романовна делает аранжировки народных мелодий и произведений композиторов-классиков для исполнения на гуслях, сама сочиняет музыку. В 1967 г. было издано ее методическое пособие «Кäрш. Кӱсле. Гусли» (в соавторстве с Л.П. Скулкиной), на котором держится вся система современной методики преподавания игры на марийских гуслях. Прекрасно образованный музыкант, яркая личность – Анна Романовна Сидушкина (Смирнова) пользовалась огромным уважением среди коллег, творчески сотрудничала с ведущими музыкантами. Именно она стала первой женщиной, удостоенной почетного звания «Заслуженный деятель искусств Марийской АССР» (6 ноября 1952 г.).

Помимо творческой, концертной и преподавательской деятельности Анна Романовна занимается музыкальной фольклористикой. Еще в 1930-е гг. вместе со своим будущим мужем марийским композитором Кузьмой Смирновым Анна Романовна начинает собирать и нотировать марийские народные песни. Именно с их участием в 1951 г. было издано образцовое нотное собрание под редакцией ленинградского музыковеда Валентины Коукаль «Марий калык муро (Марийские народные песни)». Позднее как научный сотрудник МарНИИ она участвует в фольклорных экспедициях, собирает музыкальный фольклор. В 1958 г. издает нотный сборник народных песен горных мари «Кырык мары халык мырывлä». Когда в 1960-е гг. венгерские ученые Ласло Викар и Габор Берецки – финно-угроведы с мировым именем – приехали в Марийскую республику для сбора и изучения музыкального фольклора, именно Анна Романовна становится их проводником и консультантом. В их фундаментальном издании Cheremis Folksongs (1971) содержатся порядка 50 ссылок на материалы А.Р. Сидушкиной.

Жизнь Анны Романовны трагически оборвалась 22 января 1981 г.; она похоронена на своей малой родине (*Важъял*) – в д. Сарлатово (*Когосола*) Горномарийского р-на Марийской АССР. Но практически всю жизнь Анна Романовна жила и работала в столице республики, и дольше всего (с 1954 по 1981 г.) – в доме по улице Советской (д. 151, кв. 11), где и была открыта мемориальная доска.

На торжественной церемонии присутствовали Первый заместитель Председателя Правительства Республики Марий Эл М.З. Васютин, министр культуры, печати и по делам национальностей К.А. Иванов, директор Маргосфилармонии А.П. Пуртов, председатель РОД «Марийский национальный конгресс» Э.А. Иманаев, а также Н.А. Смирнов, который был в то время директором Национальной президентской школы искусств. Среди собравшихся были представители марийской культуры и искусства, коллеги, ученики, продолжатели дела Анны Романовны, ее земляки и родственники, в том числе родная племянница Анны Романовны Тамара Николаевна Большакова, которая является хранительницей личного архива А.Р. Сидушкиной. Помимо официальных лиц на церемонии взяли слово заслуженный работник культуры Республики Марий Эл и России Ф.В. Эшмякова, заслуженная артистка Марийской АССР и Российской Федерации З.В. Бердникова, заслуженный работник культуры Республики Марий Эл Е.И. Васютина (см. рис. 1).

Рис. 1. На торжественной церемонии открытия мемориальной доски А.Р. Сидушкиной (25 августа 2020 г.)

Собравшиеся выразили благодарность всем, содействовавшим появлению мемориальной доски: ходатайство об установке и основное финансирование взял на себя «Марийский национальный конгресс», и непосредственное личное содействие оказали председатели этого общественного движения Евгений Петрович Кузьмин (в том время директор МарНИИЯЛИ, депутат, заместитель Председателя Госсобрания Республики Марий Эл) и Эдуард Аркадьевич Иманаев. Свой вклад в создание доски внесло музыкантское сообщество Национальной президентской школы искусств: в январе 2020 г. в школе состоялся прекрасный юбилейный концерт в честь А.Р. Сидушкиной и были собраны средства для оплаты проекта мемориальной доски. Проект выполнило архитектурное бюро «Артель», изготовлена доска в салоне природного камня «Мемориал». Открытие мемориальной доски сопровождалось живой игрой на гуслях (ансамбль «Чинчывий» художественный руководитель М.А. Эльтемерова (Завойских).

В завершении статьи процитируем последние слова из рукописной автобиографии Анны Романовны Сидушкиной (Смирновой), пророчески отражающие ее роль в марийском музыкальном искусстве: «Я счастлива, что свои теоретические музыкальные познания и исполнительское мастерство игры на гуслях я до сих пор продолжаю делать достоянием широких кругов народа мари. Пусть всегда звучат гусли, пусть они славят нашу вольную, счастливую жизнь».

УДК 93

Е.В. Макарова
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
(г. Ижевск)

ИСТОРИЯ ДЕРЕВНИ ШАЙТАНОВО В УСТНЫХ РАССКАЗАХ И ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ СЕЛЬЧАН: ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

Цель исследования – освещение истории деревни Шайтаново и страны в целом через судьбы конкретных фронтовиков-односельчан. В статье рассматривается история деревни периода

Великой Отечественной войны. Изучены судьбы воинов-односельчан на основе дневниковых записей уроженца деревни Василия Соколова (1932) и устных рассказов детей войны Аркадия Северьянова (1935) и Василия Александрова (1939). Научная новизна работы заключается в составлении полного списка погибших, пропавших без вести воинов-односельчан и оставшихся в живых. Результатом являются отражение военных судеб земляков деревни Шайтаново Алнашского района Удмуртской Республики, введение новых источников в изучение истории малой родины.

Ключевые слова: *деревня Шайтаново, Великая Отечественная война, дневниковые записи, устные рассказы, Книга памяти, история деревни, солдаты-воины.*

The purpose of the research is to study the history of the village and the country through the fate of front-line soldiers from my village. The article examines the history of the village during the Great Patriotic War. The destinies of fellow villager soldiers are investigated on the basis of diary entries of village native Vasily Pavlovich Sokolov (1932) and oral stories of war children Arkady Severyanov (1935) and Vasily Aleksandrov (1939). The compiling of a complete list of the dead, missing fellow villagers and survivors determines the scientific novelty of the work. The research resulted in the study of the military fate of fellow countrymen of Shaitanovo village in the Alnashsky district of the Udmurt Republic and the appearance of new sources in the study of the small motherland history.

Key words: *Shaitanovo village, the Great Patriotic War, diary entries, oral narratives, Book of Memory, history of the village, front-line soldiers.*

Источниковедческая база для изучения истории населённых пунктов весьма разнообразна: опубликованные научные источники, мемуары, периодическая печать, художественная литература и др. Особенно ценными, эмоционально насыщенными являются дневниковые записи и устные рассказы.

Историю деревни Шайтаново Алнашского района Удмуртской Республики, к сожалению, ещё никто не изучал. Однако у нас

оказался дневник Василия Павловича Соколова (1932–2019), уроженца деревни, содержащий ценную информацию о деревне и ее жителях в годы Великой Отечественной войны. В своей работе для восстановления истории деревни мы впервые в научный оборот вводим материалы из дневника Василия Соколова [3], написанного в 2015 г., и также из устных рассказов односельчан – детей войны.

Воспоминания Василия Павловича – это память об участниках Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Информацию о каждом из них он постарался записать в следующей последовательности: фамилия, имя и отчество (если известно), вернулся или не вернулся с фронта, семейное положение (женат или холост), наличие детей с указанием их количества и имен, а также другая дополнительная информация (если что-то известно).

Василий Павлович Соколов – по профессии врач, учился в Можгинской акушерско-фельдшерской школе и Ижевском государственном мединституте. В течение четырех лет служил в Советской Армии на Балтийском флоте. После армии бóльшую часть своей трудовой деятельности посвятил медицине. Вместе с легендарным доктором и первой удмуртской поэтессой Ашальчи Оки они добились больших успехов в ликвидации трахомы. В разные годы он был фельдшером, главным врачом Алнашской районной больницы, помощником эпидемиолога, хирургом, главным врачом Республиканской станции переливания крови, преподавателем хирургии. Василий Павлович, чье детство пришлось на военные годы, прожил долгую интересную жизнь. Он был врачом по долгу и совести, неравнодушным человеком и настоящим патриотом.

Согласно данным дневника В. Соколова, из 75 дворов д. Шайтаново на фронт ушли 70 человек. Среди них 19 парней и 51 мужчина. Этот факт говорит о том, что из небольшой деревни на фронт ушли мужчины почти с каждого двора, каждая семья пострадала от ужасов той кровавой войны. По дневниковым записям, участников-односельчан Великой Отечественной войны можно разделить на три группы: не вернувшиеся, вернувшиеся и также дезертировавшие.

В соответствии с материалами, представленными в дневнике, больше тех участников, которые не вернулись, – 42 человека,

вернувшихся – 25 и дезертировавших – 3. Драматично и печально, что большинство односельчан отправились на фронт в 1941 г. в начале войны и в этом же году многие пропали без вести. Из 42 не вернувшихся солдат-односельчан в 1941 г. на фронт ушли 27 человек, из них 14 – пропали без вести, погибшие не упоминаются. В 1942 г. на фронт ушли 5 мужчин, погибли 4 человека, а пропали без вести – 9. В 1943 г. на фронт ушел 1 человек, погибли 4 мужчины, пропал без вести 1 человек. В 1944 г. погиб 1 человек. Неизвестно, когда отправились на фронт 7 односельчан, а судьба 9 защитников остается загадкой.

Пропавших без вести в ходе Великой Отечественной войны в настоящее время числится около 5 миллионов человек. А останки солдат до сих пор лежат в лесах, их тысячами находят отряды поисковиков [5]. Значит, не без вести пропавшие, а без вести павшие. Среди них и наши 24 земляка-односельчанина. Солдаты-воины, жертвуя своей жизнью, защищая свою Родину, детей и семьи, в первые месяцы войны зачастую шли в бой, не имея достаточного количества даже стрелкового оружия. И навсегда остались без вести павшими.

По записям В. Соколова, из 25 вернувшихся 11 приехали домой до окончания войны по ранению, 14 – после окончания войны. Это говорит о том, что почти половина мужчин получили разного рода ранения и травмы, напоминавшие о себе до конца жизни.

Однако во время войны были не только солдаты, которые бесстрашно шли в бой, но и те, которым не удалось перебороть свой страх. Таких из д. Шайтаново было трое: Семен Темыркеев, Харитон (фамилия не записана), Петр Соколов. Судьбы двух первых сельчан сложились драматично. Например, Темыркеев Семен, как нам удалось выяснить по данным похозяйственной книги 1931 г. [1], имел настоящую фамилию Пислегин Семен, родился в 1914 г., был осужден и умер в тюрьме от туберкулеза. Он – сын Пислега Темыркеева (1883 г.р.), поэтому в дневнике записан под фамилией Темыркеев. Петр Соколов после побега снова вернулся на фронт, воевал доблестно, был награжден медалями.

Война коснулась всех, даже самых невинных и беззащитных детей. Из 42 солдат, не вернувшихся с фронта, 33 были женаты, 27 из них на момент начала войны уже имели детей. 6 женатых молодых мужчин не успели стать отцами, а 9 парней были холостыми. Анализ информации В. Соколова о количестве детей в семьях позволяет сделать вывод, что большинство таких семей к началу войны имело по два ребенка. Выяснилось, что 52 ребенка остались без отца, у них было голодное, трудное военное и послевоенное детство. Две девочки вовсе остались сиротами.

Соколов В. из упомянутых 70 человек большинство знал по фамилии и имени – 47 человек (Абрамов Николай, Васильев Григорий и др.), 5 односельчан – по фамилии, имени и отчеству (Соколов Петр Павлович, Павлов Наум Павлович и др.), 16 – по имени (Иван, Петр и др.), 2 – по родственным связям (муж Огашапая, брат Петра). Из 16 человек, записанных только по имени, у двоих указаны еще и прозвища (Горд Максим и Тёдьы Максим). В. Соколов свои записи сделал в преклонном возрасте, в 2015 г. ему было 83 года. Скорее всего, этим можно объяснить то, что многих солдат-односельчан (16 человек) он помнил только по именам. И не только временная дистанция имеет в данном случае значение. Национально-специфичной формой обращения к людям старшего поколения в деревенской удмуртской традиции является имя человека с компонентом *дядяй, агай* (‘дядя’) или термин родства. Порой (во внешкольном общении) и не вспоминали фамилии односельчан, в повседневной жизни в этом не было необходимости. Но записи В. Соколова сделаны в порядке расположения хозяйств в деревне, а старшее поколение, тем более дети военного времени, знало и помнило хозяев этих домов.

Дневниковые записи В.П. Соколова мы решили сверить со списком, составленным в 2017 г. детьми войны Василием Трофимовичем Александровым и Аркадием Северьяновичем Северьяновым [4]. Именно на основе данного списка в д. Шайтаново установлен памятник «Помним…», посвященный павшим в Великой Отечественной войне. Пообщавшись с В.Т. Александровым и А.С. Северьяновым, нам удалось восстановить имена и фамилии некоторых

людей, упомянутых в дневнике В. Соколова (таких всего 17 человек). Например, солдат под именем Иван, записанный в дневнике, есть Иван Петров. Это несложно было определить благодаря записям в тетради имен его дочерей – Вассы и Лены.

Интересен тот факт, что число погибших односельчан на фронте в дневнике В. Соколова и в списке В. Александрова и А. Северьянова отличается: по дневнику – 42 человека, по списку – 44. В связи с этим имена земляков, павших на войне, были сверены по списку воинов, включенных в «Книгу памяти» [2].

Во всех трех источниках совпадают имена только 33 погибших на фронте солдат, а 13 человек упомянуты не во всех источниках. Например, 7 человек из тетради В. Соколова отмечены и в списке В. Александрова, но их имен нет в «Книге памяти» (Красноперов Кондратий, Никонов Карпуш и др.). 1 человек (Васильев Михаил), упомянутый в дневнике, отсутствует в списке В. Александрова и А. Северьянова, но есть в «Книге памяти» и т.д. Это можно объяснить тем, что при написании воспоминаний, при сборе информации для внесения в «Книгу памяти», далее при составлении списка погибших на фронте участвовали люди, которые не могли помнить и знать всех. Смысл нашей исследовательской работы как раз заключается в том, чтобы восстановить имена всех односельчан-участников войны и память о них, используя разные источники, и занести их в книгу памяти, а также в историю деревни.

Таким образом, работая над данной темой, мы пришли к выводу, что тетрадь В.П. Соколова – это военная летопись д. Шайтаново и ее жителей. Изучение дневника позволяет говорить о том, что 60 % всех участников из нашей деревни не вернулись с фронта. А большинство тех, кто вернулся, имели ранения.

Проведенное исследование дало нам большой опыт в разных направлениях: научились извлекать нужную информацию из источников, анализировать и обобщать ее. Изучение истории участников войны одной деревни, их жизненных перипетий показывает, что в судьбах отдельных людей отражается судьба всей страны, драматические страницы нашей общей истории.

Из 70 участников-односельчан Великой Отечественной войны нам удалось пока найти фотографии только 16 человек и разместить их на платформе Тильда [См: http://project3365463.tilda.ws/page16064781.html].

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив ГКУ «ЦГА УР». Ф. 437. Оп. 1. Д. 50.

2. Воины Алнашского, Граховского, Кизнерского, Можгинского районов Удмуртской Республики, погибшие в боях, умершие от ран, пропавшие без вести в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1 / сост. В.П. Борисов и др. Ижевск: Удмуртия, 1993. 531 с. (Книга Памяти. Рос. Федерация, Удм. Респ.).

3. Дневниковые записи Соколова Василия Павловича. Домашний архив Елены Павловой (д. Азаматово Алнашского района Удмуртской Республики).

4. Устные рассказы и список Александрова Василия Трофимовича и Северьянова Аркадия Северьяновича.

5. https://www.bbc.com/russian/russia/2013/05/130508_war_remains_unburried (дата обращения: 19.12.2022)

УДК 811.511.151

А.П. Пчёлкина, Е.М. Андрианова
Марий кугыжаныш университет
(Йошкар-Ола)

ЯКОВ ЭЛЕКСЕЙНЫН СЫЛНЫМУТЫШТЫЖО ВАШЛИЯЛТШЕ ВЕРШӦР ЛӸМ-ВЛАКЫН СТРУКТУР-СЕМАНТИКЕ ОЙЫРТЕМЫШТ

Статья посвящена исследованию топонимов, которые встречаются в произведениях марийского писателя Я. Элексейна. Целью работы является структурно-семантический анализ топонимов, прежде всего ойконимов.

Ключевые слова: *марийский язык, ономастика, топонимы, семантическая структура, морфологическая структура.*

The article is devoted to the study of toponyms that are found in the works of the Mari writer Yakov Eleksein. The aim of the work is the structural and semantic analysis of toponyms.

Key words: *the Mari language, onomastics, toponyms, morphological structure.*

Кызытсе марий йылмышанчыште топоним нерген чӱчкыдынрак возаш тӱҥалыныт. Вет тудын гоч калыкын илышыже, эртыме корныжо, эсогыл материальный да духовный тӱвыраже мыняр-гынат почылтеш. Илен-толын илем лӱм-влак йомын, пытен кертыт, тӱрлӧ семын вашталтыт. Кушкын толшо самырык-влак шинчышт манын, вершӧр лӱм-влакым погыман да шымлыман, нунын дене калыкым кумданрак палдарыман.

Вершӧр, ты шотыштак ял, лӱм-влакын кузе лиймышт ономастикыште веле огыл, а тӱрыс йылмышанче, тыгак историй, этнографий да географий аланлаштат пеш кӱлешан йодышлан шотлалтеш.

Пале, топонимике – ономастикын посна ужашыже. Тӱрлӧ лӱм коклаште ик эн кугу верым вершӧр лӱм-влак айлат. Южо пӱртӱс объектын лӱмжым, поснак микротопоним-влакым, тӱжем ий ончычак шочыныт гынат, ме мутерлаште муын огына керт, нуно калык коклаште веле, шагал огыл посна кундемысе еҥ-влаклан гына палыме улыт. А икмынярже, лӱмым пуышо еҥын уке лиймыже дене, кучылталтмымат чарнен да йӧршешлан мондалтын. Но шуко вершӧр лӱм таче кече мартеат аралалт кодын. Шукерте огыл гына лийше лӱм-влакымат ятыр вашлияш лиеш. Чыла ял лӱмым умылтараш – паша куштылго огыл, вет нуно тӱрлӧ йылме помышышто вий-куатым погеныт.

Ятыр топонимым марий шымлызе-влак «Вопросы марийской ономастики» серийысе сборниклаште (1978–2001) почын пуэныт. Нунын коклаште И.С. Галкинын, Ф.И. Гордеевын, С.Я. Черныхын, А.Н. Куклинын, В.В. Кузнецовын да молынат пашаштым ончыкташ лиеш. И.С. Галкин ден О.П. Воронцован, А.Н. Куклинын, А.Л. Пустяковын марий вер-шӧр лӱм-влак нерген шымлымашышт (мутер да монографий семын) посна книга денат савыкталтыныт.

Кажнылан шке кундемже нимо деч лишыл да йӧратыме. Сылнымутчо-влак гын шочмо вершӧрыштым, моторлыкшо дене кугешнен, произведенийлаштышт моктат, тыге туддене лудшо-влакым палдарат. Морко кундемын эргыже Яков Алексеевич Элексейнат шочмо-кушмо вершӧржын пӱртӱсшым мастарын сӱретлен. Тудо шке творчествыштыже калыкын илышыжым латкандашымше курым гыч тӱҥалын колымшо курымын кумлымшо ийлаж марте ончыктен. Писательын произведенийлаже марий литературышто реализмлан йол ӱмбак шогалаш, ончыко тошкалаш полшеныт. А тиде изи паша огыл. Яков Элексейн лудшыжым илышым йӧраташ, шинчасорта семын аралаш туныктен, шонымыж семын, у, волгыдо илышым чоҥаш уло кумылын ӱжын.

Яков Элексейнын сылнымутыштыжо шагал огыл топоним вашлиялтеш. Семантикышт велым, лӱмдалтме негызышт велым нуным тӱрлӧ тӱшкалан шелаш лиеш:

1. У верыш эн ончыч илаш толшо еҥ-влакын лӱмыштым нумалше ял да южо моло вершӧр лӱм-влак:

Алдиар чоҥга. Алдиар чоҥга манына [3, с. 34].

Аман энгер. Аман энгерыште латкок пай дене ик заводым ыштеныт [2, с. 40].

Пектейсола. Ачийже коленат, Пектейсолаш марлан каен, пеленже мыйым нангаен [2, с. 247].

Тойкансола. Чу, Тойкансола гыч толмекше, Когойлан каласем [3, с. 16].

Эпайсола. Эпайсола гыч Онис кувам кондышаш, тудо пеш палыман [3, с. 17].

2. Вершӧрын ойыртемжым ончыктышо лӱм-влак:

а) шуко марий ял энгер, куп, ер, корем воктене верланен, да нине географий объект лӱм-влак ял лӱмыштат, икымше але кокымшо ужашыште, каласалтыт:

Изэнгер. Нине Изэнгер ялысе Чопай ден Йыван икмыняр кече Комбо Шӱргӧ чодыраште илат [1, с. 23].

Кужэнгер. Кужэнгер ялыштат кас рӱмбык леведын [1, с. 16].

Купсола. Крымский упшыжлан теве Купсола Чорек Эчей мераҥ упшым конда – налат [2, с. 60].

Купшеҥгал. Пӧръеҥже – Лавырасола Тымапий, ӱдырамашыже – Купшеҥгал Кузьман вате, Опиня кува [3, с. 12].

Купъял. Тыге Купъял марий, алтенче Йыван, ӧран вочко кӱжгыт кагаз орам, сар нерген сӱретым ужален коштын [2, с. 214];

б) чодыра, иктаж-могай пушеҥге дене кылдалтше ял лӱм-влак: *кожла, чодыра, ото* да посна кундемысе марий-влакын йылмыштышт вашлиялтше моло шомак. Тыгай мут-влак чодыран могай-гынат ойыртемжым ончыктат, утларакшым сложный але йыжыҥан топонимын икымше ужашыштыже лийыт:

Изи Кожлаял. Шочынам Изи Кожлаялеш [2, с. 5].

Кожласола. Тудо Кожласола ял гыч [2, с. 13].

Пистер ото. Шола велыште – Пистер ото [3, с. 20].

Пызлынур. Ошкедыме корныштПызлынур пасум кокыте шелын [2, с. 191].

Шопкеръял. Пӧтр шке ялже деч лучко меҥге коклаште, Шопкеръялыште, поян Каври дене ила [1, с. 12];

в) вершӧрын ойыртемжым ончыктышо вершӧр лӱм-влак, эн ончычак ойконим-влак: *нур, курык, лап, олык* да тулеч молат (шукыж годым топонимын кокымшо ужашыжым ыштат):

Лопнур. Лопнур Росковийым ужде омак кае [1, с. 22].

Яранур корем. Тунам Яранур корем гоч коштмо изи корно дене кок пӧръеҥ толын шогалеш [3, с. 53].

Карман курык. Эрдене кынеламат, окна гыч ончалам – мыйын ваштарешем Карман курыкат, кынелын, вуйжым ончыктышыла коеш [3, с. 66].

Пызлынур (пример кӱшнӧ);

г) иктаж-могай вершӧр объектым ончен, ялын верланыме ойыртемже (пале-влак: *ӱлыл, кӱшыл, ӱмбал, тӱр;* нуно эре гаяк ял лӱмын кокымшо ужашыштыже каласалтыт):

Вончыдӱр. Вончыдӱр ялыште шонго Элексей кугыза салтак вате пошкудыж дене империалист сар мучко уло пашам пырля ыштен илен [2, с. 52].

Коремтӱр. Япык Коремтӱр ялеш шочын, Адиар Йыванын эргыже [2, с. 37].

Купшеҥгал. Пӧръеҥже – Лавырасола Тымапий, ӱдырамашыже – Купшеҥгал Кузьман вате, Опиня кува [3, с. 12].

Кӱкшӱмбал. Кас велеш Кӱкшӱмбал ял гыч Тоймаксолашкыла тайыл почешла кок пӧръеҥ ошкеда [2, с. 190].

Нелмаштӱр. Нелмаштӱр ял [3, с. 27].

Памаштӱр. Памаштӱр олык [2, с. 46].

Пӱнчыдӱр. Мый Лычийым Пӱнчыдӱрыш Осман Поликарлан шынден колтышашлык улам, марлан пуэна [2, с. 115].

Шордӱр. Волгалтме годым Шордӱр могырышто кок гана пычал йӱк мӱгыралтыш [2, с. 171].

Шоръмбал. Шоръмбал гыч [2, с. 250].

3. Янлык, кайык лӱм дене кылдалтше ял лӱм-влак:

Йӱксӧ ото. Кече шичме годым Чепиш ден эргыже, пакча шеҥгек лектын, Йӱксӧ ото могырыш ошкыльыч [3, с. 82].

Комбо Шӱргӧ чодыра. Комбо Шӱргӧ чодыра [1, с. 22].

Маскародо. Имньым кычкат, Маскародо ялыш кудалеш [2, с. 131].

Писательын сылнымутыштыжо вашлиялтше топоним-влак чоҥалтме йӧнышт денат тӱрлӧ улыт. Тыге морфологий структур могырым нуно кум кугу тӱшкалан шелалтыт: проста, сложный да йыжыҥан.

1. Проста лӱм-влак ик мутвож гыч шогат. Нунын коклаште посна суффикс полшымо дене лийше шомак-влакат вашлиялтыт. Мутлан, *-ер* суффикс шуко икгай предметым (пушеҥгым, вондым, кӱнчен лукмо поянлыкым) иктешлен палемда да у мутым ышта: *писте* (ик писте) – *пистер* (шуко писте), *кӱ – кӱэр*. Тыге пушенге лӱм-влак коррелятивный оппозицийым (ваштарешла улшо мужырым) ыштат. Сылнымутан произведенийлаште, Я. Элексейнын возымаштыже, проста топоним-влак шагал вашлиялтыт, мутлан: *Арын, Морко, Какшан.*

2. Композите-влак лексике-синтаксис, лачшым ушалтмаш (подчинений), йӧн дене лийныт. Пример-влак ончыктымо семын, нуно чыланат кок шомакым (муттӱҥым) ушымо дене ышталтыныт: *Вончыдӱр* – вончо + дӱр (тӱр), *Изэҥер* – изи + эҥер, *Кожласола* – кожла + сола, *Кугусола* – кугу + сола, *Купсола* – куп + сола, *Маскародо* – маска + родо, *Лопнур* – лоп + нур, *Олыкъял* – олык + ял, *Тоймаксола* – Тоймак + сола да т.м.

3. Йыжыңан лӱм-влак посна шогышо кок але утларак мут гыч лийыныт. Посна шогышо шомак шке структуржо дене шукыж годым проста (суффикс деч посна да шуэн суффиксанат) лиеш: *Йӱксӧ ото, Алдиар чоҥга, Аман энер, Карман курык, Кӱчык памаш, Нӧреп ото, Пистер ото, Пӧчыж куп, Кӱчык памаш ото, Нужа икса корем.*

Яков Алексеевич Элексейн шке произведенийлаштыже топоним-влакым кӱлеш годым моштен кучылтын. Тыгай шке (собственный) лӱм-влак самырык тукымлан мемнан кугезе коча-кована-влакын кушто, могай вершӧрыштӧ илымыштым, тыгак мом ыштымыштым почын пуаш полшат. Топоним-влакым шымлен, калыкнан историйжым, илыме кундемжым утларак келгын умылен налаш лиеш, садлан вершӧр, ты шотыштак ял, лӱм-влакым шерге поянлык семын аклыман да арален кодаш тыршыман.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Элексейн Я.* Ойлымаш ден повесть-влак. Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1955. 175 с.

2. *Элексейн Я.* Тоймак тукым: повесть-влак. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1987. 303 с.

3. *Элексейн Я.* Ӧрмӧк: повесть, ойлымаш, легенда. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 125 с.

УДК 811.351

А.Н. Сулейманова
Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение
«Средняя общеобразовательная школа № 16»
(г. Махачкала)

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО РАЗНООБРАЗИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (на примере Республики Дагестан)

Единство культуры и языка диктует важность осмысленного изучения межэтнических контактов в условиях глобализации, т.к. сегодня многие процессы, влияющие на сохранение языков,

обретают новые формы. Статья посвящена некоторым проблемам сохранения языкового разнообразия в Республике Дагестан в эру глобализации.

Ключевые слова: *дагестанские языки, билингвизм, ассимиляция, глобализация.*

The unity of culture and language makes it important to meaningfully study the interethnic contacts in the context of globalization determined by the new forms affecting the preservation of languages nowadays. The article is devoted to some issues of preserving linguistic diversity in the Republic of Dagestan during globalization.

Key words: *Dagestan languages, bilingualism, assimilation, globalization*

В развитии мира начиная с 1970-х гг. одним из главных стал процесс глобализации, на который нужно обратить пристальное внимание, потому как интеграция мирового населения – это явление одновременно как положительное, так и отрицательное. К примеру, сближение населения Земли ставит под удар современную яркую и пеструю мозаику культур, соответственно, и языков [4]. По поводу реальности потери языковой идентичности в результате процесса глобализации опасения высказывают представители интеллигенции даже многочисленных народов [2], не говоря уже о представителях интеллигенции малочисленных народов. Поэтому мы намереваемся отметить отдельные проблемы сохранения языкового разнообразия в наступившую эпоху на примере многонационального Дагестана.

На данном этапе в русле глобализации в структуре дагестанских языков усиливается такое явление, как интеллектуализация – повышение уровня образованности дагестанцев. Так, с вхождением русского языка в обиход как функционально доминирующего компонента двуязычия происходит интернационализация дагестанских языков, что проявляется в сближении их с более развитыми языками [3]. В условиях двуязычия формируются две языковые картины мира, что четко прослеживается в русско-дагестанских и дагестан-

ско-русских переводах. При этом переводческие заимствования могут надолго, а то и навсегда остаться принадлежностью конкретного текста или появиться в оригинальных национальных (чаще художественных) произведениях [1; 6; 9] и подобным образом попасть в общеупотребительную лексику местных языков.

Перед этим неоднозначный эффект в области этноязыковых процессов возымело также несколько смен орфографической системы (арабской – латинской – русской) на протяжении жизни одного поколения дагестанцев, с одной стороны, способствовавшей созданию национальной прессы, литературы, театра, развитию образования и наук, с другой [10] – приведшей к ограничению сферы функционирования языков местного населения.

Все вышеуказанные процессы усиливаются глобализацией и достаточно быстро меняют языковую картину в Дагестане, привнося в нее интернациональные реалии, вследствие чего со временем, по нашему субъективному мнению, это может привести к стиранию границ между местными языками, вплоть до образования единого дагестанского языка, тем более когда здесь уже наблюдается феномен общедагестанской идентичности [7] и выраженное сознание принадлежности к единому народу (дагестанцам).

Таким образом, являясь стимулом развития мировых языков, глобализация (вместе с уже наблюдавшейся ассимиляцией и урбанизацией) негативно влияет на степень сохранности национальных языков малочисленных народов нашей республики, из которых иные находятся на грани вымирания [8]. В Дагестане наиболее остро этот процесс ощущается в горных районах, где ежегодно сужается ареал функционирования традиционного хозяйства, а вне естественной среды языки малочисленных народов Дагестана могут сохраняться лишь в пределах мононациональных территорий. Из всех языков, представленных в республике, относительно благополучная картина наблюдается лишь у многочисленных народов (аварцы, даргинцы, лезгины и др.). Языковая ситуация большинства малочисленных народов республики является критической. Тенденция утраты родного языка наметилась еще с 1980-х гг.: на данном этапе в дошкольных образовательных учреждениях отсутствуют группы

с общением на дагестанских языках [5]. Основной причиной деградации местных языков сегодня считаем резкое снижение бытовой коммуникативной функции, т.е. в семьях с детьми редко говорят на родном языке, большинство родителей не считает обязательным посещение детьми уроков родного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гусейнова П.М.* Русские заимствования в даргинском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2002. 24 с.

2. *Зайнуллин М.В.* Проблемы развития и сохранения родных языков и национальных культур в эпоху глобализации // Проблемы востоковедения. 2012. № 3(57). С. 57–61.

3. *Исмаилова З.С.* Лексико-семантическое взаимодействие русского и лакского языков в организации художественного текста: дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2011. 153 с.

4. *Казакова О.М.* Национальный менталитет в языковой картине мира: на примере сопоставления русскоязычной и англоязычной картин мира: автореф. дис. … канд. филос. наук. Барнаул, 2007. 19 с.

5. *Магомедов Д.М.* Проблемы сохранения и развития дагестанских языков в условиях глобализации // Сохранение и развитие национального языка в условиях глобализации: современные методы и технологии: материалы II Междунар. науч.-методол. конф. (Майкоп, 27 окт. 2020 г.). / сост., ред. С.Х. Анчек. Майкоп: Магарин О.Г., 2020. С. 65–68.

6. *Магомедов М.И.* Русский язык в многоязычном Дагестане: функциональная характеристика. М.: Наука, 2010. 182 с.

7. *Магомедханов М.М.* Дагестанцы: этноязыковое многообразие и культурная идентичность: автореф. дис. … д-ра ист. наук. СПб., 2010. 67 с.

8. *Ридченко Н.О.* Национальные языки в эпоху глобализации // Евразийский научный журнал. 2016. № 7. С. 293–294.

9. *Сулейманова Ф.Н.* Средства художественного стиля лезгинского и русского языков (на материале переводных текстов): дис. … канд. филол. наук. Махачкала, 2012. 172 с.

10. *Шахбанова М.М.* Этноязыковые процессы в Дагестане // Социологические исследования. 2011. № 2(322). С. 71–77.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абукаева Любовь Алексеевна	д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Акшиков Александр Геннадьевич	канд. ист. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Андрианова Елена Михайловна	канд. филол. наук, доцент кафедры финно-угорской и сравнительной филологии ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
Байгузина Светлана Аркадьевна	заведующая Домом-музеем В.М. Васильева (19.12.2006–28.02.2018) (с. Сусады-Эбалак, Янаульский район, Республика Башкортостан)
Батяев Василий Федорович	д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела экологии традиционной культуры ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси»
Беленов Николай Валерьевич	канд. пед. наук, доцент кафедры ИКТО ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»
Бояринова Галина Никитьевна	канд. филол. наук, доцент кафедры марийского языка и литературы ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
Водясова Любовь Петровна	д-р филол. наук, профессор кафедры родного языка и литературы ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева»
Гильмитдинова Елена Максимовна	заведующая Домом-музеем В.М. Васильева (с. Сусады-Эбалак, Янаульский район, Республика Башкортостан)
Глухова Наталья Николаевна	д-р филол. наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Душенкова Татьяна Рудольфовна	канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела филологических исследований УИИЯЛ Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН
Епанешникова Мария Олеговна	магистрант ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Забышная Галина Владимировна	магистрант ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси»
Зайцева Татьяна Ивановна	д-р филол. наук, доцент, заведующий кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Зеленеева Гульнара Султановна	канд. ист. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Земскова Елизавета Владимировна	младший научный сотрудник отдела музыкально-исполнительского искусства ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», филиала «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы»
Иванова Галина Сафроновна	д-р филол наук, доцент, профессор кафедры мордовских языков ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
Иванова Наталья Васильевна	преподаватель кафедры английского языка Морского технического колледжа им. адмирала Д.Н. Сенявина
Иликаев Александр Сергеевич	канд. полит. наук, доцент кафедры политологии и связей с общественностью Башкирского государственного университета
Ипакова Марина Тимерьяновна	канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кадерова Светлана Александровна	ассистент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
Кашкин Егор Владимирович	канд. филол. наук, научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Кельмаков Валей Кельмакович	д-р филол. наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Клёнов Алексей Максимович	главный архивист отдела использования и публикации документов ГБУ «Государственный архив Республики Марий Эл»
Ключева Мария Аркадьевна	канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ, старший научный сотрудник Института системного программирования им. В.П. Иванникова РАН
Костина Ксенья Георгиевна	старший научный сотрудник КНУ УР «Научно-исследовательский институт национального образования»
Кузнецов Александр Валерьянович	канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник центра регионального развития Чувашского республиканского института образования
Кузнецова Надежда Михайловна	мастер народных художественных промыслов Чувашской Республики, учитель начальных классов средней общеобразовательной школы № 60 г. Чебоксары
Макарова Елена Владимировна	студент 2-го курса направления подготовки «Филология» ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Максимова Ольга Михайловна	канд. филол. наук, доцент кафедры удмуртской литературы и литературы народов России института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Матросова Лидия Сидоровна	канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой марийского языка ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
Матросова Наталья Владимировна	заместитель декана по воспитательной работе, преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин и методики их преподавания ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
Михайлов Виталий Тимраевич	канд. пед. наук, доцент, заведующий лабораторией «Марийская школа» НОЦ языковых технологий «Марий йылме» ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
Мокшина Елена Николаевна	д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
Молотова Тамара Лаврентьевна	канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Мосина Наталья Михайловна	д-р. филол. наук, доцент, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
Некрасова Галина Александровна	д-р. филол. наук, доцент, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Некрасова Ольга Ивановна	канд. филол. наук, научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН

Низамова Лилия Равильевна	канд. социол. наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского федерального университета
Орлова Ольга Викторовна	канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Пекшеева Эльвира Ивановна	канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Пенькова Мария Викентьевна	канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Петрова Елена Никифоровна	старший преподаватель кафедры журналистики института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Понарядов Вадим Васильевич	канд. филол. наук, старший научный сотрудник Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук
Пчёлкина Аида Павловна	магистрант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»
Рябинина Екатерина Сергеевна	студент IV курса ГБПОУ РМЭ «Марийский республиканский колледж культуры и искусств имени И.С. Палантая»
Сафин Фаиль Габдуллович	д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. отделом этнополитологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН
Свечников Сергей Константинович	канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Сергеев Олег Арсентьевич	канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Сибатрова Серафима Сергеевна	канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ
Сиразетдинов Комил Олимович	аспирант отдела этнополитологии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН
Сулейманова Агасултан Нагметовна	учитель МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 16» (г. Махачкала)

Теуш Ольга Анатольевна	канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина»
Тяпкова Анна Ивановна	канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела экологии традиционной культуры ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси» (г. Минск, Республика Беларусь)
Цыплякова Ольга Юрьевна	канд. филол. наук, старший научный сотрудник ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»
Шугаева Татьяна Владимировна	канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела информационно-аналитического обеспечения исследований ГКУ РМ «Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»
Эрцикова Галина Алексеевна	канд. филол. наук, заместитель директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ

Для заметок

II ЎПЫМАРИЙ ЛУДМАШ
(II ВАСИЛЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ):
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ КОМПАРАТИВИСТИКИ

Материалы Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием
(Йошкар-Ола, 9–10 декабря 2022 г.)

ISBN 978-5-94950-120-7

Редактор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Дизайн обложки *М.М. Гайнутдинова*

Оригинал-макет подготовлен к печати в МарНИИЯЛИ.
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44.
Телефон: (8362) 64-19-28, 45-06-47
Т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 16.06.2023. Формат 60x84/$_{16}$.
Гарнитура Таймс. Печ. л. 31. Печать офсетная.
Заказ № 1261. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО ИПФ «Стринг»
424006, Россия, Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
корпус 101А, помещение 12-12А